

К. А. РУДЕНКО

БУЛГАРСКОЕ СЕРЕБРО

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

Казань, 2015

УДК 904(470.41)
ББК 63.444(235.54)
Р 83

Министерство культуры Республики Татарстан

Древности Биляра. Том II

Рецензенты:

А. А. Иванов, Государственный Эрмитаж, С.-Петербург
Д. К. Валеева, канд. искусствоведения, ГМИИ РТ, Казань
К. Г. Карачаров, ООО «Археологическая служба», Екатеринбург
С. А. Перевозчикова, канд. ист. наук, Институт истории и культуры народов Приуралья Удмуртского государственного университета, Ижевск

Р 83 **Руденко К. А.** Булгарское серебро. Древности Биляра. Том II. – Казань: Заман, 2015. – 528 с.: ил.

В книге К. А. Руденко, археолога и историка, доктора исторических наук, профессора Казанского государственного университета культуры и искусств, автора 12 монографий и более 300 научных публикаций, исследуется коллекция серебряных изделий X–начала XV вв. из археологических памятников эпохи Волжской Булгарии и Булгарского улуса Золотой Орды из музеев Казани, Елабуги, Болгарского и Билярского музеев-заповедников; а также других музеев Татарстана и России. Основу издания составляет каталог из 414 предметов, его предваряет исследовательская часть, в которой систематизированы и атрибутированы данные изделия. В книге также рассмотрены предметы, найденные за пределами Волжской Булгарии и считающиеся булгарскими. На основе этих данных автор раскрывает специфику булгарского ювелирного дела, особенности художественного и стилистического оформления изготавливавшихся предметов, выдвигает гипотезу о локализации центров производства различных категорий ювелирных изделий. Книга предназначена для специалистов-археологов, искусствоведов, историков, музейных работников, преподавателей вузов, школ, студентов, обучающихся по направлениям: декоративно-прикладное искусство, искусствоведение, музееведение, археология, а также всех, кто интересуется историей и культурой Татарстана и России.

ISBN 978-5-4428-0067-8

© К. А. Руденко, текст, 2015
© Издательство «Заман», дизайн, вёрстка, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ (вместо предисловия)	6
ВВЕДЕНИЕ	19
ЧАСТЬ 1. БУЛГАРСКОЕ ЧЕРНЕВОЕ ИСКУССТВО	40
ЧАСТЬ 2. БУЛГАРСКОЕ ИСКУССТВО ЗЕРНИ, СКАНИ и ПЛЕТЕНИЯ	140
ЧАСТЬ 3. БУЛГАРСКОЕ ИСКУССТВО ТИСНЕНИЯ, ШТАМПОВКИ, ЧЕКАНКИ, ГРАВИРОВКИ и ИНКРУСТАЦИИ	282
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	350
ЙОМГАК	352
CONCLUSION	355
КАТАЛОГ	359
ПРИЛОЖЕНИЯ	
ЛИТЕРАТУРА	507
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	526

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ (вместо предисловия)

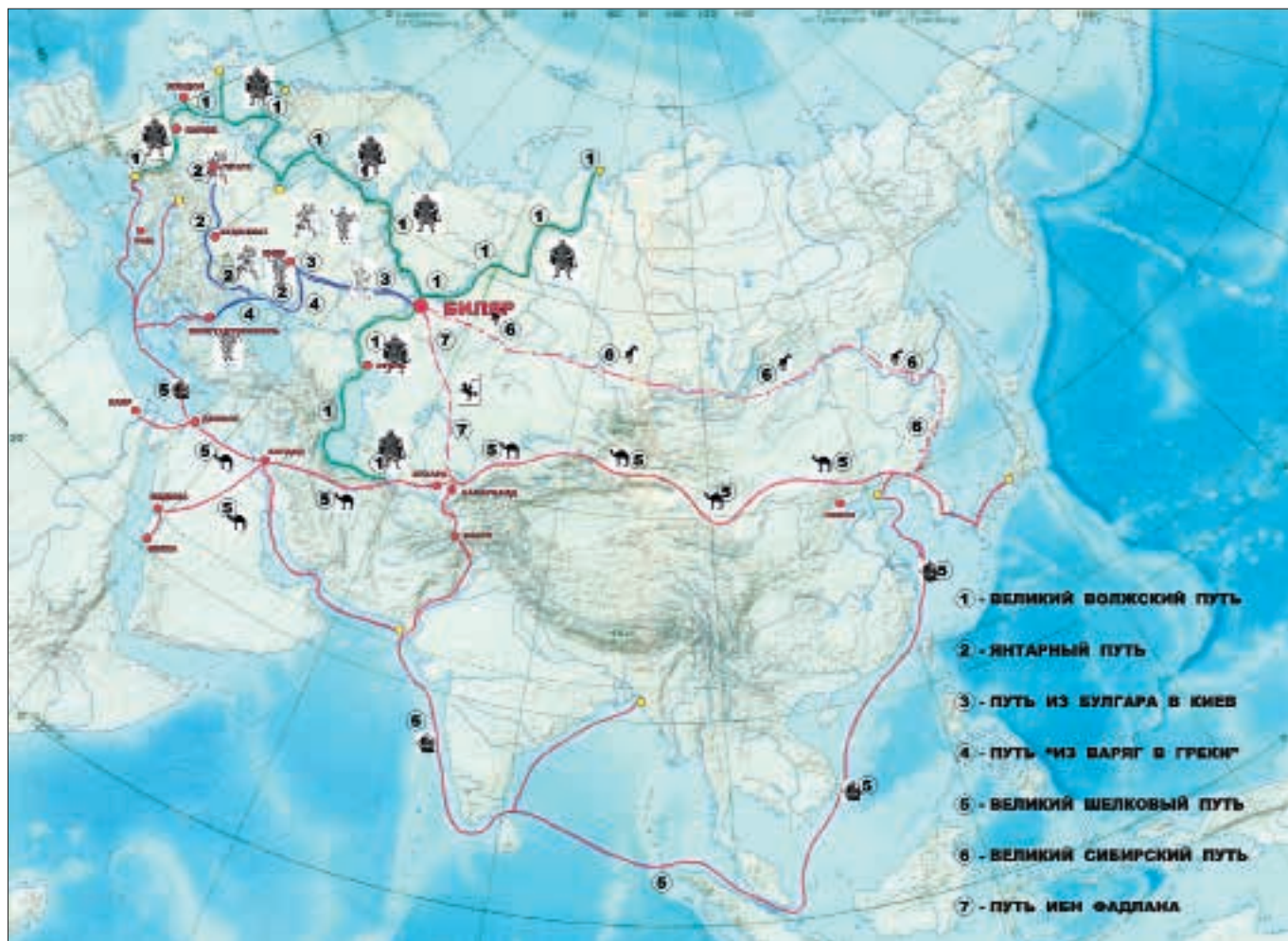
В эпоху средневековья в истории Восточной Европы важную роль играло государство Волжская Булгария, а после монгольских завоеваний в первой трети XIII в. – Золотая Орда, частью которой стало болгарское государство. Начиная с X в. Среднее Поволжье и Нижнее Прикамье, где располагалась Булгария, были центром ремесла, торговли, здесь развивались литература и искусство. В Булгарском улусе Золотой Орды традиции, сформировавшиеся ранее, были продолжены, они получили новое звучание и во многом были связаны с культурой нового государства.

Уникальность болгарской культуры заключается в том, что она была квинтэссенцией самых разных по своему происхождению элементов, сложившихся в единое целое, став оригинальным явлением мировой цивилизации. Материальная культура и искусство волжских болгар многоплановы и разнообразны. Какую бы мы ни взяли отрасль болгарского материального производства и в особенности художественных изделий, то не увидим простого повторения или копирования

каких-либо образцов или образов, хотя очевидно, что технологии, ассортимент продукции и особенности стиля восточной, русской или финской культуры булгарам были хорошо знакомы.

Выгодное географическое положение болгарского государства – на стыке трансконтинентальных торговых путей, функционировавших несколько столетий (**карта 1**), стимулировало развитие экономики, социальных и политических институтов, способствовало притоку новых идей, технологий, создавало условия для быстрого освоения культурных достижений других народов.

Булгары были не только активными потребителями чужих идей, включавших их в своё творческое действие, но и сами выступали как «законодатели мод» на обширном пространстве Волго-Камья (**карта 2**). Тем не менее можно констатировать, что культурное доминирование не нарушало гармоничного развития традиционной культуры соседних народов, не создавало переориентации вкусов и художественных

карта 1. Международные торговые пути в начале II тыс. н. э.

карта 2. Волжская Булгария и её соседи

карта 3. Волжская Булгария и исламский мир в X – XI вв.

предпочтений. Привозные товары распространялись чаще всего среди местной знати, а в немало числе случаев дорогие предметы болгарского производства (впрочем, как и поступавшие через болгар изделия дальнего импорта) приобретались не для личного потребления, а посвящались местным божествам и духам-покровителям.

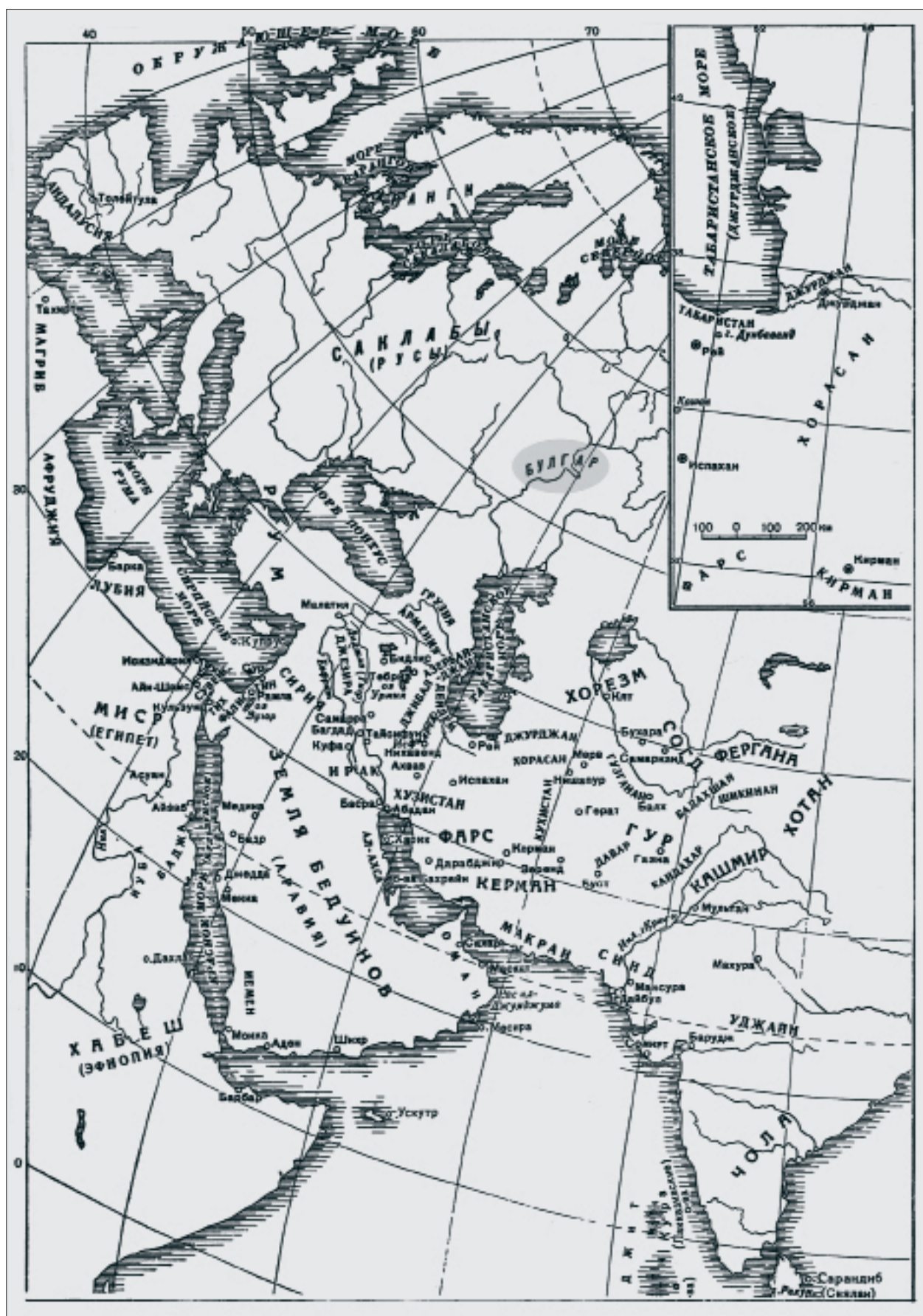
Что касается самой болгарской материальной культуры, то в ней тюркские традиции слились с финскими и славянскими, обогатившись и преобразившись под воздействием мусульманской культуры, которая стала определяющим фактором в выборе многих сюжетов в художественном творчестве болгарских мастеров, сохранив эту особенность на протяжении нескольких сотен лет (карта 3). Булгары были хорошо известны восточным географам и входили в число народов Ойкумены того времени, что отражало не только обширность знаний мусульманских учёных, но и реальные контакты, связывавшие болгарские земли с крупными центрами восточной цивилизации (карта 4).

Синкретичная основа болгарской культуры в области ювелирного профессионального мастерства, кроме восточных влияний и заимствований, была подкреплена воспринятыми через хазарские и русские изделия (отчасти и те же восточные предметы!) византийскими мотивами, существен-

но переработанными, но, тем не менее, достаточно отчётливо заметными в ряде произведений болгарских мастеров.

Особенно ярким явлением в этом отношении выступает болгарское ювелирное искусство. Несмотря на то, что собственных источников драгоценных металлов в Булгарии не было, местные ювелиры достигли значительных высот в своей профессиональной области, создав своеобразный и узнаваемый на фоне многочисленной ювелирной продукции соседних народов стиль изделий. Шедеврами ювелирного дела являются болгарские золотые подвески, в ряде случаев с изображением птицы (илл. 1). Специальное исследование показало, что они распространялись преимущественно на территории болгарского государства и только в единичных случаях попадали за пределы болгарских земель [Руденко, 2011б].

Удивительно, несмотря на то, что внимание учёных Волжская Булгария привлекала несколько столетий, начиная с XVIII в., изучение её материальной культуры (сведения письменных сообщений были весьма немногочисленны, и главным источником по её истории и культуре были и остаются по сей день археологические материалы) началось относительно недавно – с XIX в., а на должном научном уровне – только во второй половине XX в.

карта 4. Карта стран и народов, упоминавшихся Бируни (ок. 1000 г. н.э.)

илл. 1. Булгарские золотые филигранные височные подвески. XII в.

Более того, о самых ярких страницах болгарского художественного творчества в области ремесла (например, деятельности мастеров-ювелиров по золоту и серебру), несмотря на немалое количество научных исследований и значительные коллекции предметов, собранных в музейных фондах, в основном судили не столько по собственно болгарским материалам, а по находкам, сделанным за пределами территории средневекового болгарского государства – в Поволжье и Предуралье. Это породило мнение, что большая часть ювелирных болгарских изделий вывозилась за пределы государства и уровень потребления этих изделий внутри Булгарии был невысок. В качестве примера и одновременно доказательства этого тезиса приводились находки сасанидской посуды в Прикамье, сделанные в XIX в. в количествах весьма внушительных. Причём в последнем случае места этих находок были отдалены на огромные расстояния от места производства и бытования этих изделий (*карта 5*).

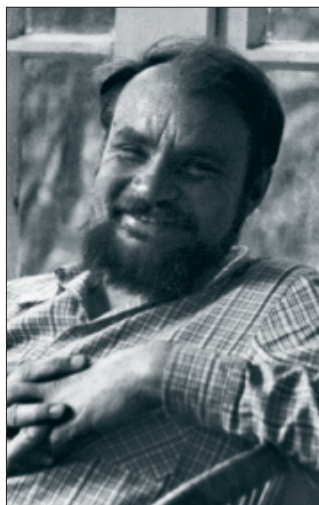

1 – место находок сасанидских сосудов
2 – место изготовления сасанидских сосудов

карта 5. Империя Сасанидов и Волго-Камье

илл. 2. А. П. Смирнов

илл. 3. Г. А. Фёдоров-Давыдов

Однако данное сравнение было не совсем объективным, поскольку игнорировало исторический контекст попадания сасанидских изделий в эти отдалённые места, что было связано с завоеваниями, сменой идеологии и религии в Иране после арабских завоеваний и т. п.

В случае с болгарской «легендой» такая трактовка давала вполне убедительное объяснение распространению изделий из драгоценных металлов, выполненных в сложной технике зерни и скани в Предуралье и Зауралье, учитывая то, что в исторической литературе прочно закрепилась гипотеза об исключительно торговом характере болгарской экономики, как и самого государства, которое рассматривалось как отлично отлаженный механизм, нацеленный исключительно на транзитные поставки товаров, обменные операции и производство массы товаров на экспорт. Каковы были признаки собственно болгарских изделий, которые производились именно в Булгарии, и как отделить их от подражаний, копий и т. п., было не очень ясно, по крайней мере чётко сформулировать это было сложно.

Отчасти эта ситуация была обусловлена тем, что изделия болгарского ювелирного ремесла, обнаруженные именно на территории болгарского государства, в силу разных причин оказались разбросанными по различным музеям России, прежде всего Москвы и Санкт-Петербурга. Даже крупнейшие собрания болгарских древностей в Казани были известны только по кратким публикациям первой трети XX в. Получить представление о болгарском ювелирном искусстве в этой ситуации было непросто. Это касалось в первую очередь древностей домонгольского периода – части историко-культурного наследия болгар.

Золотоордынская эпоха болгарской истории и её отражения в материальной культуре, несмотря на десятилетия исследований в 40–70-х гг. XX в. Болгарского городища – столицы Булгарского улуса, крупного города Золотой Орды, и достаточно быструю публикацию находок, благодаря подвижнической и самоотверженной работе коллектива работавших там археологов под руководством выдающегося учёного

А. П. Смирнова (илл. 2), была освещена ещё меньше. Сказывалось и то, что настоящее археологическое открытие древностей Золотой Орды произошло только в 1960–1980-х гг., после масштабных исследований экспедиций под общим руководством Г. А. Фёдорова-Давыдова (илл. 3). Потребовалось время, чтобы отойти от стереотипов, сложившихся в историографии и касавшихся культуры этого государства.

На основе данных археологических раскопок Г. А. Фёдоров-Давыдов в середине 1970-х гг. опубликовал по сути первое исследование [1976] об искусстве кочевников и Золотой Орды (илл. 4), в котором утверждалось, что культура ордынского государства – это явление оригинальное и особенное, а не отдалённое отражение погубленной монгольскими завоеваниями культуры покорённых и включённых в состав империи народов.

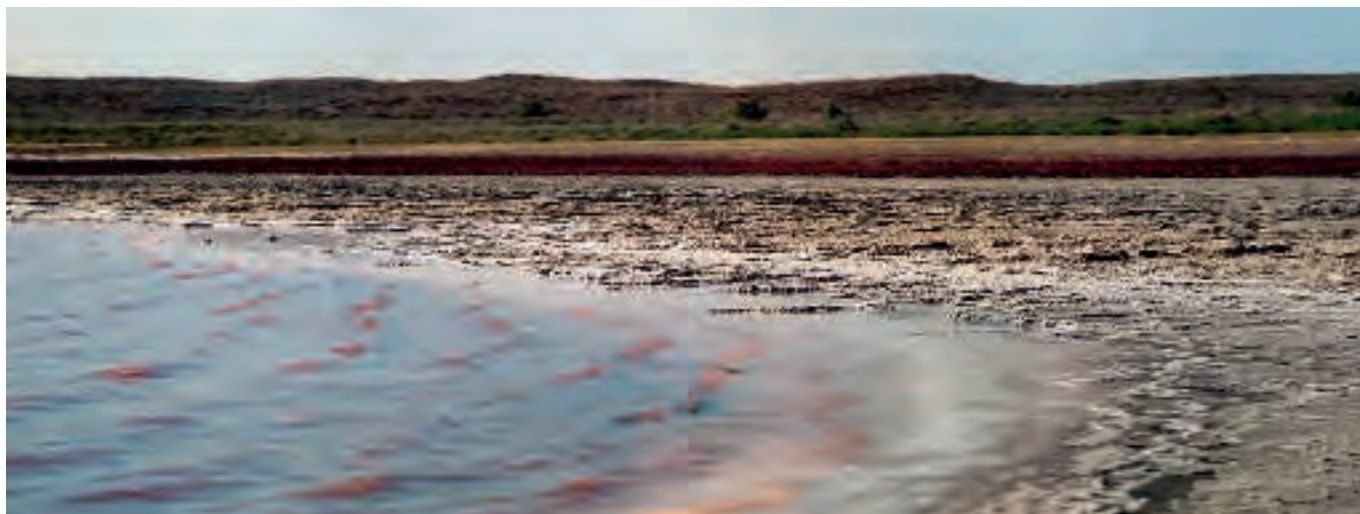
Вместе с тем общая, не особо позитивная оценка золотоордынского наследия стала меняться только в 1990-х – начале 2000-х гг., когда стали проходить выставки, публиковаться каталоги и исследования, касающиеся художественных сокровищ (прежде всего, ювелирных изделий) Золотой Орды. Неожиданно перед учёными открылся уникальный по своему разнообразию, многоплановости мир удивительной культуры великой империи.

Однако на этом фоне региональные особенности материальной культуры отдельных улусов этого государства, за исключением, например, Хорезма, выявить было трудно. Раскопки нижневолжских городищ – столиц Золотой Орды (илл. 5) и других памятников этого времени в Узбекистане, Казахстане, Молдавии, а также в Ростовской области, Краснодарском крае и других регионах России в 1980–1990-х гг. показали тесные внутриэкономические связи между различными частями Орды и активным обменом товарами широкого спроса, например поливной керамики, на обширных и достаточно удалённых территориях.

Немногочисленные предшествующие публикации, касающиеся золотоордынских ювелирных изделий, в том числе и из золотоордынской Булгарии, в какой-то мере поддерживали ту же версию о болгарской гегемонии на рынке ювелирной

илл. 4. Обложка книги Г. А. Фёдорова-Давыдова «Искусство кочевников и Золотой Орды»

илл. 5. Селитренное городище (Астраханская область) – остатки города Сарая, столицы Золотой Орды. Берег Ахтубы и соляное озеро. 2001 г.

продукции как в Поволжье, так и в Прикамье и Зауралье. Ряд категорий ювелирных изделий золотоордынского времени даже приобрёл наименование «булгарских», как, например, браслеты «булгарского типа» с изображением львиных морд (**илл. 6**). Специальные исследования М. Г. Крамаровским золотоордынской торевтики [1978; 2001] помогли снять ряд вопросов, связанных с местами производства золотоордынских ювелирных изделий, и выделить хотя и на относительно небольшом количестве материала несколько центров, в частности Крымского, а также освободиться от ряда условных терминов, как, например, с браслетами «булгарского типа»¹.

Вместе с тем, о специфике именно Булгарского улуса в области художественного металла говорилось немного. Попытка выделить бронзовые инкрустированные серебром

изделия XIV в., изготовленные по иранским, иракским и египетским образцам в Булгаре, была предпринята В. П. Даркевичем [1975; 1976]. Это несколько котелков и чаша из находок XIX в. на Болгарском городище (**илл. 7**). Однако кроме этих предметов никаких других инкрустированных изделий, которые можно было бы считать произведёнными в Булгарском улусе, не определено. Более того, инкрустированных серебром изделий булгарского производства домонгольского времени также не известно. В большинстве своём инкрустированные серебром предметы – импортные, как и большая часть торевтики, найденной на золотоордынских памятниках Булгарского улуса. Это заставляет усомниться в возможности процветания такого искусства в период кризиса Золотой Орды (вторая половина XIV в.) и напряжённой военной ситуации в Булгарском улусе в конце XIV – XV вв.

Учитывая эти обстоятельства, быстрое накопление археологического материала из Предуралья и Зауралья и ввод его в научный оборот в 1980–1990-х гг. создали парадоксальную

¹ Термином «булгарские» были обозначены и железные одноцилиндровые замки, находимые на Руси, хотя они тоже не были собственно булгарскими: они в это же время или чуть раньше производились и использовались в государстве чжурчженей и в государствах Средней Азии.

илл. 6. Серебряный браслет, найденный на Болгарском городище, XIV в. Собрание НМ РТ

илл. 7. Бронзовая чаша с серебряной инкрустацией, найденная на Болгарском городище. Иран, вторая половина XIII в. Собрание ГЭ

ситуацию, когда археологи-медиевисты стали значительно лучше представлять ювелирную продукцию, которая имела хождение за пределами Волжской Булгарии, и уже по ней оценивать и те изделия, которые встречались на болгарских памятниках. Эта объективно сложившаяся ситуация дала и вполне предсказуемое следствие – практически все серебряные изделия в скано-зерновой технике, найденные в Предуралье, а также отчасти в Зауралье, стали одним из критериев определения не только присутствия болгарского населения вне Булгарии, но и границ самой Волжской Булгарии. Эти же факты трактовались и в отношении возможностей и специфики экономики Булгарского улуса Золотой Орды.

Вышеперечисленные вопросы определили исследовательскую проблему и заставили обратиться к серебряным изделиям, найденным на болгарских памятниках. Цель данной книги – ввести в научный оборот ювелирные серебряные изделия, найденные на территории Волжской Булгарии и Булгарского улуса Золотой Орды, что не только позволит представить ассортимент собственно болгарской продукции, но и даст возможность оценить достижения болгарских мастеров в рамках развития самобытной и оригинальной болгарской цивилизации; выявить продукцию болгарских ювелиров за пределами Волжской Булгарии и распространение её в период Золотой Орды.

Мы не ставили задачей собрать абсолютно все известные на сегодняшний день артефакты, относящиеся к рассматриваемой теме. Использованы только те из них (преимущественно из музейных собраний), места находок которых точно известны. Рассмотренные изделия были *систематизированы* и проанализированы с использованием принятых в археологии методов. При необходимости привлекались дополнительные материалы, например, болгарские украшения из золота или находки с сопредельных территорий.

Другими аспектами, которые мы затронули, были вопросы *датировки, выявления характерных черт болгарской продукции* на разных хронологических этапах, её отличий от изделий, изготовленных в болгарских традициях, реплик и подражаний. Только отчасти были рассмотрены сюжеты, связанные с истоками болгарского сереброрудия и распространением болгарской ювелирной продукции как внутри го-

сударства, так и за его пределами. Где-то для этого недостаточно фактического материала, где-то требуется проведение специальных штудий, на междисциплинарном уровне, где-то нужны достаточно обширные новые полевые исследования. В дальнейшем, с накоплением данных, эти сюжеты могут быть развиты.

Интересной темой было выяснение *преемственности болгарского ювелирного дела* периода становления и развития государства Волжская Булгария, а также судеб этой отрасли производства после монгольского нашествия в золотоордынском государстве в целом и в Булгарском улусе Золотой Орды в частности.

Нами не рассматривались вопросы технологии изготовления серебряных изделий и состава металла – это дело будущих исследований, как и выявление сырьевых источников болгарского сереброрудия.

Материал в работе представлен по категориям: изделия черневые, скано-зерновые, плетёные из проволоки и тиснёные, чеканные, кованые и литые; внутри этих категорий, в ряде случаев, они сгруппированы по характеру декора, который наносился разными способами (черневые и скано-зерновые изделия). Отдельно рассмотрены несколько категорий предметов – серьги в виде знака вопроса и браслеты с изображением львиных морд и др. В книгу включён сюжет о серебряных изделиях за пределами Волжской Булгарии. Дополняет изложенный материал иллюстрированный каталог изделий.

Территориальные и хронологические рамки исследования. В работе проанализированы находки преимущественно с территории Волжско-Камской Булгарии и Булгарского улуса Золотой Орды. Границы этих образований полностью не совпадали, точнее в золотоордынский период обособленных административных единиц в рамках всей Золотой Орды не прослеживалось.

Источниками данного исследования являются материалы фондов Национального музея РТ, Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника, Билярского государственного историко-археологического и природного музея-заповедника, Государственного музея изобразительных искусств РТ, Национального культурного центра «Казань», музея археологии ИА РТ, частных собраний.

илл. 8. Национальный музей Республики Татарстан

илл. 9. А. Ф. Лихачёв

илл. 10. Вход в Казанский научно-промышленный музей им. А. Ф. Лихачёва. 1890-е гг.

Наиболее обширная коллекция серебряных болгарских изделий хранится в Национальном музее Татарстана (*илл. 8*). Это вещи из археологической части собрания казанского коллекционера А. Ф. Лихачёва (*илл. 9*), которое было основой фондов Казанского музея, основанного в 1895 г. и носившего до 1917 г. его имя (*илл. 10, 11*). Кроме того, сюда уже в советские годы поступили коллекции ОАИЭ, в том числе серебряные и золотые украшения. В 1920-х, 1940-х и 1960-х гг. музейное собрание пополнилось несколькими вещевыми кладами, состоящими преимущественно из украшений средневекового времени.

илл. 11. Зал лихачёвского отдела Казанского научно-промышленного музея им. А. Ф. Лихачёва. 1890-е гг.

илл. 12. Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник. 2014 г.

илл. 13. Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник. Музей болгарской цивилизации. Экспозиция. 2014 г.

Обширна коллекция предметов в фондах Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника (**илл. 12, 13, 14**). Золотые и серебряные изделия происходят из раскопок и сборов подъемного материала на Болгарском городище (**илл. 16**), а также из подъемного материала с памятников, разрушающихся Куйбышевским водохранилищем (I–V Семёновские, Измерское, Старокуйбышевские селища и Старокуйбышевское городище) (**илл. 15**).

илл. 14. Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник. Музей болгарской цивилизации. Экспозиция. 2014 г.

илл. 15. Измерское селище X – начала XIII вв. (Спасский район РТ). 2004 г.

илл. 16. Раскоп на Болгарском городище. 2014 г.

илл. 17. Билярский государственный историко-археологический и природный музей-заповедник. Археологический музей на Святом ключе. 2012 г.

илл. 18. Экспозиция Билярского археологического музея на Святом ключе. 2012 г.

илл. 19. Остолоповское селище второй половины X–XII вв. (Алексеевский район РТ). 2014 г.

Часть серебряных предметов из раскопок Билярского городища хранится в фондах Билярского государственного историко-археологического и природного музея-заповедника (**илл. 17, 18**). Также в фондах музея-заповедника хранятся находки с булгарского Остолоповского селища в зоне Куйбышевского водохранилища (**илл. 19**). Несколько интересных предметов происходит из фондов Музея изобразительных искусств РТ (**илл. 20**), а также Национального культурного центра «Казань» (**илл. 21**).

илл. 20. Государственный музей изобразительных искусств Республики Татарстан. 2012 г.

илл. 21. Национальный культурный центр «Казань» Республики Татарстан. 2012 г.

В ГИМ хранятся серебряные изделия, найденные у сс. Старое и Новое Альметьево, приобретённые П. И. Сизовым. В их составе две цепочки с желудевидными подвесками, 4 трёхбусинных кольца, круглые бляхи с петельками (инв. № 34707) (*илл. 22*).

Кроме того, из этих мест происходят витые браслеты и проволоочная гривна (инв. №№ 44109–4412) (*илл. 23*).

илл. 22.
Серебряные
подвески из
Ст. Альметьево
(Нурлатский
район РТ), XIII в.
Собрание ГИМ

илл. 23. Серебряная шейная гривна из Ст. Альметьево
(Нурлатский район РТ), конец XII – начало XIII вв. Собрание ГИМ

Особого внимания заслуживает серебряная привеска с листовидными деталями с изображениями парных животных ((ГИМ, инв. № 45219). Она была приобретена П. С. Кузнецовым в 1908 г. К сожалению, точное место находки этого изделия не известно (из Казанской губернии) (*илл. 24*). Эти предметы экспонируются в XII зале (витрина 5) ГИМ.

Кроме того, были привлечены опубликованные материалы из собраний ГЭ, СОИМК. В сравнительном плане изучены экспозиционные и фондовые материалы областных, краевых, республиканских и ведомственных музеев: Муромского историко-художественного музея; Пензенского

илл. 24. Серебряная
парная подвеска из
Казанской губернии,
XIII в. Собрание ГИМ

краеведческого музея; Музея археологии Института истории и культуры народов Приуралья УдГУ; Музея археологии Коми НЦ УрО РАН (Сыктывкар); Пермского краеведческого музея; музея-заповедника Иднакар (Удмуртия); Музея археологии и этнографии Института этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН (Уфа); Свердловского областного краеведческого музея (Екатеринбург); Археологического музея УФУ им. Б. Ельцина (УрГУ), Музея археологии Алтайского государственного университета; Археологического музея СО РАН (Новосибирск), Минусинского краеведческого музея им. Н. М. Мартыанова; ХНКМ им. Л. Р. Кызласова (г. Абакан), Красноярского краевого краеведческого музея, а также научных фондов отдела археологии НИИЯЛИ им. Васильева (Йошкар-Ола); УИИЯЛ УрО РАН; отдела этнографии ИАЭ СО РАН.

Рассматривались также публикации материалов полевых археологических и этнографических экспедиций в Западной Сибири [Сынские, 2005], особенно касающихся изучения памятников средневековой эпохи и археологии Нового времени [Карачаров, 2006, с. 125–131].

Существенной помощью в исследовании болгарского материала была обширная научная литература по ювелирному делу восточноевропейского средневековья, в частности по древнерусскому ювелирному делу в целом: обобщающие труды Б. А. Рыбакова, Т. И. Макаровой, М. М. Постниковой-Лосевой, Т. В. Николаевой [Макарова, 1986; 1997, с. 60–63; Жилина, Макарова, 2008, с. 62–98; Рыбаков, 1971; Постникова-Лосева, 1981; Николаева, 1976; 1983], и исследования по отдельным направлениям и регионам И. Е. Зайцевой, Т. Г. Сарачевой, Н. В. Жилиной [Зайцева, Сарачева, 2011; Жилина, 2005, с. 21–170; 2010]. Использовались опубликованные отдельные категории серебряных украшений, важные для сравнительного анализа [Ельников, 2002, с. 252–258]. Важными были публикации серебряных украшений¹ Западного Предволжья, Предуралья и Западной Сибири [Белорыбкин, 2000; Белавин, 2000; Фёдорова, 2004].

¹ При анализе и систематизации находок ювелирных изделий из Посурья, Прикамья, Урала и Зауралья было высказано мнение, что практически все изделия из золота и серебра с использованием золочения, скани и зерни, найденные в этих регионах, болгарские.

ВВЕДЕНИЕ

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ СЕРЕБРА НАСЕЛЕНИЕМ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И НИЖНЕГО ПРИКАМЬЯ В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Использование серебра в истории человеческой культуры насчитывает несколько тысячелетий. В Египте и, возможно, на территории Древней Греции серебряные изделия известны в III тыс. до н.э.; есть свидетельства использования серебра на Кавказе в IV тыс. до н.э. [Jewelry, 1991, p. 27, fig. 17; Гришин, 1980, с. 29; Селимханов, 1970, с. 10–11; Бронзовый век, 2013, с. 308–309, кат. № № 20.1–20.3; 20.5, 20.6; 20.15; Перницка, 2013, с. 74]. В III–I тыс. до н.э. изделия из серебра широко распространяются в цивилизациях Старого Света [Сокровища Трои, 1996, с. 97, кат. № 103; Трейстер, 1996, с. 221, 222; Сокровища Египта, 2003, с. 402–404; Jewelry, 2013, p. 65]. Ассортимент изготавливавшихся из этого металла предметов весьма широк: посуда, украшения; использовалось серебро для декорирования различных изделий и тканей [Трейстер и др., 2010, с. 73–85; Фехнер, 1976, с. 222–225; Косурова, 2014, с. 14–20].

Крупнейшие серебряные рудники Древнего мира известны в Испании, Фракии, материковой Греции, Северной Африке (Ливии); в средневековые активно разрабатывались месторождения на территории современных Венгрии, Австрии, Чехии и Словакии [Казаков Б., 1991, с. 8, 10]. В отличие от золота серебро в самородном виде встречается весьма редко и чаще всего сопутствует другим цветным металлам, в том числе золоту и свинцу [Зубрилина, 2006, с. 24; Казаков, 1991, с. 7].

В европейской части России (до Предуралья) месторождений полиметаллических руд нет. Поэтому древние серебряные изделия, которые известны отсюда, очевидно изготавливались из привозного материала: монетного металла или утилизированных импортных изделий. Исследования, проведенные с целью выяснить источники поступления цветного металла на Древнюю Русь, показали, что южные и северные районы государства получали его из различных регионов: для Севера – Скандинавия и Прибалтика; для Юга – Византия, Западная и Центральная Европа [Ениосова, Сарачева, 2005, с. 18].

В этом отношении примечательно, что распространённой является гипотеза, согласно которой в средневековую эпоху Волжская Булгария также была поставщиком цветного металла (готовые сплавы или «чистые металлы») на Северо-Восточную Русь и, в частности, в вятическую зону металлообработки [Зайцева, Сарачева, 2011, с. 272]. Это мнение справедливо в том плане, что через Волжскую Булгарию на Русь действительно шла часть сырья, например, медный лом, чаще всего вышедшая из употребления медная посуда – котлы, ковши, кумганы и т.п. (илл. 25, 26), транзитом – свинец и олово, в X – середине XI вв., серебряные дирхемы (илл. 27), после чего в меньших масштабах – весовое серебро (илл. 28) и слитки различных сплавов цветных металлов (илл. 29, 30). Вновь массовый приток монетного серебра на Среднюю Волгу происходит уже в XIII в. (илл. 30), в эпоху Золотой Орды [Сингатуллина, 2003], однако в этот период серебро поступало уже из самой Руси в качестве ордынского «выхода». Характерны для этого периода массивные серебряные денежные слитки определённого веса (илл. 31).

илл. 25. Булгарский медный котёл, XII – XIII вв. Коллекция НМ РТ

илл. 26. Булгарский медный кумган, XIII в. Коллекция НМ РТ

илл. 27. Саманидские дирхемы X в. Коллекция НМ РТ

илл. 28.
Серебряные
слитки
XII – XIII вв.
из Волжской
Булгарии.
Коллекция НМ РТ

илл. 30. Серебряные монеты второй половины XIII – XIV вв. Коллекция НМ РТ

илл. 29. Серебряный слиток
XI – XII вв. из Волжской
Булгарии. Коллекция НМ РТ

В рассматриваемом регионе самое раннее использование серебра как декоративного материала зафиксировано на памятниках эпохи раннего железа, в скифское время. Это единичные предметы – накладки на конскую сбрую (илл. 32), сделанные из бронзы и покрытые сверху тонкой серебряной фольгой из Измерского VII могильника в Спасском районе РТ [Казаков, 1994, с. 108, 109, рис. 4-3]. Датированы они концом VIII – VII вв. до н. э.

В следующие 900 лет серебро населением Среднего Поволжья и Нижней Камы практически не использовалось. В сарматскую эпоху на этой обширной территории известна одна серебряная чаша, находившаяся в составе Ахтильского клада, обнаруженного в Менделеевском районе РТ [Древнее искусство, 1974, с. 192, № 108]. Она полусферической формы на кольцевом поддоне, с двумя ручками, украшенными рельефными поясками, со змеиными головками на концах. На дне чаши с внутренней стороны латинское клеймо – AFRICANVSF. В.В. Кропоткин датировал её I–II вв. н. э. [Кропоткин, 1970а, с. 86, рис. 61-7].

илл. 31. Серебряные слитки
второй половины XIII – начала
XV вв. Коллекция НМ РТ

илл. 32. Бронзовые накладки, обтянутые серебряной фольгой. Измерский VII могильник, конец VIII – VII вв. до н. э. Раскопки Е. П. Казакова. Фонды МА ИА АН РТ

илл. 33. Серебряные и медные пряжки, накладки, ободы из Тураевского курганного могильника (Менделеевский район РТ) конца IV – V вв. Раскопки В. Ф. Генинга

В могильниках Средневожья и Прикамья I–IV вв. встречаются статусные предметы из других материалов – меди, бронзы и даже золота. Это римская медная и бронзовая посуда, украшения [Кропоткин, 1970а, с. 93, 94, №807, рис. 56; 66-1–3; Степанов, 1980, с. 41–43]. Найдены бронзовые сосуды местной выделки, имитирующие позднеимские ситуты и котелки [тип: Симоненко, 2011, с. 46–48, 67, рис. 26; 45].

В *гуннскую эпоху* (IV–V вв.) серебряные изделия достаточно часто встречаются на территории Волго-Камья. Наиболее ранним памятником этой эпохи в Татарстане, где обнаружены серебряные украшения, является курганная часть Тураевского могильника в Менделеевском районе республики (**илл. 33**), датированная концом IV – началом V вв. н.э. [Генинг, 1962, с. 72–80]. Изделия из серебра не были редкими. Так, в одновременной грунтовой части того же могильника их нет [Голдина, Бернц, 2010, с. 147]. Однако севернее, в Удмуртском Прикамье, на памятниках ломоватовской культуры с V в. украшения из серебра становятся достаточно распространёнными [Голдина, 1985, с. 209, табл. I].

В V–VII вв., в *тюрко-хазарское время*, на Средней Волге появилось новое население (именьковская археологическая культура)¹, которое постепенно в течение нескольких столетий расселилось до Предуралья, освоив обширные степные и лесостепные пространства от Суры до Урала [Старостин, 1967]. Районом значительной концентрации именьковских памятников VI–VII вв. является территория современного

¹ Существует несколько гипотез о времени и характере появления этого населения. Вместе с тем можно утверждать, что на территории Среднего Поволжья массовое расселение именьковцев происходило в V–VI вв.

илл. 34. Серебряные сасанидские драхмы VI в. н.э. из Троицко-Урайского городища (Рыбно-Слободский район РТ). Раскопки П. Н. Старостина. Фонды БГИАПМЗ

Татарстана и Самарской Луки. В это время сюда стали поступать иранские серебряные монеты и другие предметы, использовавшиеся чаще всего как сырьё. Об этом можно судить по кладу середины VI в. н.э. на Кармалинском городище на Самарской Луке, включавшему серебряные украшения, лом, а также сасанидские монеты [Богачёв и др., 2013, с. 128–130, рис. 15; 16]. Серебряные иранские монеты эпохи Сасанидов (**илл. 34**) найдены на Троицко-Урайском городище в Рыбно-Слободском районе РТ [Старостин, 1977, с. 37]. Стоит сказать, что монеты этого времени встречаются в средневожских древностях и позднее. Например, сасанидские драхмы VI в. найдены в раннебулгарских некрополях: погребении 196 Большетарханского могильника второй половины VIII – начала IX вв. и погребении 537 Танкеевского могильника IX–X вв. [Казаков, 1992, с. 275; Морозов, 2005, с. 82, №№ 7, 8].

В именьковских могильниках с ингумацией, датированных VI–VII вв., имеются многочисленные серебряные украшения костюма, детали оформления конского снаряжения, лук седла и т.п. Вероятно, часть из них производилась на месте, часть была привозной. Наиболее ярко этот материал представлен в погребальном инвентаре захоронений Коминтерновского могильника в Спасском районе Татарстана, исследованного Е. П. Казаковым [Казаков, 1994, с. 97–150] (**илл. 35, 36**). Вероятно, с этим памятником связана находка серебряных и золотых украшений (**илл. 37**), в основном от поясного гарнитура (Коминтерновские находки), хранящихся в настоящее время в БГИАМЗ [Сокровища музеев, 1999, с. 68–69]. Ряд предметов из Коминтерновского могильника имеют аналогии в материалах, полученных при раскопках именьковских городищ в Предволжье, в частности II Тетюшском [Руденко, 2011, с. 111, рис. 14-6, 9] и Кармалинском [Богачёв и др., 2013, рис. 15; 16], а также в памятниках бахмутинской культуры Южного Урала [Мажитов, 1968]. Судя по находке клада ювелира второй половины VII в. на Кузубаевском городище в Удмуртии [Останина и др., 2011], можно предположить, что часть именьковских изделий из цветного металла (не исключено, что и из серебра) была местного производства. Серебряные украшения местные ювелиры могли изготавливать литьём (**илл. 38**) и штамповкой (**илл. 39**). Однако долю собственного производства изделий из драгоценных металлов в именьковской культуре ещё предстоит выявить.

илл. 35. Коминтерновский могильник VI – VII вв. именьковской культуры (Спасский район РТ). Расчистка погребения. Раскопки Е. П. Казакова 1987 г.

илл. 36. Коминтерновский могильник VI – VII вв. именьковской культуры (Спасский район РТ). Серебряные и бронзовые украшения из подъемного материала

илл. 37. «Коминтерновские находки» (Спасский район РТ). Детали поясного гарнитура из золота с инкрустацией бирюзой. Собрание БГИАМЗ

илл. 38. «Коминтерновские находки» (Спасский район РТ). Накладки из серебра. Собрание БГИАМЗ

илл. 39. «Коминтерновские находки» (Спасский район РТ). Серебряная пряжка. Собрание БГИАМЗ

илл. 40. Серебряные
кувшин и кубки из
Перецепинского
клада. Собрание ГЭ

VII в. – время образования в Приазовье Великой Булгарии хана Кубрата, а затем и огромного Хазарского государства, просуществовавшего до 60-х гг. X в., характеризуется значительной активностью булгарских племён в Приазовье, Подонье, Подонцовье – местах их расселения. Дошедшие до нас сокровища Кубрата (илл. 40) показывают, что элита приазовских булгар охотно пользовалась византийскими дарами: украшениями, посудой из золота и серебра [Сокровища хана, 1997]. Безусловно, разнообразная продукция византийских мастеров [Залесская, 2006, с. 41–78, № № 1–56; Garam, 2001, p. 419–423, taf. XXVI–4; XXVII–1; XXIX–1,2; XXX–3; XXXI–1] была востребована не только внутри империи¹, но и далеко за её пределами. Исследователи отмечают, что приазовская Великая Булгария, тесно связанная с Византией, способствовала сложению местных школ ювелиров в Поднепровье [Гавритухин, Обломский, 1996, с. 146]. Не исключено, что многое из ремесленных традиций византийско-славянских ювелиров сохранилось в дальнейшем в творчестве булгар Придонцовья, Подонья и волжских булгар.

Отметим, что большая часть «серебряного потока» в VI–VII вв. приходилась на Прикамье, только в малой степени затрагивая Среднюю Волгу и Нижнюю Каму. Особенно это заметно по находкам серебряных сасанидских монет VI–VII вв., десятки которых встречаются в Прикамских могильниках этого времени (например, Верх-Саинском) [Голдина, Перевозчикова, 2012, с. 323, 324]. Эта тенденция сохранилась и в VIII–IX вв. [Иванов, 1998, с. 110–112]. Высказано

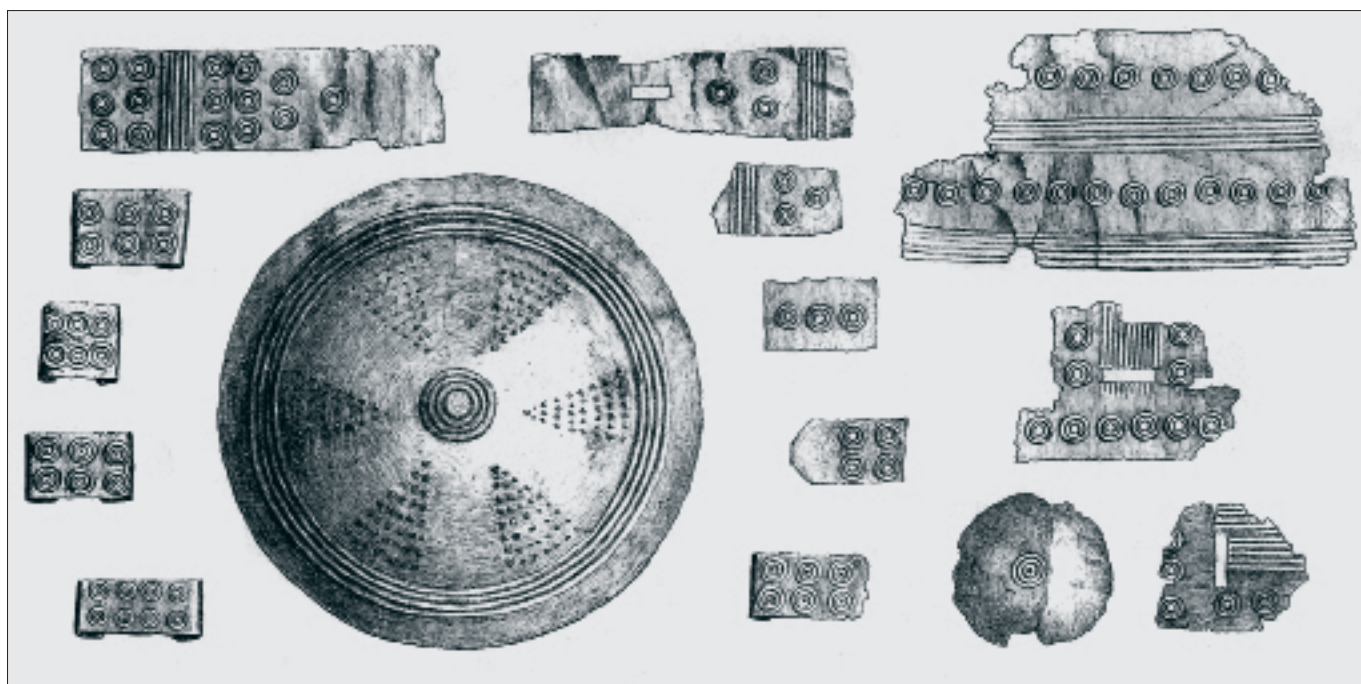
мнение, что Прикамье в VI–VII вв. испытывало несколько внешних импульсов. Маркирующим признаком этого считают так называемую геральдическую garniture, а также художественную металлическую (преимущественно серебряную) посуду [Голдина, 2012, с. 67–68].

Раннебулгарская эпоха на Средней Волге и в Нижнем Прикамье началась в середине – второй половине VIII в., с появления здесь булгар, переселившихся из Приазовья и Подонья в этот регион. До X в., на протяжении почти 200 лет, они сформировали здесь свою особенную культуру, имеющую много схожих черт как с салтово-маяцкой культурой Хазарии, так и с местными археологическими культурами народов Волго-Камья [Казаков, 1992]. Отдалённость волжских булгар от крупных центров производства ювелирных изделий как Хазарии, так и Византии, некоторая «отстранённость» от торговых путей, в тот период проходивших восточнее, наложили отпечаток на их материальную культуру, в том числе и на распространённость у булгар украшений, церемониальных или культовых предметов из золота и серебра.

Единичные случаи находок украшений из серебра зафиксированы в местах булгарского расселения на Волге. Например, интересный набор серебряных деталей костюма, происходящий из коллекции А. Ф. Лихачёва (кат. № № 151–179), был найден в районе Булгара (илл. 41). Это явно привнесённый комплекс, относящийся не к ранним булгарам, а к другому культурному кругу [Лещинская, 1995, с. 96, рис. 18–10–12, 22; Голдина и др., 2007, с. 136, рис. 70; 71].

На протяжении VII–IX вв. в Предуралье и Среднем Поволжье преобладал импорт серебряных предметов. Так, в VII в. в Пермское Прикамье поступают серебряные изде-

¹ О широкой популярности этого материала в зажиточных слоях византийского общества свидетельствует и тот факт, что из серебра делались даже парадные сандалии (VII в. н. э.) [Boucher, 2004, p. 154, fig. 250].

илл. 41. Серебряные детали нагрудника из коллекции А. Ф. Лихачёва. Рисунок из археологических таблиц А. Ф. Лихачёва 1868 г.

илл. 42. Серебряная гривна «глазовского типа» X в. из Прикамья

илл. 43. Серебряная пластинчатая гривна из Коминтерновского могильника (Спасский район РТ), VI – VII вв. Раскопки Е. П. Казакова. Фонды МА ИА АН РТ

лия согдийской и ранневизантийской торевтики [Голдина, Пастушенко, Черных, 2011, с. 128]. Значительное количество серебряных украшений (в том числе монет) встречается в древностях Волго-Камья с конца VII в. и, особенно, VIII – начала IX вв. В большей степени это относится к районам Прикамья и Предуралья. Какая-то их часть изготавливалась и местными ювелирами благодаря появлению достаточного количества сырья в виде привозных монет, серебряных украшений и посуды.

Отметим, что в Прикамье в IX – XI вв. формируются местные типы серебряных изделий, например гривны

«глазовского типа» [Иванов, 1998, с. 100, 101] (илл. 42). При этом в это же время они редко попадали на Среднюю Волгу и не имели здесь какого-либо существенного распространения, хотя позднее в виде рубленных кусочков они встречаются в булгарских кладах и на поселениях [Ильин, 1921, с. 20–23]. Причина этого не совсем ясна, поскольку серебряные пластинчатые серповидные шейные гривны встречались в Казанском Поволжье в VII в. у населения именьковской культуры (илл. 43), однако с появлением булгар в этой этнокультурной среде эта традиция угасла.

илл. 44. Серебряное блюдо из Репьёвского клада. Собрание ГЭ

илл. 45. Серебряное блюдо из Репьёвского клада. Деталь

илл. 46. Серебряная плетёная гривна из могильника Такталачук (Актанышский район РТ). Византия (?), рубеж VI – VII вв. Раскопки Е. П. Казакова. Фонды МА ИА АН РТ

В VIII–IX вв. в Предуралье попадают художественные изделия иранской работы [Тревер, Луконин, 1987; Нагрег, 1981] династии Сасанидов, к тому времени уже прекратившей своё существование, вместе с которыми достигал этих мест и художественный металл хорезмийского (согдийского) происхождения, а также из Византии [Голдина, Пастушенко, Черных, 2011, с. 128–129; Голдина, 2012, с. 71].

Ранее, в VII–VIII вв., такие находки были зафиксированы в Иско-Бельском междуречье и в бассейне р. Сылвы. Это серебряные изделия из могильников – Такталачукского, Иманлейского, Игимского, Чишминского VIII–X вв. [Казаков, 1981, с. 115–135; 1978, с. 8–31], Репьёвский клад [Даркевич, 1976, с. 86, табл. 11-1–3] (илл. 44, 45), а также многочисленные сылвенские клады и находки [Голдина, Пастушенко, Черных, 2011, с. 120–127]. Обнаруженное там большое число серебряных украшений костюма, кон-

ской упряжи говорит в пользу этой гипотезы. Отметим, что вышеперечисленные некрополи входят в обширную южноуральскую историко-культурную область, маркируемую кушнаренковской археологической культурой. Интересны своеобразные украшения из серебра – плетёные шейные цепочки, украшенные вставками (илл. 46). Р. Д. Голдина, детально исследовавшая находки таких изделий в Приуралье, пришла к выводу, что они были изготовлены в Византии на рубеже VI–VII в. и распространялись по р. Белой на север – до бассейна р. Сылвы [Голдина, Пастушенко, Черных, 2011, с. 136, рис. 98-100].

Сформировавшийся в VIII – начале X вв. на территории хазарского государства художественный стиль, где при работе с серебром использовались штамповка, литьё, чернение и позолота [Фонякова, 2010, с. 99, 100; Кочевники, 2012, с. 217, кат. № 606], какого-либо заметного влияния на волжско-булгарскую культуру не оказал. При этом изделия, прежде всего поясной гарнитуры, выполненные в этом стиле (илл. 47), часто встречаются в Поветлужье и Приочье [Никитин, Никитина, 2004, с. 110, кат. № 64, 65; Иванов, 1952].

В IX – начале XI вв. территория Среднего Поволжья становится перевалочным пунктом восточного монетного серебра (илл. 48), ставшего, наряду с вышедшими из употребления изделиями, сырьевой базой на начальных этапах развития булгарского серебрodelия. Косвенным свидетельством освоения булгарами технологий обработки серебра была чеканка собственной булгарской монеты с начала X в. (илл. 49), распространившейся как в Поволжье, так и в Восточной Европе в целом [Кропоткин, 1970, с. 146–150]. В IX – начале X вв. серебро в виде украшений костюма и причёски, погребальных лицевых покрытий – масок и наглазников, хорошо известных по материалам Танкевского могильника, встречается у булгар [Казаков, 1968, с. 229–239; Chalikova, Kazakov, 1977, s. 175, 177, 179, pl. Ia-3; IIIa-1; Vc-6]. Весьма разнообразны серебряные изделия Большетиганского могильника раннебулгарского времени [Chalikowa, Chalikow, 1981].

илл. 47. Серебряные поясные накладки с позолотой и чернью. Дубовский могильник IX – XI вв. (Республика Марий Эл). Раскопки Г. А. Архипова. Фонды МарНИИЯЛИ

илл. 50. Серебряные поясные накладки из Большеитиганского могильника IX – начала X вв. (Алексеевский район РТ). Раскопки Е. А. Халиковой. Фонды АМ П(К)ФУ

илл. 48. Серебряный дирхем X в. (Саманиды). Собрание НМ РТ

илл. 49. Серебряный дирхем, чеканенный в Волжской Булгарии в начале X в. Собрание НМ РТ

илл. 51. Бронзовая накладка с Измерского селища второй половины X – XII вв. Собрание НМ РТ

Булгарское серебрodelие возникло не на пустом месте: в VIII–IX вв. булгарами изготавливались украшения из бронзы и меди, чаще всего детали поясного гарнитура. Среди них преобладали литые предметы, иногда изготовленные по восковой модели с использованием матрицы [Мурашова, 1997, с. 21]. Изготавливали накладки и пряжки, видимо, в большом количестве, и пояса, украшенные ими, распространялись на большие территории. Так, среди разнообразных типов поясных пряжек и накладок из цветных металлов, бытовавших в Древней Руси, специалисты выделяют круг волжско-булгарских предметов, которые исследователи датируют первой половиной X в. [Мурашева, 1997, с. 20, 21]. Разнообразные по форме и деталям пряжки, накладки и некоторые детали костюма обнаруживают связь булгарской продукции этого времени с традициями хазарских ремесленников.

Несколько выделяется среди памятников раннебулгарского времени Большеитиганский могильник IX – начала X вв. Погребальный инвентарь его содержит значительное количество серебряных изделий. Из них серебряные поясные накладки В. В. Мурашева отнесла к «венгерской» или «позднехазарской» школе первой половины X в. [Мурашева, 1997, с. 20]. Большеитиганские серебряные украшения выполнялись в разных техниках: для поясной гарнитуры – чаще всего литьё (илл. 50) и штамповка; серьги – литые; височные подвески – в комбинированной технике с использованием штам-

повки, литья и пайки. В последнем случае иногда для декорирования применялась зернь. Иконографические особенности оформления большеитиганских поясных накладок: пальметки с трилистником, цепочкообразный бордюр по краю [Казаков, 1992, с. 269]. Изделия, украшенные в этом стиле, встречаются в Предуралье и в составе кладов X в. в Поочье, Придесенье и в верховьях Дона, в Херсоне [Григорьев, 2012, с. 377, рис. 8; Меч и златник, 2012, с. 51, 188, кат. № 58, 470]. Места производства таких украшений пока не выявлены.

Во второй половине X в., судя по материалам булгарских селищ, при изготовлении украшений из бронзы или сплавов цветных металлов в технологическом плане существенную роль играет литьё (илл. 51).

В целом, можно утверждать, что последовательного развития традиции обработки серебра и изготовления из него украшений на Средней Волге во второй половине I тыс. н. э. не происходило. Многочисленные импорты из различных центров евразийского мира обеспечивали потребности населения региона. В VI–VIII вв. ювелирные изделия на Средней Волге производились и собственными силами, однако в настоящее время определить ассортимент и технологические особенности этих предметов не представляется возможным. Вполне очевидно, что до становления булгарского государства ведущую роль в развитии ремёсел, в том числе и ювелирного, в Волго-Камье играло Прикамье. Здесь с V в.

зафиксировано значительное количество привозных золотых и серебряных изделий, иногда декорированных зернью и сканью. Кроме того, здесь прослеживается типологическое развитие ювелирных украшений из бронзы местного производства [Перевозчикова, 2009; Подосенова, 2009].

Главным объектом нашего внимания является *Волжско-Камская Булгария* – государство, сформировавшееся на Средней Волге и в Нижнем Прикамье в X в. Основу населения этого государственного образования составили булгарские племена, переселившиеся в середине VIII в. на эту территорию (Большетарханский могильник [Генинг, Халиков, 1964]), хотя проникновение различных этнических групп из южных и восточных областей Хазарского каганата происходило в Средневожье (Самарскую Луку) и ранее (памятники новинковского типа) [Багаутдинов и др., 1998; Матвеева, 1997].

История Волжской Булгарии охватывает более 200 лет: с X в. и до второй трети XIII в., когда она была завоёвана войсками монгольской коалиции, а её территория вошла в состав Монгольской империи [Руденко, 2013б, с. 46–52]. Можно рассматривать несколько периодов становления и развития этого государства, насильственно прерванного монгольским вторжением во время его расцвета.

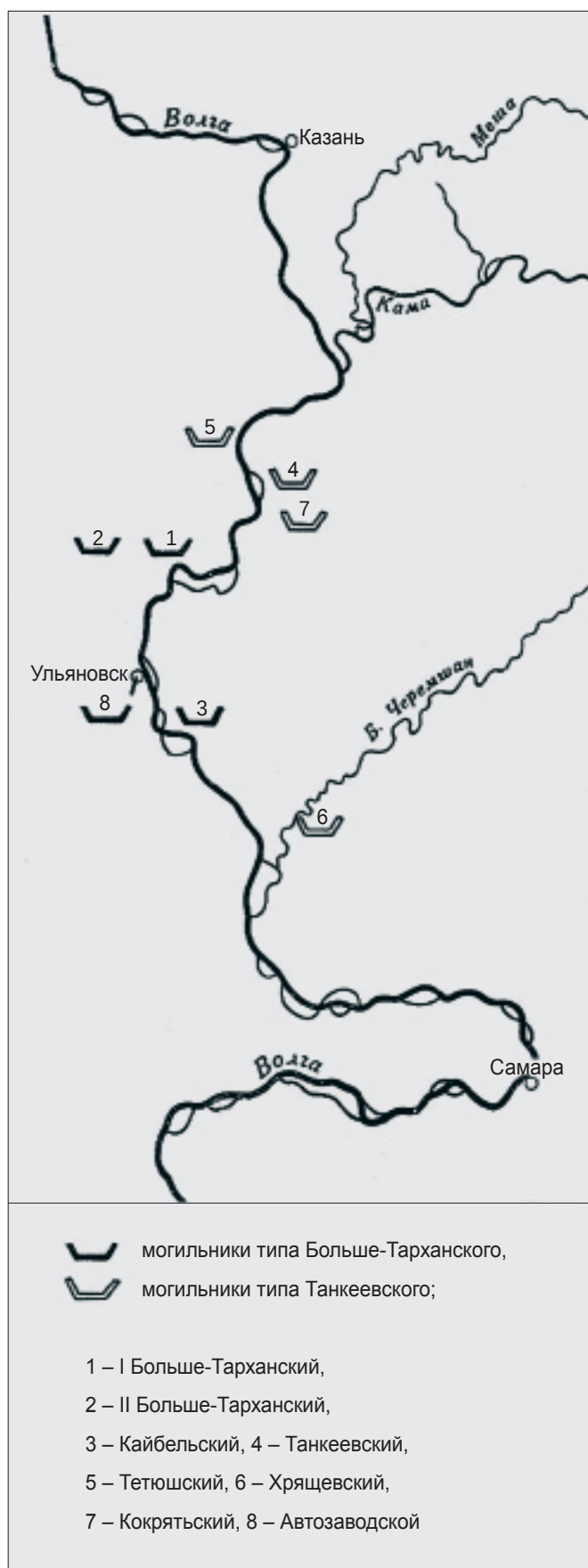
Первый период – 750-е – 890-е гг. (*карта 6*) – характеризуется полуседлым хозяйством откочевавших на Среднюю Волгу булгар, их существованием в границах хазарского государства и началом активной седентаризации.

Второй – 900 – 1020-е гг. (*карта 7*) – период раннего государства в рамках оседлой цивилизации. После распада Хазарии (960-е гг.) начался быстрый рост экономики Волжской Булгарии, базирующейся на оседлом земледелии и ремесле городского типа.

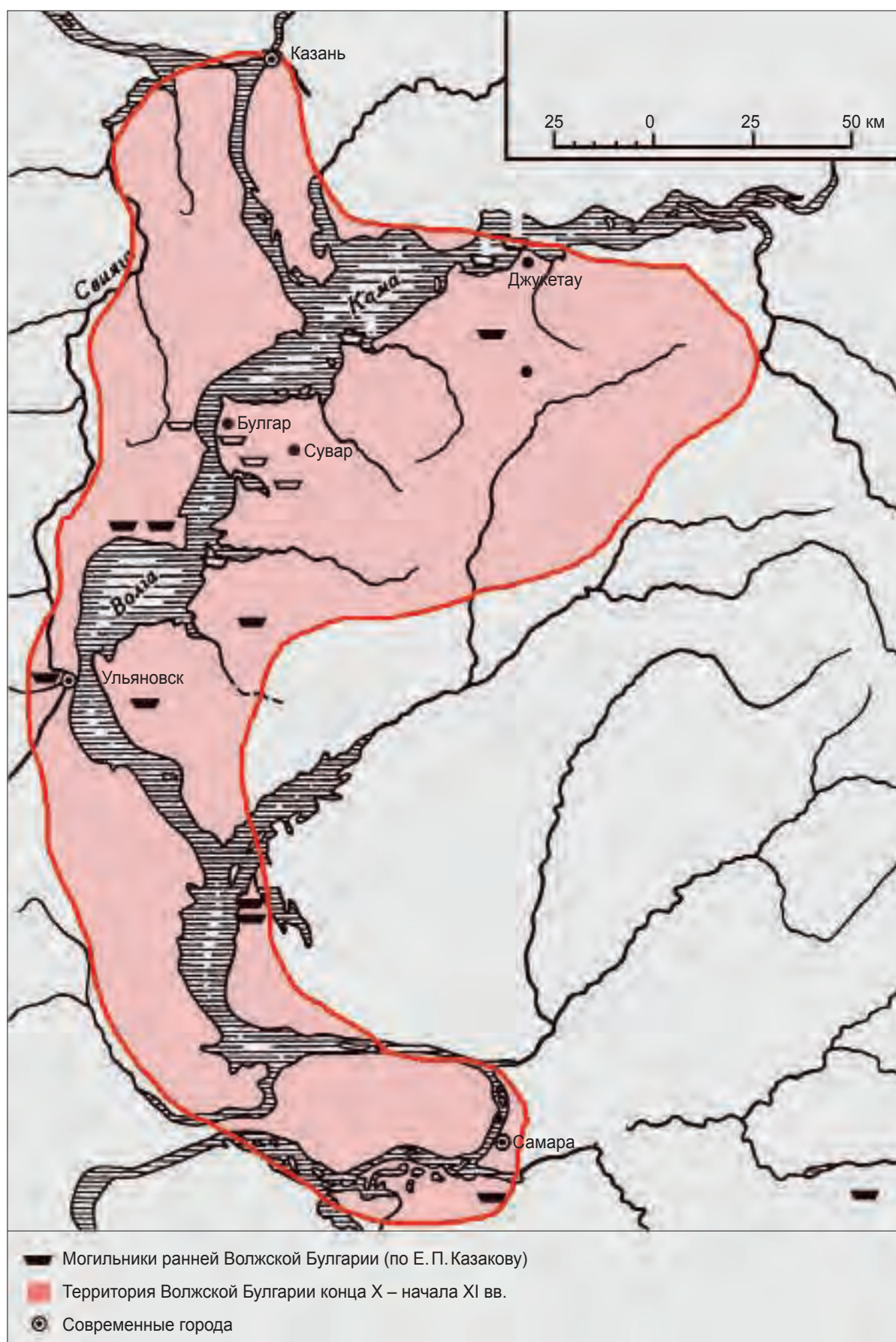
Третий – 1030-е – 1230-е гг. (*карта 8*) – период развитого государства с высоким уровнем городской культуры, массовым ремесленным производством, ориентированным на рынок, период развития районной ремесленной специализации и выделения элитного и профессионально-отраслевого ремесла с институтом ученичества. Большая часть рассматриваемого в данной книге материала относится к третьему периоду, расцвету Волжской Булгарии.

Период Золотой Орды – второй сюжет, который мы рассматриваем в книге в контексте развития серебрodelия. В **Булгарском улусе Золотой Орды** (*карта 9*) не только сохранилась часть традиций ремесла домонгольской Булгарии, но и развились новые черты, обусловленные как общими тенденциями развития ремесленного производства, определившимися в ордынском государстве, так и техническим прогрессом, обусловленным исторической эпохой [Руденко, 2006б, с. 28–137; 2011в, с. 155–163; 2013в, с. 34–46].

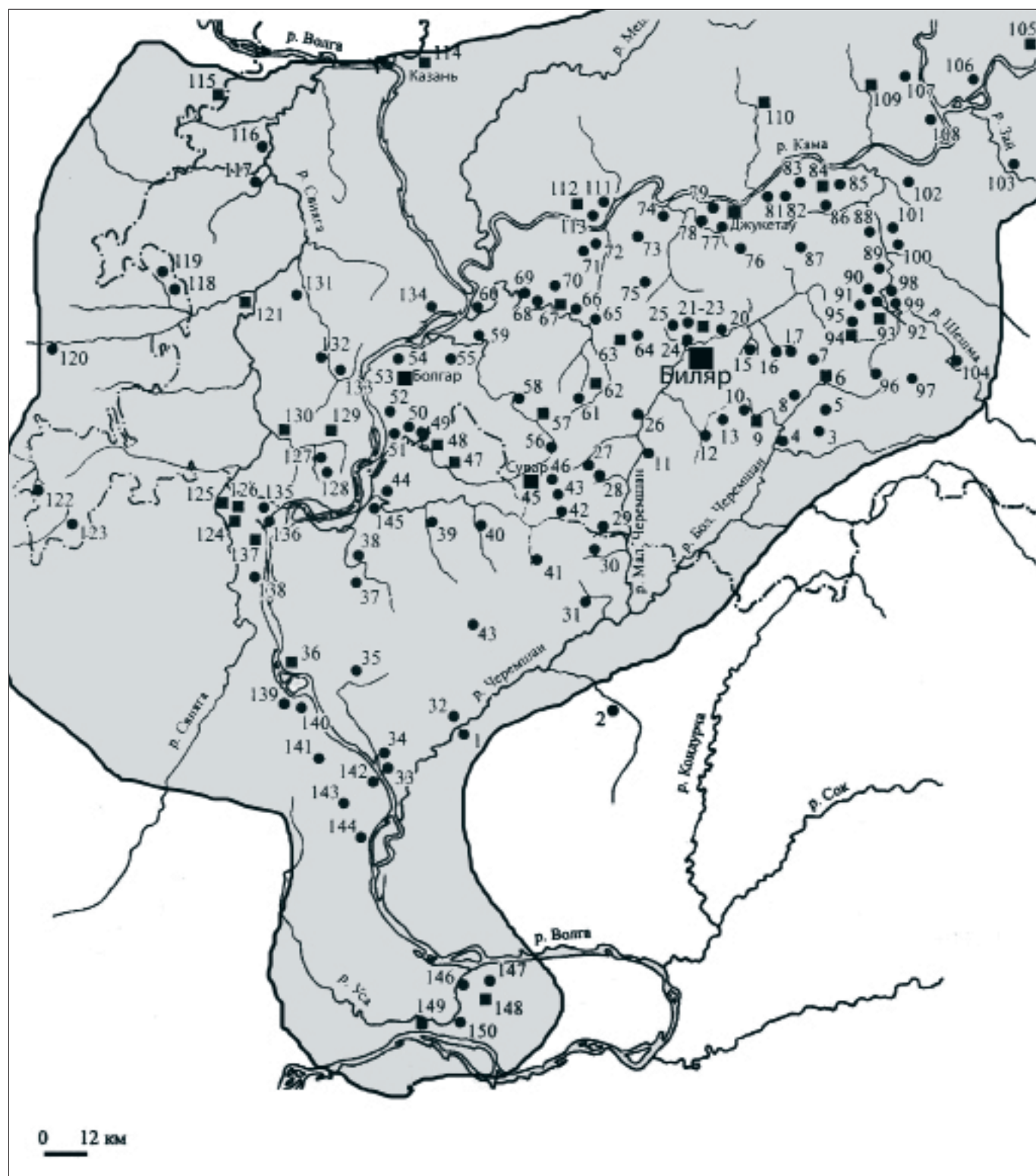
Становление и развитие булгарского серебрodelия, как и всего ювелирного дела Волжской Булгарии, – явление уникальное. Исследование только одной категории булгарских ювелирных украшений – золотых височных подвесок показало, насколько сложен и многогранен был процесс складывания как самого образа этих изделий, так и технологии изготовления [Руденко, 2011б].

карта 6. Булгарские племена на Средней Волге во второй половине VIII – IX вв. (по Е. П. Казакову)

карта 7. Волжская Булгария в X – начале XI вв.

карта 8. Волжская Булгария в XI – начале XIII вв.

На карте обозначены:

1. Коротково-Городищенское городище
2. Красноярское городище
3. Новомокшинское городище
4. Карасинское городище
5. Новоаксубаевское городище

6. Барско-Енарусинское городище
7. Иляшкинское городище
8. Аксубаевское городище
9. Щербеньское I городище
10. Щербеньское II городище

11. Чувбродское городище
12. Новоальметьевское городище
13. Новоамзинское городище
14. Биллярское городище
15. Старотатадамское городище
16. Атлашкинское городище
17. Савагачевское городище
18. Изгарское городище
19. Крещелтанское городище
20. Горкинское I городище
21. Горкинское II городище
22. Батынгузское городище
23. Городище «Святой ключ».
24. Николаев-Баранское I городище
25. Николаев-Баранское II городище
26. Старокамкинское городище
27. Татбурнаевское городище
28. Нижнекачевское (Шибашское) городище
29. Чувапкакское городище
30. Боровкинское городище
31. Подбелыцинское городище
32. Никольское городище
33. Белоярское I городище
34. Белоярское II городище
35. Андреевское городище
36. Крестово-Городищенское городище
37. Ивановское городище
38. Юрманское городище
39. Краснореченское городище
40. Большекандалинское городище
41. Тинаркинское городище
42. Налеткинское городище
43. Старобаранское городище
44. Старомайское (Грязнухинское) городище
45. Суварское городище
46. Якимово-Стрелкинское городище
47. Кокрятское городище
48. Шмелевское городище
49. Танкеевское I городище
50. Танкеевское II городище
51. Маклашевское I городище
52. Балымерское городище
53. Болгарское городище
54. Кривельское городище
55. Щербетьское городище
56. Таттюгульбаевское («Кала-Баш») городище
57. Красноключинское городище
58. Гусихинское городище
59. Старокуйбышевское (Кураловское) городище
60. Городище «Девичий городок»
61. Староматакское городище
62. Старонохратское городище
63. Ромоданское I городище
64. Ромоданское II городище
65. Караваевское городище
66. Восточно-Войкинское городище
67. Западно-Войкинское городище
68. Бураковское городище
69. Коминтерновское городище
70. Березовогривское (Базяковское) городище
71. Городище «Городок»
72. Балахчинское городище
73. Алексеевское городище
74. Остолоповское городище
75. Куркульское городище
76. Нарат-Елгинское городище
77. Белогорское городище
78. Утяковское городище
79. Кубасское городище
80. Джукетауское городище

81. Змеевское I городище
82. Змеевское II городище
83. Булдырское городище
84. Малополянское городище
85. Русскосарсазское городище
86. Малотолкишское городище
87. Староромашкинское городище
88. Городищенское городище
89. Тубылгытауское городище
90. Сосновское II городище
91. Елховское городище
92. Сосновское I городище
93. Новошешминское I городище
94. Екатерино-Слободинское I городище
95. Екатерино-Слободинское II городище
96. Черемухово-Слободинское городище
97. Ивашкинское городище
98. Новошешминское II городище
99. Новошешминское III городище
100. Утяшкинское городище
101. Елантовское городище
102. Ошинское городище
103. Краснокадкинское городище
104. Саклыкское городище
105. Елабужское городище
106. Котловское I городище
107. Красногорское городище
108. Гроханьское городище
109. Кирменское городище
110. Чаллыинское городище
111. Городище «Ежевичная стрелка»
112. Кашанское I городище
113. Кашанское II городище
114. Городище «Казанский Кремль»
115. Альменевское городище
116. Городищенское городище
117. Луковское (Япанчинское) городище
118. Староянашевское городище
119. Большеотаябинское городище
120. Тигашевское городище
121. Деушевское городище
122. Чувбездинское городище
123. Городищенское (Кала-Елгинское) городище
124. Староалейкинское городище
125. Красносундюковское I городище
126. Красносундюковское II городище
127. Киртелинское городище
128. Кильдяшевское городище
129. Богдашкинское городище
130. Хулашское городище
131. Староеналейское городище
132. Ляшевское городище
133. Зеленовское городище
134. Янтиковское (Кирельское) городище
135. Ундорское I городище
136. Ундорское II городище
137. Городищенское городище
138. Поливноовражное городище
139. Криушское I городище
140. Криушское II городище
141. Сенгилейское городище
142. Буеракское городище
143. Елаурское городище
144. Бектяшское городище
145. Городище «Чёртов городок»
146. Жигулевское городище
147. Александровское городище
148. Вальинское (Муромский городок) городище
149. Междуреченское городище
150. Переволокское городище

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ БУЛГАРСКОГО СЕРЕБРОДЕЛИЯ

Подробно история исследования каждой из категорий болгарских серебряных изделий изложена нами в соответствующих разделах данной книги. В целом можно рассматривать несколько периодов собирания и изучения болгарских серебряных изделий. В основу их выделения положены подходы к формированию источниковой базы (накоплению серебряных болгарских изделий в коллекциях), главные принципы их анализа в научной литературе, а также суть выдвигаемых концепций.

Начальный период истории собирания и, в какой-то мере, изучения этой категории болгарских артефактов можно было бы начать с XVIII – первой половины XIX вв., – именно в это время зародился интерес к диковинкам Казанского края, особенно на фоне настоящего коллекционного «бума» в Пермской губернии и на Урале, где стали находить серебряные изделия VI–IX и XI–XIV вв. н. э., попадавшие как в частные собрания, так и в Императорский Эрмитаж. Безусловно, средневековые болгарские украшения из драгоценных металлов также имелись в дворянских частных собраниях в Казани, возможно и в Москве. Особенно это

илл. 52. А. Ф. Лихачёв с женой Р. И. Лихачёвой. 1880-е гг.

илл. 53. В. И. Заусайлов

илл. 54. Н. Ф. Высоцкий

стало распространённым среди профессоров Казанского университета, учреждённого в 1804 г. Однако сохранившиеся сведения об этих собраниях и коллекциях весьма расплывчаты и мало чем документированы (сведения о составе коллекций в большинстве случаев, как и публикации, отсутствуют). Поэтому началом этого процесса правильнее считать середину – вторую половину XIX в., когда стали формироваться частные и музейные собрания болгарских древностей и началась их публикация.

Первый период – коллекционный: вторая половина XIX – 20-е гг. XX в. В это время серебряные украшения болгарского времени попадают в частные собрания казанских коллекционеров (А. Ф. Лихачёва (илл. 52), В. И. Заусайлова (илл. 53), Н. Ф. Высоцкого (илл. 54), Н. А. Толмачёва, Л. О. Сиклера и др.) [Толмачёв, 1884 с. 61–109; Лихачёв, 1876; Г., 1868] и коллекционеров Москвы (П. И. Щукина; С. В. Ешевского), в единичных случаях в Императорский Эрмитаж из Археологической комиссии в Санкт-Петербурге. В конце 1890-х гг. на основе коллекции А. Ф. Лихачёва (приобретённой после смерти собирателя его братом и подаренной городу в 1895 г.) начинает формироваться археологическое собрание Казанского городского музея. Близкая ситуация сложилась в 1910-х гг. в Москве, после того как собрание известного коллекционера П. И. Щукина (илл. 55) было передано в дар городу Москве. Болгарские украшения из этой коллекции по сей день хранятся в фондах ГИМ.

Не менее важным событием этого периода стало создание музея ОАИЭ при Императорском Казанском университете (1878 г.) [Руденко, 2014, с. 94–97]. Он, благодаря стараниям активных членов Общества (П. А. Пономарёв, Н. Ф. Высоцкий, А. А. Штукенберг, П. И. Кротов и др.), быстро наращивал свои фонды, в первую очередь путём закупок. Среди приобретённых предметов было немало серебряных болгарских изделий. К сожалению, не всё сохранилось до наших дней, а отсутствие систематической инвентаризации и книг учёта того времени не даёт возможности установить, насколько представительными были эти предметы в данном музее.

илл. 55. П. И. Щукин

илл. 56. Н. П. Кондаков

илл. 57. А. А. Спицын

В начале XX в. изучение серебряных украшений волжских булгар приостановилось до 1920-х гг. – периода «советской краеведческой весны». Во второй половине этого десятилетия на выставках в Казани демонстрировались серебряные болгарские украшения из кладов и отдельные находки, обнаруженные преимущественно в первой четверти XX в. (например, Щербетьский, Ургагарский клады) [Выставка, 1929]. В. Ф. Смолиным в середине 1920-х гг. была введена в научный оборот ценнейшая находка – клад золотоордынских драгоценных ювелирных украшений, обнаруженный на окраине г. Чистополя (булгарский город Джукетау) [Смолин, 1925, с. 16–28]. Часть этого клада в те годы выставлялась в Эрмитаже в Ленинграде и в Городском музее Казани (илл. 58).

Эмпирический уровень исследований этого периода, связанный с первичным накоплением материала, за редким исключением, не перерос в глубокую аналитику. Внимание столичных искусствоведов и археологов конца XIX – первой четверти XX вв. Н. П. Кондакова и А. А. Спицына привлекли редкие золотые болгарские украшения [Спицын, 1906, с. 264–270].

Из казанских исследователей ключевой фигурой последней трети XIX в. в изучении болгарских серебряных ювелирных украшений был А. Ф. Лихачёв. В своих статьях

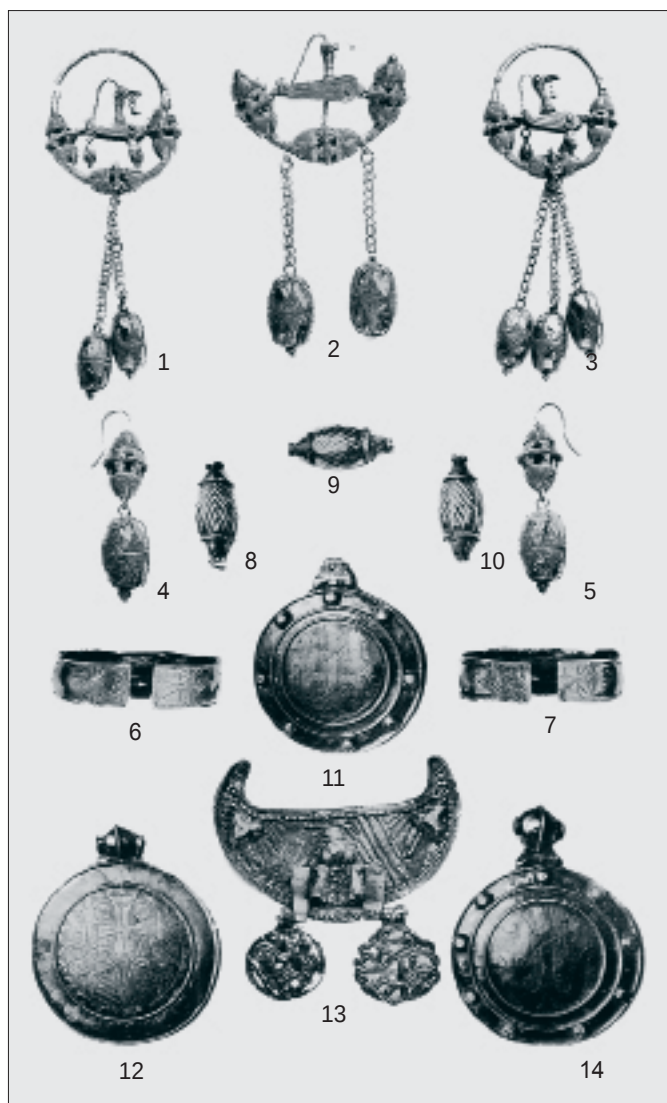
1870–1880-х гг. по древностям Великой Булгарии (так он называл Волжскую Булгарию) [Лихачёв, 1876, с. 1–50] и Билярскому кладу 1882 г. [Руденко, 2007в, с. 348–351] он сделал ценные наблюдения о природе этих артефактов. Как итог лихачёвских штудий – признание местного производства большинства серебряных изделий и датировка их XII в. При этом высокохудожественные украшения он считал привезёнными из восточных стран. По мнению Н. П. Кондакова (илл. 56), главным импортёром скано-зерновых украшений из золота и серебра в Поволжье в средневековую эпоху была Сирия [Кондаков, 1896, с. 53]. Помимо статей А. Ф. Лихачёва, каких-либо обобщающих идей и гипотез по болгарскому серебрodelию в этот период в печати не появилось. Однако в конце 1920-х гг. была опубликована замечательная статья А. Кавки по болгарским серебряным перстням из собрания ГИМ [Кавка, 1928, с. 117–125]. Это был первый опыт систематизации и научного анализа отдельной категории болгарских серебряных изделий.

Второй период – музейный: 1930-е – 1960-е гг. В начале он характеризовался чрезвычайно быстрым расширением государственных музейных фондов за счёт переданных туда коллекций ликвидированных общественных организаций (в Казани – ОАИЭ), экспропрированных частных собраний и, в незначительной степени, закупок. За считанные годы археологические фонды Казанского губернского (затем Центрального) музея ТАССР пополнились обширной коллекцией серебряных и золотых изделий из музея ОАИЭ, существенно разнообразивших лихачёвское собрание изделий из драгоценных металлов.

Однако отсутствие подготовленных профессиональных кадров музейщиков, искусствоведов и археологов в 1930-х гг. не позволило в полной мере воспользоваться открывшимися возможностями в плане изучения этой яркой категории артефактов. В статьях 1920–1930-х гг. крупнейших российских археологов того времени А. А. Спицына (илл. 57) и В. А. Городцова встречались сюжеты, касавшиеся древнерусского и болгарского ювелирного искусства [Городцов, 1926, с. 148].

илл. 58. Золотой браслет из т. н. «джукетауского» клада

илл. 59. Золотые и серебряные украшения. Таблица рисунков из публикации А. С. Гущина 1936 г.

Вместе с тем в довоенное время было сделано несколько научных «прорывов» в исследовании болгарских ювелирных изделий. Это, прежде всего, монография А. С. Гущина [1936], где подробно рассматривались болгарские ювелирные изделия, в большинстве своём из кладов (**илл. 59**). Эта монография вошла в научный арсенал археологов-булгароведов. Например, ссылки на исследование А. С. Гущина имеются в трудах крупнейшего археолога-булгароведа А. П. Смирнова 40-х – 50-х гг. XX в. [1951, с.], обратившего внимание на эти изделия.

В послевоенный период (1940-е–1960-е гг.) музейные фонды Государственного музея ТАССР стали комплектоваться материалами охранных археологических работ КАЭ под руководством А. П. Смирнова, в результате чего сюда попала часть комплексов (включавших серебряный поясной гарнитур) раннебулгарского времени Кайбельского могильника, клады, например Карашамский (начало XV в.), в составе которого были ювелирные изделия из серебра и золота. Несколько позже отдельные серебряные украшения из

илл. 60. Н. Ф. Калинин и Т. А. Хлебникова. 1950-е гг.

серебра поступили в фонды из раскопок раннебулгарского Большеатарханского могильника, проведённых В. Ф. Генингом и А. Х. Халиковым [1964].

В середине 1940-х – начале 1950-х гг. Н. Ф. Калинин (**илл. 60**) из коллекций казанского музея были опубликованы болгарские и золотоордынские серебряные изделия: в их числе серебряные браслеты с львиными личинами [Калинин, 1945] и некоторые предметы из Карашамского клада начала XV в. [Калинин, Халиков, 1954, с. 117–120]. Эти небольшие публикации стали основой для последующего изучения булгаро-ордынских ювелирных украшений.

Событием в области изучения болгарского ювелирного дела стали публикации О. С. Хованской (**илл. 61**) шейной гривны из окрестностей г. Чистополь [Хованская, 1958, с. 239–243], А. М. Ефимовой [1960, с. 195–202] (**илл. 62**) и Т. А. Хлебниковой [1963, с. 305–309] (**илл. 63**) отдельных шедевров болгарского ювелирного искусства и кладов, включавших серебряные браслеты, подвески, гривну с подвесками-лунницами, золотые и серебряные височные кольца, нашивки и т. д. В начале 1970-х гг. статьи о болгарских кладах из собрания ГИМ серебряных изделий опубликовала Г. Ф. Полякова [Полякова, 1971, с. 244–249].

Основным лейтмотивом исследований 1940-х–1960-х гг. было постулирование определяющего влияния древнерусского ювелирного искусства на домонгольское болгарское. Основания для это были: ещё в конце XIX в. в Булгаре были найдены уникальные серебряные древнерусские бармы с чёрным рисунком, опубликованные в конце XIX в. Н. П. Кондаковым и И. И. Толстым (**илл. 65**), а в 1980-х гг. детально изученные Т. И. Макаровой [1986, рис. 54, 55] и интерпретированные М. Д. Полубояриновой [1991, с. 22–26]. Здесь же были найдены и другие серебряные украшения русского производства [Полубояринова, 1991, с. 26–28, рис. 6-1, 3-5].

В своём исследовании истоков болгарского ювелирного дела по материалам кладов и отдельных находок ювелирных изделий на болгарских памятниках А. П. Смирнов предполо-

илл. 61. О. С. Хованская

илл. 62. А. М. Ефимова

илл. 63. Т. А. Хлебникова

илл. 64. Ф. Х. Валеев

жил, что «булгарское ювелирное искусство создано в значительной мере под воздействием Древней Руси» [Смирнов, 1948, с. 100]. Вместе с тем, доказывая этот факт, сторонники данной гипотезы (А. П. Смирнов, Т. А. Хлебникова) считали, что булгарские ремесленники были вполне самостоятельны и создали во второй половине домонгольского периода свой оригинальный ювелирный стиль.

Третий период – искусствоведческий: 1970-е – начало 1980-х гг. Этот период характеризуется выходом в свет капитального труда Ф. Х. Валеева (илл. 64) по древнему и средневековому искусству Среднего Поволжья [1975], а также его разнообразных исследований по средневековому декоративно-прикладному искусству. Эти темы были продолжены Г. Ф. Валеевой-Сулеймановой [2002]. В 1983 г. была опубликована монография Д. К. Валеевой [1983] по искусству волжских булгар домонгольского времени. Одновременно развивается интерес к образно-семантической составляющей булгарских ювелирных украшений, в том числе серебряных. Небольшая статья А. Х. Халикова [1981], а затем монография Г. М. Давлетшина [1990] были посвящены отдельным аспектам этой темы. Преобладало мнение, что булгарское искусство было во многом связано с искусством сармато-аланских племён, с одной стороны, с другой – наследовало степные традиции гунно-тюркского мира. Ведущим исследовательским сюжетом, намеченным ещё Н. Ф. Калининым, было выявление и трактовка народных (по мнению ряда учёных-искусствоведов) зооморфных мотивов, связанных с традициями скифо-сармат-

ского звериного стиля Евразии, сохранившихся с раннебулгарского времени в домонгольский период. «Языческая» тематика в искусствоведческих штудиях по исследованию булгарских украшений, тесно связанная с раскопками булгарских могильников второй половины VIII – X вв., активно проводившимися в 1970–1980-х гг., была преобладающей до начала XXI в.

Четвёртый период – археологический: 1980–1990-е гг. – в целом не ознаменовался крупными находками серебряных изделий на булгарских памятниках, кроме единичных изделий, найденных в ходе археологических раскопок [Хузин, Валиулина, 1986, с. 97–116], и одного исключительного клада золотых и серебряных изделий домонгольского времени на Кожавском селище в Спасском районе РТ, опубликованного М. М. Кавевым [1992, с. 105–109], а также в подвённом материале с разрушающихся памятников в зоне Куйбышевского водохранилища [Казак, 1991, с. 123, рис. 42]. Вместе с тем это время оказалось весьма продуктивным в изучении булгарского сереброредия. В основном учёными анализировались крупнейшие музейные коллекции булгарских древностей в НМ РТ и ГИМ. В результате этих штудий Г. Ф. Поляковой была опубликована археологическая систематизация ювелирных украшений Булгарского городища, в том числе и серебряных поделок [Полякова, 1996, с. 154–268]. По материалам собрания ГЭ и находок в Зауралье Б. И. Маршаком ещё в конце 1970-х гг. была выделена группа торевтики Волжской Булгарии [1976]. М. Г. Крамаровский, развивая идеи Н. Ф. Калинина, проанализировал серебряные браслеты т. н. «булгарского типа», относящиеся к эпохе Золотой Орды [Крамаровский, 1978, с. 46–51; 2001, с. 186–195]. Археологами Урала и Зауралья были введены в научный оборот интересные находки из серебра [Сыркина, 1983, с. 182–198; Зыков и др., 1994], часть которых имеет черты, сближающие их с булгарскими изделиями. В какой-то степени это продолжило традицию, начавшуюся в конце XIX в. с раскопок Ф. Мартина на Брасовой горе (Сургутская обл.), материалы из которых были опубликованы Т. Й. Арне в 1932 г. В погребениях здесь были встречены восточные серебряные сосуды и украшения [Арне, 2002, с. 86, 90, рис. 3; 16а].

илл. 65. Серебряные древнерусские бармы с чёрным рисунком, найденные на Булгарском городище. Собрание ГЭ

илл. 66. В. В. Хабаров (справа) и А. М. Белавин (слева)

илл. 67. Г. Ф. Валеева-Сулейманова

илл. 68. Д. К. Валеева

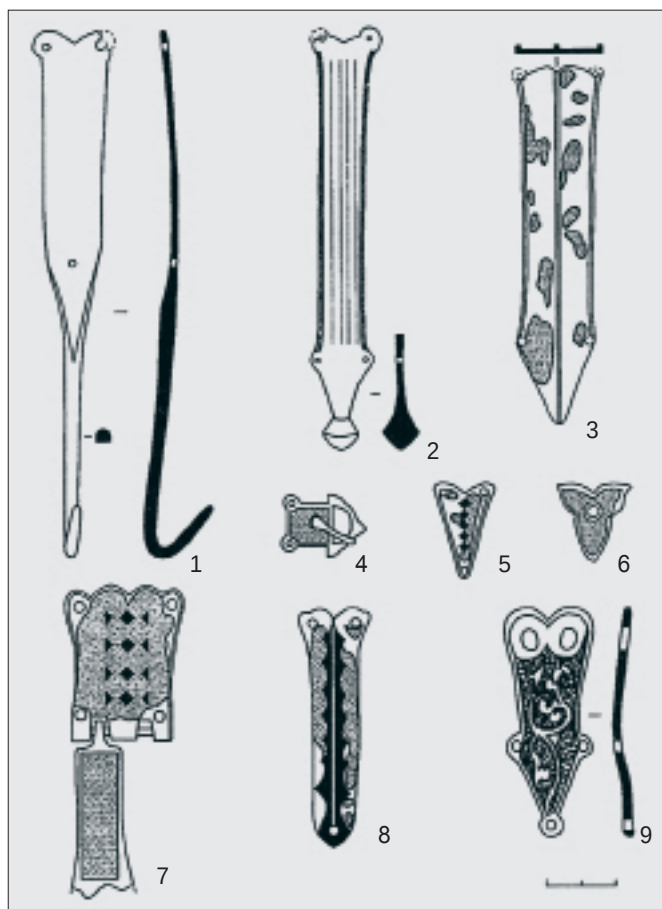
Ключевыми в этом периоде стали труды Н. В. Фёдоровой [1990, 1991] по западносибирским ювелирным изделиям. Ею было проведено капитальное исследование серебряных украшений и художественной посуды, найденных на территории Западной Сибири, Урала и Предуралья. Часть их Н. В. Фёдорова атрибутировала как болгарские. Ею были выделены школы болгарских торевтов X–XIV вв., определены характерные особенности продукции этих школ в декоре и технологии. Этот сюжет был продолжен Н. В. Фёдоровой в статьях 2000-х гг. [2003, с. 138–154].

Через призму торговли Волжской Булгарии с северными соседями в конце 1990-х гг. рассмотрел обширное собрание серебряных прикамских украшений пермский археолог А. М. Белавин [2000] (илл. 66). Им был систематизирован и введён в научный оборот значительный материал как из старых музейных собраний, так и из археологических раскопок 1970–1990-х гг. Причём большую часть серебряных украшений, выполненных в скано-зерновой технике, он считал болгарскими, описав характерные, по его мнению, признаки этих изделий [Белавин, 1992, с. 142–147]. О болгарском импорте в Прикамье и на Вычегду писали, касаясь серебряных с богатым декором ювелирных украшений, Э. А. Савельева, М. Г. Иванова и А. Г. Иванов [Савельева, 1991, с. 95–110; Иванова, 1974, с. 125–134; Иванов, 1998, с. 127, 128].

Отметим раздел монографии А. Г. Иванова, где детально рассмотрен вопрос о болгарском импорте серебряных изделий. Автор утверждает, что болгарские серебряные изделия имели прототипы в финских древностях, а затем они воспроизводились в Булгарии в скано-зерновой технике для реализации на внешнем рынке [Иванов, 1998, с. 127].

В этот период продолжалась искусствоведческая тематика в изучении болгарского серебрodelия, представленная в работах Г. Ф. Валеевой-Сулеймановой [2002, с. 187–197] (илл. 67) и Д. К. Валеевой [Валеева, 2003] (илл. 68).

Таким образом, к началу XXI в. сложилась концепция, согласно которой основным производителем и распространителем серебряных ювелирных украшений от Приочья до Тобола, от Саратова до Архангельска и полуострова Ямал в X–XV вв. были болгарские ремесленники-ювелиры.

илл. 69. Железные накладки с серебряной плакировкой из Пензенской области

Ценным для понимания развития болгарского серебрodelия явилось открытие в древностях Волжской Булгарии и сопредельных территорий, а также Посурья, целого пласта изделий южносибирского происхождения, их точных копий и подражаний [Кызласов, 1998, с. 72–75; Белорыбкин, 2001; Руденко, 2001] (илл. 69). Довольно часто они украшались

илл. 70. Ал Рази (Абу Бакр Мухаммед бен Закария), IX – X вв., автор алхимического трактата «Книга тайны тайн». Миниатюра средневековой рукописи

илл. 71. Ибн Сина (Авиценна). Миниатюра средневековой рукописи

серебром [Кызласов, 1983, с. 120–130], что характерно для многих хакасских средневековых художественных изделий [Кызласов, Король, 1990].

Стоит отметить и письменные источники – свидетельства Ибн Фадлана и ал-Гарнати, где имеются интересные замечания о хождении различных видов металлов в Поволжье в X–XII вв. [Путешествие, 1939; Ковалевский, 1956; ал-Гарнати, 1971]. Важные сведения о свойствах металлов, в том числе серебра, отражающих представление о них средневековых учёных и мастеров-ювелиров, имеются в трактатах ал-Рази, Ибн Сины, Бируни, Теофила (Рогера из Хельмарсхузена) [Каримов, 1957; Из истории, 1983; Бируни, 1963; Болтаев, 2002; Ибн Сина, 1957] (**илл. 70, 71**).

Многие вопросы в исследовании болгарского серебрения не могли бы быть решены без привлечения фундаментальных исследований средневекового ремесла Древней Руси, исследований, посвящённых датировке археологических артефактов, в первую очередь ювелирных изделий [Рыбаков, 1948; Седова, 1981], систематизации археологических материалов Восточной Европы и Сибири эпохи средневековья [Кызласов,

1981; Казаков, 1991; Типология, 1995; Голдина, 1985; Семёнова, 2001; Викторова, 2008], а также исследований, посвящённых средневековой торевтике мусульманского Востока, Византии, Древней Руси, Золотой Орды, средневековых кочевников Евразии [Фёдоров-Давыдов, 1976; Иванов и др., 1984; Сокровища, 2000; Крамаровский, 2001; Король, 2008].

Особый интерес представляют труды А.В.Бауло, посвящённые исследованиям материалов, связанных с этнографией хантов и манси, а также древних и средневековых изделий из святилищ, во многом касающихся болгарского импорта в Западную Сибирь, а также влияния средневековых художественных образов на формирование мотивов и сюжетов в искусстве хантов и манси [Бауло, 2002, с. 142–148; 2004; 2009; Гемуев, Бауло, 2001].

* * *

Часть представленного в данной книге материала обсуждалась на конференциях разного уровня [Руденко, 2006, с. 155–156; 2007, с. 288–289; 2013, с. 269–272]; отдельные темы, как и проблема в целом [Руденко, 2012, с. 139–144] освещены в публикациях [Руденко, 2001, с. 180–188; 2001а, с. 104–132; 2002, с. 22–31]. Особое внимание было обращено на болгарские черневые изделия и подражания им [Руденко, Беговатов, 1992, с. 115–116; 1994, с. 49–51; Руденко, 2007б, с. 130–140; 2010; Руденко, Брюхова, Лычагина, 2010, с. 4–7]. Серебряные украшения золотоордынского времени были систематизированы в нескольких статьях [Руденко, 2006, с. 89–196; 2006б, с. 28–137], а наиболее оригинальные из них проанализированы отдельно [Руденко, 2011а, с. 250–253; 2013а, с. 333–339]. Хронология болгарских ювелирных изделий рассматривалась на основе анализа болгарских вещевых кладов [Руденко, 2001б, с. 322–348]. Была поднята тема и о сырьевых ресурсах болгарской металлургии цветного металла [Руденко, 2000, с. 12–14]. Разбор имеющихся точек зрения на болгарские изделия в Прикамье и Зауралье сделан в отдельной статье [Руденко, 2006в, с. 91–113] и в разделе монографии [Руденко, 2007а, с. 90–93].

БЛАГОДАРНОСТИ

Приношу свою искреннюю благодарность сотрудникам Болгарского и Билярского музеев-заповедников, филиала БГИАМЗ – музея в с.Кузнечиха (музей Суварского городища), Тетюшского музея, Национального музея РТ и лично С.И.Халиуллиной, А.З.Сингатуллиной, М.К.Завьяловой, Р.В.Касимовой за помощь при работе в фондах; директору Государственного музея изобразительных искусств РТ Р.М.Нургалеевой, директору НКЦ «Казань» Р.З.Закирову и зав. археологическим фондом Ф.А.Ахметгалину. Особая благодарность Елене Александровне Леушиной за терпение и помощь при работе в фондах БГИАМЗ.

Я признателен А.А.Кутуеву, директору БГИАМЗ, за поддержку и содействие в подготовке книги, М.М.Багаут-

динову за любезно предоставленные фотографии, К.Г.Карачарову за важные консультации; А.В.Бауло за возможность ознакомиться с находками серебряных изделий с территории Западной Сибири, Т.Б.Никитиной, М.Г.Ивановой, Т.И.Останиной, И.Ю.Пастушенко, Е.Л.Лычагиной и Н.Г.Брюховой за разрешение работать с материалами из своих раскопок. Отдельная благодарность Е.П.Казакову и Е.А.Беговатову за помощь и ценную информацию о находках серебряных болгарских украшений и возможность их изучения, а также всем тем, кто принимал участие в обсуждении тех или иных затронутых в данной книге проблем, аргументированной критикой и важными замечаниями способствовал поиску истины.

ЧАСТЬ 1

БУЛГАРСКОЕ ЧЕРНЕВОЕ ИСКУССТВО

Изделия с черневым декором домонгольского времени, найденные на территории Волжской Булгарии, представлены несколькими группами. Самую многочисленную из них составляют изделия местного производства: серебряные перстни, миниатюрные коробочки-подвески и капторга. Единичны изделия с использованием черни, изготовленные не в Волжской Булгарии, хотя и найдены они на территории этого государства: два топорика, один биметаллический, другой железный, а также серебряные бармы парадного древнерусского костюма и фрагмент пластинчатого, шарнирного браслета. Интересны предметы, изготовленные в соседних с Булгарией регионах, но с применением приёмов, характерных для булгарских ювелиров. Они известны, например, в Прикамье, Древней Руси и др. В золотоордынский период на территории Булгарского улуса бытовали пластинчатые браслеты и перстни с черневым узором, сбруйные украшения.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЧЕРНЕВЫХ ИЗДЕЛИЙ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ

Накопление коллекций булгарских изделий с чернью происходило на протяжении последних 150 лет. Сначала они попадали в частные коллекции, реже в собрания крупных музеев, чаще всего в составе кладов. Самым массовым материалом в таких коллекциях были перстни с черневым узором. В составе Спасского клада 1869 г. была небольшая коробочка для хранения священных текстов, молитв и т.п. — капторга (**рис. 8-1**) [Толстой, Кондаков, 1897, с. 96, рис. 122; Спицын, 1906, с. 265, табл. VI]. Происхождение подавляющего числа

булгарских черневых изделий связано с крупными городищами — Билярским и Болгарским, откуда крестьяне поставляли свои находки перекупщикам. В силу обстоятельств их обнаружения археологическая информация об этих находках отсутствует. К середине XX в. такие предметы хранились преимущественно в трёх крупных музеях СССР — в Государственном Эрмитаже, ГИМе, Государственном музее ТАССР.

Клады и отдельные случайные находки с археологических памятников — таков был путь собирания черневых бул-

гарских изделий на протяжении почти 100 лет. Создание Куйбышевского водохранилища в 1954–1955 гг. активизировало этот процесс. Сборы подъёмного материала из разрушенных водохранилищем археологических памятников начали осуществлять профессиональные археологи, что позволило получить достоверную информацию о сопутствующем археологическом материале и его датировке.

Масштабные археологические исследования средневековых булгарских памятников в ТАССР, проводившиеся в 1960–1980-х гг., ситуацию изменили мало — черневые изделия в стратифицированных слоях практически не встречались, за исключением нескольких случаев.

Первый: на крупнейшем булгарском городище — Билярском (**илл. 72**) на раскопе XXIII Ф.Ш. Хузиным (**илл. 73**) при исследовании жилого комплекса XII в.

илл. 72. Билярское городище. Снимок из космоса

илл. 73. Ф. Ш. Хузин

илл. 74. М. М. Кавеев

илл. 75. К. А. Руденко

илл. 76. Е. А. Беговатов

были найдены перстень с чернью (**рис. 5-5**) и серебряные коробочки (**рис. 5-3**) с рисунком, аналогичным изображению на перстне (крин, заключённый в кольцо) [Хузин, Валиулина, 1986, с. 100, 102, рис. 2-19, 22, 23].

Второй: в начале 1990-х гг. на болгарском Кожавском селище XI – начала XV в. был обнаружен клад серебряных и золотых изделий, выявленный в ходе археологических исследований. Он содержал шесть перстней с чернью [Кавеев, 1992, рис. 1-2-7]. М. М. Кавеевым (**илл. 74**), автором раскопок, клад датирован концом XI – началом XII вв.

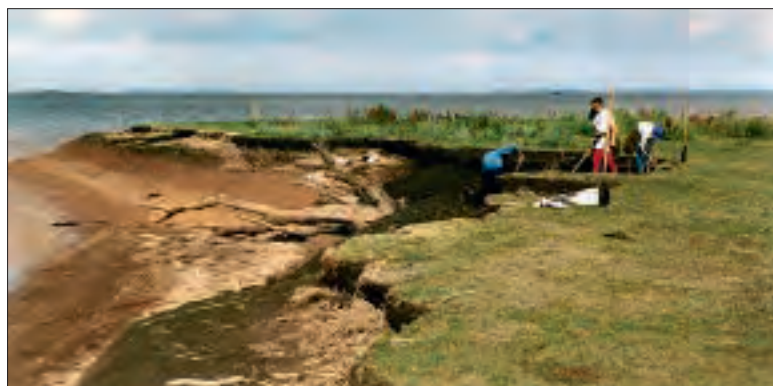
Третий: в ходе раскопок К. А. Руденко (**илл. 75**) Мурзихинского селища (**илл. 77**) в 1996 г. в слое XII в. был найден фрагмент шинки от серебряного перстня. Ещё несколько целых перстней с чернью были обнаружены в размыве культурного слоя селища [Руденко, 2002а, с. 45, 62, рис. 45-3; 61].

Перстни с чернью были выявлены при археологических разведках в зоне Куйбышевского водохранилища в 1980-х гг. Е. А. Беговатовым (**илл. 76**) на Мурзихинском и Семёновском селищах [Руденко, Беговатов, 1992; 1994]. На Новомордовском селище такое изделие обнаружил М. М. Кавеев [1992, с. 108]. Датированы эти находки XI – началом XIII вв. [Руденко, Беговатов, 1994, с. 51].

Из случайных сборов в 2010-х гг. на археологическом Малополянском комплексе (**илл. 78**) происходят несколько перстней с чернью.

В частных коллекциях с Лаишевского (Чакма) (**илл. 79**) и Мурзихинского селищ имеются два перстня из белого металла. На одном – стилизованное изображение птицы, на другом – геометрический орнамент [Руденко, 2001в, рис. 34-13, 14].

Для полноты картины стоит отметить, что масштабные археологические исследования средневековых памятников в Предуралье и Зауралье в 1980–1990-х гг. выявили и существенно пополнили собранные в XIX – начале XX вв. коллекции

илл. 77. Мурзихинское селище. 1995 г.

илл. 78. Малополянское городище. 2007 г.

илл. 79. Лаишевское селище (Чакма). 2001 г.

илл. 80. Серебряные изделия из Прикамья. Находки XIX в.

серебряных средневековых украшений (**илл. 80**), которые большинство учёных считали древнерусскими или булгарскими. Часть новых находок была введена в научный оборот в 1990-х гг. Особенно представительны были коллекции серебряных изделий, в том числе и с чернью, обнаруженных на Вычегде (Выми), в Прикамье и Зауралье [Белавин, 2000, с. 103–104, рис. 46-11–16; Савельева, 1987].

В Западном Заволжье серебряные украшения с чернью, в том числе и перстни, были впервые выявлены в конце 1990-х гг. в сборах с разрушенных средневековых поселений – Золотарёвского археологического комплекса на Суре. Они были опубликованы Г. Н. Белорыбкиным [Белорыбкин, 2001, с. 52, рис. 30-5, 6, 11, 14]. Среди них было несколько чернёных перстней булгарского типа.

Таким образом, к началу первого десятилетия XXI в. был накоплен достаточно большой материал по черневым булгарским изделиям с территории Булгарии, только в незначительной степени введённый в научный оборот. При этом самое большое внимание привлекли серебряные перстни с чернью, которые были классифицированы исследователями на разном материале (отдельные археологические памятники, музейные собрания и т. п.).

История изучения черневых булгарских изделий начинается в XIX в. после публикации Спасского клада, найденного в 1869 г. и находок, попавших в собрание казанского коллекционера А. Ф. Лихачёва (**илл. 81**) из крупнейших булгарских городищ – Болгарского и Билярского [ОАК за 1869, с. XIX–XX; Толстой, Кондаков, 1897, с. 97, рис. 123; Спицын, 1906, с. 265]. Часть материалов своей коллекции, в том числе и серебряные украшения, А. Ф. Лихачёв подготовил к публикации в виде таблиц к докладу на I Археологическом съезде. Но прошло более тридцати лет, прежде чем они были изданы в 1924 г. (**илл. 82**). В связи с тем, что тираж издания был небольшим, эта коллекция ещё долго оставалась малоизвестной.

Особое внимание А. Ф. Лихачёв в двух своих работах (**илл. 83**) уделил серебряным булгарским перстням с чернью. Он исследовал технологию изготовления перстней и орнаменты на них [Лихачёв, 1876; 1891]. Им отмечен «особенный стиль» этих изделий, хотя описывает он его весьма скупое: *«Орнаменты, исполнявшиеся чернью, вообще, довольно примитивны и, можно сказать, однообразны, ибо повторялись, изобличая тем как бы фабричную работу. Судя по грубости исполнения и примитивности орнамента, можно полагать, что и эти черневые изделия производились в Булгарии; а принимая во внимание, что их не раз находили вместе с предметами убранства, плетёными из проволоки, можно считать их одновременными этим изделиям»* [Лихачёв, 1876, с. 26].

По мнению А. Ф. Лихачёва, *«перстни эти были кованы из пластинки или, может быть, брусочка металла, так, что на середине образовывалась шестиугольная или четырёхугольная площадка, а суженные концы, постепенно утончаясь, сводились вместе, накладывались один на другой и плотно сбивались. Наружная сторона площадки перстня украшалась резьбой в глубь и прокладкой черни»* [Лихачёв, 1891, с. 170]. Что касается орнаментации перстней, то А. Ф. Лихачёв отметил рисунок в виде птицы и композиции, состоя-

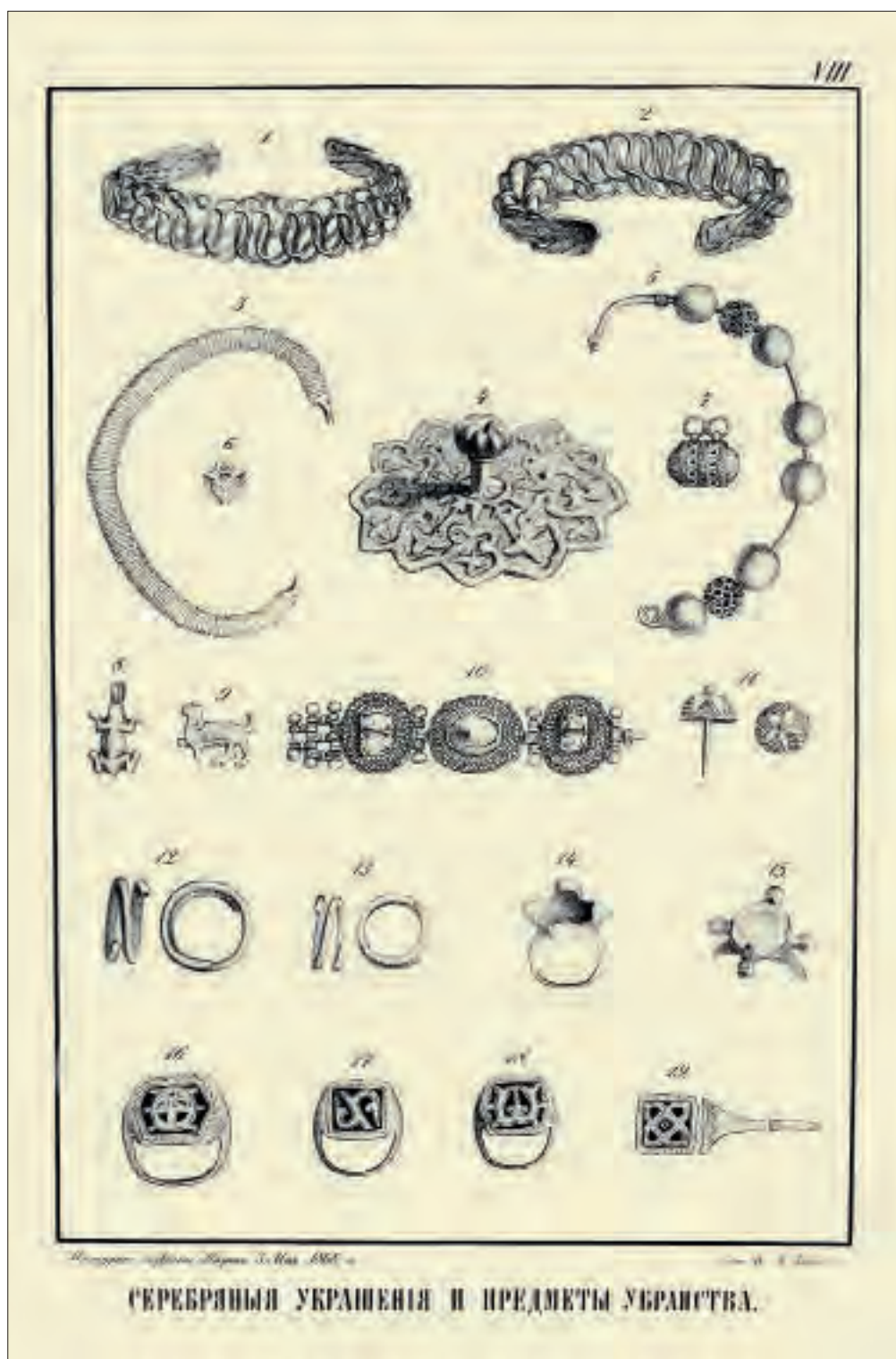

илл. 81. А. Ф. Лихачёв

щие из «сочетания персидской лилии и арабески» [Лихачёв, 1891, с. 176]. Датировал их А. Ф. Лихачёв XI–XII вв. Отметим, что исследование А. Ф. Лихачёва долгое время оставалось единственным по этой теме.

Спустя более двадцати лет после А. Ф. Лихачёва о булгарских ювелирных украшениях из коллекции Эрмитажа, в том числе и о чернёных изделиях, писал А. А. Спицын [Спицын, 1906, с. 264–266]. Это было описание коллекции, не ставившее какие-либо обширные исследовательские цели. Прошло более двадцати лет после этой публикации, прежде чем появилась специальная работа, посвящённая булгарским ювелирным изделиям, точнее одной их категории – перстням, в том числе с чернью. Она называлась «Перстни Камско-Волжской Булгарии». Её написал А. Кавка в 1928 г. по коллекции ГИМ. Целью статьи было создать *«классификацию болгарских перстней в хронологическом отношении»*. Именно серебряным перстням с чернью, с *«особенным типичным для них узором, который представлен несколькими орнаментальными мотивами и изображением птицы»*, автор отдавал предпочтение в выделении *«болгарского стиля работы по металлу»* [Кавка, 1928, с. 118]. Автор исследовал 20 таких перстней (**илл. 84**).

А. Кавка систематизировал перстни по нескольким признакам. Первый – это форма щитка перстня: четырёхугольная, шестиугольная и близкая к овалу. Второй – это рисунок на щитке: «подковка» с вариациями; *«две пары видоизменённых и заострённых подковок <...>, разделённых между собой горизонтальной полосой»*; узор из двух узлов, завязанных восьмёрками и разделённых горизонтальной чертой; изображение птицы. Отдельно А. Кавкой рассмотрены перстни с черневой четырёхлепестковой розеткой и фигурой, изображающей *«как бы два крыла, прикреплённых к вершине треугольника на фоне из черни»* [Кавка, 1928, с. 118–120].

илл. 82. Серебряные украшения из Булгара и Биляра из собрания А. Ф. Лихачёва (таблица из археологического атласа 1868 г.)

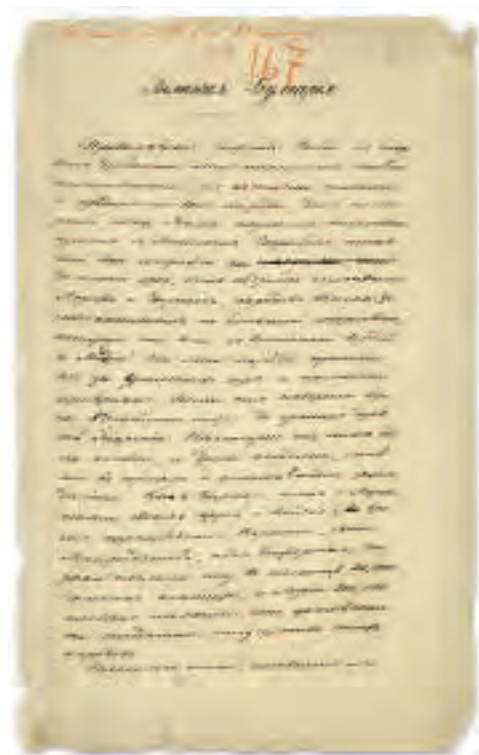
Подводя итог, автор описывает характерные черты этих изделий: серебро с чернью, рисунок в форме подковки, его варианты, узел в виде восьмёрок, четырёхлепестковая розетка и изображение птицы. Датированы им перстни не ранее XII в. [Кавка, 1928, с. 121]. А. Кавка впервые систематизировал орнаменты на перстнях с чернью, выделив ведущий мотив в виде «подковки» (точнее крива, вписанного в подковообразную фигуру. — К. Р.) и его вариантов;

а также оригинальный сюжет в виде изображения птицы.

Таким образом, в начале XX в. были рассмотрены вопросы систематизации и предварительной датировки одной категории болгарских черневых изделий — перстней, найденных на болгарских памятниках, высказано мнение, что большая их часть — местного, болгарского изготовления.

В 1970 г. была опубликована статья В. Ю. Лещенко о круглых серебряных и бронзовых привесках с охотничьими сценами из Предуралья, часть которых была украшена чернью. В ней он обосновал тезис о болгарском производстве таких привесок, описав соответствующие признаки, свидетельствующие, по его мнению, об этом [Лещенко, 1970].

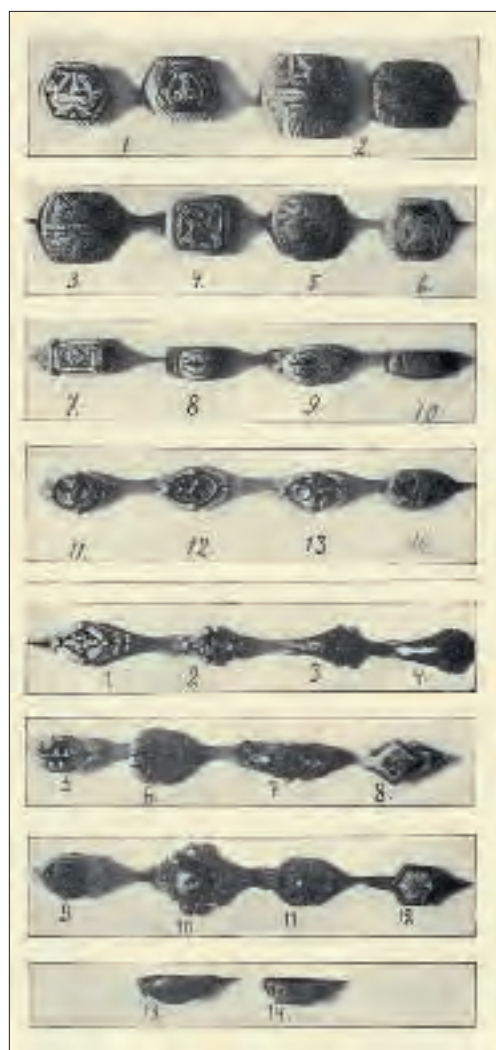
В 1980-х гг. интерес к болгарским черневым изделиям проявился в изучении уже известных артефактов и систематизации новых находок. Перстень из Спасского клада 1869 г. был специально изучен Т. И. Макаровой в работе по черневым изделиям Древней Руси (илл. 85) и отнесён к типу 3.1 [Макарова, 1986, с. 43, рис. 16, № 67]. Ей же принадлежит интересная идея, согласно которой «серебряники из Владимиро-Суздальской земли продолжали работать какое-то время в Великом Болгаре. Об этом свидетельствуют отдельные находки украшений явно гибридного облика (обручей) в северо-восточных районах» [Макарова, 1986, с. 121]. Кроме того, изучив несколько пластинчатых браслетов, она пришла к выводу, что сочетание черни и зерни на одном из них, а также оригинальный растительный орнамент являются болгарским влия-

илл. 83. Лист рукописи А. Ф. Лихачёва «Великая Булгария» (ОРРК НБЛ ПФУ)

илл. 85. Обложка книги Т. И. Макаровой «Черневое дело Древней Руси»

илл. 84. Перстни Волжско-Камской Булгарии, из собрания ГИМ, опубликованные А. Кафкой (Кавкой)

нием, а во втором случае браслет являлся «самостоятельной репликой на браслеты, изготавливавшиеся в Киевской Руси» [Макарова, 1986, с. 78].

Вопрос о происхождении перстня из Спасского клада затронула М. Д. Полубояринова (**илл. 86**). По её мнению, серебряные перстни такого типа характерны как для булгарских, так и для русских древностей, при этом она отметила, что «изображение крина не является специфически русским мотивом. Поэтому трудно определить, из какой мастерской – русской или булгарской – происходит перстень Болгарского клада 1869 г.» [Полубояринова, 1993, с. 30].

Классификационные схемы булгарских перстней с чернью были разработаны в работах 90-х гг. XX в. К. А. Руденко, Е. А. Беговатова, Г. Ф. Поляковой. Перстни из Мурзинхинского и Семёновских селищ, найденные в 1980 – начале 1990-х гг., были объединены в виды по сюжету изображения (зооморфный, растительный и геометрический), в отделы перстни сгруппированы по способу нанесения контура рисунка (сплошная линия и прерывистая), а по форме щитка выделены четыре типа. Датированы эти изделия XI – началом XIII вв. [Руденко, Беговатов, 1992; 1994, с. 51].

Г. Ф. Полякова (**илл. 87**), изучившая продукцию ювелиров и медников города Булгара, выделила три типа серебряных перстней с чернью, датированных ею домонгольским временем. Это перстни с изображением парных сердцевидных фигур, плетёнки и птицы [Полякова, 1996, рис. 61-19–20, типы Б-II-1, 2, 3].

В начале 1990-х гг. Н. В. Фёдорова (**илл. 88**) провела специальное исследование серебряных изделий из Зауралья, в том числе и с черневым узором [Фёдорова, 1991; 2003, с. 138–140]. Изучив эти материалы, она пришла к выводу, что значительную их часть составляют предметы булгарского изготовления. Исходя из этого она реконструировала

илл. 86. М. Д. Полубояринова

илл. 87. Г. Ф. Полякова

илл. 88. Н. В. Фёдорова

илл. 89. Л. О. Сиклер

основные категории продукции болгарских серебряников, выделила несколько ювелирных школ и проследила их эволюцию (илл. 90). По её мнению, болгарское художественное серебро распадается на два больших массива: чернёные изделия и скано-зерновые, которые соотносятся с несколькими школами болгарского серебрodelия [Фёдорова, 1991, с. 5]. Перстни с чернью Н. В. Фёдорова отнесла к третьей школе болгарского черневого искусства XII–XIII вв., приведя в качестве примера находки перстней из вымских могильников [Фёдорова, 1991, с. 8, прим. 27]. Характерная черта оформления этих изделий, по её мнению, – полное заполнение фона чернью. Объясняя значительное количество находок серебряных ювелирных украшений в Зауралье, как она считает, изготовленных в болгарских мастерских, Н. В. Фёдорова утверждала, что этот «северный компонент» в художественном металле Волжской Булгарии и сопредельных территорий был обусловлен тем, что многие болгарские ювелиры происходили из «угорско-предуральской среды», хотя и проживали в Булгарии, а также непосредственными контактами «мастер-заказчик» [Фёдорова, 2003, с. 147].

Вслед за Н. В. Фёдоровой скано-зерновые и чернёные изделия Пермского Предуралья XI–XIV вв. отнёс к болгарским А. М. Белагин [2000].

В начале 2000-х гг. К. А. Руденко были систематизированы черневые перстни с селищ с низовой Камы. Они были отнесены к одному типу, с шестью вариантами рисунка на щитке [Руденко, 2001, с. 77–78, тип Б5]. В 2004 г. была опубликована его статья по болгарским перстням с чернью из собрания НМ РТ, где была предложена систематизация этого материала по типологии, предложенной Т. И. Макаровой. В 2010 г. на основе этой публикации вышла отдельная брошюра, где материал был представлен более развёрнуто [Руденко, 2004; 2010]. Основные принципы систематизации этой категории изделий, разработанные в вышеупомянутых работах, использованы в этой книге.

Историография данной темы представлена небольшим очерком Н. В. Фёдоровой, в котором она сделала обзор публикаций, касавшихся болгарского ювелирного дела, и дала их краткую характеристику [Фёдорова, 2003, с. 138–140].

илл. 90. Серебряные украшения из Зауралья (по Н. В. Фёдоровой)

илл. 91. Казанский городской научно-промышленный музей им. А. Ф. Лихачёва. 1890-е гг.

илл. 92. Казанский Императорский университет в XIX в.

Большинство предметов, привлечённых для настоящего исследования, происходят из собраний НМ РТ, ГМИИ РТ, НКЦ, МГТН, БГИАМЗ и БГИАПМЗ. История формирования коллекций предметов булгарского средневековья в этих музеях заслуживает отдельного исследования. Однако здесь мы коснёмся лишь отдельных вопросов источниковедения, касающихся мест находок, характера собраний и т. п.

Основное количество находок изделий, украшенных чернью, с момента начала системного коллекционирования булгарских древностей – второй половины XIX в. концентрировалось в частных собраниях. Это прежде всего коллекция А. Ф. Лихачёва, ставшая основой собрания Казанского городского музея (ныне – Национальный музей Республики Татарстан) (**илл. 91**). В большинстве это находки с Билярского и в меньшей степени Болгарского городища.

С этим собранием по количеству предметов сопоставима коллекция Л. О. Сиклера (**илл. 89**), часть которой хранится в настоящее время в ГИМ, часть – в НМ РТ. Чуть менее представительны собрания других коллекционеров – П. И. Щукина, Н. Ф. Высоцкого. Впрочем, об объёме собрания последнего судить трудно, поскольку в музей попала, в силу разных причин, только часть его обширного частного музея. Хранится она в НМ РТ. Также трудно оценить и собрание музея Казанского ОАИЭ, который находился в здании Казанского университета (**илл. 92**), поскольку по сей день все хранившиеся там находки (разделённые сейчас между НМ РТ и музеем археологии Казанского (Приволжского) федерального университета) полностью не инвентаризированы. Такие изделия там присутствовали, судя по заметкам, опубликованным в Известиях ОАИЭ (находки у сс. Рождествено и Шуран).

Единичные предметы (как правило, из кладов, поступавших в ИАК) имеются в собрании Государственного Эрмитажа. Это перстень и капторга из Спасского клада, серебряные перстни из Сабакайского клада, бармы из Булгара и др. В ГИМ имеются серебряные ювелирные изделия, в том числе и перстни с чернью из с. Старое Альметьево Казанской губернии.

Отдельные находки рассматриваемых нами изделий были сделаны в 1960–1980-х гг. частными лицами, местонахождение большинства этих предметов сейчас неизвестно. Избежали этой участи предметы из Именьковского клада, переданные в казанский музей в начале 1960-х гг.

Собрание Болгарского музея-заповедника (БГИАМЗ) обогатилось в 1990-е гг. Кожавским кладом, найденным М. М. Кавеевым, а также отдельными перстнями с чернью, найденными им же на разрушающихся булгарских поселениях в зоне Куйбышевского водохранилища. Там же были найдены серебряные перстни, переданные в фонды БГИАМЗ Е. А. Беговатым (I–V Семёновские¹, Мурзихинское селище). Туда же были переданы перстни из раскопок 1980-х гг. в центре городища.

Несколько перстней с чернью, приобретённых у частных лиц, хранятся в НКЦ «Казань».

Отдельные находки черневых изделий имеются в новых частных собраниях, однако информация о них малодоступна, а судьба их непредсказуема.

¹ Семёновское селище – памятник домонгольского времени, расцвет которого, по данным Е. П. Казакова, приходится на вторую – третью четверть X в. Материал V Семёновского селища преимущественно относится к эпохе Золотой Орды. Раскопками эти селища не изучались. Оба поселения находятся на одном острове [Руденко, 2003, 263, табл. 85], образовавшемся после создания Куйбышевского водохранилища, и подъёмный материал с этих памятников зачастую трудно разделить.

Самой многочисленной категорией болгарских черневых изделий являются перстни (**табл. А**).

таблица А

ПЕРСТНИ С ЧЕРНЮЮ ДОМОНГОЛЬСКОГО ВРЕМЕНИ

№ п/п	Шифр	Место находки	Тип	Место хранения	Рис. 1	Размер (см)	Каталог
1	473-354/226	Кожавское селище	3.1	БГИАМЗ	1	1,8 x 1,8 x 1,9	№ 40
2	250, СУ530	Булгар, Биляр	3.2	НМ РТ	2	1 x 1,85 x 1,8	№ 27
3	609-3, СУ-69 V с. с.	V Семёновское селище	2.6	БГИАМЗ	3	2,2 x 1,9 x 0,7	№ 37
4	473-356/226	Кожавское селище	2.7	БГИАМЗ	4	1,8 x 1,7 x 2	№ 41
5	473-355/226	Кожавское селище	3.4	БГИАМЗ	5	1,9 x 1,7 x 1,9	№ 43
6	10211*-47; 1182	Булгар, Биляр	3.4	НМ РТ	6	1,9 x 1,4 x 2,1	№ 1
7	10211-36	Булгар, Биляр	3.4	НМ РТ	7	2,1 x 2,2 x 1,9	№ 2
8	10211-39	Булгар, Биляр	3.4	НМ РТ	8	2,2 x 2,2 x 1,7	№ 20
9	10211-47a	Булгар, Биляр	3.4	НМ РТ	9	1,6 x 2 x 1,9	№ 4
10	997/36	Булгар, Биляр	3.4	НМ РТ	10	2,2 x 2 x 2,2	
11	10211-53	Булгар, Биляр	3.4	НМ РТ	11	2,4 x 2 x 1,8	№ 28
12	21736	Булгар, Биляр	3.4	НМ РТ	12	1,8 x 2,2 x 2	№ 26
13	473-355a/226	Кожавское селище	3.4	БГИАМЗ	13	1,9 x 1,7 x 2,1	№ 39
14	10213-48; СУ-259	Булгар, Биляр	3.6	НМ РТ	14	2,1 x 1,7 x 1,9	№ 17
15	10211-31	Булгар, Биляр	3.4	НМ РТ	15	2,2 x 2,4 x 1,9	
16	10211-50	Булгар, Биляр	3.4	НМ РТ	16	2,1 x 2,2 x 1,7	№ 12
17	10211-43	Булгар, Биляр	2.5	НМ РТ	17	2 x 1,8 x 1,5	№ 22
18	10211-26	Булгар, Биляр	3.3	НМ РТ	18	2,5 x 2,5 x 2,25	№ 10
19	10211-48; СУ-330	Булгар, Биляр	3.5	НМ РТ	19	1,6 x 2,2 x 2	№ 14
20	473-356a/226	Кожавское селище	3.7	БГИАМЗ	20	2,2 x 1,9 x 2	№ 38
21	473-357/226	Кожавское селище	2.4	БГИАМЗ	21	1,8 x 1,7 x 2	№ 42
22	V с. с.	V Семёновское селище	3.10	Частн. колл.	22	1,2 x 1,2 x 1	
23	10211-49	Булгар, Биляр	3.4	НМ РТ	23	2,2 x 0,7 x 1,6	№ 28
24	10211-42	Булгар, Биляр	2.3	НМ РТ	24	1,9 x 2 x 1,65	№ 5
25	Б/ш	Мурзихинское селище	2.2	Частн. колл.	25	1,2 x 1,5 x 0,3	№ 95
26	Б/ш	Мурзихинское селище	2.1	Частн. колл.	26	1,6 x 1,9 x 1,8	№ 45
27	5378-26; Лих 6/15; 20551	Биляр	3.8	НМ РТ	27	2,1 x 1,3 x 1,4	№ 25
28	245	Булгар, Биляр	3.8	НМ РТ	28	1,5 x 1,9 x 1,5	№ 23
29	Б/ш	Мурзихинское селище	4.1	Частн. колл.	29	2 x 2,2 x 2,2	№ 44
30	Б/ш	Мурзихинское селище	4.1	Частн. колл.	30	1,8 x 1,6 x 2	№ 46

31	99/51, СУ371 10211-51;1187	Булгар, Биляр	4.1	НМ РТ	31	1,8х2,2х1,8	№ 15
32	10211-37	Булгар, Биляр	4.1	НМ РТ	32	2,4х2,4х2,1	№ 7
33	10211-35	Булгар, Биляр	4.1	НМ РТ	33	2,2х1,8х1,8	
34	10211-29	Булгар, Биляр	4.2	НМ РТ	34	2,2х2х1,9	№ 13
35	10211-52	Булгар, Биляр	4.1	НМ РТ	35	2,2х1,8х1,8	№ 21
36	10211-38	Булгар, Биляр	4.1	НМ РТ	36	2х1,5х1,9	№ 31
37	10211-32	Булгар, Биляр	4.2	НМ РТ	37	1,8х2,2х2	№ 6
38	10211-46	Булгар, Биляр	4.2	НМ РТ	38	1,9х2,1х1,6	№ 18
39	10211-45; ЭО- 99/45	Булгар, Биляр	4.2	НМ РТ	39	1,7х1,9х1,8	№ 19
40	10211-41	Булгар, Биляр	4.2	НМ РТ	40	1,75х2,15х2	№ 3
41		V Семёновское селище	4.2	Частн. колл.	41	1,2х1,5х1,6	
42	609-1	Мурзихинское селище	4.3	БГИАМЗ	42	2,4х1,8х2,1	№ 34
43	№ 1092-2	V Семёновское селище	4.3	БГИАМЗ	43	2,3х1,7х2,2	№ 35
44	10211-40; 1180	Булгар, Биляр	4.3	НМ РТ	44	1,8х2,4х2,1	№ 16
45	10211-30	Булгар	1.1	НМ РТ	45	2х2х1,4	№ 24
46	10211-28	Булгар, Биляр	3.4	НМ РТ	46	1,9х2,2х1,8	№ 11
47	10211-33	Булгар, Биляр	3.4	НМ РТ	47	1,9х2,2х2	№ 8
48	12624	Булгар, Биляр	3.4	НМ РТ	48	0,7х1,7х1,8	№ 30
49	10211-34	Булгар, Биляр	4.1	НМ РТ	49	1,9х2,2х1,8	№ 9
50	б/ш	Мурзихинское селище	3	Частн. колл.	50	2,75х1,1х0,5	№ 88
51	б/ш	Мурзихинское селище	4.3	Частн. колл.	51	2,5х1,8х1,7	№ 94
52	б/ш	Мурзихинское селище	3.4	Частн. колл.	52	2х0,5х1,6	№ 96
53	б/ш	Мурзихинское селище	3	Частн. колл.	53	1,6х1,5х1,2	
54	5495	Биляр (?)		НМ РТ			№ 32
55	609-2; СБ-68	Булгар (?)		БГИАМЗ			№ 36
56	581	Биляр, р. XXIII		БГИАПМЗ			№ 33
57	б/ш	Биляр и округа		Частн. колл.			№ 48
58	б/ш	Биляр и округа		Частн. колл.			№ 49
59	б/ш	Биляр и округа		Частн. колл.			№ 50
60	б/ш	Биляр и округа		Частн. колл.			№ 51
61	15643	М-Полянский АК	2.6	НКЦ	-	1,8х1,5х1,8	№ 402
62	15435	М-Полянский АК	3.9	НКЦ	-	1,5х1,4	№ 404
63	15459	М-Полянский АК		НКЦ		1,3х1,1	№ 405
64	15460	М-Полянский АК	-	НКЦ		1,6х1,4	№ 403
65	15931	Мурзихинское ? селище	4.3	НКЦ		1,7х1,7х1,8	№ 394
66		?		НКЦ		d=2,3, шир.=1,2	№ 401
67	б/ш	Биляр	4.1	БГИАПМЗ	-	2,2х2,4х2,2	№ 413
68	б/ш	Биляр	2.3	БГИАПМЗ	-	1,9х1,8х1,8	№ 414

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ПЕРСТНЕЙ С ЧЕРНЬЮ

илл. 93. Типы перстней с чернью

илл. 94. Перстни типов 3.4, 4.1, 4.2, 4.3

В основу предлагаемой типологии болгарских перстней с чернью была положена классификация, разработанная Т.И.Макаровой по материалам Древней Руси [Макарова, 1986, с. 39].

Все рассматриваемые перстни отнесены нами к одному отделу (по Т.И.Макаровой): пластинчатые широкосрединные с замкнутыми концами. Изготовлены они из серебра ковкой. Диаметр их 1,8–2,3 см, размеры щитка в среднем 1,6х2 см. Для удобства описания конструкции перстней мы разделили их на нижнюю и верхнюю части. Нижняя часть – это ободок, или шинка, прямоугольного или сегментовидного сечения. Верхняя часть – это щиток.

В основу выделения типов была положена форма щитка: 1-й тип – с круглыми щитками; 2-й тип – с прямоугольными и квадратными щитками, 3-й тип – с шестиугольными щитками; 4-й тип – с овальными щитками*¹ (илл. 93).

По характеру декора выделено пять подтипов²: с розетками из кринов; с геометрическими розетками (илл. 94, тип 3.4); с бордюром в виде лозы; с изображением птиц; с изображением «узла счастья»*.

1. ПЕРСТЕНЬ С КРУГЛЫМ ЩИТКОМ (1 экз.)

Тип 1.1 (кат. № 24; рис. 1-45; 1 экз.).

Болгарское городище [Болгар, 1868, табл. IX-13]. Диаметр щитка 1,4 см. Наружный диаметр шинки 2 см, внутренний – 1,7 см. Фон гладкий; чернь на нём сохранилась небольшим пятном. С боковой стороны изделия имеется пятнышко черни. Перстень имеет золотистый цвет, что, видимо, явилось следствием золочения или того, что он изготовлен из сплава с относительно высоким содержанием меди. Рисунок – завиток лозы; орнамент построен однократным центральным переносом; полоса орнамента пересекает щиток по центральной оси. Аналогии ему есть на древнерусских чернёных изделиях: перстнях и обруче-браслете [Макарова, 1986, рис. 15, № 52, 53; рис. 40, № 229; рис. 15, № 62].

Датируется XII – началом XIII вв.

¹ Знаком * отмечены позиции, отсутствующие у Т.И.Макаровой.

² В предыдущих работах мы называли их вариантами типов.

2. ПЕРСТНИ С КВАДРАТНЫМ (ПРЯМОУГОЛЬНЫМ) ЩИТКОМ (9 экз.)

Представлены несколькими типами.

Тип 2.1 (кат. № 45; рис. 1-26; 5-9; 1 экз.).

Мурзихинское селище. Перстень с прямоугольным щитком 1,5х1,8 см, с рисунком в виде двух переплетённых «сердечек» (так называемый «узел счастья»).

Тип 2.2 (кат. № 95; рис. 1-25; 1 экз.).

Мурзихинское селище. Перстень с квадратным щитком 1,5х1,5 см с рисунком из переплетённых геометрических фигур в виде диагонального креста. Рисунок окаймлён тонкой линией по периметру щитка. Он нанесён тонким резцом, фактически процарапан. Фон гладкий. Следы черни заметны только в углублениях рисунка. К этому типу относится и перстень с Болгарского городища [Болгар, 1868, табл. VIII-19].

Аналогии такому орнаментальному мотиву имеются в декоре южного портала мечети Магоки-Аттари второй половины XII в. в Бухаре [Ремпель, 1978, илл. 38]. Аналогичные изображения имеются на золотых накладках золотоордынской эпохи [Сокровища, 2000, с. 101, кат. № № 255–274]. Имеется близкий по рисунку перстень с Рождественского городища в Прикамье [Белавин, Крыласова, 2008, с. 447, рис. 182-17].

Датироваться этот тип перстней может XII–XIII вв., в большей степени XIII в.

Тип 2.3 (кат. № 5; 414; рис. 1-24; 2 экз.).

Городища: Болгарское, Билярское. Перстень, найденный на Болгарском городище (кат. № 5), имеет квадратный щиток 1,8х1,8х1,9 см с рисунком из раппорта лозы. Фон чернёный. По периметру щитка сделана линейная окантовка. Второй перстень – из Билярского городища, тех же

размеров с гравированным рисунком – подражание черневому изделию (**кат. № 414**). Аналогии рисунку имеются в русских чернёных изделиях [Макарова, 1986, рис. 15-62, 96]. Идентичный рисунок имеется на серебряных накладках из Старорязанского клада 1887 г., датирован А. С. Гущиным XII в. [Селиванов, 1891, с. 212, табл. V-21; Гущин, 1936, с. 49, 80, табл. XXIX-7]. Перстни этого типа из Булгара имелись в собрании ОАИЭ (2 экз.), причём здесь рисунок лозы развёрнут в другую сторону [Болгар, 1868, табл. VIII-17, IX-14].

Датируются перстни этого типа XII – началом XIII вв. Поздние варианты этого типа бытуют до XIV в. [Археологические, 2012, с. 139]

Тип 2.4 (кат. № 32; 42; рис. 1-21; 5-4; 2 экз.).

Биларское (?) городище; Кожаяевский клад (1990 г.). Перстни с квадратным щитком 1,8х1,7х2 см с рисунком из тонких пересекающихся линий, напоминающим бабочку, заключённую в рамку. Фон гладкий, чернёный. На одной боковой стороне нанесены чернёные насечки в виде двух уголков из сплошных линий и пунктиром между ними, а с другой – те же насечки, только в виде двух дуг – вогнутой стороной наружу. Изображение на щитке, вероятно, является стилизованным мотивом крина.

Датируется концом XI–XII вв.

Тип 2.5 (кат. № 22; рис. 1-17; 1 экз.).

Биларское городище. Перстень с квадратным щитком 1,5х1,7 см (боковые стороны чуть выпуклые) с изображением геометрической композиции из круга, пересечённого одной линией посередине, в центре которого смыкаются две дуги, идущие из углов щитка. Рисунок обведён тонкой сплошной линией. Пространство между центральным рисунком и краем щитка украшено наклонными s-видными насечками. Фон гладкий, зачернёный. На одной из боковых сторон перстня изображена декоративная «галочка». Этот рисунок, видимо, является стилизацией мотива, встречающегося на древнерусских колтах и браслетах (**улл. 108**) [Макарова, 1986, рис. 19, № 124; рис. 34, № 218].

Датируется перстень XI–XII вв.

Тип 2.6 (кат. № 88; 402; рис. 1-3; 2 экз.).

Семёновское селище и Малополянский археологический комплекс (**кат. № 402**). Перстень с квадратным щитком 2,2х1,9 см с изображением птицы. Птица показана в профиль, влево, заключена в рамку из двойной сплошной линии по периметру щитка. Тонкими линиями намечены контур тулова, хвост, поднятые вверх крылья, ноги обозначены заштрихованными треугольниками. Голова изображена схематично. На фон нанесена штриховка; на туловище птицы точками показано оперение.

Рисунок птицы, за исключением деталей (форма головы), близок к изображению на чернёном перстне из Булгара из коллекции Л. О. Сиклера [Кавка, 1928, табл. I, № 5, ГИМ, инв. № 58456-d]. Перстень с изображением птицы имеется в Сабакайском клада 1870 г. [Спицын, 1906, с. 266]. Похожие изделия известны из частных коллекций.

Изображение птицы, описанное выше, выполнено по стандартной схеме, характерной для других типов болгарских перстней с рисунком (**рис. 1-1, 2**), и отличается от изображений птиц на русских изделиях с чернью – как по общей трактовке, так и проработке деталей, форме крыльев, ног и даже перьев [Макарова, 1986, с. 16, 40, 41, рис. 6; 15-103, 100; 16-90; рис. 22-157, 159]. Это же можно отнести и к другим типам болгарских перстней с изображением птицы – типы 3.1 и 3.2.

Датируется этот тип перстня концом XI–XII вв.

Тип 2.7 (кат. № 41; рис. 1-4; 1 экз.).

Кожаяевский клад, 1990 г. Перстень с прямоугольным щитком 1,8х1,7 см. В центре изображён крин в обрамлении ветвей. По краю идёт бордюр из s-видных насечек. Фон гладкий, чернёный. На боковых сторонах гравированный чернёный треугольник. Мотив крина имеет широкое распространение в украшении художественных изделий декоративно-прикладного искусства Востока и Древней Руси (например: Макарова, 1986, с. 58, рис. 21, № 206). В данном случае стоит отметить аналогии этому сюжету в резном шутке Афросиаба IX–X вв. [Ахраров, Ремпель, 1971, с. 35, рис. 13].

Время бытования – XII в. Время производства XI – первая–вторая четверть XII вв.

Тип 2.8 (1 экз.)

Болгарское городище. Перстень с квадратным щитком, на котором изображена вихревая розетка. Фон покрыт чернью. Из собрания ГИМ (инв. № 58456-с, коллекция Л. О. Сиклера) [Кавка, 1928, табл. I, № 4].

3. ПЕРСТНИ С ШЕСТИУГОЛЬНЫМ ЩИТКОМ

(27 экз.)

Представлены несколькими вариантами.

Тип 3.1 (кат. № 40; рис. 1-1; 1 экз.).

Кожаевский клад, 1990 г. Перстень со щитком 1,8 x 1,8 см с изображением птицы. Птица, изображённая в профиль, повернута вправо. Рисунок её выполнен по стандартной схеме: круглая головка с кривым клювом на маленькой шее, поднятые вверх крылья, хвост «веером», «мохнатые» ноги и выпяченная вперёд грудка. Оперение передано точками. Контур нанесён сплошной линией. Фон гладкий, зачернённый. Сверху и снизу щитка имеются наклонные насечки. Рисунок обведён сплошной линией. На левой боковой стороне имеются две насечки, заполненные чернью. Аналогичное изображение имеется на перстне из Болгарского городища. Щиток этого изделия имеет размеры 1,65 x 1,6 при диаметре шинки 2,1 см [Полякова, 1996, с. 177, рис. 61-20]. Видимо, похожий перстень был в составе Кашанского (Шуранского) клада 1889 г., но фигурка птицы здесь была развёрнута влево [Лихачёв, 1891, с. 176, прим.].

Датируется XII в.

Тип 3.2 (кат. № 27; рис. 1-2; 3-1; 1 экз.).

Биярское городище. Перстень с шестиугольным щитком 1,8 x 1,9 см с изображением птицы, вписанной в круг с выступами («венец»). Изображение птицы, несмотря на миниатюрность (размеры изображения – 0,7 x 0,6 см), выдержано в едином стиле с рисунками на других перстнях (см. тип 3.1). Венец вокруг птицы повторяет шестиугольную форму щитка и имеет шесть выступов. Вся композиция обведена по периметру щитка сплошной линией, которая по внешнему краю имеет s-видные насечки. Фон выбран, на него нанесена чернь. На одной боковой стороне имеется рисунок из двух равнобедренных треуголь-

ников, соединённых основаниями. Пространство между ними заполнено пунктирными линиями. В треугольниках, видимо, предполагалось изобразить растительные побеги, как это сделано на перстне из Кожаевского клада (рис. 1-13). Рисунок на боковых сторонах нанесён тонкими сплошными линиями.

Датируется перстень XI–XII вв.

Тип 3.3 (кат. № 10; рис. 1-18; 3-3; 1 экз.).

Биярское городище. Перстень с шестиугольным щитком 2,2 x 2,3 см. Внутренний диаметр шинки 1,8 см, внешний – 2,5 см, общая высота – 2,5 см, ширина – 2,5 см. Толщина щитка 0,4–0,5 см. Гравированный рисунок имеется на щитке и на боковых сторонах. На щитке изображён круг с отходящими от него в разные стороны лучами. В центре изображена вихревая розетка из стилизованных растительных побегов. Стилизованные s-видные побеги (лоза) помещены между «лучами». По периметру щитка идёт бордюр из s-видных фигур, ограниченный с внутренней стороны сплошной линией. Фон выбран и зачернён.

На боковых гранях щитка в рамках-картушах помещён меандровый орнамент. На боковых сторонах (ширина 0,5 см) изображение трилистника (рис. 2-3а). Перстень отличается массивностью, хотя он изготовлен по той же технологии, что и другие изделия.

Датируется XI–XII вв.

Тип 3.4 (кат. №№ 43, 1, 2, 20, 4, 28, 26, 39, 12, 11, 8, 30, 96; рис. 1-5–13, 15, 16, 23; 46-48, 52; илл. 94, 16 экз.).

Городища: Биярское, Болгарское (рис. 1-15); Кожаевский клад 1990 г. (рис. 1-5, 13; 2 экз.); Мурзихинское селище (рис. 1-52; 1 экз.). Перстни с шестиугольным щитком 1,5–2 x 1,7–2 см с рисунком из трилистника (крин), вписанного в круг с выступами («венец»). Рисунок нанесён сплошной линией (рис. 1-7, 8) или отдельными штрихами, образующими общий контур (рис. 1-6, 9, 12). По краю перстней идёт бордюр, украшенный s-видными насечками. Толщина щитка – 0,2 см. Фон в ряде случаев выбирался или расштриховывался, и иногда оставался гладким, но всегда чернился. На боковых сторонах схематичный рисунок в виде «галочек», треугольников или «шевროнов».

Интересен перстень этого типа с крупным щитком – 2,6х2,2 см (**рис. 1-12**), где крин вписан в двойную рамку из кольца с выступами (двойной венец). По краю идёт поясик из s-видных насечек. Фон гладкий, с чернью. Перстень этого типа (1 экз.) найден в Булгаре [Болгар, 1868, табл. VIII-18]. Аналогичный перстень в Сабакайском кладе 1870 г. М. М. Кавеев отмечал близкий по рисунку перстень с Новомордовского селища.

Датируется концом XI–XII вв.

Тип 3.5 (кат. № 14; рис. 1-19; 1 экз.).

Биларское городище. Перстень кованый с шестиугольным щитком¹ 1,6х1,72 см с рисунком из двух симметрично расположенных растительных побегов, соединённых у основания. Внешний диаметр шинки 2,15 см, внутренний – 1,8–1,9 см. Рисунок нанесён тонкими линиями и окаймлён рамкой из нескольких тонких полосок. Между ними и краем помещены s-видные насечки. На боковой стороне изображён схематический рисунок в виде треугольника. Чернь практически не заметна. Фон выбран резцом. На поверхности изделия имеются следы позолоты.

Аналогии этому орнаментальному мотиву есть в резьбе по ганчу² мечети Магоки-Аттари в Бухаре XII в. [Ремпель, 1978, илл. 76]. Подобный орнамент встречается и на древнерусских перстнях с чернью [Макарова, 1986, рис. 15, № 47].

Датируется XII – началом XIII вв.

Тип 3.6 (кат. №№ 17; 49; рис. 1-14; 2 экз.).

Биларское городище. Перстень с шестиугольным щитком 2,1х1,8 см с изображением из трилистника (крина), нижние концы которого замыкаются вверху, образуя круг. По краю перстня идёт бордюр, украшенный s-видным орнаментом. Фон гладкий, с чернью. На боковых сторонах схематичный рисунок в виде треугольников.

Аналогичный мотив встречен на 6 перстнях из собрания ГИМ из находок у сс. Старое Альметьево и Новое Альметьево, из Булгара и перстнях без точного места находки [Кавка, 1928, с. 119, табл. I, № 1; ГИМ, инв. №№ 34707, 58456, 54746, 35020, 35021, 9648]. Один экземпляр происходит из частной коллекции (**кат. № 49**).

Датируется XII – началом XIII вв.

¹ Щиток у края чуть треснул при ковке.

² Вяжущий материал, применяемый в штукатурных растворах.

Тип 3.7 (кат. № 38; рис. 1-20; 1 экз.).

Кожаевский клад, 1990 г. Перстень с шестиугольным щитком 2,2х1,9 см. Рисунок на нём состоит из зеркально-симметричных растительных побегов, обведённых сплошной линией и кантом из наклонных s-видных насечек. Рисунок обведён тонкой сплошной линией. Пространство между ней и краем щитка заполнено s-видными наклонными насечками. На боковых сторонах изображены треугольники. На одной стороне фон треугольников заполнен чернью. Не исключено, что треугольники могли стать результатом упрощения или крайней стилизации трилистника, как на перстне типа 3.3 (**рис. 1-18**), воспроизвести который из-за размеров данного изделия было затруднительно. Промежуточный вариант стилизации этого мотива прослеживается на перстне типа 3.4 (**рис. 1-10**).

Датируется концом XI–XII вв.

Тип 3.8 (кат. №№ 25, 23; рис. 1-27, 28; 2 экз.).

Биларское городище. Один перстень штампованный (**рис. 1-27**)³, с шестиугольным щитком 1,8х1,5 см с рисунком из растительных побегов (лозы), разделённых декоративным пояском, ограниченным сверху и снизу тонкими пунктирными линиями, пространство между которыми заполнено s-видными наклонными насечками (имитация плетёнки или верёвочного орнамента). Внешний диаметр шинки 2,1 см, внутренний – 1,8–2 см. На боковых сторонах имеется схематичный рисунок в виде отдельных линий, образующих композицию в виде треугольника. Чернь на щитке и на боковых сторонах нанесена по контуру рисунка.

Второй перстень (**рис. 1-28**), аналогичный по композиции рисунка и наложению черни, более массивен и, видимо, литой. Шинка его разомкнута и, скорее всего, не запаивалась.

Датируются XII – началом XIII вв.

Тип 3.9 (илл. 93-3.9; 3 экз.).

Спасский клад 1869 г. (1 экз.), Сабакайский клад 1870 г. (2 экз.) [Макарова, 1986, с. 43, 129–130, рис. 16, № 67, тип 3.1; Руденко, 2001, с. 343, 345, рис. 5; 7]. Перстни с шести-

³ Щиток помят, дужка перстня деформирована. Поверхность изделия покрыта плотной патиной тёмно-серого цвета.

угольным щитком. В центре изображён крин в обрамлении стилизованных растительных побегов. По краю идёт бордюр из s-видных наклонных насечек.

Датируются XII – началом XIII вв.

Тип 3.10 (рис. 1-22; 2 экз.).

Семёновское селище; Малополянский археологический комплекс. Щиток 1,2 x 1,2 см со стилизованным растительным (?) орнаментом. Перстень этого типа имеется в коллекции ГИМ [Кавка, 1928, табл. I, № 6, ГИМ, инв. № 12469]. А. Кавка видел в аналогичном изображении на перстне из ГИМ «как бы два крыла, прикреплённых к вершине треугольника на фоне из черни, и напоминает собой птицу без головы» [Кавка, 1928, с. 120, табл. I, № 6].

Датируется XII – началом XIII вв.

Перстни типа 3 без определения (рис. 1-50, 53; 2 экз.).

На нескольких серебряных перстнях со щитком прямоугольной и подквадратной формы рисунок не сохранился. Не исключено, что он мог вообще отсутствовать. Этим изделиям близок золотой перстень без изображений из Билярского клада 1882 г. [Лихачёв, 1891, с. 176, табл. IV-9], датированный XII в.

4. ПЕРСТНИ С ОВАЛЬНЫМ ЩИТКОМ (20 экз.)

Тип 4.1 (кат. №№ 44, 46, 15, 7, 31, 9, 413; рис. 1-29–33, 35, 36, 49; илл. 94; 9 экз.).

Городища: Билярское и Болгарское (рис. 1-32; 2 экз.); Мурзихинское селище (рис. 1-29; 1 экз.). Перстни с овальным щитком 1,5–2,2 x 1,5–1,8 см. Внутренний диаметр шинки в среднем 1,6 x 2; внешний – 2,2 см. Общая средняя высота изделий 1,8 см, ширина – 2,2 см. На перстне – изображение сдвоенных трилистников, симметрично расположенных на плоскости щитка и разделённых по оси симметрии пояском из косых насечек, ограниченным двумя параллельными линиями. Чернь на фон наносилась на заранее подготовленную (рис. 1-29, 49) или на гладкую поверхность (рис. 1-30, 33; 3-7). На боковых сторонах большинства перстней этого типа имеется чернёный рисунок: слева – парные полосы длиной 1 см, справа – спаренные полосы в виде «галочки». Иногда украшалась только одна боковая сторона. Аналогичные перстни найдены в Билярске (2 экз.), в Булгаре (1 экз.), в Чистополе (1 экз.), в Старо-Ново-Альметьевском археологическом комплексе (2 экз.) [Кавка, 1928, с. 119–120, табл. I, № 2; Полякова, 1996, с. 177, рис. 61-18]. Идентичен мурзихинскому перстню с Болгарского городища [Болгар, 1868, табл. VII-10]. Из Булгара известно ещё несколько находок перстней этого типа [Болгар, 1868, табл. VI-4, 5]. Перстень этого типа имеется в Сабакайском кладе 1870 г.

Интересная разновидность этого типа перстней представлена экземпляром, где разделительный поясок украшен гравированной плетёнкой (кат. № 50). За пределами булгарской территории перстни этого типа практически не встречаются.

Датируются XII – началом XIII вв.

Тип 4.2 (кат. №№ 3, 6, 18, 19; рис. 1-34, 37–41; илл. 94; 6 экз.).

Билярское городище; Мурзихинское селище (рис. 1-38; 4-1; 1 экз.). Перстни с овальным щитком; средние размеры: 1,7 x 2,2 см. На щитке рисунок из двух пересекающихся дуг, через которые проходит ещё одна дуга. Аналогичная композиция, но в зеркальной симметрии, расположена в нижней части щитка, отделяясь от верхнего пояском из косых насечек, ограниченным двумя параллельными линиями. Орнамент является геометрической стилизацией растительных мотивов, характерных для изображений на перстнях типа 4.1. На боковых сторонах двух таких перстней, кроме линий и «шевროнов»-галочек, имеется рисунок в виде треугольников (рис. 1-40, 41). Чернь наносилась как на насечённый, так и на гладкий фон¹. Аналогичный мотив А. Кавка характеризует как «орнаментальный узор из двух узлов, завязанных восьмёрками, узлы разделены горизонтальной чертой с орнаментом из косых чёрточек». Он присутствует на перстне из Булгара (?), из собрания Л. О. Сиклера и на перстне из собрания П. И. Щукина [Кавка, 1928, с. 120, табл. I, № 3; Полякова, 1996, с. 177, рис. 61-19]. Аналогичный перстень имеется в Сабакайском кладе 1870 г. Очень близок рассматриваемым перстням рисунок на перстне, найденном на Золотарёвском поселении в Пензенской области [Белорыбкин, 2001, рис. 30-11].

Датируются XII – началом XIII вв. Пережиточно могли бытовать до XIV в.

Тип 4.3 (кат. №№ 34, 35, 16, 394; рис. 1-42–44, 50; илл. 94; 5 экз.).

Билярское городище (рис. 1-44); селища: Семёновское (рис. 1-43), Мурзихинское (рис. 1-42, 51; 5-7). Перстни с овальным щитком; средние размеры – 1,7 x 2,2 см. Изображение на щитке – стилизация рисунков подтипов 4.1 и 4.2.

¹ Там, где это было возможно проследить.

илл. 95. Серебряный перстень с черневым узором и знаками с обратной стороны щитка (**кат. 15**). Прорисовка К. А. Руденко

Точнее, очень небрежное исполнение рисунка. Он нанесён без предварительной разметки линиями разной толщины. Причём мастер выполнял даже одну длинную линию несколькими (как правило, двумя) движениями. Чернью заполнены только углублённые линии. Фон гладкий, без черни.

Датируются XII – первой половиной XIII вв., до начала XIV в.

Тип 4.4 (кат. № 48; 1 экз.).

Биярское городище (?). Перстень с небольшим овальным щитком, разделённым орнаментальной полоской на две равные части. На этом пояске нанесены наклонные насечки. В обоих секторах помещён рисунок растительного побега. Фон зачернён. Близкий по композиции перстень встречен в древнерусском материале [Макарова, 1986, с. 41, № 78].

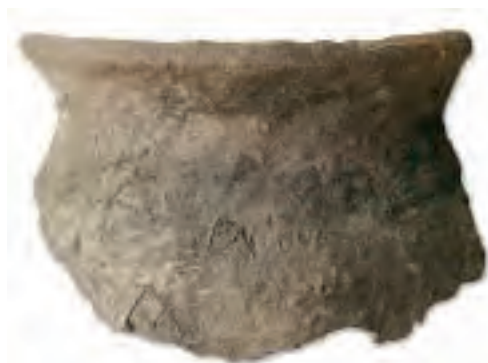
Датируется XII в.

Перстни типа 4 Н.В.Фёдорова отнесла к продукции третьей школы булгарских торевтов [Фёдорова, 1991, с. 5–10].

Знаки на перстнях. На обратной стороне одного из перстней (НМ РТ, инв. № 99/51; **кат. № 15; илл. 95; рис. 1-31**) двумя типами резцов выгравированы знаки. Длинные линии (до 0,4 см) наносились инструментом с узким вытянутым краем, а боковые и изогнутые линии – резцом с заострённым окончанием. Само изображение представляет собой прямую линию с загнутым окончанием с одной стороны. На ней размещены знаки в виде русских букв Ж, О или Э, и завершаются они знаком в виде восьмёрки. Сбоку находится самостоятельный знак в виде греческой буквы Ψ. Надпись не читается¹. Не исключено, что это знак собственности.

Подобные знаки, как правило в виде тюркских рун, встречаются в домонгольской Булгарии на различных бытовых предметах – шиферных пряслицах, столовой и кухонной посуде как на городищах (например, Биярское), так и селищах (например, Измерское, Остолоповское) (**илл. 96**). Аргументированные до-

¹ Благодарю И. Л. Кызласова и Т. И. Макарову за консультации по этому вопросу.

илл. 96. Фрагмент глиняного сосуда с частью рунической надписи с Остолоповского селища (Алексеевский район РТ). Раскопки К. А. Руденко. Экспозиция музея археологии БГИАПМЗ

илл. 97. Медный кумган с нечитаемой рунической надписью на ручке. XIII в. Собрание НМ РТ

илл. 98. Медный кумган с нечитаемой рунической надписью на ручке. Деталь

казательства использования рунической письменности (кубанское письмо) у волжских булгар до монгольского нашествия привёл И. Л. Кызласов. Более того, в последние годы появились доказательства использования руники булгарами (?) в чеканке монет в хазарское время – в VIII–IX вв. [Кызласов, 2012, с. 226–246]. В. С. Кулешов в своих работах² предложил называть эти монеты «руническими дирхемами» [Кулешов, 2009, с. 105–111; 2013, с. 370–382; 2013а, с. 40–42].

Стоит отметить, что специальные знаки достаточно широко использовались в булгарском гончарстве (клейма на посуде), встречаются они и на медной бытовой посуде (**илл. 97, 98**).

Т. И. Макарова отмечала, что перстни со знаками собственности являлись персональным заказом и что начальные опыты с чернью проводились в элитных княжеских мастерских [Макарова, 1986, с. 116]. О том, что немалая часть булгарских чёрнёных перстней изготавливалась на заказ, говорит их существенная вариативность в деталях. Представляется, что булгарские ювелиры, выполнявшие эти заказы, работали также в мастерских высокого ранга в крупных городах.

² Благодарю И. Л. Кызласова за информацию об этих публикациях.

Распространённость данных типов перстней по количеству и по местам находки с учётом опубликованных материалов из кладов и коллекции ГИМ даёт нам такую картину (**табл. Б**).

таблица Б

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ НАХОДОК СЕРЕБРЯНЫХ ПЕРСТНЕЙ С ЧЕРНЬЮ ПО ПАМЯТНИКАМ И КОЛИЧЕСТВУ

Тип	Количество	Место находки											
		Билар	Болгар	Семёновка	Мурзиха	Новомордово	Кожаевка	Сабакайка	Спасек	Альмет	Полянка	Чистополь	Не известно
		городища		селища			клады			арх. компл.			
2.1	1				1								
2.2	2		1		1								
2.3	4	1	3										
2.4	2		1				1						
2.5	1	1											
2.6	6		1	1				1			1		2
2.7	1						1						
2.8	1		1										
3.1	1						1						
3.2	1	1											
3.3	1	1											
3.4	18	7	7		1	1	2						
3.5	1	1											
3.6	8	1	1					1		1			4
3.7	1						1						
3.8	2	2											
3.9	3							2	1				
3.10	3			1							1		1
4.1	22	10	6		1			1		2		1	1
4.2	9	5	1		1			1					1
4.3	6	2	1	1	2								
4.4	1	1											
	95	34	23	3	7	1	6	6	1	3	2	1	9
		57		11			13			5		1	9

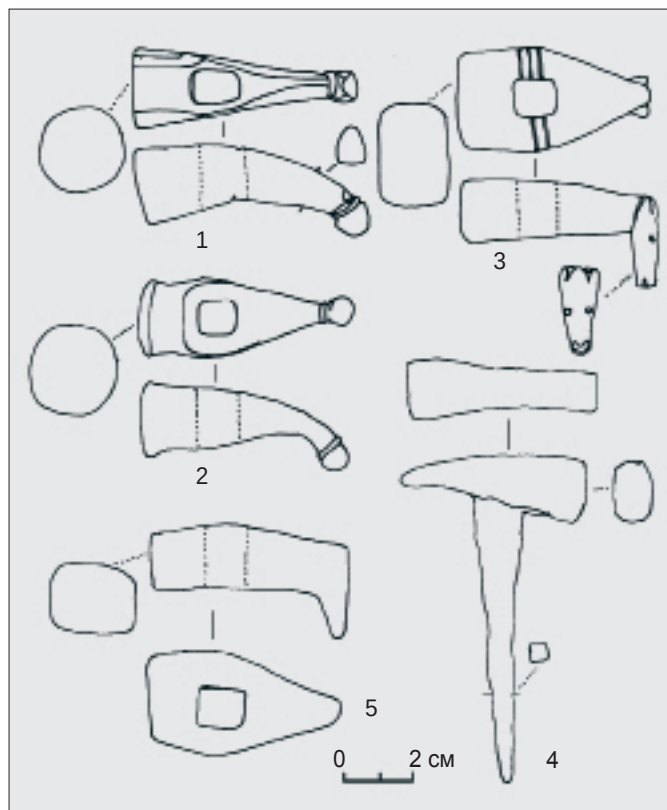
Вполне очевидно, что большая часть известных находок черневых перстней происходит с крупных городищ, причём далеко не всех – только Биларского и Болгарского. Даже если считать это случайностью выборки – именно из находок с этих памятников формировали свои собрания казанские и московские коллекционеры, – всё равно приоритет за этими памятниками остаётся, что вероятно отражает объективную ситуацию. Вместе с тем находки таких перстней известны с селищ, как правило, располагавшихся на внутренних торговых путях. Нельзя исключать и вариант, что это остатки небольших кладов (за исключением Новомордовской находки). Вещевые клады, где встречены черневые перстни, немногочисленны (в денежно-вещевых или кладах со слитками се-

ребра они не встречаются). Наиболее интересный комплект перстней по своему разнообразию и количеству представлен в Кожаевском кладе. Своеобразны находки из Старого Альметьева, выполненные в соответствии с традицией, но очень неаккуратно. В целом, клады с перстнями тяготеют к вышеупомянутым городищам, где концентрируется большая часть черневых перстней. Исходя из этого, можно предполагать, что в основном перстни имели хождение среди горожан и редко выходили за пределы городской среды. Также, вероятно, это было связано с определённым социальным слоем городских жителей. Об этом свидетельствует и находка черневых серебряных изделий на усадьбе зажиточного горожанина в Биларе.

ИНСТРУМЕНТАРИЙ И ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ПЕРСТНЕЙ

Перстни изготовлены из серебра. Вес их колеблется в пределах 2,3–4,3 г; проба серебра в большинстве случаев 925; лигатура составляет 2,51–4.

Инструмент мастера, владевшего искусством черни, не отличался чем-то принципиально от инструментария других ювелиров. Это молотки, наковаленки, ножницы, зубильца и резцы [Полякова, 1996, с. 166, 167]. Ювелирные молотки, которые могли использоваться при изготовлении перстней, двух видов. Первый вид (илл. 99-1–3, 5) [Руден-

илл. 99. Инструменты ювелира: железные молотки. 1 - НМ РТ, инв. №5427-47/1; 2 - НМ РТ, инв. №5427-177, АА-49-14; 3 - НМ РТ, инв. №5395-9, ОА-50-32; 4 - НМ РТ, инв. №19289, АА-40-49

ко, 2001, рис. 30-9, 10] представлен молоточками размером 6,5–7х2,3–3х3 см, которые насаживались на деревянную рукоять, для чего было предназначено специальное отверстие квадратной или прямоугольной формы в центре размером 0,8–1,1х1,2–1,6 см. Эти молоточки двусторонние. С одной стороны у них плоский боёк, а с другой – окончание в виде шарика (шаровидный боёк) (илл. 100), либо клиновидное скруглённое окончание, которому приданы зооморфные черты. Этот универсальный инструмент ювелира используется и по сей день [Бреполь, 1982, с. 150–151, рис. 116, 177]. Можно предположить, что такие молоточки

илл. 100. Железный ювелирный молоток с круглым бойком, XI – XIII вв. Билярское городище. Собрание НМ РТ

илл. 101. Железный ювелирный молоток с рукоятью, XI – XIII вв. Билярское городище. Собрание НМ РТ

илл. 102. Бронзовая наковаленка (?), XII – XIV вв. Болгарское городище. Собрание НМ РТ

использовались на предварительных операциях по обработке заготовки перстня, при работе резцами и, в единичных случаях, при формовке изделия. Ширина ударной части этих молоточков составляет 2,3х2,5, 2,7–3х2–2,3 см¹, что превышает размер щитка перстня.

Второй вид представлен молоточками² с металлической стержневидной, сужающейся к низу ручкой длиной около 8 см (рис. 1-4). Молоток двусторонний: одна его сторона вытянутая (1,1х2 см), другая – уплощённая сверху и снизу (1,6х0,7 см) (илл. 101).

Наковаленки, применявшиеся для формовки щитка, трудно идентифицировать в археологических коллекциях. Можно предполагать, что они по размерам и форме напоминали бронзовые наковаленки (илл. 102), которые часто встречаются на золотоордынских памятниках: Селитренном, Увекском, Болгарском городищах (Fedorov-Davydov, 2001, р. 168, cat. № 104, ГИМ, инв. № 2692-23; Недашковский, 2001, рис. 3-9, 10; Полякова, 1996, с. 166–167). Они в среднем имеют высоту 4,7 см и ширину 2,1 см.

Перстни изготавливались двумя способами. В первом случае бралась серебряная пластина толщиной 0,15–0,2 см, шириной не менее 1,7–2 см и длиной около 7–8 см. Скорее всего, по шаблону вырезалась (или вырубалась зубильцем) заготовка: щиток и будущая шинка (развёртка). От этого на готовом изделии образовывались небольшие заусенцы, хорошо заметные, если последующая обработка напильником готового изделия была не очень тщательной. Затем на пластичной «подушке»-наковальне формовалось само изделие. При

¹ НМ РТ, № 5427-177; АА 49-14; № 5395-9; ОА-50-32.

² НМ РТ, № 13298; АА 40-49.

этом щиток чуть выгибался наружу. Доводка проводилась на оправке с квадратной верхней поверхностью. На ней загибались вниз длинные вырезанные концы, и в результате этого на внутренней поверхности перстня образовывался хорошо заметный переход от щитка к шинке.

Ставшие тонкими и хрупкими от этой операции боковые стороны перстня нередко трескались (НМ РТ, инв. № 10211-37; **табл. А, № 32¹, кам. № 7; рус. 1-32; 9-19**), что часто приводило к преломлению сгиба. Сломанные таким образом изделия ремонтировали или утилизировали. Пример ремонта такого дефекта на перстне НМ РТ, инв. № 10211-42, (**кам. № 5; рус. 1-24**). Здесь изнутри на место перелома была припаяна тонкая полоска серебра шириной 0,5 см (**рус. 9-14**). Образовавшиеся остатки металла, выходявшие за пределы щитка, были обрезаны по краю. Затем припаянная пластинка и место разлома с лицевой стороны были обработаны напильником. Им же подправлены края шинки.

В единственном случае зафиксировано, что формовка перстня осуществлялась на круглом или полукруглом стержне. Край перстня после этого был чуть-чуть прочеканен (НМ РТ, инв. № 10211-52; **кам. № 21; рус. 1-35; 9-16**). В большинстве случаев края изделий на стыке щитка и изнутри шинки дорабатывались чеканом или, очень редко, молоточком с шариком-бойком диаметром 0,4–0,5 см (НМ РТ, инв. № 10211-49, 53; **кам. № 28, 29; рус. 1-11, 23; 6-1**). Скорее всего, таким образом проводилась подгонка перстня под нужный размер. При сгибании заготовки и правки её по краям щитка образовывался небольшой бортик, который снимался после завершения основных операций напильником, хотя нередко мастера этим пренебрегали (НМ РТ, инв. № 10213-48; 10211-29, 31, 37, 38, 39, 43, 50; **кам. № 7, 14, 12, 13, 22, 31; рус. 1-8, 14-17, 32, 34, 36; 9-12, 19**). Согнутые на оправке прокованные концы заготовки заводились внахлест с перекрытием около 0,5–0,7 см и соединялись припоем. После этого изделие в черне подправлялось напильником, затем на щиток и боковые стороны наносился рисунок. Как правило, на перстнях, изготовленных этим способом, нет следов дополнительной прочеканки; щиток и шинка практически одной толщины.

Второй способ предполагал изготовление перстня из дроба квадратного или прямоугольного сечения, отрубленного на нужную длину с учётом напуска (до 10 мм) по ширине, близкой к максимальной ширине будущего щитка (**рус. 9-5, 6**). Концы заготовки вальцевались. Затем на подкладке из свинца (?) с желобком или выемкой, размер которой был больше щитка, специальным инструментом проводилась первичная формовка щитка, а затем его доводка на наковальне (судя по следам на обратной стороне изделий) чеканами или молоточками-чеканами с узкой рабочей частью. Ширина рабочей части этого инструмента 1,5–0,2 см, длина – 0,4–0,5 см. Удары молоточком или чеканом наносились с внутренней стороны от центра к краям щитка. Шинка перстня запаивалась. При этом тонко прокованные концы её заводились внахлест друг на друга, и затем соединение пропаивалось серебряным (?) припоем. Внутренняя поверхность перстня обрабатывалась

мелким напильником и полировалась уже после пайки шинки². Внешняя поверхность украшалась чернёным рисунком.

Если заготовка была очень массивной (НМ РТ, инв. № 10211-26; **кам. № 10; рус. 1-18**), внутренний объём на щитке (2,3 x 2,25 см) выбирался на глубину около 0,4 см. Нахлест концов заготовки при формовке шинки в этом случае был большим и приходился на всю длину шинки – от одного края щитка до другого (**рус. 2-3, 3а, 3б**).

Рисунок на перстнях выполнялся инструментом, аналогичным современному шпигштихелю [Новиков, Павлов, 1991, с. 161]. Возможно, использовался набор из фляхштихеля, мессерштихеля, пунктирштихеля [Макарова, 1986, с. 10, рис. 3]. Сначала рисунок наносился (или переносился с шаблона) на щиток прочерчиванием (**кам. № 46; рус. 1-30**) тонкой иглой [Макарова, 1986, с. 8], затем шпигштихелем прорабатывался контур, и в последнюю очередь выбирался фон. Такой способ нанесения контура будущего рисунка можно проследить на одном перстне, где чернь не была нанесена (или не сохранилась) (**кам. № 12; рус. 1-16**). Вероятно, так размечались штампованные перстни, выполненные из серебряной пластины.

Когда предполагалось оставить фон гладким, применялся другой способ нанесения рисунка (**кам. № 45, рус. 1-26**). Канфарником или пуансоном намечались опорные точки рисунка (по прочерченному контуру или на глаз), а затем резцом пунктирные контуры соединялись в сплошную тонкую канавку [Чеканка, 2003, с. 25].

На массивных перстнях (**кам. № 10, рус. 2-3**) использовались чеканы разного размера и формы для нанесения основного рисунка и деталей, а также проработки фона [Руденко, 2002а, рис. 61].

Сам процесс подготовки изделия к чернению можно видеть на нескольких образцах (**табл. А, № 11, кам. № 28; табл. А, № 29, кам. № 44**). На первом перстне тонким резцом по разметке (?) сплошной линией был нанесён рисунок, а затем внутри контура сделана пунктиром обводка рисунка одной линией и намечены его детали: листья, стебли побегов и т. п. (**рус. 1-29; 2-4**; Руденко, 2002а, рис. 61). Образовавшееся между рисунком и краем изобразительного поля (краем щитка) пространство, а также свободные участки самого рисунка (фон) были заполнены одной или несколькими линиями с минимальными участками гладкой поверхности или же почти полностью «выбиты» резцом. Фон выбирался последовательным насечением резцом параллельных линий на глубину 0,1–0,2 см (НМ РТ, инв. № 10211-53, **кам. № 28**) (**рус. 6-1**). На эту основу затем была нанесена чернь. Причём сам рисунок, вероятно, покрывался специальным составом (глина или т. п.), чтобы туда не попала чернь [Новиков, Павлов, 1991, с. 172].

На втором перстне (**рус. 1-11**) двумя тонкими сплошными линиями был нанесён рисунок, а затем участки для покрытия чернью были расштрихованы наклонными насечками.

Чернение наносилось только на рисунок (НМ РТ, инв. № 5368-26; **кам. № 10; рус. 1-27; 1 экз.**); на фон и рисунок (НМ РТ, **инв. № 10211-51; рус. 1-31; 1 экз.**) или (в большинстве случаев) только на фон с предварительной

¹ Порядковый номер перстня в табл. А соответствует номеру позиции на рис. 1.

² Описанный процесс практически аналогичен изготовлению сложной шинки [Новиков, Павлов, 1991, с. 90–91].

насечкой поверхности. Сам процесс чернения описан в литературе [Теофил, 2007, с. 272–273; Флёров, 1962, с. 74; Бреполь, 1982, с. 326–327] (**Приложение 1**).

Следы позолоты заметны на трёх перстнях. На одном образце (НМ РТ, инв. № 10211-41; **кат. № 3; рис. 1-40; 6-4**) её видно посередине щитка и на шинке. С обратной стороны сохранилась тонкая плёнка золочения с пузырьками «вскипания». Золотился чёрнёный перстень (НМ РТ, инв. № 10211-52, **кат. № 21; рис. 1-35**) и перстень, где чернение было незначительным (НМ РТ, инв. № 10211-48; **кат. № 17; рис. 1-19**). Золочение осуществлялось, видимо, ртутной амальгамой [Флёров, 1962, с. 49].

ОРНАМЕНТАЦИЯ

ФОРМЫ ЩИТКОВ

Формы щитков болгарских чёрнёных перстней мало вариативны (квадратная, шестиугольная, овальная) и обусловлены в некоторых разновидностях в большей степени особенностью формовки на наковальне. Тем не менее, широко распространённая форма щитка болгарского перстня овальной формы (**рис. 1-30–35, 37–40**) в других ремесленных центрах, например в Древней Руси, встречается очень редко. Близкая рассматриваемым формам щитка бронзового перстня с городища Каратобе (Сауран) в Южном Казахстане имеет совершенно другой декор и датируется второй половиной XIII в. [Смагулов, 2011, с. 271, рис. 37-8; 38].

КОМПОЗИЦИИ РИСУНКОВ НА ЩИТКЕ

1. Круглое поле щитка разделено посередине узким орнаментальным пояском с растительным мотивом (**рис. 1-45**). Такой рисунок аналогичен изображениям на перстне XII–XIII вв. в киевском кладе 1906 г. [Jewelry, 1991, p. 137, ill. 308].

2. Шестиугольное или овальное поле щитка разделено на две части узким пояском (**рис. 10-B:7–9**), украшенным наклонными или s-видными насечками (**рис. 5-6, 14**) и в одном случае – двойной плетёнкой (**рис. 5-12**). В каждом секторе помещено изображение растительного побега в зеркальной симметрии. Прототипом такой композиции может быть оформление пластинчатых и плетёных перстней из бронзы, широко распространённых в финских и славянских древностях X–XII вв. [Зайцева, Сарачева, 2010, с. 210, рис. 104-11, 12, 23; Никитина, 2012, с. 303, рис. 197-10-14].

3. Поле щитка заполнено одним рисунком, вписанным в заданную форму (**рис. 10-A:1–6, Б:4–6**).

Рисунки на боковых сторонах щитка. Как правило, это схематичные изображения в виде галочки, нескольких маленьких треугольников, ромбов, отдельные линии, заполняющие свободную плоскость (**рис. 1**). Только в одном случае рисунок – трилистник проработан чётко и детально (**рис. 1-18; рис. 2-3а**). Рисунок на боковой грани щитка в виде меандра имеется только на одном изделии (**рис. 2-3в**), поскольку это единственный объёмный перстень в коллекции.

ОРНАМЕНТАЛЬНЫЕ МОТИВЫ

А. Орнитоморфные мотивы (*илл. 93, типы 2, 6, 3.1, 3.2; рис. 10-Г*)

Представлены одним типом: изображение птицы в профиль с поворотом направо (**2 экз.**) (**рис. 1-2, 3; 10-12, 13**) и налево (**3 экз.**) (**рис. 1-1; 10-10, 11, 14**). Несмотря на то, что птица изображалась стандартно: покрытое перьями туловище с острой или округлой грудкой завершается трапецевидным или прямоугольным хвостом, поднятое вверх крыло передано вытянутым с небольшим изгибом равнобедренным треугольником, (**рис. 1-1**), очевидны и определённые отличия. Они следующие: 1) пропорциональные соотношения головы и туловища – 1,5:1 или 2:1 (**рис. 10-Г-10, 11, 13**), в остальных случаях – 2,5:1 или 3:1; 2) форма головы и клюва; 3) оформление фона; 4) окантовка рисунка. Примечательно изображение ног птицы – они треугольной формы. Такая деталь отражает специфику внешнего вида некоторых пород голубей.

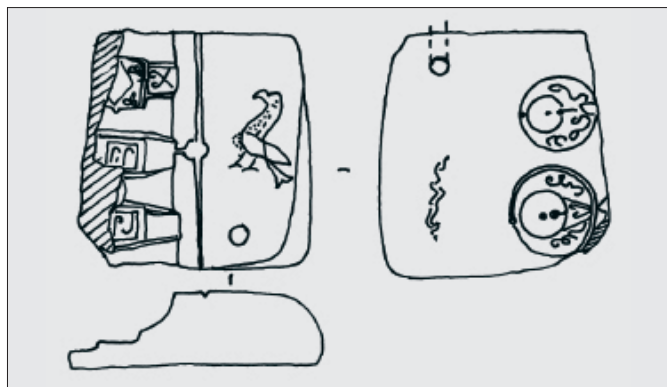
Изображения птиц в таком стиле известны на каменных литейных формах из Биляра (*илл. 103*). Причём стилистика их достаточно своеобразна. При этом цель нанесения этих изображений на литейных формах для отливки перстней и лунниц (*илл. 104, 105*) не совсем ясна. Близкий по характеру рисунок имеется на восточной металлической чаше (*илл. 106*), датированной первой половиной XI в. – из древнемарийского могильника Нижняя Стрелка [Руденко, Никитина, 1992, с. 51–71].

илл. 103. Литейная форма (?) из Биляра. Известняк, XI–XII вв. Коллекция А. Ф. Лихачёва. Собрание НМ РТ

илл. 104. Литейная форма из Биляра. Сланец. МА К(П)ФУ

илл. 105. Литейная форма из Биляра. Прорисовка К. А. Руденко

илл. 106. Металлическая чаша из могильника Нижняя Стрелка в Поветлужье. Иран, XI в. Фонды МарНИИЯЛИ

В целом, близкие изображения широко распространены в декоративно-прикладном искусстве разных эпох и стран [например: Кирилко, 2005, с. 349–358] и не имеют узкой территориальной и хронологической привязки. Любопытно, что на болгарском Лаишевском селище встречены перстни с изображением птиц и стилизованных рисунков, сделанные кустарным способом непрофессионалами (илл. 107).

илл. 107. Щитки серебряных перстней с Лаишевского селища (Чакма). Прорисовка К. А. Руденко

Б. Геометрические мотивы

1. Кольцо с простым крестом (рис. 5-5; 10-Б:5) – схематическое изображение крина, вписанного в круг (рис. 1-16).

2. Кольцо, разделённое двумя дугами, смыкающимися в центре кольца и в месте соединения пересечёнными горизонтальной линией (рис. 1-17; 10-Б:6). Происхождение этого мотива связано с орнаментом в виде плетёнки, такой, например, как на древнерусских браслетах-наручах XII в. (илл. 108).

илл. 108. Орнамент на древнерусском серебряном браслете. Деталь.

3. Рисунок в виде «бабочки»: две полудуги, сомкнутых в центре, с замкнутыми вертикальными отрезками краями. В центральной части боковых отрезков имеются короткие горизонтальные линии (рис. 1-21; 10-А:2). Прототипом этого мотива, возможно, является геометризированный крин [ср.: Макарова, 1986, с. 41, рис. 15, № 101]. Имеются стилизации этого рисунка (илл. 109). Очевидна связь между этим мотивом и его «оригиналом», где сохранён исходный трилистник (рис. 10-А:3). Если мы соединим «уголки» – в сущности, отростки растительного побега, чётко прорисованного на перстне из этого же клада (рис. 10-А:1), – которые в данном случае показаны в зеркальной симметрии, то получим собственно этот мотив в виде «бабочки». Эти перстни очевидно являются делом рук одного ювелира. Возможно, его подмастерьем выполнен перстень (илл. 109).

илл. 109. Рисунок на щитке перстня из Билярского городища. Прорисовка К. А. Руденко

4. Сложный узел («магический» узел, или «узел счастья») из переплетающихся V-образных замкнутых линий (рис. 1-26; 5-9). Мотив «плетёнки» встречается на древнерусских изделиях домонгольского времени [Макарова, 1986, рис. 28-2], на изделиях в Романовском кладе [Генинг, 1956, с. 159–162, рис. 59-3, 5]. Имеются аналогии в материале

Белореченских курганов, могильника Ахтырский лиман I; в Нейзацком кладе золотоордынского времени [Армарчук, Сорокина, 2001, с. 202, 209, рис. 5-7]. Отметим, что такой тип орнамента в мелкой пластике, торевтике и архитектуре становится популярным в эпоху Золотой Орды. Например, он встречается на изразцах и мозаиках на сооружениях из Сарая (Селитренного городища) [Fedorov-Davydov, 2001, табл. 74, с. 129, 155, кат. №№ 45, 46]. Не исключено, что сам сюжет появился раньше, но в любом случае он остаётся самым поздним на болгарских чёрневых перстнях. Причём вторым признаком, отличающим эти изделия, являются нанесение рисунка разметкой опорными точками и гладкий чёрневый фон. Датируются перстни с этим мотивом XIII в.

5. *Композиция из двух переплетённых прямоугольников (илл. 93, тип 2.2)* имеет многочисленные аналогии в исламском искусстве.

6. *Плетёнка* использована как дополнительный элемент на разделительном орнаментальном пояске (перстень *кат. № 50*).

В. Растительные мотивы

1. Орнамент из *двух переплетённых между собой растительных побегов с крином (рис. 10-В:7, 8)*. Раппорт трактовался мастерами как: а) (*рис. 2-1; 4-16*) два крина (трилистника), вписанные в сердцевидные фигуры, образованные сомкнутыми над трилистниками растительными отростками, соприкасающиеся между собой боковыми сторонами; б) (*рис. 2-4; 4-6, 12*) два парных трилистника с длинными черешками, которые пересекаются между собой крест-накрест. Вариантом этого рисунка является s-видный побег без трилистника в зеркальной симметрии (*рис. 5-14*). В целом, такой мотив часто встречается на украшениях средневекового времени Востока и Руси. Деление орнаментального поля на две части встречается

и на древнерусских чёрневых перстнях, но именно такой композиции, как на болгарских перстнях, не встречено. Не исключено, что здесь имеет место заимствование композиции из другой категории ювелирных украшений – напускных филигранных золотых бусин височных колец (*илл. 110*) иранского производства XI в. [Jewelry, 2013, p. 119].

2. *Два растительных побега* (вероятно, стилизованная полупальметта), обращённых листьями наружу с сильно изогнутым в вершине стеблем, в диагональной симметрии (*рис. 4-3*). Имеются аналогии на рисунках на древнерусских перстнях [Макарова, 1986, с. 40, № 96].

3. *Два растительных побега*, аналогичных предыдущим в вертикальной симметрии (*рис. 4-2*). Стилизованный этот мотив встречен на коробочке-подвеске (*рис. 5-2; илл. 116*).

4. *Два растительных побега*, обращённых листьями внутрь, в вертикальной симметрии сомкнутых изогнутыми стеблями (*рис. 5-4*).

Г. Комбинированные мотивы

1. *Крин, вписанный в кольцо – (рис. 10-Б:4)*. Композиция, вероятно, восходит к хазарскому времени, что подтверждается находками, датируемыми второй половиной X в. (курган «Гульбище», Черниговская губ. 1872 г., раскопки Д. Я. Самоквасова [Меч и златник, 2012, с. 104–105, кат. №№ 266, 270]), и в целом к широкому кругу восточных аналогий. То же самое характерно для искусства Древней Руси и Поволжья этого времени [Ремпель, 1978, с. 252]. Схожая композиция имеется на серебряных с чёрневым рисунком накладках на конскую уздечку из печенежского или гузского (торческого) захоронения XI в. Эти накладки имеют византийское или древнерусское происхождение [ЗОИК, 2005, с. 38, кат. 57]. На византийских изделиях – чаши, кувшины, крышки от чаш [Сокровища, 2003, с. 42, 43, кат. № 11; Карачаров, 2008, с. 76,

илл. 110. Золотое височное кольцо. Иран, XI в.

илл. 111. Серебряный сосуд европейского производства с чёрневым узором. Найден в Западной Сибири

рис. 20]. На серебряных сосудах из Северной Европы, декорированных чернью (*илл. 111*), встречается мотив трилистника, но иконография рисунка здесь совершенно иная [Сокровища, 2003, с. 48–50, кат. №№ 14–16].

Близки к этой композиции рисунки на болгарских бронзовых матрицах для штамповки накладок (нашивок) (*илл. 112*). В целом аналогии этому мотиву достаточно многочисленны – от заставок-буквиц в русских летописях (*илл. 113*) до орнаментов на тканях [Макарова, 1997а, с. 362, 363, табл. 116; 117].

илл. 112. Бронзовая матрица и медная тиснёная накладка, сделанная с помощью такой же матрицы. Билярское городище. Коллекция А. Ф. Лихачёва. Собрание НМ РТ

илл. 113. Заглавные буквы из древнерусских книг XIII – XIV вв.

2. *Крин* с двумя стилизованными растительными побегами с обеих сторон в виде короны (*рис. 10-А:1*). Ближайшая аналогия: мотив процветшего креста (*илл. 114*). Почти такой же мотив имеется на белокаменной резьбе Дмитриевского собора во Владимире (конец XII в.) [Гладкая, 2009, с. 195, кат. № 107/749].

3. *Двойной крин*: сюжет, аналогичный предыдущему, но отражённый в зеркальной симметрии и заключённый в кольцо из сомкнувшихся дополнительных растительных отростков (*рис. 10-А:3*).

илл. 114. Древнерусское серебряное оплечье (бармы) XII – начало XIII вв.

4. *Пятилучевая розетка*, в центральный медальон которой и пространство между лучами вписаны растительные побеги (*рис. 2-3*).

РАЗВИТИЕ ОРНАМЕНТАЛЬНЫХ МОТИВОВ

Первые наблюдения за развитием орнаментальных мотивов на чернёных болгарских перстнях сделал А. Кавка [Кавка, 1928, с. 119–120]. Большинство орнаментальных мотивов на болгарских перстнях с чернью являются вариантами растительного побега и трилистника (крин). Мотив крина (мотив Г-1) практически только модифицировался (*илл. 94, тип 3.4*), усложняясь, обрастая деталями и декоративными дополнениями. Только один перстень, относящийся к другому виду, демонстрирует достаточно вольную трактовку этого мотива, при этом, благодаря особенному дизайну щитка; общая композиция оказалась достаточно удачной за счёт существенно меньшей орнаментальной плоскости, но дополненной новыми элементами (*рис. 5-13*). В остальном мастера как будто экспериментировали с исходным элементом – трилистником, поворачивая его в разной плоскости, но при этом всегда соблюдая принцип зеркальной симметрии (*рис. 10-А:1–3*).

Кольцевой растительный побег (в который вписан трилистник: мотив Г-1; *рис. 10-Б:4*) постепенно превращался в геометрическую фигуру – круг (*рис. 10-Б:5*), а затем уже в полностью геометрический рисунок (*рис. 10-Б:6*).

Из рисунков с растительными побегами (мотив В-1) (*илл. 94, типы 4.1; 4.2; 4.3*) эволюционировал практически только мотив В-1б. Если изначально на рисунке хорошо различались побеги (*рис. 4-12*), то затем рисунок упрощался, приобретая характер геометрического орнамента (*рис. 4-11*); а в завершающей стадии превратился в схему, сначала ещё

сохранявшую первоначальные контуры утраченного образа (**рис. 4-8**), а затем все больше схематизированную, отдалённо напоминающую плетёный орнамент (**рис. 4-14; 6-4**). Последние образцы, где можно проследить этот рисунок, очень лаконичны: это уже, по сути, не совсем орнамент, а набор отрезков и линий, в которых можно «угадать» что угодно – вплоть до каких-либо арабиграфичных стилизованных надписей (**рис. 5-7**).

Были и мотивы, которые не получили развития: мотив плетёнки (**рис. 5-9**) и пересекающихся геометрических фигур (**рис. 5-11**). Скорее всего, эти перстни были привозными или сделанными по индивидуальному заказу. В большей степени они относятся уже к XIII в. Исключительным является перстень с геометрической розеткой (**рис. 2-3**). Он был, очевидно, изготовлен на заказ и украшен по вкусу заказчика. Он напоминает массивные золотые и серебряные перстни восточного происхождения, однако полных аналогий нами не обнаружено.

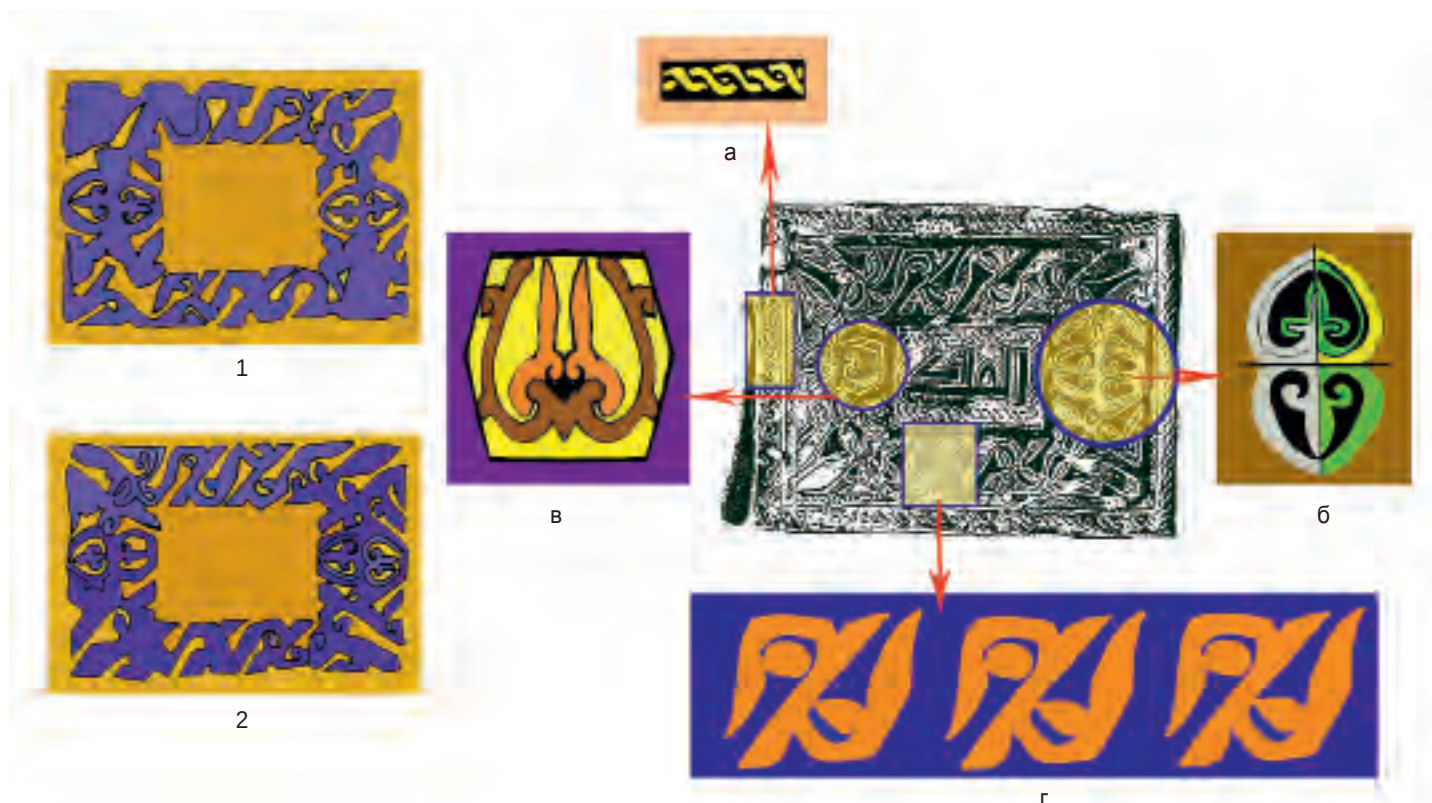
СОЧЕТАНИЕ ОРНАМЕНТАЛЬНЫХ МОТИВОВ

Важным для понимания формирования тех или иных орнаментальных сюжетов является капторга из Спасского клада (**рис. 8-1**). Декор на ней (**илл. 115**) содержит легко узнаваемые мотивы, использовавшиеся также на перстнях. Наиболее очевидным совпадением является мотив Z-образного побега на капторге (**илл. 115-а**) и перстне типа 2.3 (**рис. 4-3, илл. 117-1**). Этот мотив составляет часть орнаментального узора в верхней и нижней частях композиции (**илл. 115-1, 2**). Исходная форма угадывается весьма смутно, хотя прототипы их мож-

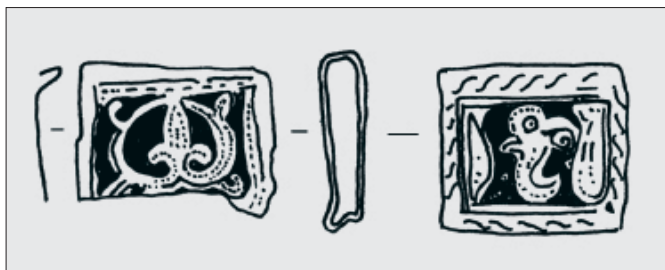
но найти на хорасанских и мавераннахрских изделиях XII в. [Литвинский, Соловьёв, 1985, с. 261, табл. 28-1]. Своеобразная угловатость рисунка, стремление заполнить максимум пространства орнаментального поля являются отголоском стиля резного штука Афросиаба IX–X вв. [Ахраров, Ремпель, 1971, с. 81, рис. 56].

Так же вполне узнаваемо изображение трилистника (крина) (**илл. 115-в**), как на перстнях типа 2.7 и 3.9 и коробках-подвесках (**илл. 116**). Однако мастер или мастера, изготовившие эти перстни, несколько стилизовали или по-своему трактовали его. Здесь же мы видим и использование усложнения мотива – симметричное соединение двух рисунков с трилистником – на капторге – они соединены основаниями (**илл. 115**), а на перстне из Кожавского клада (тип 3.7) – верхними частями (**табл. А; рис. 10-А:3**). Встречена на капторге и плетёнка (**илл. 115**), хотя на большей части изделия она заменена более простым s-видным мотивом, т. е. стилизованной плетёнкой.

Для определения времени изготовления этого изделия можно привлечь датированные аналогии, например, серебряный браслет с чернью из Любеча или браслет из оловянисто-свинцового сплава из Новгорода конца XII в. с такими же орнаментами [Макарова, 1986, с. 85, № 229; Седова, 1996, с. 428, 429, № 154]. Учитывая время сокрытия Спасского клада, в котором найдена капторга [Руденко, 2011б, с. 157], это изделие датируется 70–90-ми гг. XII в. Можно предполагать, что она изготовлена мастером, который работал в Бугаре. Здесь в этот период, видимо, трудился и другой мастер, манера которого выражалась в предпочтении гравированного рисунка с минимальным использованием черни (**илл. 117-1**),

илл. 115. Прорисовка К. А. Руденко орнаментов на серебряной капторге из Спасского клада

илл. 116. Серебряная коробочка-подвеска из Билгара. Прорисовка К. А. Руденко

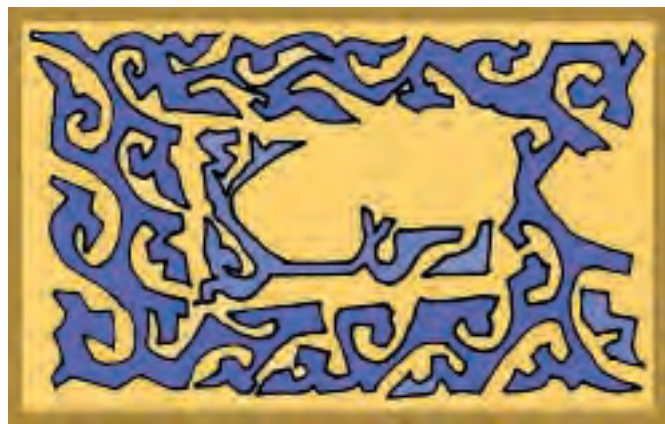
илл. 117. Орнаменты на перстнях из Билгара. Прорисовка К. А. Руденко

как это сделано на перстне (*кат. № 414*) и коробочке из Булгара. В Булгаре в первой половине XIII в. ювелиры работали в своеобразном «геометрическом» стиле (*илл. 93, типы №№ 2.1 и 2.2*).

К последней трети XII в. можно отнести и ювелиров, работавших в Билгаре по индивидуальным заказам (*илл. 93, типы 2.5; 3.3; 3.8*). Часть их выполнена в «растительном стиле» с преобладанием мотива лозы (*илл. 93, типы 1.1; 3.8*).

Стилистически близок спасской капторге рисунок на бронзовой матрице из Билгара (*илл. 118*). Причем эта матрица не та, с которой сделана спасская капторга, а имеет свой оригинальный рисунок, в котором преобладают стилизованные растительные побеги, при этом они более близки к оригиналу – можно различить характерные отростки полупальметт и изгиб самого побега.

Подводя итог, можно констатировать, что булгарские ювелиры использовали для декорирования перстней стилизованные растительные и геометрические мотивы, практически не используя оригинальные и узнаваемые рисунки исходных образов. Это объясняется, с одной стороны, небольшой площадью для нанесения рисунка на щиток перстня, с другой – освоенным в процессе обучения и практической деятельности (востребованным в данной культурно-эстетической среде) каноном изображения, с третьей – своими профессиональными предпочтениями и творческой манерой.

илл. 118. Бронзовая матрица из Билгара. Прорисовка К. А. Руденко

По времени появления самым ранним из орнаментальных мотивов на черневых перстнях является мотив крина, заключенного в замкнутый круг с боковыми «отростками», символически изображавший сомкнувшиеся растительные побеги или листья побега (*илл. 93, тип 3.4*), а также тот же крин, но в обрамлении разомкнутых ветвей растительного побега (*илл. 93, тип 2.7*). Такие перстни встречаются на Болгарском и Билгарском городищах, в Кожавском кладе.

В этой ранней группе появляется и изображение птицы в кольце из растительных побегов на перстне из Билгара (*илл. 93, тип 3.2*). Этот мотив был использован мастером-«абстракционистом», создавшим серию перстней из Кожавки. Он пренебрёг каноном и «освободил» птицу из «рамки», заполнив её рисунком всё свободное пространство щитка перстня. Причём птицы на обоих перстнях изображены в одной манере. Видимо, этот орнитоморфный стиль практиковался билгарскими ювелирами во второй – третьей четверти XI в., воплощаясь в близких трактовках этого образа (*рис. 10-Г.13; 15*).

Большая часть перстней с комбинированными или стилизованными орнаментами встречается как на Билгарском, так и на Болгарском городище. Орнаменты, особенно с мотивом трилистника, эволюционировали медленно, отражая своего рода «булгарский стиль», со временем упрощаясь и приближаясь к геометрическим формам. Эту картину усложняла индивидуальная манера ювелиров, а также отдельные заказы, которые диктовались уже заказчиком с его художественными вкусами или желанием воспроизвести для себя где-то им увиденное.

Можно предполагать, что некоторые мотивы, особенно геометрические, встречающиеся в конце XII в., исполнялись ювелирами, работавшими какое-то время за пределами Булгарии или приехавшими из другой страны и изготавливавшими изделия в «булгарском стиле». Нельзя также исключать переработку, например, популярных узоров, на керамических сосудах или тканях, которые привозили в Булгарию, а также воспроизведение отдельных мотивов на серебряных украшениях, в том числе и с чернью [ср.: Ettinghausen, Grabar, Jenkins-Madina, 2003, p. 120, 121, 124, ill. 189, 191, 200; 5000 years, 2010, p. 74, il. 75].

АТРИБУЦИЯ

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ БУЛГАРСКИХ ПЕРСТНЕЙ С ЧЕРНЬЮ

Булгарские перстни с чернью характеризуются следующими признаками: 1) изделия пластинчатые, широкосрединные, цельнокованные со сведёнными в кольцо концами, образующими шинку; 2) форма щитка – чаще всего квадратная или овальная, реже – шестиугольная; 3) основные композиции рисунка: симметричная и в зеркальной симметрии; 4) ведущие орнаментальные мотивы – крин в сочетании с растительным побегом (основной) и переплетающиеся растительные побеги; 5) чернь наложена на фон рисунка, реже чернью выделен контур рисунка; 6) оригинальной чертой этой категории изделий является наличие перстней с контурным рисунком, аналогичным тем, что на черневых изделиях, но без нанесения черни.

Если сравнить перстни с чернью, например, из вымских могильников (*илл. 119, 120*), то сам рисунок, как на щитке, так и на боковых сторонах, а также техника его нанесения имеют много черт, отличающих их от булгарских.

Булгарские серебряные перстни с чернью на фоне, аналогичной древнерусской продукции, имеют очевидное своеобразие и отражают местные традиции, выразившиеся прежде всего в том типе серебряного широкосрединного пластинчатого перстня, который является основным и, по сути, единственным у булгарских ювелиров в массовом производстве в домонгольское время. Большое разнообразие форм черневых перстней в Древней Руси связано и с обширными контактами и заимствованиями в этой категории изделий, что

обусловило и определённое сходство их с иноземными образцами [Макарова, 1986, с. 48].

Несмотря на позднее время начала производства черневых булгарских перстней и их малую вариабельность, можно констатировать ряд интересных моментов, связанных с их декором. Это касается в первую очередь рисунка на боковых сторонах щитка. Декор на этой части перстня имеется на черневых древнерусских перстнях, хотя таких немного [Макарова, 1986, с. 40, 41, рис. 15, №№ 63, 71]. Появление орнамента на этой части щитка обусловлено в первую очередь формой самого перстня и эстетического его восприятия при ношении. Тенденция к декорированию всей широкой части пластинчатых перстней характерна для медных и бронзовых изделий Волго-Камья IX–XII вв. У булгарских ювелиров, следовавших в целом местной традиции, выбор приёмов декорирования имел дополнительный источник, скорее всего византийского происхождения. По крайней мере, близкие черневые рисунки имеются на золотых византийских перстнях ещё V в. н. э. [Spier, 2010, p. 14, 15, pl. 5a, 6, 7]. Впрочем, украшение боковых сторон характерно и для восточных серебряных перстней XII–XIII вв. [Иванов, Луконин, Смесова, 1984, с. 26, кат. № 56].

ДАТИРОВКА

К сожалению, большая часть перстней с чернью из старых музейных коллекций, хотя и найдена на археологических памятниках, не имеет привязки к культурным слоям, что существенно затрудняет определение узкой даты бытования этих предметов. Отметим, что языческие булгарские могильники VIII–X вв. (как и некрополи финского населения Среднего Поволжья этого периода) и ранние булгарские поселения X в. находок предметов, украшенных чернью, в том числе и перстней, не содержат. Таким образом, чернёные перстни могли появиться у болгар не ранее XI в.

Уточнить эту датировку черневых перстней можно было бы по тем археологическим памятникам, на которых они обнаружены (*табл. Б*): на Болгарском (23 экз.), Билярском городищах (свыше 34 экз.), городище Джукетау (1 экз.); на селищах: Новомордовском (1 экз.), Мурзихинском (7 экз.), Семёновском (3 экз.), Лаишевском (2 экз.), а также из археологического комплекса у сс. Новое Альметьево и Старое Альметьево (3 экз.) [Фахрутдинов, 1975, №№ 174, 193]. Эти памятники в большинстве своём датируются как домонгольским, так и ордынским временем. Основной материал с поселений у сс. Новое Альметьево, Новомордово, с Мурзихинского селища и Билярского городища относится к домонгольскому времени. То есть в целом место обнаружения черневых изделий не даёт оснований для узких датировок и, в лучшем случае, подтверждает установленную ранее дату бытования этих предметов.

Единственными найденными в закрытом археологическом комплексе с датирующими предметами являются перстень с чернью (*кат. № 33*) и две серебряные коробочки-подвески (*кат. № 83*) из сооружения № 304 раскопа XXIII Билярского городища [Хузин, Валиулина, 1986, с. 100]. Опубликованный материал позволяет датировать эти находки второй половиной XII в. Причём авторы убедительно доказа-

*илл. 119. Щиток
серебряного
перстня.
Прикамье (?), XIII в.*

*илл. 120. Щиток
серебряного
перстня. Среднее
Поволжье или
Прикамье, XIII в.*

ли, что обитатели этой усадьбы были, скорее всего, русскими [Хузин, Валиулина, 1986, с. 102–103].

В ходе археологических раскопок на Кожаевском селище М.М.Кавеевым в 1990 г. был обнаружен клад золотых и серебряных украшений, в котором были перстни с чернью (**табл. А; типы 2.4, 2.7, 3.1, 3.4, 3.7; кат. №№ 38–43**). М.М.Кавеев писал, что клад зарыт в конце XI – начале XII вв. [Кавеев, 1992, с. 109]. Однако условия находки описаны вскользь, а вещевой материал соответствующего горизонта культурного слоя в публикации не отражён.

Опираясь на имеющиеся датированные находки, можно утверждать, что наиболее ранними черневыми перстнями являются изделия типа 3.4 с крином, вписанным в кольцо (стилизованный растительный побег) (**илл. 93, 94**), появившиеся в XI в. и бытовавшие до второй половины XII в. Судя по сильной изношенности перстней этого типа, изготавливать их перестали, возможно, в том же XI в., а были в употреблении они ещё довольно долго. Судя по материалам Спасского клада, не исключено, что они длительное время использовались в качестве семейных реликвий. В XI в. появляются и перстни с изображением птицы (**илл. 93, типы 3.1, 3.2**). Время бытования перстней большинства остальных типов (за исключением типа 2.1: **илл. 93**) ограничивается XII – началом XIII вв.

Анализ орнаментальных мотивов и их эволюции позволяет выделить несколько хронологических групп перстней.

Первая хронологическая группа XI–XII вв. (рис. 3) характеризуется преобладанием в изображениях на перстнях композиций с крином и птицей: 2.4 (**табл. А, № 21**), 2.5 (**табл. А, № 17**), 2.7 (**табл. А, № 4**), 3.1 (**табл. А, № 1**), 3.2 (**табл. А, № 2**), 3.3 (**табл. А, № 18**), 3.4 (**табл. А, № 5–13, 15, 16, 23, 46–48**), 3.7 (**табл. А, № 20**), 4.3 (**табл. А, № 52**).

Вторая хронологическая группа второй половины XII в. (рис. 4) представлена перстнями типа: 2.6 (**табл. А, № 3**); 1.1 (**табл. А, № 45**), 2.3 (**табл. А, № 24**), 3.5 (**табл. А, № 19**); 3.6 (**табл. А, № 14**); 3.8 (**табл. А, № 27**), 4.1 (**табл. А, №№ 28–36, 49**), 4.2 (**табл. А, №№ 37–42**) и перстнем со схематичным рисунком (**табл. А, № 22**). В этой группе сохраняются особенности изделий предшествующего времени, как в технологии, так и в стилистике изображений. Вместе с тем наблюдается большая схематичность изображения.

Третья хронологическая группа начала – первой половины XIII в. (рис. 5–7) включает в себя перстни типа 4.3 со схематичным рисунком (**табл. А, №№ 43, 44, 51; кат. № 16, 35, 94**) и типа 2.1 (**табл. А, № 26; кат. № 45; рис. 5–9**) и 2.2 (**табл. А, № 25**) с мотивом плетёнки. Последние два типа перстней представлены единичными экземплярами и, возможно, они привозные. Дата бытования их может быть расширена до второй трети XIII в., а некоторых из них – до конца XIV в.

ВОПРОС О МЕСТЕ ПРОИЗВОДСТВА ЧЕРНЕВЫХ ПЕРСТНЕЙ

Как показывает статистика (**табл. Б**), наибольшее количество черневых перстней концентрируется в двух крупных болгар-

ских городах – Булгаре и Биляре. Находки на селищах показывают, что эти поселения находятся достаточно близко от Булгара или Биляра или на торговых путях к этим городам. То же можно сказать и о вещевых кладах, где встречены черневые изделия.

Судя по особенностям стиля рисунков на перстнях и приёмам их нанесения, было несколько мастерских, специализировавшихся на производстве черневых изделий. При очевидной схожести рисунков на щитках изделий имеются определённые нюансы в декоре боковых сторон перстней при переходе от щитка к шинке и способе нанесения контура рисунка, что, возможно, отражает индивидуальную манеру ювелира.

Исходя из этого можно предполагать, что часть перстней типа 3.4 (см.: **табл. А, №№ 7, 10, 12, 47; рис. 3–3, 6, 11**) выполнены в одной мастерской (условно назовем её – ювелирная мастерская (ЮМ № 1)). Их объединяет, во-первых, композиция из трёх треугольников (или двух треугольников и ромба посередине) на боковых сторонах щитка (**4 экз.; рис. 1–10, 12, 47; 2–5, 6**), имитирующих мотив трилистника, как и на боковой части щитка перстня (**табл. А, № 18; рис. 2–3а**). Во-вторых, это изображение на щитке (крин в венце), выполненное тонкими s-видными линиями, не создающими сплошного контура. Относятся эти перстни к первой хронологической группе XI–XII вв. Возможно, к этой же группе относится перстень (**табл. А, № 13**) из Кожаевского клада. Ведущий орнаментальный мотив на продукции данной мастерской – это изображение крина и его вариации. При изготовлении перстней применялась как штамповка по вырезанной заготовке из пластины, так иковка из дрота.

К продукции ювелиров этой мастерской можно причислить изделия, выполненные по индивидуальному заказу. Они отличаются по весу самого изделия и качеству изготовления (**2 экз.; табл. А, № 2; № 18; рис. 3–1, 9; 2–3**). Все детали, характерные для этой мастерской, можно проследить на одном перстне (**табл. А, № 2**), причём на боковой стороне его выгравированы растительные побеги (с чёткой проработкой деталей), скомпонованные в треугольники. Второй перстень (**табл. А, № 18; рис. 3–9**), хотя и отличается общей схемой композиции рисунка на щитке, но растительные мотивы, присутствующие в качестве второстепенных на описанных выше перстнях, здесь являются ведущим мотивом. Композиция из треугольников на боковых сторонах перстня была скопирована мастером, изготовившим перстень (**табл. А, № 35**), относящийся ко второй хронологической группе второй половины XII в. (**рис. 4–9**). Этот же мотив в сильно стилизованном виде – треугольник, разделённый на три части – присутствует ещё на двух перстнях этого же времени (**табл. А, №№ 40, 41; рис. 4–14**).

В другой мастерской (мастерская (ЮМ № 2)) были изготовлены два перстня типа 3.8 (см.: **табл. А, №№ 27, 28; рис. 4–4, 5**), отнесённые ко второй хронологической группе XII в. Их отличает использование в качестве ведущего мотива рисунка растительного побега (лозы). Этот сюжет представлен в иной трактовке на перстне (**табл. А, № 45; рис. 4–15**). Изображение на боковой стороне на одном перстне (**табл. А, № 27; рис. 1–27**) в виде «галочек» близко изображениям на перстнях (**табл. А, №№ 6, 16; рис. 1–6, 16**). В целом эта стилизация рисунка трилистника утратила связь с прототипом

и стала универсальным элементом декора с незначительными вариациями, особенно на перстнях типов 4.1 и 4.2 ювелиров третьей выделяемой нами мастерской (ЮМ №3). Другим элементом, характерным для этой мастерской, является использование принципов симметрии (что получило широкое распространение в типах 4.1 и 4.2). Эти элементы также имеются на перстне типа 2.4 (*табл. А, №24; рис. 4-3*), за исключением исчезнувшей из орнаментальной композиции ленточки из насечек.

Характерные детали продукции мастеров ЮМ №3 близки перстням, выполненным в «геометрическом стиле» (3 экз.; *табл. А, №№7, 20, 21; рис. 3-8*). Не исключено, что это продукция «дочерней» мастерской №2 (ЮМ №2а). Два из них сохраняют основные композиционные приёмы перстней типа 3.4: бордюр по краю, черневой фон, хотя имеют отличительную черту – на боковой стороне чернёный треугольник. Эта деталь встречена ещё на нескольких перстнях (*табл. А, №№4, 5, 37*). Не исключено, что она связана с композицией из двух чернёных галочек на боковых сторонах изделий, как на ещё трёх перстнях (*табл. А, №№14, 32, 34*).

Продукция, очевидно, одной группы мастеров и их подражателей (ЮМ №3), относящаяся ко второй и третьей хронологической группе конца XII–XIII вв., представлена перстнями типов 4.1 и 4.2. Если оригинальные изделия этой мастерской отличаются высоким качеством работы, как на перстне, представленном в таблице А, №29, то подражания зачастую теряют не только в качестве рисунка, но и в деталях самого изображения (см.: *табл. А, №35*). Деграция черневой продукции очевидна на перстнях со схематичным рисунком (*табл. А, №№42–44, 51*), а также на изделиях, лишь напоминающих исходные образцы (*табл. А, №№50, 53*). Можно предположить, что эта продукция изготавливалась уже в XIII в. Если сначала эти изделия следовали достаточно точно прототипам (как *табл. А, №№42, 51*), то более позднее только отдалённо напоминали их (*табл. А, №№43, 44*).

ПРОБЛЕМА ИНДИВИДУАЛЬНОЙ МАНЕРЫ БУЛГАРСКИХ ЮВЕЛИРОВ

Выраженной индивидуальностью очевидно обладает массивный перстень с оригинальным рисунком (*рис. 2-3*). Ювелир, который его изготовил, прекрасно владел разными приёмами декорирования изделия – умело и качественно наносил чернь как на фон, так и на контур рисунка, чётко прорабатывал детали изображения.

Второй серебрodelец, почерк которого можно легко отличить, – это мастер контурного рисунка, мастер «авангарда» (*кат. №414*), деятельность которого протекала во второй половине XII в. Лёгкими движениями резца он набрасывал контур рисунка, короткими штрихами намечая детали. Фон почти не выбирался – несколько косых длинных насечек, на которые набросана чернь; по сути ею покрывался не фон, а штрихованные линии.

Третий ювелир, трудившийся в начале XII в., – мастер «стилизации» – чётко определяется по экспериментам в композиции с кривой и её моделировании. Его продукция, пред-

ставленная в Кожаевском кладе, выделяется на общем фоне известных болгарских перстней хорошим качеством черни, аккуратностью рисунка, стилистической выдержанностью. Отметим, что применённые этим мастером принципы построения композиции встречаются и позже, на капторге, изготовленной в конце XII в.

Любопытно, что ювелир-стилист один перстень украсил изображением птицы, как на перстне типа 3.1 (*рис. 10-12*), причём, как мы отмечали ранее, упростив, как и сам рисунок, так и композицию в целом, в отличие, например, от чрезвычайно перегруженного деталями рисунка на поделке типа 3.2 (*рис. 3-1*). Из всех перстней с изображением птицы (*рис. 10-11–14*) выделяются своеобразные рисунки с непропорционально массивной крупной головой и грубым исполнением. Наиболее качественное в этом плане изделие из собрания НКЦ «Казань» (*илл. 121*).

Особенным разнообразием отличаются рисунки птиц, однако и здесь можно видеть определённые трактовки в пропорциях фигуры птицы, формы головы, оперенья и т. п., в способах наложения черни или отсутствия таковой (*рис. 10-Г*).

Таким образом, выявленные типы перстней относятся: 1) к разным ювелирным мастерским, существовавшим в одно время; 2) к мастерам разной квалификации, работавшим одновременно; 3) к разновременным центрам.

Ювелирные мастерские – понятие в данном случае условное. Подразумевается группа мастеров, объединённых определённым сходством творческой манеры, работавших в одно время и, возможно, в одном месте (территории). Работать они могли на рабочем месте и на подворье знатного горожанина, и при дворце эмира, и в загородном владении богатого вельможи. Обнаружить конкретное место исполнения работы, учитывая характер материала и самого процесса, весьма затруднительно. Несмотря на достаточно большое количество археологических свидетельств ювелирного дела на Билярском городище, начиная от сырья до инструментов, самой мастерской ювелира-серебрodelьца обнаружить не удалось. Следы работы ювелира на негородском поселении были выявлены на Остолоповском селище XI–XII вв. [Руденко, 2011б, с. 73–74].

илл. 121. Щиток серебряного перстня с изображением птицы. Среднее Поволжье, XII в. Коллекция НКЦ «Казань»

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПРОДУКЦИИ ЮВЕЛИРНЫХ ЦЕНТРОВ

Распределив выделенные нами типы перстней по археологическим памятникам, получим (**табл. В**), что наибольшая концентрация этих изделий приходится на Билярское и Болгарское городища. При этом здесь есть группы перстней, встреченных только на данном памятнике. Так, например, только на Билярском городище найдены перстни

типов 2.5; 3.2; 3.3; 3.5; 3.8; 4.4. При этом на Болгарском городище исключительно присущих для этого памятника находок не было. Перстни, найденные здесь, в той или иной степени встречаются либо на других поселениях, либо в кладах, за исключением типа 2.8. Вместе с тем изделия типов 2.6, 2.7, 2.8 и 3.1 не найдены в Биляре, но встречены на Болгарском городище, Семёновском селище и в двух кладах. Группа перстней типов 3.9 и 3.10 найдена только в кладах (**табл. В**).

таблица В

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ТИПОВ ПЕРСТНЕЙ ПО ПАМЯТНИКАМ

Тип	Билярское городище	Болгарское городище	Джукатау городище	Семёновское селище	Мурзинское селище	Ст. Альметьевские находки	М-Полянский комплекс	Н-Мордовское местонахождение	Кожаевский клад	Сабакайский клад	Спасский клад	Количество	Ювелирная мастерская
2.1	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0	0	1	
2.2	0	1	0	0	1	0	0	0	0	0	0	2	
2.3	1	3	0	0	0	0	0	0	0	0	0	4	
2.4	1	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	2	
2.5	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	
2.6	0	1	0	1	0	0	1	0	0	1	0	4	
2.7	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	1	
2.8	0	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	
3.1	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	1	
3.2	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	
3.3	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	
3.4	6	7	0	0	1	0	0	1	2	0	0	17	1
3.5	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	
3.6	1	2	0	0	0	1	0	0	0	1	0	5	
3.7	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0	1	2а
3.8	2	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	2	2
3.9	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	1	2	
3.10	0	0	0	1	0	0	1	0	0	0	0	2	
4.1	11	6	1	0	1	2	0	0	0	2	0	12	3
4.2	5	1	0	0	1	0	0	0	0	0	0	7	3
4.3	1	0	0	1	3	0	0	0	0	0	0	5	
4.4	1	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	
												74	

Можно предположить, что концентрация в Биляре находок индивидуальных или малораспространённых типов свидетельствует о том, что их производили именно здесь; при этом билярские ювелиры выполняли индивидуальные заказы; кроме того, в Биляр попадали перстни привозные или сделанные по иноземным образцам.

Интересную группу перстней составляют находки из Кожаевского клада. Они в одном случае имеют аналогии

с перстнями типа 2.6 из Булгара, и в одном из Биляра (тип 2.4). Учитывая, что перстни из этого клада были спрятаны одновременно одним ювелиром и, скорее всего (за одним исключением – перстень более раннего изготовления), не были в обращении, можно предположить, что они были сделаны в конце XI в. или на рубеже XI–XII вв. и, следовательно, в это время функционировали ЮМ № 1 и ЮМ № 3, возможно и ЮМ № 2а.

Кроме перстней встречаются серебряные миниатюрные коробочки с колечком (рис. 5-1-3), накладки на конскую упряжь (рис. 7-2) и капторги-амулетницы для хранения священных текстов (рис. 8-1).

Миниатюрные коробочки с колечком (5 экз.; рис. 5-1-3) немногочисленны. Назначение их и место в ансамбле костюма не очень ясно. Представлены они одним типом – квадратным в плане предметом, сделанным из согнутой пополам серебряной пластины. Разомкнутое проволочное колечко крепилось к коробочке с помощью припаянного ушка (рис. 5-3). Чернь наносилась на контур рисунка (БГИМЗ, инв. № 1116-422; **кат. № 80**) либо на фон (рис. 5-1, 2; **кат. № 81**). Орнамент на коробочках стандартен: на одной стороне всех изделий – крин (рис. 5-1, 3). Однако на обратной стороне рисунок варьируется: в одном случае (изделие из Билярска) – это сильно стилизованный рисунок (рис. 5-2; **илл. 116; кат. № 83**). В другом случае, на поделке из Булгара, – стилизация растительного побега, аналогичная рисунку на черневом перстне типа 2.3 (рис. 1-24). Датируются эти изделия XII в. и относятся ко второй хронологической группе, выделенной по перстням.

Отметим, что между стенками коробочки имелся небольшой зазор шириной 3–5 мм, который мог закрываться небольшими пластинчатыми заглушками. Боковые заглушки встречаются на золотых коробочках, украшенных зернью и сканью золотоордынского времени (рис. 18-3). Такие коробочки могли носиться в составе ожерелий. Прототипом в этом случае могли выступать похожие серебряные иранские изделия XI в., часть которых декорировалась чернью [Jenkins, Keene, 1983, p. 66, kat. 35]. Однако иранские изделия более массивны и больше по размерам и объёму. Декор совершенно иной.

Не исключено, что боковых заглушек у болгарских коробочек могло не быть, если изделие использовалось для помещения внутри него ароматических веществ (размеры коробочки слишком малы, чтобы положить туда даже кусочек толстой ткани). Наиболее вероятное её использование как подвески в височном кольце, крупной серьге или на шейно-нагрудном украшении (гривне), что, впрочем, не исключало размещение её также в ожерелье. Близкую функцию выполняли флаконовидные пронизки, широко распространённые в Прикамье и также встречающиеся в XI в. в Волжской Булгарии, в частности в Биляре (илл. 122), а ранние формы этих предметов – в Танкеевском и Большетиганском могильниках IX–X вв. [Руденко, 2007, с. 112–124.].

Если у коробочки не было боковых заглушек, то она могла выполнять роль поясной накладки-обоймы с декора-

тивной подвеской. Это бы объясняло тот факт, что большая часть этих изделий сломана по месту сгиба. Кроме того, тогда бы прояснилось и происхождение таких предметов: в древностях Приючья X–XI вв. имеются накладки прямоугольной и квадратной формы с колечком (например, Елизавет-Михайловский могильник, погр. 1: [Иванов, 1969, с. 121, табл. 24-2]).

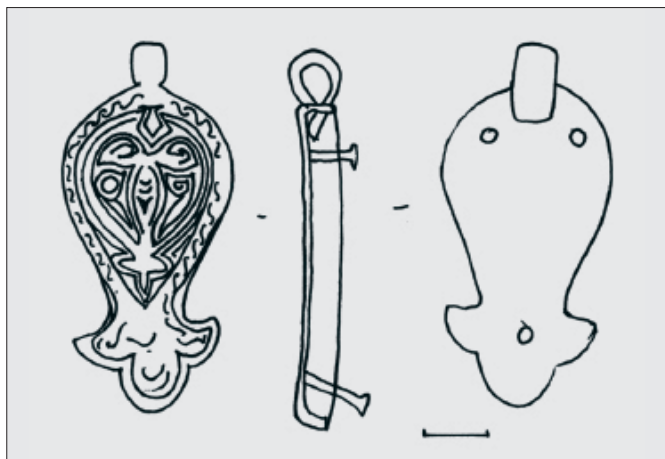
Накладка (рис. 7-2; кат. № 85) каплевидной формы, выполнена в виде стилизованного растительного побега, литая, с тремя шпеньками. Вероятно, являлась частью металлической детали конской упряжи. Она украшена изображением «расцветшего» трилистника, вписанного в медальон, образованный двумя сомкнувшимися побегами (илл. 123). Фон рисунка чернёный. Рисунок проработан в деталях – двойным контуром выделены лепестки и соцветия трилистника, намечена фактура поверхности листьев. Изделие может быть датировано XI–XII вв.

Капторга (реликварий) (рис. 8-1) – плоская прямоугольная коробочка с боковой крышечкой, заклёпанная серебряными гвоздиками. В верхней части к ней припаяны ушки, к которым с помощью колечек прикреплена цепочка из восьмёрковидных звеньев. В центре плоскости в прямоугольном картуше находится арабская надпись, а растительный декор фона составляют элементы в виде стилизованного крина. Орнамент на ней содержит большинство мотивов, отмеченных на перстнях: крин (типа рис. 1-4), варианты крина в различном оформлении, в том числе и в замкнутом круге (типа рис. 1-6, 19), растительные мотивы (типа рис. 1-24). Особенно интересен мотив из двух отростков растительного побега, идентичный рисунку на перстне типа 2.3 (рис. 1-24) и коробочке из Булгара. Не исключено, что вышеотмеченные изделия изготовлены либо в одной мастерской, либо одним мастером.

Капторга была, скорее всего, местного изготовления – в фондах НМ РТ имеется бронзовая матрица для изготовления подобных изделий (илл. 124). Относится капторга ко второй хронологической группе второй половины XII в. Способ ношения таких предметов очевиден – длинная цепочка,

илл. 122. Бронзовые флаконовидные подвески из Билярского городища, XI–XII вв. Коллекция А. Ф. Лихачёва. Собрание НМ РТ

илл. 123. Серебряная накладка. Прорисовка К. А. Руденко

иногда украшенная крупными бусинами, позволяла надевать их на шею и носить на груди.

В целом серебряные капторги такого типа в Булгарии и в домонгольский, и в ордынский период имели малое распространение. Встречаются они в единичных экземплярах и мало повторяются в деталях, за исключением самой формы (рис. 8). С чернью известно два золотоордынских изделия: из Крещёноелтанского клада и из Булгара (?) (рис. 8-3, 4; 18-1). Одно из них украшено композицией из двух парных оленей на фоне деревьев и сопровождается благопожелательной арабскографичной надписью; второе – стилизованными орнаментами из розеток и полупальметт. В скано-зерновой технике выполнена серебряная капторга из Щербеньского клада (рис. 8-2).

Завершая обзор изделий с чернью, найденных на территории Волжской Булгарии, нужно сказать ещё об одном предмете – бронзовой ступке из собрания Национального музея РТ [Руденко, 2000, с. 81, 82, рис. 27-1]. Это массивное изделие (вес 2,5 кг) цилиндрической формы с отогнутым верхним и нижним краем. Диаметр тулова – 9 см, в верхней и нижней части – 12,5 см. Диаметр отверстия – 6 см, высота – 10 см. Венчик плоский, шириной 1,5 см. Дно чуть выпуклое, на нём имеется «заплатка» диаметром 5 см и толщиной 1,5 см. Тулово ступки украшено миндалевидными выступами (длина и высота 1,2 см) и ромбами (2,5х3 см). Первые идут двумя рядами один под другим, заострённой частью навстречу друг другу. Между этими рядами расположены 6 ромбовидных выступов, на них в центре зубильцем выбит ромбический контур (2,5х2,8х3), в углублении которого заметны следы черни или инкрустации (илл. 125).

илл. 125. Бронзовая ступка из Волжской Булгарии, XII в. Собрание НМ РТ

илл. 124. Бронзовая матрица из Биллярского городища XII в. Коллекция А. Ф. Лихачёва. Собрание НМ РТ

В верхней части сосуда над первым рядом идёт орнаментальный пояс, состоящий из окружностей диаметром 1,5 см и прямоугольных рамок с имитацией арабской надписи на фоне едва намеченных спиральных завитков. Подобный орнаментальный пояс имеется в нижней части изделия. Пространство между выступами в первом и втором рядах заполнено прямоугольными рамками. Венчик орнаментирован окружностями диаметром 0,8 см.

Высказано мнение, что бронзовые ступки не были известны в культурах Средиземноморья и Ближнего Востока в доисламский период и распространились из Ирана (как копии каменных) с X в. [Ильясов, 1993, с. 144]. Бронзовые литые ступки, аналогичные булгарской, как правило, датируются XI–XII вв. [Масленицина, 1975, рис. 59; Dimand, 1947, p. 138]. К XI–XII вв. относится близкое изделие из Тахта-Базара [Ходжагельдыев, 1977, рис. 90, рис. 2-6]. Миндалевидные выступы встречаются на металлических кувшинах XII в. [Маршак, 1972, с. 77, рис. 13]. Орнаментальная полоса из медальонов и картушей имеется на ступках XII в. из Музея истории народов Узбекистана [Пугаченкова, Ремпель, 1982, с. 252, 254].

илл. 126. Бронзовая ступка, инкрустированная серебром. Средняя Азия, XI–XII вв. Собрание ГЭ

Булгарская ступка является копией импортных хорасанских (?) изделий и датируется XII в. Оригинал, с которого делали отливку, можно представить по бронзовой с инкрустацией ступке из собрания ГЭ (илл. 126) [Кочевники, 2012, кат. №691].

Булгарскому мастеру-литейщику качественно выполнить литьё не удалось: получился технологический брак – на дно не хватило металла, и отверстие дополнительно залили бронзой, отчего получилась неаккуратная «лепёшка», которая не позволяла ступке стоять устойчиво. Тем не менее ступку пытались украсить, но неумело: были грубо скопированы над-

писи, ставшие совершенно нечитаемыми, и спиралевидный орнамент фона этих надписей едва узнаваем.

Важно другое – это попытка заменить инкрустацию букв и орнаментов чернью. Это вряд ли была попытка инкрустировать изделие – слишком мала глубина канавок, да и в целом оформитель ступки вряд ли владел таким сложным искусством. Однако данный пример показывает, что болгарские мастера использовали знакомый и уже отработанный приём чернения для замены технологий, которые им были недоступны.

ИЗДЕЛИЯ С ЧЕРНЬЮ, НАЙДЕННЫЕ НА ТЕРРИТОРИИ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ, ИНОЗЕМНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

К ним относятся несколько особенных предметов – миниатюрные металлические топорики с инкрустацией и чернением (рис. 26-4, 5), перекрестья мечей каролингского типа; фрагмент пластинчатого браслета с шарнирной застёжкой и бармы.

Топориков известно два. Один биметаллический топорик, длиной 9 см, найден в 1913 г. в Симбирской губ. (рис. 26-5). Обухок его сделан из меди, а лезвие – из железа. Украшен он гравированными узорами в виде крина с чернью. Можно согласиться с мнением А.А. Спицына, что он изготовлен мастерами Суздаля или Владимира в XII в. или XIII в. В.А. Городцов атрибутировал этот топорик как церемониальный предмет XI–XII вв., изготовленный в Киеве и дополнительно украшенный в мастерских Владимира или Суздаля в XII в., датировав его первой половиной XII в. [Городцов, 1926, с. 148].

Второй железный топорик, длиной 14,5 см, найденный в 1890-х гг. в Казанской губ., возможно в Биляре (рис. 26-4), хранится в ГИМ (инв. № 34213). На нём затейливый рисунок, подчеркнутый золочением и чернью (рис. 26-4а, б). А.А. Спицын считал его норманским изделием X в. [Спицын 1899, с. 2]. В.И. Сизов, писавший об этом топорике, отметил византийские аналогии в его орнаментике [Сизов, 1897, с. 145–162]. Византийско-скандинавское происхождение орнаментов на этом топорике отмечено и в ряде современных зарубежных исследований [Graham-Campbell, 2013, p. 128, 129, ill. 143].

Русским изделием считал этот артефакт Б.А. Рыбаков (илл. 127), который предположил, что он мог принадлежать Великому князю Андрею Боголюбскому или кому-нибудь из его окружения и был потерян во время похода на Булгарию в 1164 г. Рисунок на топорике, по его мнению, является заклинанием, расшифровывающимся как «*пусть процветает жизнь и да погибнет зло!*» [Рыбаков, 1971, с. 39–40].

В собрании НМ РТ есть ещё один миниатюрный железный топорик из бывшей коллекции А.Ф. Лихачёва (рис. 26-3). На нём нет черневых узоров, есть лишь серебряная инкрустация.

илл. 127. Б. А. Рыбаков

В 1940-х гг. А.П. Смирнов высказал мнение, что эти декоративные топорики являются продукцией болгарских мастеров, хотя и созданы под русским влиянием [Смирнов, 1948, с. 109–110; 1951, с. 163]. Ранее А.А. Спицын связывал происхождение этих оригинальных изделий со Скандинавией [Спицын, 1899, с. 2–3]. Точка зрения о русском происхождении этих топориков поддержана А.Н. Кирпичниковым и А.Ф. Медведевым [Кирпичников, Медведев, 1985, с. 310].

Судя по форме топориков, они русского происхождения, но оформлены в первом случае суздальским ювелиром в XII в., а во втором – мастером из Византии в Киеве в конце X–XI вв. Интересные аналогии орнаменту билярского топорика имеются на костяных накладках на луку седла второй половины X в. из Шестовицких курганов [Комар, 2012, с. 352, рис. 12].

Малые размеры этих изделий и пышный декор позволяют согласиться с мнением о церемониальном их характере, своего рода символе воинской власти.

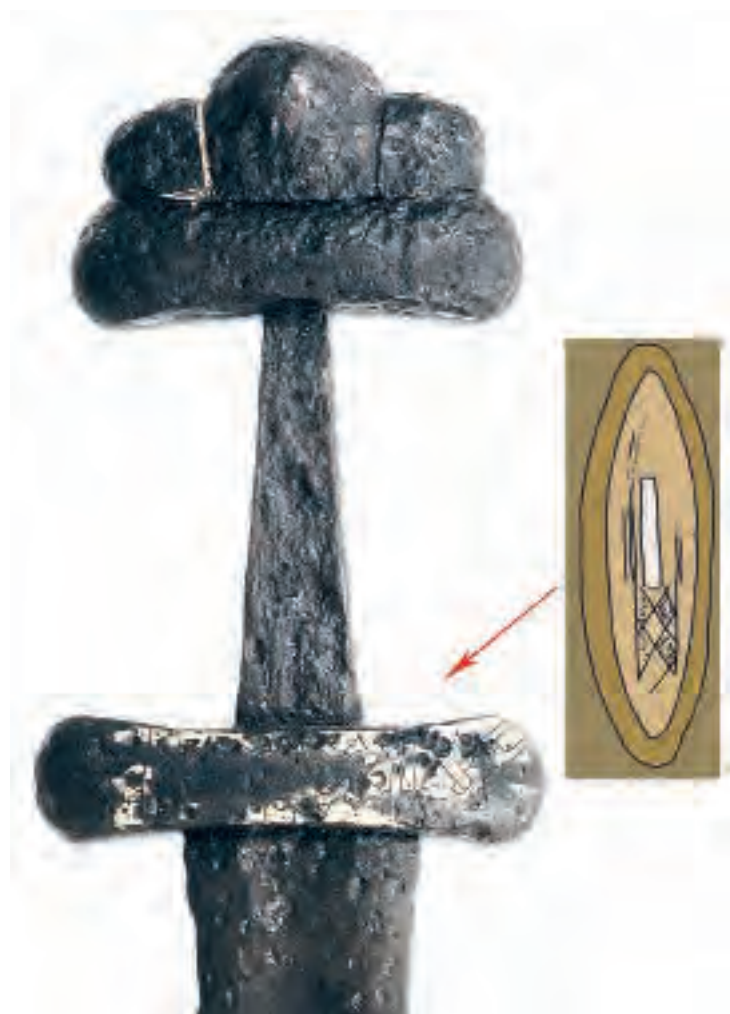
илл. 128. Византийские серебряные монеты. Собрание НМ РТ

Эти два топорика маркируют два направления международных связей Волжской Булгарии в XI–XII вв. Первое – западное, по сухопутному пути «Булгар–Киев» [Моця, Халиков, 1997]. Проходившие по нему художественные изделия связывали Булгарию с Византией (на Болгарском городище найдены византийские монеты) (илл. 128), южнорусскими княжествами, подпитывали мастеров новыми творческими идеями и приёмами. С другой стороны, булгарская медная посуда, прежде всего котлы, в XI–XII вв. по этому пути достигала Черниговского и Киевского княжеств. Второе на-

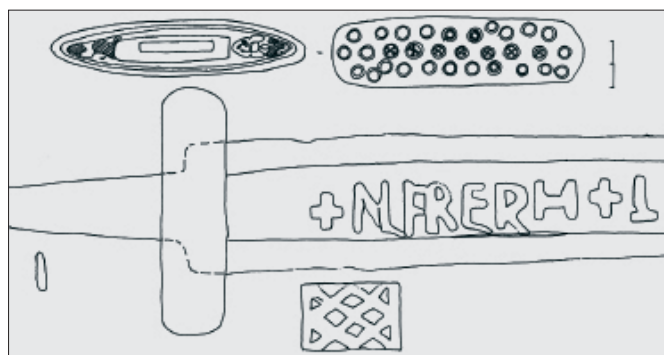
правление – речной волго-окский путь на северо-восток Руси. Он активизировался в XII в., хотя транзит по нему через Булгарию шёл и в X–XI вв. Вероятно, именно с ним связаны находки элитных предметов вооружения, в частности мечей.

Черневой узор иногда наносился на серебряную плакировку мечей каролингского типа, несколько экземпляров которых известны с территории Волжской Булгарии (рис. 26-1, 2). На обкладках перекрестия мечей из НМ РТ (инв. №№ 5456) [Гасимов, 2003, с. 16–18, рис. на с. 16 и 17] следов черни не сохранилось, но на обоих имеются следы гравированного узора по серебру, наложенному на перекрестие (на одном перекрестии рисунок выполнен в «зверином стиле» (илл. 129), на другом – декор из витой проволоочки в виде крестика или колечка, видный в круглых просверленных ячейках на боковых сторонах (рис. 26-1а). На лезвии в верхней части клинка расчищены клейма (ULFBERHT) и геометрические орнаменты (илл. 130, 131). Относятся они к типам Т-2 и S по Я. Петерсену [Петерсен, 2005, с. 173–180]. Датируются второй половиной X–XI вв.

Орнаменты на этих мечах стандартны для этих типов изделий. Я. Петерсен отмечает, что чернь использовалась в декоре мечей типа S [Петерсен, 2005, с. 45]. На Руси известен один

илл. 129. Меч каролингского типа из Среднего Поволжья. Деталь. Собрание НМ РТ

илл. 130. Меч каролингского типа из Среднего Поволжья. Прорисовка К. А. Руденко

илл. 131. Меч каролингского типа из Среднего Поволжья с клеймом. Деталь. Собрание НМ РТ

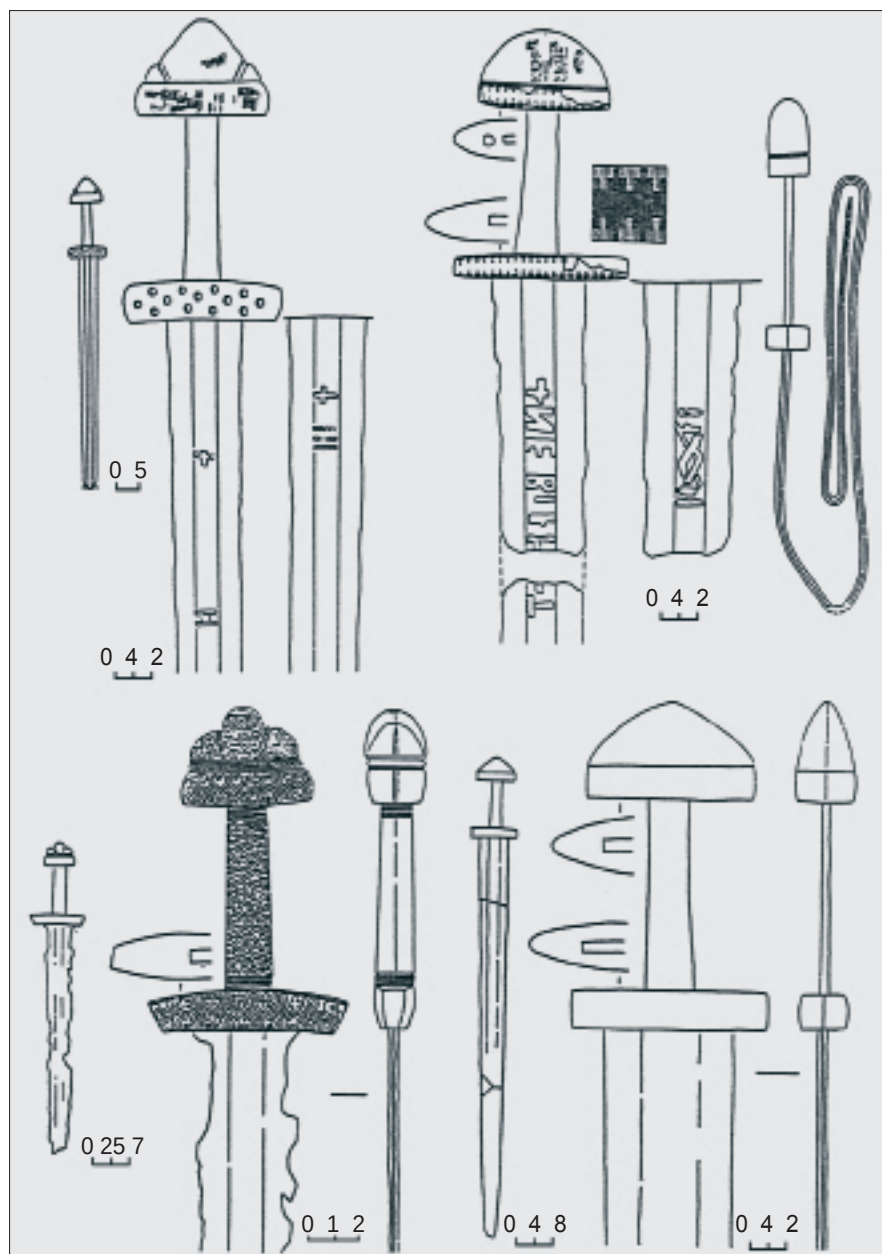
илл. 132. Бронзовый наконечник ножен меча из Среднего Поволжья, XI в.

меч первой половины XI в. из Карабичева с чёрным декором [Макарова, 1986, с. 31, 32, рис. 12-1]. А. Н. Кирпичников и А. Ф. Медведев определили его как местный, древнерусский тип [Кирпичников, Медведев, 1985, с. 302, 327, табл. 115-3], и исходя из этого Т. И. Макарова высказала мнение, что это один из первых опытов (наряду с турьими рогами с серебряными декорированными обкладками из Чернигова) освоения черни в ювелирном деле Древней Руси. Стоит отметить, что в изображениях на серебряных украшениях, найденных на территории Древней Руси и датированных началом – первой половиной XI в., нередко прослеживаются восточные влияния и заимствования в орнаментальных сюжетах.

Что касается мечей, то эти изделия могли попасть в Булгарию как товар или вместе с охраной купеческих караванов из Руси в X–XI вв. Находки аксессуаров от мечей известны из случайных находок в Биляре, Булгаре и на поселениях низовой Камы (илл. 132) [Гасимов, 2003, рис. на с. 20]. Встречаются мечи этого типа в мордовских землях и единичные экземпляры в Прикамье [Шитов, 1994, с. 44–49] (илл. 133).

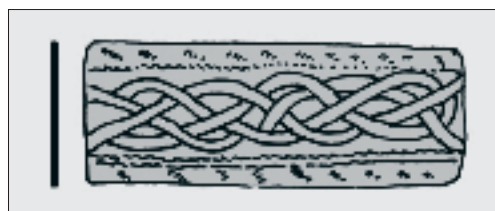
В фондах музея археологии К(П)ФУ (инв. № 229-71) имеется фрагмент древнерусского серебряного **пластинчатого браслета с шарнирной застёжкой (?)** (илл. 134). Он имеет аналогии в древностях Новгорода, где датируется концом XII в. На новгородском изделии черни нет [Седова, 1996, с. 427, 428, кат. № 149].

Древнерусские **бармы** (цетавы) из Булгара подробно описаны [Макарова, 1986, с. 109–110, № 299–307; Полубояри-

илл. 133. Мечи каролингского типа из Мордовии (по В. Н. Шитову)

нова, 1993, с. 22–26], и мы на них здесь останавливаться не будем. Отметим только, что они были изготовлены во Владимире во второй половине XII – начале XIII вв. [Макарова, 1986, с. 121].

илл. 134. Фрагмент пластинчатого древнерусского браслета, XII в. МА К(П)ФУ.

ОСОБЕННОСТИ БУЛГАРСКИХ ЧЕРНЕВЫХ ИЗДЕЛИЙ

Как отмечалось выше, в древностях Волжской Булгарии до XI в. изделий с чернью неизвестно. Привозных изделий, украшенных чернью, также встречено немного. Среди них фрагменты серебряных ножен с растительным орнаментом, декорированных чернью и позолотой из Татолкишского клада, найденного в 1907 г. Эти фрагменты находились, вместе с монетами и рубленными серебряными слитками, в медном кувшине, типичном для IX–X вв. [Даркевич, 1976, с. 49]. Очевидно, что ножны в данном случае рассматривались как драгоценный металл, ценившийся на вес. В целом, по составу находок (младшая монета относится к 984 г., а рубленные слитки металла, как и свёрнутые желобком, бытуют с начала XI в.) клад датируется началом – первой половиной XI в.

Можно предположить, что первые шаги в освоении искусства черни в конце X – начале XI вв. болгары делали под влиянием хазарского¹ и исламского ювелирного дела, а в XI–XII вв. болгарское черное искусство развивалось во взаимодействии с русскими ювелирами.

Массовое производство болгарских черневых изделий приходится на конец XI–XII вв., особенно на последнюю четверть XII в. Оно было вполне самостоятельным, о чём свидетельствует эволюционная линия развития орнаментальных мотивов и сюжетов на массовой категории черневых изделий – перстнях.

Для черного болгарского дела характерны следующие черты:

1. Использование черни только при изготовлении изделий из серебра. Не известны болгарские золотые или медные черневые изделия домонгольского времени. Отметим, что чернь на золотых украшениях Востока и Древней Руси применялась только для элитной продукции – перстней, нагрудных украшений, парадных сосудов, при этом чернение по меди реже. Так, в древнерусских материалах чернение медных изделий использовалось для декорирования предметов личного благочестия в XII в. [Гутнова, Зотова, 2000, с. 23, кат. № 6].

2. Ограниченный несколькими категориями ассортимент изделий, из которых наиболее массовой категорией являются перстни.

3. Стандартизированность продукции как в форме, так и в декоре.

4. Особенностью перстней являлось использование черни преимущественно по гравировке, реже применялось частичное чернение по гравировке и в единичных случаях – золочение. Полное покрытие фона чернью прослеживается только

¹ Возможно, основой, на которой развивалось болгарское черное дело, было ювелирное дело Хазарии. Здесь были мастерские, где работали с чернью, например в Саркеле. Однако хазарскими ювелирами чернью украшалось в основном воинское снаряжение, чего не было у волжских болгар. Хазарские ювелирные изделия, как правило, не чернились [Макарова, 1986, с. 27].

в нескольких случаях (перстни типов 2.4, 2.5, 3.7 и на некоторых перстнях типа 3.4). Впрочем, это зависело от характера рисунка, который, как правило, занимал практически всю площадь щитка, что делало это действие ненужным. Интересно, что болгарские мастера зачастую пренебрегали черневым декором и останавливались только на гравированном рисунке, что не умаляло художественных достоинств этих изделий.

5. Отсутствие сочетания чернения с золочением, которое практически не применялось в болгарском ювелирном деле домонгольского времени. Альтернативой ему было использование тонкой золотой фольги для покрытия, например, височных колец. Наличие золочения поверхности зафиксировано только в двух случаях на перстнях.

6. Стандартность композиции и сюжетов изображений.

7. Попытки замещения чернью других технологических приёмов декорирования изделий, например инкрустации.

Вышеперечисленные признаки характерны практически для всех категорий болгарских черневых поделок. Ряд совпадений можно отметить в продукции мастерских Владимира второй половины XII в. [Макарова, 1986, с. 121]. В это время контакты мастеров черного дела Булгарии и Руси были достаточно тесными, что обуславливало и схожесть ряда приёмов изготовления. Т.И. Макарова предположила, что в XIII в. русские серебряники могли работать в Булгарии [Макарова, 1986, с. 121]. Не исключено, что и болгарские мастера работали во Владимире.

Стоит добавить ещё несколько моментов. Болгарские ювелиры, работавшие с чернью, отдавали предпочтение цельнокованым пластинчатым изделиям, практически не используя литые или сборные заготовки. Основная часть продукции мастеров по чернению (перстни) распространялась на внутреннем рынке и, видимо, только вместе с владельцами покидала пределы болгарского государства. Болгарские мастера редко полностью копировали популярные даже в ближнем зарубежье изделия, воспринимая, в лучшем случае, отдельные орнаментальные мотивы, что свидетельствует об ориентированности болгарских серебряников на внутренний рынок, а очевидный стандарт продукции – что продукция изготавливалась на спрос. Наличие оригинальных единичных типов изделий свидетельствует и о практике индивидуальных заказов.

Для внутреннего торгового болгарского рынка производились практически только те типы изделий, которые характерны именно для Булгарии, даже более дешёвые изделия в бронзе или меди повторяли именно болгарские оригиналы из золота или серебра.

Внутренний рынок Булгарии, включавший сельскую местность, малые городки и крепости, насыщался самыми разными ювелирными изделиями, особенно из бронзы, латуни, композитных (свинцово-оловянных) сплавов. Эти изделия были чаще всего литыми и тиражировались в достаточных количествах. Данная массовая и дешёвая

илл. 135. Городище Иднакар (Удмуртия)

продукция, рассчитанная на потребление как в городах, так и на селе, что подтверждается археологическим материалом, учитывала самые разнообразные вкусы полиэтнического населения страны. Этот рынок насыщался также привозными бронзовыми и медными изделиями, отдельные категории которых (если на них был спрос) иногда воспроизводились и даже выпускались небольшими сериями булгарскими мастерами (флаконовидные и ф-образные подвески и т. п.).

Показательно, что черневая продукция булгарских ювелиров не являлась предметом торговли даже с ближним зарубежьем: характерных булгарских перстней и тем более коробочек-подвесок нет ни в могильниках, ни на поселениях Марийского Поволжья и Удмуртского Прикамья – наиболее тесно связанных с Булгарией в XI–XII вв. Интересно, что в материалах ключевого памятника Удмуртского Прикамья – городища Иднакар (илл. 135) чернёных изделий булгарского производства не обнаружено, хотя, например, булгарская круговая керамика здесь представлена [Кокорина, 1995, с. 56–71]. Нет таких изделий и в погребальных комплексах могильников северных удмуртов XI–XIII вв. [Иванова, 1992, рис. 11].

О РАСПРОСТРАНЕНИИ БУЛГАРСКИХ ЧЕРНЕВЫХ ИЗДЕЛИЙ ЗА ПРЕДЕЛАМИ БУЛГАРИИ В ДОМОНГОЛЬСКОЕ ВРЕМЯ

Большая часть булгарских изделий, украшенных чернью, сосредотачивается в центральных районах булгарского государства, на поселениях, стоявших на торговых путях, связывавших их с крупными городами – Булгаром и Билярмом. За пределы территории Булгарии, ограниченной с севера правобережьем Камы, с юга средним течением Малого Черемшана, с запада Волгой, а с востока бассейном Шешмы, чернёные перстни широко не распространялись. Как уже говорилось, их нет в ближнем булгарском зарубежье – Марийском Поволжье, Приочье и на Средней Каме.

Своеобразны черневые перстни из вымских могильников (рис. 11-10–19) [Савельева, 1987, рис. 34-6, 7, 13].

илл. 136. Рисунки на серебряных перстнях из Прикамья. Прорисовка К. А. Руденко

илл. 137. Щиток перстня с черневым орнаментом. Прикамье (?)

В их декоре преобладают геометрические мотивы: двойная плетёнка, «узел счастья» и другие узловые узоры (рис. 11-11–14, 17-19) [Савельева, 1987, рис. 34-5–9, 13-15]. Встречаются зооморфные мотивы (рис. 11-16) [Савельева, 1987, рис. 34-6, 9]. Отметим, что в орнаменте этих перстней полностью отсутствует мотив крина, характерный для булгарских перстней.

Эти перстни отнесены к булгарскому импорту [Савельева, Королёв, 2011, с. 95, рис. 4-1–9]. Вместе с тем, в более ранней работе Э. А. Савельевой были указаны многочисленные аналогии этим черневым перстням в новгородских древностях [Савельева, 1987, с. 129]. Особенно показательны орнаментальные мотивы на них – различные варианты плетёнки и растительных побегов (илл. 136), встречающиеся не только в декоре древнерусской мелкой металлической пластики, но и на костяных и деревянных изделиях; преимущественно XII в. [Колчин, Янин, Ямщиков, 1985, с. 71, 90, 95, №№ 122, 124, 170, 180]. Особенно часто такие мотивы встречаются на серебряных с чернью колтах, а также браслетах-наручах XII – начала XIII вв. и даже на перстнях [Недошивина, 2010, с. 10, 12, 15, 18; Зайцева, Сарачева, 2011, с. 212, рис. 105-13]. Не случайны находки такого типа черневых перстней на древнерусском поселении на Выми – Пожегском городище [Савельева, Клёнов, 1992, с. 21, рис. 9-23]. Из частной коллекции известен перстень с черневой плетёнкой, аналогичной тем, что украшали древнерусские браслеты-наручи (илл. 137).

Датированы черневые перстни из вымских могильников XIII–XIV вв., т. е. они хронологически более поздние, чем основная масса булгарских изделий [Савельева, 1987, рис. 37]. Интересен перстень с косым крестом (рис. 11-14) из Жигановского могильника, рисунок на котором аналогичен изображениям на перстнях из погребений Плотниковского могильника, датированного более узко – XIII в., скорее всего концом столетия [Руденко, Брюхова, Лычагина, 2010, с. 4–7]. В Жигановском могильнике перстень находился в составе погребального инвентаря погребения № 55, комплекс находок из которого не противоречит этой дате [Савельева, 2010, с. 273, рис. 142]. Орнаментальные мотивы на перстнях с пермских памятников близки орнаментам на серебряных перстнях с чернью из Зауралья (рис. 14-1–4)

илл. 138. Серебряные погребальные маски из Рождественского могильника в Пермском Прикамье (по А. М. Белавину и Н. Б. Крыласовой)

илл. 139. Серебряные погребальные маски из раннебулгарского Танкеевского могильника IX–X вв.

(Ликийский могильник), где они датированы XII–XIV вв. [Викторова, 2008, с. 61, рис. 45]. Исследователи отмечают их близость древнерусским изделиям.

В вымских могильниках серебряные черневые перстни встречаются в погребениях вместе с фрагментами шумящих финских украшений [Савельева, 2010, с. 395, 404, рис. 267-1, 2, 5; 276-1]. Датируются они также XIII–XIV вв. Один из перстней (**рис. 11-11**) близок перстню с Рождественского городища [Белавин, Крыласова, 2008, с. 447, рис. 182-17]. Встречен этот тип перстней и в Булгарии (**рис. 1-25; 5-11; илл. 93, тип 2.2**), однако перстень из Рождествено имеет зачернённый фон, а булгарский – только контур. Вторая находка серебряного перстня с чернью с Рождественского городища отдалённо напоминает булгарский перстень типа 2.3 [Белавин, Крыласова, 2008, с. 447, рис. 182-16]. Однако пропорции щитка здесь иные, и рисунок схематизирован. По композиции он более близок древнерусским орнаментам на ювелирных украшениях XII – начала XIII вв.

В целом, серебряные перстни с чернью из Пермского Прикамья обнаруживают большую близость с находками из вымских могильников, чем с булгарскими изделиями [ср.: Бе-

лавин, 2000, рис. 46-10–16]. Как и на Выми, в могильниках Пермского Предуралья на этих изделиях в декоре преобладают геометрические мотивы и не встречается мотив с кринком, хотя в коллекции из могильника Телячий Брод имеется явно булгарский перстень со стилизованным растительным орнаментом [Белавин, 2000, рис. 46-11].

Отметим, что точки черни (?) зафиксированы на нескольких погребальных серебряных масках Рождественского могильника в Пермском Прикамье, который датирован второй половиной X в. – началом XI в. [Крыласова, Бочаров, Бочарова, 1997, с. 120, рис. 16; Белавин, Крыласова, 2008, с. 480, рис. 210-3, вклейка Н-4, 5] (**илл. 138**). Серебряные погребальные лицевые маски встречены и в других могильниках Пермского Предуралья этого времени, например Бояновском и Огурдинском [Крыласова, 2001, с. 135, 136, рис. 7-1, 8-2; Данич, 2008, с. 52, рис. 3]. Однако черни на них нет. Стоит сказать, что серебряные погребальные маски встречены в раннебулгарском Танкеевском могильнике IX–X вв. (**илл. 139**), но без следов чернения. Е. П. Казаков отмечал, что некоторые маски из погребений этого памятника были позолочены [Казаков, 1968, с. 231].

ЧЕРНЕВЫЕ ИЗДЕЛИЯ БУЛГАРСКИХ ЮВЕЛИРОВ, РАБОТАВШИХ ЗА ПРЕДЕЛАМИ БУЛГАРИИ, ИЛИ СОЗДАННЫЕ ПРИ ИХ УЧАСТИИ

Точно атрибутировать такие предметы затруднительно. В литературе имеются указания на несколько ювелирных изделий, выполненных, предположительно, с участием болгарских мастеров.

1. **Двустворчатый браслет-обруч (илл. 140)** из Кудымкарского городища в Пермском Прикамье [Макарова, 1986, с. 84, рис. 36, № 230; Белафин, 2000, с. 102, рис. 45]. Т. И. Макарова отмечает, что браслет по орнаменту и наложению черни входит в круг русских ювелирных изделий, а пирамидки зерни, украшающие его створки у шарниров, болгарского происхождения. А. М. Белафин уточнил характер декора, отметив катушечную филигрань по краю длинных сторон створок и крупную зернь на боковых (Т. И. Макарова считала, что все края декорированы зернью) и отнёс браслет к болгарскому производству.

Отметим, что тип двустворчатого браслета типичен для русских изделий, причём наиболее ранним образцом его является находка из Саркела (рис. 27-7), что отметила Т. И. Макарова [1986, с. 27]. В болгарской ювелирной традиции таких предметов не было. Рисунок, на первый взгляд, имеет восточный характер, и мастер, конечно, мог позаимствовать его у болгарских коллег, однако мотив такого рода имеется на пластинчатых бронзовых браслетах из гдовских курганов, составляющих серию аналогичных изделий, но с другим декором [Седова, 1997, с. 303, табл. 57-27]. По мнению М. В. Седовой, браслеты из гдовских курганов новгородского производства XIII–XIV вв., с ярко выраженными «восточными мотивами», возникшими под влиянием искусства Золотой Орды [там же, с. 75–76]. Некоторые аналогии можно найти и в орнаментике серебряных наручей с чернью (рис. 27-8).

Катушечная филигрань встречается на русских ювелирных изделиях с XI–XII вв.; крупная зернь (чаще всего сделанная из полых шариков) характерна как для прикамского ювелирного центра XIII–XIV вв., так и для серебряных украшений Древней Руси (например, серебряных колтов).

Судя по характеру декора, данный браслет изготовлен в XIII в., возможно, в первой половине столетия. Не исключено, что заказ выполнял болгарский мастер или ювелир, какое-то время работавший в Булгарии.

илл. 140.
Двустворчатый
браслет-обруч
из Прикамья
(по Т. И. Макаровой)

2. **Створчатый шарнирный браслет (рис. 27-4)**, найден в Чердынском районе Пермской области. Он украшен двумя параллельными орнаментальными полосками с рисунком плетёнки на зачернённом фоне на каждой из них (по терминологии Т. И. Макаровой, в два яруса). Рисунок позолочен. По краю изделия положена катушечная филигрань (?); использованы скань и среднего размера зернь. Т. И. Макарова считала его «самостоятельной репликой на браслеты, изготавливаемые в Киевской Руси», соглашаясь с мнением В. Ф. Генинга, что он изготовлен под русским влиянием в Волжской Булгарии [Макарова, 1997, с. 78].

К этой точке зрения присоединился А. М. Белафин, при этом он углубил данную тему, конкретизировав, что такие браслеты изготавливались в Билиаре в домонгольский период [Белафин, 2000, с. 102]. Основанием для такого заключения стал опубликованный в коллективной монографии «Культура Билиара» [1985] обломок литейной формы с тремя разными рисунками для отливки, предположительно для изготовления пластинчатых браслетов [Кузьминых, 1985, с. 91]. Какого рода должен был быть браслет – шарнирный или нет – уста-

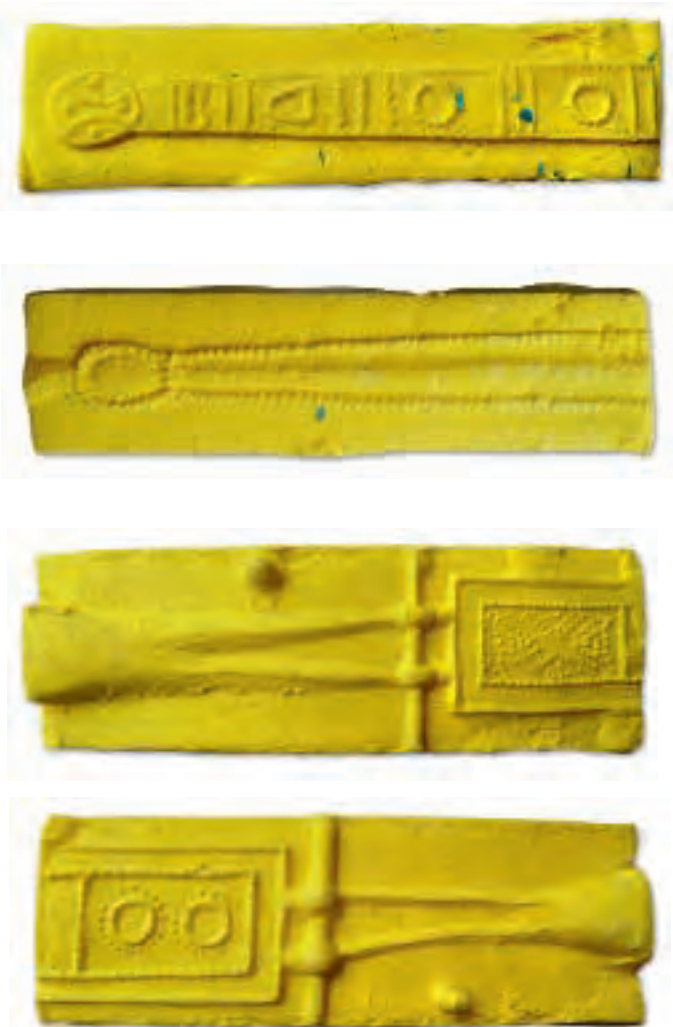

илл. 141. Литейные каменные формы из Билиарского городища.
Коллекция А. Ф. Лихачёва. Собрание НМ РТ

новить по этой литейной форме не представляется возможным (*илл. 141*).

С. В. Кузьминых, автор этого очерка, писал только о широких (? – К. Р.) пластинчатых браслетах шириной 1,8 и 2,2 см, при том, что рассматриваемое А. М. Белавиным изделие имеет стандартные параметры отдельной створки – 3,5 см. Если мы посмотрим на оттиски с этой литейной формы (*илл. 142*), то увидим, что в лучшем случае форма могла использоваться для отливки обычных узких бронзовых браслетов, широко распространённых в Поволжье в XI–XII вв. В одном случае можно предположить, что по этому рисунку можно было отлить браслет с псевдозернью из свинцово-оловянистого сплава; близкие, но не аналогичные которому изделия встречаются, например, в новгородских древностях конца XII–XIII вв. [Седова, 1996, с. 429, кат № 156, 157].

Стоит сказать, что браслет, о котором идёт речь, сделан ковкой с использованием тиснения, что никак не соответствует технологии литья. Таким образом, утверждение о производстве именно таких браслетов в Булгарии является некорректным.

илл. 142. Оттиски с каменных литейных форм из Билярского городища

Кроме того, в конце XX – начале XXI вв. стали известны находки ещё трёх таких изделий из Зауралья (*рис. 27-1–3*). Скорее всего, они были изготовлены в одной мастерской, судя по почти абсолютному сходству, за исключением мелких деталей. Мотив плетёнки на браслетах в данном варианте характерен для русских изделий (например: [Розенфельдт, 1997, с. 276, табл. 30]), включая и серебряные черневые перстни с этим мотивом (*рис. 14-4*), а также серебряные браслеты-наручи (*рис. 27-9*).

Скорее всего, относится этот браслет, как и зауральские, к изделиям прикамского центра, сложившегося при участии и заметном влиянии булгарских ювелиров. Датируется концом XIII–XIV вв.

К этому же кругу изделий относятся найденные в Зауралье створчатые браслеты (*рис. 27-5, 6*) с грубым рисунком позолоченной сложной плетёнки на зачернённом фоне. Заметны следы позолоты. По краю – катушечная филигрань. Датируются они XIII–XIV вв.

Есть ещё ряд категорий предметов с использованием черни, которые считаются булгарскими, например, серьги

илл. 143. Серьги с черневым рисунком из Зауралья

ромбической формы, окаймлённые катушечной филигранью с тиснённым узором из выпуклых шишечек и рисунком плетёнки и розеток на черневом фоне, с позолотой рисунка и части фона (*илл. 143*). Они встречены только в Западной Сибири и датируются более поздним временем. Анализ этих предметов не входит в рамки настоящего исследования.

Признаки изделий, изготовленных при участии или под влиянием булгарских мастеров:

- 1) использование форм украшений, не встречающихся у булгар;
- 2) декорирование предмета чернью вместе с зерновыми и скаными узорами;
- 3) чернение является вспомогательным элементом, как правило оттеняя фон рисунка;
- 4) использование золочения;
- 5) на рисунке – изображения растительных мотивов, как правило побегов лозы, чаще плетёнки, или волнистой линии.

Особенности оформления данных предметов, которые не типичны для булгарских черневых изделий, как собственно и сами эти изделия, позволяют говорить только о начальном булгарском импульсе и участии булгарских мастеров или их учеников на раннем этапе изготовления подобных изделий.

ИЗДЕЛИЯ С ЧЕРНЬЮ, НАЙДЕННЫЕ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ И АТРИБУТИРОВАННЫЕ КАК БУЛГАРСКИЕ

Серебряная посуда. В ассортименте болгарской продукции с чернью с территории Волжской Булгарии серебряные сосуды не известны. Фрагменты привозных серебряных (?) чаш с гравированным орнаментом XII–XIV вв. встречаются в подъёмном материале сряда болгарских поселений (*илл. 144*), но чаще обнаруживаются фрагменты бронзовых литых чаш с гравированным рисунком (*рис. 20*). Такие, например, найдены при раскопках и сборах подъёмного материала на Остолоповском (*рис. 20-1, 3*) и Екатеринослободском (*рис. 20-4*) селищах в Татарстане, они датированы по археологическому контексту второй половиной XI – второй половиной XII вв. Представляет интерес фрагмент бронзового сосуда XI в. с Измерского селища, декорированный мелкими кружочками с точкой в центре (*рис. 20-2*). Все эти сосуды являются привозными, в большинстве случаев из Средней Азии или Ирана. Из музейных коллекций происходят фрагменты и целые формы бронзовых и латунных сосудов с инкрустацией серебром, преимущественно золотоордынского времени.

Из находок из Западной Сибири Б. И. Маршаком выделены серебряные чаши и блюда, атрибутированные как болгарские. Как болгарское подражание иранским изделиям XI в. было атрибутировано рублёвское блюдо. Вслед за этим как «варварские подражания» восточным прототипам X в. были

определены ещё несколько блюд, где сочетались скопированные детали восточных орнаментов и композиций и весьма оригинальный мифологический сюжет.

Характерной чертой этой группы торевтики стали считать прорисовку аорты и сердца у животных и птиц [Маршак, 1976, с. 153–154]. К этому же добавлялось использование в декоре черни и позолоты, это в целом предполагает, что и чернь, и золочение были освоены булгарами ещё в X в. В целом, отнесение этих сосудов именно к болгарским, строилось в большей степени на постулате о том, что в X в. другой такой страны, где могли бы копироваться восточные образцы, но в местном ещё архаическом, языческом осмыслении, кроме Булгарии, не было.

Этот достаточно уязвимый тезис не поддержал В. П. Даркевич, видевший в этих сосудах великоморовские реминисценции. Он справедливо указал, что композиции на украшениях булгар иные, приводя в качестве примера бляхи с охотничьими сценами, которые он, опираясь на исследование В. Ю. Лещенко, считал булгарскими [Даркевич, 1976, с. 170].

Вопрос о болгарской атрибуции этих оригинальных сосудов остаётся дискуссионным, и нужны дополнительные аргументы, чтобы считать их произведёнными в Волжской Булгарии или болгарскими подражаниями восточным образцам. Заметим, что в XI в. Волжская Булгария, на государственном уровне следовавшая определённым предписаниям официальной религии – ислама, в области изобразительного искусства не приветствовала изображения живых существ. Это подтверждается и археологическим материалом: на предметах, изготовленных булгарскими мастерами, таких рисунков мы

илл. 144. Фрагменты бронзовой чаши из Среднего Поволжья, XI – XII вв.

не найдём. Удивительным и малообъяснимым фактом является то, что серебряные сосуды с изображениями человека, животных и т. п. производились на протяжении всей истории домонгольской Булгарии, при этом с детальным знанием языческих воззрений весьма далёких от болгар народов.

Среди небольшого числа серебряных сосудов, отнесённых к болгарским, четыре украшены чернью: две чаши диаметром 24–25 см и два блюда диаметром 28 и 45 см.

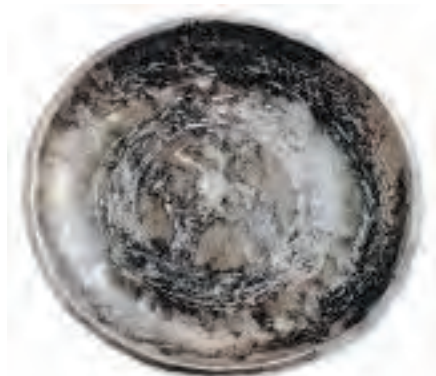
1. К XI в. отнесена серебряная округлодонная кованая чаша (рис. 21-3), на дне которой изнутри в круглом медальоне изображена стилизованная арабская (?) надпись, фон которой зачернён.

2. Чаша, датированная XII–XIII вв. (рис. 21-2), с изображением всадника на коне (илл. 145). Человек, стреляющий из лука, сидит верхом на спокойно стоящем взнузданном коне. На морде лошади детально прорисована уздечка: ремни оголовья, поводья, закреплённые за луку седла, поскольку лучник стреляет, а также ремни с кольцевым соединением, либо сплошным тройником, крепящие седло. Хвост коня завязан; грива заплетена. Всадник, изображённый в резком повороте налево и назад, одет в длинный халат, затянутый узким поясом, полы халата собраны в складки. Лицо анфас изображено очень схематично. Голова бритая, возможно есть борода. Левая рука, держащая лук, вытянута, правая, согнутая в локте, удерживает стрелу на натянутой тетиве. Стрела, зажата большим пальцем руки, упирается на указательный палец. Лук степного типа.

Орнамент: растительный побег (лоза) (илл. 148-3а) между двумя параллельными линиями, ограничивающими центральный медальон и бордюр по краю из раппорта стилизованного растительного побега (крин?) (илл. 148-3б). Контур рисунка (изображения и орнамент) зачернён.

3. Блюдо XII–XIII вв. (рис. 21-7) с зачернённым рисунком с позолотой (илл. 146), изготовлено путём выколотки [Сокровища, 2003, с. 66, кат. № 29]. На нём изображены: 1) олень в движении, в спину которого впился хищник, скорее всего волк с крупной головой, с мощной пастью и коротким хвостом. Всё это действие происходит на фоне растительных побегов (илл. 94-5в); 2) две одиночные птицы, напоминающие куропаток: крупное туловище с короткими крыльями, небольшая голова с аккуратным маленьким клювиком, тонкими ножками; 3) три пары птиц с раздвоенными хвостами и длинными крыльями (стрижи или ласточки?), птички расположены симметрично, сомкнувшись клювами (илл. 148-5а); 4) одно изображение не распознано.

Декор: растительный побег (лоза) (илл. 148-5б), ложчатое оформление стенок блюда; по краю выгравирована двойная плетёнка (илл. 148-5а). Фон зачернён, сам рисунок позолочен. Стоит обратить внимание на способ нанесения черни. Фон изображений расштрихован, а не выбран, как на болгарских изделиях, чернь наложена аккуратно, но не создаёт сплошного покрытия, а заполняет насечённые углубления в металле. Аналогичный принцип выдерживается при украшении контуров изображённых животных и птиц. Заметим, что на фон выгравированной плетёнки (оставленные резервом треугольники) расштрихован, а не выбран, как это было бы сделано болгарскими ювелирами.

илл. 145. Серебряная чаша с изображением всадника, XII – XIII вв.

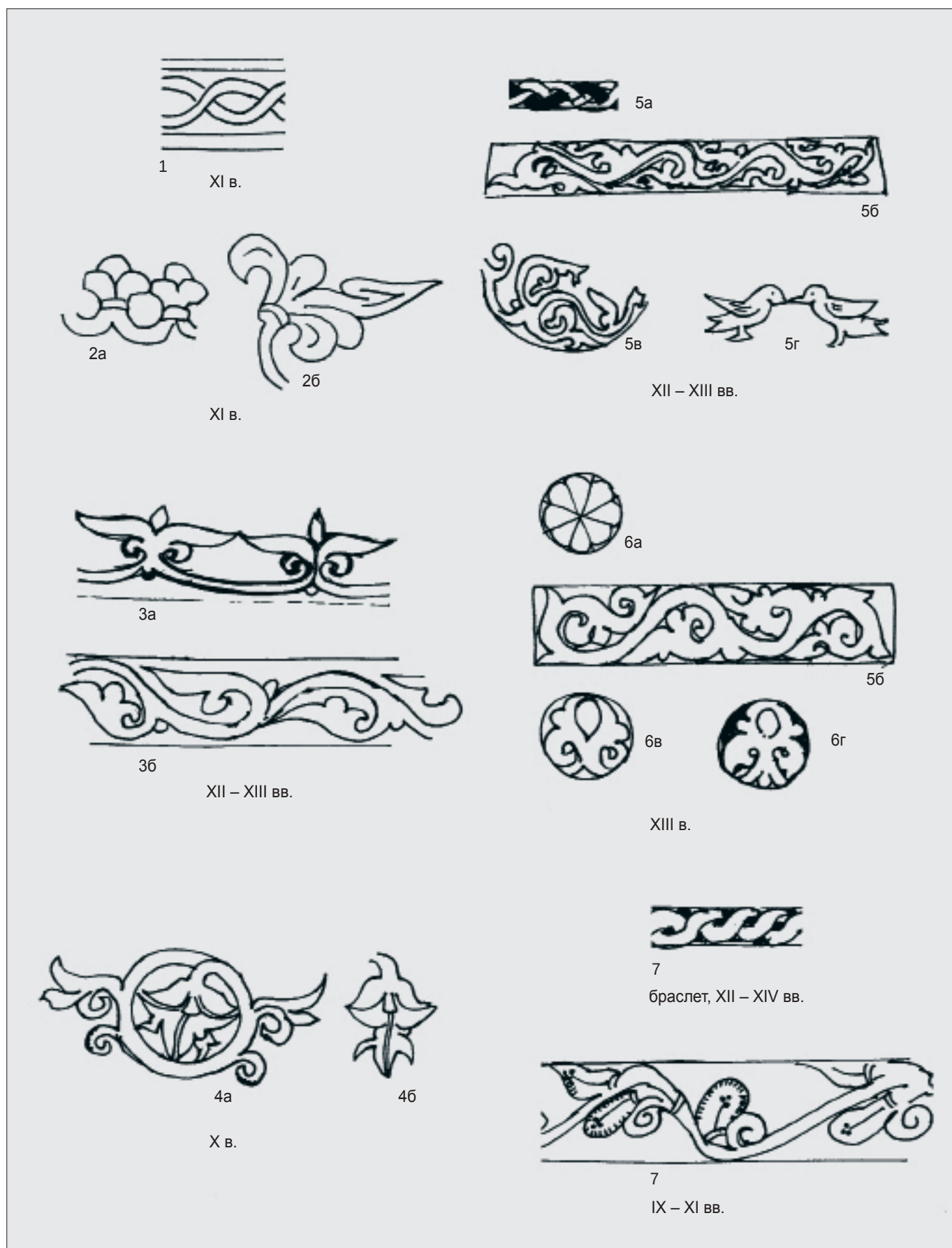
илл. 146. Серебряное блюдо с изображением оленя, XII – XIII вв.

илл. 147. Серебряное блюдо с изображением львов, XIII в.

Необычно для болгарских тюркских изделий заполнение фона медальонов изображениями крупных растительных побегов. При этом отдельные элементы рисунка и вся композиция во всех случаях читаются очень хорошо, изображения проработаны в деталях, позолота и чернь ровные и аккуратные.

4. XIII в. датировано блюдо (илл. 147) с изображениями: 1) в центральном медальоне изображения двух стилизованных парных львов; 2) (рисунок с утратами) двух пригнувшихся львов, сомкнувшихся лбами; 3) орла, клюющего оленя (?), прогнувшегося под тяжестью огромной птицы; 4) (рисунок с утратами) лось или олень, бодающий некое кошачье существо с коротким хвостом, изогнувшееся от удара.

илл. 148. Орнаменты на серебряных чашах и блюдах из Зауралья, XII – XIII вв.

илл. 149. Серебряное блюдо с изображением всадника, IX – X вв.

илл. 150. Серебряное блюдо с изображением всадника и геометрическим орнаментом, IX – X вв.

илл. 151. Серебряное фрагментированное блюдо (?) с всадническим сюжетом, IX – X вв.

Орнамент: 8-лепестковые розетки (илл. 148-6а); растительный побег (лоза) (илл. 148-6б), причём фон грубо расштрихован, а также симметричная композиция из двух «спаренных» кринов (илл. 148-6в, г). Центральный медальон выделен рельефным уплощённым валиком, на котором выгравирована двойная плетёнка. Сам рисунок львов выполнен в высоком рельефе. Рисунок позолочен. Отметим, что изображение в центральном медальоне напоминает изображения на металлических «сельджукских» зеркалах, изготавливавшихся в Хорасане, Иране и Анатолии с XII в. и распространившихся в эпоху Золотой Орды в Нижнем и Среднем Поволжье.

Композиция изображений, сюжеты, орнаменты и элементы декора (например, позолота) на этих сосудах с чернью не встречаются на собственно болгарских изделиях XI–XIII вв. Рисунок всадника на чаше № 2 можно сопоставить с изображениями всадников-воинов на изделиях, отнесённых к продукции «венгеро-уральского центра» IX–X вв., выделенного Н. В. Фёдоровой, например, на блюде (илл. 149) с полуострова Ямал [Сокровища, 2003, с. 53, кат. № 19]. Он изображён с бритой головой и оставленным длинным чубом, развевающимся сзади; лицо бритое или с незначительной растительностью. Глаза чуть раскосые. Одет в халат, перехваченный узким поясом, к которому подвешена сабля с характерной изогнутой рукоятью и наконечником ножен. Халат длинный – до колен или чуть ниже, учитывая сидячую позу всад-

ника, на ногах – сапоги. Одной рукой он удерживает поводья, второй (левой), отставленной в сторону, держит копьё или стяг. На коне уздечка из нащёчных, налобного и затылочного ремней. На спине попона с декоративной окантовкой. Седло не прорисовано, но к нему крепятся стремена. На ремнях, крепящих ремень, на груди и на корпусе видны листовидные подвески, а на самих ремнях – схематично изображённые накладки. Выразителен растительный орнамент на этом сосуде (илл. 148-8).

Всадник в доспехах изображён также на другом блюде, также отнесённом Н. В. Фёдоровой к «венгерской группе» (илл. 150) [Сокровища, 2003, с. 56, кат. № 21]. К зрителю он повернут затылком. На голове конический шлем с тремя конструктивными «рёбрами» и нижней «крепёжной» полосой. К шлему прикреплена бармица. На всаднике рубаха, поверх которой – кольчуга с короткими рукавами до локтя (рукава рубашки «выглядывают» из-под кольчуги). На кольчугу надет длинный халат, почти по щиколотку. Халат перехвачен поясом, к которому крепится налучье (?), на ногах – сапоги. Конь взнуздан. Уздечка состоит из нащёчных, наносного, налобного и подбородочного ремней; снизу к ремню подвешен науз – декоративный «хвост». Седло (детали не отражены) крепится двумя ремнями – на груди и на корпусе с сердцевидными подвесками. Накладок на ремнях не заметно. Всадник управляет лошадью с помощью стремян с широкой подножкой.

илл. 152. Серебряная чаша с многофигурной композицией, X – XI вв.

илл. 153. Серебряное блюдо с мифологическим сюжетом, XI в.

Несколько отличается в деталях всадник ещё на одном блюде (илл. 151) [Сокровища, 2003, с. 57, кат. № 22]. Он изображён на охоте – на его правой, чуть отведённой назад для резкого взмаха руке сидит приготовившаяся к взлёту крупная хищная птица с мощным чуть приоткрытым клювом и сложенными крыльями. Всадник, очевидно царственная особа, судя по головному убору, одет в халат с отложным воротником и в сапоги с твёрдой подошвой. Лицо у него бритое. Изображены глаза, нос, ухо, но нет рта. Оживляют изображение охотника выбивающиеся из-под головного убора волосы. У коня из ремней оголовья показаны нащёчный, затылочный и подбородный. Изображены s-видные псалии. Конь, скорее всего, подкован (по крайней мере, нижняя часть копыт подчеркнута).

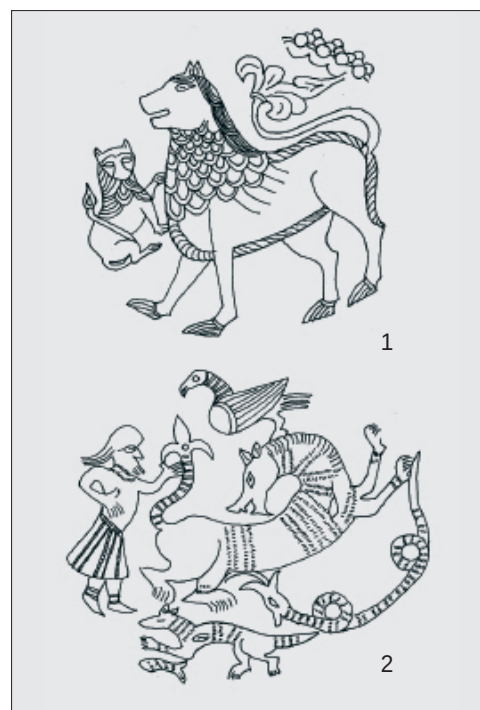
Сравнение изображений всадников показывает, что, несмотря на отличия, сам сюжет и многие детали являются общими, но вопрос, к какой изобразительной традиции они относятся, остаётся открытым.

Сравним с «булгарскими» сосудами с чернью серебряную посуду, также атрибутированную как булгарскую, но без черневого рисунка.

5¹. К булгарскому производству X в. отнесено блюдо (рис. 21-6) с изображением человека, оленя и сидящей на нём птицы [Сокровища, 2003, с. 65, кат. № 28]. Изображения на нём следующие: 1) бородатый мужчина с длинными волосами, перехваченными матерчатой повязкой, окончание которой свободно опускается на плечи и спину. Одежда – обтягивающий кафтан (?), перепоясанный матерчатым с узорами поясом, также с длинными концами. Человек одет в штаны, зауженные к голени, на которые надеты гетры (?). Обувь – схематично изображённые «тапочки»; 2) взнузданный (?) олень; 3) орёл с развёрнутыми в анфас крыльями и головой, но с показанными в профиль лапами.

Орнамент: вокруг центрального медальона изображены четыре картуша. В растительном картуше с пальметовидными завитками изображён крин или стилизованный расцветший лотос (?), являющиеся продолжением растительного

¹ Нумерация продолжается с серебряных сосудов с чернью.

илл. 154. Изображения на серебряных блюдах, X – XI вв. Прорисовка К. А. Руденко

побега (илл. 148-4а). По краю блюда идёт поясик из стилизованного меандра. Позолочены гравированные рисунки.

6. К X – XI вв. отнесена чаша (рис. 21-1) с многофигурной композицией (илл. 152) [Сокровища, 2003, с. 64, кат. № 27]. На ней изображены три собаки (?) с высунутыми языками (шерсть на загровке передана в виде полоски – т. н. «скелетный стиль») (одна из них в центральном медальоне), одна собака со змеиным хвостом; на её туловище обозначены перья и шерсть. Позади неё в анфас изображено человекоподобное существо с расставленными в стороны руками, коротенькими ножками (или вообще без них) и короткими перьями или шерстью от груди до ног. На лице показаны нос и глаза. Сюжет изображения развивается следующим образом: две собаки гонят навстречу друг другу двух птиц с длинными шеями, покрытыми мелкими пёрышками, с «голой» головой и хвостом-веером (тетерев или глухарь?). Антропоморфное существо практически не участвует в активном действии, хотя, несомненно, какую-то роль оно здесь играет.

Орнамент: декоративные рельефные валики, разграничивающие внутренний объём плоскости чаши и псевдоложчатый орнамент.

7. К XI в. отнесено позолоченное блюдо (рис. 21-5), на котором изображена сюжетная композиция из пяти фигур (илл. 153) [Сокровища, 2003, с. 58, кат. № 23] (илл. 154-2). Центральное место занимает фигура фантастического животного с кошачьим туловищем, с длинным хвостом, заканчивающимся кринном, головой собаки или волка с двумя ушками и оскаленной пастью с обнажёнными клыками. Тело этого чудовищного существа покрыто короткой шерстью, на шее – грива, лапы и хвост также покрыты короткой шерстью. Поза животного напряжённая, голова повернута в резком

илл. 155.
Серебряное
блюдо с мифо-
логическим
сюжетом, XI в.
Деталь

движении назад к фигуре человека. У правой лопатки изображена рана от укуса (?).

Передней правой лапой животное наступило на хвост змея, который, раскрыв пасть и высунув длинный раздвоенный (?) язык, кусает обидчика снизу в живот. Туловище змея, извивающееся двумя кольцами, покрыто чешуёй или шерстью (?), по крайней мере, манера изображения одинакова во всех случаях. На шее чудовища сидит хищная птица – орёл (?) с большим изогнутым клювом. У птицы длинная шея, сложенные крылья и длинный хвост. Под задними лапами чудовища изображена бегущая раненая собака с узкой мордой, небольшими прижатыми ушами и длинным хвостом. Под передней лапой собаки изображена ныряющая (?) рыба (или, точнее, рыба, выпрыгнувшая из воды).

К чудовищу как бы обращается бородатый человек с длинными волосами, зачёсанными назад, которые спадают ему на плечи и спину (илл. 155). Нос у него острый, длинный, глаза широкие. Он энергично жестикулирует, подняв левую руку с открытой ладонью вверх, правая рука находится у груди, также с широко раскрытой ладонью. Человек одет в длинный, до колен, кафтан, перехваченный матерчатым поясом, сползшим на низ живота. Воротник отсутствует, но горло чем-то закрыто, возможно шейным украшением или меховой оторочкой. Рукава узкие, с «манжетами» – видимо, прихвачены парой браслетов или оторочены мехом. Запах не изображён. Длинные полы одежды собраны в складки (если это не изображение стилизованного орнамента). Штаны заправлены в невысокие сапожки, затянутые выше щиколотки кожаными или матерчатыми ремешками, или, возможно, с меховой опушкой.

Орнамент: внутренняя плоскость дна блюда выделена двумя рельефными валиками, между которыми размещён

илл. 156. Серебряное блюдо
с изображением двух львов, XI в.

илл. 157. Серебряное блюдо со сценой
терзания, XI в.

гравированный узор в виде двух переплетающихся линий (илл. 148-1), «разорванных» в одном месте двумя s-видными линиями. По краю валиков идёт пара гравированных линий. Близкий орнамент имеется на «защитных щитках лучника» [Бауло, 2004, с. 138, фото 26]. Фон центрального медальона позолочен.

8. На блюде, датированном XI в. (рис. 21-8), изображены два льва, причём оба в центральном медальоне (илл. 156) [Сокровища, 2003, с. 60, 61, кат. № 24] (илл. 154-1). Крупный лев в профиль с декоративно расцветшим хвостом (пальметка) (илл. 148-26), с изящной причёской (расчёсанной на пробор гривой и изящной чёлочкой, аккуратно расчёсанной шерстью на груди), величаво шествует, не спеша переставляя лапы. Второй лев сидит на задних лапах, «выпустив» хвост с кисточкой через правую лапу. Лицо его анфас, схематично – брови, глаза и широкий нос, маленькие чуть изогнутые стоячие ушки. Грива и шерсть на груди аккуратно прорисованы. Левая лапа льва поднята вверх, нижняя поставлена на землю. Передние лапы малого льва касаются груди большого льва.

Орнамент: центральный медальон окаймлён бордюром стилизованного растительного орнамента (илл. 148-2а).

9. На блюде (рис. 21-4) из группы сосудов, отнесённых к XI в., изображён олень, павший жертвой льва или тигра (?) с длинным хвостом, заканчивающимся крином (илл. 157) [Сокровища, 2003, с. 63, кат. № 26]. Олень под тяжестью хищника присел на задние ноги, пытаясь передними копытами опереться о землю и вскочить (?). Орнамент: рельефный валик, ограничивающий центральный медальон.

Итак, главными «действующими лицами» на рассмотренных предметах являются животные, дикие птицы и люди. Из животных доминирует олень (№№ 4; 5; 9); в двух случаях олень становится жертвой хищника (№№ 4; 9), в одном – он атакован птицей (если в этом случае она просто не сидит на спине оленя). Кроме того, встречаются изображения львов (№ 8). Из диких животных на рисунках присутствует змей, из домашних – собаки. Из птиц изображались, вероятно, утки (№ 4) (изображения трудно сопоставить с реальными птицами, так что, исходя из пропорций и особенностей строения крыльев и тулова, можно их считать и голубями,

илл. 158. Бронзовые идолы из болгарского Змеевского городища (Чистопольский район РТ), коллекция Н. Ф. Высоцкого (а); Билярского городища, коллекция А. Ф. Лихачёва (б), XI–XII вв. Собрание НМ РТ

и куропатками и т. п.). Кроме того, есть изображения тетеревов или глухарей (?) (№ 6) и, возможно, орла (№ 7). Вообще, животные изображены весьма реалистично, особенно олени и собаки; менее правдоподобны птицы. Образы фантастических животных, очевидно, имеют прототипы в природе. Это, судя по характерной позе, некое кошачье существо (№ 7) или волк (№ 4). Люди также вполне узнаваемы, причём они занимают важное место в сюжете и композиции рисунка. Встречен и рисунок антропоморфного существа (№ 6). При этом данное изображение мало похоже на культовые болгарские идолы домонгольского времени [Руденко, 2004, с. 60–61] (**илл. 158**).

Вполне очевидно, что мастера, изготовившие эти сосуды, как и их заказчики, прекрасно знали, что, собственно, изображается. Следует отметить, что эти составляющие полностью присутствуют в мелкой металлической пластике Прикамья, однако отсутствуют в болгарском искусстве [Оятева, 2003, с. 26–39]. Д. К. Валеева обратила внимание на то, что в болгарских материалах имеются вещи, идентичные пермским, русским и «трудно решить вопрос о том, насколько такие идентичные предметы оригинальны и где они впервые появились, то есть насколько они болгарские» [Валеева, 1983, с. 51]. При этом основные орнаментальные мотивы, использованные на этих сосудах, универсальны и встречаются как у болгар, так и у многих других народов [Валеев, 1969, табл. 2].

Таким образом, болгарские торовы (если они являются авторами рассмотренных изделий) нарушают главные каноны, лежащие в основе их собственного ремесла. Тезис о том, что болгарские ювелиры специально изготавливали такие изделия для конкретного потребителя в соответствии с его «заказом», пока мало чем подтверждён. Малочисленность этих предметов и широкий хронологический диапазон их бытования (X–XIII вв.) при сохранении многих элементов, ко-

торые мало соответствуют основным принципам болгарской художественной традиции, не позволяют согласиться с этим тезисом. Вопрос об атрибуции этих изделий как болгарских и времени их изготовления остаётся открытым.

Пластины для защиты запястья лучника от удара тетивы лука. Серебряные овальные пластины (щитки) на территории Волжской Булгарии не известны. За 150 лет исследований болгарских древностей обнаружено только 3 щитка, сделанных из кости или рога, которые происходят из Билярского городища (случайная находка в окрестностях Билярска из собрания А. Ф. Лихачёва) (**илл. 159**), и из Булгара (раскопки М. Д. Полубояриновой, слой золотоордынского времени) (**илл. 160**). Они подробно исследованы М. Д. Полубояриновой. Она же обратила внимание на аналогичные костяные изделия из Прикамья и серебряные из Западной Сибири, опубликованные И. А. Сыркиной [Полубояринова, 1986, с. 255–256].

Костяные щитки, как votivного характера, так и для практического применения, а также как игрушки (?), были распространены в Зауралье с I в. до н. э. и до этнографического времени [Усть-Полуй, 2003, с. 66, кат. №№ 186, 187; Богораз, 2012, с. 93, рис. 73а, б]. В Предуралье, как и на Средней Волге, они редки и не характерны для местной охотничьей или военной культуры. Металлические, преимущественно серебряные, реже медные или покрытые серебром (**рис. 22-4**) изделия подобного рода распространялись только в Зауралье. Датировка их затруднена, поскольку в большей части они найдены вне закрытых комплексов, нередко на этнографических святилищах хантов и манси [Бауло, 2004, с. 139, фото 27; 2007, с. 145–150].

илл. 159. Костяная пластина на запястье лучника из Билярского городища, XI–XIII вв. Коллекция А. Ф. Лихачёва, собрание НМ РТ

илл. 160. Костяная пластина на запястье лучника из Болгарского городища, вторая половина XIII–XIV вв. Раскопки М. Д. Полубояриновой

илл. 161. Серебряная пластина на запястье лучника с черневым орнаментом, опубликованная Я. И. Смирновым. Собрание ГЭ

Серебряные защитные пластины с черневым узором из Сибири были опубликованы ещё в начале XX в. Я. И. Смирновым (**илл. 161**). Однако значительное количество серебряных щитков было выявлено в последние десятилетия XX – начале XXI вв. Часть обширной коллекции таких находок, хранящихся в настоящее время в нескольких музеях (Музейный комплекс «Государственный окружной музей Природы и Человека (МК «ГОМПиЧ») в г. Ханты-Мансийск, Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс им. И. С. Шимановского в г. Салехард) опубликована И. А. Сыркиной, А. В. Бауло и Н. В. Фёдоровой [Сыркина, 1983, с. 182–198; История, 2001, с. 11, № 65; Сокровища, 2003, с. 70, 71, кат. №№ 33, 34; Бауло, 2004, с. 49–50, 138–139, фото 26, 27; 2007, с. 145–150; Фёдорова, 2005, с. 56, 57, 58, кат. №№ 6, 7, 8, 9, 10, 11]. Исходя из наличия на этих изделиях орнаментов с чернью они считаются болгарского производства. Датируются серебряные пластины чаще всего в рамках XII–XIV или XIII–XIV вв.

Эти изделия стандартны по форме – вытянуто-овальные, изогнутые лоточком или плоские, шириной в среднем 8 см, длиной 11–13 см. Бортик пластины чаще всего загнут; нередко под него положена круглого сечения проволока. Некоторые пластины гладкие, без декора, но большая часть обильно украшена орнаментами и рисунками (**рис. 22-1–3, 5**). Чаще всего это гравированные рисунки, но есть две пластины со штампованным растительным орнаментом. В остальных случаях композиция рисунка стандартна: вслед за формой щитка по её краю идут орнаментальные полосы (чаще всего плетёнка или растительный побег); в центре овальное поле разделено вертикальной полосой с орнаментом на две равные половины. В этих секторах помещены рисунки рыб (**рис. 22-2**), львов (**рис. 22-1**) или фантастических существ (**рис. 22-3, 5**). Фон или рисунок покрыты чернью. Хотя не редки щитки и без черневого декора.

Любопытен щиток, на котором в среднем секторе вместо орнаментальной полосы располагается двуглавый орёл. Изображённые существа имеют туловище льва с хвостом-змеёй, голова – человеческая или драконья (м.б. – волчья, собачья). Другие существа напоминают вполне узнаваемых лохматых собак с ошейником.

Изображения на щитках индивидуальны, редко встречается полное совпадение. Чтобы определить, можно ли счи-

илл. 162. Серебряная пластина на запястье лучника из Зауралья с изображением фантастических существ

илл. 163. Серебряная пластина на запястье лучника из Зауралья с изображением животных

илл. 164. Серебряная пластина на запястье лучника из Зауралья с изображением фантастических животных

тать их болгарскими, рассмотрим основные орнаментальные мотивы, встреченные на этих изделиях.

Геометрические мотивы: двойная плетёнка (**илл. 162**), иногда совмещённая с ещё одной (**илл. 163**), плетёнка из нескольких пересекающихся под острым углом полос (**илл. 164**). Стилизацией мотива плетёнки является орнамент из треугольников или ромбов.

Растительные мотивы как композиционное целое, занимающее всё изобразительное поле, отмечены только на одном штампованном изделии. Симметричные рисунки растительных побегов с трилистником иногда замещают изображения фантастических животных; растительный побег украшает орнаментальный пояс по краю щитка (**рис. 22-1**).

илл. 165. Серебряная пластина на запястье лучника из Зауралья с изображением рыб. Деталь

Иногда изображаются *парные рыбы* (**илл. 165; рис. 22-2**). *Фантастические образы:*

1. Существо с туловищем животного с четырьмя ногами и головой собаки или дракона, кусающее себя за хвост. На шее имеется ошейник (?) или складки кожи. Под этим зверем изображён трилистник.

2. Существо, аналогичное предыдущему, только с вариантом в иконографии: существо не просто кусает себя за хвост, а за хвост, имеющий вместо кисточки змеиную или драконью голову. Под туловищем существа – миниатюрное изображение дракончика с высунутым языком.

3. Существо, аналогичное предыдущему, под ногами его голова человека с завязанными на макушке волосами. Антропоморфная мужская фигура в полный рост изображена между спиной и повернутой назад мордой существа. На голове фигуры – конструкция из волос или головной убор в виде полумесяца. Фон пластины покрыт чернью. Фигуры позолочены [Treasures, 2010, p. 110, kat. 173].

4. Существо, аналогичное предыдущему, но вместо головы дракона изображена голова человека без волос на макушке, с бородой и усами. Изображения 2 и 3 соединены в парную композицию на одной пластине.

5. Демоническое существо, напоминающее медведя, но с длинным хвостом и неестественно развёрнутой головой.

6. Образ «Сенмурва» – крылатой собаки и в парной композиции с ним – тоже существо, но без крыльев.

7. Двуглавый орёл.

8. Антропоморфные образы сильно стилизованные.

Наиболее часто встречаются изображения рыбы и змеи. Причём в одном случае внутри крупных рыб изображены рыбы меньшего размера.

Изображения рыб встречаются и на металлических очельях с чёрными рисунками, на которых имеется также орнамент в виде плетёнки (**илл. 166**). Эти изделия также считаются булгарскими.

Подводя итог этому краткому обзору, можем констатировать, что ни сами серебряные щитки, ни типы орнаментов на них не встречаются на булгарских черневых и других ювелирных изделиях домонгольского и золотоордынского времени. Мотив плетёнки, хотя и очень распространён в декоративно-прикладном искусстве, но в такой трактовке более характерен как для древнерусских черневых браслетов-наручей, так и для пластинчатых браслетов, выполненных из сплавов цветных металлов, датированных не ранее конца XII в. [Макарова, 1986, с. 68–69, рис. 27; 28; Седова, 1996, кат. № 149]. Добавим, что рыбы никогда не изображались на изделиях булгарских ювелиров.

В Булгарском улусе Золотой Орды ситуация несколько иная. Парные рыбы – распространённый сюжет на бытовавших здесь металлических зеркалах (**илл. 167**). Не редкость схематичные изображения рыб также на зеркалах и у кочевников Булгарского улуса (**илл. 168**). Хотя в данном случае это полностью заимствованный сюжет (китайско-чжурчженский), но, тем не менее, он пользовался большой популярностью как у оседлого, так и кочевого населения Золотой Орды. Отчасти это объясняется распространением в государстве, в том числе и у кочевников ислама. Согласно новым представлениям образ райского сада ассоциировался с водоёмом, с чистой водой и плавающими рыбами, что, кстати, имело прямое отражение в восточной тюревтике XIV в. и керамике XI–XII вв. [Ettinghausen, 1957, p. 374, 379, pl. 8: fig. 26, 27; 13: fig. 39, 40]. Но этот сюжет не имеет прямого отношения к рассматриваемым предметам. По крайней мере, заподозрить такую трактовку изображений рыб на зауральских серебряных щитках вряд ли будет правильно. Однако тот факт, что сюжет с рыбами был широко распространён в золотоордынское время в монгольских государствах Евразии, нужно принимать во внимание.

илл. 167. Бронзовое зеркало с изображением рыб. Находка на Булгарском городище. Собрание НМ РТ

илл. 168. Бронзовое зеркало со схематическим изображением рыб из Самарской области. Собрание СООИМ

илл. 166. Серебряное очелье с изображением рыб из Зауралья

илл. 169. Литейная каменная форма (?) с изображением птицы из Билярска. Коллекция А. Ф. Лихачёва. Собрание НМ РТ

илл. 170. Бронзовые культовые антропоморфные изображения с Урала, I тыс. н.э. Собрание Музея истории и археологии Среднего Урала (Екатеринбурге)

Подчеркнём, что большая часть изображений на зауральских серебряных пластинах явно имеет определённый смысл и содержание, известное владельцу и мастеру-ювелиру. Часть из них и сейчас может быть истолкована исходя из мифологии хантов и манси [Бауло, 2007, с. 148–150].

Конечно, отсутствие болгарских прототипов не может быть единственным аргументом, опровергающим гипотезу о болгарском происхождении этих предметов. Однако и фактов, подтверждающих именно болгарское их изготовление (кроме нанесения черни и схожести ряда орнаментальных мотивов), нет.

Проведённое Н. В. Фёдоровой исследование гравированных изображений, нанесённых сибирским населением на привозные предметы, использовавшиеся в культовых целях, позволило ей выделить ведущие образы, в их числе те, которые часто встречаются на защитных пластинах. Примечательно, что, например, рыбы на гравировках на предметах изображаются редко, в отличие от пластин [Фёдорова, 2014, с. 96]. Вместе с тем литые изображения рыб из бронзы и серебра представлены в этнографических материалах [Бауло, 2011, с. 30, 33, 30–40, кат. №№ 310–312]. Стоит отметить интересное замечание А. В. Бауло, что русские мастера в Сибири могли ориентироваться на популярные у местного населения предметы более раннего времени, в том числе и болгарские, использовавшиеся в культовой практике [Бауло, 2009, с. 42].

В целом, образы мифологического характера на Урале и в Зауралье имеют глубокие исторические корни, например, изображения антропоморфных, птицевидных, других демонических существ отражены в культовой литой пластике раннего железного века и до средневековья (**илл. 170**) [Культовые, 2004, с. 162, 163, рис. 29, 30, фото 42; Оятева, 2009, с. 129, фото; Каталог, 2009, с. 336, 372, 373, кат. № 628, 695].

Не исключено, что серебряные щитки, но без изображений, только с процарапанными схематичными рисунками, изготавливались в XVIII–XIX вв. (ср. [Бауло, 2009, с. 106, 157]).

Представляется, что эти щитки разновременные; среди них есть оригинальные средневековые изделия, есть подражания или копии. С этой точки зрения продуктивной

представляется группировка щитков по признаку толщины и технологии изготовления, и далее по сюжету рисунков, предложенная А. В. Бауло. По его наблюдениям, щитки, изготовленные из более толстых и прочных пластин без применения черни, позолоты, ободков из рубчатой проволоки, с гравированным рисунком, более поздние и только копируют «болгарские» прототипы [Бауло, 2007, с. 149].

Стоит отметить и такой момент. И. А. Сыркина и М. Д. Полубояринова отметили, что на серебряных щитках сделан бортик из загнутого желобком края пластины и в этот желобок вставлена проволока круглого сечения, что подтверждается и подробными описаниями этих находок [Полубояринова, 1986, с. 256; Бауло, 2007]. Подобный способ укрепления края изделия распространён на русской медной бытовой посуде XVIII–XIX вв.: ковши, братины и т. д. В XII–XIV вв. для этой цели булгарами использовалась узкая полоска металла, но не проволока. Именно такие полоски меди можно увидеть внутри загнутых венчиков медных ковшей, котлов, произведённых в Волжской Булгарии в этот период [Руденко, 2000, с. 100, рис. 1]. Использование проволоки характерно и для ряда западноевропейских изделий, например, металлических оправ зеркал XV в. [Рыбина, 2003, рис. на с. 116].

Возможно, что укрепление проволокой краёв изделий стало использоваться в XVI–XVII вв., что подтверждается находками на могильнике «Эсский остров» в ХМАО, который датирован XV–XVI вв., возможно до XVII в. включительно [Кокшаров, 2002; Зыков, Кокшаров, 2002, с. 36–39].

Бляхи с «сокольничим» (круглые подвески с охотничьим сюжетом) (илл. 176, 179), часть из них украшена чернью. Детальное исследование этих изделий, не потерявшее значения (кроме датировки артефактов) и в настоящее время, провёл В. Ю. Лещенко [1970]. Он классифицировал эти предметы, разобрал основные сюжеты и особенности их иконографии. Им же была высказана гипотеза об их болгарском происхождении. Раздел в монографии и отдельную статью им посвятил А. М. Белавин [Белавин, 2000, с. 91–97, рис. 40; 2001, с. 116–122], который вслед за В. Ю. Лещенко

илл. 171. Серебряная бляха с изображением всадника из Прикамья (по Э. А. Савельевой)

илл. 172. Бронзовая матрица с фантастическим сюжетом из Булгара (по А. П. Смирнову). Собрание ГИМ

[1970, с. 148] определил их как булгарские, считая при этом, что все такие предметы делали в Биляре, по некому знаку на груди изображённого на бляхах коня, в котором автор опознал «знак Биляра» [Белафин, 2000, с. 94]. При этом автор уточнил датировку этих материалов в общих рамках XII–XIV вв. (В. Ю. Лещенко, не имея закрытых комплексов с находками таких изделий, датировал их X–XII вв.), а часть подделок датировал второй половиной XIII–XIV вв., что, собственно, подтверждается и недавними исследованиями в Зауралье [Белафин, 2000, с. 94–95; Носкова, 2010] (**илл. 171**). Заметим, что Биляр к этому времени был разгромлен монгольскими армиями, о чём писал А. Х. Халиков в своих публикациях [Халиков, 1989, с. 126], и производить там такие изделия было вряд ли возможно.

Опубликованные в последние десятилетия материалы позволяют уточнить и эту датировку. Узко датированных комплексов с такими подвесками так и не появилось, однако в тех их них, которые можно проанализировать, материалов ранее XIII в. нет [Викторова, 2008, с. 145, погребение №2]. Это подтверждает точку зрения Э. А. Савельевой о дате этих подвесок – XIII–XIV вв. [Савельева, 1987, рис. 37].

В. Ю. Лещенко выявил признаки, которые он считал доказательством булгарского их изготовления, при этом он отметил и те черты, которые использовались только русскими ювелирами [Лещенко, 1970, с. 144–145]. Кроме того, в качестве важного аргумента была приведена опубликованная А. П. Смирновым бронзовая «матрица» из Булгара с рисунком, близким изображению на бляхах со всадником. Рисунок

илл. 173. Серебряная подвеска с изображением всадника. Прикамье

в публикации был весьма схематичным, и, собственно, можно было представить изображение весьма приблизительно¹.

Была выдвинута версия, что это матрица для производства таких блях. Но как убедительно показал Н. В. Шатунов, сопоставление рисунков на «матрице» и на самих изделиях показывает, что это предположение не соответствует действительности [Шатунов, 2008, с. 52]. Отметим два момента: человек на рисунке этой матрицы восседает не на лошади, а на некоем другом существе (в данном случае прав А. П. Смирнов, видевший в нём, скорее всего, волка, чем коня [Смирнов, 1964, с. 63, 64]); под самим всадником изображены две крупных рыбы (**илл. 172**). Кроме того, на матрице нет характерных солнечных знаков. Такой матрицей невозможно было сделать ни одну из известных на сегодня таких блях – даже те, которые выполнены штамповкой. При этом ни одной такой бляхи не встречено на территории самой Булгарии в древностях ни домонгольского, ни золотоордынского времени.

Рисунок на бляхах не всегда полностью одинаков на всех известных предметах этого типа, точнее всегда индивидуален, а значит их не штамповали с помощью одной матрицы, а делали в каждом случае отдельно. Не касаясь вопросов назначения этих изделий, отметим, что смысловая основа этих украшений, видимо, со временем менялась, что заметно по наиболее поздним экземплярам с проволоочной подложкой по краю бляхи (**илл. 173**).

¹ Фотографию этой матрицы опубликовала Г. Ф. Полякова [1996, с. 164, рис. 59-3].

илл. 174. Изображение сасанидских правителей на серебряных иранских чашах IV–VII вв. Детали

илл. 175. Серебряные иранские чаши IV – VII вв. Собрание ГЭ

Исследователи видели в фигуре всадника и скандинавского Одина, и Мир Сусне-Хума, и образы знатных христианских сановников на охоте, отмечая при этом близость изображений сюжету царской охоты на сасанидских чашах. Хотя и это сравнение весьма условно, даже если просто взять фигуру шахиншаха (илл. 174), или общую композицию сцены (илл. 175).

Вместе с тем остался ещё один давно известный аналог, наиболее восточный по происхождению и наиболее близкий по дате, на который обратил внимание В. Ю. Лещенко [1970, с. 146, 147]. Это восточные изделия с изображением всадника на охоте. К тем изделиям, на которые обратил внимание исследователь, добавим бронзовые зеркала, получившие распространение в сельджукскую эпоху в Средней Азии и Иране в XI–XII вв. и попадавшие далеко на восток – в Минусинскую котловину (илл. 176-А), о чём писал в начале XX в. Н. Ф. Катанов. На таких зеркалах имеется надпись, которую он читал так: «Слава, величие, жизнь спокойная, благоденствие прочное и блаженство в обоих мирах владельцу сего» [Катанов, 1899, с. 13]. Н. Ф. Катанов подробно проанализировал композицию на зеркале, привёл аналогии, что позволило датировать зеркала этого типа XI–XII вв. и предположить, что они изготавливались в Средней Азии или Иране, а в Минусинскую котловину попали непосредственно из мест про-

изводства с купеческими караванами [Катанов, 1899, с. 20]. С X в. аналогичная композиция встречается на глазурованной иранской керамике, например из Нишапура (рис. 24-1).

В той или иной степени сюжет со всадником с птицей и сопровождавшими его зверями был характерен для декоративно-прикладного искусства мусульманских стран Хорасана и Ирана, а также Анатолии [Шатунов, 2008, с. 52]. Это изображения на бронзовых (рис. 23-1, 2), стальных с золотой инкрустацией (рис. 23-3) зеркалах, на стеклянных печатях (рис. 23-4, 5) и т. д. [Ettinghausen, Grabar, Jenkins-Madina, 2003, p. 245, ill. 401]. В его основе мифологизированные образы Александра Македонского и героев иранского эпоса. При этом ни одного зеркала с таким сюжетом не известно на болгарской территории, поскольку металлические зеркала в Волжской Булгарии в домонгольский период не имели хождения. Не встречено похожих сюжетов и на металлических зеркалах ордынского времени [Руденко, 2004а, с. 111–156]. Этот пример показывает, что истоки данного сюжета не связаны с конкретной этнокультурной средой. То, что он оказался наиболее востребованным именно в Пермском Предуралье и Зауралье, связано с какими-то религиозно-культовыми явлениями, о чём писал в своё время В. Ю. Лещенко [1970, с. 148]. Не исключено, что у этих изделий был и другой смысл [Белавин, 2000,

илл. 176. Серебряные медальоны с изображением всадника и бронзовое зеркало из Минусинской котловины (А) (по Н. Ф. Катанову, А. М. Белавину, Э. А. Савельевой)

илл. 177. Серебряная крышка
стеклянного зеркала. Западная
Европа, XIII – XV вв.

илл. 178. Изделие из белого
металла с изображением парных
птиц. Прикамье, XII – XIV вв.

илл. 179. Серебряные медальоны с изображением всадников.
Прикамье, XII – XIV вв.

с. 95]. В связи с металлическими зеркалами стоит упомянуть и западноевропейские стеклянные зеркала с круглыми металлическими крышечками, на которых изображался скачущий рыцарь с бегущей у ног коня собакой (**илл. 177**) [Рыбина, 2003, с. 116].

Отметим, что иконография изображений этих всадников на бляхах с чернью из Верхнего Прикамья и из Зауралья полностью не совпадает (**илл. 179**). В Зауралье часть таких изделий русского происхождения (**илл. 179-1**), судя по декоративному оформлению ушка – XIV–XVI вв. и изображению всадника в своеобразном костюме с большой сумкой (?) на правом боку. При этом лицо всадника показано в профиль, как и на другой бляхе (**илл. 179-5**). Русское влияние прослеживается и в бляхе с расштрихованным фоном (**илл. 179-4**), как это делалось на древнерусских изделиях XIII–XIV вв., что не противоречит и иконографии образа всадника в коническом шлеме. Интересно изображение в реалистической манере на одной из подвесок, как и мотив парных птиц, в сочетании с плетёнкой (**илл. 178**).

Выделяется одна бляха с черневым узором в сочетании с позолотой и зернью (Ыджыдзельский могильник, погребение № 198) (**илл. 179-2; 180**). Детальное описание этого изделия дано Э. А. Савельевой [Савельева, 1987, с. 112–113, рис. 32-3]. Отметим следующие моменты. Конный всадник в плотной облегающей одежде показан обращённым в сторону зрителя. На сгибе правой руки, которой он опирается на бедро, находятся поводья; левой он держится за заднюю луку седла. Вокруг него две летящие птицы; под мордой коня – странное существо (**илл. 180**). Круглое поле медальона обрамлено треугольниками зерни, образующими в плане многолучевую звезду. Зернь накладывалась по намеченному контуру, причём, видимо, после золочения части фона, уходившей под зернь, а также фигуры всадника. Фон около всадника зачернён таким образом, что край черни повторял звёздчатый контур золочения и зерни. Рисунок окольцован несколькими

илл. 180. Серебряный медальон с изображением всадника.
Прикамье, XIII в.

илл. 181.
Серебряный
медальон от барм.
Владимир,
XII – начало XIII вв.

илл. 182.
Серебряная крышка
стеклянного
зеркала. Западная
Европа или
Новгород, рубеж
XIV – XV вв.
(по Е. А. Рыбиной)

илл. 183.
Бронзовая подвеска
с изображением
всадника. Прикамье,
XIV – XV вв.

илл. 184.
Серебряная бляха
с изображением
всадника,
XVI – XVIII вв.

рядами катушечной филигранны. Это изделие является, вероятно, наиболее ранним из рассматриваемой серии и датируется XIII в., возможно, первой половиной столетия.

Совершенно иной рисунок, без использования черни, мы видим на другой бляхе из собрания Национального музея Республики Коми: всадник на скачущем коне хорошо вооружён – на нём кольчуга, шлем. В правой руке натянутые поводья, в поднятой левой – птица [Туркина, 2012, с. 53, кат. № 74] (**рис. 25-6**). Несмотря на кажущуюся схожесть – объединяет их только сюжет – всадник и окружающие его животные; остальное – разительно отличается в деталях. Кроме того, ушко для подвешивания является точной копией медальонов в русских бармах (**илл. 181**).

Бляхи из Зауралья (**рис. 25-1–5**), особенно с чернью, отличаются постоянным использованием астральных знаков – месяца и солнца (?) и своеобразным костюмом всадника. Это перетянутая в пояс одежда с правым запахом, застёгивающаяся на пуговицы (?), и с широким воротником (**рис. 25-5a**). Любопытно, что голова всадника на двух бляхах изображена круглой формы, а фон рядом с ней выбран таким образом, что напоминает нимб (**рис. 25-3, 4**). Подробно вопрос о значении изображённых на этих бляхах символов в сопоставлении с этнографическими материалами исследовал А. В. Бауло [2004, с. 51–52]. Н. В. Фёдорова классифицировала эти изделия, исследовала изображения на них [Фёдорова, 2014а, с. 102–174].

Отметим, что, по её мнению, эти бляхи изготавливали как в Северном Предуралье, так и в Западной Сибири [там же, с. 172].

Чернь на эти предметы наносилась всегда на фон изделия, в манере, свойственной не болгарским мастерам, а, скорее всего, русским ювелирам, работавшим с чернью. Плотная густая чернь встречается на некоторых русских серебряных изделиях XIV в. [Шакурова, Костина, Коварская, 1984, с. 10, 20, кат. № 4]. Кроме того, на данной бляхе фигура охотника позолочена. О влиянии древнерусских образов свидетельствует модификация блях в лунницы со схематичным изображением всадника или, что более вероятно, использование популярной формы с новым дополнительным рисунком (**илл. 176-9**). Имеются и изображения человека на коне, сделанные в примитивной манере, к этому сюжету не имеющие прямого отношения (**илл. 176-14**).

Отметим находку в Новгороде круглой оправы зеркала рубежа XIV–XV вв. с сюжетом, практически аналогичным тому, который мы видели на прикамских бляхах (**илл. 182**) [Рыбина, 2003, рис. на с. 118]. Причём на краю этой оправы воспроизведена тиснением (?) катушечная филигрань. Такая же имитация катушечной филигранны обрамляет центральный медальон, в котором расположена фигура «сокольничего» в своеобразном «европейском» костюме. При совпадении иконографии рисунка всадника с прикамскими бляхами орнамент на этой оправе совершенно другой. Не исключено, что часть рассматриваемых блях (особенно с проволоочной подкладкой под

край) является либо оправой зеркала, либо её подражанием. Популярность такого рода изделий среди жителей Прикамья и Предуралья в этом случае основывается на совсем ином основании. Вероятно, своего рода «замещение» подвесок или, точнее, пополнение популярного образа стеклянными зеркалами в металлической декорированной оправе с иконографически схожими сюжетами проходило в XV – начале XVI вв. из Новгорода.

Ареалами распространения подвесок являются Вычегода, Пермское Предуралье и Зауралье. В Предуралье бытовали их бронзовые литые и штампованные копии или подражания в виде своего рода подвесок-кулонов (*илл. 183*) [Туркина, 2012, с. 54, кат. № 66], здесь же стали популярны в XVI–XVIII вв. схожие сюжеты на таких же круглых, но только штампованных бляхах с загнутым бортиком с укрепляющей его проволокой (*илл. 184*). Отдельные такие находки встречаются и в Зауралье [Бауло, 2007, рис. 5]. Именно основной ареал распространения этих изделий и связанные с ними ближайшие территории, как, видимо, и серебряных защитных пластин (они встречаются преимущественно в Зауралье) и должен стать объектом поиска места их производства. При этом указанный массив находок неоднороден и разноречив.

Важными представляются замеченные В. Ю. Лещенко особенности этих изделий, в которых соединились болгарские и русские ювелирные традиции. Они характеризуют (на раннем этапе) деятельность прикамского ювелирного центра, формировавшегося с активным участием болгарских ювелиров в конце XII – первой половине XIII вв.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ БУЛГАРСКОГО ЧЕРНЕВОГО ИСКУССТВА ДОМОНГОЛЬСКОГО ВРЕМЕНИ

Черневое искусство волжских болгар в домонгольское время сформировалось в период расцвета государства – не позднее XI в., несколько раньше, чем в Древней Руси, где искусство черни было освоено и стало развиваться в конце XI в. [Макарова, 1986, с. 33]. Мы можем определить начало болгарского черневого дела и постепенное затухание его после монгольского нашествия. Однако при этом мы не обнаружим предшествующих ему этапов: оно как бы воплотилось сразу в развитых формах изделий и приёмах их оформления. Это говорит о том, что здесь проявляется, по выражению Т. И. Макаровой, эффект «вывезенного ремесла» [Макарова, 1976, с. 94], попавшего в подготовленную ремесленную среду и развившегося чрезвычайно быстро.

Популярность именно пластинчатых перстней для рисунков с чернью вполне объяснима: у соседних народов перстни, кованные из серебряных пластин, были весьма распространены и имели хождение в тех или иных модификациях несколько столетий (X–XI вв.). Это, например, широко-срединные пластинчатые перстни с завязанными концами, бытовавшие в X в. (Гнездовский клад [Меч и златник, 2012,

илл. 185. Серебряные перстни. Поветлужье, конец X – XI вв. Собрание МарНИИЯЛИ

с. 92, кат. № № 225–226]). Так называемые «усатые» перстни (*рис. 11-3*), наряду с широкосрединными (*рис. 11-3–5*), встречаются в могильниках финского населения X–XI вв. (*илл. 185*). Широкий щиток был удобен для гравировки, а ровная поверхность упрощала наложение черни.

Однако у болгар на Волге в IX – первой половине X вв., судя по материалам могильников, пластинчатые перстни немногочисленны (в Танкеевском могильнике он только один, и тот, видимо, финского происхождения [Казаков, 1992, с. 171, 172, рис. 61-26]), а изделия с чернью отсутствуют.

Исходя из того, что болгары на Волге не менее 100 лет находились в составе Хазарского каганата¹, можно предположить, что предтечей болгарского искусства черни были изделия хазарских ремесленников X в., при изготовлении которых использовались инкрустация, амальгамирование, чернение [Макарова, 1986, с. 26–29; Гаврилина, 1993, с. 81]. Не противоречат этому и стилистические особенности накладок поясных наборов хазарского времени, имеющих определённое сходство с рисунками на болгарских черневых перстнях [Мурашева, 2000, с. 91–92], хотя детального совпадения ведущих орнаментальных сюжетов всё же не наблюдается [Фонякова, 2010, с. 46–77].

По данным Н. А. Фоняковой, чернь использовалась хазарскими ювелирами для изготовления предметов единичных,

¹ Отметим, что в эпоху средневековья искусство черни имело широкое распространение. В Восточную Европу черневые изделия поступали из стран Востока и Византии [Макарова, 1986, с. 4]. Развито было искусство черни в это время и у народов Кавказа. Скорее всего, на стыке этих культурных традиций сложилось хазарское ювелирное производство. По мнению Т. И. Макаровой, на начальных этапах оно оказало влияние на черневое дело Древней Руси [Жилина, Макарова, 2008, с. 98]. Восточное влияние прослеживается и в развитии черневого дела в Западной Европе [Маршак, 1985, с. 136–139].

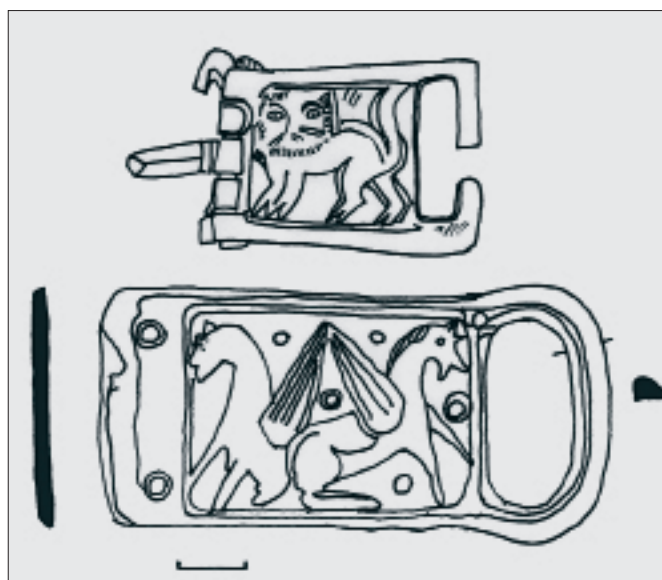
илл. 186. Стекланные изделия из Остолоповского селища, XI–XII вв. Раскопки К. А. Руденко

эксклюзивных, причём чаще всего в орнаментах с мотивом трилистника, который стал преобладающим в хазарской орнаментике в X в. [Фонякова, 2010, с. 46, 65, 100]. Изготовление таких изделий в Хазарии приходится на первую половину X в.

В IX–X вв. у волжских булгар изделия с чернью не производились, что даёт основание предполагать отсутствие прямой связи этого вида ювелирного искусства хазар и булгар. На булгарских поселениях второй половины X – начала XI вв. черневых изделий не выявлено. Очевидно, что становление булгарского черневого искусства следует отнести к периоду не ранее первой-второй четверти XI в., хотя знакомство булгарских ювелиров с изделиями этого круга могло произойти и раньше.

Связано появление этого вида деятельности прежде всего с развитием булгарской городской культуры, наличием состоятельных горожан, точнее определённого городского социального слоя, который и выступал основным заказчиком и потребителем этой продукции. Именно поэтому в ассортименте изготавливаемых булгарскими серебродельцами изделий в основном преобладали предметы личного пользования (перстни, амулетницы и т. п.), что было наиболее востребованным. Это же стимулировало и определяло специфику украшений, производимых булгарскими златокузнецами.

Кроме того, только в городах собственно и могло быть организовано такое производство. Мастерские, где работали ювелиры, скорее всего находились при дворе булгарского правителя и его окружения. Интересно, что другие привилегированные категории булгарского населения, например представители военного сословия, каких-либо серебряных изделий, украшенных чернью, не использовали. Даже поясная и уздечная гарнитура, достаточно широко распространённая в Булгарии в первой половине XI в., редко изготавливалась из серебра и только в единичных случаях декорировалась

илл. 187. Бронзовые пряжки византийского производства или подражание им. Собрание НМ РТ

чернью. Известны только две таких находки из частных коллекций – бронзовые накладки, копирующие иранские или среднеазиатские изделия X–XI вв. с арабесками, где буквы зачернены. Место производства таких изделий определить пока нет возможности.

Орнаменты, украшавшие булгарские перстни и другие черневые изделия, встречаются широко, тем не менее ближайшие аналогии им прослеживаются в восточной и византийской художественной традиции. Так, мотив крина распространён в византийской торевтике, в том числе и на

илл. 188. Серебряные западноевропейские монеты. Собрание НМ РТ

изделиях с чернью, например, на вильгортской и тартуской чашах [Даркевич, 1975, с. 36, 126, рис. 40–43, 187] или на чаше из Барсова Городка [Marschak, 1986, tab. 150]. Византийские чернёные изделия, в орнаменте которых использовался данный мотив, известны на территории Предуралья и Зауралья с последней трети X – начала XI вв., но основная масса этих предметов, найденных здесь, относится к XII в. [Карачаров, 2008, с. 90; Даркевич, 1975, с. 233]. Византийский импорт в Булгарию был опосредованным: встречаются стеклянные браслеты и перстни XI в., как правило, вместе со стеклянными изделиями сирийского производства (*илл. 186*). Известны бронзовые пряжки «балканского типа» (*илл. 187*).

Западноевропейские изделия с чернью XII–XIII вв. отличаются от болгарских как в использовании черни, так и в орнаментальных сюжетах [Сокровища Приобья, 2003, с. 48–50, №№ 14–1; Maršak, 1982, abb. 5]. В целом, западноевропейский импорт на Среднюю Волгу был невелик, и о нём мы можем судить большей частью по серебряным монетам, встреченным на селищах низовьев Камы, в могильниках Прикамья и Поволжья (в частности, древнемарийских) (*илл. 188*).

Несомненное влияние на болгарское черневое искусство в XI–XII вв. оказали иранские и среднеазиатские торевты, которые, наряду с другими приёмами, в частности инкрустацией, широко использовали чернь при декорировании серебряных сосудов и украшений [Ward, 1993, p. 35–37; Dimand M.S., 1947, p. 135; Маршак, 1976, с. 159; Даркевич, 1976, с. 115, № 10, 15, 19, 20, 27, 43–45, 47, 95, 105, табл. 39–41; Маршак Б. И., 1985, с. 136; Jewelry, 1987, p. 145, 215, ill. 333–334, 532–534; Шедевры, 1990, № 20; Сокровища Приобья, 2003, с. 16–17, № 5–9; Ettinghausen, Grabar, Jenkins-Madina, 2003, p. 124, ill. 199, 200].

Связи болгарской элиты с мусульманскими государствами были постоянными и прочными, о чём свидетельствуют как данные письменных источников, так и археологические материалы. На болгарских памятниках, прежде всего городищах – Болгарском, Билярском, Суварском, Муромском городке, Алейкино, найдены привезённые из Ирана, Сирии, Египта керамика, художественный металл, стеклянные изделия

и т. д. Интересно, что наряду с кондиционной продукцией в качестве сырья завозились полуфабрикаты и брак, в числе которых бракованные и битые стеклянные бусины, в большом количестве найденные в подъёмном материале на Семёновском и Измерском селищах второй половины X – первой половины XI вв. в низовьях Камы (*илл. 189*), янтарь-сырец (Билярское городище), плитки розового шифера (Старокуйбышевское городище), непросверленные сердоликовые бусины (Болгарское и Билярское городища), так называемые «гладилки» – полуфабрикаты стеклянной массы [Родина, 2010, с. 99] (Билярское городище).

Вместе с тем точных восточных аналогов изображениям на болгарских серебряных перстнях с чернью нет. На Востоке, наряду с чернением фона или выделением надписи (характерно для серебряных сосудов – бутылей, блюд и т. п.), нередко использовалось подчёркивание с помощью черни деталей изображений (особенно выполненных в рельефе) на перстнях, капторгах и т. п., что отсутствует на болгарских изделиях [Jenkins, Keene, 1983, p. 54–55, kat. 25; Иванов, 2008, с. 50, 51, № 19, 21; Во дворцах, 2008, с. 39, kat. 20; Классическое, 2013, с. 109, kat. 21]. Форма перстней, бытовавших в Иране, Сирии, Малой Азии, иная, а чернь на других изделиях, в частности на браслетах, накладывалась чаще всего на контур рисунка [Jenkins, Keene, 1983, p. 41–42, kat. 17], хотя встречается и чернение фона [Иванов, Луконин, Смесова, 1984, с. 26, №№ 53, 54].

Более того, атрибутированные как болгарские XII–XIII вв., так и более ранние – XI в. чаши с чернёными рисунками сильно отличаются как по способу наложения черни, так и по орнаменту [Сокровища Приобья, 2003, с. 62, 66, 67, №№ 25, 29, 30] от болгарских чернёных перстней.

Кроме восточных образцов, в XI–XII вв. в Булгарию были известны изделия русских ювелиров, работавших с чернью. Это, например, оплечье из медальонов с чернью (бармы), найденное в Булгаре (*илл. 190*) [Макарова, 1986, с. 109–110, № 299–307; Полубояринова, 1993, с. 22–26]. Масса импортируемых русских ювелирных украшений, найденных на болгарских памятниках [Полубояринова, 1993,

илл. 189. Стеклянные бусы с Семёновского селища. X в.

илл. 190. Серебряные бармы из Булгара, начало XIII в. (по Т. И. Макаровой)

с. 26–30], очевидная близость их по стилю и сюжетам изображений свидетельствуют о тесных контактах в этой области между Булгарией и Русью. Как и на болгарских изделиях, в ряде мотивов русских черневых изделий заметно византийское влияние [Даркевич, 1975, с. 274]. С другой стороны, болгарские ювелиры, имевшие уже достаточно солидный опыт в черневом деле, выступали в этой области во многом как ведущая сторона.

Основная масса болгарских чернёных изделий производилась в XII в. У этого направления ремесленной деятельности, как мы видели, не было ярко выраженных предшественников. Оно сразу формировалось как особая отрасль ремесла, развивавшаяся достаточно самостоятельно от других направлений элитного ремесла. Это отличает развитие болгарского ювелирного дела, например, от древнерусского, где черневое искусство было тесно связано с изготовлением золотых украшений с использованием эмалей и по отношению к нему было вторично [Макарова, 1986, с. 116]. Даже если признать, что самостоятельно эмальерное дело в домонгольской Руси не было развито [Щапова, 1998, с. 289], то в любом случае массовое использование черни для украшения серебряных

илл. 191. Крест-энколпион из Булгара с эмалью (по М. Д. Полубояриновой)

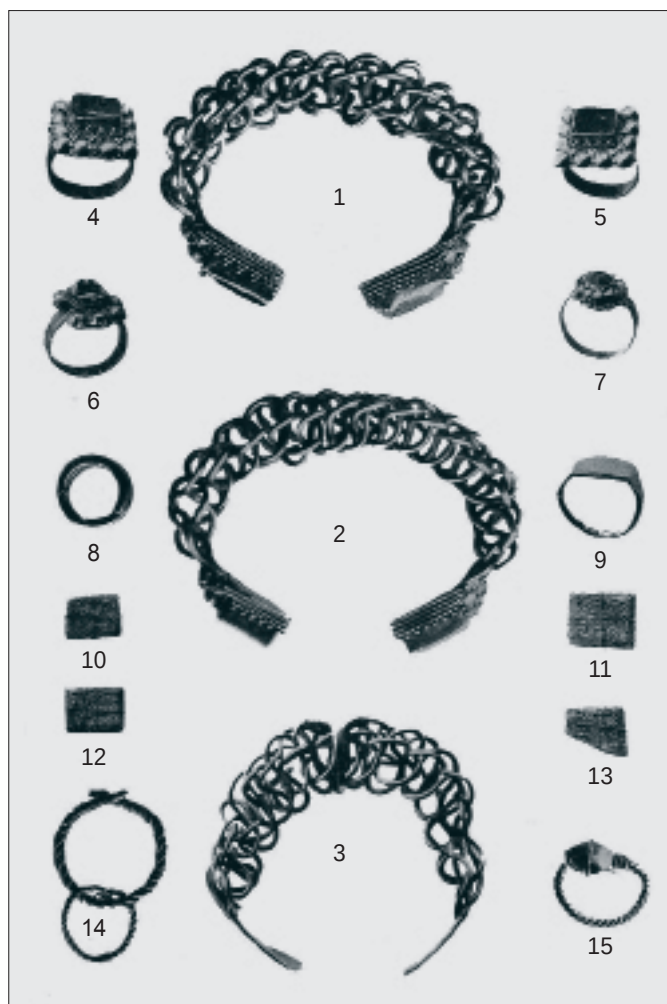
ювелирных изделий приходится на XII в., когда русские ювелиры широко использовали в золотых украшениях скань и зернь, инкрустации драгоценными и поделочными камнями и другие технологические приёмы.

К слову сказать, единичные эмалевые изделия, известные на сегодняшний день, с территории Булгарии практически все были привозными из русских земель (в большинстве своём золотоордынского времени) и чаще всего являлись предметами личного благочестия [Полубояринова, 1988, с. 52–55] (**илл. 191**).

Можно предположить, что восточное направление заимствований в области высокотехнологичных ремёсел в какой-то мере определяло ход развития болгарского черневого дела. Этот процесс, вероятно, начался в X в. ещё в рамках Хазарского каганата [Лелеков, 1976, с. 138–140].

Малый ассортимент болгарских черневых изделий отличает болгарское серебрение от древнерусского, где такие украшения (колты, перстни, браслеты, бармы, предметы личного благочестия) заняли прочное место в элитном (княжеско-боярском) костюме. Более того, формы болгарских серебряных черневых перстней воплощались в золоте, хотя серебряные перстни, украшенные зернью, декорировались в том же стиле, что и золотые (**илл. 192**) и, вероятно, были производными от них.

Судя по местам наибольшей концентрации серебряных черневых изделий, можно предполагать, что основными их потребителями были жители крупных городов, в большей степени Биляра. Заманчиво видеть в болгарских чернёных перстнях с редкими орнаментальными композициями или рисунками специфические отличительные знаки, например, о принадлежности их владельцев к одной семье, как это было показано на древнерусском материале Т. И. Макаровой [1988, с. 245]. Это объяснило бы и малый «выход» болгарских

илл. 192. Биллярский клад золотых украшений (по А. Ф. Лихачёву)

перстней за пределы болгарских земель и даже за пределы крупных городов. Однако поскольку большая часть рассмотренных болгарских изделий не имеет археологического контекста, то ни подтвердить, ни опровергнуть эту гипотезу нет возможности. Более того, явная серийность изделий заставляет с осторожностью высказывать предположение, что повторение одного и того же орнаментального мотива на перстнях может быть основанием для определения родственности их владельцев или их высокого социального статуса. Пожалуй, более-менее достоверно эта гипотеза может быть приложена к двум перстням из Кожаевского клада (рис. 1-20, 21).

Вместе с тем, из анализа имеющихся в нашем распоряжении находок можно сделать вывод, что их владельцами в большинстве своём были зажиточные горожане. За пределами городов они могли проживать и на сельских усадьбах – своих земельных владениях. Появление перстней с чернью в составе кладов на сельских поселениях (например, Кожаевский клад) может быть истолковано по-разному, но в любом случае это не типичный случай.

Ещё более локальным является распространение серебряных подвесок-коробочек, которых известно всего несколь-

ко экземпляров и которые как раз и могут выступать неким общим знаком, маркирующим их владельцев. Найдены подвески-коробочки преимущественно на Биллярском городище, причём одна из них обнаружена при раскопках на территории усадьбы богатого русского ремесленника вместе с серебряным перстнем типа 3.9 (илл. 93).

Простота изготовления и оригинальная композиция болгарских черневых перстней вызвала подражания и копирование на сопредельных территориях. Однако при сохранении внешней схожести и композиции (симметричная или, реже, кольцевая) традиционный «болгарский» крин вытесняется древнерусской плетёнкой или другими сюжетами.

Таким образом, болгарское черневое искусство сложилось не позднее середины XI в. Окончательное формирование оригинального болгарского стиля происходит под влиянием художественных традиций крупнейших художественных центров средневековья – Византии, Руси, стран Ближнего Востока и Средней Азии. Этот своеобразный сплав культурных традиций нашёл своё завершённое и оригинальное воплощение в болгарском искусстве черни.

ВЛИЯНИЕ БУЛГАРСКОГО ЧЕРНЕВОГО ИСКУССТВА НА ЮВЕЛИРНОЕ ДЕЛО В ПРЕДУРАЛЬЕ XI–XIII ВВ.

С середины – второй половины XII в. прослеживаются близость и взаимовлияние болгарского и владими́ро-суздальского черневого дела. Можно сказать, что это было вторым импульсом, стимулировавшим развитие болгарского черневого искусства. Такое взаимодействие создало своеобразное поле совместного художественного творчества – производство изделий, исходная форма которых была взята с одной стороны, а декор и оформление – с другой. Через искусство владими́ро-суздальских мастеров к болгарам проникают и западно-европейские орнаментальные мотивы, точнее их переработанные варианты. Более того, можно сказать, что последняя треть XII в. дала и примеры создания совместных работ в области ювелирного искусства (см. Часть II).

На этой основе сформировался Прикамский центр сереброруделия (конец XII – начало XV вв.). О начальных его шагах можно судить по ряду предметов, находившихся в кладах, найденных в Москве, в частности по Большому московскому кладу 1988 г. [Панова, 1996, с. 26–51; Наследие, 1996, с. 107–120]. Это – массивный серебряный пластинчатый браслет со вставками, а также серебряные бусы с зернью и сканью [Панова, 1996, рис. на с. 39; Наследие, 1996, рис. на с. 118].

С начала XIII в. формируется прикамская область ювелирного искусства, мастера которой изготавливали чернёные украшения практически весь золотоордынский период и в которой болгарские домонгольские традиции не только сохранились, но и проявились выразительно и ярко. Производство достаточно сложных по технологии изделий в отдалённых от крупных ремесленных центров и торговых магистралей городах и поселениях – явление, которое могло возникнуть не

только на основе местных ресурсов, и не как результат эволюции ремесла, а по ряду самых разных причин [Зайцева, 2005, с. 151].

Для Пермского Прикамья в конце XII – начале XIII вв. определяющим являлось русское влияние. Этот процесс на Средней Каме начался раньше, судя по находкам предметов со знаками Рюриковичей в могильниках и на поселениях, не позднее первой половины XI в. [Белафин, Крыласова, 2008, с. 142, рис. 58, погр. № 37, вклейка Р-10]. Трапециевидные подвески с символикой Рюриковичей были представительскими знаками – своего рода верительными знаками [Белецкий, 1998, с. 195–205; Молчанов, 2012, с. 441]. Кроме того, на прикамских поселениях, в частности Рождественском городище, известны металлические детали хороса, осветительного приспособления в церквях [Белафин, Крыласова, 2008, вклейка П-4]. Датируются они XIII–XIV вв. [Полубояринова, 1993, с. 31]. К XII в. относится находка русской серебряной подвески с позолотой из Кишертского могильника [Пастушенко, 2006, с. 69, рис. 14–17; 2012, с. 483, рис. 4–5] (**илл. 193**). Русские древности начиная с XII в. встречены на Вятке, что показано в публикациях Л. Д. Макарова [2010, с. 494–542].

Встреча двух движений: русского – новгородского и суздальского с одной стороны и болгарского с другой, накануне и, в основном, после монгольского завоевания привела к ускоренному формированию ориентированного на восток – в Зауралье производства, которое имело свободный торговый коридор через не попавшую под монгольскую юрисдикцию северную территорию, контролируемую Новгородом. Именно эта свобода и создала условия для формирования своеобразных изделий – сплава разных традиций и образов, ориентированных на внутренний рынок, связанных как со светскими запросами, так и с культовой практикой пермского населения, несмотря на активную пропаганду христианства со стороны миссионеров в Перми и на Вятке. Более того, можно предполагать, что именно часть этих мастеров частично заполнила образовавшийся «вакуум» в болгарских городах, часть которых опустела после разгрома и опустошения. Определённую роль здесь играли ювелиры Москвы и Нижнего Новгорода, которые наследовали традиции владими́ро-суздальских мастеров домонгольского времени [Николаева, 1976, с. 23, 126]. Весьма активно эти центры функционировали в XIV в.

Исторические предпосылки болгаро-русского творческого союза были очевидны: болгары проживали во многих городах Северо-Восточной Руси, преимущественно в городах и селениях по Оке и её притокам [Полубояринова, 1993, с. 110, рис. 43]. Именно сюда мигрировало немало болгар из подвергавшейся регулярным вторжениям и набегам Волжской Булгарии в период начала западных походов монголов – в 1232–1237 гг. Поток беженцев особенно усилился в 1235–1236 гг., накануне и в момент продвижения войск монгольской коалиции в центральные районы государства. Уезжали в первую очередь жители городов и профессиональные мастера. Это были не только ювелиры, но и специалисты по гончарной керамике, в том числе и поливной, о чём можно судить по находкам специфического печного припа-

илл. 193. Серебряная подвеска с позолотой из Кишертского могильника. Владимир (?), XII в.

са (сипай) в Старой Рязани [Коваль, 2010а, с. 184]. Если до 1237 г. – начала монгольских походов на Северо-Восточную Русь – болгары спасались в русских княжествах, с которыми у них были давние торговые и экономические связи – Рязанском, Муромском, Владимиро-Суздальском, то после их разорения вектор болгарской миграции оказался направленным в сторону Средней и Верхней Камы. Туда же устремились и русские беженцы [Макаров, 1997, с. 302].

Отток ремесленников из разорённых земель Булгарии и древнерусских городов в отдалённые лесные районы Прикамья происходил в 1238–1240-х гг., с установлением постоянного военного и административного контроля монгольской власти над завоёванными территориями и продолжающимися набегами монгольских отрядов.

Не исключено, что в качестве представителей новой власти на русских землях Северо-Востока могли выступать и сами болгары. Об этом может свидетельствовать исследованная в Суздальском околном городе постройка, в которой были обнаружены несколько целых болгарских круговых сосудов и иранский глазурованный сосуд. М. В. Седовой и М. Д. Полубояриновой этот комплекс датировался XII в. [Полубояринова, 1989, с. 181–183, рис. 1]. В. Ю. Коваль, проанализировав материал из построек и проведя стилистический анализ глазурованного керамического кувшина, пришёл к выводу, что комплекс относится ко второй половине XIII – первой половине XIV вв. [Коваль, 2010, с. 105, 108]. Если его выводы правильны, то это – свидетельство новой ситуации в болгарской и русской землях в эпоху Золотой Орды.

В любом случае можно сказать, что изменения, произошедшие после монгольского нашествия, создали новую культурную среду, которая стала основой новой эпохи ювелирного дела в Волго-Камье – доминирования иных вкусов, существенно изменивших ассортимент продукции, декор и внешний вид украшений.

Искусство болгарской черни продолжилось в золотоордынское время. Однако, несмотря на то, что география распространения чернёных изделий несколько расширилась, она по-прежнему не выходила за пределы Средневолжского региона, т.е. развивалась в рамках Булгарского улуса Золотой Орды. В начале ордынской эпохи крупнейший домонгольский город – Биляр какое-то время сохранял свои позиции в области ювелирного дела. Однако, уничтожение во время завоевания местной элиты, основного потребителя художественных произведений декоративно-прикладного искусства и заказчиков их, переориентация той части её на вкусы и требования новой власти, которые исключали прежние знаковые предметы статусного характера, дефицит профессиональных кадров, сырья и разрушение городского рынка сбыта продукции постепенно привели к утрате Биляром лидирующих позиций в сфере ювелирного производства и переходу значительной части профессиональных мастеров в новый административный центр – Булгар.

Золотоордынский Булгар – крупный город и ремесленный центр – на протяжении почти 100 лет являлся центром изготовления разнообразных ювелирных изделий, в том числе из золота и серебра, а также других художественных предметов, хотя изделия с чернью здесь немногочисленны. В становлении этого центра, имевшего во второй половине XIII в. большую поддержку со стороны монгольской администрации, сыграли мастера Прикамья и Древней Руси. Можно высказать предположение, что в 1240–1250-х гг. в Булгарию вернулась часть эмигрировавших ещё до нашествия ремесленников, а также (учитывая повышенный спрос на предметы роскоши в новом ордынском центре на Средней Волге) были пригла-

шены или насильно пригнаны ремесленники из Владимира, Суздаля, возможно Рязани, разрушенных монгольскими войсками, а также из прикамских городков, работавших на местных правителей. Этому способствовало и складывание внутреннего рынка в Булгарском улусе, что хорошо видно по денежному обращению (**илл. 194**). Как отмечал Г.А. Фёдоров-Давыдов, в XIII в. денежное обращение в Булгарском улусе «*питалось исключительно местной серебряной и медной монетой, и монета, чеканенная в Волжской Болгарии, почти не выходила за границы этой области*» [Фёдоров-Давыдов, 1987, с. 180]. При этом и в XIV в. медная болгарская монета (**илл. 195; 196**) не выходила за пределы улуса, хотя серебряные монеты были большей частью чеканены в нижневолжских городах [там же, с. 181].

Примечательно, что в 1280-х гг. чеканит серебряную монету и Биляр, что маркирует своеобразный и кратковременный «ренессанс» билярского ювелирного дела в 1250–1280-х гг. Важно отметить, что в XIV в., в первой-второй трети столетия, в Булгар поступали монетное золото (**илл. 197**) и серебро в слитках. Тем самым минимальный объём сырья для ювелирной продукции, без сомнения, в Булгарском улусе был. Тем не менее, локальность распространения болгарской продукции во многом определялась и масштабами этого внутреннего рынка. Булгарской экономической и ремесленной «экспансии» в отдалённые области Золотой Орды и за Урал не было.

Ближайшим потребителем черневых изделий было население Муранского макрорегиона на Самарской Луке, входившего в состав улуса [Сташенков, Кочкина, 2013, с. 248–276].

илл. 194. Медные и серебряные монеты из Булгара, вторая половина XIII – XIV вв. Собрание НМ РТ

илл. 195. Медные монеты. Чекан Булгара, первая половина XIV в. Собрание НМ РТ

илл. 196. Серебряные монеты из Булгара, вторая половина XIII – XIV вв. Собрание НМ РТ

илл. 197. Золотые монеты индийской чеканки, вторая половина XIII – XIV в. Собрание НМ РТ

Наличие на Муранском поселении и в погребальном инвентаре захоронений относящегося к нему некрополя изделий из драгоценных металлов позволило А. Е. Алиховой, исследовавшей этот комплекс в 1950-х гг., высказать мнение, что дорогие предметы из серебра и электра привозили сюда из какого-то другого центра [Алихова, 1954, с. 269–270].

Специально черневые изделия золотоордынской эпохи из Средневолжского региона на исследовались. Их относительно немного. Это украшения: перстни, браслеты, застёжки-сюльгамы, капторги.

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ

Материал систематизирован следующим образом: в **разделы** объединены предметы по назначению (перстни, браслеты...), внутри разделов они делятся на отделы по характеру заготовки (пластинчатые, кованые и литые); по форме щитка выделяются типы, по рисунку – подтипы.

I раздел – перстни с чернью двух **отделов**: пластинчатые, чаще всего цельнокованные и объёмные литые (рис. 12).

Отдел 1 – кованые

Наиболее распространёнными являются **кругло- и овальнощитковые пластинчатые перстни (тип 5)**¹ с изображением солярного символа – свастики (*вариант 1*) (1 экз.). Большое количество таких перстней только из меди и бронзы встречается как в Поволжье [Руденко, 2001, с. 78, 199, рис. 40-28, тип В-1; Сташенков, Кочкина, 2008, с. 154, рис. 13-5] (рис. 12-5), так и на древнерусских землях: в Новгороде, перстни с таким рисунком и со следами эмали датируются 80–90 гг. XIV в. [Седова, 1981, с. 135, рис. 49-18]. Происхождение этого типа перстней в Булгарском улусе, видимо, следует связывать с Поволжским регионом в целом, что отмечала М. Д. Полубояринова (по её мнению, перстни такого типа датируются XIV в., а по новгородским аналогиям – концом XIV – началом XV вв.) [Полубояринова, 1993, с. 29].

Другой перстень из окрестностей Билярска (*вариант 2*) (рис. 5-13) (1 экз.) с черневым фоном имеет плоский овальный щиток со стилизованным рисунком крина. Повторяя форму предыдущего варианта, тем не менее он

¹ Нумерация пластинчатых перстней золотоордынского времени продолжает нумерацию домонгольских перстней

продолжает традицию домонгольских чернёных перстней с изображением трилистника. Не исключено, что это переходный вариант от домонгольских к золотоордынским булгарским изделиям XIII в. после монгольского нашествия.

К этому же варианту можно отнести чернёный перстень из Булгара (**кат. № 87**) с овальным щитком, на который нанесён стилизованный растительный (?) орнамент. Также декорирована часть шинки, примыкающая к щитку.

Перстни с **квадратными щитками** (тип 6; *вариант 1; рис. 12-1, 6*) (**6 экз.**: Барбашинский могильник (**2 экз.**); Муранский могильник **4 экз.**)) [Сташенков, Кочкина, 2008, с. 154, рис. 13-1, 6] цельнокованные, пластинчатые. Рисунок на них отдалённо напоминает орнамент на одном из типов домонгольских перстней (**рис. 1-17**), однако это сходство только внешнее. В основе изображений – круг, перечёркнутый косым крестом. Образовавшиеся сегменты заполнены в одном случае кружочками с одной или несколькими точками в центре. На другом перстне сектора соединены двойными полудугами. Чернь на перстнях этого варианта нанесена не на фон, а на контур самого рисунка, что отличает эти перстни от домонгольских изделий. Аналогичные перстни известны на Урале – Ликинском могильнике (**рис. 14-1**) [Викторова, 2008, с. 61].

Также с квадратным щитком один перстень (*вариант 2; рис. 12-3*) (**1 экз.**, Барбашинский могильник) [Сташенков, Кочкина, 2008, с. 154, рис. 13-3] имеет особенности сборки: щиток сделан отдельно, и к нему припаяна шинка. Щиток имеет оригинальное оформление – с выпуклыми колонками на углах и своеобразный рисунок – «пылающий крест». Крест четырёхконечный, с отходящими от него изогнутыми языками пламени. Контур рисунка заполнен чернью.

Этим не исчерпывались серебряные черневые перстни с этого памятника, судя по сохранившимся рисункам из старых находок на могильнике [Археологические, 2011, с. 20].

Отметим, что у мордвы серебряные перстни булгарского производства в домонгольское время практически не встречались, а в целом эта категория украшений немногочисленна и представлена бронзовыми и медными изделиями, типичными для данного региона [Кельгинский, 1998, с. 13]. Даже в Посурье, где предметы булгарского импорта встречаются чаще, подавляющее число серебряных перстней местного изготовления, и несколько экземпляров являются репликами булгарских поделок [Белорыбкин, 2001, с. 30, рис. 30-5-16].

Композиция орнамента на черневых перстнях золотоордынского времени напоминает русские изделия из бронзы 30-х – 60-х гг. XIII в. [Седова, 1996, с. 440–441, кат. № 194]. Более того, как отмечала Т. И. Макарова, чернёные перстни с прямоугольным или квадратным составным щитком, появившиеся во второй половине XII в. и бытовавшие до начала XIV в., нередко имели прорезные ажурные дужки [Макарова, 1986, с. 48]. Именно такие дужки и встречаются на таких изделиях в мордовских могильниках на Самарской Луке. Отсюда наиболее вероятным источником черневых перстней этих вариантов будут мастерские Древней Руси, Московского или Суздальско-Нижегородского княжеств.

илл. 198. Стекланный перстень из Булгара. Собрание НМ РТ

Тип 7 (**2 экз.**, **рис. 13; кат. № 55**) представлен коваными серебряными перстнями с плоским **прямоугольным щитком**, на поверхность которого нанесён контурный геометрический орнамент, усиленный чернью. Аналогичного типа перстни с близким орнаментом встречаются на территории Золотой Орды [Строкова, 2006, с. 188, рис. 1-2]. Весьма распространены близкие перстни, только цельнолитые с выделенным призматическим щитком, например, из Карашамского клада (**кат. № 59**). Они могут быть с орнаментом (**кат. № 60; 63**) и без него (**кат. № 61**), с надписями (**кат. № 62**) и даже с чернёным рисунком.

Тип этого перстня получил широчайшее распространение в Поволжском регионе, они выполнялись из металла – золота, серебра, бронзы, а также кости, стекла (**илл. 198**). Более чем вероятно, что это один из немногих предметов, которые могли изготавливаться непосредственно на месте. Однако полностью исключить вероятность того, что перстень этой формы с черневым рисунком мог быть завезён извне, нельзя. Отсутствие серий булгаро-ордынских черневых предметов в целом и перстней в частности вызывает сомнения в его булгарском происхождении.

II раздел – сюльгамы с черневым узором (**4 экз.**, Муранский, Барбашинский могильники) [Алихова, 1954, с. 272, рис. 8-24, 28; 16-1; Сто двадцать лет, 2007, с. 6, кат. № 4] пластинчатые, двухлопастные с широкими подтреугольными окончаниями. Рисунок в виде «шевронов» с точками нанесён на лопасти. Чернь заполняет контур рисунка [Сто двадцать лет, 2007, с. 6, 49, № 4]. Аналогичные по форме серебряные сюльгамы практически одного типа – широколопастные без рисунка (**рис. 14**) происходят из других захоронений Муранского могильника [Сташенков, Кочкина, 2008, с. 149, рис. 8-5]. Появление в ордынский период сюльгам, традиционной мордовской застёжки [Белицер, 1977, с. 193–200], украшенных чернью, косвенно свидетельствует о специальном изготовлении таких украшений. Они могут быть местного средневожского производства, хотя их распространение на территории Золотой Орды в XIV в. было очень широким [Строкова, 2006, с. 186].

III раздел – браслеты с чернью (6 экз.) представлены изделиями из Карашамского клада XIV – начала XV вв. [Калинин, Халиков, 1954, с. 119, рис. 38]. В его составе было 158 предметов, из которых 102 – серебряные монеты. По нумизматическому материалу клад был датирован второй половиной XIV в., а время его сокрытия отнесено к началу XV в. По мнению авторов публикации, все изделия в кладе местного производства. Это было установлено ими по факту незавершённости отделки предметов, например на брасле-

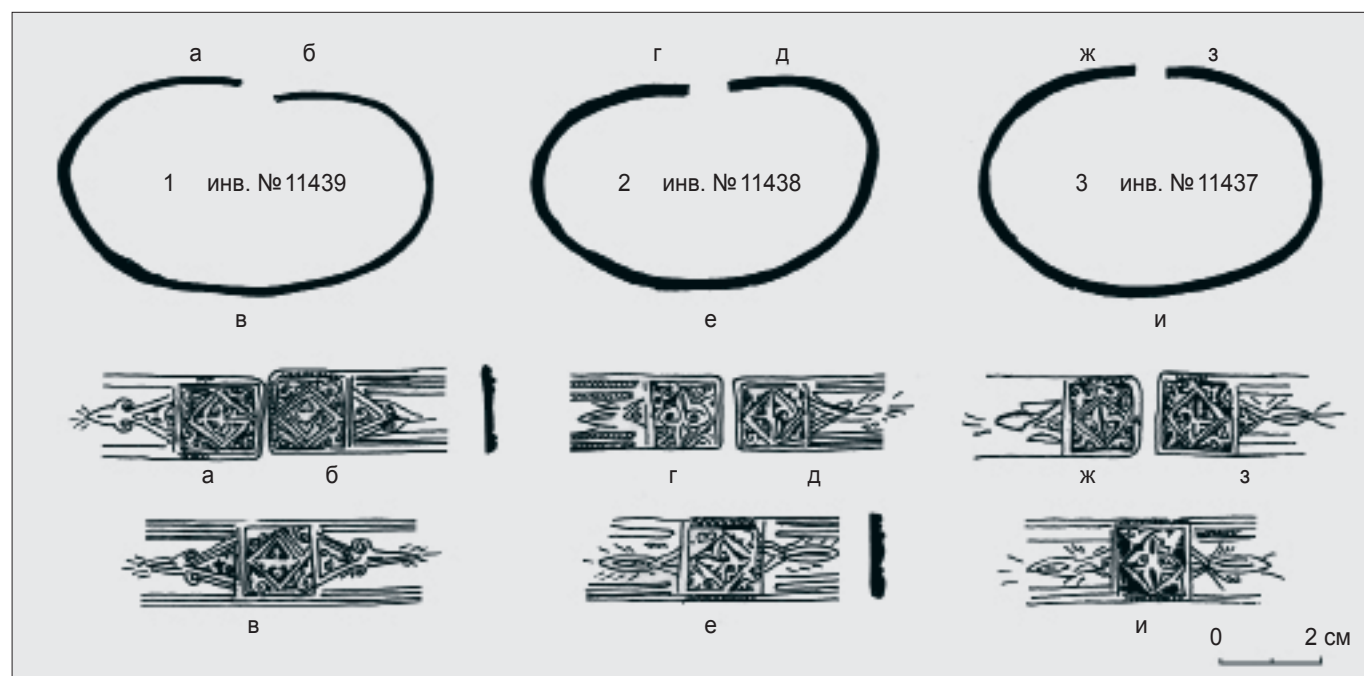
тах (НМ РТ, инв. №№ 11440, 11441, **табл. Г, №№ 5, 11; кат. №№ 184; 191**).

Браслеты с черневым декором можно сгруппировать в два отдела: 1) дровые (**1 экз.; табл. Г, № 5; кат. № 184**) и 2) пластинчатые (**5 экз.; табл. Г, №№ 1-3; 5; 11; кат. №№ 182–184; 190, 191**). Оформление браслетов – стандартно стилизованный растительный орнамент, состоящий из 5 элементов, вписан в квадрат; фон заполнен чернью (**илл. 199**).

таблица Г

СЕРЕБРЯНЫЕ БРАСЛЕТЫ ИЗ КАРАШАМСКОГО КЛАДА

№ п/п	Шифр: НМ РТ, №	№ спец. учёта	Вес	Материал	Размеры (см)	Кат. №
1.	11437			серебро, чернь	7 x 5,2 x 1,5	183
2.	11438			серебро, чернь	7 x 4,9 x 1,5	182
3.	11439			серебро, чернь	7,3 x 5,5 x 1,5	180
4.	11443	166	23.650	серебро	6,3 x 4,6 x 1,4	356
5.	11441	164	20,75	серебро, чернь	6,2 x 4,9 x 0,9	184
6.	11446	169	29.60	серебро	6 x 5 x 18	348
7.	11447	170	25.35	серебро	6,2 x 5 x 1,6	350
8.	11442	165	26.55	серебро	6,5 x 5 x 1,5	347
9.	11445	168	30.100	серебро	6,9 x 5 x 1,9	349
10.	11448	171	25.15	серебро	6 x 5 x 1,4	359
11.	11440	163	36.50	серебро, чернь	6,9 x 5, 5 x 1,7	191

илл. 199. Орнаменты на серебряных браслетах из Карашамского клада

илл. 200. Орнамент на золотом браслете из Булгара. Деталь. Собрание НМ РТ

илл. 201. Прорисовка К.А. Руденко орнамента на серебряной бляхе с чернью, XIV в. Собрание НМ РТ

К вышеперечисленным стоит добавить золотой браслет из Булгара с зачернённым фоном рисунка (илл. 200; кат. № 254) [Полякова, 1996, с. 180, рис. 62-3]. Судя по описанию и рисунку, он аналогичен серебряным пластинчатым чёрным браслетам из Карашамского клада.

IV раздел – фрагмент цепи из шестилепестковых розеток со стилизованным растительным орнаментом (рис. 7-1; кат. № 84) из Булгара (?). Аналогичные цепочки, выполненные из золота, встречены в Симферопольском кладе, датированном М. Г. Крамаровским началом XIV в. Близкий набор серебряных блях-розеток из серебра с черневым узором имеется в Раковском кладе близ Минска [Крамаровский, 2001, с. 218, 318, кат. №№ 357–363, рис. 70]. Рисунок на розетке близок золотым накладкам с чернью поясного набора второй половины XIV в. [Крамаровский, 2001, с. 268, кат. №№ 143–155]. Следует сказать, что орнамент нанесён на изделие очень грубо и схематично; лучше проработан он на выступающей средней части бляхи, где можно различить мотив трилистника, заключённого в сердцевидную рамочку (илл. 201). Рисунок на плоскостях (лепестках бляхи) – s-видный растительный побег выполнен настолько грубо, что создаётся впечатление, что гравировал его совсем другой человек. Чернь нанесена на плоскость изделия пятнами, видимо, из-за низкой квалификации ювелира. Вероятно, над изготовлением этой бляхи работали два человека – возможно, мастер и подмастерье. Опытный ювелир гравировал основной рисунок, а подмастерье доводил его в деталях и покрывал чернью.

В целом, по аналогиям это изделие датируется первой половиной – серединой XIV в. и, судя по грубости гравировки, наличия мотива крина в декоре, скорее всего, является продукцией булгарского производства. Копируя форму популярного изделия, булгарские мастера придавали ему своеобразие за счёт «местной» трактовки орнаментальных сюжетов.

V раздел – наконечник ремня (рис. 17-1) (1 экз.). Булгарское городище. Аналогии ему имеются в Белореченских курганах, в Симферопольском кладе, из случайных находок на Северном Кавказе. М. Г. Крамаровский датирует накладки таких поясных наборов, которые он именует «сельджукским

типом», позднеордынским временем (конец XIV – начало XV вв.) [Классическое, 2013, с. 206, кат. № 45]. В целом этот наконечник достаточно типичен по форме и оформлению аналогичным изделиям ордынского времени (ср. рис. 17-2, 3). Изготовлен ли он в Булгарском улусе – вопрос остаётся открытым.

* * *

Говоря о черневых изделиях в Булгарском улусе Золотой Орды, стоит упомянуть и золотые украшения с гравированным рисунком и чернью (рис. 18-4-8). Тесная связь золотых чернёных украшений с серебряными с чернью и без неё – одна из особенностей черневого дела Булгарского улуса по сравнению с домонгольской Волжской Булгарией.

Если для домонгольской Булгарии ассортимент золотых и серебряных украшений был примерно одинаков, то в ордынское время ситуация была иной. Каждая категория известных нам драгоценных изделий этого времени даёт массу вариантов, отличающихся конструкцией, дизайном, особенностями рисунков. С одной стороны, здесь сказывалось достаточно большое количество привозных изделий, с другой – следование многочисленным образцам, которые местные мастера старались воспроизводить в меру своих возможностей и таланта. Была и ещё одна закономерность – это следование определённому стилю, который сложился в среде городских ремесленников крупных городов Золотой Орды, прежде всего на Нижней Волге, и транслировался по всему государству.

Это хорошо видно на примере золотых браслетов, использовавшихся элитой крупных городов Золотой Орды (рис. 19), в том числе и в Булгаре. Из них часть была привезена из южных центров, хотя и найдены они в Булгарском улусе (рис. 19-7, 8), часть имела хождение в более широком ареале (рис. 19-2, 3), имея значительное количество аналогов в серебре и меди; другие (рис. 19-1, 4, 6) в Булгарском улусе воспроизводились только в серебре, т. е. были только в виде копий или оригиналов, но в серебряном исполнении.

Вместе с тем в Булгарском улусе встречены оригинальные экземпляры золотых браслетов, которые на остальной

илл. 202. Прорисовка К. А. Руденко орнамента на золотом перстне с Селитренного городища, XIV – начало XV вв.

территории Золотой Орды не встречались. Они были найдены на Болгарском городище (**рис. 18-7, 8; кат. №№ 254, 255**) [Полякова, 1996, с. 180, рис. 62-3], а их копии – серебряные браслеты – в Карашамском кладе. Кроме того, в этом же стиле были изготовлены золотые и серебряные перстни из этого же клада и на территории Болгарского городища (**рис. 18-4–6**).

В числе последних – золотой литой перстень с черневым узором (**рис. 18-4; кат. № 261**). У него плоский щиток с выступающими шишечками по углам. На щиток нанесён геометрический рисунок из вписанного в прямоугольник ромба, контуры которого подчеркнуты чернью. Внутри ромба – многолучевая розетка, дополненная трилистником. Угловые пространства рисунка на щитке заполнены стилизованными растительными побегами. Форма таких перстней стандартна: шинка ромбического сечения, призматический щиток с выделенными деталями, например, угловыми шишечками, декорированными боковыми сторонами, иногда выделенными фигурными формами. Аналогичные золотые перстни встречаются в Карашамском кладе (**кат. № 259; 262**), в Булгаре (**илл. 203**), на Селитренном городище (**рис. 11-36**) (**илл. 202; 204**) [Григорьев, Руденко, Егоров, 2003, с. 507–512]. Незначительные отличия имеются только в проработке деталей орнамента.

Чернь на золотоордынских изделиях, выполненных из золота, использовалась чаще всего для выделения контура рисунка или его деталей. Это характерно для перстней, браслетов и золотых накладок поясного набора [Сокровища, 2000, с. 252, кат. №№ 143–155] (**илл. 205**).

илл. 203. Золотой перстень из Карашамского клада, XIV в. Собрание НМ РТ

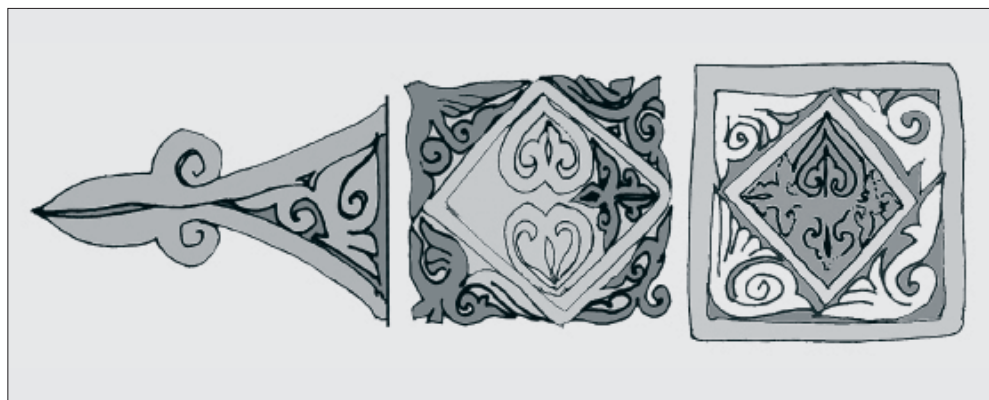
илл. 204. Золотой перстень с Селитренного городища, XIV – начало XV вв.

илл. 205. Золотой поясной набор. Золотая Орда, вторая половина XIV в. Собрание ГЭ

илл. 206. Прорисовка К. А. Руденко орнамента на серебряном браслете из Карашамского клада

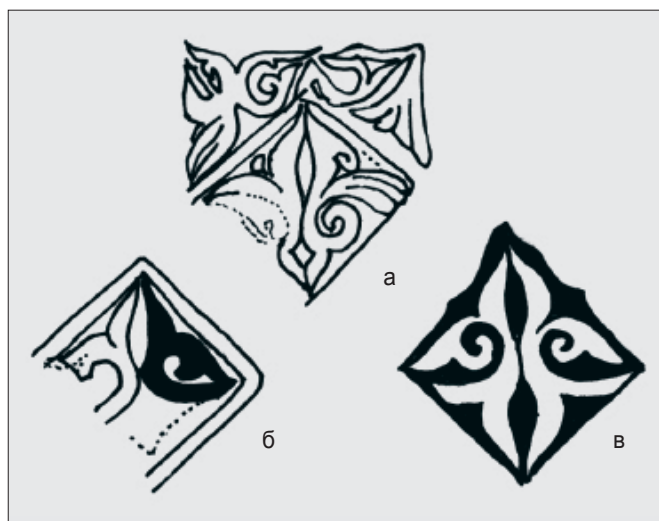

илл. 207. Прорисовка К. А. Руденко орнамента на серебряном браслете из Карашамского клада

Вместе с тем, при общности композиционного решения, карашамские золотые перстни индивидуальны. На одном (рис. 18-6; кат. № 262) – композиция из распутившегося цветка и обрамляющих его растительных побегов в зеркальной симметрии, на другом (рис. 18-5; кат. № 259) – s-видный завиток из двух полупальметт. Этот сюжет особенно интересен, поскольку он редок на изделиях, найденных на территории Булгарского улуса, и полноценно использован только на серебряной капторге (рис. 18-1). Остановимся на ней подробнее.

Серебряная **капторга (филактерий)** (рис. 18-1), обнаруженная у д. Верейко Пермской губ. в 1884 г. Размер её: 8,4х7,2х1,5 см. Орнамент на ней чеканный с позолотой. Композиция орнамента – ромб, вписанный в квадрат, в центре ромба – круглый медальон. Декор – растительные узоры, полупальметты, пальметты и т. п. [Сокровища, 2000, с. 236, кат. № 80]. Чернь не использовалась. Интерес представляют декоративные бусины, включённые в разрыв цепочки, прикреплённой к ушкам капторги. Они состоят из двух половинок, украшенных зерновыми треугольниками, соединёнными на месте паянного шва узкой полоской металла. Через бусину проходит шпилька, сделанная из кованой проволоки, согнутой пополам со специально сформированными петельками, которые первоначально и закрепляли две половинки бусины. Этот приём встречен на украшении из Биляра – серебряной цепочке с крупными бусинами (кат. № 381). И особенно часто такой способ дополнительного соединения частей полых бусин встречается на изделиях, найденных в Предуралье и Зауралье.

Качество исполнения декора на золотых и серебряных изделиях с чернью и, особенно, на однотипных изделиях без черни заметно различается. Орнамент на серебряных черневых изделиях более схематичен, чернь наложена грубо, очень плотно. Возможно, они изготовлены в провинциальной мастерской, где копировали более ранние изделия, сделанные ювелирами-профессионалами. Ряд рисунков на серебряных пластинчатых браслетах копируют общую композицию широко распространённых орнаментов [Сто двадцать лет, 2007, с. 5, кат. № 3].

илл. 208. Прорисовка К. А. Руденко орнамента на серебряном браслете из Карашамского клада

Вместе с тем, несмотря на некий общий стиль, в деталях большинство изделий, как браслетов, так и перстней, достаточно индивидуальны [ср.: Крамаровский, 2001, с. 135, рис. 74-1, 2, 4]. Особенно это проявляется в элементе декора окончаний браслетов (илл. 206), где изображены растительные побеги. Несколько иная композиция с полупальметтами и изящно переплетёнными побегами имеется на другом браслете (илл. 207). Композиция орнамента на браслетах с чернью при сохранении, по сути, одинаковых мотивов несколько варьируется (илл. 208).

Сюжеты изображений и техника нанесения рисунка на изделиях золотоордынского времени отличаются от того, что наблюдается на булгарских чернёных изделиях домонгольского периода. Судя по аналогиям, большая часть их датируется второй половиной XIV в., когда Булгар переходит в новую фазу своего существования, уже в рамках «малого пространства», как город-государство с подвластной ему округой [Руденко, 2010а, с. 42–53].

АТРИБУЦИЯ

Датировка. Черневые изделия золотоордынской эпохи из Булгарского улуса представлены в значительно меньшем количестве, чем в домонгольское время. Имеющаяся в настоящее время коллекция этих изделий большей частью происходит из случайных находок. Вместе с тем ассортимент черневой продукции ордынского времени и ассортимент домонгольской настолько разительно отличаются друг от друга, что рубеж, связанный с монгольским завоеванием – 1236 г., вполне очевиден в завершении одной традиции и начале другой. Однако, с разрушением крупных болгарских городов и разорением значительной части территории Булгарии, полностью ювелирное производство на территории бывшей Булгарии не прекратилось, хотя лучшие мастера иммигрировали, либо были уведены в монгольскую ставку или были убиты.

Ассортимент продукции переходного периода 40-х – 70-х гг. XIII в. был иной. В большинстве своём это серебряные украшения конской сбруи, но без черни. В меньшей степени – женские украшения с использованием скани и, отчасти, привычные пластинчатые широкосрединные перстни, иногда с чернёным контуром весьма схематизированного примитивного рисунка. Ориентировочно можно предполагать, что становление и укрепление нового ювелирного производства в Булгарском улусе произошло не ранее 1280-х – 1290-х гг.

Если мы обратимся к денежно-вещевымкладам, найденным на территории Болгарского городища [Руденко, 2011б, с. 146–147, табл. 5], то среди них нет ни одного клада второй половины XIII в.; к 1310–1380-м гг. относятся клады, содержащие золотые, серебряные и медные пластинчатые браслеты с изображением львиных морд, либо мелкие ювелирные украшения (**илл. 209**). Встречаются такие находки вплоть до начала XV в. Отметим, что на Билярском городище в дошедших до нас кладах ни разу не встречены ни металлические

пластинчатые браслеты с львиными мордами (только плетёные из серебряных и золотых проволок), ни перстни золотоордынского облика [Руденко, 2011б, с. 148–149, табл. 6].

Вещевые и денежно-вещевые клады с территории домонгольской Булгарии и Булгарского улуса Золотой Орды также показывают чёткое разграничение в ассортименте украшений, помещённых в них [Руденко, 2011б, с. 149–155, табл. 7].

Рубеж, когда в кладах на территории бывшей Булгарии появляются вещи нового облика, можно определить по Бурундуковскому кладу (Апастовский район РТ), в котором была часть серебряного сосуда, вероятно кубка, с гравированным рисунком из двух рыб и нескольких водорослей, а также серебряные монеты Менгу, Ариг-Буги и чеканенные от имени Насир-лид-Дина. Фрагмент сосуда сильно деформирован, но можно утверждать, что он был подобен серебряному кубку из собрания ГЭ [Сокровища, 2000, с. 226, кат. № 56], хотя только по форме, без пышного декора. Г. А. Фёдоров-Давыдов установил, что клад был зарыт в первой половине 1260-х гг. [Фёдоров-Давыдов, 1991, с. 188, рис. 1]. Косвенно подтверждает эту дату и клад с серебряными слитками и плетёными домонгольскими браслетами из Булгара, датированный первой половиной XIII в. [Коваль, Бадеев, 2014].

В отношении верхней даты бытования черневых изделий определяющую роль играют Карашамский и Джукетауский клады. Особо интересен денежно-вещевой клад, найденный у с. Карашам Зеленодольского района Татарстана [Фахрутдинов, 1975, № 1487] в 1950 г. экспедицией КФАН СССР под руководством Н. Ф. Калинина. Было выяснено, что он не имеет отношения к какому-либо древнему поселению, расположенному в данной местности. Ближайшие из них – Карашамское селище, расположено у с. Карашам, а Луковское городище находится в 8–9 км от места находки клада. В составе Карашамского клада было 158 предметов, из которых 102 – серебряные монеты (**табл. Д**). По нумизматическому материалу клад был датирован второй половиной XIV в., а время его сокрытия отнесено к началу XV в. [Калинин, Халиков, 1954, с. 117, 119].

илл. 209. Золотые украшения из Булгарского клада 2010 г. Раскопки В. С. Баранова

таблица Д

СПИСОК ПРЕДМЕТОВ ИЗ КАРАШАМСКОГО КЛАДА

№ п/п	Предмет	Шифр	Вес (г)	Тип	Материал	Примечание	Размер (мм)
1.	перстень	11418	4,060	щитковый	золото	4-угольный щиток с 4 шишечками, по ордеру вес=4,07	д-22
2.	перстень	11419	5,020	щитковый	золото	4-угольный щиток с 4 шишечками, по ордеру вес=5,04	д-23
3.	перстень	11420	3,140	щитковый	золото	4-угольный щиток с 4 шишечками, по ордеру вес=3,19	д-19
4.	перстень	11421	3,520	щитковый	золото	4-угольный щиток с 4 шишечками	д-21
5.	перстень кат. № 259	11422	3,070	щитковый	золото	с 3 шишечками	д-20
6.	перстень	11423	3,640	щитковый	золото	с 4 шишечками	д-21
7.	перстень кат. № 262	11424	3,940	щитковый	золото	с 4 шишечками	д-21
8.	перстень кат. № 55	11425	4	щитковый	электр	узкий щиток с чернью	д-20
9.	перстень кат. № 100	11426	6,170	щитковый	электр	с резным орнаментом, по ордеру вес=5,2	д-21
10.	перстень	11427	2,550	с шатоном	электр	треугольной формы шатон	д-23
11.	кольцо	11428	6,220	спиральное	золото	несомкнутое, по ордеру вес=6,25	д-22
12.	кольцо кат. № 384	11429	6,670	спиральное	электр	несомкнутое, по ордеру вес=2,5, что соответствует № 11427	д-18
13.	кольцо	11430	1,548	сомкнутое	золото	проволока толщиной до 5 мм	д-37
14.	браслет	11431	1,665	пластинч.	золото	«львиный» орнамент, по ордеру вес=1,672, фрагмент	ш-13. дл-90
15.	серьга	11432	4,560	с 2 подвесками	золото	по ордеру вес=4,58	дл-25. об. дл-56
16.	серьга кат. № 279	11433	1,800	проволочная	золото	стержень перевит проволокой; ушко обломано	дл-19. об дл 36
17.	булавка кат. № 384	11434	2,450	с птичкой	серебро	птичка золочёная, хвост в виде секиры	дл-59
18.	булавка кат. № 383	11435	2,180	с птичкой	серебро	птичка золочёная, хвост в виде секиры, птичка и стержень отдельно	дл-17 и дл-38
19.	навершие	11436	15,560	пятиконечное с трубицей	серебро	в форме звезды, чеканка; трубочка позолочена	дл-60
20.	браслет кат. № 183	11437	48,60	пластинч.	серебро	несомкнутый резной орнамент, чернь	ш-15 дл-52 х 70
21.	браслет кат. № 182	11438	36,30	пластинч.	серебро	несомкнутый резной орнамент, чернь	ш-15 дл-49 х 70
22.	браслет кат. № 180	11439	39,10	пластинч.	серебро	несомкнутый резной орнамент, чернь	ш-15 дл-55 х 73
23.	браслет кат. № 191	11440	36,50	пластинч.	серебро		ш-17 д-53 х 72
24.	браслет кат. № 184	11441	20,85	пластинч.	серебро	несомкнутый резной орнамент, чернь	ш-6-8 д-50 х 63
25.	браслет кат. № 347	11442	26,55	пластинч.	серебро		ш-14 д-50 х 66
26.	браслет кат. № 356	11443	23,650	пластинч.	серебро		ш-14 д-50 х 69
27.	браслет	11444	40,80	пластинч.	серебро	несомкнутый резной орнамент, чернь	ш-26 д-49 х 69
28.	браслет кат. № 349	11445	30,100	пластинч.	серебро		ш-19 д-51 х 61
29.	браслет кат. № 348	11446	29,60	пластинч.	серебро	в двух фрагментах	ш-18
30.	браслет кат. № 350	11447	25,35	пластинч.	серебро		ш-16 д-50 х 59
31.	браслет кат. № 359	11448	25,15	пластинч.	серебро		ш-14 д-49 х 58

32.	сюльгама кат. № 382	11449	10,500	треуг. лопасти с подвесками	серебро	зернь, подвески бипирамидальные	дл-104
33.	коробочка	11450	6,250	со вставкой	серебро	зернь (крышки и камня нет)	7 x 20 x 20
34.	серьга кат. № 310	11451	3,400	вопросовидная	серебро	перевитая с гранёной бусиной	дл-48
35.	серьга	11452	4,500	вопросовидная	серебро	перевитая с гранёной бусиной	д-49
36.	перстень	11453	5,100	щитковый	серебро	чернь	д-23
37.	перстень	11454	4,470	щитковый	серебро	чернь	д-22
38.	перстень	11455	28,50	щитковый	серебро	резной орнамент	д-21
39.	перстень кат. № 59	11456	5,870	щитковый	серебро	резной орнамент	д-23
40.	перстень	11457	4,700	щитковый	серебро	чернь	д-23
41.	перстень кат. № 60	11458	5,600	щитковый	серебро	резной орнамент, в порядке ошибочно указан № 11459	д-23
42.	перстень	11459	2,700	со вставкой	серебро	голубой камень	д-28
43.	кольцо	11460	5,100	спиральное	серебро	несомкнутое, по ордеру вес=3,8	д-20
44.	трубочка	11461	1,580	коническая	серебро	помята (часть украшения)	д-15 дл-11
45.	пронизка	11462	2,500	витая	серебро	проволока (фрагмент)	14 x 15
46.	пронизка	11463		витая	серебро	проволока (фрагмент)	8 x 10
47.	булавка кат. № 385	11464	1,970	с изображением птицы	серебро	птица позолочена	дл-38
48.	перстень	11465	5,170	со вставкой	серебро	жёлтое стекло-вставка, в порядке ошибочно указан № 11466, но вес и размер соответств. № 11465	д-28
49.	серьга кат. № 310	11466	4,770	вопросовидная	серебро		дл-47
50.	монеты 102 экз.	11467	85,750	джучидские	серебро		
51.	пронизки 4 экз.	11468		гранёные	хрусталь		д-11-17
52.	пронизка	11469			стекло	жёлтого цвета	д-11
53.	пронизки 2 экз.	11470			стекло	зелёного цвета	д-44-6
54.	браслет	11471	14,830	пластинч.	золото	фрагмент	ш-18 дл-80

Сведения о кладе были опубликованы в 1954 г. Н. Ф. Калининым и А. Х. Халиковым [1954, с. 117, 119]. Характеристика найденных изделий в публикации очень скупа. Кроме общего перечисления найденного, проиллюстрированного двумя фотографическими таблицами, отмечено, что «аналогий найденным предметам много», за исключением булавок с изображениями птичек. Остальные предметы, как писали авторы, также известны в музейных коллекциях, но «до сих пор многие из них точно не датированы». Н. Ф. Калинин отмечал, что технология изготовления изделий «высокая и весьма специализированная»: использовалиськовка, отливка, штамповка, зернь, филигрань, чернь, позолота, гранение и сверление камня. Применялись вставки – бирюзовая в капторге, стекло в перстнях. По мнению авторов публикации, все изделия местного производства, что установлено ими по факту незавершённости отделки предметов – на браслетах (№№ 11437, 11438, 11440, 11441) чернь не везде наложена, зачастую фон не доработан; на одном из перстней не припаян шарик зерни (№ 11422); многие из перстней не обработаны и имеют острые режущие кожу кромки (№№ 11453, 11454, 11457). Поэтому эти вещи (перстни и браслеты) никогда не использовались и, по мнению Н. Ф. Калинина, вероятно, датируются

временем сокрытия клада – началом XV в. Браслеты с львиными личинами, как считал Н. Ф. Калинин, более «старые» и, судя по контексту, датируются второй половиной XIV в. [Калинин, Халиков, 1954, с. 119].

К сожалению, материалы клада сохранились не полностью¹. Те, что удалось исследовать, позволяют опираться на них как на изделия, изготовленные до 1400 г. Гипотеза о том, что часть изделий не была доведена до финальной стадии оформления (на неё не положена чернь), представляется не совсем верной. Это особенный стиль ювелиров ордынского Булгара – повторять или воспроизводить изделия параллельно в двух техниках – с чернью и без неё. Аналогичное явление было отмечено при исследовании черневых перстней домонгольского времени.

¹ Клад поступил в Государственный музей ТАССР в 1950 г. Большая часть предметов из клада была похищена из экспозиционного зала 19 октября 1957 г. вместе с другими изделиями, здесь экспонировавшимися [Письмо Министерства культуры ТАССР № 10-91-496 от 17 июля 1976 г. с приложением Ордера Министерства культуры ТАССР № 3270 от 9 июня 1976 г., составленного на основании Акта от 19 октября 1957 г., – хранится в отделе фондов НМ РТ]. Дело о хищении было прекращено в 1963 г.: Справка из прокуратуры Бауманского района г. Казани от 2 апреля 1963 г. / Отдел фондов НМ РТ.

илл. 210. Каменные литейные формы из Булгара. Собрание НМ РТ

илл. 211. Золотой перстень из Булгара

Изделия Карашамского клада завершают этап булгаро-ордынского черневого дела, который датируется началом – первой половиной XV в.

Эту дату подтверждают и материалы Джукетауского клада 1924 г., найденного на территории Донауровского археологического комплекса – остатков булгаро-ордынского города Джукетау [Смолин, 1925, с. 16–28]. В его составе были монеты, золотые пластинчатые браслеты с львиными мордами на окончаниях, а также уникальные шарнирные золотые браслеты и др. Изделий с чернью в нём не было.

Таким образом, черневые изделия Булгарского улуса бытовали в период 1260-х – 1420-х – 1440-х гг. Более узко датировать эти немногочисленные изделия с чернью Булгарского улуса затруднительно. Если не принимать во внимание привозные изделия – древнерусские серебряные перстни с чернью или южные импорты, например наконечник ремня, то можно констатировать, что регулярного производства черневых изделий в Булгаре в конце XIII – первой – второй трети XIV вв. не сложилось. Вероятно, потребность правящей элиты Булгарского улуса вполне компенсировалась внутренней торговлей и поставкой украшений из золота и серебра, а также с драгоценными и поделочными камнями из других городов Золотой Орды. Вместе с тем, ювелиры Булгара выполняли на заказ массу других мелких поделок, в том числе и перстней, о чём свидетельствуют литейные формы из Булгара для отливки таких перстней (илл. 210).

Определённые изменения происходят в начале 1360-х гг. Период укрепления местной власти в 1370-х гг., де-факто

признанного и администрацией Сарая в период дуумвирата Асана, правителя Булгара и Салтана, ставленника Сарая, привёл к аристократизации местной элиты, притоку импортов (художественной посуды, ювелирных украшений и т. п.) и формированию собственного придворного производственного ювелирного центра, представленного разнообразной продукцией из золота, серебра с использованием жемчуга, поделочных и драгоценных камней. Особенностью этого булгарского ювелирного центра, просуществовавшего примерно 20 лет – 1370-е – 1390-е гг., было использование черни по золоту, гравировки без черни, как вариант предшествующих изделий; предпочтение отдавалось стилизованным растительным и геометрическим мотивам, в форме браслетов, как и перстней – пластинчатые, кованые изделия. Судя по находкам (илл. 211) можно предположить, что в Булгаре эти традиции развивали сначала приезжие мастера с южных территорий Золотой Орды. Не исключено, что приезжие мастера работали в Булгаре и на протяжении всего XIV в.

Булгарское черневое дело заняло определённое место в серебрodelии Золотой Орды. В нём ощущается сильное влияние не только и не столько нижеволжских центров, а более отдалённых территорий, например, Ирана, Египта, возможно Ирака. В основном происходило это за счёт большого числа импортов, которые поступали в Булгар в период стабильности Золотой Орды, и даже в кризисный период 1360-х гг., а также благодаря работе приезжих мастеров-ювелиров.

ВЫВОДЫ

Расцвет булгарского искусства черни приходится на вторую половину домонгольского периода – XI – начало XIII вв. Затем количество продукции существенно сокращается; теряется и качество изготовления. К началу XIV в. это производство приходит в упадок, что привело к обновлению ассортимента путём импорта готовой продукции во второй половине этого столетия. При этом в конце XIII – на рубеже XIII–XIV вв. на основе булгарских и русских традиций

начинается производство черневых изделий в Прикамье. Таким образом, черневое искусство булгар домонгольского и золотоордынского времени – это, по сути, два разных явления, сложившихся хотя и на одной территории, но на основе разных культурных традиций. Одной из особенностей ювелирного дела Булгарского улуса является копирование или воспроизведение изделий в двух техниках – с чернью и без неё.

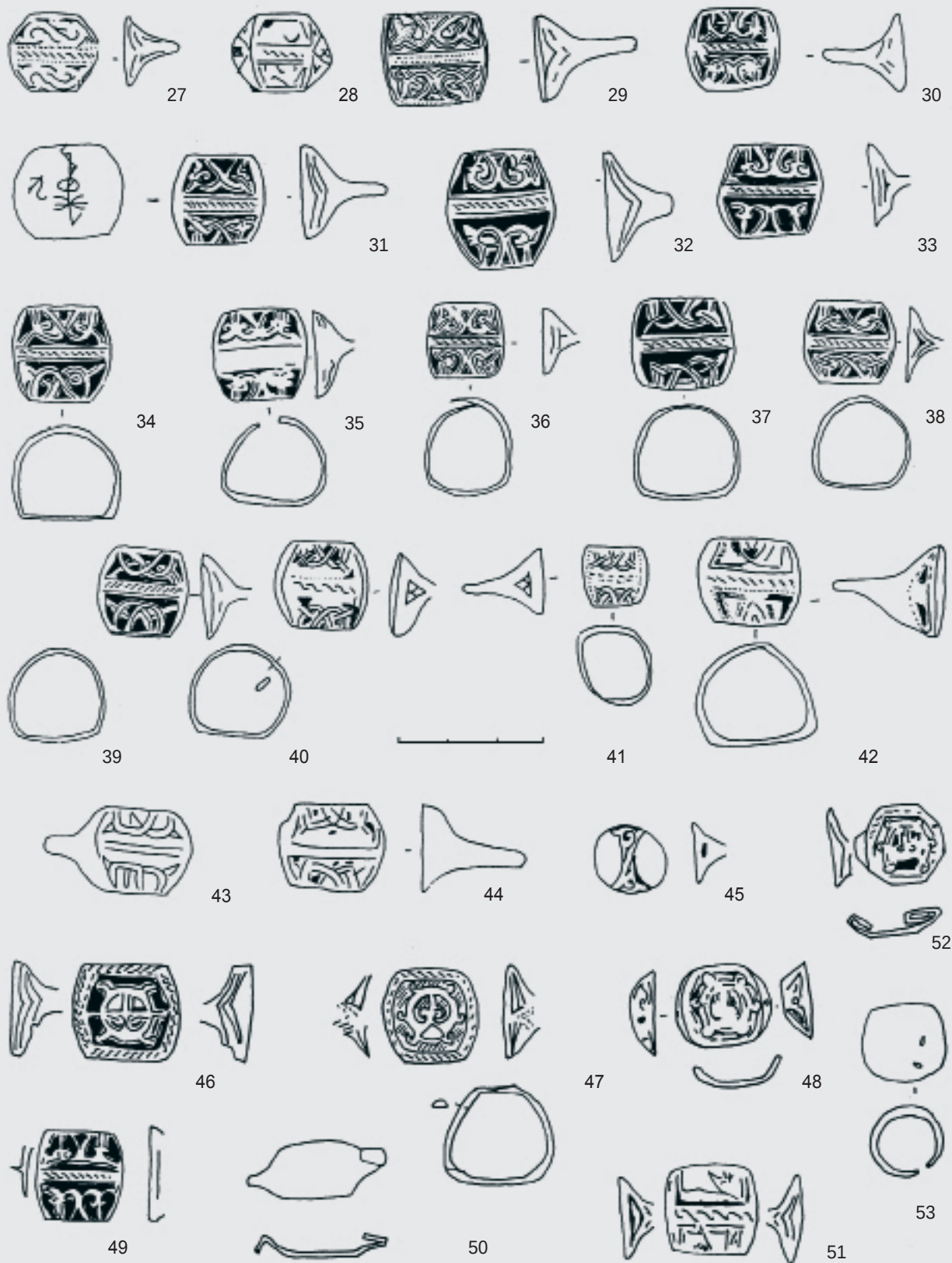

рис. 1. Типы серебряных перстней. 1 – тип 3.1; 2 – тип 3.2; 3 – тип 2.6; 4 – тип 2.7; 5–13, 15, 16, 23, 46–48 – тип 3.4; 14 – тип 3.6; 17 – тип 2.5; 18 – тип 3.3; 19 – тип 3.5; 20 – тип 3.7; 21 – тип 2.4; 22 – тип 3.10; 24 – тип 2.3; 25 – тип 2.2; 26 – тип 2.1; 27, 28 – тип 3.8; 29–33, 35, 36, 49 – тип 4.1; 34, 37–41 – тип 4.2; 42–44, 51 – тип 4.3; 45 – тип 1.1; 50, 53 – тип 3; 52 – тип 3.4.
Прорисовки К. А. Руденко

рис. 2. Серебряные перстни. 1 – № 33 (НМ РТ, инв. № 10211-35); 2 – № 10 (НМ РТ, инв. № 997/36); 3 – № 18 (НМ РТ, инв. № 10211-26); 3а, б, в – № 18, деталь; 4 – № 29 Мурзихинское селище; 5, 6 – Билярское городище

рис. 3. Серебряные перстни XI–XII вв. 1 – № 2 (НМ РТ, инв. № 250), тип 3.2; 2 – № 6 (НМ РТ, инв. № 10211-47), тип 3.4; 3 – № 7 (НМ РТ, инв. № 10211-36), тип 3.4; 4 – № 9; (НМ РТ, инв. № 10211-47а), тип 3.4; 5 – № 11 (НМ РТ, инв. № 10211-53), тип 3.4; 6 – № 12 (НМ РТ, инв. № 21736), тип 3.4; 7 – № 16 (НМ РТ, инв. № 10211-50), тип 3.4; 8 – № 17 (НМ РТ, инв. № 10211-43), тип 2.5; 9 – № 18 (НМ РТ, инв. № 10211-26), тип 3.3; 10 – № 46 (НМ РТ, инв. № 10211-28), тип 3.4; 11 – № 47 (НМ РТ, инв. № 10211-33), тип 3.4; 12 – № 48 (НМ РТ, инв. № 12624), тип 3.4

рис. 4. Серебряные перстни конца XII–XIII вв. 1 – № 14 (НМ РТ, инв. № 10213-48), тип 3.6; 2 – № 19 (НМ РТ, инв. № 10211-48), тип 3.5; 3 – № 24 (НМ РТ, инв. № 10211-42), тип 2.3; 4 – № 27 (НМ РТ, инв. № 5378-26), тип 3.8; 5 – № 28 (НМ РТ, инв. № 245), тип 4.1; 6 – № 31 (НМ РТ, инв. № 10211-51), тип 4.1; 7 – № 32 (НМ РТ, инв. № 10211-37), тип 4.1; 8 – № 34 (НМ РТ, инв. № 10211-29), тип 4.2; 9 – № 35 (НМ РТ, инв. № 10211-52), тип 4.1; 10 – № 36 (НМ РТ, инв. № 10211-38), тип 4.1; 11 – № 37 (НМ РТ, инв. № 10211-32), тип 4.2; 12 – № 38 (НМ РТ, инв. № 10211-46), тип 4.2; 13 – № 39 (НМ РТ, инв. № 10211-45), тип 4.2; 14 – № 40 (НМ РТ, инв. № 10211-41), тип 4.2; 15 – № 45 (НМ РТ, инв. № 10211-30), тип 1.1; 16 – № 49 (НМ РТ, инв. № 10211-34), тип 4.1

рис. 5. Серебряные коробочки (1–3) и перстни (4–14), XI–XII вв. 1–5, 12–14 – Биллярское городище; 6–11 – Мурзихинское селище. 4 – тип 2.4; 5 – тип 3.4; 6, 12 – тип 3.8; 7 – тип 4.3; 8 – тип 3; 9 – тип 2.1; 10 – тип 3.4; 11 – тип 2.2

рис. 6. Серебряные перстни с чернью, XI–XII вв. Волжская Булгария. 1 – НМ РТ, инв. № 10211-53; 2 – НМ РТ, инв. № 10211-36; 3 – НМ РТ, инв. № 10211-47; 4 – НМ РТ, инв. № 10211-41

рис. 7. Деталь пояса (1), Золотая Орда, XIV в. и накладка (2), Волжская Булгария, XII в. Серебро, чернь

рис. 8. Капторги. 1, 1а – Спасский клад 1869 г. (по А. А. Спицыну). Серебро, чернь, гравировка. Волжская Булгария, XI–XII вв.; 2 – Щербеньский клад; 3 – из Вятской губернии (по М. Г. Крамаровскому); 4 – Крещёноептанский клад. 1, 2, 4 – серебро; 3 – золото

рис. 9. Серебряные перстни. 1 – кат. № 28; 2 – кат. № 21; 3 – кат. № 12; 4 – кат. № 7; 5, 6 – кат. № 10; 7 – кат. № 13; 8 – кат. № 11; 9 – кат. № 28; 10 – кат. № 17; 11 – кат. № 15; 12 – кат. № 12; 13 – кат. № 3; 14 – кат. № 5; 15 – кат. № 27; 16 – кат. № 21; 17 – кат. № 25; 18 – кат. № 24; 19 – кат. № 7; 20 – кат. № 15

рис. 10. Серебряные перстни: основные орнаментальные мотивы и композиции . А – мотив крина; Б – кольцевая композиция; В – композиция из растительных побегов и стилизация; Г, Д – изображение птиц на серебряных перстнях

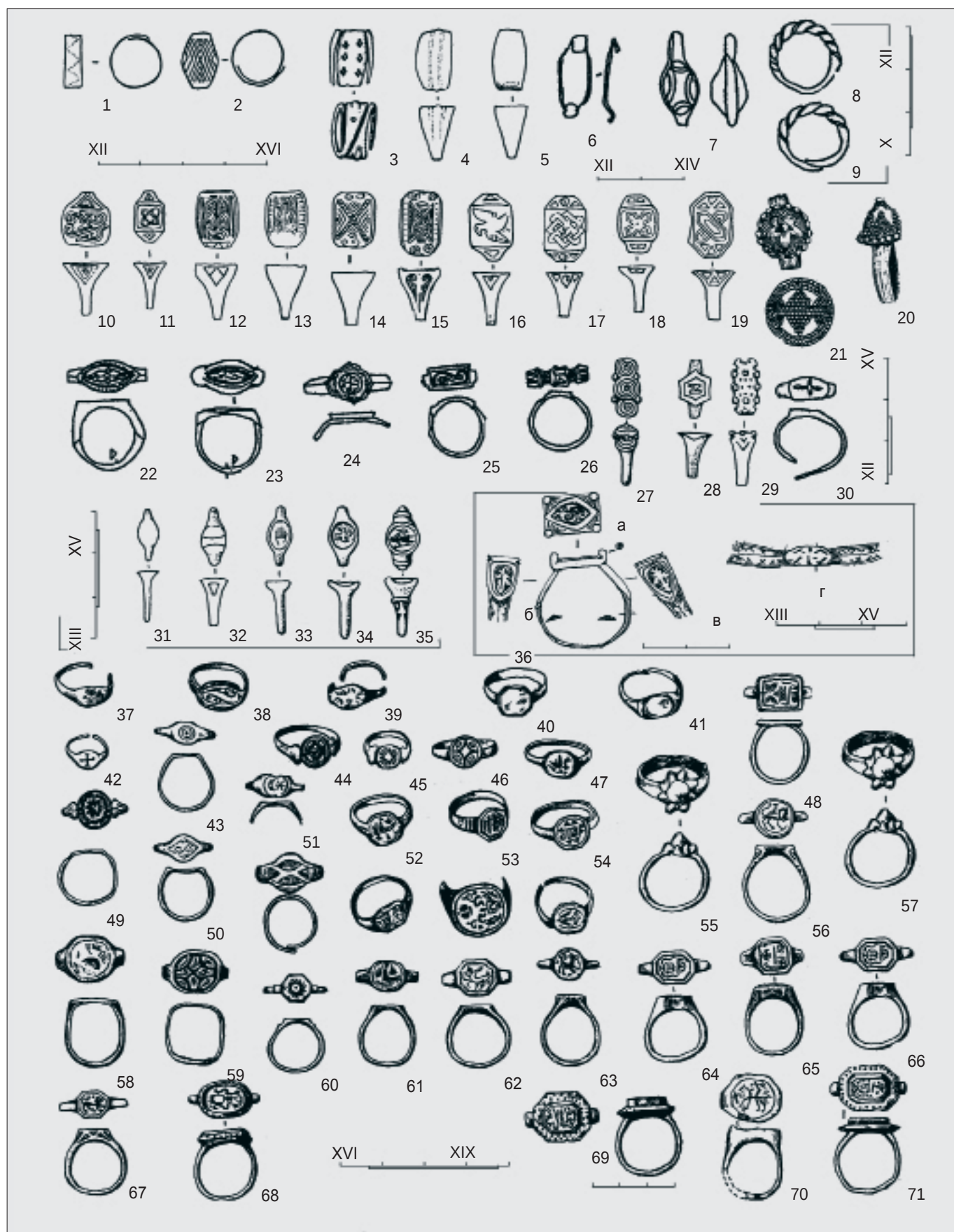

рис. 11. Хронологическая таблица перстней из цветных металлов из Волго-Камья, XII – XIX вв. (по Э.А. Савельевой, А.Ф. Пихачёву, Н.И. Шутовой, К.А. Руденко, М.Г. Ивановой). Составлена К.А. Руденко

рис. 12. Серебряные перстни с чернью из Муранского могильника на Самарской Луке, XIII – XIV вв. (по Д. А. Стащенкоу)

рис. 13. Серебряный перстень с чернью из Булгара, XIII – XIV вв. Собрание БГИАМЗ

рис. 14. Серебряные перстни (1–4) и браслет (5) из Ликинского могильника, XII – XIV вв. (по В.Д. Викторовой)

рис. 15. Серебряные браслеты с чернью из Карашамского клада конца XIV – начала XV вв.

рис. 16. Серебряные браслеты эпохи Золотой Орды. 1–5: клад из с. Василицы Черкасской области (по Л. В. Строковой); 8–9: из могильника Вербовый Лог VIII (Подонье) (по М. В. Власкину, А. И. Гармашову, З. В. Доде, С. А. Науменко); 6, 7: Муранский могильник на Самарской Луке (по Д. А. Сташенкову)

рис. 17. Серебряные наконечники ремней (1, 2) и накладка (3) второй половины XIII – XIV вв.

рис. 18. Золотые украшения из Булгарского улуса Золотой Орды. Капторга (1, 2), коробочка-подвеска (3); перстни (4–6) и браслеты (7, 8)

рис. 19. Золотые браслеты эпохи Золотой Орды. 1–6, 8: собрание ГИМ; 7 – собрание НМ РТ, 2, 3 – Булгарский клад 1877 г.; 7 – находка на Болгарском городище; 8 – Джукетауский клад

рис. 20. Фрагменты бронзовых сосудов с памятников Волжской Булгарии. 1, 3 – Остолоповское селище (Алексеевский район РТ), раскопки К. А. Руденко; 2 – Измерское селище (Спасский район РТ); 4 – Екатеринослободское II городище (Новошешминский район РТ). Иран, X–XII вв.

рис. 21. Серебряные чаши и блюда из Зауралья, XI–XIII вв. (по Н. В. Фёдоровой)

рис. 22. Серебряные щитки на запястье (1–5) и очелье (6) из Зауралья (по Н. В. Фёдоровой и И. А. Сыркиной)

рис. 23. Стальное (3) и бронзовые (1, 2) зеркала и стеклянные медальоны (4, 5) с изображением всадника с соколом и животными. Иран, Средняя Азия, XI – XII вв. (3 – по З.В.Доде)

рис. 24. Иранские глазурованные чаши XI – XIII вв. с изображением всадника

рис. 25. Серебряные медальоны с изображением «сокольничего» (по Н. В. Шатунову и Э. А. Савельевой)

рис. 26. Мечи «каролинского типа» (1,2) и топоры, инкрустированные серебром (3–5) из Среднего Поволжья. 1,2,3 – собрание ИМ РТ; 4,5 – собрание ГИМ (5 – по А. А. Спицыну; 4 – по Б. А. Рыбакову); 4а, б – прорисовка К. А. Руденко орнамента на топоре (№ 4)

рис. 27. Серебряные пластинчатые створчатые браслеты из Саркела (7), Большого Московского клада (8), Новгорода (9), из Прикамья (4), из Зауралья (5,6) (по М. И. Артамонову, М. В. Седовой, В. Ф. Генину, Н. В. Фёдоровой)

ЧАСТЬ 2

БУЛГАРСКОЕ ИСКУССТВО
ЗЕРНИ, СКАНИ и ПЛЕТЕНИЯ

Ювелирное искусство волжских булгар, кроме черневых изделий, представлено украшениями, выполненными в скано-зерневой технике, а также связанными с ней витьём и плетением. Плетёные украшения, составляя, несомненно, отдельное направление ювелирного болгарского дела, тем не менее, иногда дополнялись специальными привесками, декорированными зернью, сканью и вставками из поделочных камней. Создать такое украшение можно было только в результате совместной работы нескольких мастеров. Не исключено, что дополнительные элементы на стандартных украшениях, например плетёных браслетах, заказывались мастеру другой специализации. Учитывая тот факт, что это продукция городских ремесленников, вполне очевидно, что существовала определённая кооперация в рамках одной мастерской или это была работа одного мастера-профессионала, владевшего разными техниками обработки металла. Уточнить этот вопрос помогут дальнейшие исследования технологии изготовления и состава металла таких изделий.

СКАНО - ЗЕРНЕВЫЕ УКРАШЕНИЯ

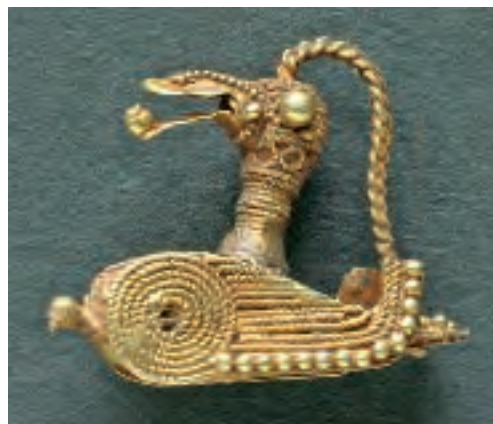
Если говорить о болгарских скано-зерневых украшениях, то наибольшую известность получили те из них, которые выполнены из золота [Руденко, 2011б]. Они отличаются особой изящностью и оригинальностью исполнения. Шедеврами были височные филигранные подвески с напускными ажурными бусинами и подвесками на цепочках в виде крупных «желудей». В центре кольца у некоторых подвесок было помещено изображение птицы (*илл. 212, 213*). При этом «золотые» изделия наполовину состояли из меди: основа украшения – кольцо, на котором крепились напускные бусины и другие декоративные детали, была сделана из меди, обтянутой золотой фольгой

(*илл. 214*). Это был своеобразный отличительный знак болгарских ювелиров, создававших абсолютную иллюзию цельного золотого изделия. При этом не золочение, а именно покрытие фольгой, как это было и с серебряными филигранными изделиями, где этот приём также использовался. Данный факт свидетельствует не только о преемственности ювелирной традиции, но и о производстве этих изделий в одной мастерской или одним мастером [Руденко, 2011б, с. 65].

Филигранных золотых подвесок известно немного, чуть более 20 экземпляров, часть из которых дошла в виде пары, часть – только в одном экземпляре из парного комплекта.

илл. 212. Золотая филигранная подвеска с изображением птицы. Мокрокурналинский клад, XII в. Собрание НМ РТ

илл. 213. Золотая филигранная подвеска с изображением птицы. Мокрокурналинский клад. Деталь

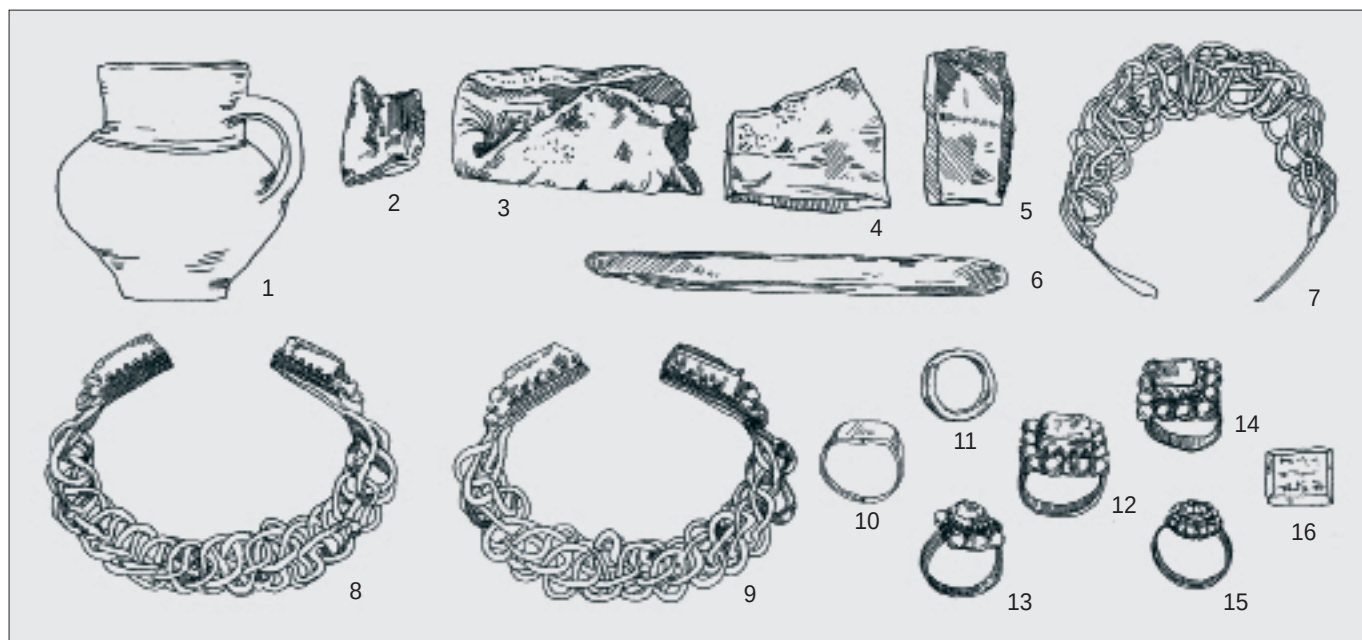
илл. 214. Фрагмент дужки височного кольца (медь, обтянутая золотой фольгой), XIII в. Находка на VI Алексеевском селище (Алексеевский район РТ)

Несмотря на большую близость во всех отношениях этих изделий, есть определённые отличия, которые выражаются не столько в размерах (есть украшения чуть меньше стандартных параметров: 11–12 см в длину и 4,5–5 см в ширину), сколько в деталях: наложении скани и узоров из зерни.

В домонгольское время ассортимент болгарских золотых ювелирных изделий, кроме вышеописанных височных подвесок, был невелик: плетёные *браслеты* со вставками, *серьги* из витой или гладкой проволоки и *перстни* со вставками.

Наиболее полный комплект представлен в Билярском кладе, опубликованном А. Ф. Лихачёвым (*илл. 215*). Отметим, что если золотые плетёные браслеты просто копировали серебряные, то перстни отличались оригинальностью и не повторяли серебряные оригиналы, а серебряные филигранные кольца воспроизводили золотые.

Серебряные, с использованием зерни и скани, болгарские изделия представлены несколькими **отделами**: височные кольца, перстни, браслеты, булавки, цепочки с привесками.

илл. 215. Билярский клад золотых украшений, XII – начало XIII вв. Прорисовка К. А. Руденко

ВИСОЧНЫЕ КОЛЬЦА (*рис. 29-2-5*)

Подотдел А – височные кольца, декорированные *сканью*

Тип А1 – однобусинные (3 экз. Могильник Такталачук) [Казаков, 1978, с. 64, 66, рис. 33-9–11; 35] (*илл. 216*).

Височное украшение в виде небольшого кольца, диаметром от 4,5 до 5,5 см, на которое надета шаровидная бусина, собранная из двух полусфер, соединённых между собой пайкой и зафиксированных 2–3 оборотами скани, оплавившейся

илл. 216. Серебряные серьги или височные кольца из могильника Такталачук, XIV в. Раскопки Е. П. Казакова

при пайке. Бусина закреплена на кольце плотно навитой сканной проволокой. Одно из окончаний кольца свёрнуто в завиток, другое – расплющено, и в нём пробито небольшое отверстие.

Датируются второй половиной XIV в. [Казаков, 1978, с. 70].

Тип А2 – трёхбусинные (11 экз.)

Подтип А2.1 (6 экз.; кат. №№ 139, 140; 391. Алексеевский район РТ (**1 экз.**); Бутаевский клад (**4 экз.**); Болгарское городище (**1 экз.**)) (*илл. 217*). Височное украшение в виде разомкнутого кольца с тремя надетыми на него желудевидными вытянутой формы бусинами, закреплёнными на кольце плотно навитой сканной проволокой между бусинами и несколькими витками скани сверху (*рис. 29-3*). Средний диаметр кольца 4–5 см, крупные экземпляры из Бутаевского клада имеют диаметр 8 см. Колечко полностью сделано из серебра или из тянутой медной проволоки, покрытой тонкой серебряной фольгой.

Датируется XII–XIII вв.

илл. 217.
Височное
кольцо
подтипа
A2.1 из
Бутаевского
клада, XIII в.
Собрание
НМ РТ

илл. 219.
Височное
кольцо
подтипа A2.4
из Билярского
городища,
XII в.
Собрание
БГИАПМЗ

илл. 218.
Височное
кольцо
подтипа
A2.2 из
Бутаевского
клада, XIII в.
Собрание
НМ РТ

илл. 220.
Височное
кольцо
подтипа
B1.1 из
Семёновского
селища,
XI–XII вв.

илл. 221. Височное филигранное кольцо подтипа B1.1 из Именьковского клада, XII в. Собрание НМ РТ

Подтип A2.2 (2 экз.; кат. №№ 141, 142; Бутаевский клад) (илл. 218). Аналогичное украшение, только кольцо имеет сплюснутые окончания с пробитыми маленькими отверстиями. Диаметр кольца 7–8 см. (рис. 29-4). Датируется XIII в. Аналогичные кольца имеются в Четырлинском кладе и находках у сс. Старое и Новое Альметьево [Руденко, 2011б, с. 142, 155, рис. XIII-3,4, илл. 88].

Подтип A2.3 (2 экз.; Бутаевский клад). Аналогичное предыдущим украшение с тремя цепочками из 4 звеньев, на которых подвешены желудевидные привески [Ефимова, 1960, с. 196, рис. 2]. Диаметр кольца 5,5 см. Разомкнутые окончания кольца расплющены, и в них пробиты отверстия. Аналогичное кольцо имеется в АМ К(П)ФУ (депаспортизированные коллекции ОАИЭ: АКУ-2), а также среди находок в Пензенской области [Белорыбкин, 2001, с. 45, рис. 26-1, 2].

Подтип A2.4 (1 экз.; Билярское городище, раскоп XVII). Трёхбусинное (?) кольцо с петельками для крепления цепочек (илл. 219) [Хузин, 1995, с. 173, рис. 5-12]. Напускные бусины не сохранились, остались только сканые ободки, в том числе и с петельками-креплениями.

Подотдел Б – височные кольца, декорированные сканью и зернью

Тип B1 – трёхбусинные (5 экз.)

Подтип B1.1 (3 экз.; Семёновское селище (илл. 220); Рождественское городище и селище; Танкеевское городище). Височное украшение в виде разомкнутого кольца с тремя надетыми на него бочёноквидной формы бусинами, закреплёнными на кольце плотно навитой сканой проволокой между бусинами

и несколькими витками скани сверху (рис. 29-2). Колечко либо полностью сделано из серебра или из тянутой медной проволоки, покрытой тонкой серебряной фольгой. Средний диаметр кольца 4–5 см. Все рассматриваемые экземпляры практически одинаковы по форме и размерам.

Датируются XI – началом XIII вв.

Подтип B1.2 (1 экз.; Пензенская обл.) аналогичен типу B1.1, но с тремя цепочками с привесками [Белорыбкин, 2001, с. 45, рис. 26].

Подтип B1.3 (1 экз.; Юловский клад, Пензенская обл.), аналогичный типу B1.2 с напускными бусинами, украшенными, кроме скани, зерновыми треугольниками [Полесских, 1979, с. 245, рис. 3].

Датируется XII – началом XIII вв.

Подотдел В – филигранные

Тип B1 – трёхбусинные (4 экз.)

Подтип B1.1 (4 экз. (2 пары колец); кат. №№ 143, 144, 147, 148; Именьковский клад, Аксубаевский район РТ (2 экз.)) (илл. 221). Подвески представлены одним типом, повторяющим форму и конструкцию золотых височных украшений – кольцо с тремя напускными филигранными бусинами, к средней из которых прикреплены 3 цепочки с крупными полыми желудевидными привесками. Общая длина украшения – 8,5 см. Основу их составляют кольцо диаметром 4,1 см, имеющее медную основу и покрытое сверху серебряной фольгой. На кольцо нанизаны бусины, состоящие из 3 частей – верхней и нижней в виде полусфер высотой 0,5 см при диаметре 0,8 см, и средней – кольца диаметром 1,2 см. Первые две части в нижней половине имеют

припаянный поясок сканой верёвочки, снизу от которой имеется поясок из треугольников зерни (по 3 зерна), приставленных плотно друг к другу. Сверху от полоски идут равнобедренные треугольники, составленные из 15 зёрен (по 5 с каждой стороны) диаметром 0,1 мм. Всего таких треугольников 5, т.е. на оформление одной половинки бусины ушло 75 зёрен, не считая пояска, где было около 24 зёрен в одну линию и 23 – во вторую (47 зёрен в узор). Всего, таким образом, чтобы изготовить узор для одной половинки бусины, потребовалось 122 зерна.

У основания сверху на перехвате имеется поясок из сканой проволоки. Среднее кольцо состоит из 2 спаянных поясков диаметром 1,2 см, между которыми напаяны шарики зерни диаметром 1 мм. К этому кольцу изнутри припаяно 5 (?) биконических пустотелых элементов, на каждую часть биконуса напаяны равнобедренные треугольники зерни по 3 в каждом (итого 6 зёрен в каждом), что всего даёт 30 зёрен. Верхняя и нижняя половинки надевались на выступающие концы биконусов и припаявались, а украшение из мелких зерновых треугольничков становилось элементом декора. Применение такого приёма, как изготовление сложносоставной бусины, придавало изделию ажурность и изящество.

К нижней бусине прикреплялись 3 проволочных кольца – к среднему кольцу бусины, и к ним на цепочках из 10 звеньев привешивались «жёлуди» – привески. Соединение между цепочками и колечками осуществлялось с помощью проволочной спиральки, скрученной в 4 оборота, диаметр спиральки – 0,3 см. Цепочка была петельчатая, изготовленная по принципу «петля в петлю». Использовался простейший способ – каждое звено продевалось через предыдущее [Уильямс, Огден, 1995, с. 26]. На одной из подвесок цепочка была обновлена – проволока цепочки более толстая, а техника изготовления звеньев цепи несколько иная.

Подвешенные «жёлуди» имеют длину 1,7 см при диаметре 1,1 см, состоят из двух половинок, шов между которыми замаскирован двойным пояском сканой верёвочки в одну сторону. Поверхность украшена равнобедренными треугольниками по 7 зёрен с каждой стороны, в верхней части которых припаян крестик из 4 зёрен. Всего здесь использовано для одного треугольника 32 зерна, а для 5 треугольников – 160 зёрен. Внизу идёт пирамидка из трёх более крупных зёрен.

Итого, на три подвески «жёлудя» было необходимо: $(160 \times 2) + 3 = 323$ зерна (1 подвеска); $323 \times 3 = 969$ зёрен. Украшение напускных бусин требовало не менее $(122 \times 2) + 55$ $(30 + 25$ на среднем кольце) $\times 3 = 897$ зёрен. Всего требовалось припаять не менее 1 866 зёрен.

Датируются XII – началом XIII вв.

АТРИБУЦИЯ

Описанные выше изделия, безусловно, болгарского производства, но имеются хронологические и технологические различия. Самые простые по конструкции – однобусинные кольца – тип А1 из могильника Такталачук являются финальным образцом височных колец с напускными бусинами, они бытовали в XIV в. в восточной части Булгарского улуса,

в среде населения с непостоянной оседлостью. Изготовлены кольца кустарно, наблюдается эклектичный набор технологических приёмов и конструктивных элементов, встречавшихся в этот период на изделиях как древнерусских, так и болгарских ювелиров, что, видимо, явилось результатом работы местного мастера. Последнее подтверждает и наличие бронзовых или медных аналогичных изделий в погребениях того же могильника.

Эти же признаки имеются на трёхбусинном кольце из собрания НКЦ «Казань» (*кат. № 406*). Скань или её имитация на нём только фиксирует напускные бусины и, по сути, не является декоративным элементом. Окончания в разрыве дужки кольца обрублены, но не расплющены. Само кольцо массивное, вероятно цельнолитое, а не проволочное. Оно является самым поздним изделием в этой серии и знаменует заключительный этап в развитии данного типа украшения у болгар.

Однобусинные кольца из серебра, как и из меди и бронзы, во второй половине X–XII вв. были мало распространены у болгар. Они встречаются в единичных случаях, на малых городках, стоявших на торговых путях в низовьях Камы [Казаков, 1991, с. 115, рис. 40-23, 24]. Кольца с другим количеством напускных бусин, меньше или больше трёх, у болгар не имели хождения. Известно несколько фрагментов колец с навитой сканью, по следам на которых можно предполагать, что это были кольца с одной бусиной.

Трёхбусинные кольца со сканью и зернью были самым распространённым и, по сути, единственным массовым серебряным украшением у болгар на протяжении домонгольского периода. Данных о хождении у болгар височных серебряных колец, декорированных сканью и зернью, с другим количеством напускных бусин – с двумя или более трёх – нет.

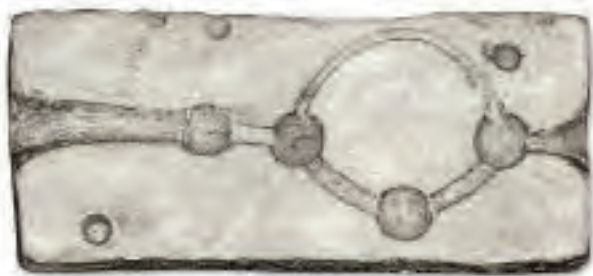
Композиция «три в одном» преобладает среди болгарских колец с напускными бусинами из бронзы и меди. Их изготавливали по той же технологии, что и серебряные; кроме того, этот же тип украшения тиражировался литьём. Бронзовые и медные украшения изготавливались так же, как и серебряные, т.е. они копировали украшение из драгоценного металла (в данном случае не важно – золота или серебра), воспроизводя даже детали – скань и зернь (*рис. 30-1–6*). Для изготовления поделок с зернью (*рис. 30-2, 6, 7, 8*) могло использоваться и низкопробное серебро с большой примесью меди. Судя по размерам (*рис. 30-1, 2, 3*), это были украшения для подростка. Медное или бронзовое кольцо до потемнения поверхности внешне очень напоминало золотое. На таких предметах могли воспроизводиться детали, характерные для серебряных или золотых колечек – петельки для прикрепления цепочек на средней бусине (*рис. 29-6, 7; 30-1, 1а, 1б*).

Такие изделия были распространены как в крупных городах Булгарии, например в Биляре (НМ РТ, инв. № 5427, *рис. 30*), так и на малых болгарских городках, например, на V Старокуйбышевском селище – части Старокуйбышевского археологического комплекса. Датируются эти височные кольца, как и весь подъёмный материал с этого поселения, XI–XII вв. [Казаков, 1984, с. 52, рис. 10-19, 20; 1991, с. 115, рис. 40-25]. Фрагменты таких украшений встречаются на селищах, например Мурзихинском, основной материал

с которого относится к XI–XII вв. [Казаков, Руденко, Беговатов, 1993, с. 57, рис. 8-10; Руденко, 2002а, с. 63].

Возвращаясь к серебряным трёхбусинным кольцам, отметим, что в XIII в., судя по материалам Бутаевского, Чердылинского кладов и Староальметьевским находкам, часть из них крепилась тонкой проволокой на головном уборе или закреплялась на проволоочном каркасе, для чего были необходимы и конструктивные изменения – расплюснутые окончания, чаще всего ромбовидной или овальной формы, с маленьким сквозным отверстием (*рис. 29-4*) или раскованное окончание, завернутое в трубочку. Такие бронзовые кольца (и одно золотое) найдены в Новгороде, где датированы 30–50-ми гг. XII в. [Седова, 1981, с. 14, рис. 3-13]. Из Биляра известны литейные формы для отливки трёхбусинных колец такого типа (*рис. 31-1, 1а*). Но это украшения без воспроизведения скани или зерни на напускных бусинах. Последние имеют шаровидную форму, что не типично для болгарских изделий. Интересно, что на другой стороне литейной формы вырезан негатив для отливки серёжки с имитацией зерни и вставки. Близкая по форме серебряная серёга со вставкой найдена в могильнике Бабий бугор в Булгаре. А. М. Ефимова датировала погребение, в котором она была найдена, домонгольским временем; Г. Ф. Полякова считает, что это изделие золотоордынской эпохи [Полякова, 1999, с. 203; 2000, с. 234–235].

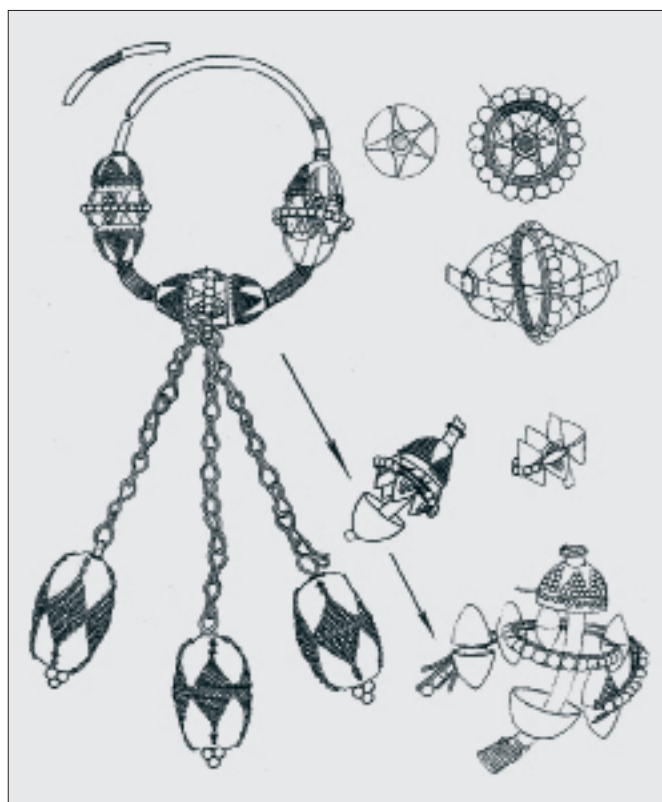
Аналогичная вышеописанной литейная форма для отливки височных колец с тремя напускными бусинами найдена в Булгаре (раскопки Н. А. Кокориной), в постройке конца XIII–XIV вв. (*илл. 222*). На форме из Булгара, кроме того, имеется негатив для отливки креста-тельника, а также ещё одного височного кольца с окончаниями в виде петелек,

илл. 222. Каменная литейная форма из Булгара, конец XIII–XIV вв. Раскопки Н. А. Кокориной

илл. 223. Каменная литейная форма из Булгара, конец XIII–XIV вв. Обратная сторона. Раскопки Н. А. Кокориной

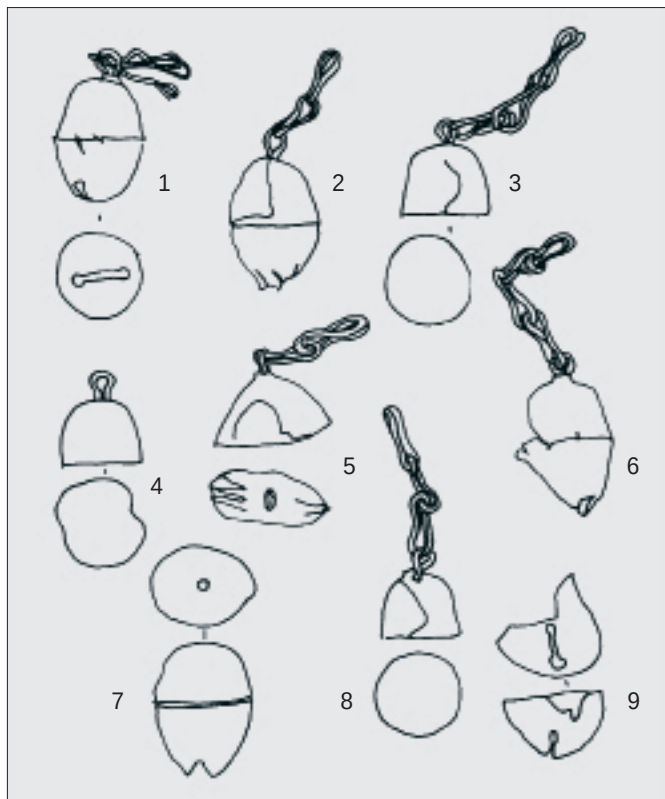
илл. 224. Схема конструкции филигранного височного кольца (по К. А. Руденко)

с имитацией скани и нескольких маленьких бусин [Кокорина, 2001, с. 213, рис. 1] (*илл. 223*). Серебряные отливки такого типа височных колец известны из Смоленска в слое рубежа XIII–XIV вв., а в целом этот тип украшений распространялся в Северо-Западной и Северо-Восточной Руси в XII – начале XIII вв. [Асташова, 1990, с. 96, рис. II-2].

В коллекции НМ РТ имеется экземпляр однобусинного кольца (*рис. 30-4*). Однако в данном случае это – литая копия русского украшения: с воротничками у краёв бусины, массивной дужкой и без зерни, точнее без её имитации.

Филигранные ажурные височные трёхбусинные кольца (тип В1.1) воспроизводили золотые болгарские изделия и относятся к продукции школы «В» болгарских златокузнецов (*рис. 28-4, 5, 8*) [Руденко, 2011б, с. 65]. Конструктивные элементы у них те же, что и у золотых изделий (*илл. 224*). Количество таких украшений невелико: пара колец из собрания НМ РТ (Именьковский клад) и пара из НКЦ «Казань» (*кат. №№ 147, 148*). Ещё несколько экземпляров имеется в частных коллекциях. Так же копирует золотую подвеску типа А2 (*рис. 28-2*) серебряное височное кольцо типа В1.2.

Необходимо отметить одну деталь этих украшений. Это – привески на цепочках в виде бусины цилиндрической формы. Если говорить о золотых украшениях, то на них эти привески стандартны по форме и размерам (*кат. № 393*), что даёт основание предполагать, что они могли изготавливаться отдельно от основной части украшения. В собрании ГМИИ РТ имеется одна привеска, которая отличается оформлением

илл. 225. Серебряные желудевидные подвески и подвески-бубенчики (1,2,7). Собрание НМ РТ

(кат. № 388). Вместо нескольких поясков скани, закрывавшей место соединения двух частей привески, здесь на шов напаяны небольшие полые шарики. Эта интересная инновация – вероятно, плод творчества либо приезжего мастера, работавшего в Бугарии, либо местного ювелира, экспериментировавшего с новыми технологиями. Небольшие полые шарики на бугарских украшениях практически не встречаются. Использование такого приёма чаще фиксируется на серебряных древнерусских украшениях, например колтах из Старой Рязани [Даркевич, Борисевич, 1995, с. 73, рис. 37; Жилина, 2010, с. 100, рис. 51].

Бусины-привески из серебра встречаются и упрощённого вида: сделанные из двух штампованных полусфер и соединённые пайкой без скани (илл. 225). Реже встречается использование узкой серебряной полоски или раскованной проволоки на месте соединительного шва. Такие, например, встречены в Юловском кладе [Полесских, 1978, с. 245, рис. 3].

В ряде случаев на бусине в нижней части делалась узкая прорезь – тогда бусина могла быть ещё и бубенцом. Такие привески использовались в бугарских украшениях чаще всего в XIII в. (в коллекции НМ РТ часть их происходит с плетёных шейных гривен). Иногда они дополнительно скреплялись изнутри длинной шпилькой, проходившей сквозь бусину (стержень шпильки вставлялся через специальные отверстия в верхней и нижней части бусины) и оканчивавшейся петельками с обоих концов. В этом случае они были частью цепочек. Как правило, такие бусины не использовались как само-

илл. 226. Серебряные трёхбусинные кольца из находок на Золотарёвском археологическом комплексе (Пензенская область)

стоятельные украшения. Не использовали их и в височных украшениях. Это – исключительно элемент декора каких-либо других украшений. Судя по привескам к нескольким бугарским гривнам, из-за простоты конструкции и производства такие бусины могли изготавливаться и в XI–XII вв.

Большее распространение такой тип бусин получил в Посурье (илл. 226), причём как на височных кольцах, так и привесках [Белорыбкин, 2001, с. 28, 29, 43, 44, рис. 14-2-, 3, 6-16; 15-1-17; 24; 25-7-10]. Но здесь они большего размера, иных пропорций и закреплены на медной дужке пайкой. Г.Н. Белорыбкин отмечает, что они выполнены из низкопробного серебра и были местного изготовления. Он предполагает, что вместо скани на них накручивалась льняная нить [Белорыбкин, 2001, с. 41]. Это, безусловно, местный тип таких украшений, с бугарскими изделиями имеющий лишь общее типологическое сходство. Причём здесь же встречены и сходные варианты таких поделок – со сканью и зернью, с колечками для подвешивания цепочек с привесками и т.п., но более крупного размера и грубой выделки. Посурье, в силу своего географического положения имевшее широкие связи как с кочевым миром, так и с русскими землями [Винничек, Киреева, 2011], дало оригинальные типы изделий, которые встречаются в Бугарии.

ДАТИРОВКА

Однобусинные кольца типа А1, судя по материалам могильника Такталачук, где они найдены, бытовали в XIV в. [Казаков, 1978, с. 70].

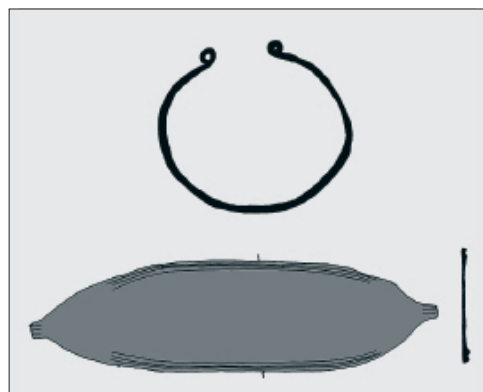
Датировка филигранных серебряных украшений установлена нами по исследованиям аналогичных золотых изделий [Руденко, 2011б, с. 145–158]. Филигранные серебряные подвески (тип В1.1) были производными от золотых и изготавливались в XII в., возможно, во второй половине столетия. Не противоречит этому и датировка предметов клада, в котором они были найдены.

Клад серебряных украшений и слитков, в котором находились и серебряные филигранные височные подвески, был обнаружен в 1962 г. у с. Именьково Лаишевского района Татарстана и в настоящее время хранится в НМ РТ (инв. № 14576; Акт № 3154 от 21.08.1962) (табл. Е).

СПИСОК ПРЕДМЕТОВ ИЗ ИМЕНЬКОВСКОГО КЛАДА

№ п/п	Инв. №	Наименование	Кол-во	Размер (см)	Вес (г)
1.	14576-44	Гривна шейная	1	26 x 22	191,7
2.	14576-1	Браслет плетёный	1	7 x 5,5	Вместе 303,8
3.	14576-2	Браслет плетёный	1	7 x 5,5	
4.	14576-3	Браслет плетёный	1	7 x 5,5	
5.	14576-4	Браслет плетёный	1	7 x 5,5	
6.	14576-5	Браслет плетёный	1	7 x 5,5	
7.	14576-6	Браслет плетёный	1	7 x 5,5	
8.	14576-7	Браслет плетёный	1	7 x 5,5	
9.	14576-8	Браслет плетёный	1	7 x 5,5	
10.	14576-10	Браслет пластинчатый, широкий	1	5 x 3,5	17,5
11.	14576	Перстень с 4-угольными чёрными (?) пластинками	1	1,5 x 1,5	Вместе 15,8
12.	14576-16	Перстень с 4-угольными чёрными (?) пластинками	1	1,5 x 1,5	
13.	14576-43	Филигранная височная подвеска (привески и напусчные бусины деформированы)	1	8,3 x 3,5	15,8
14.	14576-42	Филигранная височная подвеска (1 привеска утрачена)	1	8,3 x 3,5	13,5
15.	14576	Перстень несомкнутый, без пластинок	1	1,5 x 1,6	3,02
16.	14576	Слиток серебра	1		Вместе 390, 6
17.	14576	Слиток серебра	1		
18.	14576	Слиток серебра	1		
19.	14576	Обломки изделий (?)	?		

* Голубым цветом выделены предметы, с которыми удалось ознакомиться в фондах НМ РТ

илл. 227. Серебряный браслет из Именьковского клада (Паишевский район РТ), XII–XIII вв. Прорисовка К. А. Руденко

илл. 228. Фрагмент медного браслета из Билярского городища, XII – начало XIII вв. Собрание БГИАПМЗ

В его составе были шейная плетёная гривна (**кат. № 249**), рубленные слитки серебра, пластинчатый браслет (**кат. № 146**) и несколько перстней (**рис. 40**). Слитки серебра, аналогичные тем, что встречены в этом кладе, ранее XI в. не встречаются, при этом они имели хождение в основном в XII – начале XIII вв., может быть, и весь XIII в. Серебряная гривна с подвесками, бубенчиками, соединёнными пайкой, датируется XI–XII вв.

Также эту дату подтверждает и широкий серебряный разомкнутый пластинчатый браслет с загнутыми в трубочку тонкими окончаниями и небольшими закраинами с краёв (пластинчатые закраинные браслеты, по терминологии А. Е. Алиховой) из этого клада (**илл. 227**). Фрагменты медных браслетов этого типа (3 экз.) найдены в Биляре (БГИАПМЗ, инв. № 641/122, **илл. 228**). Несколько таких изделий встречено в подъёмном материале с Золотарёвского поселения в Пензенской области [Белорыбкин, 2001, с. 54, рис. 31-1, 8]. Аналогичный браслет обнаружен в женском погребении № 247 мордовского Кельгинского могильника [Кельгинский, 1998, с. 129, рис. 69-16]. Кроме этого браслета, выполненного из цветного металла, в составе погребального инвентаря был плетёный медный (?) браслет со вставками из зелёного стекла, напоминающий болгарские изделия [Кельгинский, 1998, с. 52, рис. 69-13]. Эта находка, не единственная в этом некрополе, позволяет проверить датировку комплекса этого захоронения. Такой же плетёный браслет с привязанной (!) вставкой из синего стекла был найден в женском погребении № 140. Здесь находился рубчатый бронзовый перстень XI–XII вв. Фрагмент плетёного браслета был в погребениях № 141 и № 199. В последнем погребении были ещё оборванная цепочка с характерным плетением и скульгама [Кельгинский, 1998, с. 73, 105, рис. 14-8, 16; 46-2, 6].

Пластинчатые браслеты рассмотренного типа у мордвы редкость, как и плетёные браслеты. Последние в XI–XII вв. на Цне и в Притешье встреча-

ются не часто, причём все они разного типа плетения: есть с плотным плетением, встречены даже браслеты с основой из бронзовой пластины [Мартянов, 2001, с. 269, 277, 278, рис. 138; 139]. В.Н.Мартянов датировал все браслеты из могильников мордвы Притесья XI–XII вв. [там же, с. 269]. Судя по материалам мордовских могильников VII–X вв., где такие изделия отсутствуют, плетёные браслеты появляются у мордвы не ранее XI в. [Петербургский, 2011]. Изготовление пластинчатых закраинных браслетов с закрученными концами относится ко второй половине XII – началу XIII вв.

Судя по материалам Муранского могильника (погребение № 103, раскопки 1893 г.) [Алихова, 1954, с. 277, рис. 18-10], пластинчатые закраинные браслеты этого типа бытовали на протяжении всего XIII в. и прекратили хождение только в XIV в. В XIII в. они в ряде случаев декорировались – на одном из них была отщипнута небольшая розетка [Алихова, 1954, с. 277, рис. 18-11].

Таким образом, Именьковский клад датируется XII – первой половиной XIII вв. XI–XII вв. датирован клад болгарских серебряных ювелирных украшений с Юловского городища в Пензенской области, найденный в 1969 г. [Полесских, 1978, с. 246, 247, рис. 3]. В нём были одно серебряное трёхбусинное височное кольцо типа Б1.3 и серебряный круглощитковый перстень с зерневым декором, близкий находке из Спасского клада. Юловский клад интересен тем, что за одним исключением (крупное трёхбусинное кольцо, соединённое вместо скани гладкой проволокой на месте пайки) представляет собой болгарский импорт, что отметил Р.М.Полесских.

Дату XI–XII вв., судя по опубликованным данным, дают и материалы раскопа XVII Билярского городища, где было найдено кольцо типа А2.4 [Хузин, 1995, с. 173, с. 44–47, рис. 5].

Таким образом, болгарские серебряные височные трёхбусинные кольца со скано-зерневым декором датируются в целом XI–XII вв. (заходя в первую половину XIII в.). Височные кольца с подвесками изготавливались и бытовали в XII в. – начале – первой половине XIII в. Филигранные подвески датируются XII (возможно, второй половиной столетия) – началом XIII вв. Однобусинные кольца без привесок – XIV в., возможно, что этот тип получил распространение со второй половины XIII в., судя по материалам могильника Мартышкина Балка [Прокофьев, 2009, с. 110, рис. 3-14].

Отметим, что медные и бронзовые однобусинные височные кольца и серьги у болгар бытовали в XI–XIII вв. (илл. 229). Однако их серебряных аналогов, даже без скани и зерни, пока не встречено.

илл. 229.
Бронзовая серьга.
Билярское
городище,
XI–XIII вв.
Собрание НМ РТ

ОСОБЕННОСТИ БУЛГАРСКИХ ВИСОЧНЫХ КОЛЕЦ СО СКАНЬЮ И ЗЕРНЬЮ

В отличие от других серебряных болгарских изделий, скань и зернь на височных кольцах, подвесках, серьгах использовались очень ограниченно. Скань или её имитация выполняла функцию, чаще всего, практическую: фиксировала напускные бусины, закрывала паяный шов на бусинах и т.п. Зернь была по отношению к ней вторичной. По сравнению с золотыми серебряные подвески украшались очень скупо.

Характерные черты болгарских серебряных височных украшений со сканью и зернью:

1. Основной формой серебряной височной подвески у болгар в XI–XII вв. было кольцо с тремя напускными бусинами. Массово не изготавливались однобусинные кольца; не известны случаи изготовления двух-, четырёх-, пятибусинных колец.

2. Кольцо у подвесок всегда разомкнутое, с ровно обрубленными окончаниями. Не встречаются кольца с расплюснутыми окончаниями или с завёрнутыми в трубочку. Они характерны для привозных изделий или местных изделий, сделанных по иноземным образцам.

3. Мастера при изготовлении использовали медную основу кольца, покрывая её тонкой серебряной фольгой. Этот приём всегда практиковался для филигранных украшений, видимо, благодаря опыту болгарских златокузнецов.

4. Напускные бусины делались из двух половинок, которые соединялись пайкой (филигранные с помощью двух полых биконусов, соединённых основаниями), образовавшийся шов прикрывался сканой проволокой, иногда между проволочками напайвалась мелкая зернь.

5. Ни разу не зафиксировано использование золочения или какого-либо другого способа дополнительного декорирования подвесок.

6. Филигранные изделия являлись точной копией золотых подвесок, воспроизводя их даже в деталях.

7. На серебряных подвесках использовалась только цельнолитая зернь. Полной зерни или её имитации не отмечено.

8. Случаев использования штампованной проволоки (т.н. катушечной филигрانی) на болгарских изделиях не зафиксировано.

Эти приёмы не были исключительно болгарскими – в той или иной степени они использовались ювелирами ближнего и дальнего зарубежья Волжской Булгарии. Даже хронологически многие из них применялись спустя несколько столетий на различных украшениях. Например, плотная навивка сканой проволоки использовалась для украшения серёг в виде знака вопроса в XVI–XVII вв. [Наследие, 2007, с. 144, рис. 78-1,2; 79-1,2,4]. Ряд особенностей болгарских изделий, вероятно, имел причину техническую. Так, тонкая золотая фольга использовалась для изготовления филигранных изделий не только из-за дефицита драгоценного металла, но и потому, что она была оптимальна для пайки зерни и скани [Уильямс, Огден, 1995, с. 28]. Серебро в этом отношении уступает золоту, но болгарские ювелиры смогли преодолеть это препятствие. Интересно, что болгары мало использовали

рубчатую проволоку (катушечную филигрань), широко распространённую в ювелирном деле с VII в. до н. э. [Уильямс, Огден, 1995, с. 24].

ВИСОЧНЫЕ УКРАШЕНИЯ СО СКАНЬЮ И ЗЕРНЬЮ, ПРИВОЗИВШИЕСЯ ИЛИ ПРОИЗВОДИВШИЕСЯ НА ТЕРРИТОРИИ БУЛГАРИИ ДЛЯ ИНОЗЕМЦЕВ

В Булгаре найдены русские серебряные височные кольца и звёздчатый колт. Они проанализированы и опубликованы М. Д. Полубояриновой [1991, с. 26–28]. В их числе – трёхбусинные кольца, опубликованные в XIX в. И. И. Толстым и Н. П. Кондаковым, а также ряд находок из раскопок XX в. Эти височные кольца имеют характерные окончания дужки: одно – раскованное в щиток ромбической формы; другое – в виде петельки. Полые бусины украшены кружочками из скани. Это изделие было найдено в полуземлянке середины XIV в. русского посёлка в Булгаре. В этом же районе было обнаружено ещё одно височное трёхбусинное кольцо, только без скани, но с позолотой. Ещё одно такое кольцо имеется в коллекции НМ РТ с этого памятника (*илл. 230*).

Эти височные украшения и их литые копии изготавливались в Булгаре. Здесь было налажено производство украшений по образцам древнерусских.

илл. 230. Серебряное височное кольцо с позолотой из Булгара, XIII–XIV вв. Собрание НМ РТ

Кроме уже отмеченных литейных форм для изготовления трёхбусинных височных колец (раскопки Т. А. Хлебниковой и Н. А. Кокориной) [Полубояринова, 1991, с. 28, рис. 7-1; Кокорина, 2001, с. 213, рис. 1], с территории этого памятника происходят литейные формы для отливки бусин для ожерелий (барм), имитирующих древнерусские серебряные оригиналы со сканью и зернью. Это копия (как по размерам, так и по оформлению) серебряных бусин от оплечий из двух кладов из Старой Рязани (1937 и 1970 гг.), а также из с. Исады под Суздалем [Даркевич, Монгайт, 1978, с. 10–11, табл. XIV3;

илл. 231. Серебряная бусина-подвеска. Древняя Русь, XII – начало XIII вв. Собрание БГИАМЗ

Недошивина, 2010, с. 12, фото; Меч и Златник, 2012, с. 261, кат. № 630]. Датируются эти древнерусские украшения XII – началом XIII вв., что позволяет предполагать, что упомянутые выше литейные формы из Болгарского городища, имитирующие детали таких украшений, могут быть датированы XIII в., скорее всего, второй половиной столетия.

Аналогичные литейные формы найдены в Серенске, где они датируются концом XII – XIII вв. [Зайцева, Сарачева, 2011, с. 84, цв. вклейка; Никольская, 1981, с. 226, рис. 48, 49]. Имитационные формы такого рода (правда, чаще всего это формочки для изготовления колтов и браслетов) в конце XII в. появляются в Новгороде, хотя значительное распространение их и изготовленной с их помощью продукции приходится на вторую половину XIII – XIV вв. [Седова, 1978, с. 157].

Встречаются в Булгарии формочки для отливки бусин с имитацией зерни и двух поясков мелких полусфер, дополненных сканым пояском посередине. Известны простые варианты бусин, где декор состоит только из сканого пояса. Датируются эти предметы XII–XIV вв.

Как отмечают исследователи, данные имитационные изделия распространялись на Руси в последней трети XII в., прежде всего, среди горожан в крупных городах: Киеве, Новгороде, хотя и в небольших городках такие изделия имели своего покупателя и были востребованы (например, городище Слободка) [Седова, 1978, с. 153]. Ситуация повторилась и в Булгаре, но чуть позднее – вероятно, в третьей четверти XIII в., когда он, благодаря поддержке монгольской власти, начинает быстро восстанавливаться и становится одним из административных центров Улуса Джучи [Полубояринова, 2003, с. 103–106; Руденко, 2010, с. 25–30]. Зажиточная часть русского населения, проживавшего здесь, заказывала местным ювелирам престижные изделия, не столь изысканные, как на Руси до монгольского нашествия, но представительные. Наряду с этим здесь распространялись и более простые украшения, например, литые и кованные перстни, литые серьги и височные кольца с напускными ажурными бусинами, имевшие хождение как на Руси, так и среди русского населения, жившего в Орде, в том числе и в Булгаре [Полубояринова, 1978, с. 71, 72, рис. 12; 2008, с. 39–40].

илл. 232. Серебряная оправа креста из Булгара. Вторая половина XII в. Собрание БГИАМЗ

илл. 233. Серебряное височное кольцо из IV Елабужского могильника, XI в. Раскопки А. З. Нигамаева. Собрание ЕГИАХМЗ

В контексте этого нужно отметить и находку на Болгарском городище серебряной шаровидной бусины-подвески, украшенной зернью в технике, характерной для древнерусских ювелиров XII – начала XIII вв. (**илл. 231**), а также серебряной с зерневым узором оправы четырёхконечного креста. Орнамент на ней из выложенных треугольников зерни и с обратной стороны маленьких сканых колечек типичен для такого рода украшений [Жилина, 2010, с. 175–177]. Близкая оправа встречена в кладе 1887 г. из Старой Рязани [Даркевич, Борисевич, 1995, с. 62, рис. 22; Жилина, 2010, с. 176, рис. 108-9]. Датируется оправа второй половиной XII в. (**илл. 232**).

Вторым пунктом, где были обнаружены серебряные украшения не болгарского происхождения, является Елабуга, где в 1911 г. был обнаружен клад, в составе которого было четыре трёхбусинных височных кольца «киевского типа» и 17 серебряных слитков. Одно из колец было отремонтировано: утраченная бусина была заменена позолоченной с крупной зернью [Ильин, 1921, с. 18, № 35; Нигамаев, 2005, с. 12].

Здесь же в 1994 г. с napольной стороны Елабужского (Чёртова) городища было обнаружено разрушенное женское захоронение, в котором найдено серебряное однобусинное височное кольцо диаметром около 2,5 см, а также две бронзовые литые «шумящие» привески с длинными цепочками [Нигамаев, 2005, с. 25, рис. 17; 55-15]. Напускная бусина цилиндрической формы с маскирующим пояском из узкой полоски серебра, наложенной на место соединения двух половинок бусины между двумя рядами скани и зерни. Она идентична таким украшениям из могильников камских финнов XI–XII вв.

Второе серебряное однобусинное височное кольцо (**илл. 233**) было найдено в 2001 г. в погребении № 1 языческого IV могильника в исторической части Елабуги, принадлежавшего местному финскому населению [Нигамаев, 2005, рис. 18; 75-20]. В составе погребального инвентаря этого захоронения (женское, 20–30 лет) были стеклянные глазчатые бусины, медная ногтегистка с двумя подвесками из цепочек, завершающимися бутылчатými привесками, железный нож и круговая керамическая кружка [Нигамаев, 2005, с. 32, рис. 14; 16; 75-1-17,23; 63-4]. Бусы, как и остальные предме-

ты, датируются в пределах XI в. По мнению исследователя, этот некрополь имеет наибольшую близость к могильникам бассейна р. Чепцы и датируется концом X – первой половиной XII вв. [Нигамаев, 2005, с. 33]. Серебряное однобусинное кольцо из этого захоронения – подражание болгарским изделиям – имеет полные аналогии в находках Кузьминского могильника в Удмуртии и отличается наличием характерных «рёбрышек» из сканой проволоки, закреплявших бусину на кольце. Аккуратно наложенная зернь, тонкая витая проволока и полоска гладкой (?) проволоки, соединявшей две половинки бусины, говорят в пользу того, что это украшение выполнил опытный ювелир, имевший навыки работы в этой сфере деятельности и хорошо знавший приёмы болгарских ювелиров.

Таким образом, в болгарских крупных городах, где проживали иноземцы, местными ювелирами было налажено производство изделий по образцам характерных для тех регионов, откуда были родом приезжие. Можно предположить, что копировались те предметы, которые привозились из тех мест, где жили их владельцы. При этом, судя по находкам, в Булгар привозились и оригинальные изделия, например древнерусские бармы и колты.

В тех районах Булгара, Биляра, Джукетау или какого-то другого болгарского города, где проживало неболгарское население, могли работать и ремесленники, переехавшие сюда и выполнявшие заказы как своих соплеменников, так и других горожан, изготавливая уже характерные для местной культурной среды украшения, но при этом, в силу привычки и приобретённых на родине навыков, внося новые элементы в традиционные технологические приёмы болгарских ювелиров.

Нельзя исключать вариант, что эти украшения привозились непосредственно из мест производства в Прикамье, но более вероятно, что на периферии Булгарии, в Восточном Предкамье, работали местные ювелиры, которые какое-то время изготавливали и украшения по традиционным технологиям, а также подражания болгарским изделиям, например однобусинные височные кольца. Такие мастера или мастер могли работать в разных городках болгарской периферии не постоянно, а эпизодически, исходя из заказов на продукцию.

НАХОДКИ БУЛГАРСКИХ ТРЁХБУСИННЫХ ВИСОЧНЫХ КОЛЕЦ ЗА ПРЕДЕЛАМИ БУЛГАРИИ

Как и в случае с черневыми изделиями, болгарские трёхбусинные кольца в скано-зерновой технике выходили за пределы самой Булгарии крайне редко. Оригинальные изделия встречены на Золотарёвском поселении – височное кольцо типа Б1.2 [Белорыбкин, 2001, с. 45, рис. 26], а также, вероятно, две серебряные височные подвески с прикреплёнными на цепочках привесками. Они аналогичны типу А.2.3. Как отмечалось, этот тип подвесок датируется XIII в. При этом они изготавливались не только в Волжской Булгарии, или уже в Булгарском улусе Золотой Орды, но и в каких-то других местах. География их распространения – от Южного Урала до Самарской Луки и Свияги. Они, как правило, встречаются с украшениями конского снаряжения, а также с цепочками, к которым прикреплены аналогичные бусины-привески.

Г.Н.Белорыбкин причисляет к болгарским фрагменты височных подвесок, украшенных сканью и зернью, считая, что они поступили в Посурье в качестве сырья или были утилизированы после поломки [Белорыбкин, 2001, с. 41, 46, рис. 27-2-4, 9-12]. Но они, скорее всего, являются только копиями или подражаниями оригинальным болгарским украшениям.

Несколько трёхбусинных височных подвесок типа А2.1 (3 экз.) меньшего размера, чем те, которые известны с болгарских памятников, найдено в захоронениях Кузьминского могильника в Удмуртии (погребения №№ 91 и 98 и сборы с поверхности могильника) (илл. 234) [Иванова, 1992, рис. 11-27-29; Иванова, Куликов, 2000, с. 27, кат. №№ 44–46]. Интересно, что в погребении №98 найдены два височных кольца, одно из них было однобусинным, но сделанное с использованием сканой проволоки на напускной бусине – подражание болгарским изделиям [Иванова, 1992, рис. 11-22]. Характерно, что в этих погребениях (оба захоронения женские) встречено значительное количество стеклянных бусин.

илл. 234. Серебряные серьги и височное кольцо из Кузьминского могильника в Удмуртии, XI – начало XIII вв. Раскопки М. Г. Ивановой (по М. Г. Ивановой и К. И. Куликову)

КОПИИ И ПОДРАЖАНИЯ БУЛГАРСКИМ ВИСОЧНЫМ ТРЁХБУСИННЫМ КОЛЬЦАМ

Копии. Наиболее ярко копирование болгарских скано-зерневых подвесок проявилось на материалах Золотарёвского поселения, которое на раннем этапе своего существования (вторая–третья четверть XI в.) было центром болгарской западной колонии, включавшей ещё несколько городищ в Посурье (Юловское, Неклюдовское). Золотарёвское поселение потеряло свою функцию колониального центра в конце XI в., а его население при сохранении контактов с бывшей метрополией и начало интегрироваться в местную мордовскую культуру. Этот процесс был прерван монгольским завоеванием.

К сожалению, великолепная коллекция находок с Золотарёвского поселения, опубликованная Г.Н.Белорыбкиным [2001], происходит практически вся из подъёмного материала, что лишает нас археологического контекста и сильно затрудняет датировку артефактов. Находки из раскопок 1980–1990-х гг. других памятников этого региона практически не опубликованы, за исключением небольших статей обзорного плана [Полесских, 1978; 1981]. Приходится только сожалеть об этом, поскольку средневековые городища Посурья дают единственный пока пример копирования и переработки болгарских ювелирных украшений из серебра, как и импорт таких изделий, в том числе височных колец с тремя напускными бусинами.

Копии болгарских изделий, отличающие их от оригинала, «выдают» мелкие детали: использование тонкой проволоки для изготовления кольца без обтяжки серебром, специальные отдельные сканые колечки-фиксаторы у основания напускных бусин, даже при навивке скани между бусинами, непропорционально большие или, наоборот, меньше размером, чем у оригинала бусины, видоизменённая форма бусин, введение новых элементов в конструкцию (например, использование гладкой проволоки вместо сканой).

Подражания. Подражаний болгарским изделиям немало, однако определить, что именно болгарские образцы стали объектом этого действия, затруднительно. Важно, чтобы при воспроизведении соблюдались, хотя бы частично, основные композиционные и, в какой-то степени, технологические принципы оригиналов. К числу таких изделий можно отнести поломанную серебряную однобусинную (?) подвеску из сборов на поверхности Качкашурского могильника, датированного IX–XIII вв., с преобладанием предметов X–XII вв. [Иванов, 1991, с. 153, рис. 5-12; 1998, с. 247, рис. 62-14]. Она точно соответствует болгарским изделиям, вплоть до треугольников мелкой зерни на вершинах декоративных зерневых треугольников на обеих половинках напускной бусины; пояска из зерни между двумя скаными проволочками на месте соединительного шва на бусине. Однако здесь мы видим отсутствие навивки проволоки, колечки-фиксаторы у основания бусины и характерное для Прикамья «рёбрышко».

ТРЕХБУСИННЫЕ ВИСОЧНЫЕ КОЛЬЦА, НАЙДЕННЫЕ ЗА ПРЕДЕЛАМИ БУЛГАРИИ И АТРИБУТИРОВАННЫЕ КАК БУЛГАРСКИЕ

Трёхбусинные височные кольца – не редкая находка на археологических памятниках Пермского Прикамья и бассейна р. Вычегда. В Пермском Прикамье имеется несколько больших городищ, где при раскопках зафиксирована болгарская керамика, а в могильниках, расположенных в этом районе, встречено много серебряных украшений в скано-зерновой технике. Самое крупное городище – Рождественское и могильник, относящийся к этому поселению [Белавин, Крыласова, 2008], вероятно, в какой-то момент было колониальной базой Волжской Булгарии, однако быстро утратило эту функцию, оставшись только торговым пунктом (правда, тесно связанным в Булгарию), куда прибывали болгарские купцы.

Серебряные украшения в скано-зерновой технике с этого памятника, датированного концом X–XIV вв., и синхронных могильников, преимущественно конца X–XII вв., атрибутировали как болгарские. Из них трёхбусинных височных колец немного: одно с городища Анюшкар, и ещё одно из Пермского клада [Белавин, 2000, с. 74, рис. 27-4,5]. Такие же височные кольца встречены в Вымских могильниках (**рис. 32-14**). Эти изделия имеют внешнее сходство с болгарскими, представляя собой кольца с тремя напускными бусинами. Однако они имеют принципиальные отличия.

Большая часть опубликованных височных трёхбусинных колец из Вымских могильников имеет раскованные окончания дужки с отверстиями, вероятно связанные с креплением украшения к очелью, что, собственно, и подтверждается сохранившейся полной конструкцией (**рис. 32-20**). Наличие такого рода застёжек, аналогичных древнерусским на трёхбу-

синных височных кольцах [Жилина, 2010, с. 119, рис. 64-6,7], отделяет эти изделия от болгарских, где такие окончания кольца не встречаются. Аналогичное крепление можно видеть и на однобусинных височных кольцах из Кузьминского могильника, расположенного в бассейне р. Чепца в Удмуртии (**рис. 33-2,3**), как серебряных, так и медных [Иванова, 1992, рис. 11-24]. Отметим, что такое крепление встречается на значительной части однобусинных колец в Прикамье (**рис. 32-15**).

В случаях, когда крепление в виде раскованных пробитых окончаний дужки отсутствует (**рис. 32-16**), сама дужка имеет разрыв с ровно срезанными окончаниями. Это само по себе не является диагностирующим признаком, но на таких украшениях, как правило, отсутствует навитая между бусинами скань, как это делалось на болгарских украшениях. В этом случае бусины закреплены с помощью сканых колечек либо иной конструкции. Последняя представляет собой две сканые проволоочки, которые закреплены у основания крайних бусин в 1–1,5 оборота и далее с боков дужки подняты к замку и там либо припаяны, либо также закреплены в 1–1,5 оборота вокруг дужки (**рис. 33-3**) [Белавин, 2000, с. 74, рис. 27-1-4; Иванова, 1992, рис. 11-18, 19, 23, 24]. Средняя бусина фиксируется между двумя крайними аналогичным способом. Эти своего рода «рёбрышки» являются характерной чертой прикамских ювелирных изделий в отличие от болгарской школы серебрodelия. Они используются не только на височных кольцах с малым количеством напускных бусин, но и на многобусинных (до шести!) височных кольцах, которые встречаются не только в Пермском Предуралье, но и на Урале, и за Уралом (**илл. 235**) [Коллекция, 2011].

Наиболее заметное отличие – использование специальной узкой полоски вместо нескольких рядов скани на месте соединения паяных швов или соединения отдельных частей с помощью зерни на напускных бусинах (**рис. 33-2а**). При этом на однобусинных кольцах встречается и традиционный для болгар приём – размещение на месте соединения пояска

илл. 235. Серебряные височные украшения с зернью и сканью из Зауралья, XII–XIV вв.

из зерни при наличии в то же время «рёбрышек» (**рис. 33-2а**) [Белавин, 2000, с. 74, рис.27-2]. Практически все височные кольца Пермского Прикамья, Средней Камы и на Вычегде (**рис. 32-13-16,20**) сделаны именно так [Наследие, 2007, с. 178-3-5]. Кроме того, на Вычегде это совмещается с пробитыми окончаниями дужек.

Выяснение происхождения этих черт ювелирной продукции Прикамья не входит в нашу задачу. Тем не менее, стоит коснуться вопроса, когда стали проявляться эти особенности, и встречаются они где-либо помимо Прикамья и Зауралья. Использование пластинки металла для маскировки соединительных швов наблюдается на серебряных бусинах с зернью из барм клада во Владимире XII – начала XIII вв. из собрания ГИМ. Как вариант – вместо пластинки применялась толстая проволока [Меч и златник, 2012, с. 263, 261, кат. №№ 630, 635]. Можно

констатировать, что в XII в. такой приём был распространён на ювелирных украшениях Северо-Востока Руси, Приочья и в Прикамье.

«Рёбрышки» на боковых сторонах дужки – элемент, широко распространённый на височных украшениях как европейской, так и восточной ювелирной традиции. С середины I тыс. н.э. такие детали встречаются на украшениях из Византии, Ирана, а с IX–X вв. и в Древней Руси [Комар, 2012, с. 358, рис.17-1]. Но более широко они представлены в Прикамье, где бытуют с IX в. Например, такие элементы мы видим на булавовидных подвесках с зерновым декором с Варнинского могильника [Иванова, Куликов, 2000, с. 18, кат. №№ 6, 7].

Характерные черты прикамской и болгарской традиций в изготовлении височных колец с напускными бусинами можно видеть в таблице Ж.

таблица Ж

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВИСОЧНЫХ КОЛЕЦ С НАПУСКНЫМИ БУСИНАМИ ПРИКАМЬЯ И ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ

	Булгария	Удмуртия	Пермь	Вычегда
Композиция	одно-, двухбусинные	одно-, двух- и трёхбусинные	от одного до пятибусинных	одно-, двух- и трёхбусинные
Форма	шар, жёлудь	шар, жёлудь, бочонок с «талией»	шар, жёлудь, бочонок с «талией»	жёлудь, бочонок с «талией»
Фиксация напускных бусин	навивка скани	навивка скани, сканая рамочка	навивка скани, сканая рамочка	сканая рамочка, свободное крепление
Конструкция	из двух половинок	1) из двух половинок; 2) из двух половинок и промежуточной шинки – перетяжки	1) из двух половинок; 2) из двух половинок и промежуточной шинки – перетяжки	из двух половинок и промежуточной шинки – перетяжки
Сборка	пайка с фиксацией двумя поясками скани с зерновым сплошным пояском между ними	1) пайка с фиксацией двумя поясками скани с зерновым сплошным или свободным пояском между ними; 2) пайка с фиксацией двумя одинарными или парными скаными поясками	пайка с фиксацией двумя одинарными или парными скаными поясками	пайка с фиксацией двумя одинарными или парными скаными поясками
Украшение бусин	1) симметричные пирамидки зерни, иногда с навершием из строенных шариков; 2) гладкие бусины	1) симметричные пирамидки зерни, иногда с навершием из строенных шариков; 2) гладкие бусины; 3) асимметричные треугольники зерни	1) симметричные пирамидки зерни, иногда с навершием из строенных шариков; 2) гладкие бусины; 3) асимметричные треугольники зерни	1) гладкие бусины; 2) асимметричные треугольники зерни
Подвески на цепочках	есть	есть	нет	нет
Позолота	нет	есть	есть	есть

ЮВЕЛИРНЫЕ ИЗДЕЛИЯ, ИЗГОТОВЛЕННЫЕ ЗА ПРЕДЕЛАМИ БУЛГАРИИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ БУЛГАРСКОЙ ТЕХНОЛОГИИ, ПРИМЕНЯВШЕЙСЯ ПРИ ИЗГОТОВЛЕНИИ ВИСОЧНЫХ КОЛЕЦ С НАПУСКНЫМИ БУСИНАМИ

В Прикамье широкое распространение получили калачевидные и лунничные подвески (рис. 32-7, 8). В Бугарии этот вид украшений очень редкий. Встречаются единичные литые из бронзы копии таких украшений. Калачевидные украшения из золота и серебра изготавливались в Прикамье с X в., о чём свидетельствуют многочисленные находки с городища Иднакар и некрополей этого микрорегиона (илл. 236) [Иванова, Куликов, 2000, с. 24, кат. 34, 35; Руденко, 2011, с. 48, илл. 42, 43]. Эти изделия получили широкое распространение от северо-востока Руси до Среднего Прикамья, а также встречаются на Урале и в Зауралье. Прикамское влияние в отношении распространения таких украшений в первой половине XI в. на северо-русские земли отметил Н. А. Макаров [Макаров, 1989, с. 60–61].

С XI в. серебряные как прикамские височные украшения, так и аналогичные с Вычегды стали украшаться на одном изделии комплексом декоративных элементов, включавших скань, зернь и вставки из стекла или поделочных камней (илл. 237). На них встречается позолота; нередко вместо скани использована штампованная проволока (рис. 33-1а). На дужку напаивалась мелкая зернь, сложенная ромбиками, смыкающимися вершинами и образующими короткую цепочку (рис. 33-1в) [Белавин, 2000, с. 74, рис. 27-25, 26].

илл. 237. Серебряные однобусинные серьги из Кузьминского могильника в Удмуртии, XI – начало XIII вв. Раскопки М. Г. Ивановой (по М. Г. Ивановой и К. И. Куликову)

Иногда части дужки в нижней части полностью покрыты мелкой зернью. Не позднее XII в. при изготовлении таких украшений, как и на других украшениях из Прикамья, появляется специальная полоска, разделявшая декоративные орнаменты из зерни, иногда – в сочетании со сканью или (что встречается чаще) штампованной проволокой (катушечной филигранью). Такие полоски металла имеют предшественников – гладкую проволочку, разделявшую зерновые пояски на ювелирных украшениях из золота (накладки перстня, наконечников ремней, подвески и т. п.), встреченные, например, в Кудашевском могильнике конца IV – начала V вв. н. э. в Удмуртии [Наследие, 2007, с. 132, 133, рис. 66:67]. Эти предметы импорта в Прикамье не доказывают прямую связь между технологией изготовления ювелирных украшений середины I тыс. н. э. и начала II тыс. н. э., тем не менее, они позволяют определить общее направление заимствований – вероятно, юг, юго-запад от Прикамья и Средней Волги: Кавказ, Балканы, византийское пограничье [Перевозчикова, 2011а, с. 97].

Все вышеперечисленные элементы бугарские ювелиры в своей работе не использовали. Однако от бугар эти прикамские украшения получили своеобразное дополнение – напускные бусины, зафиксированные пайкой, зернью и сканой проволокой, в виде «рёбрышка» (последнее было уже собственным изобретением). Посередине напускной бусины, на месте соединения, помещён поясок зерни между двумя скаными проволочками [Иванова, 1992, рис. 11-32]. Встречаются такие напускные бусины на боковых сторонах дужки подвесок, найденных на территории от Днепра до Дуная, задолго до появления бугар на Средней Волге и появления такого типа калачевидных подвесок ещё в VII–IX вв., на серьгах

илл. 236. Клад серебряных калачевидных серёг с городища Иднакар (Удмуртия), X в. Раскопки М. Г. Ивановой (по М. Г. Ивановой и К. И. Куликову)

«волинского типа» X в. [Рябцева, 2005, с. 24, 79, 80, рис. 2-8; 10]. Прямую связь здесь обнаружить вряд ли возможно. Вопрос о влиянии восточноевропейской моды на ювелирное дело в Прикамье только начал изучаться.

С IX в. Прикамье выступает в качестве поставщика ювелирных украшений с использованием зерни и скани [Перевозчикова, 2011а, с. 97], и вышеперечисленные признаки берут своё начало именно в этот период. Булгарские ювелиры к дизайну традиционных прикамских украшений стали обращаться в XI в. и особенно часто в XII в. Они не изменяли форму и основные элементы конструкции, а привносили в них некоторые дополнения, касающиеся прежде всего художественного оформления – приёмы укладки зерни, форма деталей и т.п. Судя по немногочисленности этих изделий, выделяющихся на общем фоне по характерным для болгарского стиля признакам, их делали именно болгарские мастера, вероятно, приезжавшие вместе с торговыми караванами и жившие какое-то время в прикамских центрах (например, в Иднакаре), при этом испытывая сильное влияние местных ювелирных школ.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ТРЁХБУСИННЫХ БУЛГАРСКИХ ВИСОЧНЫХ КОЛЕЦ

Трёхбусинные височные кольца появляются у болгар, как и в регионе в целом, в XI в. Ранее предполагалось их эволюционное развитие от простого кольца к более усложнённому варианту – с напускной бусиной. Однако, несмотря на наличие значительного числа серёг и височных украшений в виде кольца с разными вариантами, можно констатировать, что до конца X – начала XI вв. у болгар и их соседей височных украшений с напускными бусинами из драгоценных или цветных металлов не было. Не представлены они в могильниках раннебулгарского времени, например Танкеевском, [Казаков, 1992, с. 177, рис. 63]. Нет их в могильниках ломоватовской и неволинской культур, синхронных по времени некрополям ранних болгар, а также у древней мордвы [Голдина, 1985, с. 210–211, табл. II, III; Воронина, 2007]. При этом в раннебулгарских могильниках, как и в Прикамье в целом, встречаются серебряные серьги [Генинг, Халиков, 1964, с. 55, табл. XIV; Голдина, 1985].

У ближайших соседей болгар – марийцев – височные кольца из цветного металла с напускными бусинами, но без зерни и скани, встречены всего в двух случаях в захоронениях начала XI в. [Никитина, 2012, с. 258, 340, рис. 152-7; 234-5]. При этом в марийском Веселовском могильнике (погр. № 6) был найден серебряный витой (со сканой проволокой) и вставками браслет, каст которого декорирован зерновой пирамидкой. Изделие это, скорее всего, древнерусской работы конца X–XI вв. [ср. Артамонова, 1963, с. 78, рис. 59-2]. В Дубовском могильнике, в захоронении (№ 30), встречен браслет плотного плетения из 4 парных проволочек с шатоном, нижняя площадка которых украшена мелкой зернью [Никитина,

2012, с. 131, 342, рис. 25-6; 236-3]. На этом серебряные предметы с зернью исчерпываются.

В марийских могильниках XII–XIII вв. обнаружено одно серебряное трёхбусинное кольцо со сканью из погребения 1-2 Починковского могильника; скорее всего, русского происхождения (близко типу А2.2, однако окончания разрыва кольца приплюснуты и закручены в трубочку). Другое височное колечко – двухбусинное, медное [Архипов, 1986, рис. 18-3, 4]. Судя по находке в этом захоронении бронзовых браслетов и медного котелка, оно датируется XII–XIII вв. [Архипов, 1986, рис. 28-8, 12, 18. Ср.: Седова, 1981, рис. 39, 40].

Ближайшие районы расселения славяно-финского населения в IX–XI вв. дают единичные находки височных колец с одной или двумя, реже тремя напускными бусинами, причём с завёрнутым в трубочку одним из окончаний разомкнутого кольца [Седов, 1982, с. 233, табл. LIX-9, 10, 12; Зайцева, Сарачева, 2012, с. 166, рис. 81-12-15]. Не исключено, что вариант трёхбусинного кольца со сканым витём между бусинами (бусы при этом соединены пайкой встык) у вятичей являются подражанием болгарским изделиям [Зайцева, Сарачева, 2012, с. 166, рис. 81-14]. Об этом можно судить по самой конструкции украшения. На славянских трёхбусинных височных кольцах одна из напускных бусин крепится простой проволокой, непосредственно завёрнутой петелькой [Тимошук, Русанова, 1988, с. 82, рис. 3-7].

Скано-зерновые височные кольца с напускными бусинами есть в могильнике Саркел-Белая Вежа X–XII вв., однако среди них трёхбусинное только одно (причём сами бусины не сохранились). Кроме того, височные кольца здесь значительно меньшего размера, а многие из них лишены навитой сканой проволоки между бусинами, при этом окончание разомкнутого кольца имеет вид свёрнутой петельки; иногда зернь сама по себе украшала кольцо в виде ажурной или сплошной низки. Напускные бусины, как правило, шаровидные, с выраженными валиками по краям – манжетами [Артамонова, 1963, с. 56, 62, 86, рис. 44-2; 65, справа вверху; 66, вверху]. Такие формы напускных бусин характерны для височных колец как с одной, так и с двумя бусинами, вне зависимости от вида металла – золота или серебра [Артамонова, 1963, с. 93, рис. 69]. Несколько таких маленьких литых височных колец из меди или бронзы с одной бусиной найдены на болгарских селищах XI–XII вв., в частности VI Алексеевском [Руденко, 2000, с. 71, рис. 9-9].

В целом можно констатировать, что распространение височных колец (серёг) с напускными бусинами в Волго-Камье как у болгар, так и у соседних народов приходится на XI в., например, в курганной группе II могильника Пекуновов Тверской обл., датированной по монетам второй половиной XI в. [Равдина, 1988, с. 15, 96; кат. № 158; табл. 8-2]. Это явление связано с эпохальной модой, и найти прототипы конкретных изделий вряд ли возможно. Не исключено, что было несколько центров, откуда трёхбусинные кольца могли распространиться. А наиболее вероятным местом, откуда это заимствование могло прийти, представляются территории к юго-западу от Средней Волги.

Отдалённые предшественники таким подвескам (чаще всего однобусинные со сканью и зернью) можно найти в ви-

илл. 238. Серебряные однобусинные серьги с зернью и сканью из Кузьминского могильника в Удмуртии, XI – начало XIII вв. Раскопки М. Г. Ивановой (по М. Г. Ивановой и К. И. Куликову)

зантийских украшениях в аварских могильниках [Garam, 1993, s. 154, 194, taf. 29-1,2; 69-2,3]. Само по себе использование височных колечек из медного витого прутка с «напущенными» на него стеклянными бусинами на Нижней Каме зафиксировано еще в V в. н.э. [Старостин, Кузьминых, 1978, с. 171, рис. 2-1, 2, 6, 7]. Но этот тип украшений в исполнении в серебре в дальнейшем не развился и прямой генетической связи с булгарскими украшениями не имеет.

Трёхбусинные серебряные кольца с зернью и сканью, характерные для булгар в XI–XII вв., изготавливавшиеся как из золота, так и из серебра (**рис. 29**) в это же время на Средней Каме в районе Иднакара, ближайшем от булгар центре торговли и ремесла, замещались однобусинными кольцами местного производства гораздо меньшего размера и иного дизайна [Иванова, 1992, рис. 11].

Если мы обратимся к материалам могильников Прикамья, то заметим, что в тех из них, которые функционировали в IX – начале X вв. (Тольёнском), височных колец с напущенными бусинами нет [Семёнов, 1988, с. 31]. Только в XI в. они появляются в составе погребального инвентаря.

При всей схожести с булгарскими изделиями, при детальном рассмотрении украшения из могильников Северной Удмуртии [Иванова, Куликов, 2000, с. 26, 27, фото 40–46] имеют некоторые отличия, на которые мы обратили внимание ранее. Это: наличие расплюснутых окончаний со сквозными отверстиями; специфических «рёбрышек» из скани, которые создают эффект дополнительного объёма и придают украшению особую декоративность, плотное заполнение поверхности напускной бусины крупной зернью (**рис. 30-2, 2а**) (**илл. 238**).

Кроме того, на височных кольцах, найденных в погребениях № 20 и № 156 Кузьминского могильника в Удмуртии, фиксируется популярный для этой территории и периода конструктивный приём – заменять или дополнять сканные пояски на месте стыковки полусфер напускных бусин узкой пластинкой серебра, закрывавшей стыковочный шов, тем самым несколько изменяя пропорции и общий контур бусины, придавая ей и всему изделию в целом массивность (**рис. 33-3, 3а**). При этом и «рёбрышки», и расплюснутые концы разомкнутого кольца остались неизменными. Интересно, что варианты вышеописанных сканных изделий производились и из меди,

где повторялись все детали, за исключением разве что расплюснутых окончаний разомкнутого кольца; иногда колечко полностью отливалось из медного сплава, но не с одной, а с двумя бусинами.

Складывается впечатление, что ареал распространения ювелирной продукции, встреченной в Кузьминском и других могильниках Северной Удмуртии был очень компактен; причём здесь ювелирные изделия производились из серебра и меди, как литьём, так и в комбинированной технике. Декорировались они зернью и сканью. Ещё одним памятником, где фиксируются ранние формы таких деталей конструкции и сборки скано-зерневых височных колец, является Кишертский могильник в Пермском крае, начало функционирования которого относится ко второй половине – рубежу XI–XII вв., а финал – к XIII в., точнее до монгольского нашествия 1230-х гг. [Пастушенко, 2006, с. 54].

Что касается самой скани и зерни, то ею украшены несколько изделий в раннебулгарском Танкеевском могильнике (например, височная булавовидная подвеска прикамского типа). Такие подвески были широко распространены в среднем и верхнем течении Камы в IX–X вв. (**илл. 239**). Линия их развития продолжилась и в последующем: в бассейне Чепцы они встречаются в XI в. [Иванова, Куликов, 2000, с. 23, кат. № 30, 31]. Интересно, что уже в X в. у таких подвесок появляются специфические «рёбрышки», которые, правда, сделаны не из сканой проволоочки, а выложены из зерни (**илл. 240**). По мнению В. А. Семёнова, этот тип украшений (по материалам Варнинского могильника) появляется на рубеже IX–X вв. [Семёнов, 1985, с. 111].

илл. 239. Серебряная височная булавовидная привеска из Варнинского могильника в Удмуртии, IX–XI вв. Раскопки В. А. Семёнова (по М. Г. Ивановой и К. И. Куликову).

илл. 240. Серебряная височная булавовидная привеска из Варнинского могильника в Удмуртии, IX–XI вв. Раскопки В. А. Семёнова (по М. Г. Ивановой и К. И. Куликову).

илл. 241. Серебряные височные булавовидные привески из Кузминского могильника в Удмуртии, IX–XI вв. Раскопки М. Г. Ивановой (по М. Г. Ивановой и К. И. Куликову)

илл. 242. Серебряная височная булавовидная привеска из Варнинского могильника в Удмуртии, IX–XI вв. Раскопки В. А. Семёнова (по М. Г. Ивановой и К. И. Куликову)

илл. 243. Серебряная височная булавовидная привеска из Зауралья, XII–XIV вв.

В Пермском Прикамье и Зауралье булавовидные подвески бытуют и в IX–XIII вв. [Белавин, 2000, с. 77]. Ещё одна интересная деталь: в IX в. на таких подвесках появляются в качестве декоративного элемента по сторонам от центральной привески на овальном кольце две напускные бусины, сделанные из двух полых половинок и закреплённые на кольце двумя одинарными поясками скани – «манжетами» (**илл. 241**). В X в. этот элемент варьируется: бусины делаются меньшего размера, дополнительно воссоздаётся архаичная пирамидка зерни на дужке (**илл. 242**) [Иванова, Куликов, 2000, с. 20, кат. №№ 12–13]. Другой тенденцией стало «сокращение» основы самой подвески, от которой осталась лишь бусина, на которой была закреплена вторая бусина меньшего размера с пирамидкой зерни сверху [Шутова, 1999, с. 228, рис. 8].

В целом, настаивать на болгарском происхождении булавовидных подвесок некорректно: они известны только в двух экз. в Танкеевском и Большеитиганском могильниках [Казаков, 1992, с. 73, 177, рис. 21-13; 63-21], и какого они происхождения в этих некрополях – прикамского или болгарского сказать невозможно. Более того, со второй половины X в. и в дальнейшем не известно ни одного факта, свидетельствующего об их изготовлении или бытовании на болгарской земле. Это – прикамское украшение. Эволюция их в IX–XIII вв., когда они стали характерной частью средневекового прикамского костюма, видимо, в какой-то мере отражала и развитие местного ювелирного дела, где зернь занимала особое место. Поздние их образцы встречаются и за Уралом (**илл. 243**).

На серебряных предметах, входивших в состав погребального инвентаря пермских могильников, зернь использовалась избирательно. Художественные образцы декора с её использованием можно увидеть на серебряных ножнах X в. Варнинского могильника [Семёнов, 1980, с. 132, табл. XXVI]

(**рис. 31**). На них же впервые фиксируется штампованная проволока как альтернатива или дополнение к скани. Ранние варианты зерневого узора на серебряных ножнах относятся к IX в.; причём в погребении, где находился кинжал, в этих ножнах встречены сердоликовые бусины, серебряный перстень и пара булавовидных височных привесок, декорированных зернью [Останина, 2011, с. 90, 94, рис. 30-2, 6, 11, 12].

Такие ножны были широко распространены у населения Прикамья с VI в. [Голдина, Лещинская, Черных, Бернц, 2007, с. 153, рис. 87-1, 2] (**илл. 244**), однако сложный зерновой декор и вставки на них появляются только в начале X в. Встречены серебряные ножны в Танкеевском могильнике. Но здесь они либо не имеют зерни, либо украшены ею в незначительной степени [Казаков, 1992, с. 136, рис. 50-11]. Ножи в таких ножнах встречаются в женских захоронениях вместе с рядом других украшений в скано-зерновой технике, в частности полуовальными ремёнными накладками-застёжками [Шутова, 1999, с. 226, 228, рис. 5; 8]. Исключительного качества такие изделия с зернью и вставками, например перстни (**рис. 34-1–3**), были привозными.

Таким образом, трёхбусинные височные украшения распространились у болгар и их соседей не позднее XI в., но происхождение их было разное: у болгар это был заимствованный элемент, у населения Прикамья – результат тоже заимствования, но более раннего, дальнейшей эволюции и параллельного развития новой ветви украшений, возможно булавовидных привесок, видоизменившихся в XI в. в новые формы, уже под влиянием болгарской и древнерусской традиции. Обратное воздействие на ювелирную болгарскую продукцию в этой категории изделий ощущается мало. Серебряные изделия входили в состав болгарского сословного (элитного) комплекса украшений, построенного по опреде-

илл. 244. Серебряная обкладка ножен из Прикамья, VI в. н. э. (по Р. Д. Голдиной, Н. А. Лещинской, Е. М. Черных, В. А. Бернц)

лённым правилам. По крайней мере, это очень строгий набор предметов, выдержанных в одном стиле.

Что касается Древней Руси, то здесь трёхбусинные кольца распространяются с конца X – начала XI вв., но особенно широко в XI в. [Рябцева, 2005, с. 210; Жилина, 2010, с. 145, рис. 79]. Интересно замечание М.В.Седовой, что трёхбусинные височные кольца в Новгороде в 70-х гг. XII в. входили в новый комплекс украшений (часть которого составляли изделия, выполненные в имитационных формах), составлявший единый стилистический убор, сформировавшийся в серебряном исполнении с чернью и финифтью в середине этого столетия [Седова, 1978, с. 157, 158].

Как отмечалось исследователями, Прикамье в IX в. было одним из районов, где оседало значительное количество изделий из драгоценных металлов, прежде всего украшений. Именно отсюда они расходились по соседним регионам, порождая заимствования, копии, подражания уже на местной основе. И к булгарам, в тот период тесно связанным с прикамским населением, эти инновации поступили от него. Косвенно об этом может свидетельствовать тот факт, что болгарские височные кольца «три в одном» (кроме филигранных) основывались не на зерни как доминирующем элементе декора и крепления конструктивных элементов, а на скани, что могло быть связано с южными контактами болгарского государства, в частности Саркелом. Это отличает их и от древнерусских трёхбусинных колец, где ведущим элементом в оформлении напускных бусин были зернь и ажурная филигрань. Кроме того, древнерусские кольца, как однобусинные, так и трёхбусинные, имеют характерные окончания разомкнутого кольца в виде петелек, образованных путём загибания в один оборот окончания дужки [Жилина, 2010, с. 118–119, рис. 63; 64]. В ряде случаев само кольцо разгибали почти до прямого стержня, чтобы использовать его для украшения головного убора (*илл. 245*).

Нельзя полностью исключить в формировании болгарского канона изготовления трёхбусинных колец и юго-западные, балканские влияния, о чём писала ещё В.П.Левашова [Левашова, 1969, с. 125–130; Поп, 1978, с. 31, рис. 10]. Тем не менее, мы отдаём предпочтение гипотезе, что болгарский тип височного кольца «три в одном» имел самостоятельное развитие, опираясь, с одной стороны, на общие тенденции развития восточноевропейской моды, местные украшения – с другой, и на восточные образцы, прежде всего ирано-сирийско-византийские – с третьей.

Золотые украшения серии «три в одном» не были производными от серебряных, – они развивались параллельно, иногда даже опережая развитие серебряных украшений, пройдя путь развития от простых колец с тремя бусинами со сканью к филигранным изделиям с привесками и фигуркой птицы в центре кольца [Руденко, 2004б, с. 63, 64].

Развитие болгарских трёхбусинных колец прервалось в XIII в. Как и в случае с золотыми украшениями, после монгольского нашествия прекращается изготовление филигранных изделий и из серебра. В Булгарском улусе скань при изготовлении височных колец использовалась не часто. В XIV в. тип трёхбусинных височных украшений деградирует, уступив место простым однобусинным поделкам. При этом такой

илл. 245. Реконструкция украшений головного убора из Большого Московского клада, 1988 г., конец XII – первая треть XIII вв. (по Т.Д. Пановой)

непритязательный тип украшения не утратил своей привлекательности в среде населения с непостоянной оседлостью Булгарского улуса, хотя существенно уступил свои позиции получившим широкое распространение серьгам в виде знака вопроса. Однобусинные височные серебряные кольца встречаются на протяжении всего XIV в. как в погребениях, так и в кладах [Гарустович, 2012, рис. 41-2]. При этом у однобусинных височных подвесок исчезают художественная насыщенность и некоторая изысканность, придаваемая изделиям напускными бусинами вытянутых пропорций и скаными деталями, особенно в ажурной филигранной технике. Они становятся тяжеловесными, лишёнными изыска и эстетики. Отметим, что в целом в Золотой Орде и её ближайшем пограничье, например в Придарьялье, бытовали как трёхбусинные, так и однобусинные височные кольца, в том числе и усложнённые варианты с привесками на цепочках [Нарожный В., Нарожный Е., 2009, с. 381, рис. 3-12, 13]. Однако эти случаи можно считать нетипичными и совершенно не характерными для Булгарского улуса.

ВЫВОДЫ

Таким образом, болгарские серебряные височные украшения, декорированные сканью и зернью, представлены в основном трёхбусинными височными кольцами. Эта форма украшения не являлась производной от эволюционного пути развития украшений предшествующего времени, а была формой заимствованной, развивавшейся одновременно с аналогичными украшениями из золота. Более того, филигранные серебряные трёхбусинные височные кольца делались по образцам филигранных болгарских золотых височных подвесок. Скано-зерновые болгарские элитные украшения из серебра, бытовавшие среди зажиточного городского населения, были сосредоточены на территории Волжской Булгарии и редко выходили за её пределы.

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ

Булгарские перстни, украшенные зернью и сканью, немногочисленны и отличаются от черневых. Все они, как правило, имеют верхушку с кастами или в виде штампованной полусферы. Шинка у них простая, с заводными концами (чаще всего для объёмных щитков) или с разводными концами (для перстней с кастами), иногда с рифлением. Длина заготовки для шинки определялась с учётом расстояния, предусмотренного для каста или объёмного щитка, равная либо диаметру основания круглого каста, либо ширине основания каста другой конфигурации. Все перстни выполнены из кованых заготовок, шинка и верхушка закреплены пайкой.

Перстни с использованием скано-зерневой техники относятся к **разделу I** – кованых, **отделу А** – комбинированных (сборных). По форме верхушки или каста выделяют несколько типов.

Отдел А – собранные из двух частей: шинки и щитка (верхушки)

Тип 1 (2 экз., Спасский клад; Остолоповское селище; **кат. № 79, рис. 35-3)** с **круглым щитком**, окаймлённым тремя витками скани, образующими орнамент «ёлочка». Такими же тремя отрезками сканой проволоки орнаментальное поле щитка разделено на две половины с симметричным орнаментом из зерни: посередине – крупный треугольник зерни (6х6), с двух сторон которого размещены два треугольника зерни меньшего размера (3х3).

Датируется второй половиной X–XI вв. (в Прикамье этот тип перстней был широко распространён в первой половине XI в.). Бытовали эти перстни и в XII в.

Тип 2 с объёмной в виде полусферы верхушкой

Подтип 2.1 (3 экз., Именьковский клад; Билярское городище, **кат. № 78; рис. 36-1)** с **полусферической верхушкой – колпачком**, припаянной к круглой основе диаметром 1,2 см. По стыку напаяна зернь диаметром 0,1 см. С трёх сторон полусферу украшали пирамидки зерни из 10 шариков (треугольник со сторонами из 4 зёрен). Между пирамидками напаяны разомкнутые колечки из гладкой проволоки. Венчает полусферу шарик зерни диаметром 0,5 см. Диаметр шинки 2,2 см. Общие размеры: 3х2,3х1,2 см. Близкий перстень известен из Булгара, но у него отсутствуют сканные колечки, а центральный шарик у основания украшен треугольниками зерни [Болгар, 1868, табл. VII-3]. Аналогичный по конструкции перстень находился в составе Именьковского клада (**рис. 40-5**).

Полусферы-колпачки, декорированные зернью, сделанные из золота, встречаются на дисковидных привесках в Жигулёвском и Спасскомкладах и из случайных находок в Спас-

илл. 246. Серебряные лунницы из Гнёздово, X в. Собрание ГИМ

ском районе РТ (**кат. № 389**). Однако композиция зерневого рисунка на золотых изделиях иная, чем на перстне.

Полусферами с зернью и сканью декорированы подвески из Гнёздово, датированные X–XI вв. (**илл. 246**). Аналогично украшены центральные части колтов из Старорязанского клада 1974 г. [Даркевич, Фролов, 1978, с. 343, рис. 1-2]. Один из вариантов подтипа 1.2 (вместо колечек скани на нём напаяны полые шарики) происходит из Невельского клада, зарытого в XI – начале XII вв. на территории Полоцкого княжества [Гущин, 1936, с. 57, 58, 59, табл. V-2; Корзухина, 1954, с. 97, 98, № 49]. Близкие перстни встречаются в славянских курганах XI–XII вв. Г. Н. Недошивина предполагала, что их привозили из городских ремесленных центров [Недошивина, 1967, с. 264, рис. 33-10]. Похожие изделия встречаются в могильнике Задна Река в Македонии, датированном X–XV вв., хотя основная масса находок на этом памятнике относится к X–XIII вв. [Кепеска, 1997, с. 406, табл. I-18].

Часто этот элемент встречается на золотых восточных ювелирных украшениях X–XII вв. [Jewelry, 1991, p. 146, ill. 336; Jewelry, 2013, p. 118, фото слева]. Как правило, здесь он имеет подчинённое положение, являясь только частью декора, вместе с тем играя ведущую роль в создании образа пышного и в то же время изящного произведения ювелир-

ного искусства [Jenkins, Keene, 1983, p. 41, 42, 53, № 17; 23]. Иранские и сирийские ювелиры делали такие детали как штамповкой (как на болгарских изделиях), так и из филигранны. При этом на иранских серьгах и подвесках XI–XII вв., как и на сирийских ювелирных изделиях этого времени, применяется декорирование основания каста напаянной зернью [Jenkins, Keene, 1983, p. 55, 57, 77, №№ 25, 26, 44].

Декор из сканых колечек на перстнях этого типа, скорее всего, является производным от зернового, т. е. боковые шарики на колпачке-полусфере были заменены скаными колечками. Если основные принципы изготовления и декорирования болгарские ювелиры восприняли от восточных образцов, то композиционное решение и использование сканых колечек, заменивших полые декоративные шарики на полусферической конструкции, следуют южнорусской традиции [Комар, 2012, с. 358, рис. 17-4].

Датируются перстни данного типа XI–XII вв. Бытовать они могли и в более позднее время.

Тип 2.2 (2 экз.; Спасский клад и Болгарское городище; **илл. 247)** [Булгар, 1869, табл. VII-5; Гущин, 1936, табл. XXX-7].

илл. 247. Перстень из Спасского клада (слева) и Болгарского городища, XII–XIII вв. (по А. Ф. Лихачёву и А. С. Гущину)

Аналогичен предыдущему, но вместо сканых колечек поверхность полусферы была покрыта 5 треугольниками зерни (7 x 7), припаянными к двум сканым проволокам, опоясывавшим нижнюю часть конструкции. Полусфера была увенчана шариком зерни, посаженным на колечко скани, от которого расходились 4 треугольника зерни, заполнявшие свободное место между лучами розетки, образованной нижними зерновыми треугольниками. Колпачок-полусфера окантован у основания пояском из зерни среднего размера. Характер зернового декора демонстрирует близость этого типа изделий к перстням типа IA 4.1 с круглой вставкой (**рис. 36-4**).

Элемент декора перстней этого типа в виде небольшой штампованной полусферы-колпачка, как её называли в литературе первой половины XX в., широко использовался ювелирами Восточной и Северной Европы, без особых различий, начиная с IX–X вв. На изделиях из Волжской Булгарии оформление зерновых композиций на полусферах-колпачках выражалось в двух вариантах: 1) простые треугольники, образующие в плане розетку и дополненные зерновыми треугольниками, отходящими от сканого кольца, с шариком зерни на вершине; 2) зерновые треугольники, как правило, в количестве 4 на всей поверхности, на острие треугольни-

ка помещён ромбик из зерни. Венчающий колпачок зерновой шарик на кольце из скани не имеет дополнительных украшений из зерни. Встречаются полусферы-колпачки без зернового узора, но не на перстнях, а на булавах, впрочем, есть булавы с зерновым декором типа 2 и 3.

Датируются перстни данного типа XII – первой третью XIII вв.

Тип 2.3 (2 экз.; Болгарское городище) аналогичен предыдущим изделиям, но поверхность колпачка украшена сканью, уложенной в виде 9-лепестковой розетки, причём в одном случае этот рисунок составляют отрезки сканой проволоки, сложенные в виде капли и соединённые острыми окончаниями у вершины колпачка на ободке из скани; низ колпачка окантован сканью (**илл. 248**). На вершине колпачка мог быть припаян шарик зерни.

илл. 248. Серебряный перстень из Булгара, XII–XIII вв. Собрание БГИАМЗ

Аналогичный перстень имеется в коллекции ГИМ, причём на этом перстне сохранился и венчающий колпачок шарик зерни, а также шинка с рифлением (**илл. 249**). Более пышным оформлением отличается второй перстень (**илл. 250**).

илл. 249. Серебряный перстень со сканью из Булгара (?). Собрание ГИМ

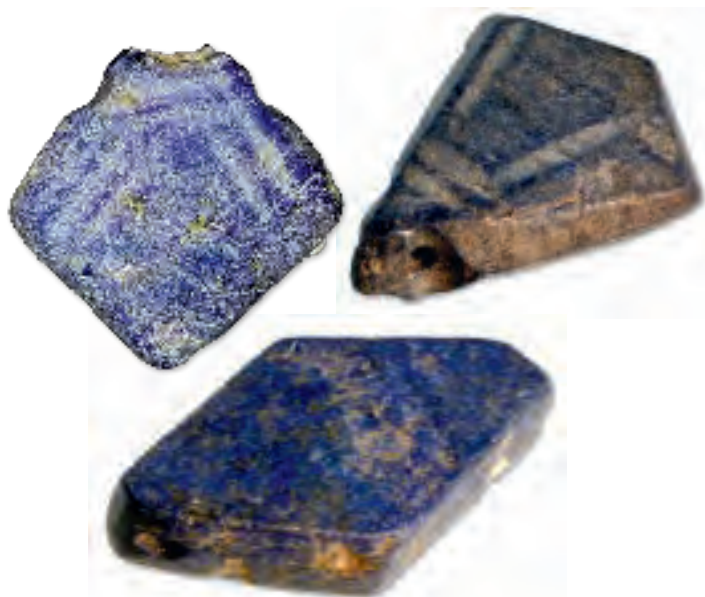
илл. 250. Серебряный перстень со сканью и зернью из Булгара (по А. Ф. Лихачёву)

В нижней части поверх сканой окантовки в основании полусферы наложен пояс из зерни. Рисунок, выложенный из скани на колпачке в виде пышного раскрывшегося бутона цветка, с лепестками из сердцевидных фигур, сходящихся основаниями лепестков у круглого каста со вставкой. Этот элемент встречается на привозных золотых перстнях с бирюзовыми вставками (**рис. 39-1**). Этот тип перстней, скорее всего, распространился уже в Булгарском улусе в последней трети XIII в., возможно продолжив бытование и в следующем столетии, судя по находкам перстней, близких типу АЗ.3 из Галинского могильника XIV в. в Мордовии.

В целом, перстни данного типа датируются XII–XIII вв.

Тип 3 (4 экз.; селища: Билярское II, Остолоповское, Мурзихинское; I Измерское; **кат. №№ 79; 92; рис. 35-1) с глухим цилиндрическим кастом** и с лазуритовой вставкой типа кабошон. Зернь припаяна на основание круглой пластины, на которой крепился каст, и чуть выше, в нижней части каста, украшена треугольниками зерни. Близкий по типу перстень, только золотой и с лазуритовой вставкой и небольшими зерневыми треугольниками, образованными второй полоской зерни и припаянными через один сверху первого у основания каста, имеется в собрании НКЦ «Казань» (**кат. № 395; рис. 35-2**). Лазурит – достаточно редкий поделочный камень [Полубояринова, 1991а, с. 12; Зубрилина, 2006, с. 128–129]. Особенно это касается ювелиров Волжской Булгарии. Известны единичные находки из лазурита на болгарских памятниках преимущественно домонгольского времени: вставки для браслетов и небольшие пронизки для ожерелий [Полубояринова, 1991а, с. 65; Руденко, 2014, с. 226–228]. Очевидно, что это ими были украшены привозные изделия, как и поделки из него. Больше выявлено в Булгарии лазуритовых подвесок половецкого типа (**илл. 251**), относящихся уже к началу XIII в. [там же, с. 235]. От второго перстня с Остолоповского селища (**кат. № 92**), как и с Мурзихинского (**кат. № 328**), сохранилась только верхушка. Обнаружен он был в слое XI в. Перстень с Измерского селища происходит из подъёмного материала (вставка утрачена), датируется второй половиной X – XII вв. [Казаков, 1991, с. 90, рис. 33-14].

Происхождение перстней данного типа установить сложно, поскольку они имеют простую форму и несложный декор. Однако использование лазурита в качестве материала для вставки даёт возможность поиска аналогий. Лазурит в таком качестве использовался ювелирами средневекового Ирана и Византии. Однако перстни X в. из драгоценных металлов иранского изготовления с лазуритовыми вставками прямыми аналогий с рассматриваемыми перстнями не имеют [Украше-

илл. 251. Лазуритовые подвески из Биляра, начало XIII в. Собрание НМ РТ

илл. 252. Золотой перстень с лазуритовой печатькой. Иран, XI–XII вв.

ния, 1999, кат. № 116; 117] (**илл. 252**). Византийские перстни (чаще всего золотые и без лазурита) напоминают болгарские только по общей конфигурации самого изделия [Garam, 2001, s. 416, taf. XXIV-1,5], при этом обнаруживая большую близость с перстнями типа IA4.1 (см. ниже). Впрочем, такое сходство может оказаться и случайным, учитывая, что хронологический разрыв между византийскими украшениями такого типа и болгарскими составляет около 300 лет.

Обращает на себя внимание Саркельский комплекс памятников, в первую очередь некрополи, где в составе погребального инвентаря встречено много лазуритовых украшений (хотя перстни лазуритом здесь не украшали). На городище Саркел лазуритовые подвески зафиксированы в слое первой половины XI в. [Артамонова, 1963, с. 92]. Возможно, что в Саркельских мастерских в конце X – начале XI вв. был изготовлен золотой перстень с лазуритовой вставкой (**кат. № 395**). Серебряный перстень с лазуритовой вставкой из II Билярского селища, скорее всего, также привозной, хотя полностью исключить его болгарское производство нельзя.

Датируется этот тип перстней концом X – первой половиной XI вв.

Тип 4 – с круглым, квадратным или прямоугольным кастом (4 экз.)

Подтип 4.1 (1 экз.; Билярское городище (?); **кат. № 76; рис. 36-4**) (2,7 x 2,3 x 1,8 см) с низким круглым глухим кастом (по сути, закрепочный пояс), в который помещена стеклянная вставка тёмно-синего, ближе к бирюзовому, цвета. Вставка овальная типа кабошон. Скандная проволока напаяна в верхней части каста. Основание (воротничок) занято 17 шариками зерни диаметром 0,2 см, края основы промяты для прочности крепления. Заметны следы ремонта. Аналогичные изделия известны из Булгара [Болгар, 1868, табл. VII-6, 7, 9]. Различаются они только высотой каста. Круглая стеклянная вставка с IV Старокуйбышевского селища опубликована Е. П. Казаковым [Казаков, 1991, с. 90, **рис. 33-27**].

Перстень сделан по образцу импортного. Шинка, вероятно, была заменена в древности. Близкие по оформлению серебряные перстни обнаружены в нескольких погребениях X – первой половины XI вв. могильника Саркела-Белой Вежи и в кочевническом могильнике Саркела [Артамонова, 1963,

илл. 253.
Серебряный
перстень
с шафоном
из Дунайской
Болгарии,
XIII–XIV вв.
(по В. Павловой)

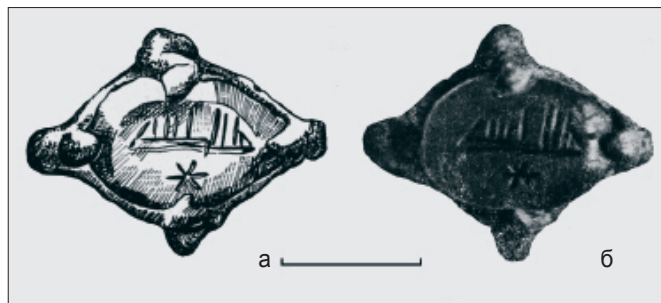
с. 86, рис. 65; Плетнёва, 1963, с. 253, рис. 26–7]. Этот тип перстней обнаруживает близость византийским изделиям периода Великой Булгарии в Приазовье и Подунавье [Spier, 2012, p. 175; Damm, 2000, p. 128, ill. 11.12; Garam, 1993, s. 165, taf. 40–3]. Близкие типы перстней этого типа в Булгарии бытовали и в XIII–XIV вв. [Павлова, 2007, с. 59, кат. 11.3, 11.4] (**илл. 253**).

Подражание византийскому изделию. Датируется XI в.

Отметим, что в отличие от других болгарских серебряных перстней такого типа перстней в золотом исполнении не обнаружено. Впрочем, из находок на Болгарском городище имеется иранский (?) перстень на круглом ранте (**кат. № 270**), на котором закреплён псевдосканый пояс, который фиксировал зернь, выложенную по краю. С другой стороны, зернь удерживала филигранную вставку в виде полусферы из тонкой сканой проволоки, выложенной сердечками основанием вниз. Окончание сердечек было спаяно с помощью специального колечка, выполнявшего роль каста, поскольку в нём была закреплена бирюзовая вставка типа кабошон (**рис. 39-1**).

Подтип 4.2 (1 экз., Билярское городище (?); кат. № 74; рис. 36-2) (2,8 x 2,1 x 1,6 см) с прямоугольным глухим кастом с сердоликовой вставкой (1,5 x 1,85 см) типа кабошон. Крупная зернь (0,2 см) сгруппирована в пирамидки по 3 зерна, верхние из которых чуть меньше размером – 0,15 см. Пирамидки припаяны с боков каста. Перстень ремонтировался: на шинку припаяны 2 шарика зерни (снаружи и изнутри) диаметром 0,1 см.

Сердолик был очень популярным и распространённым подделочным камнем в Булгарии. Он ценился за свои качества, хотя и был весьма труден в обработке [Марковин, 1965, с. 272, 273; Полубояринова, 1991а, с. 11]. Самые ранние изделия (перстни), украшенные этим камнем, встречаются в захоронениях ранних болгар, например в Танкеевском могильнике IX–X вв. (**рис. 37-2**). Интересно, что сердоликовая вставка типа кабошон на одном из таких перстней имеет вогнутую сторону, чтобы высветлить цветовой тон. На вогнутой стороне сердоликовой вставки другого перстня из погребения № 999 была выгравирована надпись арабскими буквами (**илл. 254**). По расположению захоронения на могильнике и инвентарю Е. П. Казаков датировал его рубежом

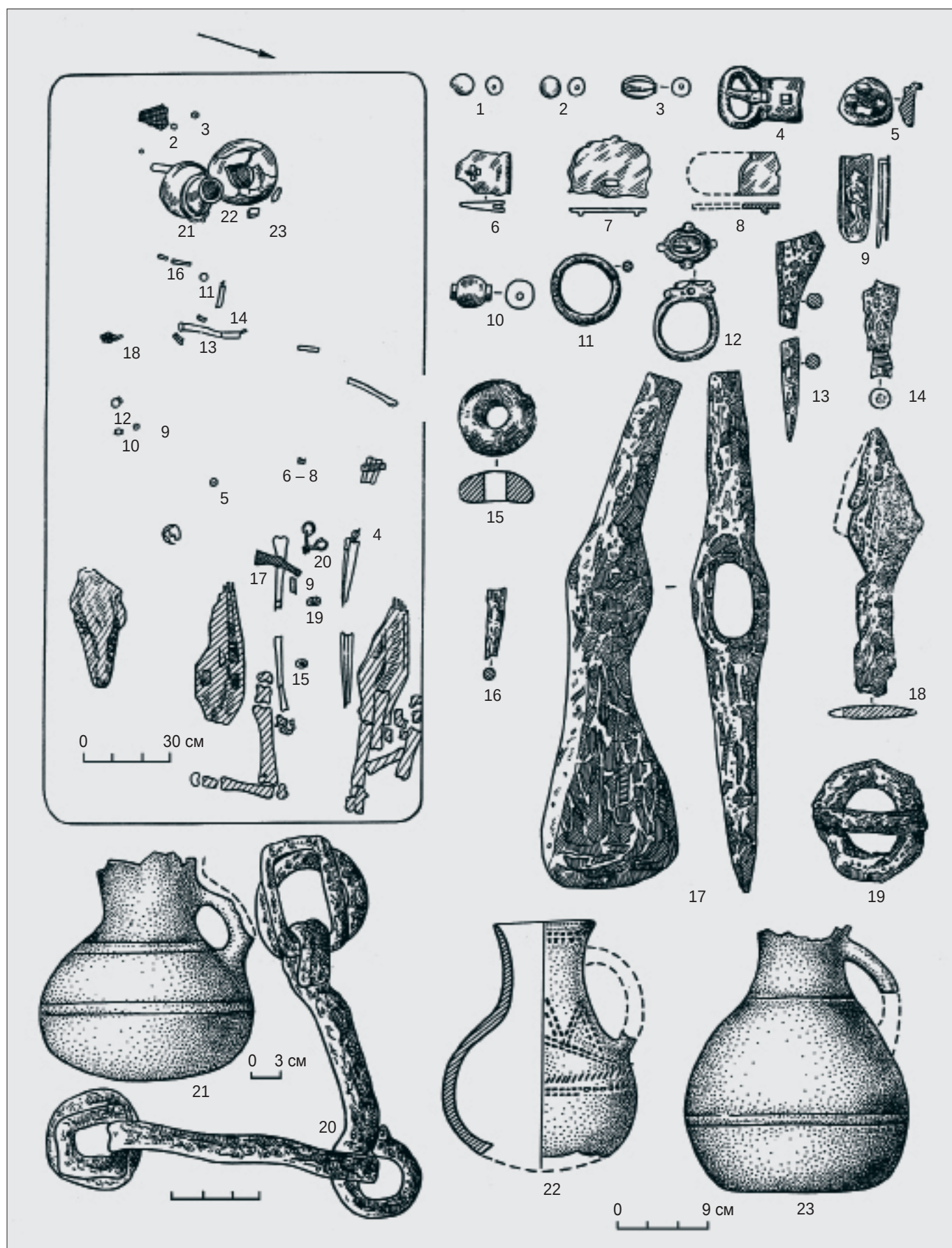
илл. 254. Серебряный перстень с сердоликовой вставкой из Танкеевского могильника (Спасский район РТ), рубеж IX–X вв. (по Е. П. Казакову)

IX–X вв. [Казаков, 1985, с. 180–181, рис. 4; 5] (**илл. 255**). Ко второй половине IX в. относится погребение № 877 Танкеевского могильника (**илл. 256**), где был найден серебряный литой перстень, на щитке которого было выгравировано 3 знака [Казаков, 1985, с. 180, рис. 2-2]. В целом, распространение «лапчатых» перстней со вставками из подделочных камней с арабскими надписями (как и ряд других изделий с такими надписями, в том числе и печаток) имеет широкую географию, включая север Европы – Старую Ладугу и шведскую Бирку, а также Ярославское Поволжье, отражает широту международных торговых сношений в IX–X вв. [Ярославское, 1963, с. 104; Кирпичников, 2007, с. 209, табл. I-27; Islam, 1985, p. 188, kat. 17].

Отметим, что большинство перстней из серебра или из сплавов с содержанием серебра из Танкеевского, Больше-тарханского (**рис. 37-4, 5**) и других раннеболгарских могильников, а также синхронных им (**рис. 37-1; 38; 39**), литые. Учитывая значительное количество импорта в Танкеевском могильнике, прежде всего стеклянных и каменных (в том числе и сердоликовых) бус (**илл. 257**), скорее всего, серебряные перстни с сердоликовыми вставками не местного производства.

На поселениях болгар, функционировавших со второй половины X в., известны находки сердоликовых вставок: квадратная и прямоугольная вставки для перстней или браслетов найдены в подъёмном материале на Измерском селище [Казаков, 1991, с. 90, рис. 33–28, 29]. Подобные изделия встречены на Болгарском и Билярском городищах.

На Билярском городище встречено достаточно много украшений из сердолика. Прежде всего это бусы, разнообразные по форме и размерам (**илл. 258**), в том числе и с росписью (**илл. 259**). В центральной части городища (во внутреннем городе) в подъёмном материале в 1989 г. была найдена сердоликовая вставка для перстня (?) прямоугольной формы с гравированной надписью (**илл. 260**). Сердоликовые вставки с гравированными надписями использовались для украшения серебряных иранских перстней-печаток в конце XII – начале XIII вв. На такой печатке чаще всего вырезались имена Мухаммеда и шиитских пророков [Иванов, Луконин, Сметова, 1984, с. 26, кат. № 56]. Свою популярность они сохранили и в последующее время. Отметим, что печатки и геммы с надписями были характерны для украшений элиты

илл. 255. План погребения №999 Танкеевского могильника и его инвентарь (по Е. П. Казакову)

илл. 257. Каменные бусины из Танкеевского могильника, IX–X вв. Раскопки Е. А. Халиковой и Е. П. Казакова. Собрание НМ РТ

илл. 258. Сердоликовые бусины из Биляра, XI–XIII вв. Собрание НМ РТ

илл. 259. Стекланные, каменные и керамические бусины из Билярска, XI–XIII вв. Собрание НМ РТ

восточного общества. Драгоценные камни (изумруды, шпинели) с надписями использовались в качестве царских регалий при Тимуридах и в государстве Великих Моголов в Индии, где бытовали до XVIII в. [Сокровищница, 2009, с. 134, кат. 12].

Бликий перстень, выполненный из золота, но без надписей на вставке, был найден на Болгарском городище (**кат. № 264; рис. 39-5**). Здесь же был обнаружен и золотой перстень с бирюзовой прямоугольной вставкой (**кат. № 263; рис. 39-3**). Это – изделия иранского производства, и датируются они XII–XIII вв. Привозные изделия отличаются, помимо прочего, и сложно огранёнными камнями во вставках, например, со ступенчатой огранкой (**кат. № 265; рис. 39-2**). В Булгаре найден золотой перстень с прямоугольной вставкой тёмно-голубого цвета, сделанной из специальной мастики, как подражание лазуриту. На вставке – арабская надпись [Полубояринова, 2008, с. 51, рис. 3-26] (**илл. 261**). Изделие это, вероятно, привозное; датируется XIII–XIV вв.

Сердоликовые и лазуритовые печати были распространены и раньше, в X–XI вв. в Восточном Иране (в частности, в Нишапуре); реже встречаются и печати (наряду со встав-

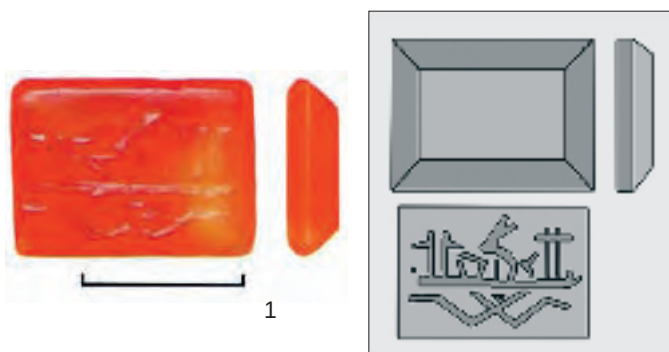
ками для перстней) из горного хрусталя [Jenkins, Keene, 1983, р. 19, 22]. Этот тип украшений из сердолика был распространён в Иране и в Новое время.

Датируется перстень XII – началом XIII вв.

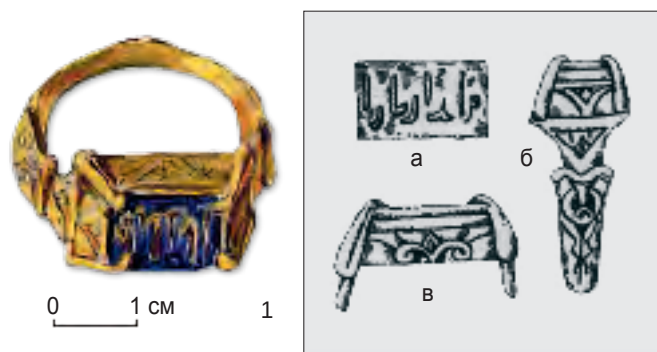
Подтип 4.3 (1 экз., Билярское городище (?); кат. № 77; рис. 36-3) (2,1х2,4х1,65 см) с квадратным глухим кастом (1,5х1,5 и высотой 0,5 см) с янтарной вставкой. На основу каста наложена двойная сканая проволочка, сплетённая «косичкой». На воротничок основы напаяна крупная зернь (диаметр 0,2 см). Для прочности края воротничка вмяты между шариками. Между крупной зернью помещены мелкие шарики (диаметр 0,1 см).

Янтарь – очень популярный в Булгарии поделочный материал. Из него изготавливались различного рода украшения: бусы, перстни, подвески, пронизки и т. п. [Полубояринова, 1991а, с. 14–15] (**илл. 262**). На Билярском городище была исследована часть усадьбы XII в., где жил и работал мастер, обрабатывавший янтарь. В булгарских древностях изделия, где янтарь использован в качестве украшения, встречаются преимущественно в XII в.

Датируется этот тип перстней XII в.

илл. 260. Сердоликовая вставка из Билярского городища. Прорисовка К. А. Руденко

илл. 261. Золотой перстень из Булгара со вставкой-печаткой, XIII–XIV вв. Прорисовка (по М. Д. Полубояриновой)

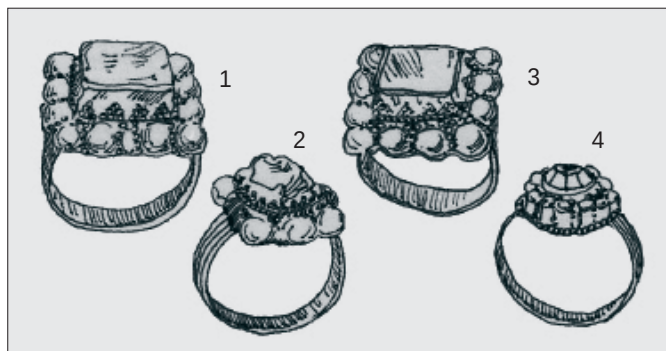

илл. 262. Янтарные украшения из Биляра, XI–XIII вв. Собрание БГИАПМЗ

Тип IA4.4 (1 экз., Билярское городище (?); кат. № 75; рис. 36-5) (2х2,4х1,25 см) с квадратным глухим кастом (1,25х1,4х0,6 см) со стеклянной вставкой (прозрачное стекло желтоватого оттенка) с подложкой. По периметру основы напаяна зернь диаметром 0,2 см, на шинке на месте крепления к касту напаяны пирамидки зерни диаметром 0,1 см (5х4 зерна). Аналогичные изделия имеются в коллекции с Болгарского городища [Болгар, 1868, табл. VII-4,5,8].

Перстни со вставками имеют аналоги в золоте (илл. 263). Они практически полностью совпадают с серебряными и, вероятно, были оригиналами для копирования в серебре. Однако, если обратиться к материалам Танкеевского могильника, то там единственный золотой перстень (очевидно, не местного производства) имеет только отдалённое сходство с серебряными [Казаков, 1992, ч. 171, рис. 61-25].

Рассмотренные изделия немногочисленны, хотя, без сомнения, их делали в Булгарии гораздо больше. Типологического развития перстней в скано-зерневой технике практически не заметно. Они были статусными изделиями и чаще всего копировали дорогие и редкие привозные украшения из золота или создавались по индивидуальным заказам. Некоторые черты своеобразия серебряные перстни приобретали благо-

илл. 263. Золотые перстни с шатоном из Билярского клада. Прорисовка К. А. Руденко

даря творчеству конкретных ювелиров или тех образцов, на которые указывал заказчик.

То, что только некоторые золотые перстни, имевшие хождение у булгар, стали объектом копирования, может быть объяснено ограниченным кругом их носителей, не заинтересованных в тиражировании облика, или же кратким периодом бытования изделия в пользовательской среде. Были, видимо, трудности и технического порядка, как и с обеспечением сырьём – поделочными и драгоценными камнями, золотом. Можно констатировать, что у булгар не прижились перстни с несколькими вставками и с использованием филигранных деталей (рис. 39-1, 4). Остальные бытовавшие перстни в той или иной степени подвергались копированию и подражаниям.

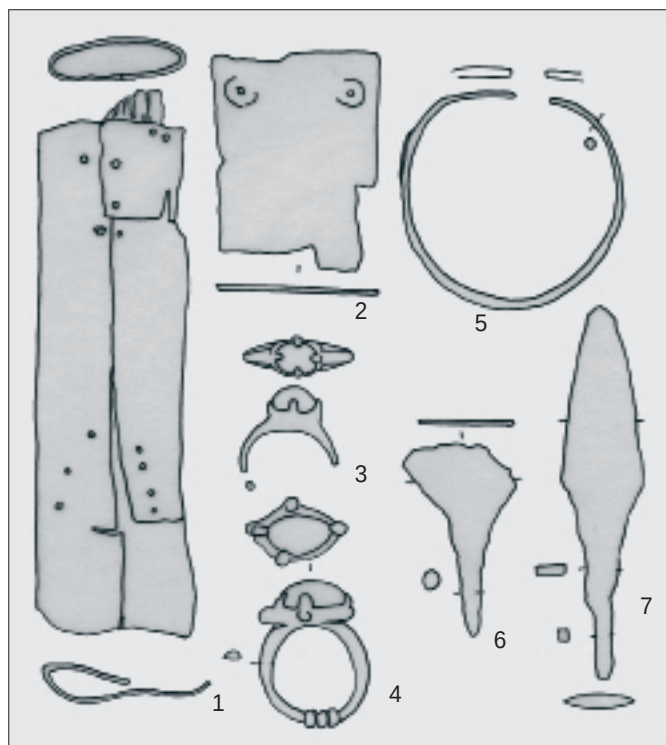
Происхождение выделенных типов булгарских перстней различное. При этом прямым предшественником рассмотренным типам изделий в раннебулгарскую эпоху не было. В VIII–IX вв. подавляющее число перстней в Волго-Камье были литыми. Причём в силу технических причин зернью украшались только те перстни, которые были изготовлены из тонкой серебряной (или золотой) пластины – отштампованы или сделаны каким-либо другим способом. Например, перстень с зернью из могильника Мыдлань-Шай в Удмуртии VIII–IX вв. (погребение № 74) был сделан из двух штампованных и позолоченных серебряных пластин, спаянных в продольном направлении. Внутри он был заполнен какой-то массой; а вокруг сердоликовой вставки размещены ромбики зерни [Генинг, 1962а, с. 42, табл. II-2] (рис. 38-2). Для крепления вставки применялся глухой каст, тогда как в литых изделиях использовалась своеобразная модификация глухого каста, совмещённого с корнеровым – открытый корнеровый каст, чаще всего типа каре [Новиков, Павлов, 1991, с. 101], получивший в археологической литературе наименование «лапчатого» (рис. 37-1, 2, 5; 38-1–3).

Отдалённым предшественником перстня типа 2 мог быть перстень из погребения № 70 II Поломского могильника Красная Горка конца VIII–IX вв. в Удмуртии. Верхушка перстня в виде усечённого конуса, декорированного в верхней и нижней части треугольниками зерни, а сверху – стеклянной вставкой (рис. 43-2), сделана из серебряной пластины; шинка припаяна. В этом погребении много других изделий, украшенных зернью: булавовидные привески, ножны кинжала, наконечники ремня и различные накладки (рис. 43-6, 11, 12, 18, 19, 24). Вопрос о месте производства этих изделий остаётся открытым (см. ниже). Можно только констатировать, что на рубеже VIII–IX вв. в Удмуртском Прикамье появляются изделия, украшенные зернью, сканью, золочением со вставками из стекла и поделочных камней. Что касается вставок из камня, то этот материал в то время был исключительно привозным.

У ранних булгар, несмотря на отсутствие (кроме единичных случаев) скано-зерневых изделий, перстни со вставками из стекла и сердолика встречаются, хотя и не часто: 6 экз. в Большетарханском (из 358 исследованных захоронений) и 45 экз. в Танкеевском (изучено 1171 захоронение) могильниках [Генинг, Халиков, 1964, с. 57; Казаков, 1992, с. 172]. Для сравнения: в могильнике Мыдлань-Шай из 88 захоронений

происходит 20 перстней со вставками из сердолика и цветного стекла [Генинг, 1962а, с. 42], при этом янтарные вставки здесь не использовались, хотя В.Ф.Генинг предполагал, что в одном случае разрушившаяся вставка могла быть янтарной.

В раннебулгарское время серебряные перстни со вставками из стекла и поделочных камней зафиксированы в кушнареновско-караякуповских могильниках IX – начала X вв. в Центральном Закамье (Большетиганском, Алексеевском, Измерском XII). Как правило, в погребениях, кроме этих украшений, встречаются предметы вооружения, украшенные серебром, а также детали поясных и уздечных наборов из серебра. Это распространяется как на некрополи с большим числом захоронений (Большетиганский), так и на небольшие,

илл. 264. Комплекс находок, обнаруженный вблизи р/п Алексеевское (Алексеевский район РТ). Прорисовка К.А.Руденко

илл. 265. Янтарь-сырец из Билярского городища. Собрание БГИАГМЗ

состоящие из нескольких захоронений, как, например, Алексеевский могильник (**илл. 264**).

Интересен вопрос об использовании булгарами поделочных камней и стекла при декорировании ювелирных изделий, поскольку это тесно связано с работой профессиональных ювелиров, работавших с зернью и сканью. Судя по наличию сырья (янтаря-сырца), часть исходного материала доставлялась в Булгарию необработанной. Причём импорт сырья был весьма впечатляющ: при раскопках в Биляре найдены килограммы янтаря-сырца (**илл. 265**). Здесь, очевидно, находились и специалисты, которые с ним работали. Такие ювелиры были только в крупных городах, в домонгольское время – прежде всего в Биляре, а в золотоордынское время – в Булгаре. На ряде других городищ (например, Муромский городок на Самарской Луке) также встречаются куски необработанного янтаря, однако по масштабам с Билярским городищем они сравниться не могут. На Руси мастерские по обработке янтаря домонгольского времени археологически выявлены в Ярославле.

В малых булгарских городках чаще всего работали мастера другой квалификации. Об этом свидетельствует находка серебряного перстня с янтарной вставкой на городище Муромский городок X – начала XIII вв. Как предположила А.Ф.Кочкина, вставка была сделана из бусины, поскольку она имела огранку и отверстие в центре [Кочкина, 2011, с. 58]. Такое использование бус, в основном из сердолика, в качестве вставок – не единичный случай в булгарских украшениях. Судя по материалам Билярского клада (**илл. 263-4**), их применяли в этом качестве в первой трети XIII в. Также сердоликовые бусы использовались в качестве вставок в шатонах на проволочных браслетах и на привесках к плетёной гривне (см. ниже). Правда, факт использования именно янтарной бусины на перстне необычен: бусы из этого материала на остальных известных изделиях в таком качестве не использовались. Возможно, здесь проявилась творческая инициатива провинциального ювелира.

Нельзя исключить и случаи, когда профессиональные ювелиры работали в загородных владениях представителей булгарской элиты. Но могли ли они выполнять там сложные работы, сейчас нет убедительных данных.

Привозились в Булгарию также полуфабрикаты: например, заготовки бусин или подвесок из сердолика или горного хрусталя. Они имеют черновую огранку, но не просверлены. Однако преобладал импорт готовых изделий. Особенно из редкостных поделочных и полудрагоценных камней. Эта ситуация была характерна для булгарского ремесла как в домонгольский, так и в золотоордынский период (**илл. 266**).

Недостаток квалификации булгарских ювелиров для огранки и просто обработки сердолика, весьма твёрдого минерала, и янтаря, как очень хрупкого и ломкого, приводил к тому, что было достаточно много брака, о чём говорят, например, сердоликовые бусины из Биляра с недосверленным или испорченным каналом (**илл. 267**) [Леммелейн, 1963, с. 359–376]. Булгарские мастера, изготавливая украшения из янтаря и сердолика, чаще всего копировали формы привозных бусин из этого материала. Но, вместе с тем, они делали украшения местных типов или форм, популярных в тот момент,

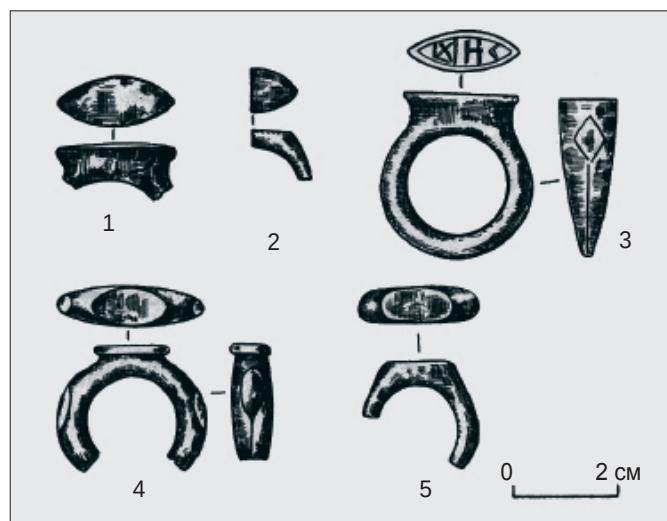
илл. 266. Стекланные и каменные бусы из Булгара, XII–XIV вв. Собрание НМ РТ

илл. 267. Сердоликовые бусины (заготовки) из Билгара, XI–XIII вв. Собрание БГИАПМЗ

например, подвески-амулеты [Полубояринова, 1991а, с. 70, 71, рис. 6-1, 2, 4, 7, 10]. Но большинство сложных и качественных украшений из поделочных камней были привозными.

При этом сердоликовые перстни (илл. 268), бытовавшие в Булгарии и Булгарском улусе, мало напоминали их аналоги в металле и, скорее всего, были предметом импорта. При этом на одном из сердоликовых перстней, найденном в одном из городских мавзолеев Булгара, была нанесена руническая (?) надпись (илл. 269). Датируется эта поделка XIV в. [Полубояринова, 2008, с. 50]. Стоит заметить, что сердоликовые перстни ордынской эпохи в разных местах Золотой Орды имеют региональные отличия [Масловский, 2010, с. 226, рис. 30-10].

илл. 268. Сердоликовые перстни из Булгара, XIII–XIV вв. (по М. Д. Полубояриновой)

илл. 269. Сердоликовый перстень из раскопок Булгара, XIV в. Собрание БГИАМЗ

В Новгороде сердоликовые и хрустальные бусины были распространены в домонгольское время (хотя и в небольшом количестве), в XIV–XV вв. эти находки единичны. Их во многом заменили западноевропейские хрустальные вставки из двух половинок с цветной прокладкой [Рыбина, 1978, с. 52].

ПРИВОЗНЫЕ ПЕРСТНИ СО СКАНЬЮ И ЗЕРНЬЮ И ИХ ИМИТАЦИЕЙ, НАЙДЕННЫЕ НА ТЕРРИТОРИИ ВОЛЖСКОЙ БУЛАГАРИИ

С территории Булгарского городища происходит семь перстней, отличающихся от остальных встреченных булгарских изделий формой, технологией изготовления и оформления. На некоторых из них имеются следы позолоты. Все они относятся к **отделу II – литых** с имитацией зерни (в ряде случаев и настоящей) и скани (псевдозернь, псевдоскань), в двух из них имеются вставки из стекла или поделочных камней.

Тип А – щитковые, с припаянной шинкой

Подтип А1 (1 экз., Булгарское городище; кат. № 58; рис. 41-5) с верхушкой, составленной из композиции плоских геометрических фигур: двух прямоугольных пластин с тремя псевдозерневыми треугольниками; между ними расположена гладкая пластина в виде ромба. На шинке – имитация верёвочки. Близкое оформление имеется на перстнях из монастырского некрополя Задна Река в Македонии [Кепеска, 1997, с. 406, табл. II-2-25].

Датируется XII – первой половиной XIII вв.

Тип А2 – полусфера на цилиндре

Подтип А2.1 (2 экз., Булгарское городище; кат. № 70; рис. 42-6, 7) имитирует кольцо с наборной верхушкой: цилиндрический каст, внутри которого – полусфера (псевдоскань или псевдозернь), увенчанная пирамидкой псевдозерни. Воспроизведены лапки (корнеры) для удержания вставки, а также колечки скани на касте.

Перстни полусферической формы, украшенные зернью, встречаются в материалах Нижнего Подесенья во второй половине X в., при этом цилиндрическое основание полусферы, закреплённое тонкой сканью, декорировано мелкими скаными колечками, в центре которых закреплён шарик

зерни (зернь «на подставке») [Комар, 2010, с. 359, рис. 17-3]. Аналогичные перстни известны из кладов второй половины X – рубежа X–XI вв. Винницкой обл. Украины [Корзухина, 1954, с. 84; 16]. Декор из колечек имеется на иранских ювелирных украшениях XI–XIII вв. [Jenkins, Keene, 1983, р. 51, № 23]. Полусфера-колпачок с окантовкой её основания зернью украшает бронзовый перстень, найденный в Новгороде в слое XI в. [Седова, 1981, с. 132, 133, рис. 50-14].

Датируется XII – первой половиной XIII вв.

Подтип А2.2 (1 экз., Болгарское городище; кат. № 73; рис. 42-5). Аналогичный предыдущему, с небольшими инновациями в деталях формы, несколько изменившими внешний вид изделия. Шинка декорирована узором, имитирующим сканные проволочки по краям шинки, а между ними рисунок в виде восьмёрковидных петелек (петельчатая змейка). Каст фигурный с выступами, образующими в плане 7-лучевую розетку, в которую вписан круг основания полусферы. Последняя увенчана пирамидкой псевдозерни. Такие же пирамидки припаяны на выступах каста. На боковых сторонах каста имеется рисунок простой плетёнки. Щиток от такого перстня имеется в собрании ГИМ. Верхняя часть от перстня такого типа с 9 выступами ($d=1,5$ см) имеется в собрании НМ РТ с Болгарского городища (НМ РТ, инв. № 5363-48). Она литая, с псевдосканью. Завершается полусфера маленьким шариком зерни, припаянным на вершине.

Орнаментальный мотив из сканой проволоки из восьмёрковидных петелек (петельчатая змейка) встречается ещё в римское время и был наследован византийскими ювелирами [Фракийское, 2013, с. 345, кат. № 154; Jewelry, 2013, с. 106]. На славянских изделиях (серьги типа Темпхольф) он фиксируется со второй половины X в. [Дучко, 1987, с. 79, 83, рис. 3-А, D]. С этого же времени используется для оформления изделий из Южной Руси, найденных в кладках второй половины X – рубежа X–XI вв., например Юрковицком [Корзухина, 1954, с. 84, табл. VI-16]. Этот же приём широко использовался новгородскими ювелирами в конце XIV – XV вв. [Седова, 1981, с. 168, рис. 64-13; 1996, с. 433, кат. № 170]. На восточных изделиях мотив петельчатой змейки фиксируется с начала XIII в., встречается он и позже, в XIV–XV вв., в западном Черноморском регионе, возможно под влиянием византийских традиций [Islam, 1985, р. 122, кат. № 43; Jewelry, 2013, р. 141].

Форма перстня (следующая византийским прототипам XI–XII вв.) имеет аналогии на Балканах в древностях XIII–XIV вв. [Павлова, 2007, с. 59, кат. 11.6] (илл. 270). В Болгарии такая форма перстня встречена в Билярском кладе (илл. 263-4).

Датируется XII – первой половиной XIII вв.

Подтип А2.3 (2 экз., Болгарское городище; кат. № 68, 69; рис. 42-2, 3). Конструкция перстней аналогична изделиям типов II А2.1 и 2.2 (рис. 42-5, 6, 7). Отличается только декором боковой части каста. На ней – накладной узор – мотив петельчатой змейки из гофрированной проволоки. Верхняя часть, вероятно, от перстня такого типа, имеется в коллекции НМ РТ из Болгарского городища (инв. № 5363-22/3).

илл. 270. Серебряный перстень из Дунайской Болгарии, XIII–XIV вв. (по В. Павловой)

Датируется XII – первой половиной XIII вв.

Тип А3 – пирамидка-цилиндр на цилиндре

Подтип А3.1 (1 экз., Болгарское городище; кат. № 71; рис. 42-1). Перстень с имитацией наборной верхушки. Отлит двойной цилиндрический каст, в верхний из которых помещена шаровидная стеклянная (?) вставка типа кабошон. Второй (нижний), широкий каст, декорирован псевдосканью (тип «верёвочка»), а на верхней площадке – пирамидками зерни (7 пирамидок). На шинке – имитация квадратных или прямоугольных рамок из скани с двумя крупными шариками зерни внутри.

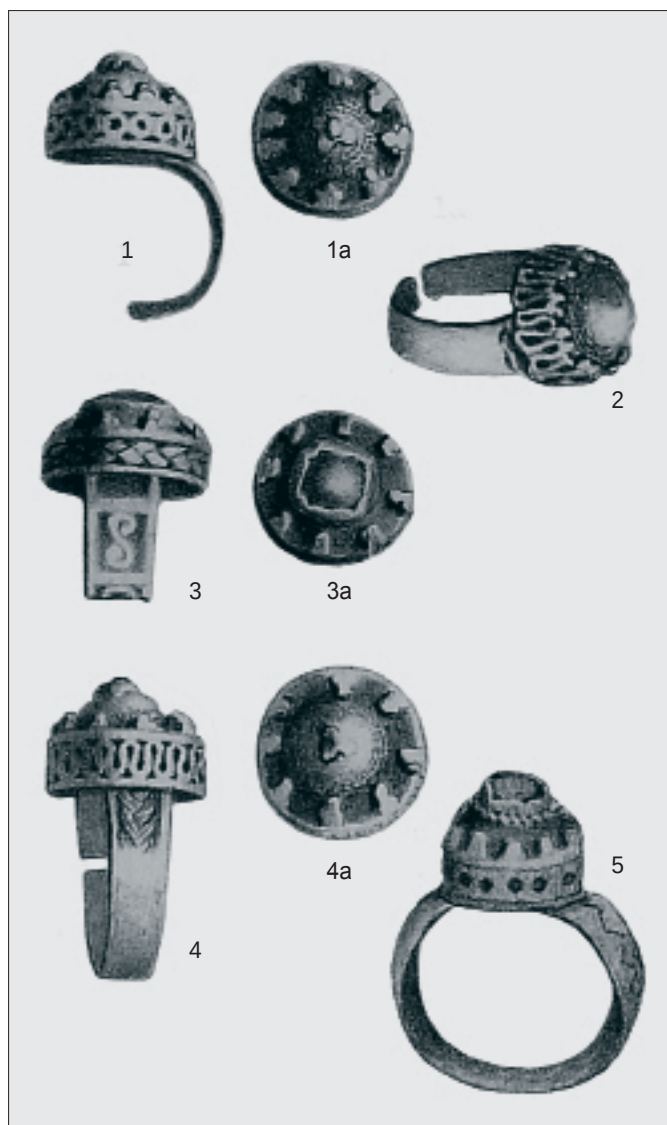
Датируется XII – первой половиной XIII вв.

Подтип А3.2 (1 экз., Болгарское городище; кат. № 70; рис. 42-4). Аналогичный предыдущему типу, только состоит он не из двух «поставленных» друг на друга кастов, а из трёх. На нижнем широком касте на боковых сторонах изображение плетёнки. На площадке – невыразительные пирамидки зерни. Средний каст по краю декорирован псевдосканью. Вставка типа кабошон, возможно сердолик.

Датируется XII – первой половиной XIII вв.

В коллекции А.Ф. Лихачёва и ОАИЭ было ещё несколько серебряных перстней, относящихся к этой группе. Некоторые из них были украшены вставками. Происходят они из Булгара. К сожалению, эти перстни не сохранились, и судить о них можно только по рисункам (илл. 271). Перстень типа «с пупышем», как называл его А. Кавка, происходит из находок из сс. Старое и Новое Альметьево. Аналогичный был в коллекции Н.Ф. Высоцкого [Кавка, 1928, с. 124, табл. 2-10]. Известны они и в Прикамье (илл. 80-1, 2).

А. В. Кавка считал такие перстни русскими, хотя и не без восточных влияний [Кавка, 1928, с. 125]. Эта группа изделий имеет узнаваемые прототипы в перстнях XI в. балканских провинций Византийской империи. Оригиналы были сделаны из золота и украшены зернью и сканью (илл. 272) [Curcic, Hadjitaryphonos, 2010, р. 274, 275, кат. 50]. В основе исходной композиции на золотых византийских перстнях крохотное изображение сиона – вида православной церковной утвари, воспроизводящей в миниатюре архитектурные формы христианского храма. Наиболее близкими аналогиями для таких

илл. 271. Серебряные перстни из Булгара (по А. Ф. Лихачёву)

скульптурных миниатюр являются византийские серебряные сионы X в. [Eastmond, 2013, p. 157, kat. №153]. Вероятно, были и более сложные композиции, отразившиеся уже в преобразённом виде на перстнях типа ПА2.2 (рис. 42-5), которые копировали серебряные многоглавые сионы или курильницы XII в.; последние декорированы чеканкой и позолотой [Даркевич, 1975, с. 130, илл. 193].

Византийские золотые перстни такого типа встречаются в Старорязанском кладе 1822 г., как и их более простые варианты. Отдельные элементы декора перстней из Булгара чётко прослеживаются на небольших подвесках – «сионцах» – дарохранительницах в виде миниатюрных храмов с эмалевыми вставками-щитками с изображением святых [Монгайт, 1955, с. 143, 144, рис. 113а-1,2,4,5; 114-13]. Византийских изделий, в том числе фрагментов тканей, изделий с перегородчатыми эмальями, крестиков, фрагментов амфор, серебряных монет византийской чеканки конца XI – начала XII вв., как отмечал А. Л. Монгайт, в Старой Рязани

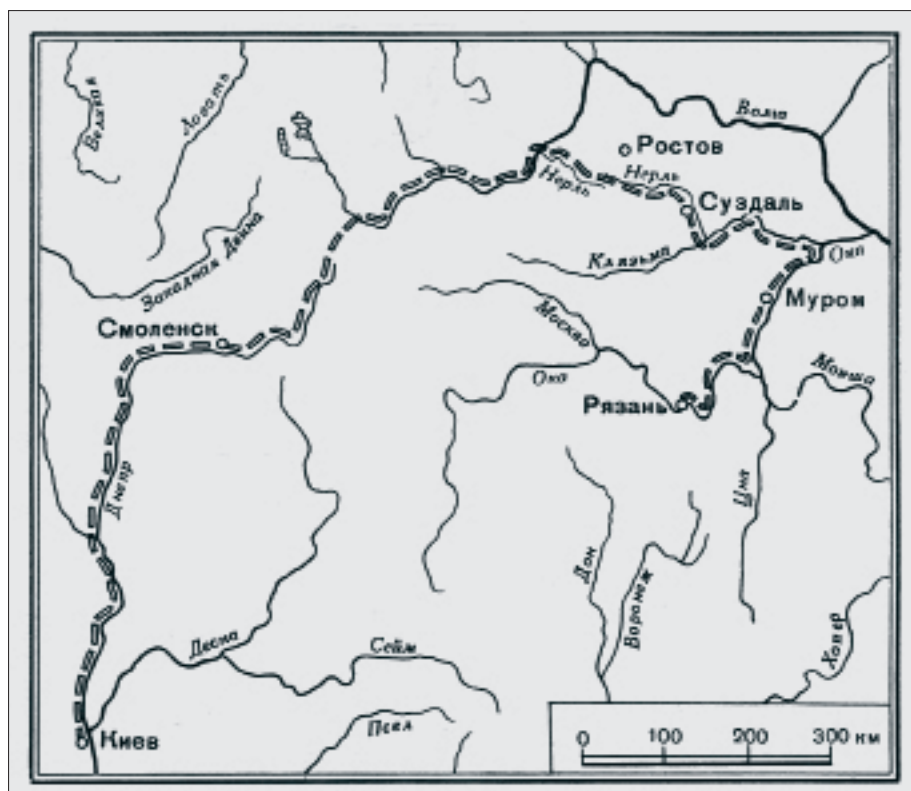
илл. 272. Золотой перстень. Византия или Балканы, XI в.

было найдено немало [Монгайт, 1955, с. 155–157]. Возможный вариант поступления византийских и южнорусских изделий в Рязань был реконструирован им для конца XI в. через Суздаль и Смоленск (карта 10). Уже в XII–XIII вв. география торговых путей, связывавших Булгарскую землю и Рязань, а через неё Киев и Новгород, существенно выросла (карта 11). Более простые перстни этих типов найдены в Киеве. Т. Г. Сарачева отнесла их к перстням класса II, типу 11, появившимся в XI в. [Сарачева, 1994, с. 92, 95, рис. 6-9,10].

Изначально такого рода изделия бытовали у священнослужителей высокого ранга, хотя и не являлись обязательной частью их одеяний [Храм, 2007, с. 144–191]. Рассмотренные перстни, скорее всего, распространялись в Булгаре среди христианского населения [Смирнов, 1958, с. 338–343]. Не исключено, что они имели хождение и в мордовской диаспоре Булгара, часть населения которой была языческой, часть исповедовала ислам, часть – христианство.

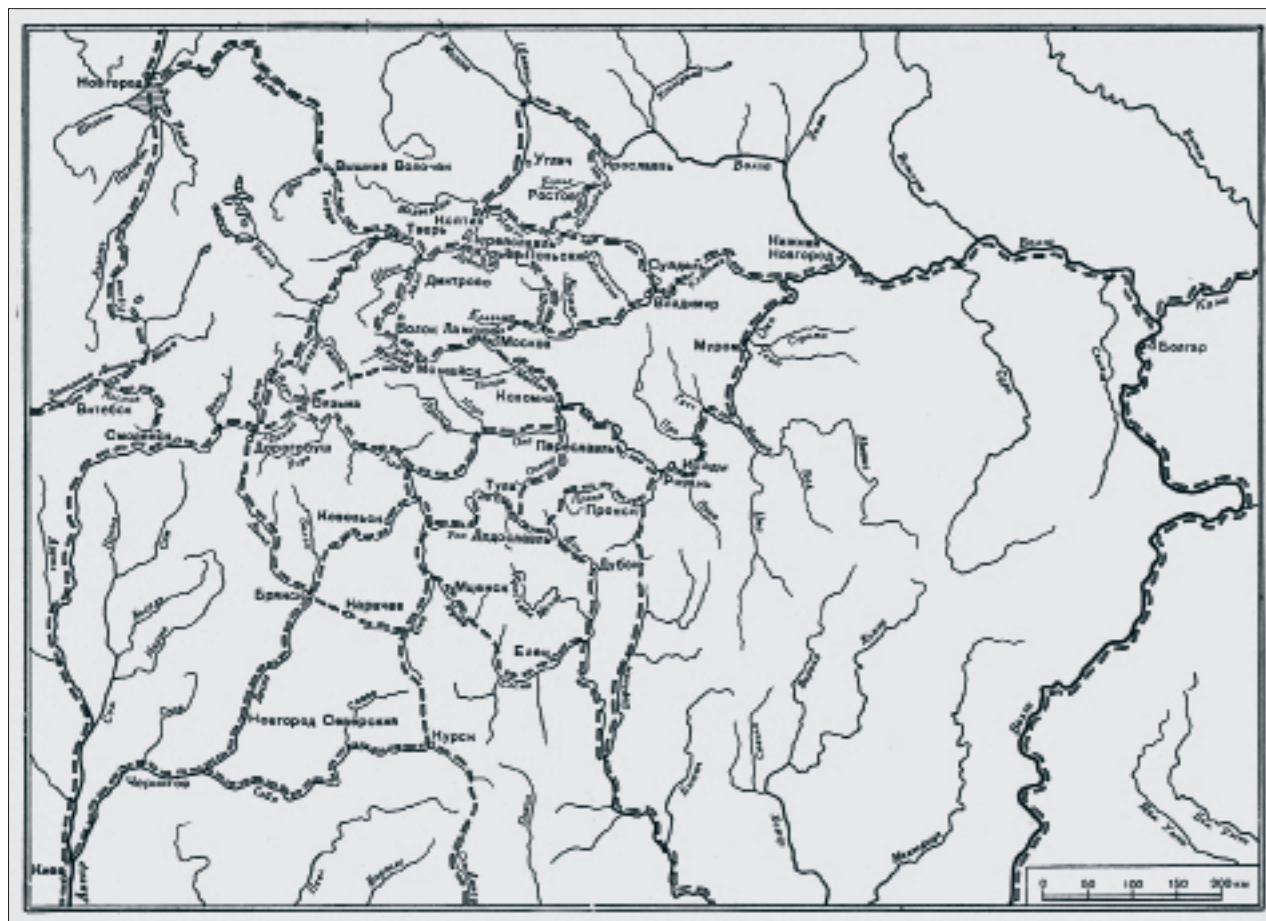
Изделия византийского производства и перстни из Булгара, кроме общей архитектуры и конструктивных элементов, объединяет ряд орнаментальных мотивов, например плетёнка (рис. 42-4, 5). Те инновации в декоре, которые мы наблюдаем на перстнях из Булгара, вероятно, возникли в результате творческой переработки изначального образа этих изделий киевскими или рязанскими ювелирами в XII в., хорошо знавшими продукцию византийских мастеров. Престижность этих украшений создавала спрос на изделия, изготовленные по их подобию, среди православного духовенства и зажиточных горожан [Даркевич, 1975, с. 299].

В Булгаре рассмотренные выше перстни сохранили только своё значение престижного украшения, утратив во многом символический смысл оригинальных изделий. Наиболее близким к производным от византийских прототипов был оригинал перстня типа ПА3.2, воспроизведённый булгарским ювелиром. Использование литья существенно удешевило эту продукцию и расширило круг потребителей. Распространение этих перстней в Булгарии относится к XII – началу XIII вв., а бытование их или им подобных можно расширить до XIV в. Это подтверждает находка аналогичного перстня в Ростове Великом, при раскопках усадьбы, существовавшей в 10-х – 40-х гг. XIII в. [Самойлович, 2007, с. 17, рис. 24-22]. Орнаментальные мотивы, которые фиксируются

на перстнях из Булгара, широко распространились в эпоху Золотой Орды, встречаясь на ювелирных изделиях, изготовлявшихся на территории от Средней Азии до Северной Руси. Например, створки от двух серебряных пластинчатых браслетов с орнаментом из гофрированной проволоки (змейки) были найдены при раскопках Можайска в слое, отложившемся в начале XIV в., хотя изготовлены они, по мнению авторов публикации (со ссылкой на Н.В. Жилину), не позднее начала XIII в. [Янишевский, Зайцева, 2010, с. 224, рис. 1-19, 20]. Также гофрированная ленточка и проволочка использованы при украшении перстней и крышечек в Новгороде, датированных XIV–XV вв. [Седова, 1981, с. 168, рис. 64-13].

карта 10. Путь из Киева в Рязань в конце XI в. (по А. Л. Монгайту)

карта 11. Торговые пути Восточной Европы XII – начала XIII вв. (по А. Л. Монгайту)

ИРАНСКИЕ ПЕРСТНИ И ПОДРАЖАНИЯ ИМ ИЗ БУЛГАРСКОГО УЛУСА ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

В эпоху Золотой Орды, особенно в XIV в., поступает разнообразный импорт из Средней Азии (Хорезма) и Ирана. Значительная часть его оседала в столице Булгарского улуса – Булгаре, а также в городах периферийных областей Золотой Орды, в частности в соседнем с Булгарским улусом городе Мохши. Изначально эти районы были тесно связаны: изделия ювелиров Булгара продавались населению, жившему на Самарской Луке, в Посурье и Приочье, а также в Нижегородском Поволжье. Особенно тесные связи были у Булгара с территориями к югу и западу от него, особенно в местах расселения мордовского населения. Примечательно, что такие изделия в большинстве случаев встречаются как в Булгаре, так и в пределах обозначенной выше территории. В этих областях в языческих мордовских могильниках встречаются находки изделий, выполненных в скано-зерновой технике, булгарских или привозных. В их числе и перстни. Они относятся к двум подтипам.

Подтип А3.3. (1 экз., Спасский уезд, собрание ГИМ [Кавка, 1928, с. 124, табл. 2-11]). С фестончатым краем (аналогичным форме типа А2.2), сверху помещена ажурная полусфера-колпачок, увенчанная шариком зерни. А. В. Кавка отметил аналоги этому типу перстней в Сирии, а также похожие изделия в мордовском Гагинском могильнике.

Датируется второй половиной XIII – XIV вв., является булгарским подражанием иранским перстням.

Несколько близких изделий встречено в Муранском и Гагинском могильниках XIV в. в Мордовии [Алихова, 1959, с. 174, 176, табл. 67-14, 17]. Один из них (Гагинский могильник, погребение №36), украшенный сканью и зернью (**илл. 273**), представляет собой конструкцию, состоящую из высокого цилиндрического основания с выступающими миниатюрными полуколоннами, на которых сверху размещены шарики зерни, окантованные сканой провололочкой, и филигранной полусферы, припаянной в центре этого основания. Полусфера выполнена из ажурной скани, окаймлена в основании сканой провололочкой; а в центре её на вершине припаян крупный шарик зерни. Золотой перстень из Булгара (**рис. 39-1**) с бирюзовой вставкой наверху аналогичной полусферы (у него только нет массивного основания), упоминавшийся выше, может рассматриваться как изделие одного круга с перстнем из Гагино.

Второй перстень из погребения №10 Гагинского могильника [Алихова, 1959, с. 171, рис. 67-17] (**илл. 274**) имеет квадратное в плане основание высотой около 0,5 см, украшенное по боковым сторонам гладью, выложенной в виде змейки, а посередине каждой из сторон – напаянных поверх этого узора узких цилиндров. Верх основания окантован двойной сканой провололочкой, при этом второй элемент декора верхушки перстня – ажурная полусфера, аналогичная той, которая была на предыдущем перстне, – оказался «заглубленным»; с четырёх сторон от колпачка-полусферы припаяны шарики зерни.

илл. 273. Серебряный перстень с круглым щитком из Булгара, XII–XIV вв. (по А. Ф. Лихачёву)

илл. 274. Серебряный перстень с квадратным щитком из Булгара, XII–XIV вв. (по А. Ф. Лихачёву)

Филигранная полусфера часто встречается на ювелирных изделиях золотоордынского времени, например, на золотой капторге первой половины XIV в. из Симферопольского клада [Сокровища, 2000, с. 317, кат. №487].

ВЫВОДЫ

Серебряные перстни со сканью и зернью, в отличие от черневых, в булгарском государстве были распространены не только в городах, но и в сельской местности: они не редкость не только на городищах, но и на селищах. Тем не менее, большая их часть сосредоточена на городищах, где были состоятельные заказчики и покупатели. При этом количественно перстни со сканью и зернью существенно уступают перстням с чернью. Время бытования этих украшений – преимущественно домонгольский период истории булгарского государства. Наибольшее распространение они получили в конце XI–XII вв., когда стали популярными не только в городах, но и в сёлах. Об этом можно судить по находкам, например, на Остолоповском и Мурзихинском селищах. На первом найдена верхушка перстня с лазуритовой вставкой в слое XI–XII вв., а на другом – шинка от перстня и каст с лазуритовой вставкой. Шинка была обнаружена в яме №2 раскопа III на этом поселении. По составу находок и стратиграфии яма датируется XII в. [Руденко, 2002, с. 42, 43, рис. 45-3]. Перстни со вставками, а также только с зернью и сканью рассмотренных выше типов встречаются (хотя и редко) в составе кладов на территории Булгарии.

В эпоху Золотой Орды такие изделия не изготавливались и в быту были вытеснены литыми перстнями другого дизайна. Впрочем, это не касалось привозных изделий, имевших распространение среди узких групп городского населения с XII в. и до середины XIV в. включительно.

О ранних серебряных и однотипных золотых перстнях с использованием в декоре зерни и скани в Волжской Булгарии мы можем судить по находкам с поселений второй половины – конца X – начала XI вв.: Семёновского, Измерского и II Билярского селищ (**рис. 35-1**). Они просты по конструкции, однако декорированы вставками из редких материалов:

лазурита, сердолика и т. п. Зернь на них очень мелкая, качественно выполнена, что отличает её от прикамских изделий и от тех, что встречаются в болгарских могильниках конца IX – первой половины X вв. (Танкеевский могильник). Эти перстни являются подражанием литым изделиям со вставками из бирюзы X в. хорезмийского производства [Вишневецкая, 2001, с. 104, рис. 41-9]. Отметим, что из находок в Болгарии имеются совершенно такие же золотые изделия (**рис. 35-2**), что может быть свидетельством того, что композиционная основа этого типа украшения была привнесённой и в данном случае заимствована от золотых перстней. Ювелир, изготовивший эти украшения, прекрасно владел технологией зерни. Возможно, он был приезжим ремесленником, переехавшим в Болгарию из Хорасана или Хорезма в конце X – начале XI вв., тем самым способствовав развитию престижной отрасли болгарского ювелирного искусства.

Во второй половине X – первой половине XI вв. у болгар распространяется другой тип перстня со скано-зерневым декором, в основе которого – припаянная к шинке полусфера-колпачок, завершающаяся крупным полым шариком (**тип IA2; рис. 36-1**). Этот тип перстня развился из традиции западной, хорошо маркируемой предметами из кладов в Гнёздово и Юрковицах [Корзухина, 1954, табл. VII, VIII]. Близок этому изделию перстень из коллекции А. Ф. Лихачёва (**тип IA2.3**). Здесь колпачок декорирован пояском зерни, опирающийся на сканую проволочку, а также сделанными из скани сердцевидными фигурами, вершины которых закреплены проволочным колечком на самой вершине.

Полусферические накладные элементы близкого типа, только из ажурной скани или полностью покрытые зернью, встречаются на восточных ювелирных изделиях, иранских и сирийских (в X в. провинции Византии). В Прикамье, где серебряные перстни типа IA2 отсутствуют, появились и долгое время имели хождение крупные экземпляры похожих изделий, где полусфера на щитке в несколько раз крупнее, а венчает её вставка из стекла или поделочного камня. Скань там не использовалась, зато не редкость – позолота, особенно на экземплярах XII–XIII вв., технология, не распространённая в болгарском ювелирном деле. Прототипы таких перстней в Прикамье встречаются не позднее IX в. (**рис. 43-2**). В погребениях они находятся вместе с серебряными ножнами, наконечниками ремней, полусферическими поясными накладками с петелькой изнутри, булавовидными височными подвесками, декорированными зернью и сканью (**рис. 43-2, 6, 11, 12, 14, 16, 18, 19, 24, 25, 26**). Прямой связи с болгарскими перстнями типа IA2 они не имеют.

К этому же кругу ремесленных изделий относится перстень с плоским круглым щитком (**тип IA1; рис. 35-3**). Один экземпляр близкого по орнаментации изделия происходит из Рождественского городища в Пермском Предуралье [Белавин, 2000, с. 103-10]. Данный тип перстней имеет прототипы в Подонье и Поднепровье. Это единственный тип серебряных с зернью и сканью перстней, который распространился одновременно в XI в. в Прикамье и Волжской Болгарии, что, вероятно, свидетельствует об одном центре первоначального их бытования и производства. Однако в Болгарии он не получил развития и если изготавливался, то, скорее всего, недолго.

Ещё один тип перстня с круглым кастом и стеклянной вставкой (**тип IA4.1; рис. 36-4**), казалось бы, мог попасть к болгарам из Подонья, судя по аналогичным изделиям из Саркела, датированным X – первой половиной XI вв. Ранние типы таких перстней (VI в. н. э.) встречаются в Прикамье (Верх-Саинский могильник) [Голдина, Перевозчикова, 2012, с. 355, табл. 12-2]. Они были привозными, как и ряд других серебряных изделий, с использованием декора из скани и зерни, в том числе серебряные плетёные шейно-нагрудные украшения (цепи). Последние, по мнению Р. Д. Голдиной, были изготовлены в мастерских византийского круга. Она считает, что на рубеже VI–VII вв. в Прикамье попадает немалое количество предметов византийского происхождения. Посредником в такого рода транзите выступал Согд. По мнению учёного, такие изделия через Бухару и Самарканд доставлялись в Прикамье. В конце VIII в. поставщиком художественных изделий стал Хорезм [Голдина, Пастушенко, Черных, 2011, с. 136, 142, 143], а византийские изделия, транзитом шедшие в Прикамье, стали попадать в Среднюю Азию через Хазарию. Хорезм, пока существовало хазарское государство, был тесно связан со Средней Волгой и выступал источником инноваций в различных видах ремёсел и поставке популярных товаров, в первую очередь украшений.

В пользу именно хорезмийского пути поступления византийских прототипов серебряных перстней типа IA4.1 косвенно свидетельствует и тот факт, что массовые серии перстней в Подонье относятся к типу «лапчатых» и были изготовлены из бронзы, а не из серебра [Плетнёва, 1989, с. 115, 116, рис. 61]. Причём распространились они в центральной части Хазарии в IX в. [Плетнёва, 1967, с. 141, табл. 36]. Именно бронзовые лапчатые перстни, генетически связанные с изделиями салтово-маяцкой культуры, широко представлены в могильниках болгар на Волге второй половины VIII – начала X вв. По наблюдениям С. А. Плетнёвой, характерные типы «лапчатых» перстней со вставками относятся к нижнему пласту культурного слоя Саркела, датированному 40–90-ми гг. IX в., и связанных с ним сооружений [Плетнёва, 1996, с. 137, 139, рис. 50]. То же можно сказать и о перстнях с Дмитриевского археологического комплекса, функционировавшего в 30–40-х гг. IX в. – 10-х гг. X в. [Плетнёва, 1989, с. 271, 283]. То есть массово они распространялись гораздо раньше¹, чем болгарский тип IA4.1.

В X – начале XI вв., по сравнению с VIII–IX вв., судя по материалам могильника Саркела, перстни в целом были меньше распространены, за исключением единичных находок, как вышеприведённой аналогии болгарскому типу IA4.1 [Албегова, Верещинский-Байбалов, 2010, с. 89–91; Артамонова, 1963, с. 56, 61, 70, рис. 44-13, 14, 15]. С середины X в. Итиль и центральные районы Хазарии торговыми путями были тесно связаны с мусульманскими государствами, хотя бы с тем же Хорезмом [Плетнёва, 1996, с. 156]. Таким образом, можно предположить, что саркельские серебряные перстни с золотой и стеклянной вставками и припаянной пластинчатой

¹ Ряд исследователей (И. О. Гавриутхин, А. В. Комар и др.) считают, что комплексы Дмитриевского могильника относятся к периоду становления салтово-маяцкой культуры [Албегова, Верещинский-Байбалов, 2010, с. 107].

шинкой были сделаны не в Хазарии, а, вероятно, в Византии или по византийским образцам.

Литые серебряные перстни со вставками из стекла и подделочных камней были распространены в Волго-Камье в IX–X вв. [Голдина, Лещинская, Черных, Бернц, 2007, с. 114, рис. 48-3], в том числе и в могильниках ранних болгар (**рис. 37-2–5**). Типы этих изделий были стандартными: литые, с овальными выемками для вставки и отлитыми корнерами для крепления этой вставки. Их могли производить на месте, используя для украшения привозные и уже готовые вставки. Для этой цели в исключительных случаях (или по специальному заказу) могли использоваться сердоликовые печати, судя по перстню из Танкеевского могильника, со вставкой с надписью арабскими буквами. Такие сердоликовые и лазуритовые печати, как правило квадратной или прямоугольной формы, по размерам совпадавшие со вставками в перстнях (кроме тех случаев, когда они использовались в оправе и монтировались во вставку перстня), в странах ислама стали использоваться отдельно, и закреплялись на тонких проволоочных дужках. Такая иноземная печать (судя по вогнутой поверхности) и была использована для украшения перстня из Танкеевки.

Остальные типы перстней со вставками, декорированные сканью и зернью, имеют в основном восточные прототипы. Какого-либо особого стиля здесь не было, хотя украшение пирамидками зерни основания каста (**рис. 36-2а, 3а**) доста-

точно оригинально, как и использование зерневых треугольников при переходе от ранта к шинке (**рис. 36-5а**). Булгарские перстни со вставками, декорированные зернью и сканью, остаются своеобразными изделиями в регионе, если сравнить их с перстнями, бытовавшими, например, в различных областях Древней Руси [Сумина, 1999, с. 167–189]. Кроме того, этот тип украшений не связан с булгарскими черневыми перстнями, которые развивались как самостоятельное направление ювелирного дела. То есть разные технологии в этой категории изделий не использовались вместе. Отметим также, что булгарских изделий из бронзы или меди, имитирующих скано-зерневые перстни, не встречено. Таким образом, перстни, декорированные зернью, сканью, за редким исключением (**типы 1А1 и 3**), сосредоточены на крупных городищах. Те же перстни, которые встречены на торговых поселениях низовой и приустьевой части Камы, большей частью импортные или изготовлены приезжими мастерами.

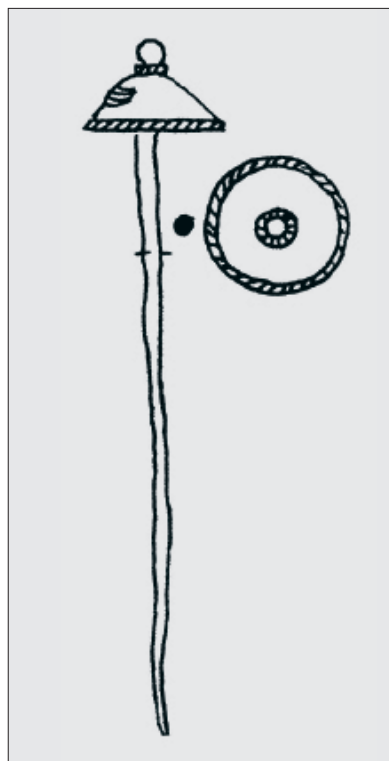
Оригинальную группу изделий представляют литые изделия, имитирующие киевские копии византийских перстней с миниатюрным изображением сиона, найденные в Булгаре. Первичные копии византийских оригиналов, видимо, изготавливались в Киеве в XII в. Тогда же, возможно, стали появляться и русские модификации в Новгороде и, возможно, в Рязани, и оттуда они уже проникли в Волжскую Булгарию. Возможно, что часть из них получала новую трактовку и в Булгаре, с учётом местных традиций.

ЗАКОЛКИ

Заколки для причёски или головного убора (**2 экз.**) найдены на Рождественском селище (**1 экз.**) и Болгарском городище (**2 экз.**, НМ РТ, №148, Бул. 23 [Болгар, 1868, табл. VIII-11; X-14, 15]). В 2012 г. на Булгарском городище при раскопках И. И. Ёлкиной был обнаружен клад серебряных украшений, в числе которых были и серебряные заколки, аналогичные рассматриваемым нами (БГИАМЗ, инв. №№1526; 1527). Заколки представляют из себя иглу с полусферической головкой, украшенной в основании сканью и треугольниками зерни. Иногда декор ограничивается сканой окантовкой и шариком зерни на кольцевом основании (**илл. 275**). Длина в среднем 5,6 см; диаметр основания головки 1,1 см, высота 1,1 см. Один или несколько шариков зерни помещались на вершине полусферы. Идентичные им известны с Болгарского городища из собраний XIX в. На некоторых из этих изделий центральный шарик закреплён на сканом колечке.

За пределами Булгарии такие заколки были в составе Никольского клада с монетами XIV в. в Пензенской области [Винничек, 2003, рис. 1-5].

Датируются булавки XII–XIII вв. Скорее всего, они бытовали только с рубежа XII–XIII вв. и в течение XIII в. до последней четверти столетия (уже пережиточно), когда произошла окончательная смена украшений элитного булгаро-ордынского костюма. С чем связано их появление в булгар-

ском костюме, пока не ясно, поскольку этот аксессуар не использовался в X–XI вв. и был привнесён в булгарскую культуру позднее. Встречаются они редко и чаще в составе кладов XII–XIV вв.

илл. 275.
Серебряная булавка
из Рождественского
городища (Лаишевский
район РТ), XII–XIV вв.
Прорисовка
К. А. Руденко

П Л Е Т Ё Н Ы Е И В И Т Ы Е И З Д Е Л И Я

П Л Е Т Ё Н Ы Е Б Р А С Л Е Т Ы С Ш А Т О Н А М И

Плетённые браслеты со вставками (только на них имеются зернь и скань) широко распространены на территории Западной и Восточной Европы с IX–X вв. В XI в. они встречаются на поселениях и могильниках Среднего Поволжья, с X в. – в болгарских древностях. В отличие от других категорий болгарских изделий, эта продукция болгарских ювелиров была популярна и за пределами Волжской Булгарии. Существование близких по типу региональных украшений из плетёной проволоки создавало спрос на болгарскую продукцию на международном рынке. Однако ареал их распространения был не безграничен. Он охватывал только те районы, которые в той или иной степени попадали в зону экономических интересов Булгарии: в XI–XII вв. – от Рязанского и Владимиро-Суздальского княжеств и до Вятки и Вычегды. Но даже здесь это единичные находки. Массового импорта плетённых браслетов не было. На Урале и в Зауралье браслеты свободного плетения с шатонами не встречаются.

У себя на родине – в Волжской Булгарии, плетённые браслеты были очень распространены и имели хождение как в городе, так и на селе. При этом ажурные болгарские плетённые браслеты, характерные для городской элитной культуры, шатонами декорировались не часто. Тонкая и гибкая кованая площадка была неудобна для крепления дополнительной детали, и приходилось такие браслеты делать либо из толстой проволоки, уменьшая количество переплетаемых проволок (*илл. 276*), либо используя широкие лопасти, устойчивость которых к деформации и изгибу достигалась ковкой окончаний нескольких проволочных жгутов (*илл. 277*). Как ни странно, серебряные браслеты со вставками, декорированными сканью и зернью, редко встречаются на территории Булгарии. В большей части

они известны по находкам вкладах – Спасском (1869 г.), Ургарском (1928 г.) и Сабакайском (1870 г.).

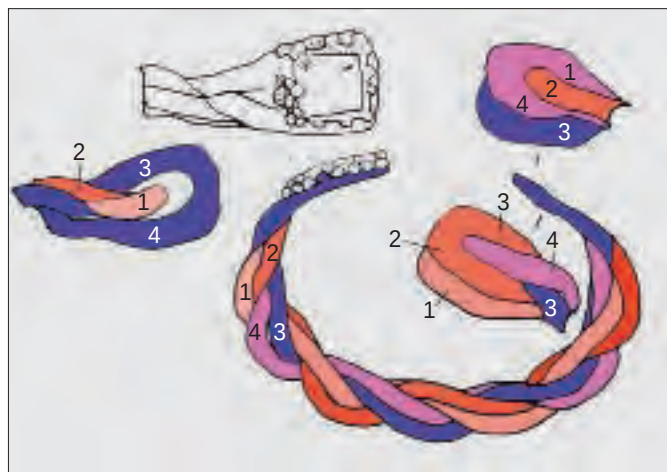
Браслеты со вставками изготавливались не только из серебряной, но из медной проволоки, точнее, в большинстве случаев, из серебряной, но с большой добавкой меди. Вставки делались, как и в случае с перстнями, из сердолика, янтаря и стекла. В последнем случае под стекло подкладывалась цветная ткань. Нами учтено 7 браслетов со вставками, касты которых декорированы сканью и/или зернью.

Представлены браслеты одним **отделом** – плетённых проволочных. По количеству свитых жгутов определяется **тип** изделия, по наличию дополнительных элементов декора – **подтип**.

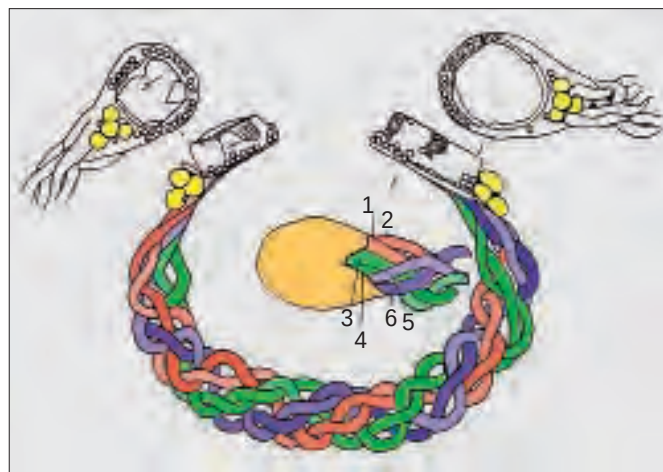
Тип 1 – проволочные браслеты, сплетённые из одного 2-проволочного жгута, согнутого пополам (2х2); окончания браслета прокованы, чтобы проволока не расходилась при ношении, но при этом отдельные жгуты остаются хорошо различимыми (*рис. 45-1; 53-1–7*).

Подтип 1.1 (1 экз., Измерское селище; рис. 45-2) с кастом каплевидной формы. Браслет сплетён из одного 2 проволочного жгута, согнутого пополам. Окончания расплюснены в ровную круглую пластинку, на которую припаян каст каплевидной формы (1,5х1,2 см) с сердоликовой вставкой. Каст декорирован сканью и зернью. Проволока, взятая для изготовления браслета, содержит большую примесь меди. В коллекции АМ К(П)ФУ (АКУ-2) имеется образец плетёного медного браслета с аналогичным кастом каплевидной формы, только меньшего размера (*илл. 278*).

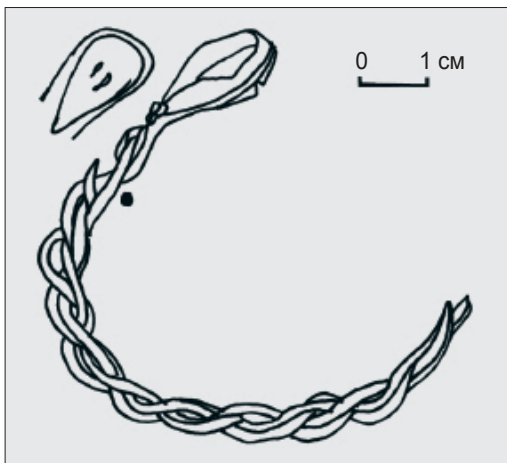
Датируется концом X – XII вв.

илл. 276. Схема плетения браслета из 4-х проволок. Рисунок К. А. Руденко

илл. 277. Схема плетения браслета из 6-х проволок. Рисунок К. А. Руденко

илл. 278. Бронзовый браслет с овальным кастом. Собрание НМ РТ

илл. 279. Серебряный браслет с шатоном (вставка из сердоликовой бусины) из Спасского кладе 1869 г. (по Н. П. Кондакову и И. И. Толстому)

Вставки каплевидной формы встречены на плетёных браслетах (только другого типа плетения) в вятических могильниках XI–XII вв. и в Новгороде [Зайцева, Сарачева, 2011, с. 223, рис. 109-6; Седова, 1981, с. 97, рис. 34-13]. В Поветлужье и Приоche плетёные браслеты этого типа с шатоном каплевидной формы встречаются с XI в. В XII–XIII вв. единичные экземпляры браслетов с шатоном каплевидной формы в Поветлужье встречаются, но сплетены они только из 2 проволок [Архипов, 1986, рис. 31-3].

Подтип 1.2 (3 экз., Билярское, Болгарское городища; Ургарский клад 1928 г.; **кат. № 237, 239, 240; илл. 276** (7,8x5,8x1,8 см) с квадратным кастом (размер в среднем 1,8x1,7x0,6 см), окаймлённым треугольниками зерни. Без скани. Вставки, как правило, стеклянные, из полупрозрачного стекла желтоватого (**кат. № 239**) или зеленоватого цвета. Неогранённые. На браслете из Булгара (**кат. № 240**) одна вставка сделана из фрагмента кашинной керамики с белой (молочного цвета) глухой основой, покрытой прозрачной глазурью. Ещё один браслет известен с Болгарского городища [Болгар, 1868, табл. VI-2].

Датируются второй половиной XII – первой половиной XIII вв.

Тип 2 – провололочные браслеты, сплетённые из двух 2-проволочных жгутов, один из которых согнут пополам, как у браслетов типа 1, а второй приплетён к нему дополнительно, т.е. в целом браслет сплетался из 3 жгутов (2x3) (**илл. 277**); окончания браслета расплющены и спаяны в сплошную лопасть в виде лопаточки, чтобы проволока не разошлась при изгибе; отдельные жгуты послековки и пайки не заметны (**рис. 45-4; 53-12–16**). Есть и немногочисленные исключения, где окончания браслетов только расплющены, и отдельные жгуты остались видны (**рис. 53-14**).

Подтип 2.1 (1 экз., Билярское городище; **кат. № 238; рис. 53-11**) с квадратным и круглым (овальным) глухим

кастом. Плетёный браслет из трёх жгутов из проволоки диаметром 0,25 см (9,1x7,9x2,3 см). Концы раскованы в ровные площадки, и к ним сверху припаяны касты (2,3x1 см) для вставок (1,5x1,9 см) (сами вставки утрачены). В нижней части каста припаяны тройные пирамидки зерни диаметром 0,2 см. У основания каста (с внутренней стороны) напаяны пирамидки из 4 шариков крупной зерни диаметром 0,5 см. Между ними впаяны шарики мелкой зерни.

Аналогичные браслеты (2 экз.) были найдены в Спасском кладе 1869 г., они повторяют билярский браслет в деталях (**илл. 279**). Однако в качестве вставок здесь использованы сердоликовые многогранные бусины, узнаваемые по сквозному отверстию и огранке [Гущин, 1936, табл. XXXI-3, 4].

Датируются XII – началом XIII вв.

Известны золотые браслеты этого типа из Биляра (?), украшенные кастами со вставками (**илл. 280**). Как и в случае с перстнями, глухой прямоугольный каст в основании окаймлён сканой провололочкой, поверх которой припаяны пирамидки зерни (**илл. 215**). Со стороны браслета напаяны крупные полые шарики в виде пирамидки из 4 элементов. Видимо, это было сделано, чтобы закрепить каст, поскольку зерно идёт поверх верхних шариков. Вставка типа кабошон сделана из сердолика.

илл. 280. Часть золотого браслета с шатоном. Собрание НМ РТ

КОПИИ БУЛГАРСКИХ ПЛЕТЁНЫХ БРАСЛЕТОВ С ШАТОНАМИ XIV В.

Единственный плетёный браслет эпохи Золотой Орды с двумя круглыми шатоном, украшенными с боковых сторон зерневыми треугольниками и сканью, которая положена по краю основания каста и огибает зерновые пирамидки у каста со стороны спинки, найден в женском погребении №36 мордовского Гагинского могильника, датированного монетами 1352–1365 гг. [Алихова, 1959, с. 173, 189, 190, рис. 68-16]. Вставки каменные. В этом же погребении находились перстни – разновидности типа А3.3 (см. выше) – подражания иранским изделиям. Часть украшений в этом захоронении архаична и связана с ювелирными мастерскими Булгара XIII – первой половины XIV вв. Этот плетёный браслет является поздней копией болгарских браслетов начала XIII в., как и второй серебряный литой браслет с имитацией прямоугольного каста с выгравированными треугольниками (показывающими зернь) и отлитой пирамидкой крупной зерни. Последний браслет имеет круглое сечение [Алихова, 1959, с. 173, рис. 68-16].

ШАТОНЫ НА БРАСЛЕТАХ

Форма каста. Шатоны, использовавшиеся на браслетах, различные. Их можно сгруппировать по форме каста в несколько видов. *Первая* разновидность шатона: глухой низкий каст *каплевидной формы* с подогнанной под него каплевидной сердоликовой вставкой качественной огранки и полировки (браслет типа 1; **рис. 45-2**). Каст в основании окантован очень тонкой витой сканой проволочкой, окончания которой замаскированы пирамидкой зерни. Эта форма каста и сердоликовые каплевидные вставки являются одними из ранних и характерны для изделий профессиональных болгарских ювелиров XI – начала XII вв. Не исключено, что для некоторых изделий болгарские ювелиры использовали специально отлитые касты, которые имитировали не только форму, но и декор – скань по краю и зерневую пирамидку у острой части каста (**рис. 54-1, 1а**). Форма каста в виде капли встречается на браслетах XII–XIII вв., распространённых в Новгороде (хотя находки их встречаются от Дуная до Предуралья), причём совпадают многие элементы декора – скань или её имитация по краю (как вариант – ложная зернь), три шарика зерни у острия каста. Все эти браслеты литые [Седова, 1981, рис. 42-5, 14].

В регионе витые браслеты с шатоном каплевидной формы, со сканью и зернью появляются с рубежа X–XI вв. (Веселовский могильник на Ветлуге, погребение №6: [Никитина, 2012, с. 131, рис. 25-6]). Однако здесь браслеты с такими вставками не болгарские – они имеют дополнительную сканью проволочку, вплетённую в плотное проволочное витие браслета, что характерно для древнерусских ювелиров. Эта форма каста была распространена на изделиях, встречающихся на Верхней и Средней Волге в XI–XII вв., и продолжала быть востребованной у ювелиров в конце XII – начале XIII вв. Браслеты с такими шатоном делались из серебра,

меди или бронзы и даже железной проволоки, перевитой медной полоской [Захарова, 2009, с. 168].

Как уже было сказано, касты и закреплённые в них вставки этой разновидности могли изготавливаться отдельно и крепиться на браслеты другими мастерами. Кроме находок отдельных литых кастов, которые могли использоваться и для новых отливок (**рис. 54-1**), это предположение косвенно может быть подтверждено и тем фактом, что на 6-проволочные болгарские браслеты припаивались шатоны разной формы (**рис. 45-4**) и разного качества.

Вторая разновидность шатона – глухой каст *круглой* или *овальной формы* (можно сравнить со вставками перстней типа IA4.1), украшенный только зернью в виде треугольников. Вставки для таких шатонов были в основном стеклянные, хотя встречаются и янтарные. Возможно, были и сердоликовые, но такие нам не известны. Эти шатоны крупнее, чем каплевидные, при этом, кроме мелкой зерни, здесь использовались и полые шарики диаметром 0,5 см, составленные в пирамидку и припаянные в том же самом месте, как и на вставках первой разновидности. Судя по наложению зерни, хаотичной и плохо закреплённой, с некоторыми отступлениями от принятых норм композиции, мастер владел этой техникой не в совершенстве, хотя профессионально он был подготовлен хорошо. Это, безусловно, работа местного ювелира, работавшего в одной из городских мастерских Биляра или Булгара или в провинциальной мастерской какого-либо малого болгарского городка. Судя по аналогиям, шатоны этой разновидности чаще всего использовались в XI–XII вв.

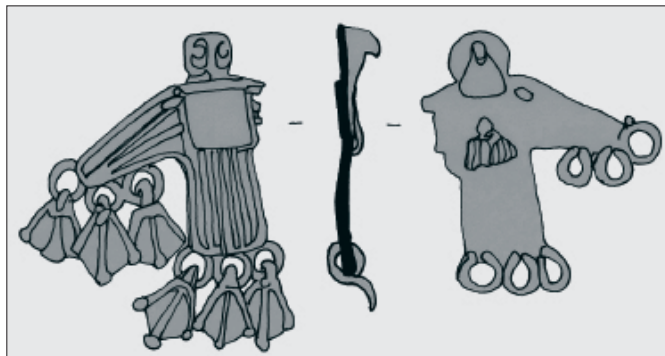
Третья разновидность шатона – глухой каст *квадратной* или *прямоугольной формы*, окантованный у основания треугольниками зерни среднего размера (**рис. 45-3**). Вставка – стеклянная, как правило полупрозрачная, с желтоватым или зеленоватым оттенком. Возможно, были вставки и из горного хрусталя. Зернь сильно деформирована при пайке. Сам каст в рассматриваемых случаях припаян очень некачественно, из-за чего нередки были случаи его утраты (**рис. 45-3**). Вставки в такие касты, конечно, могли быть и из других материалов, например, поделочных камней, в том числе сердолика или янтаря и т. п. Однако пока таких случаев не отмечено. Отличить вставки от перстней и от браслетов затруднительно: по размеру и огранке они мало отличались [Полубояринова, 2008, с. 53, рис. 3-23].

Четвёртая разновидность шатона – *квадратной формы*, где в качестве вставки использован фрагмент глазурованной керамики белого (молочного) и бирюзового цвета, без фоновых рисунков (**рис. 45-е**). Такой приём декорирования редок. За пределами Булгарии случай такого использования фрагмента керамики зафиксирован в Прикамье для украшения подвесок-лунниц (Волгинский клад) [Белавин, 2000, с. 86, рис. 36-17, 22], экспозиция ПКМ).

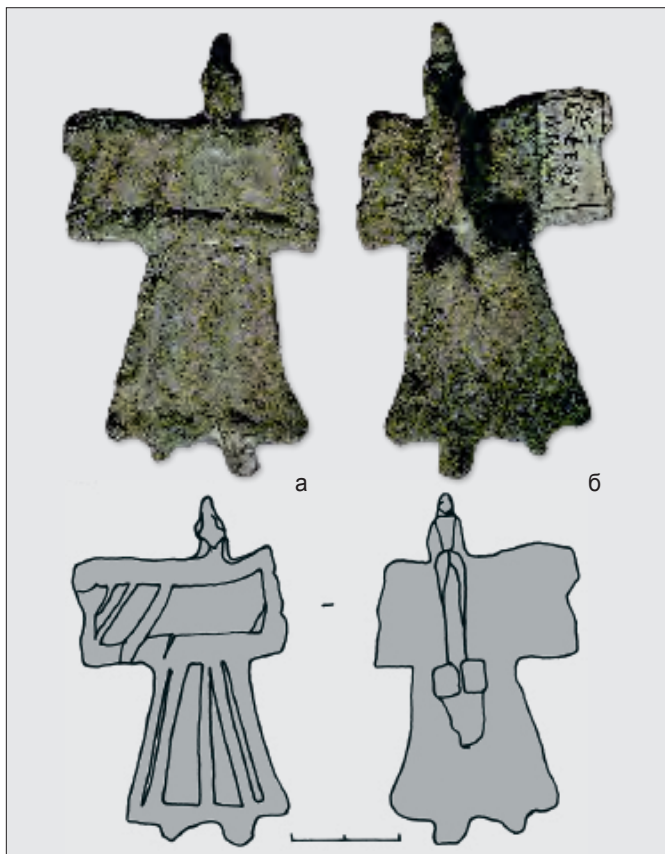
Глазурованная кашинная керамика в Булгарии домонгольского времени была импортной, чаще всего из Ирана, и встречается преимущественно в крупных городах, например в Биляре; в домонгольских слоях Булгара только в единичных случаях. Монохромная белая полива по всему сосуду (чаще всего это были чаши) характерна для Ирана конца XII – начала XIII вв. [Полубояринова, 2008, с. 70, рис. 71-2].

Пятая разновидность шатона – многогранный обжатый по форме вставки каст, в который помещалась сердоликовая бусина.

Шатоны на болгарских изделиях из меди и бронзы. Украшение болгарскими мастерами ювелирных изделий шатоном распространялось не только на браслеты или перстни и не только на изделия из серебра или золота. Встречаются, хотя и очень редко, интересные изделия из бронзы. К ним можно отнести птицевидную подвеску, найденную на одном из болгарских поселений низовий Камы (илл. 281). Она (за исключением шатона и ряда деталей) является точным воспроизведением подвески из Кузьминского могиль-

илл. 281. Бронзовая литая шумящая подвеска в виде птицы с кастом. Алексеевский район РТ (по К. А. Руденко)

илл. 282. Бронзовая литая подвеска из Билярского городища. Собрание НМ РТ. Прорисовка К. А. Руденко

ника в Удмуртии (погребение № 133, датированное рубежом XI–XII вв.) [Иванова, 1992, с. 64, рис. 14-1].

На Билярском городище найдена подвеска этого типа, только без шатона (илл. 282). Аналогичные подвески найдены на городище Шудья-кар в Удмуртии [Голдина, Лещинская, Черных, Бернц, 2007, с. 180, рис. 114-2]. Изделия эти литые по восковой модели.

Шатоны на серебряных украшениях, найденных за пределами Волжской Булгарии, атрибутированные как болгарские. К числу таких изделий отнесены разнообразные предметы: от отдельных круглых блях до различных украшений головного убора, причёски, шейных цепочек и т. п., найденных преимущественно в Предуралье.

В фондах НМ РТ из коллекции ОАИЭ имеется часть шейно-нагрудного украшения (рис. 32-23) – его центральной привески в виде толстой серебряной пластины, по форме напоминающей топорик (илл. 283). Паспорт находки утрачен; скорее всего, это изделие было приобретено в Вятской губернии, куда члены ОАИЭ совершали археологические экскурсии. Судя по материалам раскопок на Выгегде, пластина крепилась на гибкой цепочке, плотно сплетённой из нескольких проволоочных жгутов (илл. 284). Иногда на цепочке размещались специальные ограничители в виде тройных литых позолоченных бусин-пронизок (илл. 285).

илл. 283. Серебряная топориковидная подвеска. Прикамье, XII–XIII вв. Собрание НМ РТ

илл. 284. Серебряная топориковидная подвеска из Вымских могильников, XII–XIII вв. Собрание музея КНЦ УрО РАН

илл. 285. Серебряная топориковидная подвеска из Вымских могильников. Деталь

Такие изделия распространены у финского населения Предуралья, хотя в целом их найдено не очень много, при этом все экземпляры не имеют точного места обнаружения [Белавин, 2000, с. 82, рис. 34–20–23]. Несколько привесок известно из Зауралья (**илл. 286**). Из раскопок Солдырского могильника Чемшай в Удмуртии происходит аналогичное изделие, украшенное зернью, штампованной проволокой и шатоном с квадратным кастом и янтарной (?) вставкой (**илл. 287**). Они, как правило, имеют один каст со вставкой из прозрачного, чуть желтоватого стекла. Квадратный каст впаян в конструкцию из штампованных проволочек (катушечная филигрань), стыки отрезков которых прикрыты шариками зерни. Рисунки на привеске выполнены по одной композиционной схеме: орнаментальная плоскость разделена декоративным пояском (в центре которого находится каст со вставкой) на две половины. Каждая половина заполнена узором из зерни. При этом узоры не повторяют друг друга, хотя вся композиция строится на сочетании треугольников, ромбов и розеток.

илл. 286. Серебряная топорикивидная подвеска из Зауралья, XII–XIII вв.

илл. 287. Серебряная топорикивидная подвеска из Солдырского могильника Чемшай (Удмуртия), XII–XIII вв. (по М. Г. Ивановой и К. И. Куликову)

С тремя кастами и стеклянными вставками зафиксирована только одна такая привеска, найденная в Приобье у с. Мужы в Тюменской области (собрание ГЭ), вместе с серебряным плетёным древнерусским браслетом XII в., окончания которого украшены эмалевыми или чернёными рисунками. На этом изделии при общности общей схемы орнамента есть несколько любопытных деталей, на которые необходимо обратить внимание. Это – использование зерневых розеток для заполнения фона между ромбами и треугольниками из зерни и декор из расположенных в нижней части привески

в шахматном порядке крупных шариков зерни, припаянных к колечку гладкой скани чуть меньшего размера, чем диаметр зёрен [Каталог, 2009, с. 372, 373, кат. №№ 694]. Аналогичный приём использован при изготовлении ещё двух привесок из Пермского края [Белавин, 2000, с. 82, рис. 34–20, 24].

Эти элементы болгарские ювелиры не использовали, но они были широко распространены в древнерусском ювелирном деле (как и использование штампованной проволоки) и характерны для XII–XIII вв. Сочетание болгарских мотивов в рисунке и общей орнаментальной композиции, и древнерусских элементов в технологии, позволяет предположить, что начало изготовления этих привесок приходится на начало XIII в., тиражирование их происходило на протяжении всего этого столетия, и не исключено, что и в XIV в., хотя небольшое количество известных на сегодняшний день такого рода изделий заставляет думать, что этот процесс был не очень длительным. Интересно, что абсолютно одинаковых привесок нет, а отличия в деталях оформления свидетельствуют об исключительно индивидуальном изготовлении каждого изделия. Вместе с тем, по вышеотмеченным деталям они обнаруживают сходство с рядом других серебряных изделий, например, с круглоконечными браслетами с шатоном и некоторыми сложными украшениями головного убора или причёски (см. ниже).

Интересен тот факт, что пермско-финские украшения с XI в. начинают декорироваться квадратными шатоном со стеклянными вставками. Состав кладов, где такие изделия представлены как единый комплекс, позволяют проследить определённые закономерности этого процесса. Это, прежде всего, то, что богаче декорировались исключительно украшения традиционного прикамского костюма – иноземных предметов в составе кладов не встречается. Второе – использование определённого комплекса технологических приёмов в новом дизайне: золочение фона, шатоны со стеклянными вставками в квадратном или прямоугольном касте, использование штампованной проволоки вместо скани. Показателен в этом отношении Лёкмартовский клад в Чердынском районе Пермского края, опубликованный в отдельной статье [Головчанский, Мельничук, Скорнякова, 2013, с. 133–143]. В его составе, кроме булавовидных подвесок, шумящих украшений, было серебряное флаконовидное изделие – распространённый предмет в Прикамье в X–XIII вв., но в этом случае, по мнению авторов публикации, уникальный тем, что у него были дополнительные привески на цепочках, сделавших его шумящим украшением. Кроме того, с двух сторон это изделие было украшено кастами со стеклянными вставками [Головчанский, Мельничук, Скорнякова, 2013, с. 141, рис. 1–2].

ВСТАВКИ

Вставками в шатоны плетёных браслетов были: 1) стеклянные пластины, как правило, круглой или квадратной формы; 2) гранёные сердоликовые камни квадратной прямоугольной и каплевидной формы; 3) куски янтаря, которым придана форма квадрата или круга; 4) сердоликовые битрапеционид-

ные бусы; 5) мелкие фрагменты привозных глазурованных сосудов.

1) *Стеклянные квадратные (прямоугольные) вставки (рис. 45-б)*. Они редки на болгарских памятниках. На Билярском городище встречена одна стеклянная вставка (1,1 x 1,1 см), которая могла быть использована и на перстне, и на браслете [Валиулина, 2005, с. 117]. Высокое качество стекла позволяет предполагать, что она была привозной. На Болгарском городище их больше – 9 экз. Они квадратной и прямоугольной формы (от 1,1 x 1,1 до 1,3 x 1,5 см) (тип III по М.Д. Полубояриновой), сделаны из бесцветного прозрачного стекла [Полубояринова, 1988, с. 198]. На Лаишевском селище XI–XIV вв. найдено три вставки. Они, скорее всего, относились к браслетам, поскольку из достаточно большого числа находок перстней на этом памятнике со вставками не встречено ни одного экземпляра. Одна из лаишевских вставок – гранёная пирамидальной формы – сделана из бирюзового прозрачного стекла. По данным Е.К. Столяровой, исследовавшей эти вставки, она изготовлена литьём. Две других – круглая из жёлто-зелёного стекла, овальная – из прозрачного, бежевого изготовлены литьём на плоскость, а круглая вставка дополнительно отпрессована. Круглая и овальная вставки по составу стекла отнесены к древнерусскому производству XII – первой половины XIV вв. Полоцка, Новгорода или Смоленска [Столярова, 2005, с. 54–55, рис. 1-36–38].

Работа со стеклом билярскими мастерами началась в XII в., и вставки местного производства не могли появиться ранее этого времени [Валиулина, 2005, с. 143]. Можно допустить, что болгарские ювелиры могли утилизировать привозные стеклянные изделия и изготавливать стеклянные вставки [Щапова, 1997, с. 89]. Однако бусы для этого малопригодны, браслеты, перстни очень редки на болгарских памятниках, а посуда в небольших сериях представлена только на Билярском городище. На основании вышесказанного можно предположить, что стеклянные вставки, как для браслетов, так и для перстней в X–XI вв., и большая часть таких изделий в XII в. были привозными.

В целом, стеклянные вставки для браслетов датируются XII – началом XIII вв. На памятниках золотоордынского времени стеклянные вставки для плетёных браслетов не встречены, поскольку сами браслеты рассмотренных типов уже не изготавливались. Они прекращают бытование в XIII в., в первой половине столетия, и только в северных районах расселения мордвы в XIV в. (Ефаевский, Старосотенский могильники) встречены браслеты такого типа.

2) *Сердоликовые квадратные, каплевидные*. Такой формы вставок в материалах Билярского и Болгарского городищ не отмечено. Огранённые вставки квадратной формы встречены на I Измерском селище второй половины X–XIII вв. [Казаков, 1991, с. 90, рис. 33-28, 29]. Огранка сделана по типу табличчатой – простая разновидность ступенчатой огранки [Зубрилина, 2006, с. 72].

3) *Янтарные квадратные, прямоугольные и круглые*. Известны три экземпляра вставок прямоугольной формы (1,8 x 1,3 x 0,6 см) типа кабошон. М.Д. Полубояринова считает, что они датируются домонгольским временем [Полубояринова, 1991, с. 87]. Булгарскими ювелирами янтарь мало

илл. 288. Серебряная арочная шумящая подвеска из Прикамья, XII–XIII вв. Собрание ПКМ

использовался для вставок, хотя он поставлялся в болгарские ювелирные мастерские регулярно до монгольского нашествия, а изделия других типов, сделанные из него булгарскими ювелирами, очень разнообразны – от бусин до подвесок и перстней. Редок он и на серебряных украшениях в Прикамье, ближайшем от Булгарии регионе. Это две арочные подвески, в центре которых размещены три янтарные вставки, сгруппированные в треугольник. Вставки – овальной формы, помещённые в глухой каст, окаймлённый у основания сканью [Белавин, 2000, с. 88, рис. 37-2] (**илл. 288**).

4) *Битрапециоидные сердоликовые бусины (илл. 289)* – самый распространённый вид каменных бус, встреченных в Поволжье и Прикамье. М.Д. Полубояринова выделяет два подтипа – с пояском и без пояса. Первые (**илл. 290**) датируются XII в. и, вероятно, привезены из Хорезма; вторые имеют более широкую датировку – XI–XIV вв., преимущественно XII–XIII вв. (**рис. 45-а**). На Болгарском городище большая часть этих находок происходит из отложений золотоордынского времени. Кроме Булгара, они встречаются на золотоордынских городищах Нижней Волги [Полубояринова, 1991, с. 27–29].

илл. 289. Сердоликовая битрапециоидная бусина. Собрание НМ РТ

илл. 290. Сердоликовая битрапециоидная бусина с пояском. Собрание НМ РТ

илл. 291. Битрапециоидная бусина из горного хрусталя. Собрание НМ РТ

илл. 292. Стекланные и каменные бусины X–XI вв. с Измерского селища

илл. 293. Стекланные и каменные бусины из Пермского Предуралья, XII–XIV вв. Собрание ПКМ

илл. 294. Серебряное украшение с шатоном, где в качестве вставки использована сердоликовая бусина. Зауралье, XII–XIV вв.

На Биярском городище битрапециоидные сердоликовые бусины найдены в культурном слое XII – начала XIII вв. на раскопах XIX, XX, XXIII, XXXVI [Хузин, 1995, с. 178, 192, 201, 202, рис. 10-1, 2; 24-35; 33-1; 34-8]. Все они средних размеров – в пределах 1,2–1,5 x 0,6 см. Есть и более крупные – до 2 см в диаметре. Крупные бусины как вставки не могли применяться – слишком велики они были. На большинстве битрапециоидных бус есть пояс.

Какой разновидности бусы, использовавшиеся в качестве вставки на браслетах, сказать трудно – видна только верхняя половина бусины. Однако, судя по находкам в Биярске, где преобладают бусы первого подтипа, можно предположить, что они использовались и в качестве вставок. Интересно, что с этого памятника из подъёмного материала и из раскопок происходят небольшого размера битрапециоидные бусины, но сделанные из хрусталя (**илл. 291**). В качестве вставок они не использовались.

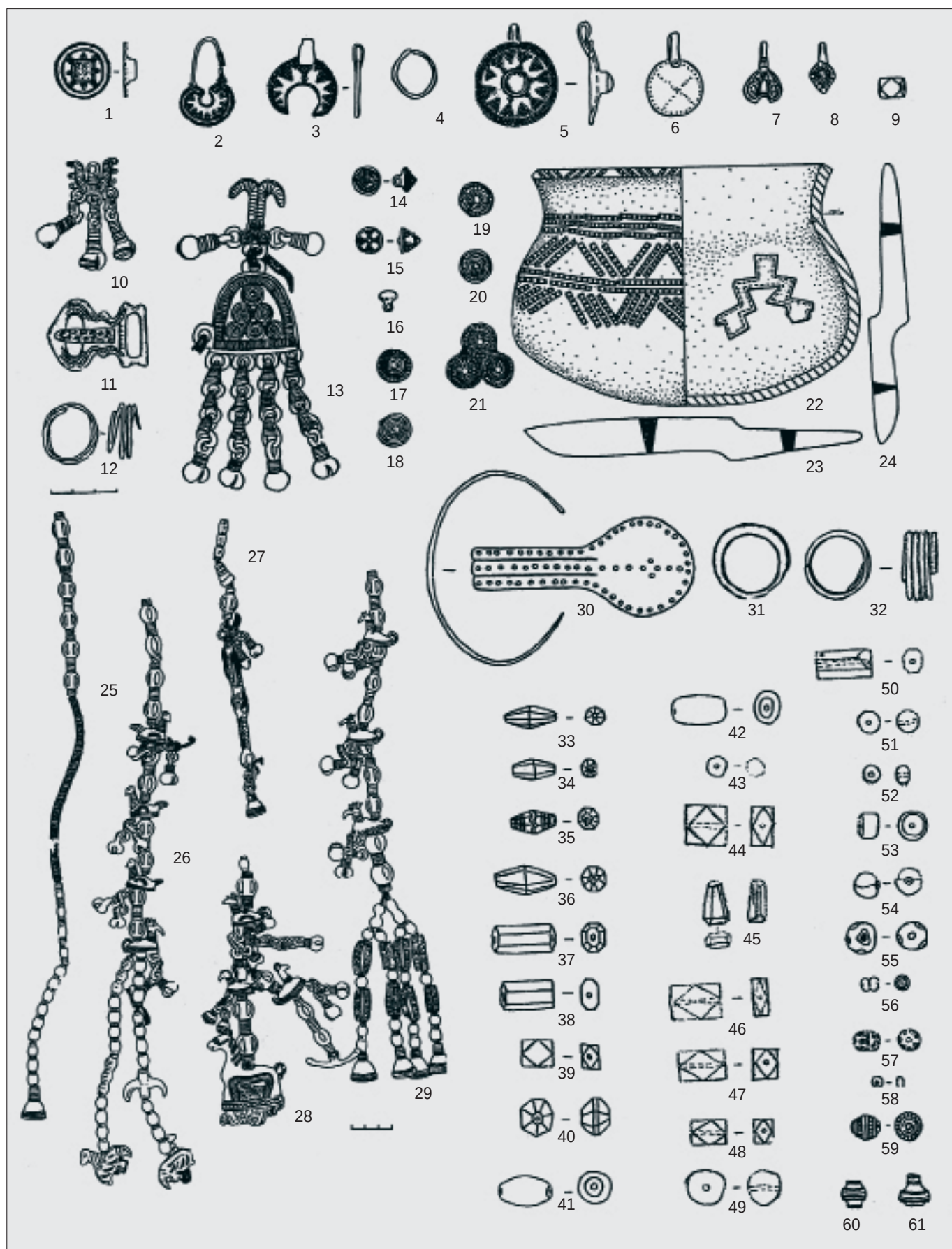
На болгарских селищах сердоликовые битрапециоидные бусы редки. Небольшая коллекция их происходит с Измерского селища второй половины X – XII вв. (**илл. 292**).

В Прикамье бусы этого типа датируются XII в. (тип 167, по Р.Д. Голдиной и О.П. Королёвой). В VIII–IX вв. сердоликовые бусины, близкие к этому типу, имеют более вытянутые пропорции [Голдина Е., 2010, с. 138, рис. 28, тип XIA7]. В X–XI вв., наряду со стекланными (**илл. 293**), на памятниках Прикамья встречаются и сердоликовые бусы, чаще всего шаровидные или многогранные. На XII в. приходится время массового распространения битрапециоидных бус в Верхнем Прикамье [Голдина, Королёва, 1983, с. 61, 65, табл.].

Бытовали они в Прикамье и позднее – в первой половине XIII в. [Кленов, 1999, с. 113]. Распространяться в Прикамье такие бусы начали с рубежа XI–XII вв., судя по погребальному инвентарю могильников на Вычегде. Интересно, что в ряде погребений они встречаются вместе с серебряными украшениями в скано-зерновой технике, в том числе и со вставками из стекла, а также круглоконечным браслетом и традиционными для финского костюма шумящими украшениями. В комплексе погребения № 37 Чежтыгского могильника, где находилась бусина этого типа (**илл. 295**), были серебряные монеты западноевропейской чеканки; самая молодая монета чеканки 1039–1056 гг. [Истомина, 1992, с. 134]. Такие бусы встречаются и в составе прикамских кладов, например в Вильгортском [Талицкий, 1941, с. 49, 50, рис. 7-1–4].

Сердоликовые битрапециоидные бусины использовались в качестве вставки на серебряных украшениях из Зауралья (Сайгатинские могильники) в XIII–XIV вв. (**илл. 294**). Этот приём не применялся мастерами в центрах ювелирного дела Древней Руси, например Новгорода, где в домонгольских слоях сердоликовые бусины в целом немногочисленны и чаще всего бипирамидальные по форме [Рыбина, 1978, с. 52; Колчин, Янин, Ямщиков, 1985, с. 128, кат. № 242].

В целом, битрапециоидные бусины могли быть использованы в качестве вставки в болгарских браслетах не ранее XII в., однако такое их применение, судя по материалам болгарских кладов, произошло только во второй – третьей четверти XIII в. В Предуралье и Зауралье такой приём использовался до XIV в. включительно.

илл. 295. Комплекс погребения № 37 Чежтыягского могильника (Республика Коми) (по Т. В. Истоминой)

5) *Фрагменты поливной посуды (фаянсы или полуфаянсы) с белой, бирюзовой и зелёной глазурью.* Они могли принадлежать чашам, блюдам, небольшим кувшинам или кружкам [Во дворцах, 2008, с. 58, кат. №42; Кочевники, 2012, с. 240, кат. №649; Классическое, 2013, с. 114, кат. №23]. К сожалению, фрагменты настолько малы, что сопоставить их с какой-то конкретной формой очень сложно, что делает также затруднительным и датировку. Можно отметить только, что для вставок выбирались фрагменты с ровной или чуть выпуклой поверхностью с однотонным цветом, скорее всего – от стенки или горлышка изделия. Наиболее вероятным источником поступления такой керамики был Хорезм или Иран. Кашинная керамика с белым агнобом, иногда с подглазурной росписью, производилась в крупных городах Северного Казахстана, Средней Азии и Ирана с IX–X вв. [Байпаков, Ерзакович, 1990, с. 105].

Находки привозной поливной керамики на домонгольских болгарских памятниках известны с городищ: Билярского (включая II Билярское селище), Болгарского, Муромский городок, Суварского (илл. 296), Старомайнского, I Красносундюковского, селищ: Семёновского, Измерского, Остолоповского [Полубояринова, 2008, с. 66, 70; Кочкина, Сташенков, 1993, с. 196–197; Матвеева, 1993, с. 160, рис. 2-12; Кочкина, 2013, с. 237–239; Руденко, 2012а, с. 132, рис. 6-1, 2, 3, 9]. Из них только Билярское городище даёт массовые серии фрагментов таких изделий, а кашинная керамика бирюзового и белого цвета представлена только на городищах Билярском, Муромский городок и Остолоповском селище.

В Биляре найдены фрагменты от глазурованных сосудов, изготовленных в Иране, в том числе и оригинальная чаша XII в. с человеческими личинами (илл. 297). Аналогии ей есть в музее Метрополитен [Ettinghausen, Grabar, Jenkins-Madina, 2003, p. 172, ill. 266]. В целом, основной импорт такой керамики, как и других поливных сосудов (например, покрытых тёмно-зелёной глазурью) (илл. 298), в Волжскую

Булгарию происходил в конце XI – XII вв. В XII в. она встречается не только на городищах, но и на селищах, например Остолоповском. На Руси такие сосуды (монохромные полуфаянсы белые и бирюзовые) встречаются с середины XII в. [Коваль, 2010, с. 52, 53].

Много посуды с белой и бирюзовой глазурью изготавливалось в эпоху Золотой Орды (илл. 299). В Болгарском улусе она встречается со второй половины XIII в. как на городищах, так и селищах – кроме Болгарского, Кременкинского, Джукее-

илл. 297. Фаянсовая чаша из Билярского городища. Раскопки А.Х.Халикова и Г.И.Дроздовой. Иран, XII в.

илл. 298. Глазурованная чаша из Билярского городища, XI–XIII вв. Собрание БГИАПМЗ

илл. 296. Фрагмент глазурованного сосуда с городища Сувар. Собрание Суварского музея

илл. 299. Фрагмент глазурованного сосуда с бирюзовой поливой из Булгара, вторая половина XIII–XIV вв. Собрание НМ РТ

тауского, Междуреченского городищ, она встречена на III Биллярском – Торецком, Муранском, V Семёновском, Песчаный остров, Коминтерновском, Сухореченском, Полянском селищах [Полубояринова, 2008, с. 70; Сташенков, Кочкина, 2013, с. 275–276, рис. 26, 27-4-14; Кочкина, 2013, с. 239–240; Васильева, 2013, с. 200; Набиуллин, 2011, с. 69]. Свидетельств использования такой керамики для украшения ювелирных изделий в Булгарском улусе нет. Однако стоит отметить один факт. В коллекции БГИАМЗ (инв. №№ 1523, 1522) есть две миниатюрные позолоченные капторги из клада 2012 г., обнаруженного И. И. Ёлкиной, на которых имеются шатоны со вставками из фрагментов керамики бирюзового, а на второй – белого цвета. Капторга по форме напоминает домонгольские коробочки-подвески с черневым узором (вместо этого она украшена псевдозернью и шатоном) и, вероятно, была изготовлена в XIII в. В какой момент вставками стали фрагменты керамики, сказать трудно, но, скорее всего, не со времени их изготовления.

Такие необычные керамические вставки, видимо, во многом связаны с их цветом – белым и бирюзовым. Белые фрагменты керамики имитировали поделочные камни, например агат, а бирюзового цвета – бирюзу. Бирюзовый цвет на Востоке считается символическим и имел значение оберега [Классическое, 2013, с. 114]. В Булгарию импортировались даже керамические бусы с бирюзовой поливой (илл. 300). Цвет изумруда или малахита мог имитировать фрагмент керамики с глухой тёмно-зелёной поливой (рис. 45-е).

Замена специальных вставок из стекла, поделочных или драгоценных камней в украшениях при утрате оригиналов фрагментами керамики бирюзового или синего цвета встречается на иранских украшениях XI–XIII вв., например золотых серьгах с гранатовыми вставками [Украшения, 1999, кат. № 133]. Однако вряд ли нужно видеть в этом прямое заимствование булгарскими ювелирами данного приёма. Идея заменить утраченную вставку близким по цвету фрагментом керамики или использовать его изначально в качестве вставки могла возникнуть независимо от опыта иноземных мастеров.

Таким образом, вставки из кашинной керамики стали использоваться для декорирования браслетов булгарскими ювелирами не ранее XII в. В целом, верхняя граница использования глазурованной керамики в качестве вставок для украшения булгарских ювелирных изделий – вторая – третья четверть XIII в., а как замена утраченной вставки – вторая половина XIII в., но не позднее начала XIV в.

илл. 300.
Керамическая
бусина
с бирюзовой
поливой.
Средняя Азия,
XI–XIII вв.
Собрание
НМ РТ

БУЛГАРСКИЕ БРАСЛЕТЫ С ШАТОНАМИ, А ТАКЖЕ ПОДРАЖАНИЯ ИМ, НАЙДЕННЫЕ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ

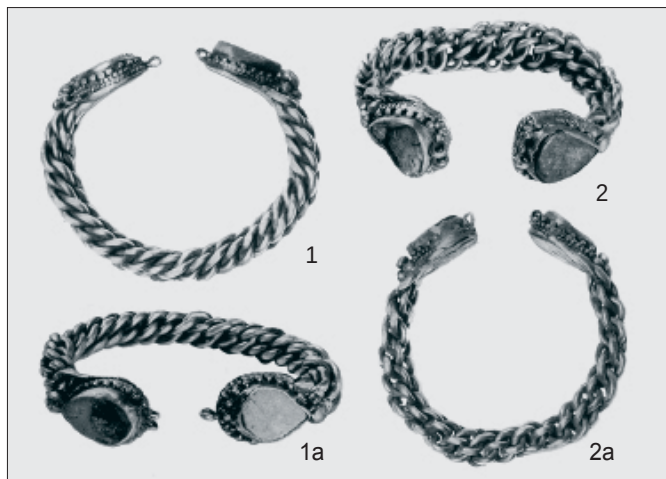
Оригинальные изделия. За пределами Булгарии находки плетёных браслетов с шатонами немногочисленны: несколько найдено в Прикамье и один в Новгороде. Из Пермской губернии происходит находка плетёного проволочного браслета с золотыми (?) кастами каплевидной формы, декорированными сканью и зернью, а также браслет плотного плетения с одним кастом и вставкой [Белавин, 2000, с. 100, 101, рис. 43а; 44-4]. Из раскопок Вымских могильников происходят два плетёных браслета с квадратными кастами и стеклянными прозрачными вставками (илл. 301; рис. 32-24).

илл. 301. Серебряный браслет с шатонами из Прикамья, XI–XIV вв. Собрание музея КНЦ УрО РАН

В Новгороде в слое рубежа XI–XII вв. найден витой браслет с прямоугольными кастами (вставки утрачены в древности). Браслет сплетён из двух проволок. Ещё два браслета (2х3), также со вставками, выявлены в слое 40–80-х гг. XIV в. [Седова, 1981, с. 97, рис. 34-5а]. Сделаны они из меди или бронзы. Атрибутировать их однозначно как булгарские затруднительно: простейшие плетёные из проволоки браслеты (2х2) с гнёздами для вставок встречаются достаточно широко, и были ли они изготовлены именно в Булгарии – утверждать невозможно. Но наиболее вероятным местом их изготовления остаётся Булгария. Более сложные по плетению бронзовые изделия, датированные XIV в., вероятно, являются копиями булгарских изделий и бытовали пережиточно.

Подражания булгарским плетёным браслетам с шатонами встречены в Старорязанском кладе 1970 г. [Даркевич, Монгайт, 1978, с. 11, 38, табл. XX] (илл. 302). Один из них выполнен с соблюдением основных приёмов ажурного

илл. 302. Серебряные браслеты из Старорязанского клада 1970 г. (по В. П. Даркевичу и А. Л. Монгайту)

плетения болгарских мастеров. Второй – плотного плетения, характерный для русских ювелиров. Однако касты на том и другом оформлены в болгарских традициях: он окаймлен у основания сканью, затем пояском из зерновых треугольников; со стороны спинки обруча – у острия каплевидной вставки размещены три крупных полых шарика или крупной зерни. Вставка – стекло зеленоватого цвета. Такой дизайн соответствует болгарским браслетам типа 1,1, а вот способ плетения более характерен для типов 1,2 и 1,3. Скорее всего, заимствование произошло на момент, когда браслеты со вставками каплевидной формы, но уже не с поделочными камнями типа сердолика, а с их замещением – стеклом – использовались болгарскими ювелирами, а прямоугольные и квадратные ещё не были столь популярны.

Отличает их от болгарских, кроме более плотного плетения, ещё наличие своего рода застёжек: двух колечек, припаянных перпендикулярно к основанию каста с одной стороны и одного колечка, припаянного с другой. При сжатии браслета колечки совмещались и могли быть закреплены шпилькой или даже ниткой. При необходимости размер браслета можно было увеличить, зафиксировав его на руке с помощью нитки, пропущенной в колечки.

ПЛЕТЁНЫЕ И ВИТЫЕ БРАСЛЕТЫ С ЗЕРНЬЮ, СКАНЬЮ ИНОЗЕМНОГО ПРОИЗВОДСТВА, НАЙДЕННЫЕ В БУЛГАРИИ

Витые браслеты без шатонов (1 экз.). Характерной чертой этого браслета являются дополнительно вплетённая тонкая сканая проволока и «завязанные» окончания (**кат. № 235**). Найден браслет Е. А. Беговатовым на Семёновском селище, материал с которого датируется второй половиной X – XI вв., хотя встречаются находки XII–XIII вв. [Казаков, 1991, с. 30, 31].

Плетёные браслеты с шатонами (1 экз., кат. № 243).

Их отличают от болгарских плотное витое проволоки, сердоликовая или стеклянная выпуклая вставка, помещённая в низкий глухой круглый каст, основание которого обрамлено сканой проволокой или мелкой зернью. По данным Г. Ф. Поляковой, на Болгарском городище найдено 3 экз. таких браслетов. По аналогиям, в основном древнерусским, они датированы XI–XIV вв. [Полякова, 1996, с. 180, 181, 182, 186, рис. 62–4,5].

ПЛАСТИНЧАТЫЕ БРАСЛЕТЫ С ШАТОНАМИ, УКРАШЕННЫЕ СКАНЬЮ И ЗЕРНЬЮ, НАЙДЕННЫЕ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ И АТРИБУТИРОВАННЫЕ КАК БУЛГАРСКИЕ

В Пермском Предуралье, на Урале и в Зауралье и в Причье зафиксирована серия круглоконечных, широких пластинчатых браслетов, декорированных гравировкой, сканью (точнее штампованной проволокой или катушечной филигранью), зернью, позолотой, вставками из стекла и поделочных камней (**рис. 46**). Браслеты стандартны по размерам (2,6х2,8–4,3 см). Несмотря на значительные расстояния, разделяющие места находок этих браслетов, все они имеют очень много общего, даже в деталях, что позволяет предполагать одну серию этих поделок, изготовленную, скорее всего, в короткий промежуток времени, может быть одним мастером.

По мнению А. М. Белафина, браслеты из Пермского Предуралья являются болгарским импортом домонгольского времени, а найденные в Зауралье – золотоордынского периода [Белафин, 2000, с. 98–100]. Впрочем, такое географическое и хронологическое деление не совсем точное, поскольку аналогичные находки встречаются и в Центральной России, в Южном Предуралье и на Ямале, за исключением Среднего Поволжья (Волжской Булгарии).

Рассмотрим **общие черты** браслетов этой серии: 1) форма – широкие кругло- и овальноконечные; 2) наличие одного каста круглой (овальной) и квадратной (прямоугольной) формы на каждой из лопастей; 3) разделение орнаментальной (внешней) поверхности обруча (спинки) на три яруса; 4) использование штампованной проволоки (катушечной филигрании); 5) применение разделительной узкой пластины для укладки скани или штампованной проволоки; 6) использование золочения и, реже, черни для подчёркивания фона (золочение) и гравированных орнаментов.

Из **деталей**: 7) посадка зерни на сканные колечки; 8) треугольники зерни среднего размера, завершающие средний орнаментальный ярус спинки браслета; 9) крупная зернь; 10) грубая и некачественная пайка вследствие, видимо, массивности и существенной толщины изделия; 11) обводка штампованной проволокой деталей орнамента из зерни.

Из **орнамента**: 12) основной орнаментальный мотив – схематическая плетёнка и та же плетёнка типа меандра;

13) композиция из зерновых треугольников, увенчанная также зерновым ромбиком; 14) обводка каст сканью и пояском зерни.

Выделяется группа браслетов, найденных в составе кладов в Прикамье (**рис. 46-1–3**) [Белавин, 2000, с. 99, рис. 42-1–3]. У них форма лопасти близкая к кругу, каст всегда квадратный или прямоугольный, обведённый сканью, к которой примыкают треугольники зерни с венчающим ромбиком или без него. Спинка браслета разделена глубокими выемками на три яруса, которые украшены кружковым орнаментом, нанесённым пуансоном. На одном из них встречены шарики зерни, закреплённые в сканых колечках (на «подставке»), в сочетании с дополнительным припаянным щитком при переходе от лопасти к спинке с имитацией трёх крупных шариков зерни (**рис. 46-1**).

У браслетов второй группы (Большой московский клад 1988 г.; Кишертский могильник; находки из Приобья: район п. Шурышкары и Тибей Сале [Наследие, 1996, с. 118; Голдина, Лещинская, Черных, Бернц, 2007, с. 187, рис. 121; Сокровища, 2003, с. 74, кат. № 37; Коллекция, 2011]) (**рис. 46-4, 6–8**) – овальная лопасть, круглый каст со стеклянной вставкой, и в одном случае (браслет из Тибей Сале (ЯНАО) из собрания Тазовского РКМ) – вставка из битрапециоидной сердоликовой бусины (**илл. 303**). Каст обведён в основании сканью (настоящая скань только на браслете из Московского клада, а в остальных случаях её имитация из штампованной проволоки); он окружён цепочкой зерновых шариков на «подставке» из сканых колечек.

По периметру лопасти уложены парные штампованные проволоочки, которые «закольцованы» при переходе к спинке браслета, изгибаясь на двух крупных шариках зерни (**илл. 304**). Основное орнаментальное поле на лопасти выделено уложенными по контуру отрезками штампованной проволоки, причём пространство между внешним сканым пояском и внутренним укреплено позолоченными серебряными полосками. Со стороны каста к сканому одинарному пояску примыкает выкладка из зерновых треугольников (**илл. 305**). Фон позолочен.

Спинка браслетов разделена неглубокими продольными выемками на три яруса, украшенными резным рисунком плетёнки, выполненным с разной степенью мастерства – от

илл. 303. Серебряный браслет из Тибей Сале (ЯНАО). Собрание Тазовского РКМ

илл. 304. Серебряный браслет из Тибей Сале (ЯНАО). Деталь

илл. 305. Серебряный браслет из Тибей Сале (ЯНАО). Лопасть изделия. Деталь

илл. 306. Серебряный браслет из Кишертского могильника. Деталь. Раскопки И. Ю. Пастушенко

грубого на браслете из Кишертского могильника (**илл. 306**) до аккуратных, с чётко и красиво вырезанным орнаментом на браслетах из Приобья (**рис. 46-7**).

Рисунок наносился по-разному: где-то он гравировался, где-то вырезался. Фон рисунка или его контур зачернён.

В этой группе браслетов есть несколько необычных экземпляров. У одного из них круглый каст в верхней и нижней части (у основания) окантован двумя штампованными проволочками, между которыми закреплены шарики зерни средних размеров (**илл. 307**). Орнамент на спинке браслета состоит из двух полосок меандра (верхний и нижний) и круглая плетёнка посередине (**илл. 308**). У второго браслета вместо вставки – сердоликовая бусина, а у третьего – на спинке на среднем ярусе – изображения двух бегущих животных – собак (?), слегка позолоченных (**илл. 309**). Фон выемок позолочен, а у рисунков на ярусах – зачернён. Причём фон среднего яруса с «гоном

животных» выделен путём нанесения глубоких линий по контуру животных, заполненных чернью. Верхний и нижний ярусы украшены плетёнкой – контур рисунка подчеркнут чернью. Все эти браслеты происходят из Зауралья.

Промежуточное положение занимает браслет из Ликинского могильника [Викторова, 2008, с. 62, рис. 46-г] (**рис. 46-5**). У него круглая лопасть с квадратным кастом, как и у пермских браслетов, но изображение плотной плетёнки на спинке как на браслетах зауральских. К переходной форме относится также круглолопастной браслет из сборов на Степановском могильнике в Пермском крае [Белавин, 2000, с. 183, рис. 104-13] (**илл. 310**). У него круглый каст со вставкой, скань по краю лопасти, сходящаяся окончаниями в средней части у спинки браслета. Спинка украшена кружковыми отпечатками, а лопасть – треугольниками мелкой зерни, ко-

илл. 307. Серебряный браслет из Зауралья. Оформление каста. Деталь

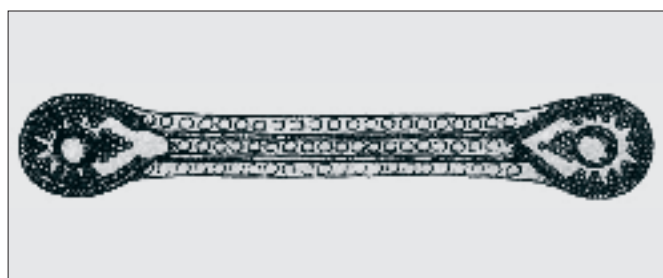
илл. 308. Серебряный браслет из Зауралья. Орнамент на спинке изделия. Деталь

илл. 309. Серебряный браслет из Тибей Сале (ЯНАО). Орнамент на спинке изделия. Деталь

торые затем были заменены пирамидкой из трёх зерновых шариков. Степановский браслет предшествует ликинскому браслету.

Обращает на себя внимание и детальное сходство формы лопасти браслетов второй группы с формой украшения центрального медальона на головной убор или причёску с двумя трёхбусинными височными кольцами, рассмотренные нами выше из погребения № 74 Ыджыдзельского могильника на Выми (**рис. 32-19**). Декор этого медальона аналогичен тем, что встречен на лопастях рассматриваемых браслетов второй группы. При этом его украшает вставка – закреплённая в круглом касте битрапециоидная сердоликовая бусина. На этом изделии встречены и такие детали, как разделительные круглые медальоны, обведённые по краю штампованной проволокой, а в центре в круглом картуше из штампованной про-

илл. 310. Серебряный пластинчатый круглолопастной браслет из сборов на Степановском могильнике в Пермском крае (по А. М. Белавину)

волоки размещены пять шариков зерни на «подставке», образующих крестообразную фигуру. Эта композиция в разных вариантах тиражировалась на многих изделиях, встреченных в Прикамье – от медальонов до таких же по форме перстней. Э. А. Савельевой погребение № 74 датировано по аналогиям XII в. [Савельева, 1987, с. 158, рис. 37-84]. Учитывая общие тенденции в использовании сердоликовых бусин в качестве вставки, дату погребения можно расширить до начала XIII в., что не противоречит другим аналогичным случаям из Вымских могильников.

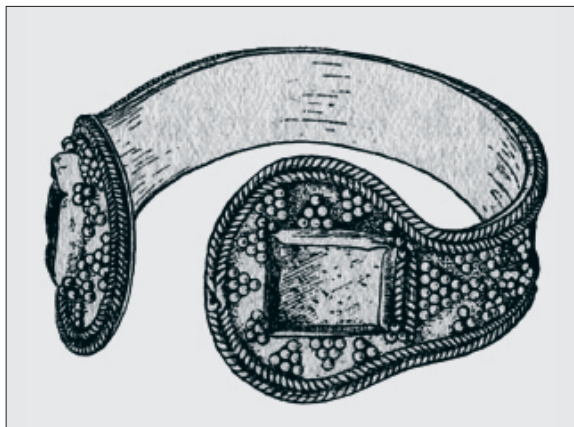
Например, сердоликовая бусина использована в качестве вставки на круглой бляхе с кастом, который в верхней части украшен штампованной проволокой, а у основания – зернью на «подставке» их колечек из такой же штампованной проволоки (**рис. 32-9**). Найдено это украшение в погребении № 144 Кичилькосьского II могильника, отнесённого Э. А. Савельевой к XIII в. [Савельева, 1987, с. 151, рис. 33-36].

Сопоставив имеющиеся данные, можно констатировать, что над изготовлением браслетов и сопутствующих украшений костюма и причёски трудились на начальном этапе как минимум два мастера – один размечал детали композиции, накладывал скань и зернь, а также устанавливал касты и закреплял вставки, второй – остальным дизайном: нанесением орнамента, позолотой и чернением. «Булгарский след» ощущается в работе первого мастера.

ДАТИРОВКА

Прототипы кругло- и овально-конечных пластинчатых браслетов, украшенных зернью, сканью и шатонами, появляются в первой половине XI в. Об этом можно судить по находке фрагмента биллонового овально-конечного браслета, декорированного двумя полосками псевдоскани и треугольниками ложной зерни по краю. В середине лопасти имеется каплевидная вставка из стекла синего цвета, окружённая несколькими рядами ложной зерни и крупными зерновыми треугольниками, создающими сложный звёздчатый рисунок. Интересно, что лопасть отделена от спинки браслета дугой псевдоскани. Датируется эта находка по новгородской стратиграфии 20–50-ми гг. XI в. [Седова, 1981, с. 112, рис. 38-6]. Очевидно, что был исходный образец-оригинал, с которого была сделана эта копия. При этом в Новгороде в этот период изделия в скано-зерневой технике не производились, как, собственно, не известно и других тиражированных изделий таких браслетов; кроме того, других аналогий браслет в новгородских древностях не имеет.

В этой связи интересна находка пластинчатого кругло-конечного браслета с шатонами, декорированного зернью и сканью, из Поркуниского I клада в Эстонии [Тыниссон, 1962, с. 202, рис. 27-2] (*илл. 311*). Стиль оформления этого браслета, включая каст, штампованную проволоку, орнаментальные зерновые композиции, очень близок рассматриваемой группе браслетов. К сожалению, из рисунка не ясно, какой именно орнамент был на спинке браслета, но можно предполагать, что, в отличие от прикамских изделий, катушечная филигрань на нём была наложена на весь край браслета. В составе клада были серебряные монеты (15 экз.): 1 дирхем и 14 западноевропейских, чеканенных в XI в., что позволило датировать его XI–XII вв. В этой же местности были найдены ещё два дирхема (Поркуниский II клад). Э. Ю. Тыниссон считал, что этот браслет русского происхождения [Тыниссон, 1962, с. 192, 193, 252, 256, табл.]. Судя по всему, это один из первых пластинчатых круглоконечных браслетов с прямоугольным кастом и зерновым рисунком из треугольников. Но это изделие не местного производства.

илл. 311. Серебряный пластинчатый браслет с шатонами из Поркуниского I клада (Эстония) (по Э. Ю. Тыниссону)

Обращает на себя внимание тот факт, что, во-первых, эти изделия уже сложившиеся, с определённым стилем в оформлении, хорошо переданные в новгородской копии; во-вторых, оба они встречены на северо-западе Европы. Есть ли прямая связь поркуниского изделия и новгородского, сказать сложно, можно только утверждать, что прототипы пластинчатых круглоконечных браслетов, декорированных сканью и зернью, с шатонами появились в середине XI в.

Форма браслета в данном случае не может быть опорой в определении даты или культурной принадлежности. В разные периоды форма круглоконечного пластинчатого браслета была распространена и на севере Европы, и в циркумпонтинской зоне. Сочетание шатонов, мелкой зерни и скани на серебряных украшениях в XI в. характерно для восточной ювелирной традиции, а на пластинчатых браслетах ближе всего изделиям из Византии. Но близких аналогий для рассматриваемых изделий найти пока не удалось. Так же очевидно, что прикамские браслеты изготовлены позднее в иной манере, с изменённым дизайном и с использованием новых материалов, например штампованной проволоки.

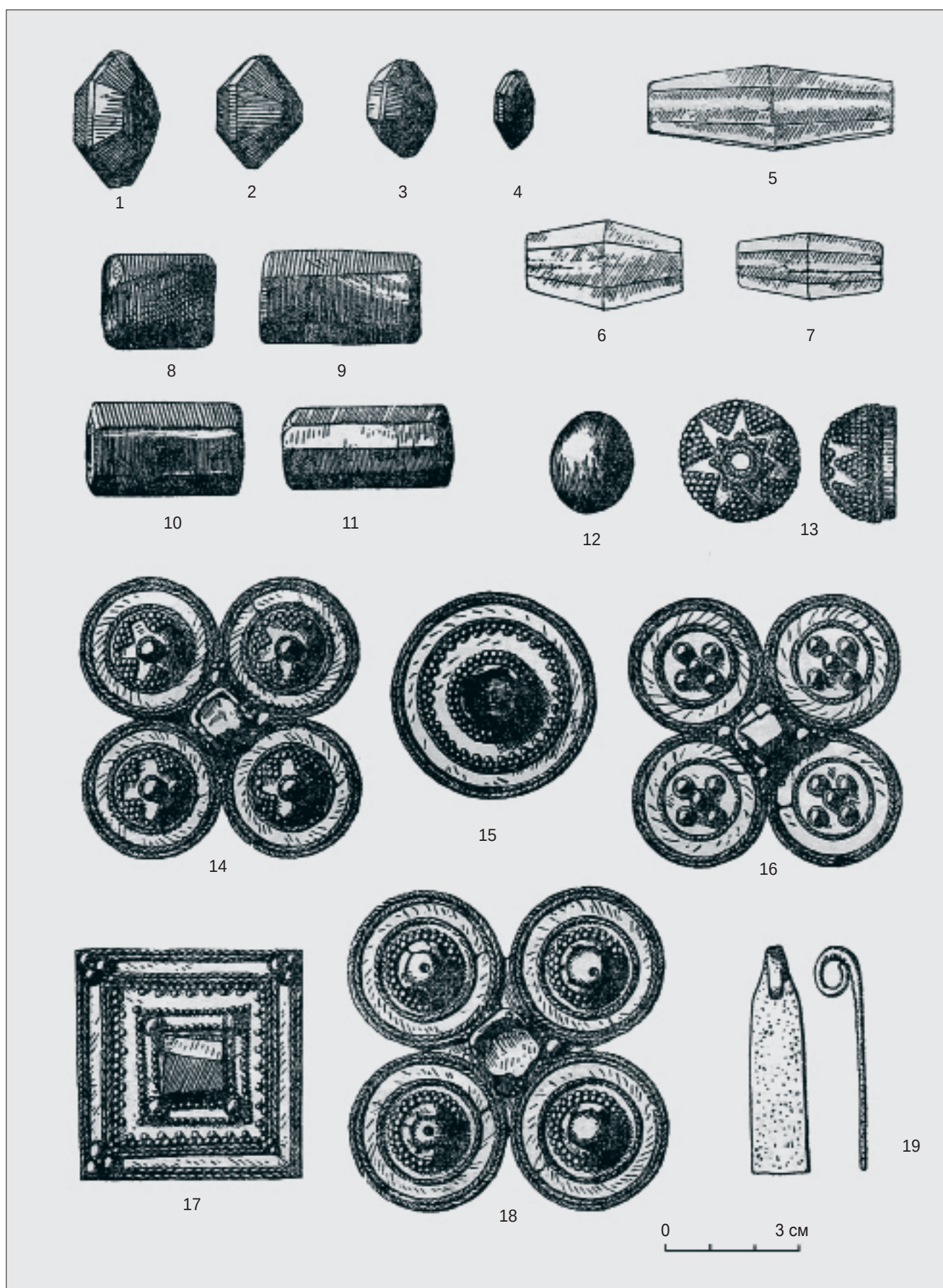
Первая группа браслетов была выполнена во второй половине XII в. Основные орнаментальные мотивы, как и форма браслета, копируют местные изделия, традиционные для Перми вычегодской и встречающиеся в Предуралье с рубежа XI–XII вв. (см. *илл. 296*). Характерные элементы формы и декора: круглые лопасти, прямоугольный каст; зернь, сгруппированная в треугольники, которыми декорированы как лопасть, так и спинка; штампованная проволока, окантовывающая весь край браслета.

Это согласуется с оформлением двух браслетов первой группы, со специфическими особенностями (*рис. 46-2, 3*). Характерные элементы формы и декора: лопасти отделены двойным пояском штампованной проволоки (катушечной филигрании) от спинки в двух вариантах: закольцованная скань на лопасти (*рис. 46-2*) или отделённая от спинки самостоятельными отрезками штампованной проволоки (псевдоскани) (*рис. 46-3*). Спинка этого браслета украшена двумя узкими выемками, разделившими орнаментальное пространство на три яруса. Узкие полосы этих ярусов украшены кружковым орнаментом.

К последней четверти XII в. относится браслет из Степановского (Пожвинского) могильника в Пермском крае. У него декор спинки как у браслетов первой группы, но круглый каст и своеобразные зерновые треугольники при переходе от лопасти к спинке – прототипы пирамидок зерни на браслетах второй группы.

Следующий шаг в развитии этих браслетов произошёл на рубеже XII–XIII вв. Это выразилось в украшении орнаментальных ярусов на спинке браслетов гравированным, чёрным рисунком в виде плетёнки, который был размещён в прямоугольных углублениях на спинке, при этом пространство между этими ярусами выглядит как небольшой валик. Кроме того, на этих браслетах зафиксировано использование зерни на подставке в виде колечек из штампованной проволоки по углам квадратного каста (*рис. 46-5*, Ликинский могильник).

Одновременно происходит ещё большее усложнение декора на браслетах первой группы – появление обводки зерни

илл. 312. Вильгортский клад в Пермском крае (по М. В. Талицкому)

на переходе от лопасти к спинке штампованной проволокой, укрепляющей полоски на лопасти, декоративных арочных щитков с треугольниками из зерни (*рис. 46-1*). В композиции зерневых треугольников появляется новая деталь – иногда они из равносторонних делаются равнобедренными, а их вершина украшается зерневым ромбом, как на болгарских ювелирных изделиях. Вставки, как правило, стеклянные бесцветные, с цветной подкладкой (не исключено, что были и хрустальные, двухслойные – определение их не проводилось).

В этом плане интересен упоминавшийся выше Вильгортский клад из Пермского Предуралья (*илл. 312*). Он содержит несколько оригинальных изделий, характерных в большинстве своём для прикамских древностей, не встречающихся в Булгарии, но выполненных приёмами (за исключением золочения) болгарских ювелиров. Это крестовидные и квадратные украшения с шатоном, зернью и сканью. Касты у этих украшений круглые и в одном случае – квадратные (как и само украшение: *илл. 312-17*). Вставки стеклянные и сердоликовые, последние сделаны из шаровидных бусин на крестовидных украшениях (*илл. 312-18*). Назначение и происхождение таких украшений не ясно. Судя по форме и композиции декора, они могли подражать христианским крестам-тельникам или энколпионам и созвучным им эмалевым украшениям в форме квадрифолия из оплечья, например из Сахновского (Киевского) клада, спрятанного в промежутке между 70-е гг. XII в. – 1240 г. [Корзухина, 1954, с. 129, табл. LII]. Близки они навершиям булавок с загнутым стержнем, найденным в Новгороде в слое середины XII – второй половины XIII вв. Причём на этих булавках встречаются шатоны и даже отлитые полусферы-колпачки с ложной зернью [Седова, 1981, с. 81, рис. 27; 29-3].

В Вильгортском кладе были три по-разному оформленных, но типологически одинаковых крестообразных изделия. При их оформлении, кроме шаровидных сердоликовых бус, в качестве вставок в круглых кастах использованы дисковидные элементы с крестовидно расположенными шариками зерни на подставках из колечек зерни и полусферы-колпачка с зерневыми треугольниками и с шариком-навершием (*рис. 3-14, 16, 19*). Основная часть украшений клада изготовлена в конце XII – начале XIII вв. в одном ключе с сериями круглоконечных браслетов, рассмотренных выше. Это также согласуется с датировкой новгородских находок с похожей композицией и дизайном.

Более ранним крестовидным украшением с квадратным шатоном со вставкой в средокрестии является находка в погребении № 7 Починковского могильника XII–XIII вв. в Горномарийском районе Республики Марий Эл [Архипов, 1986, рис. 24-13]. Лопасти украшены 4 шариками зерни на подставке из колечка скани.

Щитки с крестовидно расположенными шариками зерни на подставке, полусферы-колпачки, круглые касты и использование сердоликовых бусин в качестве вставки – детали декора крестовидных украшений, показывают первые шаги в выработке определённого стандарта, который выразился в замене всех этих элементов одним – квадратными шатоном со стеклянными вставками, как, например, на крестовидном изделии из Кишертского могильника [Голдина, Лещинская,

Черных, Бернц, 2007, с. 152, рис. 86-3] (*илл. 313*). Дальнейшее развитие этого типа украшений в Прикамье (на Вычегде и на Чепце) привело к упрощению декора изделия и замене шатонов на композиции из зерни [Савельева, 1987, с. 103, рис. 31-26, 27] (*илл. 314*); при этом сохранялись основные элементы орнаментальной композиции. Модифицированные варианты крестовидных изделий и подражания им в Зауралье встречаются в XIV в. [Карачаров, 1991, с. 211, рис. 1-18, 19]. Крестовидные накладки, как упрощённая схема предшествующего типа украшения с шатоном, встречаются в могильниках Юганского Приобья и в XVI–XVII вв. [Семёнова, 2001, с. 77, 79, табл. 49].

Вторая группа. Находка браслета второй группы в Московском кладе 1988 г., зарытом в момент монгольского штурма города, свидетельствует о том, что он был изготовлен не позднее 1238 г., как и, видимо, значительная часть изделий этой группы. То есть время изготовления браслета из Москвы и из Зауралья (Шурышкары) приходится на первую треть XIII в. Они характеризуются следующими элементами

илл. 313. Серебряное крестовидное украшение с шатоном из Кишертского могильника. Раскопки И. Ю. Пастушенко

илл. 314. Крестовидное украшение из белого металла с шатоном из Верхнего Прикамья. Собрание музея КНЦ УрО РАН

формы и декора: овальная лопасть с круглым кастом, обведённым в основании сканью или её заменителем – штампованной проволокой; у основания её – по периметру каста – поясок зерни на подставке из сканых колечек (**рис. 46-8**). Сохраняются разделение орнаментов на лопасти и на спинке браслета, использование узких пластинок для распределения орнамента на лопасти, а также обводка сканью двух зерновых шариков на переходе от лопасти к спинке. Вставки из глухого стекла или сердолика. Орнамент на спинке – плетёнка, подчеркнутая зернью. Фон изделия весь позолочен. Декоративный щиток исчезает, будучи заменён треугольником крупной зерни. Изделия эти изготовлены в княжеских мастерских Владимира в 1230-х гг. при участии болгарских ювелиров.

Последним в этой партии, вероятно, был браслет из Кишертского могильника, отличающийся некоторой грубостью исполнения (**рис. 46-4, 4а**).

АНАЛОГИИ

Широкие пластинчатые браслеты-наручи характерны для древнерусского драгоценного убора. Сочетание гравировки и позолоты, а также черни на таких изделиях характерно для наручей из клада в Старой Рязани, найденного в 1970 г. [Даркевич, Монгайт, 1978, с. 11, 32, № 27, табл. XVII]. Известен ещё ряд находок наручей, изготовленных в комбинированной технике с использованием позолоты [Меч и златник, 2012, с. 272, кат. № 650].

В Булгаре пластинчатые браслеты могли изготавливаться, только другого типа и не из серебра. Это можно предполагать по находке литейной формы для отливки створки узких шарнирных браслетов-наручей (**илл. 315**). Такие браслеты изготавливались из серебра, биллона, бронзы с XII в. по XIV в. и были популярны в Новгороде и городах Северо-Восточной Руси [Седова, 1981, с. 116-118, **рис. 44-3**].

илл. 315. Каменная литейная форма из Булгара, XII–XIV вв. Собрание БГИАМЗ

ВЫВОДЫ

Плетёные браслеты со вставками – традиционный для болгар вид украшений. Дротовые и витые браслеты со вставками встречаются в раннебулгарских могильниках, в частнос-

ти Танкеевском [Казаков, 1992, с. 173, рис. 62-3, 9, 10, 16]. Часть шатонов устанавливалась местными мастерами, причём даже на традиционные бронзовые гранёные браслеты с кружковым орнаментом или на дротовые [Казаков, 1992, с. 173, рис. 62-3, 10]. Стекланные и каменные вставки на них были привозными. На плетёных браслетах, как и на всех других поделках этого типа, эти первые опыты были единичны (в Танкеевском могильнике, например, всего три браслета со вставками) и проводились на изделиях самых простых по изготовлению. Плотно сплетались две кованые проволоки, образуя узкий обруч-браслет. Вставки из стекла и поделочных камней (как правило, сердолика) были привозными.

Развитие этой категории болгарских украшений происходило от простых плетёных браслетов из двух проволок, как серебряных, так и медных, к более усложнённым формам – плетению из пары уже готовых проволоочных жгутов. Причём на серебряных браслетах ювелиры всегда использовали чётное количество переплетаемых проволочек – 2, 4, 6. Именно на таких многожгутовых браслетах, 4- и 6-проволоочных, и крепились шатоны. При этом плетение болгарскими ювелирами осуществлялось без плотного соединения проволок и жгутов, что давало ажурную конструкцию, очень пластичную и гибкую, но вместе с практичностью и удобством такие браслеты были мало приспособлены для крепления дополнительных декоративных элементов, например шатонов. Поэтому шатоны встречаются, как правило, на браслетах из толстой серебряной проволоки с более плотным плетением, из-за чего они теряли гибкость, но были более устойчивы к деформациям и утратам шатонов. Таких изделий немного. Редки и просто браслеты из толстой проволоки.

Отметим, что у болгар встречаются и витые браслеты, но не из серебряной, а из латунной (?) кованой проволоки – светло-серебристого цвета, квадратного сечения (**рис. 54-3, 3а**). При этом количество проволок в жгуте было нечётным – как правило, три проволоки, две из которых были двумя частями одной проволоки, согнутой пополам, а третья, отдельная, свивалась вместе с ними (**рис. 54-2б, 3**). Затем жгут проковывался. Плотное витё позволяло закреплять касты. Причём, чтобы сохранить устойчивость каста и прочность его крепления при эксплуатации изделия, его делали очень лёгким и простым. Это была тонкая металлическая полоска, согнутая в виде капли, поставленная на ребро и точно припаянная к краям петлевого окончания браслета. Основание её было подчеркнуто сканой проволокой, а место спайки окончаний полоски зафиксировано крупной каплей припоя или зерновым шариком, или несколькими шариками (**рис. 54-2, 2а**). Такой способ витья, как и плетения, был широко распространён у славянских и финских племён в XI–XIII вв. [Седова, 1981, с. 96, 102].

Пластинчатые браслеты не были распространены в Булгарии, и практики их изготовления у болгарских ювелиров не было. Однако болгарское влияние ощущалось на богато декорированных пластинчатых браслетах, которые производились в тех городах Северо-Восточной Руси, которые были близко расположены к болгарским границам и с которыми у болгар были тесные торговые или экономические связи.

СКАНО-ЗЕРНЕВЫЕ ПОДВЕСКИ-ЛУННИЦЫ ДЛЯ ШЕЙНО-НАГРУДНЫХ УКРАШЕНИЙ

Зернь и скань использовались для декорирования украшений, дополнявших шейно-нагрудное украшение – гривну. Такое изделие представлено одним экземпляром из собрания НМ РТ – плетёной проволоочной гривной с привесками-лунницами (**рис. 47; 48**), найденной близ г. Чистополь. Она была исследована и опубликована О. С. Хованской [Хованская, 1958, с. 239–243]. По её мнению, гривна – продукция болгарского ювелира XI–XII вв., сделанная по заказу представительницы финно-угорских северных племён. Сканью, зернью и шатонами украшены три привески. Центральная – самая крупная (диаметр 9, 7–10 см), боковые поменьше (диаметр 6,2–6,5 см).

Центральная привеска декорирована тремя шатонами с глухим кастом прямоугольной (1 экз.) (вставка утрачена) и каплевидной (2 экз.) (один утрачен) формы. Верхний, самый крупный, шатон прямоугольной формы, окружён у основания треугольниками зерни разного размера (3×3 и 5×5). Крупные зерновые треугольники завершаются миниатюрным ромбиком из той же зерни (**рис. 48-2**). Два парных каплевидных шатона расположены в нижней части лунницы и подчёркивают общую композицию орнамента. В них глухой каст со вставкой из тёмно-синего стекла (?). От нижней части каста, как бы продолжая общее движение рисунка, отходят два ромбика из зерни, заполняя пространство фона в этой части украшения (**рис. 48-2-В**).

В верхней половине лунницы расположены ещё две парных декоративных детали – штампованные колпачки почти полусферической формы ($d=1,3$; $h=1$ см), завершающиеся шариком зерни на подставке (**рис. 48-2-А**). Колпачок декорирован 4 треугольниками зерни (6×6), завершающимися зерновым треугольником. Самостоятельным элементом декора являются три полых шарика, расположенных в нижней части лунницы. Чуть ниже середины в основное поле привески вписана ещё одна лунница, закреплённая в вырезанном для этого специальном круглом отверстии с помощью узких серебряных пластинок на расстоянии 0,7 см от края выреза (**рис. 48-2-Б**). Внешний и внутренний края большой и малой лунницы дважды обведены проволоочкой, частично настоящей сканой, часть – витой (внешний контур большой лунницы), а на остальных участках – штампованной (внутренняя часть малой лунницы).

Орнаментальное поле декорировано треугольниками и ромбиками зерни. Участки на соединительных пластинах и орнаментальный пояс между ленточками скани на внешнем и внутреннем контуре большой лунницы украшены шариками зерни диаметром 0,2 см, окаймленными сканой проволоочкой.

Основная часть декоративных элементов и приёмов декорирования этой привески характерна для болгарских ювелиров, за исключением шариков зерни, окаймлённых сканью. При этом зернь именно окаймлена проволоочкой, а не «посажена» на подставку из сканого колечка, что свидетельствует о том, что ювелир копировал этот декоративный приём и вос-

производил его тем способом, которому он был обучен. Иначе говоря, способ посадки зерни на подставке был ему неизвестен. Сочетание скани, витой проволоки и штампованной, причём штампованная проволока как бы замещает участки сканой и витой, что было, вероятно, следствием ремонта этой детали украшения в древности.

Боковые привески меньше размером, чем центральная ($d=6,2-6,5$ см), и имеют отличия в оформлении. Во-первых, они состоят из одной лунницы, у которой так же есть круглое прорезное отверстие, но не с закреплённой в нём второй малой лунницей, а с привеской в этом пространстве (они не сохранились) (**рис. 48-3**). Что это была за привеска, судить трудно, но, скорее всего, также малая лунница или серебряная бусина. Установить это сейчас невозможно. Во-вторых, в нижней части у них припаяно четыре полых шарика, а не три, как на центральной. В-третьих, украшены они тремя шатонами; судя по сохранившимся, они все были с кастами круглой и каплевидной (почти овальной) формы со вставками из тёмно-синего стекла. Верхняя вставка, скорее всего, была сердоликовая, но была заменена после повреждения или утраты на битрапециондную сердоликовую бусину. В-четвёртых, шатоны у основания оконтурены пояском зерни, а не скани. В-пятых, при декорировании использована только настоящая скань и отсутствуют декоративные шарики зерни, обведённые сканью. Орнаментальные зерновые композиции близки орнаментам на центральной луннице, но не повторяют их в деталях.

АНАЛОГИИ

Тип лунницы центрального медальона имеет точные аналогии в лунницах Смоленской земли и, возможно, Владимиро-Суздальского княжества XII в. (тип «включённых», по В. В. Гольмстен [Гольмстен, 1914, с. 9, рис. 13]). Боковые привески относятся к типу замкнутых, больше характерных для Прикамья и Среднего Поволжья [Гольмстен, 1914,

илл. 316. Серебряное украшение-лунница из Прикамья (по В. В. Гольмстен)

илл. 317. Серебряное украшение-лунница из Прикамья (по В. В. Гольмстен)

с. 13, рис. 22, 23]. В собрании ГИМ имеется несколько оригинальных замкнутых лунниц, украшенных пояском зерни (*илл. 316*), что отчасти перекликается с пояском зерни, оконтуренной сканью на центральной луннице. Здесь использованы отрезки штампованной проволоки, но при этом каст (квадратной формы) и крупная зернь, выступающая как самостоятельный элемент декора, обведены мелкой зернью, а полые шарики в нижней части лунницы обведены сканью. Другая прикамская лунница из ГИМ украшена квадратным кастом, который по углам украшен шариками зерни, установленными на колечках из скани (*илл. 317*). Аналогичный приём использован на круглолопастном пластинчатом браслете из Ликинского могильника (*рис. 46-5*).

ДАТИРОВКА

Можно констатировать, что данная гривна после изготовления основной витой части была дополнительно украшена тремя привесками-лунницами, которые в процессе эксплуатации несколько раз ремонтировались. Изначальный вид в основном сохранили боковые привески, а более всего обновлялась или была полностью заменена в какой-то момент, и после этого тоже подновлялась центральная лунница. Этот тип замкнутых лунниц датируется по Новгородским материалам рубежом XII–XIII вв. – концом XIII в. То есть основной период их бытования – XIII в. [Седова, 1981, с. 24, рис. 6–5, 7, 10–12]. При этом все новгородские лунницы изготовлены литьём из бронзы или свинцово-оловянистых сплавов. Лунницы этого типа, в том числе и литые, изготавливались несколько раньше – в XII в.

Изготовлены боковые привески были в XII в., скорее всего в середине столетия. Первый ремонт их, судя по замене утраченной вставки на сердоликовую битрапециоидную бусину, был сделан в конце XII – первой трети XIII вв. Центральная лунница делалась другим мастером и, возможно, несколько позднее, чем боковые привески – во второй половине XII в. Этот мастер использовал новые детали декора как по стилю, так и по форме – прямоугольный каст, колпачки-полусферы, пояски из зерни, окаймлённые сканью. Скорее всего, это было пожеланием заказчика, поскольку ювелир явно копировал какие-то образцы, не стремясь при этом воспроизвести незнакомую ему технологию. Нет уверенности, что сочетание шатонов и колпачков было изначально задумано. Вполне вероятно, что они появились на центральной привеске после утраты этих шатонов и подновления изделия в первой половине XIII в.

Таким образом, привески-лунницы были изготовлены не позднее середины XII в.; в конце XII – начале XIII вв. декор привесок дополнялся, и сами они подверглись небольшому ремонту. В первой половине XIII в. они были обновлены; возможно, была заменена центральная лунница. Если это украшение выступало в качестве семейной реликвии и передавалось из поколения в поколение, то какой-то небольшой ремонт этого изделия проводился и в ордынское время, хотя в этот период такие украшения не носились и не производились.

ЛУННИЧНЫЕ ПОДВЕСКИ, НАЙДЕННЫЕ В БУЛГАРИИ, ИНОЗЕМНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Из коллекции НМ РТ из Болгарского городища происходит серебряная лунница (*илл. 318*), являвшаяся завершающей частью подвески от рясна – древнерусского женского височного украшения. В Новгороде в слое 1238–1268 гг. найдены фрагменты таких украшений, сделанных из золота [Седова, 1981, с. 17, рис. 4-1].

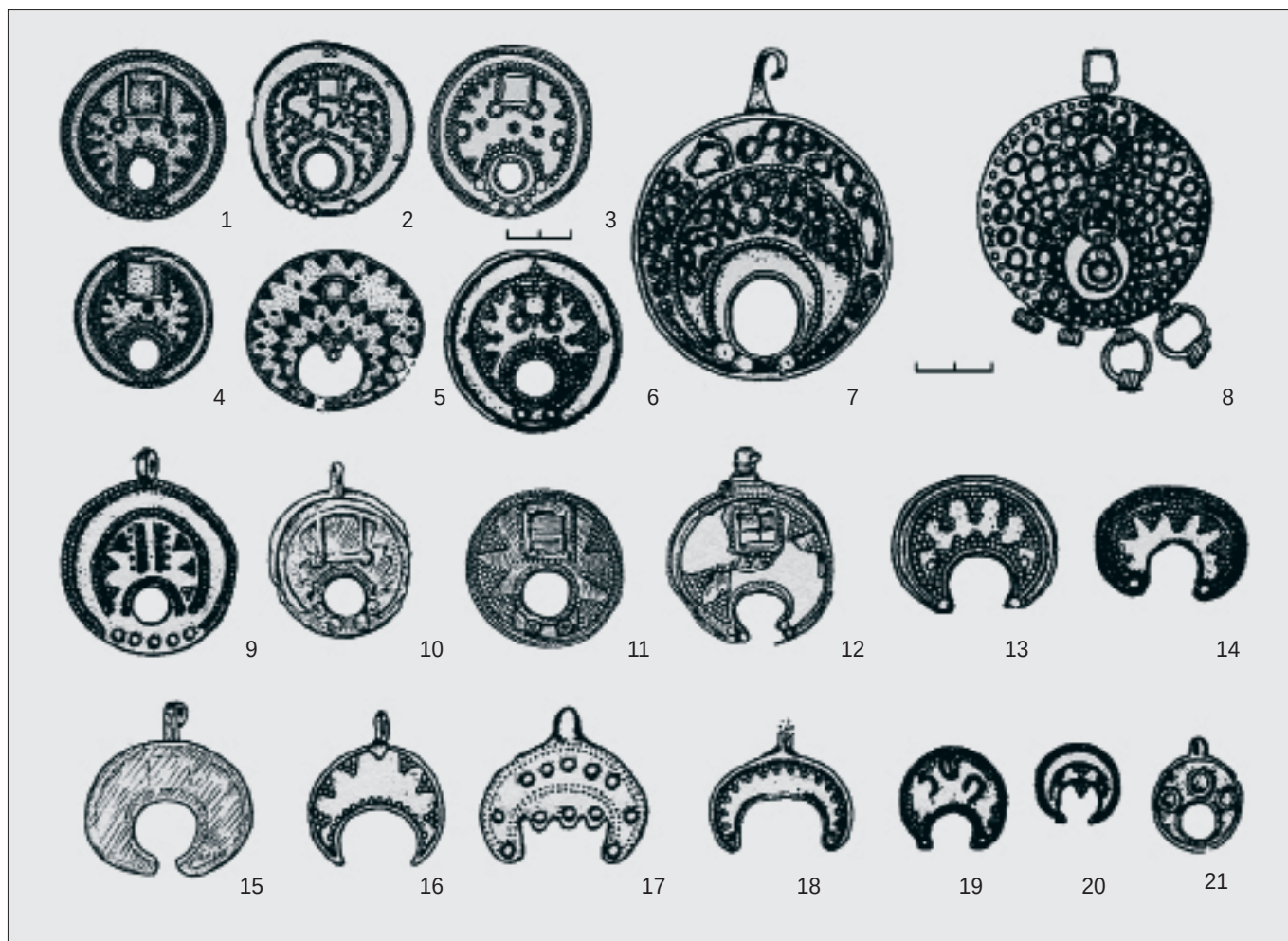

илл. 318. Серебряная подвеска-лунница из Булгара. Собрание НМ РТ

МЕСТО ИЗГОТОВЛЕНИЯ ПРИВЕСОК-ЛУННИЦ

Изначальным импульсом изготовления лунниц в Восточной Европе были филигранные изделия X в., привезённые на Русь с Востока. Так считал Н. П. Кондаков, к этой точке зрения примкнула и В. В. Гольмстен, первая исследовательница этой категории изделий. Она систематизировала материалы, хранившиеся в ГИМ, предварительно датировала их и изучила аналогии. В. В. Гольмстен считала, что образцом для копирования лунниц на Руси на раннем этапе были серебряные или золотые сирийские украшения. Замкнутые лунницы Прикамья и Зауралья, по её мнению, сформировались под болгарским влиянием [Гольмстен, 1914, с. 17–20]. Это мнение подтверждается и новыми материалами, полученными во второй половине XX в. Такие привески немногочисленны и типологически однообразны. Часть из них декорирована шатонами, однако в большинстве случаев использованы только зернь и скань (*илл. 319*). Зерновые орнаменты на них индивидуальны, и совершенно одинаковых не встречается. Основная область бытования серебряных лунничных украшений со сканью и зернью, а также шатонами – Предуралье.

При этом лунничные украшения не характерны для элитного болгарского костюмного комплекса. Вкладах серебряных украшений домонгольского времени они не встречаются.

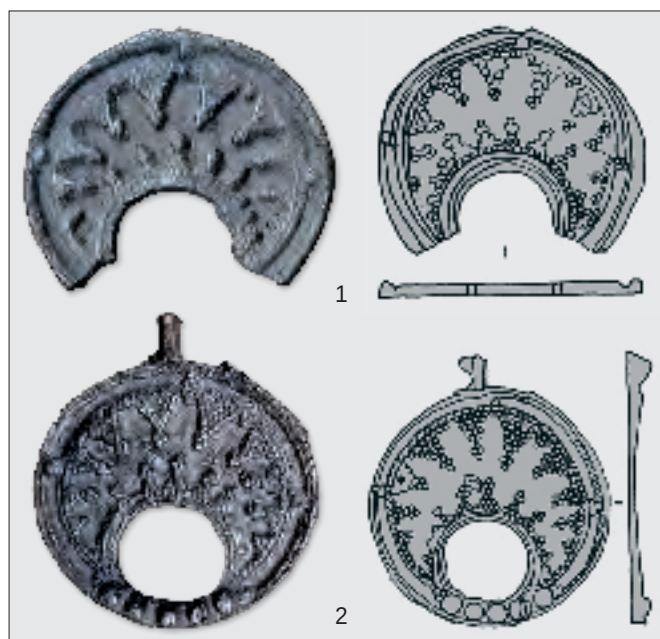

илл. 319. Типы подвесок-лунниц (по В. В. Гольмстен). Собрание ГИМ

Но они изготавливались болгарскими ювелирами сериями в бронзе или из сплавов цветных металлов в литейных формах. Целые и фрагментированные отливки замкнутых лунниц имеются в коллекциях с Биларского городища (илл. 320). Здесь же встречаются и литейные формы для их отливки.

Створка двусторонней литейной формы из сланца зелёного цвета (4,2 x 4 x 1,4 см) была найдена в 1989 г. на пашне южнее 40-го раскопа во внутреннем городе Билара. На лицевой стороне (А) и обратной стороне (Б) вырезаны рисунки, а также высверлены неглубокие отверстия для штифтов. Одно из таких отверстий торцевой стороны заделано свинцовой пробкой (илл. 321). Литейная форма для отливки лунницы с кастом, с растительным орнаментом, близким по стилю с рисунком на литейной форме из Биларска, происходит из Серенска [Зайцева, Сарачева, 2011, с. 290, рис. 140-7]. Из Серенска происходит ещё одна литейная форма для отливки замкнутой лунницы [Зайцева, Сарачева, 2011, с. 291, рис. 141-10].

Из Билара происходит литая остророгая (по типологии В. В. Гольмстен) лунница с имитацией скани и зерни. Причём по отливке видно, что сканью обведены шарики зерни, а часть зерневых узоров дополнена скаными колечками,

илл. 320. Литые бронзовые подвески-лунницы из Биларского городища. Прорисовки К. А. Руденко. Собрание ИМ РТ

илл. 321. Каменная литейная форма из Билирского городища. Прорисовка К. А. Руденко

илл. 322. Каменная литейная форма из Булгара. Собрание БГИАМЗ

на которых эта зернь и закреплена. Судя по этим признакам, украшение датируется рубежом XII–XIII вв.

В коллекции НМ РТ из Булгара имеется несколько литейных форм для изготовления лунниц. На одной из них, сделанной из фрагмента каменного котла, лунница без рисунков, только с имитацией зерни и скани (*рис. 49-1*). На другой, сделанной из сланца, кроме имитации зерни имеется и стилизованное изображение двух птиц (*рис. 49-2*). Она является стилизованной разновидностью лунницы, которая могла быть получена из другой формы, более крупной (*рис. 51*). В XIV в. отливались и лунничные медальоны небольшого размера со стилизованным растительным орнаментом. Они изготавливались вместе с маленькими украшениями из свинца или олова в виде плоского колечка с перекладиной (*рис. 50*), нередко встречающимися на поселениях и могильниках Прикамья и Средней Волги золотоордынского времени.

С этого же памятника имеется литейная форма из известняка для изготовления полулунничных подвесок (*илл. 322*). Все эти литейные формы преимущественно золотоордынского времени, за исключением одной с изображением птиц (*рис. 51*). Она может быть и более ранней. В любом случае можно предполагать, что центром изготовления лунниц и им подобных изделий в конце XII–XIII вв. был Булгар, распространявший свою продукцию в виде отливок из бронзы или оловянистого сплава в других болгарских городах. Очевидно, что были и оригиналы – серебряные лунницы, но они ни из Булгара, ни из Билыра неизвестны. Вероятно, что серебряные лунницы делались по индивидуальным заказам или воспроизводились привозные изделия, взятые за образец. К таким индивидуальным заказам, без сомнения, относятся лунничные привески с гривны из окрестностей Чистополя. Выполнены они, вероятнее всего, мастером, работавшим в Булгаре.

ВЫВОДЫ

Таким образом, скань и зернь использовались для декорирования украшений рук – перстней и браслетов, а также дополнительных деталей шейно-нагрудных украшений – гривен. Здесь они играли вспомогательную роль, за исключением привесок-лунниц на гривне. Но это, скорее всего, исключение, чем правило. Наиболее характерным для болгарской ювелирной традиции было украшение зернью и сканью шатонов на плетёных браслетах. Аналогичное использование этих техник было и на перстнях. Здесь конкуренцию болгарской продукции составлял импорт из Ирана, Сирии и Древней Руси, который занимал важную часть в обеспечении рынка эксклюзивных товаров для болгарской элиты. В их числе были золотые перстни со вставками из поделочных камней, а также с печатками из сердолика и гравировкой на шинке. Булгарские ювелиры копировали наиболее распространённые типы этих изделий, но всё же они не могли выдержать конкуренции уже со своим товаром – черневыми перстнями, массовые выпуски которых удовлетворяли спрос городского населения – основного потребителя ювелирной продукции. Цена на перстни со вставками была выше, чем на перстни с чернью – вставки поставлялись отдельно, как стеклянные, так и из поделочных камней, и это, без сомнения, повышало их стоимость.

Перстни и браслеты были широко распространены у болгар и соседних народов в эпоху Средневековья. Однако прямой преемственности рассмотренных ювелирных украшений в форме и оформлении с предметами, бытовавшими в раннебулгарский период, скорее всего, не было. Серебряные перстни и браслеты со скано-зерневым декором и шатонами

характеризуют черты элитной культуры городского населения Булгарии, складывавшегося в X в. Только формирование слоя зажиточных горожан в Волжской Булгарии в XI–XII вв. сделало востребованным выпуск местных изделий этого плана. Первоначально образцами для булгарских ювелиров также были импортные изделия, что хорошо видно по находкам с Семёновского, Измерского и II Билярского селищ.

Серебряные украшения с шатонами, появившись у болгар как продукт собственного производства в конце X – начале XI вв., не получили в дальнейшем широкого распространения, ограничиваясь в ассортименте перстнями и браслетами. При этом представители булгарской элиты носили украшения из золота, декорированные шатонами со вставками из сердолика, полудрагоценных и драгоценных камней. Доля серебряных украшений без шатонов была намного больше по сравнению с изделиями с шатонами.

Широкого распространения эти предметы в XI в. не получили, прежде всего из-за зависимости от поставок вставок в шатоны и наличия немалого числа привозных изделий. Значительный прогресс в этой области наступил в конце XII – начале XIII вв., когда булгарские ювелиры осваивали новые приёмы украшения изделий, как уже бытовавших в Булгарии, так и заимствованных форм, а также стали использовать стекло местного производства.

О том, что серебряные украшения с шатонами были редкостью, свидетельствуют следы ремонта и обновления кастов на браслетах, частичной замены их. Булгары нашли эффективное решение утраты или порчи вставок – их стали заменять фрагментами поливной керамики и сердоликовыми бусинами. Теоретически это могло осуществляться не ранее XII в. – с момента появления на внутреннем булгарском рынке поливной керамики с белой и бирюзово-зелёной (реже темно-зелёной) поливой, а также сердоликовых битрапециоидных бус. Цветных стеклянных вставок круглой или овальной формы, как и других геометрических форм, булгары, видимо, не делали, в силу недостаточного качества местного сырья, отсутствия красителей и сложного процесса их изготовления. Плоские полупрозрачные вставки из стекла (в том числе и из утилизированных привозных стеклянных изделий) могли делать и булгарские ювелиры – особой сложности этот процесс не представлял. Но доказать это в настоящее время не представляется возможным.

Частичная замена привозных цветных стеклянных вставок круглой и овальной формы, как и прозрачных квадратных или прямоугольных местного производства, на булгарских ювелирных изделиях сердоликовыми бусинами и фрагментами поливной керамики происходила в первой половине XIII в., когда монголами были уничтожены крупные древнерусские ремесленные центры, производившие стеклянные изделия (1237–1240 гг.), в том числе вставки для перстней и браслетов с шатонами. До этого, в 1236 г., погибло булгарское стеклоделие. Вполне вероятно, что идея использовать бусы в качестве вставок появилась и реализовывалась в XII в., однако пока о датированных этим временем булгарских находках сведений нет.

Представляется, что использование булгарскими ювелирами, как признанного приёма, декорирования сердоликовы-

ми бусинами серебряных украшений приходится на первую треть XIII в., когда в результате завоевания государства Хорезмшахов монгольскими войсками, ещё в 1220-х гг., были нарушены поставки обработанных поделочных камней (сердолика) из Средней Азии и Ирана в северные регионы, и они приобрели новую ценность в качестве удобного материала для украшения ювелирных изделий. То есть поиск новых материалов импорт-заменителей проходил в короткий отрезок времени: в 1220-х – начале 1240-х гг. Для ювелирной продукции Владимира и Суздалья этот процесс завершился в 1238 г. – после монгольского разорения. Эту дату подтверждают и предметы из булгарского Спасского клада второй – третьей четверти XIII в., в которых сердоликовые бусины использовались в качестве вставки [Руденко, 2011б, с. 157].

В канун монгольского покорения Булгарии в 1232–1236 гг., вероятно, часть профессиональных ювелиров уехала вместе с состоятельными горожанами во владения Великого князя Юрия Всеволодовича (26 ноября 1188 г. – 4 марта 1238 г.), в Рязанское княжество к князю Юрию Игоревичу (ум. 21 декабря 1237 г.), а также в бывшие булгарские колонии в Посурье и Пермском Предуралье. Только таким стечением обстоятельств можно объяснить выпуск таких своеобразных изделий. Ювелир должен был владеть навыками работы с золотой амальгамой, использовать штампованную проволоку, зернь на подставке, укрепительные пояски из полосок металла и т. п. – что, собственно, не делали булгарские ювелиры. Но зерневые композиции и первоначально настоящая скань явно пришли от булгарского ремесла. Этим же фактором может быть объяснена и торговая «интервенция» таких изделий в этот период на Верхнюю Каму.

После 1236–1239 гг. крупные ювелирные мастерские в разгромленных монголами городах – Биляре и Муромском городке – несколько десятилетий не функционировали, поскольку это производство было полностью уничтожено. При этом в течение XIII в. использование сердоликовых бусин и фрагментов поливной керамики как вставок в серебряные украшения распространилось и на соседние территории, во многом благодаря булгарским ювелирам, которые нашли здесь обширное поле деятельности и в немалой степени способствовали развитию, а где и кратковременному подъёму (до монгольского вторжения на Русь) ювелирного дела в удельных княжествах и небольших городах Северо-Востока.

Если начало монгольских завоеваний прервало развитие сложно декорированных изделий, заставив булгарских мастеров искать выход из кризиса поставок сырья и готовых изделий, то подчинение Булгарии монголам и вовсе подорвало базу булгарского ювелирного дела. Установление новых норм в костюме городской администрации в Булгарском улусе привело к отмиранию и традиционных украшений городской элиты, которые могли сохраняться как семейные реликвии, сокровища или как исходный материал для новых украшений, принятых в новом культурном пространстве Золотой Орды.

Интересным явлением был импорт булгарских технологий в соседние регионы, особенно в Северо-Восточную Русь и Прикамье в первой – второй четверти XIII в. Осуществлялся он чаще всего благодаря работе булгарских мастеров за пределами самой Булгарии.

ПРОВОЛОЧНЫЕ ПЛЕТЁНЫЕ ИЗДЕЛИЯ

БРАСЛЕТЫ

Плетёные из серебряной проволоки изделия впервые описал казанский коллекционер А. Ф. Лихачёв в 70-х гг. XIX в. [Лихачёв, 1891]. Изучив имевшиеся в его распоряжении находки и, прежде всего, серебряные и один золотой браслеты, он установил, что они были сплетены из трёх пар проволок «равномерной толщины, концы которых склованы вместе и расплющены в виде площадок, образующих открытые концы браслета» [Лихачёв, 1891, с. 170]. Кроме того, он отметил аналогичные браслеты, площадки которых украшены шато-нами со вставками, где используется зернь [Лихачёв, 1891, с. 169].

Плетёные браслеты имелись в частных собраниях казанских и московских коллекционеров XIX – начала XX вв. (Н. А. Толмачёв; В. И. Заусайлов; П. И. Щукин). Некоторые из них были опубликованы (илл. 323). Большая часть таких находок происходила из Билярского и, чуть меньше, из Болгарского городищ. Немало плетёных браслетов находилось в кладках (Мокрокурналинский, Именьковский, Сабакайский, Спасский, Балыкульский, Староальметьевский, Подгорский и др.).

Всего из собраний в фондах музеев РТ учтено 42 экз. серебряных плетёных браслетов, из них большая часть (33 экз.) находится в НМ РТ (одиночные находки с Болгарского и Билярского городищ, а также изделия из Мокрокурналинского и Именьковского кладов). К ним следует добавить браслеты из кладов: 10 из Балыкульского (ГИМ), 2 из Староальметьевского (ГИМ), 2 из Спасского (ГЭ), 5 из Сабакайского (ГЭ), 1 из Билярского (коллекция А. Ф. Лихачёва, утрачен), 2 из Болгарского (2013 г.) (БГИАМЗ); 3 из Подгорского (СОИКМ); несколько поделок имеется в собрании П. И. Щукина (ГИМ); 3 – в коллекции В. И. Заусайлова, из Билярска (НМФ) (илл. 324). Не менее 5 браслетов находится в частных собраниях. Как болгарский импорт можно рассматривать проволочные серебряные браслеты ажурного плетения из Пензенской области

(Юловский клад – 1 экз.; Золотарёвское поселение – 2 экз. и 2 в фрагментах; Канаевский клад – 2 в фрагментах) [Белорыбкин, 2001, с. 45, 55, рис. 26; 32-5, 10, 12; Васин, 2010, с. 305, рис. 3-1, 2]. Таким образом, общее число известных таких изделий – более 70 экз.

Все браслеты изготовлены из нескольких жгутов переплетённой серебряной проволоки толщиной 0,2–0,3 см. Окончания их в большинстве случаев расковывались. Ложновитых, кручёных или стержневых с обмоткой браслетов из серебра булгары не делали. Впрочем, и бронзовых или медных браслетов такого типа встречается немного. Среди серебряных браслетов это, по сути, единственный тип, который предельно стандартизирован. Немногочисленные усложнённые варианты таких украшений с шатонами были рассмотрены нами выше.

ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ

Конструкция. Браслеты изготовлены из сложённой пополам и скрученной серебряной проволоки диаметром около 1 мм. Длина проволоки, по данным Г. Ф. Поляковой, составляла около 1,5 м [Полякова, 1971, с. 244]. Размеры браслетов: 5,2–6 × 6,4–7,6 см. Вес – 41–50 г; браслеты из толстой проволоки тяжелее – от 56 до 115 г. В кладках встречаются как лёгкие, так и тяжёлые браслеты, например, в Подгорском кладке [120 лет, 2007, с. 49, кат. № 2], хотя чаще всего они всё же выдержаны в одной весовой норме. Сплетены все такие браслеты одним способом: заготовка из скрученной проволоки складывалась пополам и переплеталась с дополнительным третьим жгутом, прочность фиксации которого гарантировала сильная проковка и, возможно, частичная пайка окончаний браслета. Всего получалось плетение из 6 отдельных проволочек (илл. 325). Концы, образовавшиеся после плетения,

илл. 323. Болгарский серебряный браслет из рисунков к статье Н. А. Толмачёва

илл. 324. Серебряный плетёный браслет. Среднее Поволжье, XI–XIII вв.

илл. 325. Схема конструкции болгарского плетёного браслета. Рисунок К. А. Руденко

проковывались. Причём в некоторых случаях они сохраняли вид проволочных жгутиков (НМ РТ инв. №№ 14399; 14576-1, 2, 7, 8; 5513; 123/573, СУ-744) (**рис. 52-4, 8–12, 15**), а иногда расковывались полностью, превращаясь в плоскую лопаточку (НМ РТ, инв. №№ 5509; 5363; СУ-425; 109, СУ-573; 14401; 14400; 14402 (**рис. 52-3, 5-7, 13, 14, 16**)). Браслеты со вставками типа 2.1 (инв. № 5501) (**рис. 53-11**) являются усложнённым вариантом браслетов с окончаниями-лопаточками.

Проволока, из которой изготовлены браслеты, разная. В большинстве случаев она вытянута на специальном инструменте; встречается и кованая. Последний случай чаще всего использовался на браслетах, сплетённых по схеме 2х2 из проволоки крупного диаметра (до 2–3 мм) (**рис. 53-3**). Вытягивалась как серебряная проволока, так и медная (или из композитного сплава, в основе которого медь). Случаев серебрения поверхности медной проволоки не отмечено.

Дополнительные приёмы декорации. Булгарские мастера, работавшие за пределами родины, использовали и другие приёмы декорации, например, сканую проволочку, пропущенную между сплетёнными жгутами. Такие инновации зафиксированы на плетёных браслетах из Старорязанского кладка 1966 г. [Древняя, 1978, вклейка: Старорязанский клад 1966 г.].

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ

Представлены браслеты одним **отделом** – плетёных проволочных. По количеству свитых жгутов определяется **тип** изделия, по наличию дополнительных элементов декора – **подтип**. Подтипы плетёных браслетов были рассмотрены в предыдущем разделе и здесь не описываются.

Тип 1 (4 экз.; Билярское городище, I Старокуйбышевский могильник; IV Старокуйбышевское и Семёновское селища) [Казakov, 1991, 124-125, рис. 42-1, 6, 8] – проволочные браслеты, сплетённые из одного 2-проволочного жгута, согнутого пополам (2х2); окончания браслета прокованы, чтобы проволока не расходилась, но при этом отдельные жгуты после проковки остаются хорошо различимыми (**рис. 45-1; 53-1–7**). Размеры 7х5 см – 8–9х6 см.

Датируются концом X – XII вв.

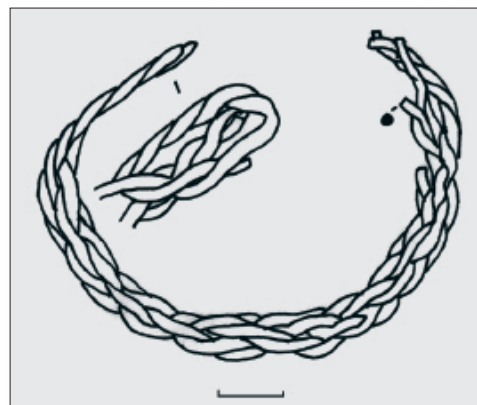
Встречаются многочисленные аналогичные браслеты, сделанные из меди и бронзы, найдены на Билярском городище (**илл. 326**), Семёновском селище (**илл. 327**), Золотарёвском комплексе в Пензенской области (**рис. 53-4, 7**).

Подтипы 1.1 и 1.2 с шатонами (см.: Часть II).

Тип 2 (61 экз.; Билярское, Болгарское городища; IV Старокуйбышевское селище; Именьковский, Мокрокурналинский, Балыкульский, Спасский, Сабакайский, Билярский, Булгарский, Подгорский клады; Староальметьевские, Билярские и Булгарские находки (**рис. 52**)). Проволочные браслеты, сплетённые из двух 2-проволочных жгутов, один из которых согнут пополам, как у браслетов типа 1, а вто-

илл. 326. Медный плетёный браслет из Билярского городища. Собрание НМ РТ

илл. 327. Медный плетёный браслет из Семёновского селища. Прорисовка К. А. Руденко

рой приплетён к нему дополнительно, т. е. в целом браслет сплетался из 3 жгутов (2х3); окончания браслета расплющены и спаяны в сплошную лопасть в виде лопаточки, чтобы проволока не разошлась при изгибе; отдельные жгуты послековки и пайки не заметны (**рис. 45-4; 53-12–16**). Есть и немногочисленные исключения, где окончания браслетов только расплющены и отдельные жгуты остались видны (**рис. 53-14**). Размер браслетов: 7х6 см – 10х7 см. Средний размер – 7х6 см.

Подтип 2.1 с шатоном (см.: Часть II). Датируются XII – началом XIII вв.

Тип 3 (2 экз.; Билярское городище; **рис. 53-10; кат. № 361**) – проволочный пластиноконечный браслет на каркасе, сплетённый из 6–8 плотно свитых жгутиков из бронзовой или серебряной (с большим количеством примесей) проволоки; окончание браслета – плоская лопасть в виде узкой лопатки с округлым окончанием. Аналогичный браслет из медной проволоки имеется в погребении 4 Выжумского II могильника в Поветлужье [Архипов, 1986, с. 19, рис. 30-11]. Близкие по конструкции изделия встречены на памятниках Земли вятичей [Никольская, 1981, с. 230, рис. 85-16]. В Новгороде браслеты в виде стержня с обмоткой из нескольких плетёных жгутов датируются серединой XII в. [Седова, 1981, с. 100, рис. 36-12]. Этот тип браслета только условно может быть отнесён к булгарским; основная территория их изготовления и бытования – Северо-Восточная Русь, Поветлужье и Новгородская земля.

Датируются браслеты серединой – второй половиной XII в.

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ БУЛГАРСКИХ ПЛЕТЁНЫХ БРАСЛЕТОВ

Булгарские проволочные плетёные браслеты, несмотря на однообразность и простоту изготовления, имеют выразительные черты индивидуальности, отличающие их от плетёных из проволоки браслетов у соседей. В первую очередь это относится к браслетам, изготовленным по схеме 2х3, т.е. шести-проволочным (тип 2): 1) применение ковальной или волочёной серебряной проволоки; 2) использование трёх жгутов для создания конструкции браслета; 3) плотное переплетение проволоки в жгуте и свободное, ажурное при создании основной конструкции; 4) расковка окончаний либо до петлевидной, почти сплошной площадки, либо до состояния сплошной тонкой пластинки – лопасти, как правило, лопатковидной или вытянуто-овальной формы; 5) наличие дифференциации этих украшений на детские и взрослые; первые, кроме меньшего размера (при этом они делались всё равно «на вырост»), часто имеют пробитые сквозные отверстия в лопастях для привязывания нитки, которая не позволяла браслету спадать во время ношения.

Если плетение по схеме 2х3 осуществлялось из более толстой проволоки, то булгарские ювелиры отказывались от ажурности, которую было довольно трудно воспроизвести на этом материале, и браслет получался более массивным и тяжёловесным.

Несмотря на то, что сами принципы такого рода плетения не были исключительно прерогативой булгарских ювелиров [Рындина, 1963, с. 232, 233], ажурность и «пышность» конструкции в целом достигались только ими. Особенно это хорошо видно в сравнении с бронзовыми плетёными браслетами соседних народов [Никольская, 1981, с. 230, рис. 85-18, 19, 20; Архипов, 1986, рис. 29-9; 30-10].

ДАТИРОВКА

В раннебулгарских могильниках серебряных плетёных браслетов нет, но встречаются витые и тордированные (сделанные из гривны «глазовского» типа) [Казаков, 1992, с. 174]. Кстати сказать, если такие украшения в Предуралье и Поволжье бытовали в основном в IX–XI вв., то за Уралом они встречаются и позже, например, в XI–XIII вв. (илл. 328), а в несколько изменённом внешнем виде бытуют в XVIII в. [Гоголев, 1990, с. 173, табл. XLVIII-4, 5, 11]. У одного из них, датированного XVIII в., центральная часть изогнута в виде змейки [Гоголев, 1990, табл. XLVIII-11], копируя западносибирские украшения, которые нередко также относят к булгарскому производству (илл. 329). Змеевидное украшение к булгарской ювелирной традиции не имеет прямого отношения.

В закрытых комплексах домонгольского времени плетёные браслеты из бронзовой или медной проволоки по схеме 2х2 встречаются с конца X в., однако чаще всего – с начала XI в. Среди них есть браслеты, сделанные из серебра низ-

илл. 328. Фрагменты гривен «глазовского» типа из Зауралья и изделия из них, XI–XIII вв.

илл. 329. Змеевидное украшение, сделанное в стиле гривен «глазовского типа» из Зауралья, XII–XIV вв.

кого качества с большой примесью меди и, нередко, с шатоном (рис. 53-8, тип 1.1). Из раскопок в Биляре из слоёв XII – начала XIII вв. происходят фрагменты браслетов (2х2) (илл. 330). Встречаются также и витые браслеты из одного двухпроволочного жгута (илл. 331).

В булгарских кладках конца XI – начала XII вв., таких как, например, Кожаевский, серебряные плетёные браслеты не встречаются. Плетёные ажурные браслеты, выполненные по схеме 2х3, с расплюснутыми окончаниями в виде лопаточки или петлевидной площадки встречаются в кладках XII в., например в Мокрокурналинском кладе, с золотыми височными подвесками с фигуркой птицы (тип В3а, школа Б: рис. 28-8). Известны плетёные браслеты типа 2 из кладов первой половины XIII в. – Спасского и Именьковского. Верхний предел бытования плетёных предметов – XIII в. определяется обна-

илл. 330. Фрагменты медных плетёных браслетов из Биллярского городища, XII – начало XIII вв. Собрание БГИАПМЗ

илл. 331. Витые и плетёные медные браслеты из Биллярского городища, XI – начало XIII вв. Прорисовка К. А. Руденко

ружением их в кладе в раннезолотоордынском слое на раскопе CLXXIX Болгарского городища [Коваль, Бадеев, 2014, с. 8]. Таким образом, серебряные плетёные ажурные браслеты типа 2 массово стали изготавливаться не ранее XII в. и бытовали до второй трети XIII в., а пережиточно и в качестве сокровища – во второй половине XIII в.

МЕСТО ПРОИЗВОДСТВА

В Билире на раскопах обнаружены мотки тянутой медной проволоки (**илл. 332**), что подтверждает факт использования такой технологии для изготовления заготовок и расходных материалов для ювелирных изделий. Серебряная проволока, полученная путём волочения, не была единственным исходным материалом для болгарских витых браслетов. Часть проволоки для вития и плетения была литой, а затем прокованной. Это касается, прежде всего, массивных браслетов, сделанных из проволоки диаметром в сечении более 0,15–0,2 см.

Браслеты рассмотренных типов, вследствие простоты технологии изготовления и доступности сырья (проволоку, возможно, закупали отдельно), могли делать не только в таких крупных центрах, как Биляр и Булгар, но и в других болгарских городах – на Муромском городке, Суваре, а также в малых городках, таких как упоминаемый в летописи Тухчин-городок (возможно, Старокуйбышевский археологический комплекс по определению Т. А. Хлебниковой), бывших центрами небольших округов. Об этом свидетельствует находка небольшого клада серебряных плетёных браслетов и гривны, пострадавших от пожара на IV Старокуйбышевском селище (**илл. 334; кат. № 231, 232, 252**) [Казаков, 1991, с. 123, рис. 42-2, 6, 8, 9]. Здесь же Е. П. Казаковым в 1964 г. были обнаружены в подъёмном материале на месте

илл. 332. Медная проволока из раскопок Биллярского городища. Собрание БГИАПМЗ

илл. 333. Серебряный плетёный браслет из IV Старокуйбышевского селища (Спасский район РТ). Сборы Е. П. Казакова

илл. 334. Серебряная плетёная гривна из IV Старокуйбышевского селища (Спасский район РТ). Сборы Е. П. Казакова

I Старокуйбышевского могильника XI – начала XIII вв. два плетёных браслета [Халикова, 1976, с. 49–50]. Примерно в этом же районе был найден Спасский клад 1869 г. серебряных и золотых изделий (**илл. 215**), а также ряд находок (золотые подвески от шейной цепочки) на размываемой части поселений. Тухчин-городок, судя по следам разнообразной ремесленной деятельности – кузнечной, металлургической, по своеобразию гончарной посуды, был местным ремесленным центром и ключевым торговым пунктом данной области. Правитель городка и его приближённые были потребителями ювелирной продукции как из мастерских Биляра или Булгара, так и собственных ювелиров.

Браслеты, скорее всего, выпускались партиями не менее 4 экз. Так, в Именьковском кладе все браслеты стандартного размера (7,1–7,6х5,3–5,8х2 см), при этом они имеют прокованные окончания в виде небольшой вытянутой плоской площадки (1х1,5–2 см) (**рис. 52-9–12**). Аналогичные известны из Болгарского городища. Почти все браслеты (только один браслет имеет прокованные окончания) из Мокрокурналинского клада имеют расплюснутые и спаянные окончания в виде лопатки (**рис. 52-13–15**). Размеры их также стандартны (7,4–7,9х6х2,2–2,5 см). Практически идентичные браслеты встречены в Биляре (**рис. 52-3**). Однозначно утверждать, что плетёные браслеты с различным оформлением окончаний изготавливались одни в Биляре, другие в Булгаре, будет некорректно, учитывая, что сам процесс изготовления был несложен, а оформление частей их во многом зависело от индивидуальных навыков ювелира. Тем не менее, для билярских ювелиров характерны плоские окончания в виде сплошной запаянной лопаточки; в Булгаре чаще встречаются прокованные до уплощённой овально-вытянутой площадки с заметными отдельными жгутами.

Таким образом, плетёные браслеты без дополнительных украшений изготавливались как в столичных городских мастерских, так и в небольших городках, центрах местной административной власти. Заказывались небольшие партии таких изделий, хотя, видимо, чаще всего продавали их в розницу парами.

БУЛГАРСКИЕ ПЛЕТЁНЫЕ БРАСЛЕТЫ, НАЙДЕННЫЕ ЗА ПРЕДЕЛАМИ БУЛГАРИИ

За пределами Булгарии, как и большинство других оригинальных изделий, болгарские плетёные браслеты встречаются нечасто: 1 экз. в Пермском Прикамье (с. Верх-Язва), 4 экз. (из них два – в фрагментах) в Пензенской области [Спицын, 1902, табл. XV-14; Белорыбкин, 2001, с. 45, 55, рис. 26; 32-5, 10]. Появление их в ближнем для болгар зарубежье (чаще всего в составе кладов) связано, вероятно, с их функцией платёжного средства или сокровища. Не случайно, что такие браслеты встречаются в некоторых болгарских кладах вместе с крупными слитками серебра.

При всей популярности витых браслетов, часто встречающихся у славянских и финских народов эпохи средневековья,

они отличаются от болгарских, прежде всего, материалом (медью или бронзой), плотностью плетения проволоки, конструкцией, наличием дополнительных деталей (чаще всего сканой проволоки, вплетаемой при соединении жгутов). При этом не все ближайшие к булгарам регионы в одинаковой степени потребляли эти изделия, предпочитая пластинчатые или дрововые браслеты (медные или бронзовые). Возможно, это объясняется отсутствием у местных ювелиров знаний (и навыков) о способе получения тянутой проволоки.

ВЫВОДЫ

Серебряные ажурные плетёные браслеты (по схеме 2х3) являются характерной болгарской продукцией, распространявшейся в пределах болгарских земель, чаще всего у городского населения. Дольше всего в регионе этот тип украшений, точнее их поздних подражаний [Степанов 1959, с. 200, табл. 80-18], сохранялся у мордвы в округе Мохши – одном из золотоордынских Поволжских центров, образованном в 1250–1260-х гг. и обособившемся в 60–70-х гг. XIV в. [Греков, Якубовский, 1950, с. 102; Варваровский, 2008, с. 61; Егоров, 2010, с. 106–107; Селезнёв, 2013, с. 140, 141]. Древнерусские плетёные и витые изделия (чаще всего изготовленные из меди или бронзы) в XII–XIII вв., при всей схожести с болгарскими изделиями, не были их точными повторениями. Русские ювелиры не стремились придавать браслетам ажурность, предпочитая более весомые и простые композиционные решения [Седова, 1972, с. 73, рис. 24-2, 3]. Сходство обуславливалось чаще всего способом создания конструкции проволочных браслетов.

Булгарские изделия, несмотря на массовость производства, практически все сосредоточены на территории болгарского государства. Находки их за пределами Булгарии редки и не являются свидетельствами болгарского импорта. Также не получила распространения за пределами Волжской Булгарии болгарская техника плетения, оставаясь уникальной разработкой болгарских ювелиров.

ПЛЕТЁНЫЕ БРАСЛЕТЫ ИНОЗЕМНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ, НАЙДЕННЫЕ НА ТЕРРИТОРИИ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ

Эти изделия, в большинстве своём изготовленные из бронзы или, в единичных случаях, из серебра, разного качества. Они отличаются от болгарских плотностью плетения или, в одном случае, витём с использованием сканой перевити (**кат. № 235**). Окончания последнего изделия «завязаны», что характерно для русских изделий XI – рубежа XI–XII вв. [Корзухина, 1954, табл. XI-1]. Однако обращает на себя внимание, что в кладе из с. Хайча на Волыни, где находился аналогичный браслет, была и плетёная серебряная гривна, скорее всего, болгарского изготовления.

Шейные гривны в Волго-Камье получили распространение в конце эпохи бронзы и начала раннего железного века. Преобладающими были изделия из бронзы, хотя встречено несколько экземпляров серебряных поделок [Патрушев, 1985, с. 173–196]. Использовали их в Волго-Камье в I – начале II тыс. н. э. В большинстве случаев гривны были дровые или пластинчатые. Ареал их распространения – от Скандинавии и Прибалтики до Камы [Финно-угры, 1987, табл. XL-9, 10; XLV-8-12; LIII-3-6; XCL-42; CV-12, 17, 27; CVI-11-15; CXVI-3, 11, 14; CXIX-5-16; Ворсо, 1861, с. 103–105, №№ 431, 432, 443] (*илл. 335*).

Особое место гривны занимали у кочевых народов в I тыс. н. э. Изготавливались они преимущественно из бронзы, хотя известны и серебряные, а в ряде случаев и золотые изделия [Тетерин, 2001, с. 107; Трифанова, 2005, с. 201–205]. Как правило, они изготавливались из металлического дрота. Встречаются гривны у кочевников южнорусских степей в XI–XII вв., реже в XIII–XIV вв. Они изготавливались из бронзового, железного (что реже) дрота или пластины; в единичных случаях имеют оплётку из золота [Фёдоров-Давыдов, 1966, с. 37]. Известны дровые половецкие серебряные гривны, основа которых несколько раз перекручена [Степи, 1981, с. 261, рис. 84-5, 13].

С I тыс. н. э. и до первой трети II тыс. н. э. пластинчатые бронзовые гривны использовались в костюме поволжско-финских народов. Плетёные гривны из серебра появляются в Поднепровье в конце X – XI вв.; в XI–XIII вв. они распространяются на северо-восток – во владения Новгорода и Ростовско-Суздальские земли. В целом, на территории Руси гривны (в том числе и плетёные) были более характерны для

вятического и радимического женского костюмов. Чаще всего они делались из биллоновой проволоки круглого сечения и были плетёными из нескольких сдвоенных жгутов [Литвинов, Макушников, Дробушевский, 1987, с. 263]. Несмотря на значительную популярность этого вида шейно-нагрудного украшения, имеются существенные региональные особенности этих изделий. Они касаются, прежде всего, способов изготовления (соединения жгутов и плотности плетения) и оформления замков. На Средней Волге такие украшения начали изготавливать только в булгарском государстве, не позднее XI в.

Булгарские серебряные гривны сплетены из трёх пар двух-проволочных жгутиков (*илл. 336*). Проволока имеет сечение около 2 мм. Размеры гривен – в среднем 24–27х26–30 см. Несмотря на одинаковый способ изготовления и конструктивные детали, что даёт основание отнести их к одному типу, есть ряд особенностей, которые в целом позволяют рассматривать несколько подтипов.

Тип 1 (11 экз.; клады: Кожаевский (1 экз.); Именьковский (1 экз.); Рождественский (1 экз.); Юловский (1 экз.); Старокуйбышевские (1 экз.) и Староальметьевские (1 экз.) находки; городища: Болгарское (3 экз.) (*илл. 337*); Билярское (2 экз.); район Джукетау (1 экз.); Суварское (1 экз.) [Хованская, 1958, с. 239–243; Полесских, 1978, с. 142–147; Казаков, 1991, с. 123, рис. 42-9; Кавеев, 1992, с. 105–109; Фахрутдинов, 1969, с. 235, 236, рис. 6; Перед нашествием, 2005, 158, 159; Волжская, 2006, цв. вклейка]. *Шестипроволочные* (2х3), плетёные, с замком из втульчатых крючков, надетых на свитые и пропаянные окончания проволочных жгутов,

илл. 335. Плетённые серебряные кольца и гривны из клады СкарпаАлбю, Сандбю, Эланд (Швеция), начало X в.

илл. 336. Схема конструкции булгарской серебряной плетёной гривны. Рисунок К. А. Руденко

илл. 337. Серебряная плетёная гривна, XII – начало XIII вв. Собрание ГИМ

из которых и состоит гривна. Плетение ажурное, свободное, даже жгуты – основа конструкции переплетены неплотно. Крючок (**илл. 338**) дротовый кованый, нижняя более широкая часть раскована и свёрнута конусом, образуя узкую втулку. Длина крючков у гривен с разных памятников неодинаковая – колпачок может быть длиннее или короче.

Подтип 1.1 (2 экз.; Старокуйбышевское IV селище (**рис. 61-1**); Болгарское городище (**рис. 60-1**); **кат. №№ 244, 252; рис. 55-1, 2**). Малая гривна размером 160–190 x 70–195 см, весом 160–185 г, с замком из двух коротких крючков, длиной 6–7 см. Проволока, из которой сде-

илл. 339. Серебряная плетёная гривна из коллекции А. Ф. Лихачёва

лана гривна, имеет толщину 0,2 см. Колпачки на окончаниях гривны длиной 5–6 см (**илл. 339**).

Подтип 1.2 (7 экз.; Староальметьевская находка; клады: Кожаевский (**рис. 60-2**), Балыкульский, Юловский; городища: Билярское (?), Болгарское, Суварское (**рис. 61-2**); **кат. №№ 248; 251; рис. 55-3, 4**). Большая гривна ажурного плетения, застёгивающаяся на замок с крючками с длинным стержнем и втулкой (**илл. 340**). Размер 250–265 см, вес 185–186 г. Форма гривны – почти правильный круг (**илл. 341**). Близкие по форме гривны свободного плетения и застёгивающиеся на замок из полых колпачков с крючками найдены в составе Хайчинского клада XI – начала XII вв. [Корзухина, 1954, с. 91, №31, табл. XI:2].

Подтип 1.3 (2 экз.; Именьковский (**рис. 59-2**) и Рождественский клады; **кат. №№ 246, 249; рис. 55-5**). С подвесками, шумящие, аналогичны предыдущему типу по размеру и весу (186–188 г). Имеют дополнительные украшения в нижней части – на 2–3-звеньевой цепочке подвешены желедевидные подвески. Подвески (2 x 1,2–1,5 см) спаяны из двух полусферических частей. У именьковской гривны верхняя часть вставлена на несколько миллиметров в нижнюю и запаяна. В верхней части пробито отверстие (пробито изнутри), и в него вставлена маленькая шпилька с петелькой для крепления; в нижней части сделана узкая прорезь почти на всю ширину подвески. Внутри подвески помещён камушек или металлический шарик, т. е. каждая подвеска была маленькой погремушкой.

Подтип 1.4 (1 экз.; находка в округе городища Джуке-тау (г. Чистополь); **кат. № 253; рис. 47; 48; 55-6; 56**). Гривна

илл. 338. Колпачок с крючком от шейной гривны. Собрание НМ РТ

илл. 340. Серебряная большая плетёная гривна из коллекции А. Ф. Лихачёва

с тремя дисковидными привесками-лунницами. Аналогична гривнам подтипа 1.2, только в нижней части на колечках подвешены три подвески-лунницы (**рис. 56**).

Разница между гривнами этих 4 подтипов только внешняя: в размере всего изделия или в дополнительных деталях. При этом вес гривен, как у малых, так и у больших, практически одинаков, т. е. все они делались по одной весовой норме расходующего металла. Размер гривны, скорее всего, связан с пожеланиями заказчика.

илл. 342. Серебряные украшения из Гнёздова (Смоленская обл.), X в. (по Г. Ф. Корзухиной)

ДАТИРОВКА

Самая ранняя датированная находка серебряной плетёной гривны происходит из Кожеевского клада (**кат. № 252**) рубежа XI–XII вв. То есть во второй половине XI в. этот вид изделий изготавливался и был в употреблении. Это подтверждается и приведённой выше аналогией с гривной из Хайчинского клада рубежа XI–XII вв. Ранее XI в. таких изделий не известно. Г. Ф. Полякова высказала мнение, что такие гривны стали изготавливаться булгарами со второй половины X в., однако находок, подтверждающих эту дату, пока нет. Таким образом, начало производства плетёных гривен относится к первой половине – середине XI в.

У этих гривен есть одна деталь, которая встречается и у гривен не булгарских. Это – замок в виде двух дротовых крючков, имеющих втулку-колпачок, которой закрывались окончания сплетённых проволочных жгутов. Такая деталь имеется на плетёной гривне из Гнёздова, найденной вместе с другими украшениями в скано-зерновой технике (**илл. 342**). Такие замки использовались на гривнах из клада у Мироновского фольварка, в Пилявском, Крыжовском кладах, датированных XI – рубежом XI–XII вв. [Корзухина, 1954, с. 91, 92, 99, №№ 32, 34, 52, табл. XIII-1; XIV-4; XV-2; XXVI-7а, б]. Однако у этих гривен крючок раскован практически в пластину, иногда декорирован. Тем не менее, сам принцип оформления окончаний таких изделий широко использовался именно на протяжении XI столетия.

Более близкие булгарским варианты замков зафиксированы на гривнах из Варзугского клада в Карелии, датированного концом XII – началом XIII вв. Здесь, кроме тордированной гривны глазовского типа, было ещё 7 плетёных гривен,

илл. 341. Серебряная плетёная гривна из Волжской Булгарии. Собрание НМ РТ

илл. 343. Серебряные украшения и денежные гривны из Большого Московского клада 1988 г.

частью североευропейского происхождения (Скандинавия и Прибалтика), частью новгородско-суздальского. Последние изделия были сделаны из плотно переплетённых жгутов проволоки, окончание которых было выполнено в виде паяных втульчатых наконечников-колпачков с крючком на конце. Однако у одних гривен этот колпачок в средней части раскован в ромбовидную или овальную пластину, декорирован, а окончание её имеет спирально свёрнутую трубочку для продевания шнура-завязки. Исследователи предположили, что этот тип паяных втульчатых наконечников стал распространяться на севере Руси в XII – начале XIII вв., связывая это с финско-новгородской традицией [Горюнова, Овсянников, 2002, с. 211, 219, 220]. Этот тип серебряных гривен часто встречается в кладах первой половины XIII в. русского северо-востока. Имеются они, например, в составе Большого Московского клада (илл. 343).

Верхняя дата бытования болгарских серебряных плетёных гривен, определяется находками в Именьковском, Рождественском кладах и гривне из окрестностей Джукетау первой трети – середины XIII в. Были ли подвески и привески изначально смонтированы на гривне, установить невозможно. Как было показано выше, на джукетауской гривне привески-лунницы были изготовлены не позднее середины XII в.; в конце XII – начале XIII вв. они были отремонтированы, а в первой половине XIII в. – обновлены, при этом, возможно, была заменена центральная лунница. Подвески на цепочках в виде бубенчиков (погремушек) по форме – первой половины XIII в.

Таким образом, шейные плетёные гривны в Волжской Булгарии стали изготавливаться в первой половине XI в. и бытовали до первой трети XIII в. включительно. Причём на поздней стадии их бытования (конец XII – начало XIII вв.) они стали дополняться новыми элементами – привесками-лунницами и подвесками на цепочках с бубенчиками-погремушками. Во второй половине XIII в. они выходят из употребления, и их перестают изготавливать. Гривны такого типа хранились и позже, но уже как сокровище или как семейная реликвия.

МЕСТО ПРОИЗВОДСТВА

Точно определить, где именно изготавливали плетёные серебряные гривны, в настоящее время невозможно. Однако, без сомнения, потребителями таких изделий были люди состоятельные, скорее всего, жители городов. Немногочисленность этих украшений свидетельствует о том, что они выполнялись по индивидуальным заказам. Две малые гривны из IV Старокуйбышевского селища (Тухчин-городок) (рис. 55-1,2) и из Болгарского городища очень близки по размеру и оформлению замка, вероятно, изготавливались в одной мастерской или одним мастером из Булгара. Вероятно, мастера, изготавливавшие такие украшения, работали в Булгаре постоянно или эпизодически на протяжении XI в. В XII в. основным местом производства витых гривен был Биляр. В конце XII – первой трети XIII вв. в Булгаре мастера-ювелиры занимались дополнительным украшением этих изделий, прикрепляя к нижней половине изделия привески-лунницы или бубенчики-погремушки. Не исключено, что к началу XIII в. непосредственное изготовление таких украшений уже прекратилось, и ювелиры просто «дорабатывали» эти украшения, следуя желаниям владельца изделия.

ВЫВОДЫ

Для производства плетёных изделий булгары использовали тянутую и кованую проволоку. Изготовление проволоки булгарскими ремесленниками документировано находками волочил – специальных железных пластин с отверстиями разного калибра (илл. 344). Считается, что вытягивание проволоки появилось не ранее VII–VIII вв. н.э. [Уильямс, Огден, 1995, с. 23]. Булгары освоили волочение проволоки в XI в. В основном она использовалась для изготовления украшений: браслетов, гривен, височных колец и серёг. Из неё не делали перстни, что было популярно у соседних народов, а также заколки и прочую мелкую бижутерию. Тонкая тянутая проволока использовалась для изготовления сканых изделий. Причём не только из серебра или золота, но и из меди.

Плетёные гривны и браслеты, несмотря на схожесть технологии изготовления, имеют разную историю. Браслеты естественным образом продолжили традицию раннебулгарского времени, а судя по серийности, выступали, видимо,

илл. 344. Железное волочило для вытягивания проволоки. Лаишевское селище. Собрание НМ РТ

не только как украшение, но и как платёжное средство или сокровище. Появление и распространение серебряных плетёных браслетов в Булгарии произошло одновременно или несколько раньше, чем в древнерусских землях. Причём характерные раскованные окончания-щитки, декорированные сканью и зернью, по мнению С.С.Рябцевой, принадлежали плетёным серебряным браслетам, попавшим на Русь в уже сформировавшемся виде в конце XII – первой трети XIII вв. из Византии или Карпато-Балканского региона, где они встречаются как на поселениях, так и в погребальных комплексах, правда, более позднего времени – XIII–XIV вв. (**илл. 345**), и составляют единый комплекс украшений вместе с височными кольцами и цепочками с кулонами [Рябцева, 2005, с. 266; Павлова, 2007, с. 33, 38, кат. № 3.7; 4.5] (**илл. 346**).

В приведённых исследовательницей таблицах рисунков можно обнаружить не только плетёные варианты таких браслетов, но и литые, по её мнению, более поздние их разновидности, датированные XIII–XV вв. Композиционное решение декора, как и форма самих изделий, связаны с влиянием Византии, где и изготавливались подобные украшения, затем ставшие прототипами русских браслетов с пластинчатыми лопастями [Рябцева, 2005, с. 270–271]. По этому принципу предполагаемые византийские прототипы лопастных браслетов начала XI в. связаны также с круглоконечными пластинчатыми браслетами с зернью, сканью и шатонами, рассмотренными нами выше.

илл. 345. Серебряный браслет из Булгарии, XIII–XIV вв. (по В. Павловой)

илл. 346. Реконструкция комплекса женских украшений головного убора и рук из Булгарии, XIII–XIV вв. (по В. Павловой). Экспозиция музея в Варне (Болгария)

Таким образом, эволюционная линия развития болгарских серебряных плетёных браслетов была самостоятельной и оригинальной, воспринимая только отчасти (это касается в основном изделий, украшенных шатонами с зерновым и сканым оформлением) отдельные элементы, включавшиеся в общий дизайн болгарских изделий под влиянием иноземных образцов. При этом общие принципы технологического и композиционного решения оставались неизменными.

Гривны стали относительно новым явлением в болгарском costume, хотя шейно-нагрудные украшения использовались булгарами и в IX–X вв., о чём свидетельствует погребальный инвентарь могильников раннебулгарского времени, например Танкеевского. Правда, чаще всего такие украшения встречаются в небулгарских захоронениях этого некрополя. Ярким примером этого являются несколько женских погребений муромы, датированных первой третью X в., в инвентаре одного из которых (№ 1101) было две гривны [Казаков, 1992, с. 316–318, рис. 107-18]. Одна из них была медная пластинчатая с привесками-трубочками (**рис. 57**); вторая – бронзовая тордированная «глазовского» типа, на которую был надет декоративный литой бронзовый цилиндр с привесками-цепочками (**рис. 58-1, 2**). Из реконструкции костюма, сделанной по материалам этого погребения, видно, что гривны занимали центральное место в общем ансамбле украшений, гармонично дополняя металлические детали пояса, наручи и височные кольца (**рис. 62**). Серебряных гривен в могильниках раннебулгарского времени на Средней Волге не встречено.

Серебряные гривны «глазовского» типа в Булгарии не имели распространения, хотя фрагменты их разного размера встречаются на болгарских памятниках, например на Болгарском городище (**рис. 58-3**). Они использовались в качестве сырья, как и кусочки других серебряных изделий (**рис. 58-4**). В фондах НМ РТ из собрания ОАИЭ имеется одна целая серебряная гривна «глазовского» типа (**рис. 59-1; кат. № 150**), однако паспорт её утрачен, и установить, найдена она на болгарском памятнике или где-то в Вятской губернии, невозможно.

Появление плетёных гривен в женском болгарском костюме в XI в. связано с активным процессом формирования зажиточной прослойки горожан и элитного городского костюма, в котором данные украшения были статусным символом. При этом они сохраняли особенности и специфику костюмного комплекса, сформировавшегося только в болгарской среде, вследствие чего ареал их распространения ограничивался пространством городов и государственной болгарской территорией.

Элитность плетёных гривен подчёркивалась и использованием в начале XIII в. дополнительных декоративных деталей – подвесок-лунниц, пышно украшенных сканью, зернью и шатонами. В целом, композиция гривны с подвесками-лунницами напоминает рязанские бармы (оплечья) – продукт византийско-русских мастеров (**илл. 347**). Вопрос о месте производства этих украшений не решён, хотя мнение об их окончательной отделке в Рязани в конце XII – начале XIII вв. не лишено оснований.

илл. 347. Золотые бармы из Старой Рязани. Оружейная палата Московского Кремля

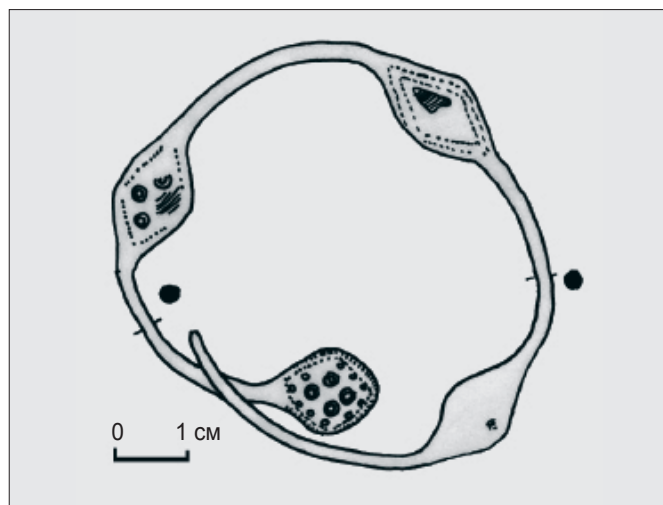
Ажурность, как декоративный приём болгарских плетёных проволочных изделий, не была абсолютной новинкой в регионе, однако именно такой тип плетения был мало распространён. Визуальные соответствия можно найти в средневековых нагрудных карельских цепочках [Pirkko-Liisa, 1984, s. 36, fig. 24].

ИНОЗЕМНЫЕ УКРАШЕНИЯ ИЗ СЕРЕБРЯНОЙ ПРОВОЛОКИ НА ТЕРРИТОРИИ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ

На болгарских памятниках встречаются и серебряные проволочные украшения иноземного происхождения. К таким можно отнести височные кольца славянских племён, сохранившиеся на протяжении всего домонгольского периода. На Самарской Луке (**илл. 348**) и на Семёновском селище в Татарстане (**илл. 349**) были найдены серебряные височные кольца новгородских словен, датированные XI–XIII вв. [Седов, 1982, с. 226, 227, табл. LII; LIII-1, 2, 5; Зайцева, 2008а, с. 101, рис. 92-24, 25]. В целом этот вид украшений был широко распространён и на Средней Волге, встречаясь в погребениях других народов, например, в древнемарийских погребениях XII–XIII вв. [Архипов, 1986, рис. 16-32]. К XIV в. они выходят из употребления [Кольчатов, 1984, с. 176].

илл. 348. Серебряное височное кольцо новгородских словен, найденное на Самарской Луке, XI–XIV вв. Собрание СОИМК

илл. 349. Серебряное височное кольцо с Семёновского селища (Алексеевский район РТ). Находка Е. А. Беговатова. Прорисовка К. А. Руденко

ЦЕПОЧКИ С ПОДВЕСКАМИ

Цепочки с подвесками – одно из немногих украшений, которое встречается у болгар как в золотом исполнении, так и в серебре. Золотые цепочки с привесками составляли часть нагрудного украшения и крепились, скорее всего, к специальному нагруднику. Пока нет данных, что они составляли отдельное украшение, носившееся на шее. Судя по Самарскому кладу, они использовались вместе с пластинчатыми фигурными украшениями (**илл. 351**). Хотя это не было правилом – ансамбль нагрудных украшений формировался в каждом случае индивидуально.

Золотые цепочки с привесками в виде миниатюрных дисков и желудевидных бусин, украшенных сканью и зернью.

Желудевидные привески стандартны – точно такие использовались как привески к височным трёхбусинным золотым украшениям. Причём они изготовлены в точном соответствии с общим стандартом со сканым пояском на месте соединения двух половинок бусины, зерновых треугольников и пирамидки зерни в нижней части привески. Они характерны для школы Б и В болгарских златокузнецов (**рис. 28**). Этот тип цепочек с привесками-«желудями», безусловно, местно-го, болгарского, происхождения.

Дисковидные привески изготавливались из тонкого листа золота, весом 1,43–1,5 г, декорировались по краю двумя поясками сканой проволоки и зерновыми треугольничками. В центре медальонов размещались дополнительные декоративные элементы, причём разные – полусферы-колпачки, украшенные у основания зерновым пояском, оформленным в виде треугольников зерни. От основания к вершине, увенчанной пирамидкой зерни, поднимаются шесть треугольников зерни, на острие которых размещены зерновые ромбики (**кат. № 389**).

В Спасском кладе (**илл. 350**) в центре дисковидных медальонов находятся полусферы-колпачки, имеющие у основания зерновой пояс в виде треугольников. Но на поверхно-

сти самих полусфер зерни нет. В Самарском кладе (**илл. 351**), при совпадении общей композиции, различаются дополнительные детали: в центре размещены розетки из полых шариков в сочетании с крупной зернью; а также полусфера-колпачок, окаймлённая у основания сканью или гладкой проволокой. Аналогичная последним подвеска-медальон найдена на городище Муромский городок на Самарской Луке [Кочкина, Сташенков, 2011, с. 18]. Датируются эти украшения XII в., скорее всего, второй половиной – концом столетия. Причём, как правило, цепочки с медальонами встречаются вместе с цепочками с желудевидными бусинами-привесками в одном комплекте. Не исключено, что своеобразный набор украшений, представленный в Самарском кладе, возможно, характеризует работу местных златокузнецов.

Происхождение таких украшений у болгар относится к раннеболгарскому времени, вероятно, в какой-то мере соотносясь с монетами-привесками (**рис. 87-8; 88-1, 6, 8, 9**) и их заменителем – монетовидными круглыми привесками [Казаков, 1992, с. 180, рис. 65-2, 3] (**рис. 89-4**). Однако данный тип украшений развился не из этих прототипов, а из серебряных, реже золотых дисковидных (или, по-другому, щитовидных) подвесок в женских ожерельях, характерных для Северной Европы и Северо-Восточной Руси в X – середине XI вв. Они совпадают с болгарскими по размерам и декору – «умбону» в центре. При этом эта выпуклая часть украшения выдавливалась при изготовлении (она была небольшой), а зернью украшался лишь внешний край диска. Скань не применялась.

Основная концентрация таких украшений русского производства приходится на Волго-Окское междуречье [Новикова, 1998, с. 168, рис. 1, 3]. Вероятно, из этого региона идея была заимствована и по-новому осмыслена болгарскими ювелирами, восстановив тем самым давнюю традицию.

Серебряные цепочки с желудевидными привесками, несколько иной формы, чем у золотых изделий, изготавливались из серебра. Однако это не были точные копии золотых цепочек с такими привесками. Если у золотых цепочек привески-бусины имеют почти цилиндрическую форму,

илл. 350. Шейная золотая цепочка с подвесками из Спасского клада (по Н. П. Кондакову и И. И. Толстому)

илл. 351. Золотые украшения (нагрудник и цепочка с подвесками) из Самарского клада. Собрание СОИКМ

с купольным завершением (*кат. № 388*), то у привесок на цепочке они ближе к биконической: каждая из половинок представляет собой конусовидный колпачок шлемовидной формы. Оформление бусин также разное. На серебряных нет сложных зерновых узоров и сканых выкладок. Скань наложена двумя поясками только на соединительный шов. В центре нижней части бусины зерновой шарик припаян к «подставке» из проволочного колечка.

Серебряные цепочки с бусинами-привесками составляют парный комплект, в котором всегда две цепочки (*10 экз. (5 пар)*); Бутаевский (*рис. 64; илл. 352*), Четырлинский клад; Староальметьевские (*илл. 353*) и Самарские находки, Билярское городище (ГИМ). Причём все они практически всегда встречаются с серебряными трёхбусинными кольцами со сканью, но без зерни, иногда с расплюснутым до плоского ромбика окончанием дужки, в котором пробито сквозное

отверстие (они были рассмотрены нами выше), с многочисленными нашивными бляхами в форме круга или розетки, а также с крупными дисковидными подвесками на конскую сбрую (*раздел IV*).

Цепочки имеют длину 41 см и составлены из восьмёрковидных звеньев. К цепочке прикреплены подвески в форме желудей, по 21–22 на каждой. А. М. Ефимова отмечала, что «*наибольшее количество подвесок находится в центральной части украшения; здесь они расположены в смежных звеньях цепочки. На концах цепочки подвесок меньше; они размещены с интервалами через одно–три звена. Цепочка свита из тонкой проволоки – 0,3–0,5 мм в сечении, состоит из фигурных звеньев в виде согнутой восьмёрки. Звенья довольно крупные, 9–10 мм длиной; на них заметны следы спайки концов*» [Ефимова, 1960, с. 197]. Цепочки для привесок изготавливались из предварительно спаянных звеньев,

илл. 352. Серебряная цепочка из Бутаевского клада, XIII в. Собрание НМ РТ

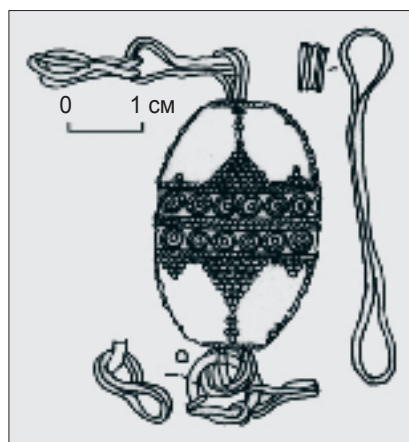

илл. 353. Серебряная цепочка с подвесками из Старого Альметьево. Собрание ГИМ

чтобы избежать дополнительной пайки. Этот приём широко использовался в ювелирном деле с античного времени [Уильямс, Огден, 1995, с. 26–27]. У окончаний цепочек с обеих сторон прикреплены небольшие короткие цепочки, вероятно для крепления. А.М.Ефимова предполагала, что у них были утраченные «замочки», но, как показывают другие находки, ни у одного из таких комплектов замков не было.

Цепочки с металлическими бусами-соединителями и бусами-привесками, украшенными зернью и сканью (1 экз.; Билярское городище; **кат. № 381; рис. 65; НМ РТ, инв. № 5518 (21842) (фрагменты); СУ-201, Бил.150 (286860), Бил. 121; коллекция А. Ф. Лихачёва**). Отдельные отрезки цепочки соединены небольшими колечками разного диаметра из более толстой проволоки (**илл. 354**). К звеньям цепи напрямую или через колечки прикреплены бусины-подвески шаровидной или желудевидной формы, разного размера и конструкции.

Цепочка представляет собой замкнутый круг, разделённый соединительными колечками на отрезки разной длины из 2, 12, 10 и 4 звеньев. Самостоятельным элементом являлись крупные подцилиндрические бусины (**рис. 65-1в, 2**), которые, вероятно, составляли своего рода ожерелье из нескольких аналогичных бусин, поскольку с двух сторон у них были петельки, к которым крепились либо колечки, либо звенья цепочки.

илл. 355. Конструкция бусины от цепочки из Билярска. Прорисовка К. А. Руденко

илл. 356. Бусина от цепочки из Билярска. Деталь

Бусины (7 экз.) представлены несколькими видами. Первый вид – бусины-подвески (2 экз.) (**рис. 65-1а, 1б, 3, 4, 4а**). Одна из них овально-вытянутая, небольшого размера: длина – 1,4 см, диаметр – 1 см (**рис. 65-1а; 3**). Сделана она из двух полусфер, соединённых узкой полоской, окантованных одинарными скаными проволочками и поясками зерни. На нижней полусфере имеются декоративные зерновые треугольники (диаметр – 0,1 см), а венчает узор крупный шарик зерни.

Вторая бусина имеет аналогичную конструкцию (**рис. 65-1б, 4, 4а**). Она чуть крупнее: длина – 2,8 см, диаметр – 1,8 см. Как и в предыдущем случае, верхняя полусфера не имеет зернового декора. На нижней полусфере имеются декоративные зерновые равнобедренные треугольники – большие (6х6 зёрен), чередующиеся с малыми (3х3 зерна). Близкие по декору бусины-подвески имеются на золотых болгарских височных украшениях [Руденко, 2011б, кат. № 28].

Второй вид – бусина как звено цепочки (5 экз.)¹ (**рис. 65-1в, 2**). Общий размер: длина – 5,4 см (с петельками, без петелек длина – 4 см), диаметр – 2,8 см. Бусина состоит из двух полусфер диаметром 2,8 см и высотой 1,8 см каждая (**илл. 355**). Они соединены между собой гладкой пластинкой шириной 0,6 см (**илл. 356**). Нижняя часть полусфер украшена орнаментальным пояском шириной 0,6 см, состоящим из 20 сканых колечек диаметром 0,4 см, внутреннее пространство которых просверлено. Основное поле полусфер украшено треугольниками зерни – 10х10 зёрен и 5х5 зёрен. Размер зёрен – 0,1 см. Общая высота бусины – 4 см, диаметр – 2,8 см. Другие такие бусины и их фрагменты имеют небольшие вариации в размерах на несколько миллиметров, а также чуть большее количество зёрен в треугольниках.

Интересна конструкция соединительного элемента внутри бусины: длинная, плоская, узкая пластинка шириной 0,3 см, согнутая пополам (длина в этом состоянии – 5 см) таким образом, что на обоих концах образовались петельки диаметром 0,6 см. Эти петельки и крепят стерженёк внутри бусины, не давая ей выпасть.

¹ Учтены и фрагменты таких бусин (НМ РТ, инв. № 5518, Бил.121).

илл. 354. Серебряная цепочка с бусинами из Билярска. Коллекция А. Ф. Лихачёва. Собрание НМ РТ

илл. 357. Фрагменты персидских миниатюр XVI в.

Ряд деталей говорят о родстве декора этих изделий с домонгольскими болгарскими ювелирными поделками: 1) дополнительные ромбики зерни на вершине декоративных треугольников; они встречаются на подвесных бусинах на серебряных и золотых височных кольцах [Руденко, 2011б, с. 107, 207, 209, рис. 24 кат. № 20, 21]; 2) декор из сканых колец с просверленными отверстиями внутри окружности; они также встречаются на золотых украшениях – болгарских подвесках с изображением птицы [Руденко, 2011б, с. 86, 220, рис. 1-а, кат. № 28]; 3) декорирование отверстий на вершине полусфер скаными проволочками – приём, характерный для болгарских украшений, однако он воспроизводился и в других ювелирных школах региона.

Однако здесь же мы сталкиваемся с явными прикамскими приёмами. Это – соединительная полоска, скреплённая одним зубчиком, и более крупная и грубая зернь. Последний признак, впрочем, может быть обусловлен деградацией этого вида производства. Одновременны ли все элементы на этой цепочке, сказать трудно, так же, как и объяснить её назначение. Можно только отметить, что в целом датировка деталей этой цепочки не выходит за пределы XIII в.

Найдена цепочка на Биларском городище или близлежащих селищах. Сделана она была, скорее всего, тоже здесь: налицо характерные признаки изделий домонгольских биларских ювелиров, однако не менее ярко выражены и не характерные для них приёмы. Мастер, изготовивший эти украшения, был знаком с образцами болгарской ювелирной продукции, однако смог воспроизвести их только отчасти, в декоре, а конструкция и общий дизайн были выполнены знакомым ему способом. В пользу местного, биларского, производства говорит и то, что в Прикамье таких цепочек с бусинами не известно.

Поскольку цепочка сохранилась не полностью, назначение её точно установить сложно. Скорее всего, она использовалась для ношения капторги и носилась на шее. Такие цепочки с капторгами известны в болгарских древностях в Ургарском и Крещёноелтанскомкладах, и ещё одна капторга на цепочке найдена в Прикамье [Сокровища, 2000, с. 236,

илл. 358. Серебряная нагрудная цепочка из Дунайской Болгарии, XIII–XIV вв. (по В. Павловой)

кат. № 80]. Цепочки украшались шаровидными (Ургарский клад) и желудевидными (Пермская губ.) бусами той же конструкции, как и на рассматриваемом изделии, и в этом случае крепились к одежде, как это зафиксировано в материале погребений северокавказских некрополей [Доде, 2001, с. 79, рис. 59]. Цепочка с такими бусами и капторгой уже была не совсем шейным украшением (если судить по иранским миниатюрам XVI в., где есть изображения похожих украшений), а, скорее всего, нагрудным, поскольку, в зависимости от длины цепочки, могла опускаться и ниже груди (илл. 357).

Возможен и вариант, что цепочка с такими бусами-разделителями использовалась и с другим элементом – кулоном со вставкой или какой-либо другой привеской. Такие украшения были найдены в составе клада в Болгарии, зарытого в промежутке от 1240-х гг. и до начала XIV в. [Павлова, 2007, с. 42–43, кат. № № 5.2, 5.3] (илл. 358). Также XIII в., вероятно второй половиной столетия, датируется аналогичная серебряная цепочка из другого клада в Болгарии [Павлова, 2007, с. 65, кат. № 13.2]. Вероятность того, что биларская цепочка могла принадлежать шейной цепи с подвеской, как, например, из Белореченских курганов XIII–XIV вв. [Крамаровский, 2005, с. 159, кат. № 93], менее вероятна, поскольку бусы на биларском изделии более массивны и вряд ли были пригодны для украшения такого рода.

Можно предполагать использование биярской цепочки с металлическими бусами-разделителями как части предмета культового назначения (как на более поздних изделиях) или для подвешивания стеклянных, расписных осветительных ламп, которые завозились в Булгарский улус преимущественно из Сирии или Египта не ранее 1260-х гг. и использовались в Булгаре в XIV в., а в Бияре – в XIII в. (**илл. 359**) [Шакурова, Костина, Коварская, 1984, с. 41, кат. № 125; Полубояринова, 1993, с. 178–181; Во дворцах, 2008, с. 86, 87, кат. №№ 63, 64]. В пользу этого, казалось бы, говорят крупные размеры бусин, однако характер расположения металлических бус-привесок на цепочках не даёт для этого твёрдых оснований. Таким образом, версия о принадлежности цепочки с бусами-разделителями к нагрудному украшению является более убедительной.

илл. 359.
Стеклянная
осветительная
лампа. Сирия или
Египет, XIV в.

ДАТИРОВКА

Серебряные цепочки с желудевидными привесками, как и сопровождающие их височные кольца, датируются XIII в. Имеется ли прямая связь их с золотыми цепочками, судить трудно, но, скорее всего, только внешняя. Длина цепочек, способ крепления в виде специальных малых «отростков» не похожи на золотые изделия. Форма привесок, как и их оформление, в домонгольских материалах не встречаются. Впрочем, в находках XIV в. таких цепочек также неизвестно. Интересно, что наборы, в которых встречаются такие цепочки с желудевидными привесками, очень стандартны и составляют один комплект, иногда вместе с другими вещами, если цепочки происходят из клада. Не исключено, что изготавливались они в небольшой промежуток времени, скорее всего во второй – третьей четверти XIII в. в Булгарском улусе. Бытовали они и позже – в конце XIII и начале XIV в. Интересно, что их нет в кладах с джучидскими монетами. Кроме того, они встречаются вместе с украшениями конской сбруи, что ни разу не отмечено в булгарских кладах домонгольского времени.

Для датировки этих цепочек важен **Бутаевский клад**, опубликованный А. М. Ефимовой [1960] (**табл. 3**). Судя по составу вещей, он собирался в течение длительного времени.

В кладе были: 1) височные трёхбусинные кольца (**8 экз.; кат. №№ 139–142; табл. 3, №№ 3–9**), распределённые А. М. Ефимовой по размерам (диаметру) на четыре пары: *первая*: 8,2 см (вес 38,75 г и 38,72 г), *вторая*: 6,8 см (вес 16,1 г и 17,1 г); *третья*: 5,5 см (вес 24,45 г и 25,5 г); *четвёртая*: 4,5 см (вес 14 г и 14,25 г). Соответственно различны и размеры бусин, надетых на кольца – от 20 до 30 мм длиной, от 12 до 18 мм в диаметре. Третья пара колец имеет три подвески в виде более миниатюрных бусин-желудей, прикреплённых на цепочках к центральной бусине кольца. Нижний конец подвески оформлен маленькой округлой выпуклостью, окружённой колечком сканой проволоки; верхний конец завершён колечком, также окаймлённым сканой проволокой [Ефимова, 1960, с. 195, 196].

2) Кроме того, две серебряные цепочки длиной 41 см, к которым прикреплены подвески в форме желудей, по 21–22 штуки на каждой (**рис. 64; кат. №№ 103, 104; табл. 3, №№ 1, 2**).

3) Круглые серебряные бляхи-нашивки (**23 экз.; кат. №№ 113–135, 137, 138; табл. 3, №№ 11–39**), выполненные из тонкого листового серебра. Выглядят они как выпуклые розетки, в форме рельефных десятилепестковых цветов. По краям у них есть маленькие отверстия для крепления. Также имеются нашивки круглой формы с небольшим бортиком. Диаметр бляшек – 27–29 мм, вес – от 0,7 г до 1,3 г.

4) Большие круглые бляхи-подвески из серебра с ушками для крепления (**8 экз.; кат. №№ 105–102; табл. 3, №№ 40–47**), толщиной до 0,5 мм, диаметром 12–13 см. Одна из блях имеет чеканный орнамент.

5) Ожерелье из стеклянных бусин (**107 экз.; табл. 3, №№ 48–62**), различных по цвету, форме и размерам.

илл. 360.
Подвески-амулеты из зубов медведя из Бутаевского клада, XIII в. Собрание НМ РТ

6) Подвески-амулеты из медвежьих зубов (2 экз.; табл. 3, №№ 64) с просверленными отверстиями для подвешивания (илл. 360).

Интересно замечание А.М.Ефимовой о том, что «все украшения Бутаевского клада являются продукцией местного производства; это изделия болгарских мастеров-ювелиров, возможно, г. Билляра – ближайшего крупного ремесленного центра X–XII вв.» [Ефимова, 1960, с. 201–202]. Можно согласиться с этим тезисом, с корректировкой даты самих вещей.

таблица 3

СОСТАВ БУТАЕВСКОГО КЛАДА

№ п/п	Предмет	Шифр	Вес (г)	Размер (мм)	Тип	Материал	Примечание	Кол-во
1.	цепочка	13380	113,88	41,5	с подвесками	серебро	чищена	1
2.	цепочка	13380	104,22		с подвесками	серебро	чищена	1
3.	кольцо	13380	38,55	8,200	трёхбусинные	серебро	чищена	1
4.	кольцо	13380	38,64	8,200	трёхбусинные	серебро	чищена	1
5.	кольцо	13380	16,81	6,800	трёхбусинные	серебро	чищена	1
6.	кольцо	13380	16,45	6,800	трёхбусинные	серебро	чищена	1
7.	кольцо	13380	14	4,800	трёхбусинные	серебро		1
8.	кольцо	13380	14,25	4,800	трёхбусинные	серебро		1
9.	кольцо	13380	24,45	5,500	трёхбусинные с подвесками	серебро		1
10.	кольцо	13380	25,50	5,500	трёхбусинные с подвесками	серебро		1
11.	нашивки	13380	1,100	27-29	в виде розетки	серебро	с отверстиями	1
12.	нашивки	13380	1,300	27	в виде розетки	серебро	с отверстиями	1
13.	нашивки	13380	1,100	27	в виде розетки	серебро	с отверстиями	1
14.	нашивки	13380	1,360	27	в виде розетки	серебро	с отверстиями	1
15.	нашивки	13380	1,150	27	в виде розетки	серебро	с отверстиями	1
16.	нашивки	13380	0,910	27	в виде розетки	серебро	с отверстиями	1
17.	нашивки	13380	0,800	27	в виде розетки	серебро	с отверстиями	1
18.	нашивки	13380	1,250	27	в виде розетки	серебро	с отверстиями	1
19.	нашивки	13380	0,800	27	в виде розетки	серебро	с отверстиями	1
20.	нашивки	13380	1,300	27	в виде розетки	серебро	с отверстиями	1
21.	нашивки	13380	0,900	27	в виде розетки	серебро	с отверстиями	1
22.	нашивки	13380	0,950	27	в виде розетки	серебро	с отверстиями	1
23.	нашивки	13380	1,150	27	в виде розетки	серебро	с отверстиями	1
24.	нашивки	13380	1,350	27	в виде розетки	серебро	с отверстиями	1
25.	нашивки	13380	0,640	27	в виде розетки	серебро	с отверстиями	1
26.	нашивки	13380	1	27	в виде розетки	серебро	с отверстиями	1
27.	нашивки	13380	1,150	27	в виде розетки	серебро	с отверстиями	1
28.	нашивки	13380	0,800	27	в виде розетки	серебро	с отверстиями	1

29.	нашивки	13380	1	27	в виде розетки	серебро	с отверстиями	1
30.	нашивки	13380	1,150	27	в виде розетки	серебро	с отверстиями	1
31.	нашивки	13380	1,100	27	в виде розетки	серебро	с отверстиями	1
32.	нашивки	13380	1,200	27	в виде розетки	серебро	с отверстиями	1
33.	нашивки	13380	0,700	27	в виде розетки	серебро	с отверстиями	1
34.	нашивки	13380	1,100	20	гладкие, круглые	серебро	с отверстиями	1
35.	нашивки	13380	0,92	21	гладкие, круглые	серебро	с отверстиями	1
36.	нашивки	13380	0,700	22	гладкие, круглые	серебро	с отверстиями	1
37.	нашивки	13380	0,81	23	гладкие, круглые	серебро	с отверстиями	1
38.	нашивки	13380	0,700	24	гладкие, круглые	серебро	с отверстиями	1
39.	нашивки	13380	0,800	25	гладкие, круглые	серебро	с отверстиями	1
40.	подвески	13380	35,05	13,5 x 14	плоские, круглые	серебро	с ушком	1
41.	подвески	13380	44,44	13,2 x 12,8	плоские, круглые	серебро	с ушком	1
42.	подвески	13380	45,91	13,5 x 13	плоские, круглые	серебро	с ушком	1
43.	подвески	13380	50,43	13,200	плоские, круглые	серебро	с ушком	1
44.	подвески	13380	39,69	12,400	плоские, круглые	серебро	с ушком	1
45.	подвески	13380	38,72	12,7 x 12,5	плоские, круглые	серебро	с ушком	1
46.	подвески	13380	46,13	13 x 12,7	плоские, круглые	серебро	с ушком	1
47.	подвески	13380	39,46	13,5 x 12,9	плоские, круглые	серебро	с ушком	1
48.	бусы	13380		d=12	синяя, шарообразная	стекло		2
49.	бусы	13380		d=10	чёрная, бочонкообр. с жёлт. зигзаг. орн.	стекло	пластичн. орнам.	1
50.	бусы	13380		d=7	чёрная, шарообр. с жёлт. зигзаг. орн.	стекло	пластичн. орнам.	1
51.	бусы	13380		d=6	красная, цилиндр с жёлт. зигзаг. орн.	стекло	пластичн. орнам.	2
52.	бусы	13380		12 x 8	чёрная, цилиндр с белыми глазками	стекло	глазчатая	1
53.	бусы	13380		d=14	голубая, шарообр.	стекло	ребристая	2
54.	бусы	13380		d=7	голубая, шарообр.	стекло		4
55.	бусы	13380		d=10	обесцвеч., зонная	стекло	ребристая	2
56.	бусы	13380		d=5 и 6	бисер, жёлтый	стекло		4
57.	бусы	13380		d=5 и 6	бисер, жёлтый	стекло		1
58.	бусы	13380		d=6 и 7 и 8	синие, зонные	стекло		41
59.	бусы	13380		d=9	чёрные, шарообр.	стекло		1
60.	бусы	13380		d=11	зонная с тёмными и светлыми полосами	стекло		1
61.	бусы	13380		d=9	жёлтая, шарообр.	стекло	сплюснутая	1
62.	бусы	13380		d=6 и 8 и 10	обесцвеч., шарообр.	стекло	сплюснутая	20
63.	кольцо	13380		d=4	плоские	железо		2
64.	зуб	13380			просверленный	кость	подвеска	2

А.М.Ефимова датировала Бутаевский клад XI–XII вв. [Ефимова, 1960, с. 202]. Г.Ф.Полякова, вновь проанализировав его состав, пришла к выводу, что он датируется XIV в. Причём украшения из этого клада, по её мнению, настолько сходны с изделиями из клада предметов, найденных у с.Четырлы, отнесённого к XIV в., что «можно считать их изделиями если не одного мастера, то, по крайней мере, одной

мастерской» [Полякова, 2000, с. 235–236]. Отметим это замечание, поскольку действительно сходство этих украшений очень большое.

Уточнить дату Бутаевского клада можно по набору стеклянных бусин (107 экз.) (табл. 3, №№ 48–92) [Ефимова, 1960, с. 201, 202, рис. 7; 8]. Его, в целом, можно отнести к XII–XIII вв., но наличие крупной полихромной

бочёковидной бусины-подвески со спирально-волнистой инкрустацией и рисунком «скобочкой», характерной для золотоордынского времени, находки которых не редкость на золотоордынских памятниках, в том числе Селитренном и Болгарском городищах [Полубояринова, 1988, с. 186, 187, рис. 85-8; Бусятская, 1976, с. 61, табл. I-3], позволяют определить верхнюю границу окончательного комплектования клада – не ранее последней четверти XIII в. Глазчатые бусины, как и бусы с накладными нитями, не противоречат этой дате.

Металлические подвески на конскую сбрую были распространены у кочевников Евразии эпохи средневековья [Горбунова, 2010, С. 36–39, рис. 14-17]. Не редкость они в салтово-маяцкой культуре. Но у болгар домонгольского времени они редки. Известны немногочисленные подвески на конскую упряжь, скорее всего на ремни оголовья, сделанные из кости и рога. Датированы они XI–XIII вв., причём часть из них имеют дисковидную форму, хотя размер их несравненно меньше, чем у тех, которые были в Бутаевском кладе [Руденко, 2005, с. 85, табл. 9-178]. Таких изделий из серебра периода XI–XII вв. пока не встречено.

Другие аксессуары конского снаряжения – сделанные из бронзы и железа тройники для ремней уздечки, накладки на них, железные и бронзовые султанчики на наносный и налобный ремни уздечки, датированные XI–XII вв., не редки на болгарских памятниках. С середины XI в. и до конца XII в. у болгар широко распространяются железные накладки и детали конской упряжи, украшенные по примеру южносибирских (аскизских) образцов золотом и серебром. На Алтае способ холодного амальгамирования серебром и золотом украшений и деталей конского снаряжения встречается с конца I тыс. н. э. [Горбунова, Тишкин, Хаврин, 2009, с. 110, 125]. Однако такие изделия у болгар были немногочисленны, хотя обкладка золотой и серебряной фольгой при изготовлении украшений костюма и причёски для болгарской элиты практиковалась часто. Если говорить об украшениях конского снаряжения у болгар, то таких серебряных изделий XI–XII вв. на болгарских памятниках не встречено, а бытовавшие железные украшения, декорированные серебром или золотом, в клады не попадали.

Таким образом, цепочки с привесками как украшение женского костюма домонгольского времени, выполненные из золота, не имели в это время полных аналогов в серебре. Однако они были воспроизведены несколько позже, в начале золотоордынской эпохи, но уже в другом контексте.

Цепочки как часть ансамбля украшений причёски и головного убора, соединявшие чаще всего височные кольца или закреплённые на головном уборе как эквивалент налобной повязки, встречаются в первом случае в погребальном инвентаре могильников X–XIII вв. Северного Предуралья; во втором случае – в могильниках конца X–XI вв. Поветлужья и Приочья [Никитина, 2012, с. 116, 120, рис. 10-14; 14-1]. Но какой-либо их связи с болгарскими цепочками с привесками не наблюдается.

Датировать биларскую цепочку с бусами-разделителями можно по ряду признаков. Первое – это просверленные отверстия внутри сканого колечка (рис. 65-2). Как уже отмечалось, такой приём использован при изготовлении болгарской

золотой височной подвески с фигуркой птицы, датированной не ранее XII в. [Руденко, 2011б, с. 220, кат. № 28, рис. 1-а]. XI–XIII вв. датируется серьга из Ирана, где имеется аналогичный декор, с колечками, дополненный s-видными завитками [Jenkins, Keen, 1983, кат. № 29]. Такие завитки, как и сами по себе напаянные колечки, отражают вероятное происхождение этого приёма – от ажурной проволоочной филигранны – к припаянным к основе колечкам и высверленным отверстиям внутри него [Jenkins, Keen, 1983, р. 52, 53, кат. № 24].

К этому же периоду относится и приём использования сканого колечка как подставки для шарика зерни. На Востоке он известен на иранских украшениях из золота, как минимум, с XII в., например, как на браслете из Гургана (коллекция музея Метрополитен) [Jenkins, Keen, 1983, р. 70, кат. № 39b]. Из находок на территории Булгарии домонгольского времени такие изделия не известны, а на сопредельных землях встречаются с XIII в.

Таким образом, биларская цепочка датируется второй половиной XIII в.

ВЫВОДЫ

Цепочки с привесками – немногочисленная категория серебряных болгарских изделий (цепочки с привесками), типологически однородная, представляет собой новый этап развития болгарского ювелирного дела в XIII в.

Смена ценностных приоритетов после монгольского нашествия, когда престижными стали не только украшения костюма, а также детали конского снаряжения и упряжи, могла произойти в послемонгольский период, когда Среднее Поволжье стало, по сути, центром западной части Улуса Джучи, и болгарская знать воспринимала новую систему ценностей, что выразилось в создании новых знаковых аксессуаров. Именно кочевая и полукочевая среда стали новыми заказчиками и потребителями элитной продукции, ориентированной на престижные элементы материальной культуры, непривычные для оседлых народов. Это касалось, прежде всего, снаряжения самого всадника и конского снаряжения. При этом традиции домонгольской болгарской культуры, безусловно, сказывались на том, в каком стиле выполнялись эти новые изделия. Ареал распространения украшений рассмотренного типа уже не тяготеет к крупным городам и их округе, а охватывает территорию бывшего болгарского южного пограничья – от Южного Урала до Суры. В ландшафтном отношении это степная и лесостепная полоса, в широтном направлении – территория сезонных кочёвок.

Новые тенденции в костюмном комплексе формировались и из тех новых элементов, которые были захвачены монгольскими войсками в западном походе, включая Балканы и в последующем, в 1240–1260-х гг., когда устанавливалась их власть в западных русских княжествах. Это касается парадных серебряных цепочек с бусами-разделителями, некоторых видов украшений, например перстней, которые частью уже имели хождение в Волжской Булгарии, например, византийские перстни в виде сиона.

СЕРЬГИ В ВИДЕ КОЛЬЦА

Систематизацию таких булгарских украшений по материалам находок в захоронениях могильника на территории Греческой палаты в Булгаре впервые провёл А.П. Смирнов [Смирнов, 1958, с. 355, 356, рис. 9-1-4]. Он выделил простые разомкнутые кольца, сделанные из серебра, кольца, заканчивающиеся кубиком со срезанными углами (тринадцатигранник), а также золотые серьги и височные колечки (граница между ними в данном случае условна), отличающиеся оформлением окончаний. Датировал он эти находки (по стратиграфии некрополя) XIV в.; для ряда погребений с возможностью XV в. По мнению А.П. Смирнова, это было кладбище, где хоронили зажиточных людей, вероятно занимавшихся торговлей, а также членов их семей. Исследователь предполагал (используя данные антропологических определений), что в данном районе города преобладало армянское население (*илл. 361*). Впрочем, на этом кладбище хоронили христиан, живших и в других частях города, в числе которых были выходцы из восточных стран (*илл. 362*).

илл. 361. Скульптурная реконструкция внешнего облика жителя Булгара (армянин), сделанная М. М. Герасимовым. Раскопки А.П. Смирнова Греческой палаты. Собрание НМ РТ

илл. 362. Скульптурная реконструкция внешнего облика жительницы Булгара (китаянка), сделанная М. М. Герасимовым. Раскопки А.П. Смирнова Греческой палаты. Собрание НМ РТ

илл. 363. Серебряное височное кольцо из Биллярского городища. Собрание БГИАПМЗ

Более детальную типологическую разработку серёг и височных колец предложил Е.П. Казаков, систематизируя находки с булгарских селищ низовий Камы X–XIII вв. [Казаков, 1991, с. 114, 116]. Вошли они в типологическую схему, разработанную Г.Ф. Поляковой по материалам находок с Булгарского городища [Полякова, 1996, с. 154–268].

Височные кольца из серебра в виде кольца диаметром 2–3 см сомкнутые, разомкнутые, свёрнутые в 1–2 оборота, реже в 2,5 оборота – одно из самых распространённых украшений в Волго-Камье эпохи средневековья (*илл. 363*). Такие кольца, сделанные из медной или серебряной, реже золотой проволоки, часто встречаются у волжских булгар со второй половины VIII–IX вв. Только в Танкеевском могильнике их обнаружено 183 экз. [Казаков, 1992, с. 175]. Немало их и на памятниках домонгольского времени – как городищах, так и селищах [Казаков, 1991, с. 114–116, рис. 40-1–12]. Не меньшей популярностью этот простейший вид украшений пользовался и у соседей булгар – поволжских и прикамских финнов [например, Архипов, 1986, рис. 15-1-7]. В X–XI вв. распространяются серьги или височные колечки из медной или серебряной проволоки, скрученной в 1,5–2 оборота [Казаков, 1991, с. 115-17, 20]. Многочисленны они были в золотоордынское время (*кат. №№ 314–320*). Прав был А.П. Смирнов, утверждая, что этот тип украшений не имеет датировочного значения [Смирнов, 1958, с. 355]. При этом эти кольца могли быть и мужским, и женским украшением.

В эпоху Золотой Орды распространяются серебряные серьги в виде литого разомкнутого кольца с литой многогранной головкой на одном из окончаний. Некоторые из них дополнительно декорировались навитой гладкой проволокой в 14–16 оборотов (*рис. 71, кат. №№ 321–323*). Возможно, это местный тип украшения, появившийся как подражание золотым кольцевым серьгам с жемчужинами или без них (*рис. 71, кат. №№ 277, 278, 324*). Встречаются в Булгаре серьги с напускной филигранной бусиной (*рис. 71, кат. № 287*). Такие же, только с навитой около бусины сканью, найдены в погребении № 516 могильника Мамай-Сурка в Запорожье [Ельников, 2006, с. 166, рис. 101-2]. Вероятно, они связаны с золотыми серьгами – переходными от кольцевых к вопросовидным, представленными находками с Красноярского городища в Астраханской области (*рис. 71-а, б*) [Золотая, 2005, с. 161, 201, кат. № 108].

Большая часть таких кольцевых серёг, по материалам некрополя у Греческой палаты в Булгаре, датируется второй–третьей четвертью XIV в. При этом они почти все происходят из одного детского захоронения [Смирнов, 1958, с. 350, 356, рис. 9-4].

СЕРЬГИ В ВИДЕ ЗНАКА ВОПРОСА

Этот тип серёг распространён очень широко и территориально, и хронологически. Однако на территории Европы он приобрёл массового потребителя в эпоху Золотой Орды. Очень похожие изделия встречаются в это время от Дуная до Иртыша [Владимиров, 2014, с. 223–232; Адамов, 2000, с. 93, рис. 26-2–4; Адамов, 2000а, с. 59, рис. 91-4]. Известны они в северорусских землях и в Новгороде, где датированы XIV – серединой XV вв. [Спицын, 1896, табл. I-3,4; Седова, 1981, с. 15, 16, рис. 3-1, 2, 9]. Бытовали такие серьги в Волго-Вятском междуречье в Поволжье в Новое время [Суслова, 1980, с. 20, 21, табл. II; Шапран, 2002, рис. 7; 8; 9]. В Сибири они встречаются с XIV до XVII в. [Семёнова, 2001, с. 82, 83, табл. 51, тип 3].

Находки таких украшений известны практически на всех крупных булгарских городищах и селищах ордынского времени, особенно много их обнаружено на памятниках в зоне Куйбышевского водохранилища. При этом из раскопок Биллярского городища происходят проволочные серебряные серьги, как правило, в виде простого колечка. На Булгарском городище, наряду с серьгами в виде простого кольца, встречаются серьги, сделанные из золота с жемчужинами, в том числе и в виде знака вопроса (далее – 3В). Такие изделия из раскопок на этом городище найдены в слоях середины – второй половины XIV в. [Полубояринова, 1991а, с. 45].

Серебряные серьги 3В – однотипные украшения, сделанные из проволоки или отлитые в литейной форме, верхняя часть которых согнута почти в кольцо, по форме напоминающее знак вопроса. Разнообразнее золотые проволочные серьги – в качестве дополнительного украшения в их конструкции использованы жемчужины, филигранные бусины, стеклянные привески и т.д.

Классификацию серёг в виде знака вопроса разработал Г. А. Фёдоров-Давыдов, объединив их в один тип (VI) с 7 вариантами (а-ж) [Фёдоров-Давыдов, 1961, с. 38–41, рис. 6-тип VI]. Эта схема с небольшими дополнениями использовалась в исследованиях второй половины XX в. [Иванов, Кригер, 1988, с. 17, 18, рис. 4]. Существуют и локальные систематизации серёг этой формы, сделанные по материалам отдельных памятников, в основном построенные на особенностях деталей или конструкции этих украшений [Казаков, 1978, с. 63–67; Гарустович, 2012, с. 65–69, рис. 9-1-11].

Булгарские серебряные (так же, как и серебряные с большой примесью меди) серьги делятся на два **раздела**: I – проволочные с навивкой из проволоки и II – литые с проволочной навивкой. Внутри разделов серьги группируются в **отделы** (А, Б, В...) по дополнительным элементам, которые могут быть цельнолитыми, напускными и подвижными.

РАЗДЕЛ I – ПРОВОЛОЧНЫЕ

Отдел А – с навивкой тонкой проволоки

Тип 1 – без дополнительных элементов

Подтип IA1.1 (6 экз.; Булгарское городище; селища: Лаишевское, V Семёновское; **рис. 70; кат. №№ 299, 303, 304, 411, 412)** [Казаков, 1988, с. 80, рис. 4-12] – из тянутой или кованой проволоки круглого или овального сечения диаметром 0,2–0,25 см, с плотно навитой на весь стержень тонкой проволокой диаметром 0,1 см. Окончание дужки серьги заострено, нижняя часть стержня чуть загнута. Длина серьги от 3,5 до 5 см, диаметр кольца дужки – в среднем 2 см. Возможно, что у части серёг этого типа нижняя часть утрачена (судя по изгибу навитой проволочки), и в этом месте могла крепиться жемчужина. У таких бусин есть аналог в золоте (**рис. 69, кат. №№ 279, 281**). Серебряные серьги этого типа найдены в местонахождении Брик-Алга в Башкирии (3 экз.), датированном 70-ми гг. XIV в.; в кургане 3 Александровского могильника золотоордынского времени в Самарской области (1 экз.), а золотая серьга такого типа – в Нейзацком кладе в Крыму (1 экз.) [Гарустович, 2012, с. 192, рис. 9-2, 3, 10; Васильева, 1979, с. 223, рис. 12-5; Сокровища, 2000, с. 287, кат. № 304].

Встречаются такие серьги без навивки (тип VIд по Г. А. Фёдорову-Давыдову), однако все они были сделаны из медной или бронзовой проволоки. Простейшие формы таких серёг из тонкой медной проволоки встречаются в захоронениях XIV в. Такталачукского могильника [Казаков, 1978, с. 64, рис. 33-13]. В серебряном исполнении известна одна такая серьга без навивки из Брикалгинского местонахождения в Башкирии [Гарустович, 2012, с. 192, рис. 9-1], но на булгарских памятниках они не встречены.

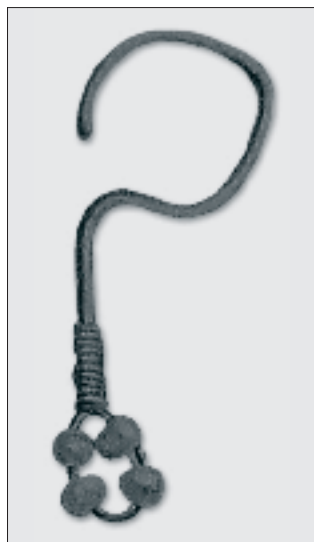
Есть интересная разновидность серьги этого типа – с петелькой на окончании стержня. Они сделаны чаще всего из серебра плохого качества или из меди (**рис. 69, кат. № 408**).

Размеры серёг могут варьироваться. Так, на V Семёновском селище серьга такого вида имеет небольшие размеры (длина около 3,5 см) и вытянутую петельку; на Брикалгинском местонахождении – более длинный стержень [Казаков, 1988, с. 80, рис. 4-12; Гарустович, 2012, рис. 9-6]. Аналогичные им, только с утраченной практически всей навитой проволокой, найдены в подъёмном материале на Коминтерновском селище XIII–XIV вв. в Татарстане [Казаков, 1993, с. 128, рис. 6-19]. Серебряная серьга с петелькой из Булгарского городища была в коллекции А. Ф. Лихачёва (**илл. 364**).

Серьги с петелькой имеют аналоги в золоте (**рис. 69, кат. № 280**), например, из Булгарского городища, а также из могильников XIV в.: Олень-Колодезь, Высокая гора (курган 3) в Воронежской области и Красноярского в Астраханской области [Кравец, Березуцкий, Бойков, 2000, с. 123, 124, рис. 7-14; Ефимов, 1999, с. 98, рис. 4-8; Сокровища, 2000, кат. № 75; Васильев, 1998, с. 112, рис. 5-5]. Причём у таких золотых серёг петелька образована либо путём изгиба нижней части стержня, когда оставшаяся часть проволоки навита на стержень, либо путём сгибания окончания стержня,

илл. 364. Серебряная серьга в виде знака вопроса из собрания А. Ф. Лихачёва

илл. 365. Серебряная серьга в виде знака вопроса с 4 жемчужинами из собрания А. Ф. Лихачёва

а кончик зафиксирован проволоочной спиралью [Сокровища, 2000, кат. № 75]. На этой петельке иногда крепятся просверленные жемчужины (**рис. 69-б, в**) [Кригер, 2012, с. 191, рис. 35-10]. В коллекции А. Ф. Лихачёва была такая серебряная серьга с нанизанными на петельку 4 жемчужинами (**илл. 365**).

Время изготовления и бытования этих серёг – XIV в.

Подтип IA1.2 (1 экз.; Лаишевское селище; **рис. 69, кат. № 407)** – из тянутой медной проволоки, обтянутой золотой, реже серебряной фольгой; стержень обвит тонкой золотой проволокой. Аналогичные им серебряные серьги с более длинными стерженьком и навивкой проволоки, примерно на $\frac{1}{4}$ его длины, встречены в кочевнических погребениях 2-й–3-й четверти XIV в. Здесь же найдены серьги этого же типа, стержень которых заканчивается маленьким крючком [Евглевский, Кульбака, 2003, с. 370, 374, рис. 4-5; 6-11]. Серия таких серёг найдена на Увекском городище в сооружении, датированном монетами 20–30-ми гг. XIV в., ещё одна серьга – в районе этого города, функционировавшего в 20-х – первой половине 60-х гг. XIV в. [Недашковский, 2000, с. 42, рис. 7-4-6]. В погребениях городского некрополя Увека были найдены их золотые аналоги.

Время изготовления и бытования этих серёг – XIV в., преимущественно вторая треть этого столетия.

Отдел Б – с напускными бусинами, жемчугом или декоративными элементами и с навивкой тонкой проволокой, сделаны из серебра с большим количеством примесей

Тип 1 – с мелким жемчугом или стеклянными бусинами

Подтип IB1.1 (1 экз.; Болгарское городище; **рис. 68, кат. № 294; 70;** тип VI б, в по Г. А. Фёдорову-Давыдову) –

с шаровидной жемчужиной – уйун (*араб.* глаза) [Бируни, 1963, с. 112]), диаметром в среднем 0,5 см, в нижней части стержня, закреплённой снизу шляпкой, сделанной из расплющенного окончания стержня, а сверху – проволоочной спиралью из навитой в 15–17 оборотов гладкой тонкой скани. Размеры:¹ L=5; d=1,8 см. Окончание дужки серьги заострено. Как правило, серьги имеют пропорции 1:2,5. Проволока плотно навита в нижней части стержня, занимая примерно $\frac{1}{3}$ часть его длины.

Аналогичная по пропорциям серебряная серьга с маленькой жемчужиной (только проволока навита на весь стержень) и серьга этого типа только с пропорциями 1:2 найдены в могильнике Мамай-Сурка в Запорожье [Ельников, 2006, с. 222, 245, рис. 134-5; 147-3]. Пара серебряных серёг этого типа выявлена в Азаке в захоронении, датированном 1370 г. [Масловский, 2010, с. 196–198, рис. 9-3].

В золоте такие серьги украшались не только жемчугом, но и золотыми полыми шариками, спаянными из двух половинок (**рис. 69, кат. № 288**). Аналогичная серебряная серьга происходит из погребения № 48 Новохарьковского могильника [Новохарьковский, 2002, с. 38, рис. 14-12]. Известна золотая серьга в виде знака вопроса, в нижней части которой крепилась массивная напускная шаровидная бусина с пояском псевдоскани на месте соединения половинок бусины. Она происходит из захоронения курганного могильника Вербовый Лог VIII (курган 1, погребение № 1) на Нижнем Дону. Датируется он концом XIII–XIV вв. [Власкин, Гармашов, Доде, Науменко, 2006, с. 31, рис. 9-1; цв. вклейка, рис. 13]. На Кавказе изготавливались такие же золотые серьги, только с тремя золотыми полыми шариками в нижней части стержня (центральный шарик был крупнее, чем крайние) (**рис. 69-д, е**).

Серебряные серьги с жемчужиной такого же оформления, только чуть меньшего размера, и близкие ей (со стеклянной бусиной вместо жемчуга) происходят из кочевнического могильника Ляпинская Балка в Приазовье II–III четверти XIV в., а также из курганного могильника Быково III (курган № 20) в Волгоградской области золотоордынского времени [Мамонтов, Ситников, 1994, с. 164, 171, рис. 11-4; Евглевский, Кульбака, 2003, с. 374, 388, рис. 6-12; 13-7]. В Новгороде такие серьги (как правило, изготовленные из бронзы) украшались напускными бусинами из яшмы, стекла, янтаря или металла [Седова, 1981, с. 16].

Золотые серьги этого типа с жемчугом на проволоочной петельке встречены на городищах: Болгарском, Увекском (городское кладбище), Красноярском [Гарустович, Ракушин, Яминов, 1998, с. 310, табл. VII-9; Золотая, 2005, с. 161, кат. №№ 110, 112] (**рис. 69-б, в**).

Датируется этот тип серёг по аналогиям рубежом XIII–XIV вв.

Подтип B1.2 (2 экз.; Болгарское городище; **рис. 70)** аналогичен предыдущему, но с двумя бусинами, верхняя из которых сердоликовая, а нижняя – жемчужина. Обе они закреплены на стержне петелькой, согнутой из окончания

¹ Обозначения размеров далее в тексте: L – общая длина изделия; d – диаметр кольца серьги.

проволоки, а сверху – навитой гладкой проволокой. Размеры: L=4; d=1,4 см. Из Булгара происходит серьга с двумя сердоликовыми бусинами в нижней части. В кочевнических захоронениях имеются серебряные серьги с двумя маленькими жемчужинами на петельке (**рис. 69-а**) (могильник «Русский колодец» в Приазовье) [Илюков, Казакова, 1988, с. 121, 125, 126, рис. 25-13; 27-3; 28-15; Кригер, 2012, с. 36, 191, рис. 35-5]. В Красноярском могильнике в Астраханской области встречена золотая серьга с двумя жемчужинами на петельке в нижней части стержня [Васильев, 1998, с. 112, рис. 5-4]. Такая же золотая серьга в виде знака вопроса с двумя жемчужинами на проволочке в нижней части изделия обнаружена в могильнике Вербовый Лог VIII на Нижнем Дону (курган 3, погребение 1) [Власкин, Гармашов, Доде, Науменко, 2006, с. 55, рис. 13-4].

Датируется этот тип серёг с рубежа XIII–XIV вв. и до конца XIV в.

Подтип Б1.3 (1 экз.; Болгарское городище; рис. 69, кат. № 313; 70) аналогичен предыдущему подтипу, только на более длинном стержне размещены: снизу – жемчужина диаметром 0,9 см и посередине стержня – призматическая (L=0,8 см, сечение 0,3 см) стеклянная (?) бусина. Жемчужина снизу фиксируется петелькой, а бусина в верхней половине стержня сверху (между дужкой и бусиной) – плотно навитой гладкой проволокой. Вероятно, и между бусиной и жемчужиной была навита проволока, в настоящее время утраченная. Размеры серьги: L≈5,5 см; d дужки≈2 см. О том, что серьга имела более сложный дизайн, свидетельствует находка близкой этому типу серьги из могильника Ляпинская Балка [Евглевский, Кульбака, 2003, с. 382, рис. 10-6]. Серьга из бронзовой проволоки со стеклянной напусковой бусиной того же цвета (нижняя бусина, возможно, утрачена) найдена в погребении № 544 могильника Мамай-Сурка в Запорожье, датированном концом XIII – началом XV вв. [Ельников, 2001, с. 163; он же 2006, с. 184, 185, рис. 111-8].

Время изготовления и бытования этих серёг – XIV в.

Тип 2 – с декоративным элементом из проволоки в нижней части стержня

Подтип Б2.1 (3 экз.; Болгарское городище (2 экз.), Булгарский клад 1888 г. (1 экз.)) – с бутоном цветка, сделанным из тонкой проволоки и с проволоочной спиралью на стержне. Размеры: L=3,3; d=2 см. Дужка деформирована. Близкая по форме серьга из Булгарского клада имеет дужку, покрытую золотой фольгой. Интересна серебряная серьга этого типа из раскопок на Болгарском городище (**кат. № 326**). В нижней половине её на стержень накручена проволоочная спираль, окончание которой внизу в два оборота накручено на стержень и запаяно, в верхней части – плотно накручено на стержень в 6 оборотов. Получилось своеобразное объёмное украшение, напоминающее гроздь винограда. Подобный стиль декора встречается на украшениях византийского круга в XII в. в странах Средиземноморья, в частности, в Греции и на Балканах [Albani, 2010, p. 199, pl. 23].

Этот тип серёг датируется XIV в.

РАЗДЕЛ II – ЛИТЫЕ

Отдел А – цельнолитые

Тип 1 – с окончанием стержня в виде многогранника

Подтип ПА1.1 (2 экз.; Болгарское городище; рис. 68, кат. №№ 297, 300). Окончание дужки закруглено. Никаких дополнительных декоративных деталей не имеется. Размеры: L=4,2; d=2,2 см; пропорции 1:2.

Подтип ПА1.2 (8 экз.; Болгарское городище; рис. 68, кат. №№ 291–293, 298, 310–312, 327; 70). Стержень между грузиком и дужкой плотно обвит гладкой тонкой проволокой. Размеры L=3–5,5; d=1,6–2 см. Пропорции 1:2. Один из самых распространённых типов серёг в золотоордынское время. Встречаются как на городищах, так и на селищах. Серебряные серьги пропорций 1:2 и 1:2,5 встречены в Брикалгинском местонахождении в Башкирии, а также в погребении № 50 Новохарьковского могильника [Гарустович, 2010, рис. 9-4,9; Новохарьковский, 2002, с. 38, рис. 14-16]. Серьга с деформированной дужкой этого типа найдена на Увекском городище [Недашковский, 2000, с. 41, рис. 7-18].

Время изготовления и бытования этих серёг – XIV в.

Тип 2 – с окончанием стержня в виде шарика

Подтип ПА2.1 (4 экз.; Болгарское городище; рис. 68, кат. №№ 295, 296, 301, 305; 70). Грузик отлит в виде шарика диаметром 0,6 см; стержень обвит проволокой. Размеры: L=5; d=1,8 см. Встречены серебряные серьги этого типа в Предуралье и аналогичные им – из золота [Иванов, Кригер, 1988, с. 38, рис. 14-1,2,5]. Серебряные литые серьги с длинным стерженьком (пропорция 1:3), имеющие каплевидное окончание (близкое к шару), обнаружены в погребении 1 кургана 14 в Зауморском могильнике второй половины XIV в. в Саратовском Поволжье [Ляхов, 1992, рис. 7-И]. Эта дата бытования будет справедливой в целом в отношении этого типа серёг.

Время изготовления и бытования этих серёг – XIV в., в большей степени во второй половине XIV в.

ЖЕМЧУГ КАК УКРАШЕНИЕ СЕРЁГ В ВИДЕ ЗНАКА ВОПРОСА

В украшении болгарско-ордынских серёг использовался мелкий и средний по размерам жемчуг. Чаще всего на рассмотренных украшениях встречаются шаровидные жемчужины (**рис. 68, кат. № 294, тип ИБ1.1**). Бируни отмечает, что жемчужины этого вида с ярким цветом назывались по-арабски *наджм* (звезда) и *хушаб* (приятная вода). С такими жемчужинами, только небольшого размера и веса, была сделана золотая серьга с тремя бусинами (**рис. 69,**

кат. № 283)¹. Очень мелкий жемчуг этого типа использовался для украшения более простых по конструкции проволочных золотых серёг (или, точнее, височных украшений, которые могли нашиваться на тканую основу) в виде кольца с «завязанными» концами (**рис. 71, кат. № 234**). Такие изделия, судя по находке в некрополе у Греческой палаты и находкам в одном из мавзолеев Булгара (раскопки И. И. Ёлкиной 2012 г.), вероятно, изготавливали в Булгаре во второй половине XIV в. [Великий, 2013, с. 296].

Вторая категория жемчуга, выделенная Бируни, – продолговатый, эллипсоидный (*зайтун* – похожий на маслину или *хайа дис* – похожий на яйцо). Крупных таких жемчужин на серьгах из Булгарского улуса не встречено, на других территориях они имеются на составных серьгах ЗВ (**рис. 69-е**). С некоторой долей условности к таким жемчужинам можно отнести уплощённые шаровидные бусинки (**рис. 69, кат. № 282**). Они ценились меньше: при таком же весе стоили в два раза меньше [Бируни, 1963, с. 115].

Третья разновидность жемчуга на булгаро-ордынских изделиях – круглые у основания и ровно заостряющиеся кверху, наподобие конуса (*гулами*) (**рис. 69, кат. № 289, 290**). Жемчужины этого вида среднего размера встречены на серьгах ЗВ с Красноярского городища (**рис. 69-б**).

Кроме серёг, жемчуг встречается в булгарских древностях в виде ожерелий. Такая низка жемчужин из 273 зёрен была найдена в 1949 г. на раскопе II на Болгарском городище. На этом же раскопе в колодце, датированном второй половиной XIV в., было обнаружено ещё одно жемчужное ожерелье из 84 зёрен [Полубояринова, 1991а, с. 45].

Происхождение жемчуга на серьгах из Булгарского улуса установить затруднительно, но можно предположить, что для более дешёвых изделий использовался местный, речной волжский жемчуг из русских земель, а также жемчуг, привезённый из Китая, мутного цвета, с малым блеском, напоминающий гипс. Более дорогой крупный жемчуг мог привозиться из Индии или Китая. Использовались ли в монгольское время жемчужные ловли по берегам Персидского залива и поставляли ли оттуда жемчуг в Булгарский улус, установить невозможно. В целом, популярность жемчуга объяснялась не только его художественными качествами, но и приписываемыми ему лечебными и магическими свойствами [Шефер, 1981, с. 320, 321, 324]. В конце XIX в. в Хорезме бытовали сложные украшения, состоявшие из диадемы и нескольких низок жемчуга, прикреплённых к кольцевидным серьгам или височным кольцам с 3–4 ярусами подвесок. Ожерелья из разных материалов или в особом сочетании их имели определённые качества: ожерелья из янтаря и мелкой серебряной монеты – от бесплодия; для сохранения красоты и хорошего цвета лица – только из янтаря; для сохранения привязанности мужа – из одного коралла [Абдуллаев, Фахретдинова, Хакимов, 1986, с. 164].

¹ В ценах 1000 г. крупная жемчужина этого типа весом в 1 мискаль (4,47 г) стоила 1000 динаров (динар – золотая монета; изначально её вес составлял 4,25 г; в дальнейшем весовая норма незначительно менялась, в зависимости от страны и периода). Мелкая жемчужина в 1/12 мискаля стоила 1 динар [Бируни, 1963, с. 112, 115]. В 1 динаре было 20 серебряных дирхемов (1 дирхем – 2,97 г). В целом, цена жемчуга тогда зависела от его происхождения и от места продажи. Вероятно, такая же ситуация сохранялась и в ордынское время. Круглый жемчуг был своеобразным мерилом стоимости других разновидностей жемчуга.

ОСОБЕННОСТИ СЕРЁГ В ВИДЕ ЗНАКА ВОПРОСА, НАЙДЕННЫХ НА ТЕРРИТОРИИ БУЛГАРСКОГО УЛУСА ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Серебряные серьги в виде знака вопроса (ЗВ) в Булгарском улусе Золотой Орды чаще всего имеют простые формы, украшенные либо напускными бусами, либо грузиками-многогранниками; при этом ни разу не встречены серебряные серьги с зерновыми пирамидками на окончании стержня или с окончанием в виде «ежевички» с 9 шариками зерни в разном композиционном решении (в том числе и с 14 зёрнами), как в Поднепровье или на Среднем Дону [Ельников, 2005, с. 278, 282, 283, рис. 166-5; 168-4; 169-2; Новохарьковский, 2002, рис. 14-24]. При этом в Булгаре имеется золотая серьга с тремя мелкими жемчужинами на петельке в нижней части стержня (**рис. 69, кат. № 283**), вероятно, аналог или прототип этого вида серёг.

Второе – много изделий, повторяющих формы серёг ЗВ из серебра или золота, но сделанных из меди, бронзы или низкопробного серебра с большим количеством лигатуры.

Третье – не встречаются серебряные двусоставные серьги, достаточно широко распространённые среди кочевников восточноевропейских степей [Фёдоров-Давыдов, 1966, с. 38, 39, типы VI г, ж, е]. В Булгаре известны золотые серьги этого типа (**рис. 69, кат. № 396, 289, 290**). В кладе, найденном на Болгарском городище, датированном XIV в., они были вместе с простыми золотыми серьгами в виде колечка с «завязанным» окончанием в виде петельки (простейший замок), а также золотыми перстнями и филигранными

илл. 366. Золотые перстни и филигранное украшение из Булгарского клада 2010 г. Раскопки В. С. Баранова. Собрание БГИИМЗ

илл. 367. Серебряные серьги в виде знака вопроса из Булгарии, XIII–XIV вв. (по В. Павловой)

подвесками (**илл. 366**) [Археологические исследования, 2011, с. 15, рис. 2]. Это свидетельствует об использовании серёг ЗВ с вышеупомянутыми кольцами с завязанными концами как единого комплекта, крепившегося к матерчатым лентам на лобной повязки.

В Булгарском улусе были распространены литые серьги типов ПА с грузиком-многогранником (**рис. 70**). Проволочные серьги с жемчужинами, стеклянными напускными бусинами, вероятно, воспроизводились в литом варианте, что послужило толчком для появления типа ПА2.1. В целом, использование мелкого жемчуга в дизайне серёг разного типа (не только в виде знака вопроса) из серебра и золота (**рис. 69; 71**) практиковалось булгарскими ювелирами в основном в XIV в.

Серебряные серьги, составные из двух или трёх элементов, украшенные мелким жемчугом и стеклянными бусинами, иногда в сочетании с филигранными бусинами, найденные на Болгарском городище (**рис. 69, кат. №№ 289, 290, 396**), были, скорее всего, привозными. Они отличаются от составных серёг из Селитренного городища (раскоп XXVI, 2002 г.) и Симферопольского клада первой половины XIV в., где для украшения использованы миниатюрные шатоны и в нескольких случаях бриллианты и поделочные камни [Егоров, Руденко, Григорьев, 2003, с. 509, 511, рис. 1-2; Сокровища, 2000, с. 305, 306, кат. №№ 366-368] (**рис. 69-е-к**). О поздней дате бытования серебряных составных серёг ЗВ свидетельствуют брикалгинские находки (Башкирия) 60–70-х гг. XIV в. [Гарустович, 2010, рис. 9-5,7].

В Булгарском улусе не получили распространения проволочные серьги ЗВ (серебряные не встречены вообще) с завершением в виде трёхлепестковой розетки, скрученной из окончания стержня, такие как, например, с Увекского городища [Недашковский, 2000, с. 41, рис. 7-7,21]. Не встречены и литые варианты серёг ЗВ с имитацией филигранных напускных бусин, повторяющих формы и дизайн балканских изделий [Павлова, 2007, с. 76, кат. №№ 15.12, 15.13] (**илл. 367**).

НОШЕНИЕ СЕРЁГ В ВИДЕ ЗНАКА ВОПРОСА

Серьги в виде знака вопроса на территории Монгольской империи носили и мужчины, и женщины. Это подтверждается как археологическими данными, так и изобразительным материалом. Из раскопок курганных могильников в степях Восточной Европы известно несколько таких случаев. Например, в мужском захоронении на могильнике Мамай-Сурка в Запорожье обнаружена бронзовая серёжка типа IA1.1 (**рис. 70**), или серёга ЗВ с окончанием в виде «ежевички» найдена в парном захоронении (мужчина и ребёнок) № 14 Новохарьковского могильника, датированного 30–90-ми гг. XIV в. [Новохарьковский, 2002, с. 22, рис. 6-16, 17; 9-6].

На изображениях правителей Юаньской династии Китая XIV в. (**илл. 368**) видно, что серьги с крупной жемчужиной были характерны для мужского элитного комплекса украшений. Причём в мочку уха, кроме серьги, продевались и небольшие колечки, к которым крепилась специальная цепочка с продолговатыми бусинами и медальонами, проходившая под подбородком (**рис. 72**). Зафиксированные на китайских рисунках XIV в. серьги близки типу IB1.1 (**илл. 369**), хотя есть и изображения более сложных конструкций (**илл. 370**). При этом оканчивается стержень серёжки не только напускными бусинами или жемчужинами, но и другими элементами (**илл. 371**) [Leidy, 2010, pp. 112, 113, 118, fig. 146; 152]. Этот тип украшений, наряду с причёской и головным убором, являлся прерогативой узкой прослойки элиты монгольского государства [Доде, 2010, с. 48, 134, 135]. В целом, как мужское элитное украшение серьги использовались на Востоке в XV–XVI вв., что отражено в персидских миниатюрах этого времени (**рис. 78**). Не редкость они в VII–IX вв. в качестве мужского украшения в Средней Азии, что видно даже на изображениях божественных существ (**илл. 372**) [Литвинский, 1973, с. 46, 47; Восточный, 1995, с. 212].

Высокий статус владельца этого украшения ассоциировался с неким священным началом, судя по изображению архангела Исафила на миниатюре 1370–1380 гг. с серёгой (**илл. 373**) [Хагедорн, 2010, с. 50, 51] или в сцене на миниатюре 1556–1565 гг., где изображены Соломон и царица Савская [Migeon, Saladin, 2009, p. 206] (**рис. 76**). Интересна одна деталь: царица на этой миниатюре показана в парадной шапке с золотым венцом из фигурных пластин с самоцветами, причём у висков к венцу (или к покрывалу из тонкой ткани, закрывающему волосы¹ (**рис. 77**), как это видно на иранской миниатюре, иллюстрирующей сюжет из поэмы «Хосров и Ширин» (**рис. 80**)), прикреплена низка жемчуга, обрамляющая лицо владелицы (**илл. 374**), как и на других персидских миниатюрах XVI в. [Loukonine, Ivanov, 2010, p. 210, 211] (**илл. 375**). Согласуется это и с монгольской традицией, отражённой в культуре правящей элиты Юаньского Китая.

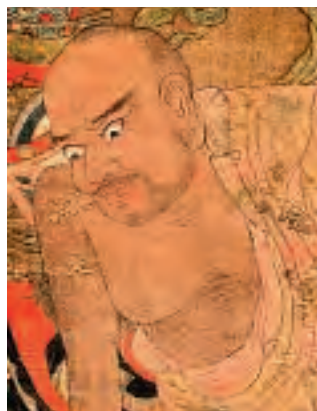
¹ Такая ткань могла быть полупрозрачной, заменяться «волосным ободом» на китайский манер, распространённая деталь китайского женского костюма Северной Сун и Юань – монгольского периода [Кравцова, 2004, с. 792].

илл. 368. Правитель Юаньской династии Китая. Портрет XIV в.

илл. 369. Изображение китайского вельможи. Рисунки XIV в.

илл. 370. Рисунки демона. Фреска. Китай, XIV в.

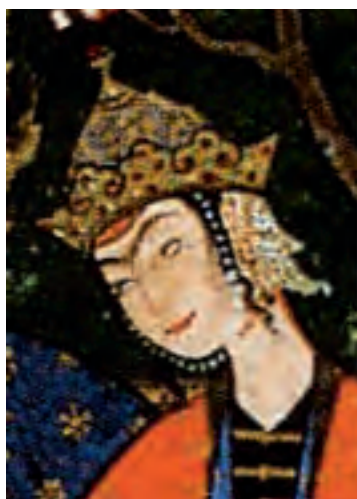
илл. 371. Изображение китайского вельможи. Рисунки XIV в.

илл. 372. Изображение божества на фреске из Пянджикента (Таджикистан), VII в.

илл. 373. Иранская книжная миниатюра последней трети XIV в.

илл. 374. Персидская книжная миниатюра XVI в. Деталь

илл. 375. Иллюстрация к поэме «Хосров и Ширин», Иран, XVI в. Деталь

илл. 376. Знатные женщины в монгольском костюме. Китайский рисунок XIV в. Деталь

Интересные варианты ношения этих украшений были выявлены в Новохарьковском могильнике на Среднем Дону [Новохарьковский, 2002, с. 22, 53–55, цв. вклейка; рис. 21-1, 2]. Здесь в погребении №14 на мужском черепе были обнаружены следы налобной повязки, расшитой нитками, обёрнутыми тончайшей бронзовой лентой, от которой от висков на грудь спускались две узкие полоски ткани, расшитые подобным же образом. На них в нижней части крепились бронзовые серьги 3В с окончанием в виде «ежевички» из 9 шариков крупной зерни.

Серьги вообще и 3В в частности, судя по изобразительным материалам XIV в., были неотъемлемым атрибутом элитного комплекса украшений знати в империи монголов (илл. 376). Носили их как мужчины, так и женщины; последние дополняли их ожерельями, в сочетании со специальным головным убором – бóккой (кит. гугугуань) (илл. 377) [Шёлковский, 2007, с. 116, 117, кат. №45]. Женские серьги на этих рисунках (рис. 73-2а) близки типу IB1.3 (рис. 70), хотя более изысканные, с многочисленными привесками из жемчужных нитей, с шатоном с драгоценными камнями (рис. 73-1а). Серьги носились в отверстии в мочке уха, а также как клипса (особенно если они использовались в комбинации с замкнутыми колечками) или с помощью съёмных ушных подвесок, использовавшихся в Китае эпохи Мин [Кравцова, 2004, с. 793]. Это относится в первую очередь к массивным украшениям, которые также могли крепиться и к головному убору – бóкке на жемчужных привесках у висков (рис. 74). При этом серьги (скорее всего, в виде колец или серёг 3В типа IA1.1) выступали и в качестве заколок, удерживавших декоративную цепочку, проходившую от висков под подбородком женщины (рис. 75-1а).

илл. 377. Монгольский женский головной убор – бóкка

Связь бóкки и серёг 3В не настолько очевидна. В археологических материалах монгольского времени Алтая выявлены остатки берестяных остовов таких головных уборов, однако сами серьги 3В встречаются в единичных случаях и без связи с бóккой [Тишкин, 2009, с. 125–130]. Аналогичная ситуация прослеживается и на материале могильников Восточного Приазовья [Дружинина, Чхаидзе, Нарожный, 2011, с. 135–155]. Только в могильнике Мамай-Гора (погребение №4) из трёх серёг, обнаруженных в погребении, одна, с разомкнутым кольцом и напускной бусиной (тип), была, скорее всего, в мочке уха (зафиксирована при раскопках в районе правого плеча), а две другие, типа с замкнутым кольцом, заканчивающиеся петелькой, были связаны с головным убором

(бóккой) и обнаружены у висков с обеих сторон черепа [Ельников, 2004, с. 90].

На рисунках XIV в. видно, что женские серьги сложной конструкции могли носиться и без жемчужной нити (**рис. 75-2а**). Использовать крупные серьги в мочке уха было вряд ли возможно из-за их большого размера и толщины дужки.

У основной массы кочевого населения Улуса Джучи – западных пределов Монгольской империи, судя по археологическим материалам, серьги ЗВ были распространены среди всех возрастных категорий. Они (чаще всего в паре) клялись и в детские (4–5 и 6–7 лет, включая и грудных младенцев, до 1 года), и в подростковые захоронения [Ельников, 2006, с. 64, 65, 121, рис. 37-2; 72-3; 134-5, погр. №№ 416, 490, 594; Новохарьковский, 2002, с. 49, погр. № 75]. Какой-либо закономерности в таких погребениях и типах серёг не выявлено. Те же типы серёг ЗВ, встречающиеся в захоронениях взрослых, встречаются и в детских погребениях, хотя абсолютные совпадения в пределах одного могильника нечасты [Новохарьковский, 2002, с. 49, рис. 14-24, погр. № 75]. В ряде могильников Северо-Восточного Приазовья серьги ЗВ встречаются только в женских захоронениях, и носились они по одной в мочке правого уха. Парных серёг найдено немного [Евглевский, Кульбака, 2003, с. 398].

В курганном могильнике «Русский колодец» на Миусском полуострове зафиксировано два случая, когда с правой стороны была надета золотая серьга ЗВ, с левой – серебряная. Обе серьги с жемчужинками. В одном случае была только одна золотая серьга в правом ухе. Серебряная серьга носилась в левом ухе [Ильюков, Казакова, 1988, с. 140]. В могильнике Мамай-Сурка в женском захоронении (№ 545) найдено три серьги: две простые бронзовые серьги ЗВ были вставлены в мочку левого уха, и одна, с привешенными на стерженьке тремя напусковыми стеклянными бусинами, была в мочке правого уха [Ельников, 2006, с. 184, 185, рис. 111-8]. Аналогичный случай отмечен в погребении № 4 могильника Мамай-Гора [Ельников, 2004, с. 90, 105, рис. 6-7, 8]. По наблюдениям А. П. Смирнова, в Булгаре серьги в виде серебряных и золотых разомкнутых или замкнутых на замок из завязанных окончаний колечек носились в правом ухе, хотя чаще всего серьги просто клялись в могилу в области головы [Смирнов, 1958, с. 356].

В Новохарьковском могильнике одиночные серьги ЗВ в женских захоронениях встречались в районе груди (35–39 лет), видимо, они были закреплены на ленточках (погр. № 36), в мочке правого уха (45–49 лет) (погр. № 133). В левой мочке уха находилась серьга в погребении № 50 (не определённое), а с правой стороны – цилиндрический амулет с двумя петельками для подвешивания.

В городах Золотой Орды встречаются те же типы серебряных, золотых и медно-бронзовых серёг ЗВ, что и у кочевников. Очень редко такие серьги встречаются на поселениях северной периферии Золотой Орды. На Средней Волге, кроме Булгара, такая серьга найдена на Важнангерском городище (правый берег Волги, Горномарийский район Республики Марий Эл) и в Чебоксарах [Старые, 2012, с. 59, рис. 14-6; Никитина, Михеева, 2006, с. 127, рис. 52-9].

СЕРЬГИ ИНОЗЕМНОГО ПРОИЗВОДСТВА, НАЙДЕННЫЕ НА ТЕРРИТОРИИ БУЛГАРСКОГО УЛУСА ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Отдел А – цельнолитые

Тип 3 – серьги с филигранным украшением, закреплённым в нижней части стержня

Подтип ПА3.1 (1 экз.; Болгарское (?) городище, НМ РТ, инв. № ЭО-91/10; **-2; кат. № 307).** Серьга имеет литой длинный стержень круглого сечения диаметром 2 мм, верхняя часть которого изящно загнута, образуя почти правильное разомкнутое кольцо. Окончание изогнутого стержня чуть заострено. В нижней части стержень плавно расширяется, образуя небольшой воротничок, прикрывающий цилиндрический уступчик, на основании которого крепится фиксатор в виде объёмной кнопки диаметром чуть меньшим, чем диаметр воротничка. На фиксатор надет филигранный шарик, составленный из геометрических скано-зерневых узоров, причём зернь в данном случае выполняла как декоративную, так и конструктивную функцию.

Филигранный шарик (**рис. 66-2а**) собран из пятиугольных модулей, согнутых из тонкой гладкой проволоки. В этот контур вписана выполненная также из сканой проволоки шестилепестковая розетка, в центре которой располагается зерневая пирамидка из трёх шариков диаметром 0,1 мм. По углам этих модулей, смыкавшихся боковыми гранями, были припаяны шарики зерни диаметром 1 мм, закрепляя их между собой. В конструкции шарика использовано 13 модулей: шесть – в верхнем ряду, шесть – в нижнем, и один модуль – в нижней части. Причём в центре этого последнего модуля, в розетке, находилась пирамидка зерни из трёх шариков. Сборка шарика производилась, вероятно, непосредственно на стержне, поскольку надеть собранную конструкцию на фиксатор практически невозможно. Размер этой серьги: высота – 100 мм, ширина (диаметр) кольца – 39 мм, диаметр шарика – 20 мм, вес – 15,18 г.

Подтип ПА3.2 (2 экз.; Болгарское городище; **рис. 66-1).** Аналогичен предыдущей по конструкции. Шарик также собран из 13 модулей, но в отличие от первого они представляют собой не пятиугольники, а окружности, в которые вписаны шестилепестковые розетки (**рис. 66-1а**). В центре розетки – не пирамидка зерни, а один единственный зерневой шарик. Вместе с тем, трёхзерневые пирамидки являются в данном случае соединительными узлами между модулями, которые создают ажурную конструкцию подвески. Размеры этой серьги: высота – 105 мм, ширина кольца – 32 мм, диаметр шара – 21 мм, вес – 13,66 г.

Аналогичные конструктивные элементы филигранных украшений на серьгах подтипов 3.1 и 3.2 использовались при изготовлении золотых бусин из Симферопольского клада. Здесь они имеют семь лепестков и являются частью общей композиции [Крамаровский, 2001, с. 323, кат. № 403–408].

На других бусинах шестилепестковые розетки (центр которых украшен шариком зерни) вписаны в круглые медальоны из тонкой золотой фольги, которые создают объём бусины. Датируются эти изделия первой половиной XIV в. [Крамаровский, 2001, с. 117, 322, кат. № 392–394].

Подтип ПА3.3 (2 экз.; Болгарское городище; НМ РТ, инв. № 10208-11, СУ-308; **рис. 67-1; 3; кат. № 309**) с привеской в виде бутона цветка. Имеет такую же конструкцию, как и предыдущие изделия. Оригинальна нижняя часть серьги. Она сделана в виде пышного цветка, бутон которого состоит из 10 ажурных лепестков и соцветий. Каждый лепесток (рис. 67-1а; 3а) – это вытянутая заострённая прямоугольная пластинка. Соцветия выполнены из тонких спаренных проволочек, имеющих валютообразное завершение. Между ними припаяна ещё одна проволочка, окончание которой закручено в спираль в 4 оборота. Шарик зерни соединяет отдельные элементы композиции. Общий контур лепестка и соцветия создают две проволочки, расположенные по бокам между этими частями. Размеры серёг: высота – 97 мм, ширина кольца – 22 мм, диаметр привески – 10,5 мм.

Аналогии соцветиям имеются в материалах Симферопольскогоклада, в частности, в оформлении бляхи-навершия шапочки [Крамаровский, 2001, с. 306, кат. № 307]. Но при сходстве в технике выполнения этого элемента его дизайн несколько иной. Здесь основа украшения выполнена в виде композиции из трилистника (крина). Этот сюжет повторяется и на ряде других наверший, хотя здесь узор создан с помощью тиснения [Крамаровский, 2001, с. 253, 305–306, кат. № 78, 306]. Датируются симферопольские украшения первой половиной XIV в.

Подтип ПА3.4 (1 экз.; Болгарское городище; **рис. 67-2; кат. № 308**) аналогичен предыдущим серьгам. Отличается только формой и дизайном нижней части, сделанной в виде цветка. У него имеется крупный широкий бутон с узкими лепестками, опущенными вниз, которые аналогичны тем, что сделаны на серьге **типа ПА3.3 (рис. 67-1)**. В основании бутона размещены лепестки меньшего размера, образующие «воротничок» вокруг стержня серьги. В центре его помещены скрученные из проволоки «пестики», на некоторых из них (сохранилась только одна серьга) привешены маленькие распустившиеся цветочки, закреплённые на проволоке крупным шариком зерни. Близкие по дизайну цветочки встречены на золотых серьгах сирийской работы XI–XII вв. (**илл. 378**).

илл. 378. Золотые филигранные серьги. Сирия, XI–XII вв. Собрание музея Метрополитен

илл. 379. Золотое филигранное украшение из Бухарского оазиса. Собрание ГЭ

Форма, оформление листочков и небольшие сканные цветочки имеются на небольшом украшении из Бухарского оазиса [Сокровища, 2000, кат. № 168] (**илл. 379**).

Точные аналогии данным серьгам нам не известны. По декору и отдельным конструктивным элементам их можно датировать в рамках XII–XIV вв. Изготовлены они были, скорее всего, в Иране.

МЕСТО ИЗГОТОВЛЕНИЯ И ДАТИРОВКА

Определить место, где изготавливали серьги из проволоки, практически невозможно – для этого не требовалось ни сложных приспособлений, ни даже специально оборудованного места. Небольшие размеры изделий, доступность сырья и простота изготовления создали им такую популярность в золотоордынскую эпоху.

Места изготовления литых серёг 3В можно установить по находкам литейных форм. В них изготавливались, как правило, серьги с имитацией обмотки проволокой в нижней части. Каких-либо дополнительных элементов у этих отливок не было. Встречены такие литейные формы на Муранском поселении (Самарская Лука) и на Болгарском городище. Д. А. Сташенков предположил, что готовая продукция, сделанная с помощью этих форм, найденных на Муранском поселении, реализовывалась в бассейне рек Волга и Уса [Сташенков, 2011, с. 116, 117]. В Булгаре эта продукция была ориентирована в большей степени на внутренний рынок Булгарского улуса.

ВЫВОДЫ

Серьги были распространённым украшением как в Волжской Булгарии, так и в Булгарском улусе Золотой Орды. Особенно это касается их простейших форм – сомкнутых или разомкнутых колечек, литых и проволочных, из серебра, бронзы и меди. Инновации в украшениях такого рода начались в первой трети XIII в. с проникновением в городскую булгарскую

моду кочевнических сюжетов (преимущественно половецких) – привесок из лазурита и подражаний им, однобусинных височных колец и т.п. Однако до монгольского нашествия традиционный костюм, как и формы ушных и височных украшений, не изменился.

Новая форма украшений в виде знака вопроса появилась в Булгарском улусе в уже сформировавшемся виде не позднее рубежа XIII–XIV вв. и активно распространялась на его территории, как в городах, так и в сельской местности, оставаясь популярной, наряду с традиционными серьгами в виде кольца, на протяжении всего столетия и, вероятно, в начале следующего, XV в. Как отметил А.П. Смирнов, эти серьги имеют определённое родство с украшениями начала I тыс. н.э. [Дончева, 2003], хотя вряд ли имеет смысл искать между ними прямую преемственность.

Серьги ЗВ в Булгарском улусе были распространены среди разных социальных групп населения, преимущественно в городской среде. Серебряные и золотые серьги ЗВ с жемчугом носили чаще всего жители столичного Булгара, хотя потребители таких серёг были и в других крупных городах улуса, например Джукетау. Для менее состоятельных горожан не только столицы, но и малых городов улуса, как и для зажиточных жителей сельских усадеб и торгово-ремесленных поселений, изготавливались литые и проволоочные серьги, оканчивающиеся литым или напускным полым шариком. Они имитировали серебряные и золотые серьги с жемчугом. Отметим, что на Руси в XIV – начале XV вв., в большей степени для украшения серёг ЗВ, использовались янтарь, яшма, стеклянные бусы и металл [Шаповалов, 2000, с. 162].

В XIV в. в Булгарском улусе появились изделия нового стиля: серебряные или бронзовые цельнолитые серьги со стержнем, завершающимся головкой кубической формы с «огранкой». Был ли Булгар родоначальником этого типа украшений, ещё предстоит выяснить, но то, что здесь они изготавливались в немалых количествах и широко распространялись, бесспорно.

Насколько новая традиция ношения серёг ЗВ была связана с кочевой средой и кочевым компонентом в булгарской культуре Золотоордынского времени, сказать трудно, хотя ощутимое влияние половецкой моды было характерной чертой эпохи на большей части Дешт-и-Кипчак в составе Золотой Орды. В Булгарском улусе основным потребителем драгоценных украшений такого рода было преимущественно городское население. При этом сельские территории были охвачены новой модой в меньшей степени. Да и многие другие типы драгоценных украшений не выходили за пределы городов или торговых центров. Известные поздnekочевнические могильники на территории улуса (Песчаный остров, Балымерский) в погребальном инвентаре серёг ЗВ не содержат. Можно констатировать, что золотые и серебряные серьги ЗВ, особенно с жемчугом, были распространены у зажиточной части городского населения Булгарского улуса, прежде всего его столицы – Булгара.

Зафиксирована определённая специфика в распространении отдельных типов серёг ЗВ. Так, только в Булгаре встречены составные серьги, украшенные жемчужинами и филигранными напускными бусинами (рис. 69, кат. №№ 289, 290). Они, веро-

ятно, импортные или сделаны по привозным образцам. Сочетание жемчуга и филигранных деталей встречается на египетских (сирийских) изделиях VII–VIII вв. н.э. [Jewelry, 2013, p. 113] (илл. 380). При Аббасидах эта мода проникла в Северный Иран (илл. 381), где и закрепилась [Украшения, 1999, кат. №106].

илл. 380. Золотое ожерелье с жемчугом. Сирия, VII–VIII вв. н.э.

илл. 381. Золотая филигранная серьга с жемчугом. Северный Иран, IX–X вв.

Не исключено, что иранские или египетские (мамлюкские) изделия, выполненные в этой технике, были прототипом и золотых составных болгарских серёг ЗВ. Тем более, что в Орду в правление хана Берке поступали многочисленные дары от египетских правителей [Греков, Якубовский, 1950, с. 79–80].

Заметим, что в столичных центрах Орды – Селитренном, Царёвском и Водянском, Увекском городищах находки таких украшений редки и мало похожи на болгарские [Фёдоров-Давыдов, Вайнер, Гусева, 1974, с. 115, табл. II-7; Фёдоров-Давыдов, Вайнер, Мухамадиев, 1970, с. 162, табл. I-12; Фёдоров-Давыдов, 1994, с. 192, рис. 42-4]. При этом серьги ЗВ из золота, серебра и меди встречаются регулярно в курганных могильниках кочевников, расположенных близ этих городов.

В целом, этот тип украшений оказался устойчивым к изменениям и настолько популярным, что его типологическое развитие на протяжении нескольких столетий было чрезвычайно медленным, что объясняется массовым тиражированием образцов, как литых, так и из проволоки. Об этом свидетельствуют серьги в виде знака вопроса в материалах XVI–XIX вв.

Отдельную группу составляют серьги ЗВ с филигранными элементами – бутонами цветов (**рис. 70, типы IIA 3.3-3.4**). Они в какой-то мере раскрывают происхождение ряда категорий таких изделий, как и самого типа украшения в целом. Несмотря на кажущуюся простоту формы (в виде знака вопроса), исходный импульс этих украшений имел, видимо, определённый прототип. Можно предположить, что в качестве такового выступали китайские серьги в виде птицы с шаровидной подвеской периода Сун из Британского музея [Де Моран, 1982, с. 76, 77, илл. 140]. Их производные известны в золотоордынских древностях (**рис. 71-а, б**).

Что касается крупных серёг ЗВ с филигранными окончаниями (скорее всего, это были височные подвески, вряд ли они носились в мочке уха или каким-либо другим способом закреплялись на ухе), то их происхождение разное. Окончания в виде цветочных бутонов, вероятно, имеют восточные истоки. Здесь чувствуется явное влияние восточного (китайского и корейского (династии Корё – 936–1392 гг.)) ювелирного искусства. Золотые серьги в виде цветочных бутонов встречаются в древностях Кореи и северо-восточных областей Китая в V–VI вв. н.э. [Jewelry, 1991, p. 119, ill. 262, 263; Дунн, 2007, с. 683] (**илл. 382**). Ювелир, изготавливавший рассматриваемые нами серьги, работал в манере иной, чем его китайские предшественники, но принципиальное композиционное решение было аналогично – узкие вытянутые, опускающиеся вниз лепестки с приострѐнными окончаниями закрытого бутона подражают изображениям нераскрывшихся цветов в обрамлении привесок из мелких листочков (**илл. 383**).

Филигранные окончания в виде шариков из проволоки с зернью, как было показано выше, имеют аналогии в материалах ювелирных изделий Ирана XII–XIII вв., в золотоордынских древностях XIV в. (например, в Симферопольском кладе).

Учитывая идентичную конструкцию-основу (толстый стержень с «воротничком» для крепления филигранного окончания), схожую манеру исполнения деталей на бутонах:

илл. 382. Золотые серьги из Кореи, V–VI вв. н.э.

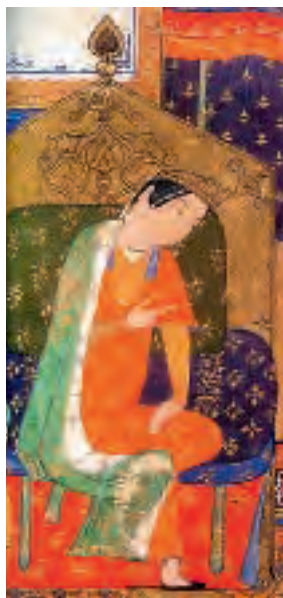
илл. 383. Золотые серьги из Северо-Восточного Китая, вторая половина I тыс. н.э.

узкие штампованные листья, завитки из кованой проволочки квадратного сечения и т. п., можно предположить, что они были сделаны одним мастером или в одной мастерской.

Статусность украшений с использованием жемчуга характерна для средневековой эпохи как Европы, так и Азии. Например, именитость владельца подчёркивали жемчужные детали украшений византийских императоров и императриц [Де Моран, 1982, с. 245, 248, илл. 412, 417]. В монгольское время эту же функцию выполняли в женском костюме жемчужные низки в украшении бокки династии Юань, а также жемчужные подвески. Они были явно заимствованы из китайской императорской символики периода Сун (XI–XIII вв.) [Сокровища

илл. 384. Портрет китайского императора с приближёнными. Китай, XI–XIII вв.

илл. 385. Персидская книжная миниатюра XVI в. Деталь

илл. 386. Персидская книжная миниатюра XVI в. Деталь

Музея, 2007, с. 115] (**илл. 384**). Статусная символика женских украшений была разработана в Китае. К ним относились ушные серьги и ожерелья [Кравцова, 2004, с. 803]. Основные принципы этой визуализации статуса использовались на Востоке в монгольское и послемонгольское время, о чём можно судить по иранским миниатюрам (**илл. 385**).

Жемчуг был распространённым украшением в золотоордынском Булгаре. Клады, найденные на городище в XIX в., а также при раскопках во второй половине XX в., часто содержали многочисленные ожерелья из мелкого жемчуга. Как мы видели, он был использован и для декорирования ушных украшений – серёг из серебра и золота. Бируни посвятил жемчугу (лу'лу') существенную часть своего труда «Минералогия», отмечая, что имеется множество сортов жемчуга разного по происхождению и своим качествам [Бируни, 1963, с. 111–119].

Однако в домоногольский период жемчуг булгарами не использовался в таких количествах, что отразилось практически в полном отсутствии его в археологических материалах этого времени. В период Золотой Орды он стал популярен в зажиточных слоях булгарского общества, начиная с периода правления Токты и Узбека. В женском костюме золотые и серебряные украшения с жемчугом сочетались с набором бус из полудрагоценных камней и стекла. Они вместе с одеждой из шёлка отражали достаток и сановитость городских жителей [Смирнов, 1958, с. 350, 351]. В целом, такие украшения, дополненные поясом из металлических пластин (серебряных и золотых), головными уборами со специальными наверху (не бókка!), перстнями и браслетами из драгоценных металлов, составляли комплект булгаро-ордынских женских ранговых украшений.

Серьги из драгоценных металлов и жемчужные ожерелья были распространены у людей разного социального статуса – от прослойки зажиточных торговцев, имевших

свои усадьбы в городе, до представителей администрации и властных структур. Видимо, в этой связи были и какие-то внешние особенности таких украшений. Так, для прослойки городского купечества, занимавшегося торговлей, по мнению А.П. Смирнова, в том числе и международной [Смирнов, 1958, с. 350], были характерны определённые типы серебряных украшений. В их числе – простые типы серёг из золота и серебра в виде колечка или колечка с грузиком-многогранником. Эти украшения были характерны не только для мусульман, но и для представителей других конфессий.

Высший уровень комплектов ранговых украшений представлен Симферопольским и Джукетауским кладами, средний уровень – вещевыми кладами города Булгар и Карашамским кладом золотых и серебряных (реже чёрных) украшений. Серебряные серьги с жемчугом, в сочетании с золотыми вещами и ожерельями с сердоликовыми бусами, в полуофициальном женском костюме горожанки соответствовали статусу придворной дамы при дворе наместника в Булгарском улусе. Представить весь такой комплект можно по иранским миниатюрам более позднего времени (**илл. 386**).

Противостояние отдельных частей монгольской империи, как это было в случае между Хулагуидским Ираном во второй половине XIII–XIV вв. и Золотой Ордой [Греков, Якубовский, 1950, с. 79–94], не мешало тесным контактам в сфере обмена ремесленными произведениями художественного творчества.

Сочетание собственных традиций ювелирного искусства домонгольского времени, заимствованных извне после начала монгольского правления и многочисленного импорта, поступавшего к монгольским наместникам в Булгаре во второй половине XIII – XIV вв., обуславливало иерархию ювелирных материалов, цветовых предпочтений, а также разнообразие форм ювелирных изделий.

рис 28. Типология болгарских золотых височных трёхбусинных колец XI – начала XIII вв. [Руденко, 2011б]

рис 29. Булгарские трёхбусинные височные кольца из золота (1), серебра (2–8) и сплава меди и серебра (6, 7) из Кожаевского (1), Бутаевского (4) кладов, Билярского (6, 7) и Болгарского (5) городищ и селищ низовий Камы (2, 3, 8)

рис 30. Серьги и височные кольца из низкопробного серебра и меди с Биллярского городища. Собрание НМ РТ, инв. № 5427

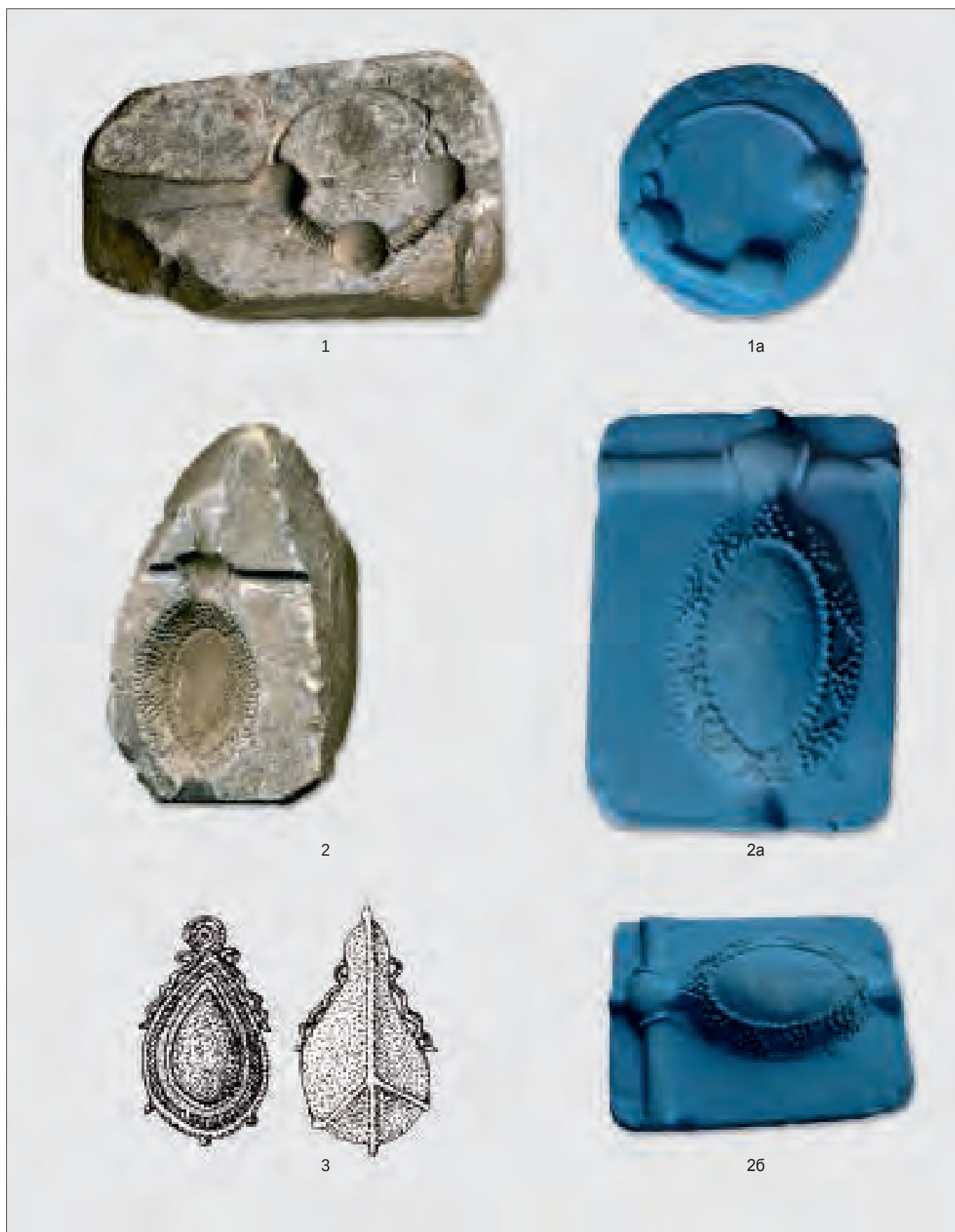

рис 31. Каменные литейные формы (1, 2) и отпечатки с них (1а, 2а, б) с Болгарского городища, 3 – серебряная брошь из могильника Бабий бугор на Болгарском городище (по А. М. Ефимовой)

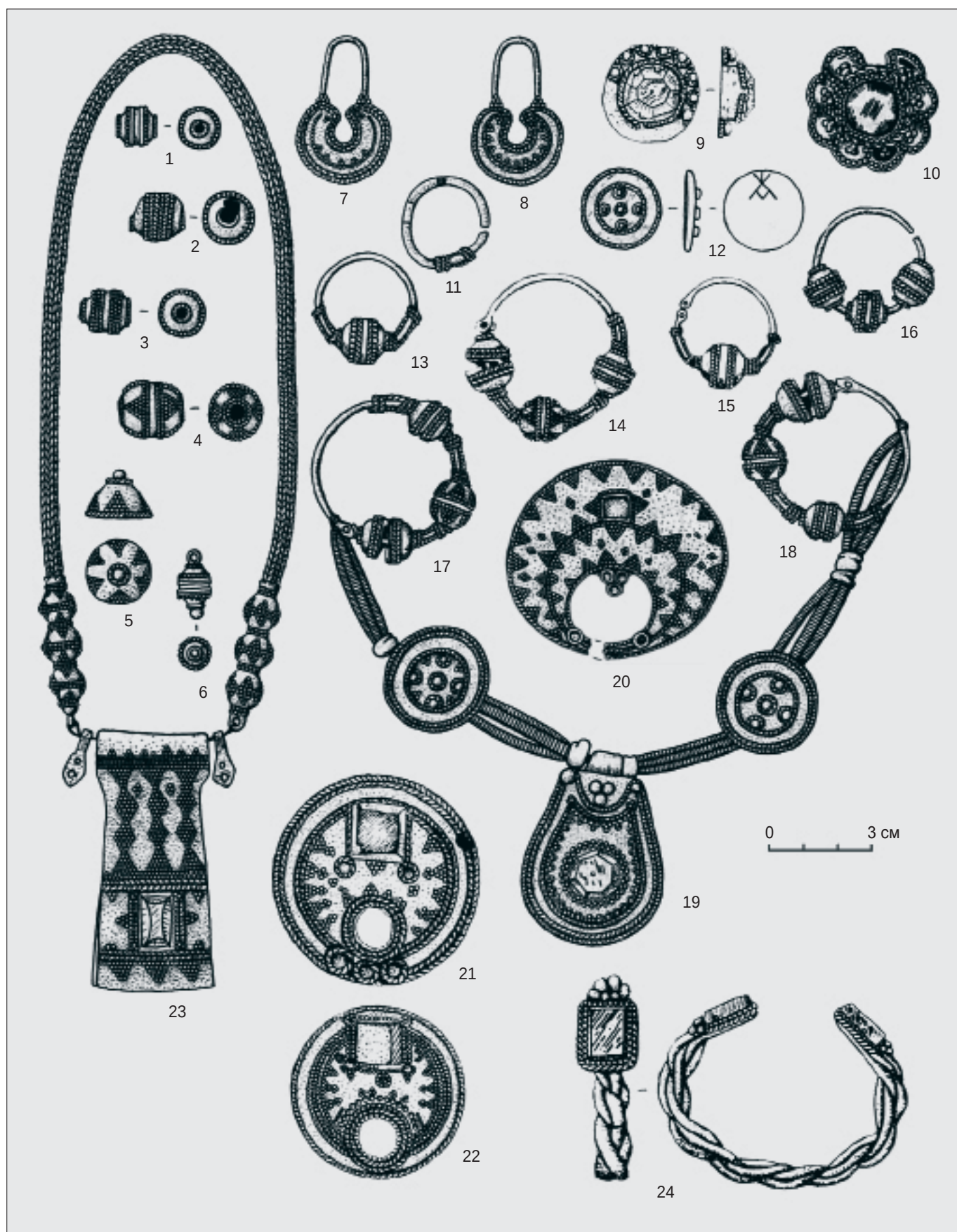

рис 32. Серебряные украшения со сканью и зернью из Вымских могильников XII–XIII вв. (по Э. А. Савельевой)

рис 33. Серебряные украшения из Кузьминского могильника (Удмуртия) XI – начала XIII вв. (по М. Г. Ивановой и К. И. Куликову). 1а, б, в; 2а, 3а – детали

рис 34. Серебряные (1–3) и бронзовые (4, 5) перстни из могильников Удмуртского Прикамья IX– X вв.

рис 35. Перстни из золота (2) и серебра из II Билярского (раскопки Е. А. Беговатова) (1), Измерского (2) и Остолоповского (сборы К. А. Руденко) селищ с лазуристовыми вставками (1, 2). Собрание БГИАПМЗ (1; 3) и НКЦ «Казань» (2)

рис 36. Серебряные перстни с шатонами (2–5) и с полусферическим верхом (1), XI–XII вв. из Билярского городища. Собрание НМ РТ

рис 37. Серебряные перстни со вставками из Большетарханского (Тетюшский район РТ) (3), Танкеевского (Спасский район РТ) (2, 4, 5) раннебулгарских могильников второй половины VIII – начала X вв., а также случайная находка у с. Измери (Спасский район РТ) (1) IX – начала X вв. Собрание НМ РТ

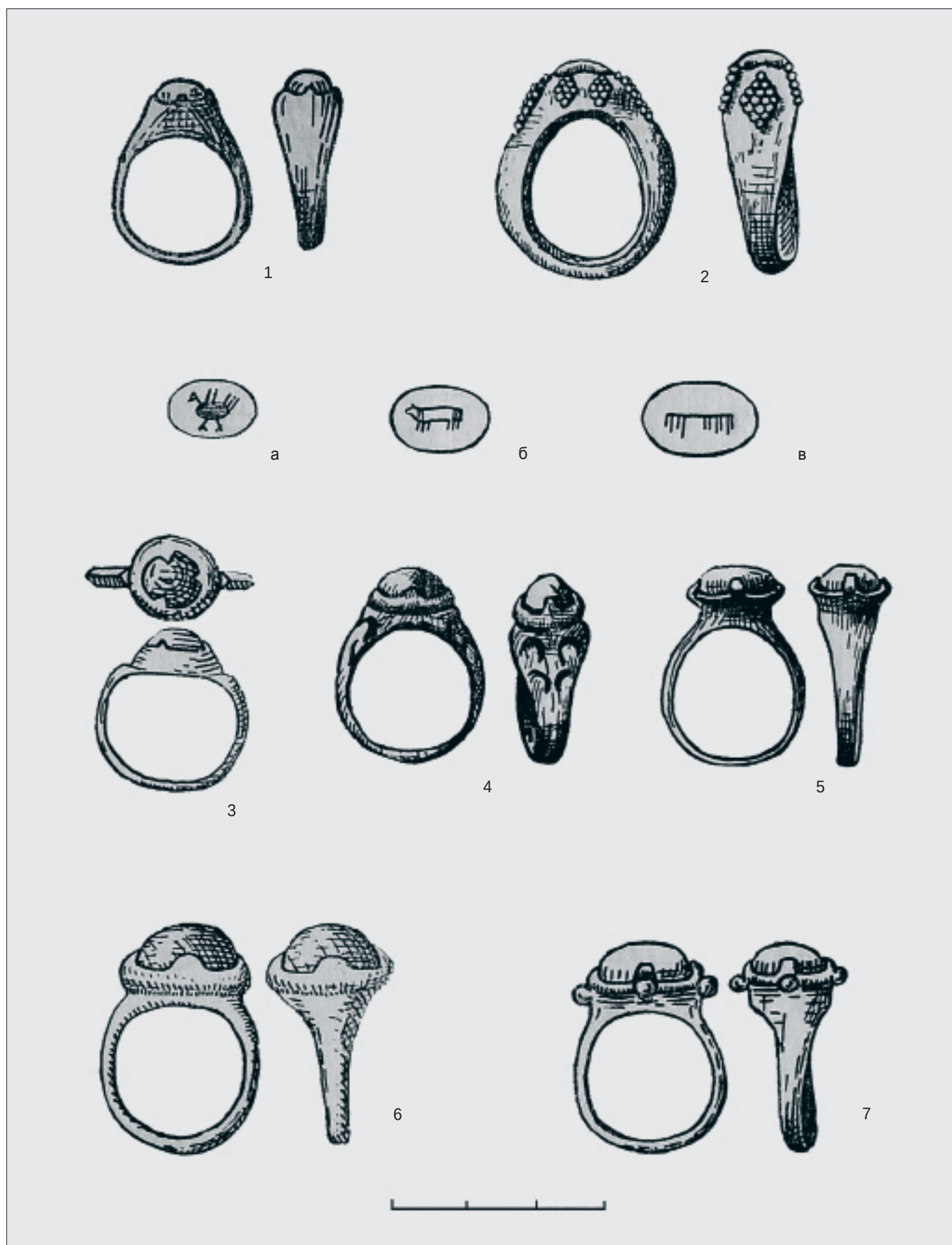

рис 38. Серебряные перстни со вставками из могильника Мыдлань Шай в Удмуртии, IX–X вв. (по В. Ф. Генинеу); а, б, в – знаки на перстнях

рис 39. Золотые перстни с шатонами (1–5) и детали пояса со вставками из бирюзы (6) из Булгара, XIV в. Собрание НМ РТ

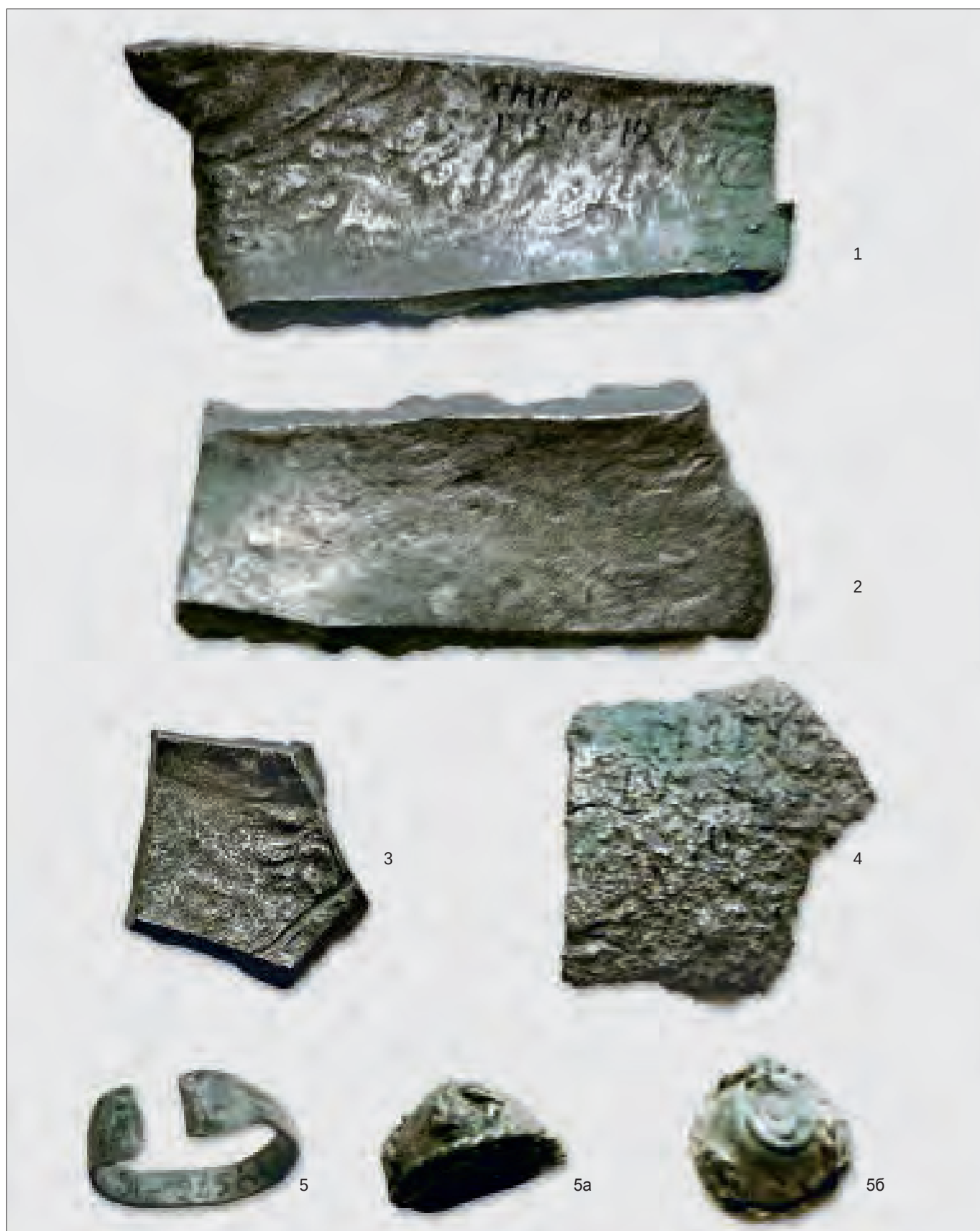

рис 40. Серебряные слитки (1–4) и перстень (5) из Именьковского клада (Паишевский район РТ). Собрание НМ РТ

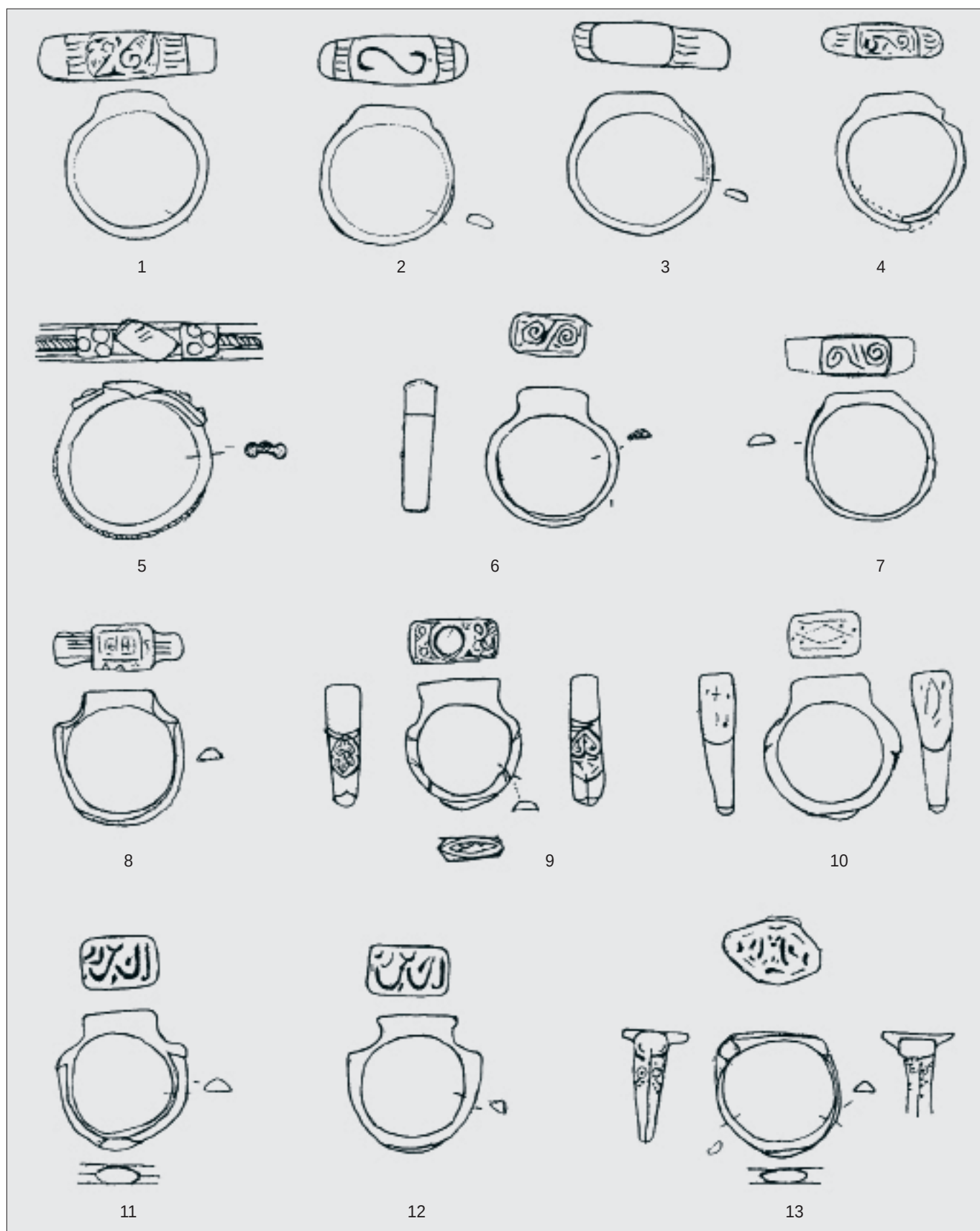

рис 41. Серебряные (1–9) и бронзовые (9–13) перстни. Булгарский улус Золотой Орды, XIV в. Собрание НМ РТ. Прорисовки К. А. Руденко. 1, 2 – Карашамский клад. 1 – НМ РТ, инв. № 11458; 2 – НМ РТ, инв. № 11456; 3 – НМ РТ, инв. № 12638 (1310), № спец. учёта 247; 4 – без шифра; 5 – НМ РТ, инв. № 7719-46, № спец. учёта 277; 6 – НМ РТ, инв. № 10411а; 7 – НМ РТ, инв. № 10411б; 8 – НМ РТ, инв. № 10411в (Булг.); 9 – 356/4, № спец. учёта 625; 10 – НМ РТ, инв. № 5466, ЭО 286/18; 11 – НМ РТ, инв. № 3006; 12 – НМ РТ, инв. № 5467; 13 – НМ РТ, инв. № 2877; 356/15

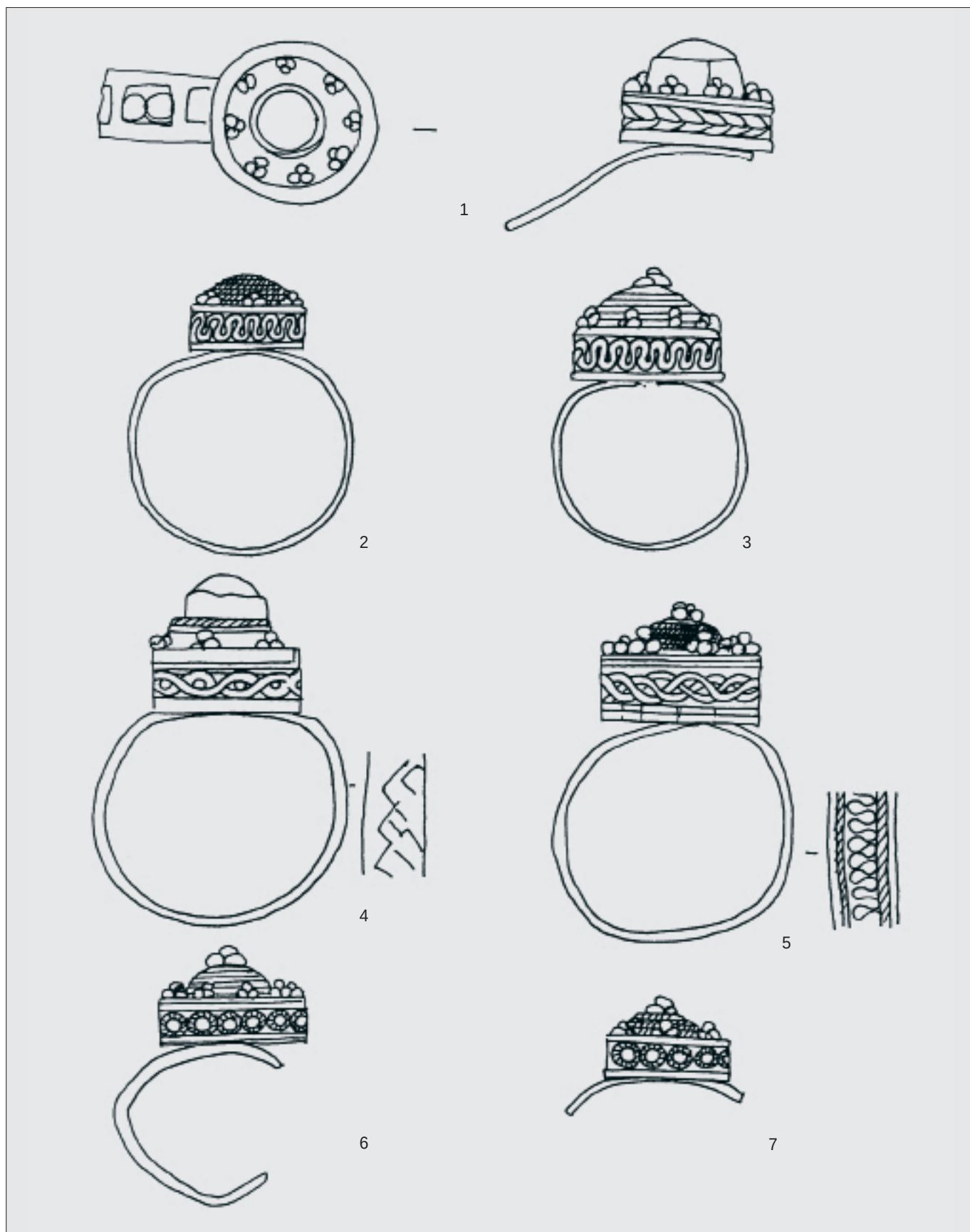

рис 42. Серебряные перстни из Булгара, XII–XIV вв. Прорисовки К. А. Руденко. 1 – НМ РТ, инв. № 1159, 99-17; 2 – НМ РТ, инв. № 99-24; 3 – НМ РТ, инв. № 116, 99-22; 4 – НМ РТ, инв. № 10206-20, 89-20, № спец. учёта 305; 5 – НМ РТ, инв. № 10211-18, 99-18, № спец. учёта 225; 6 – НМ РТ, инв. № 1165, 99-23; 7 – НМ РТ, инв. № 10211-16, 99-16, № 1158; № спец. учёта 311

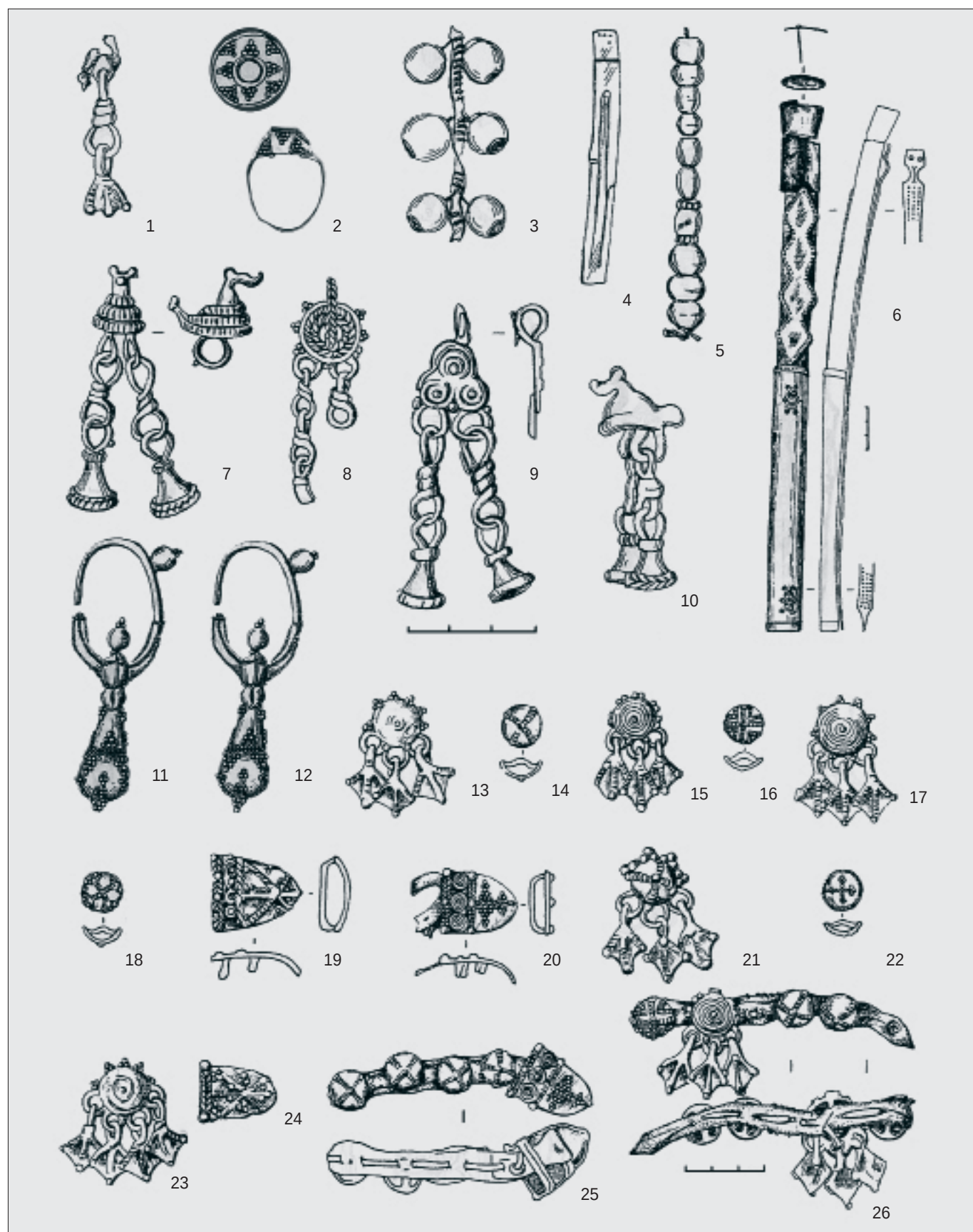

рис 43. Украшения из цветных металлов из Поломского II могильника (Удмуртия), вторая половина VIII – IX вв. (по Т.И. Останиной)

рис 44. Серебряные ножны из Поломского могильника VIII–IX вв. Раскопки В. А. Семёнова

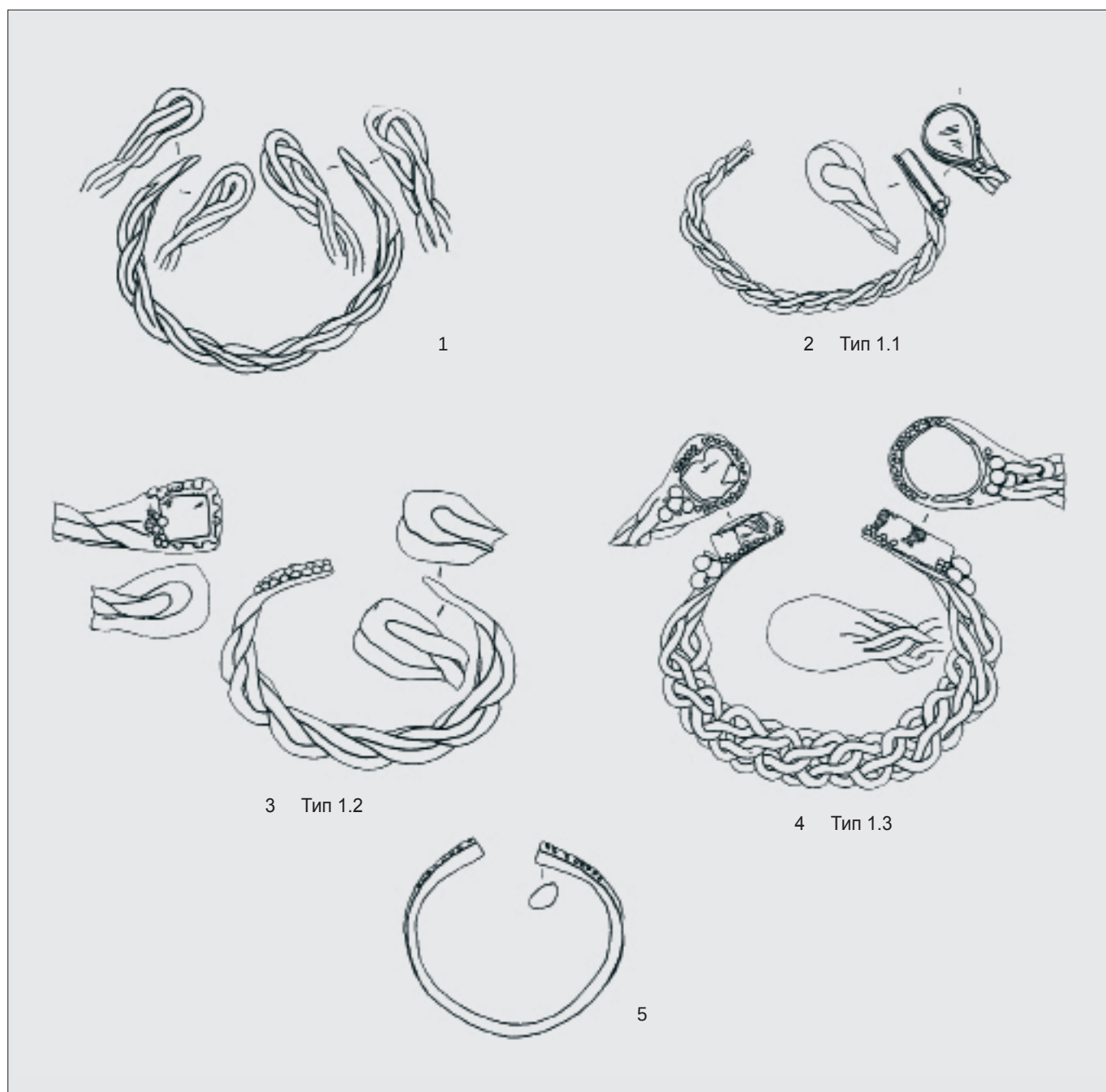

рис 45. Типы болгарских плетёных (1-4), дротовых (5) браслетов и вставки браслетов: а – сердоликовая бусина; б – стекло или горный хрусталь; в, г – фрагменты поливной керамики) (по К. А. Руденко)

рис 46. Серебряные пластинчатые браслеты с шато́нами. 1–3: Пермское Предуралье; 4, 4а - Кишерстский могильник; 5 – Ли́кинский могильник; 6, 7 – Заура́лье; 8 – Большо́й Моско́вский кла́д 1988 г. (по И. Ю. Пастушенко, А. М. Бела́вину; Т. Д. Па́новой; Н. В. Фе́доровой)

рис 47. Серебряная плетёная гривна с подвесками-лунницами из окрестностей г. Чистополя. Прорисовка К. А. Руденко

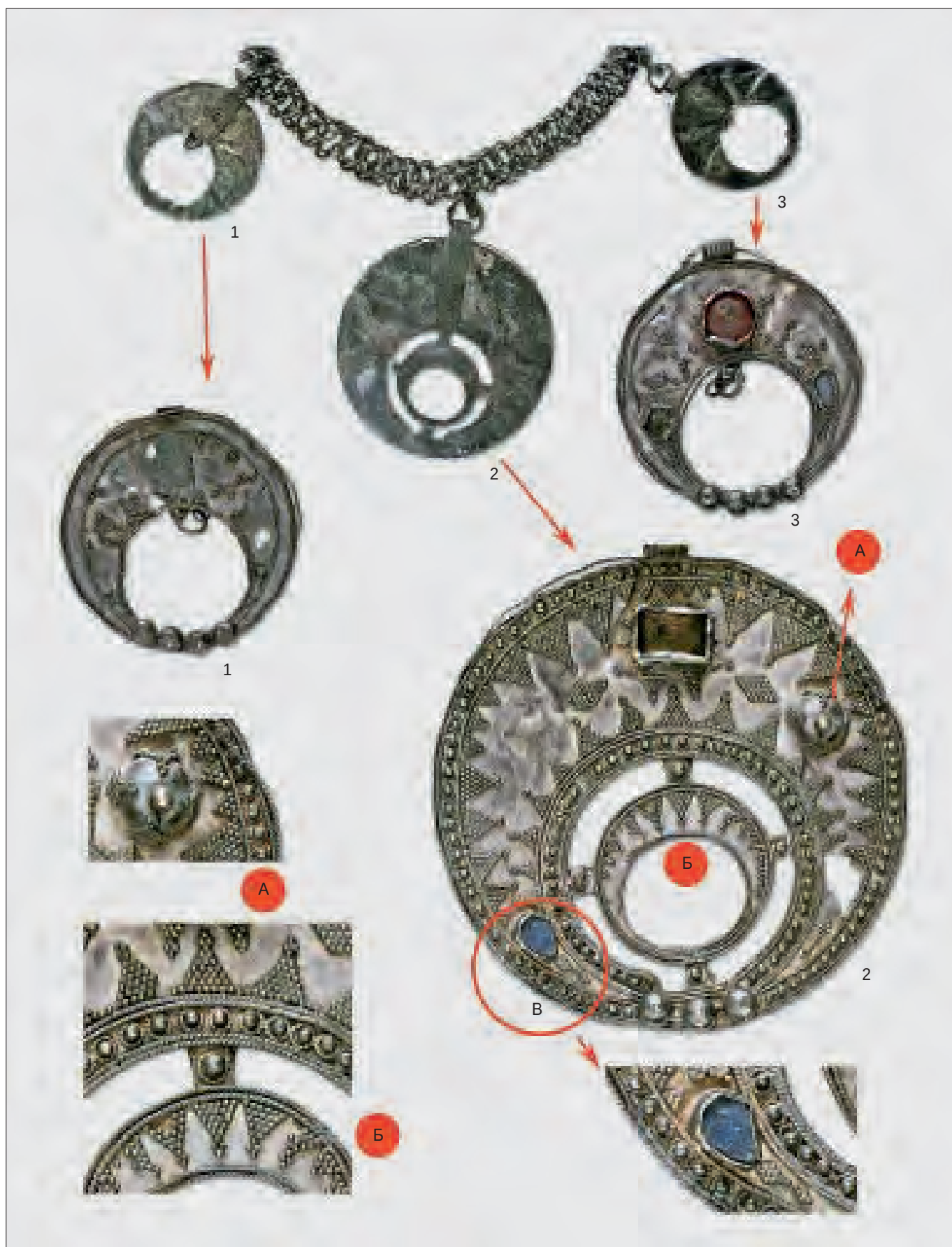

рис 48. Серебряная плетёная гривна с подвесками-лунницами из окрестностей г. Чистополя. Собрание НМ РТ. Детали

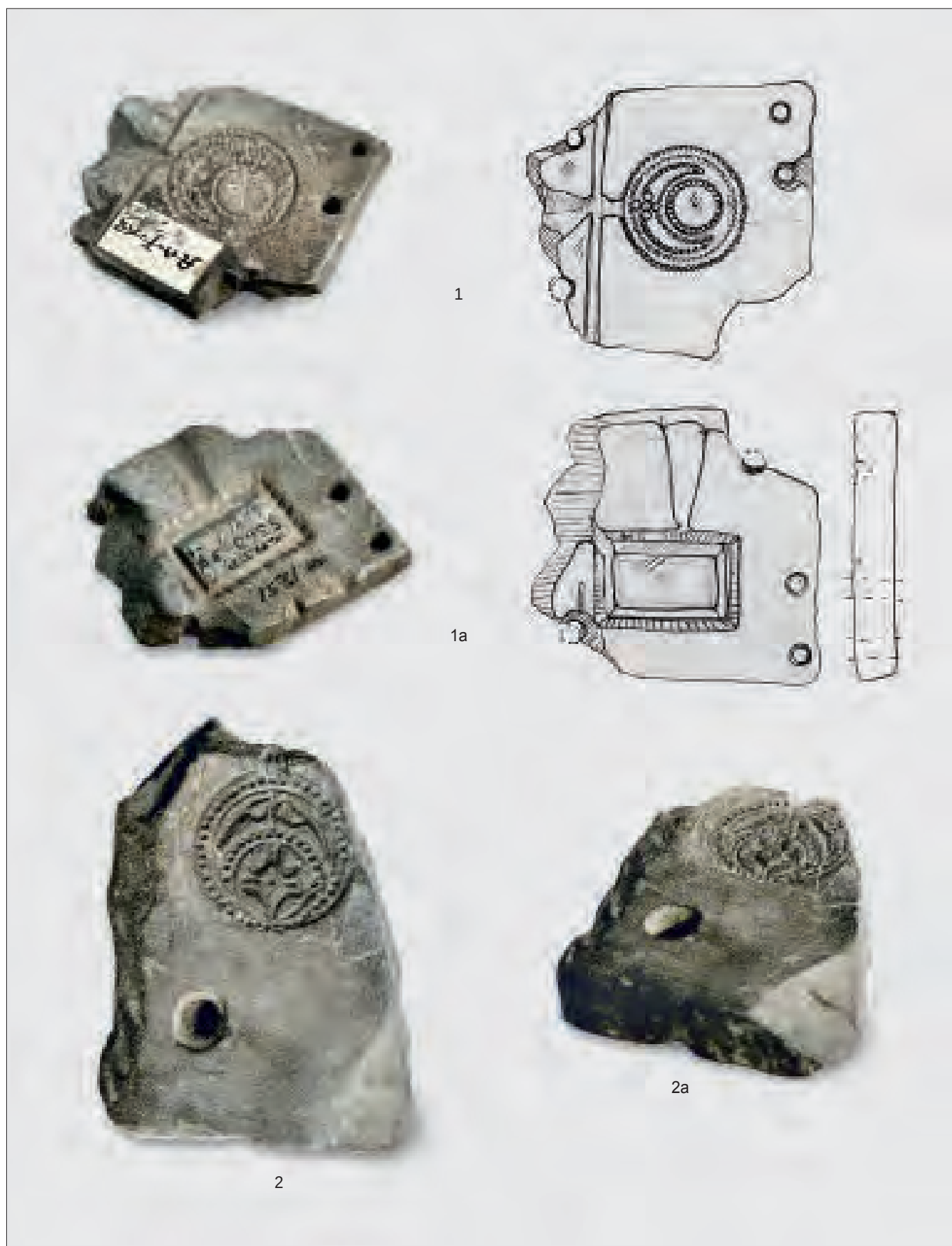

рис 49. Каменные литейные формы из Булгара. Прорисовки К. А. Руденко. Собрание НМ РТ, инв. № 5363

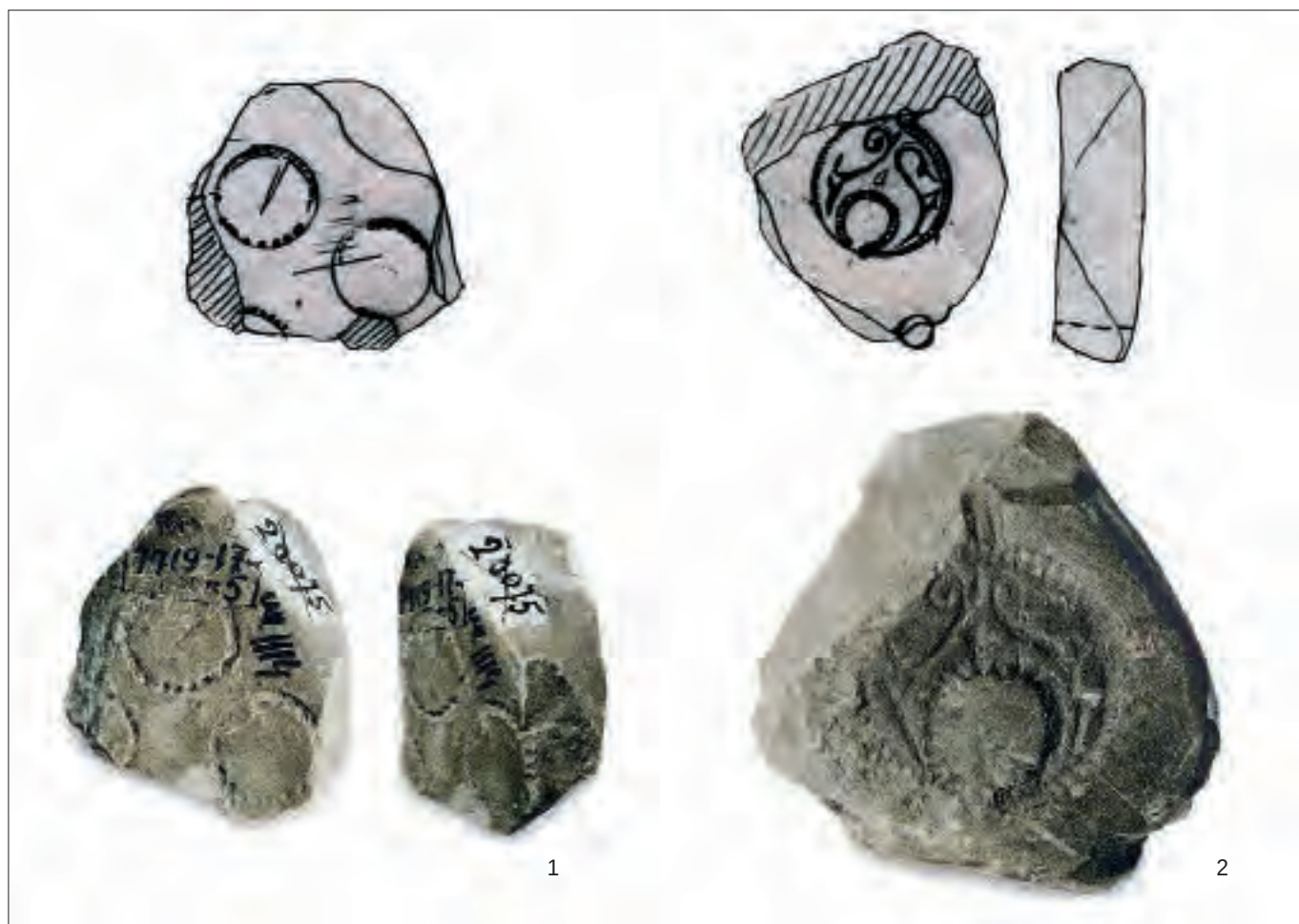

рис 50. Каменные литейные формы из Булгара для отливки украшений из свинцово-оловянистого сплава (1) и лунниц (2). Прорисовки К. А. Руденко. Собрание НМ РТ, инв. № 7719

рис 51. Каменная литейная форма для отливки лунницы из Булгара. Собрание НМ РТ

рис 52. Серебряные болгарские плетёные браслеты XI – первой трети XIII вв. Из собрания НМ РТ. Прорисовка К. А. Руденко

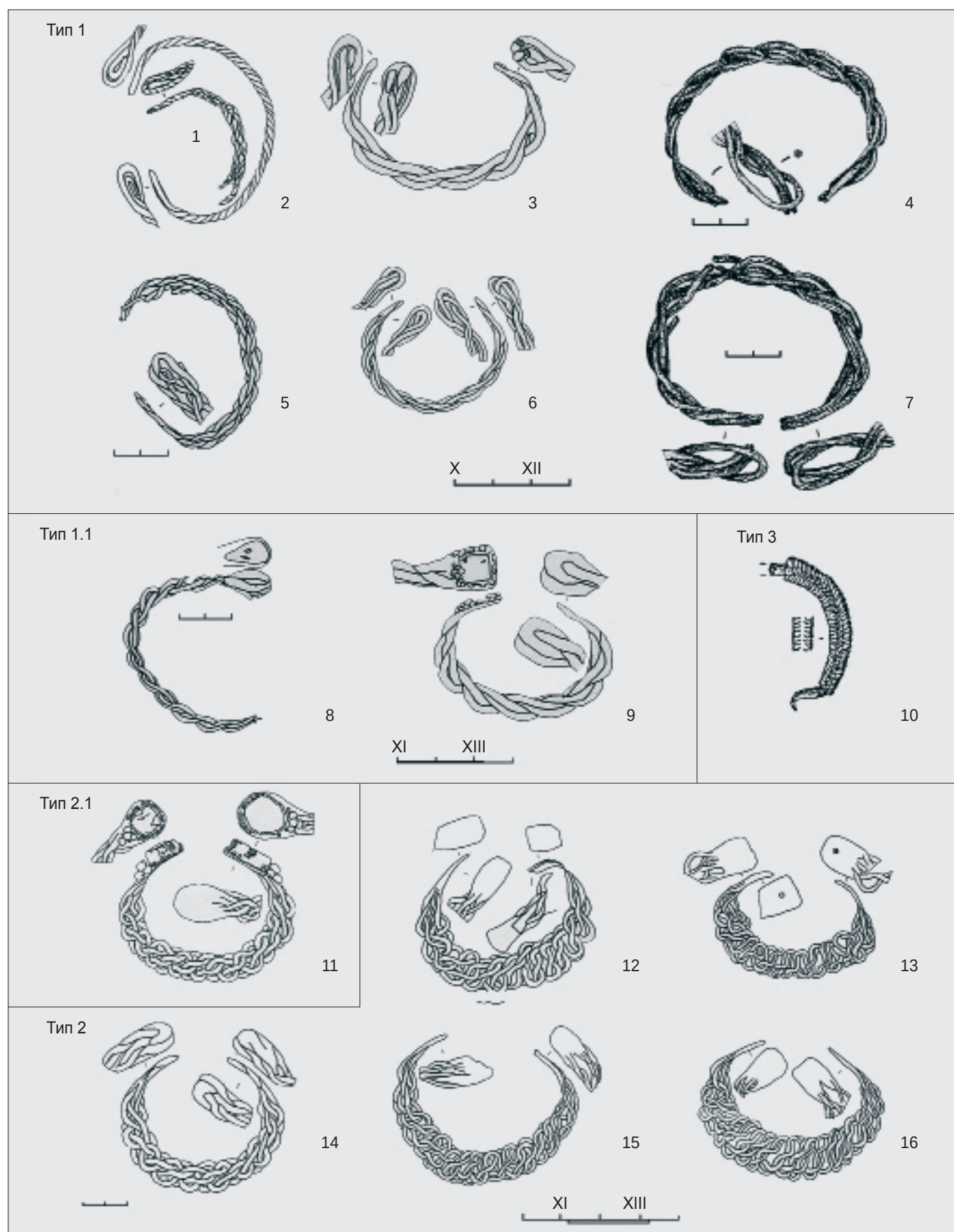

рис 53. Хронологическая таблица типов серебряных плетёных браслетов XI – первой половины XIII вв. из Волжской Булгарии и Золотарёвского поселения в Пензенской области (4, 7). Прорисовка К. А. Руденко. 4, 7 – по Г. Н. Белорыбкину. Составлена К. А. Руденко

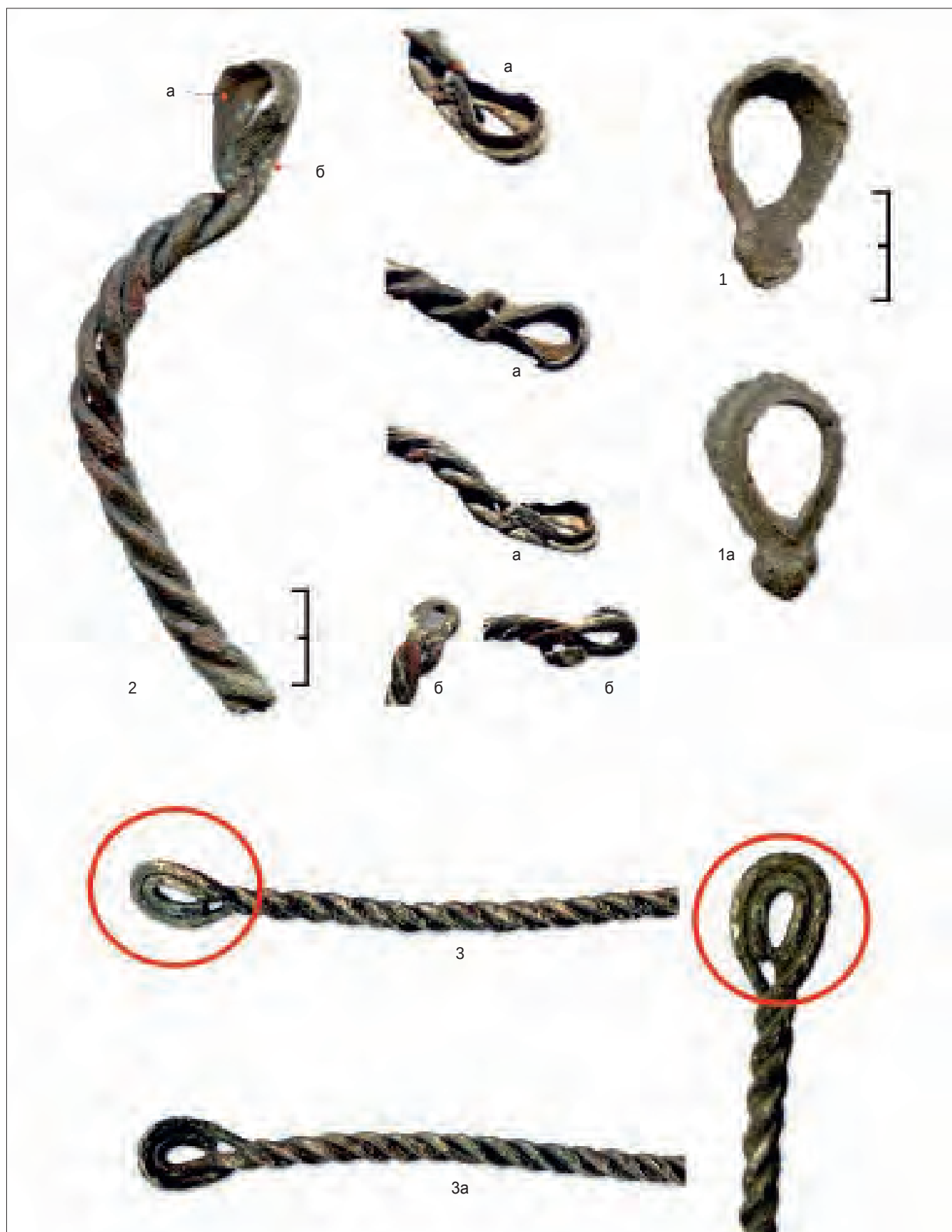

рис 54. Конструктивные элементы медных витых браслетов XI–XII вв. из Волжской Булгарии

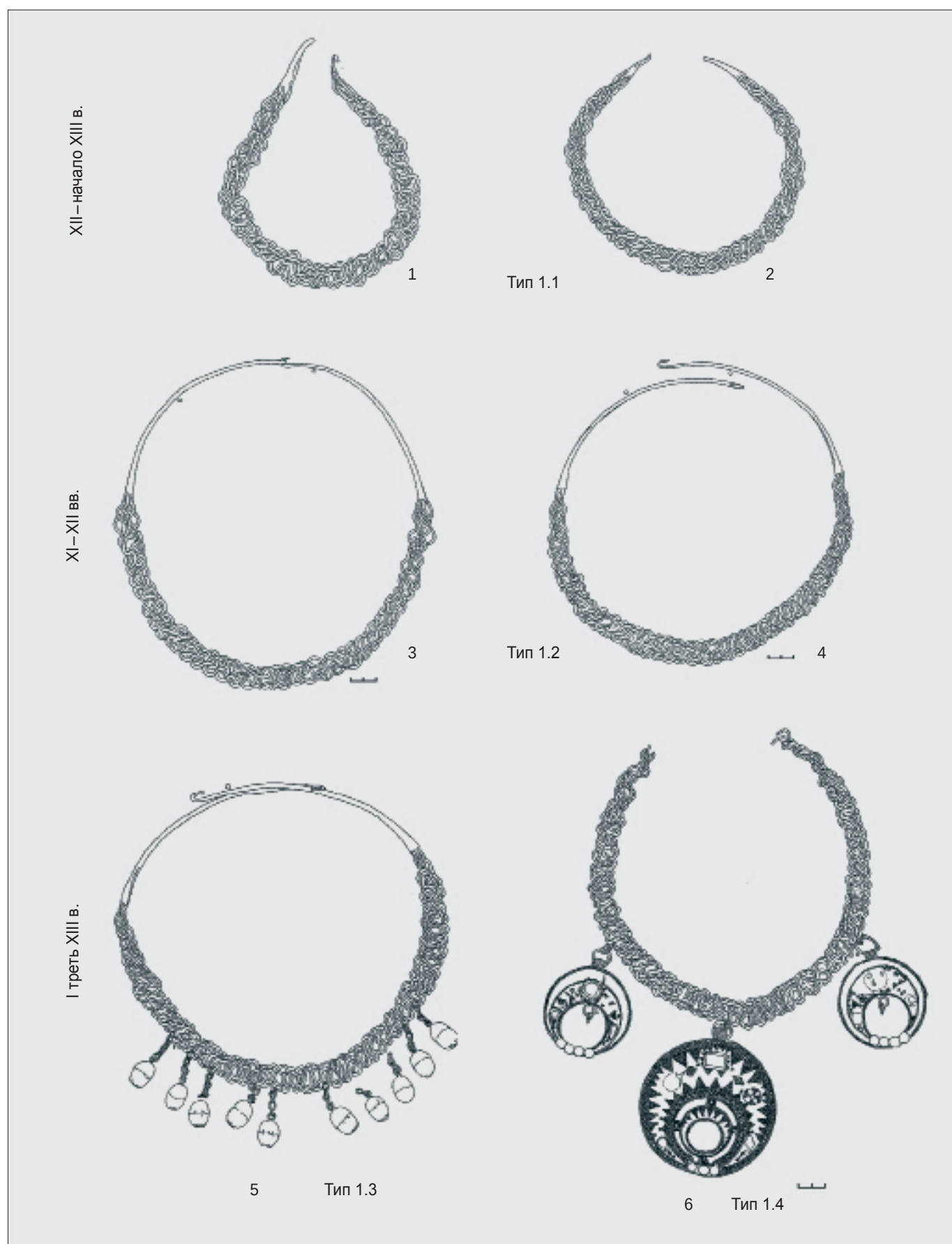

рис 55. Хронологическая таблица типов болгарских плетёных серебряных гривен. Составлена К. А. Руденко

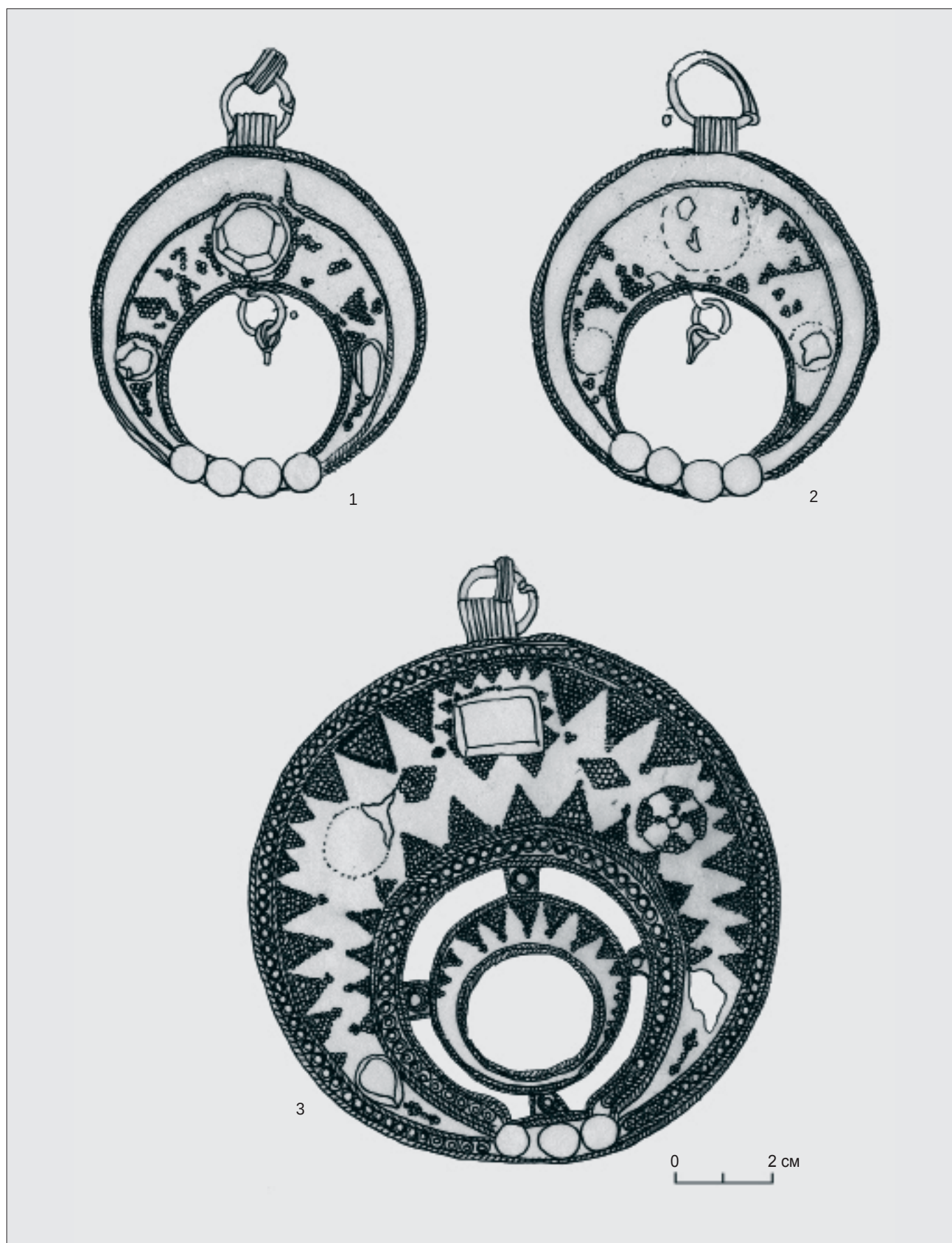

рис 56. Серебряная плетёная гривна с подвесками-лунницами из окрестностей г. Чистополя. Детали. Прорисовка К. А. Руденко

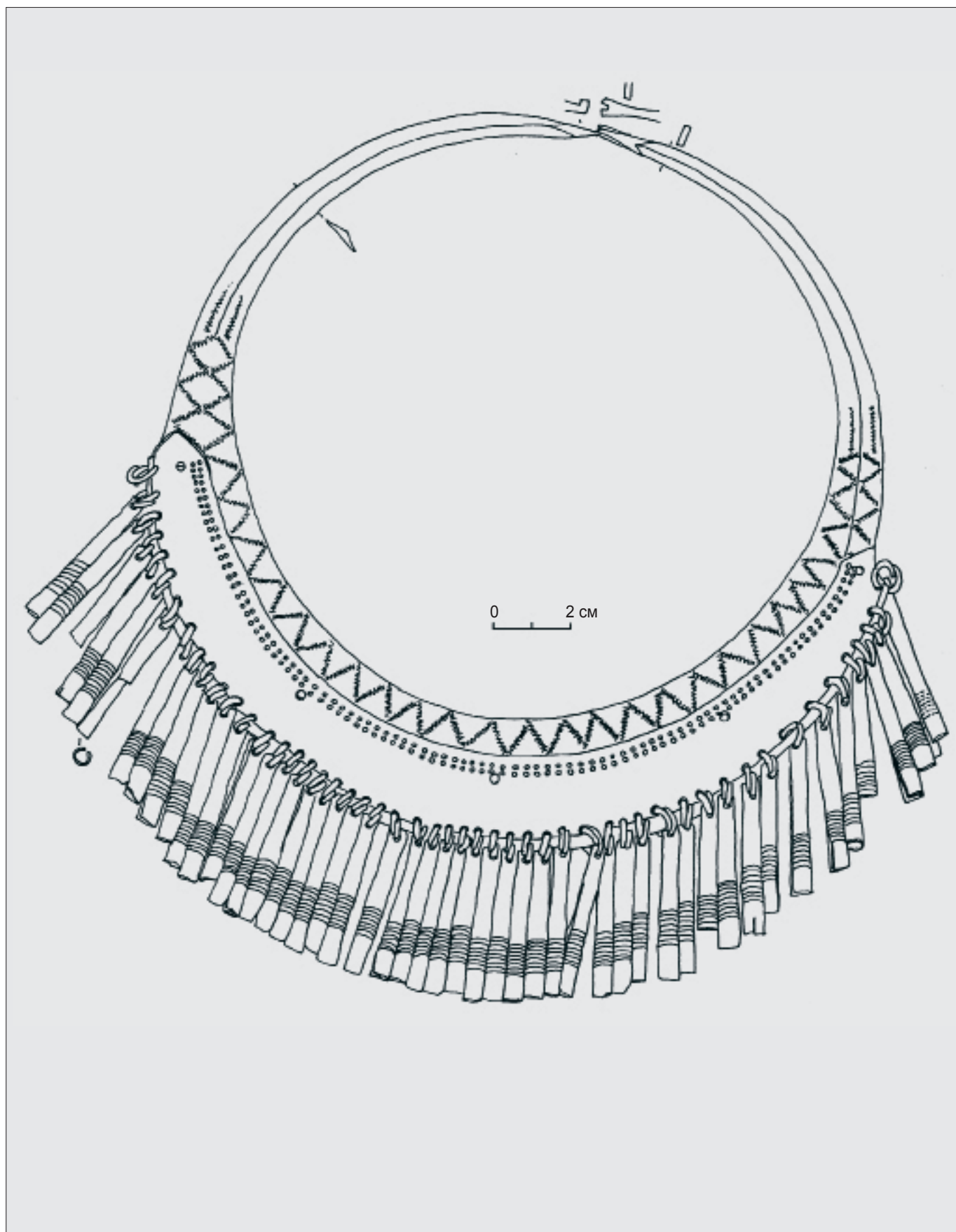

рис 57. Медная шейная гривна с подвесками из Танкеевского могильника. Раскопки Е. П. Казакова. Прорисовка К. А. Руденко

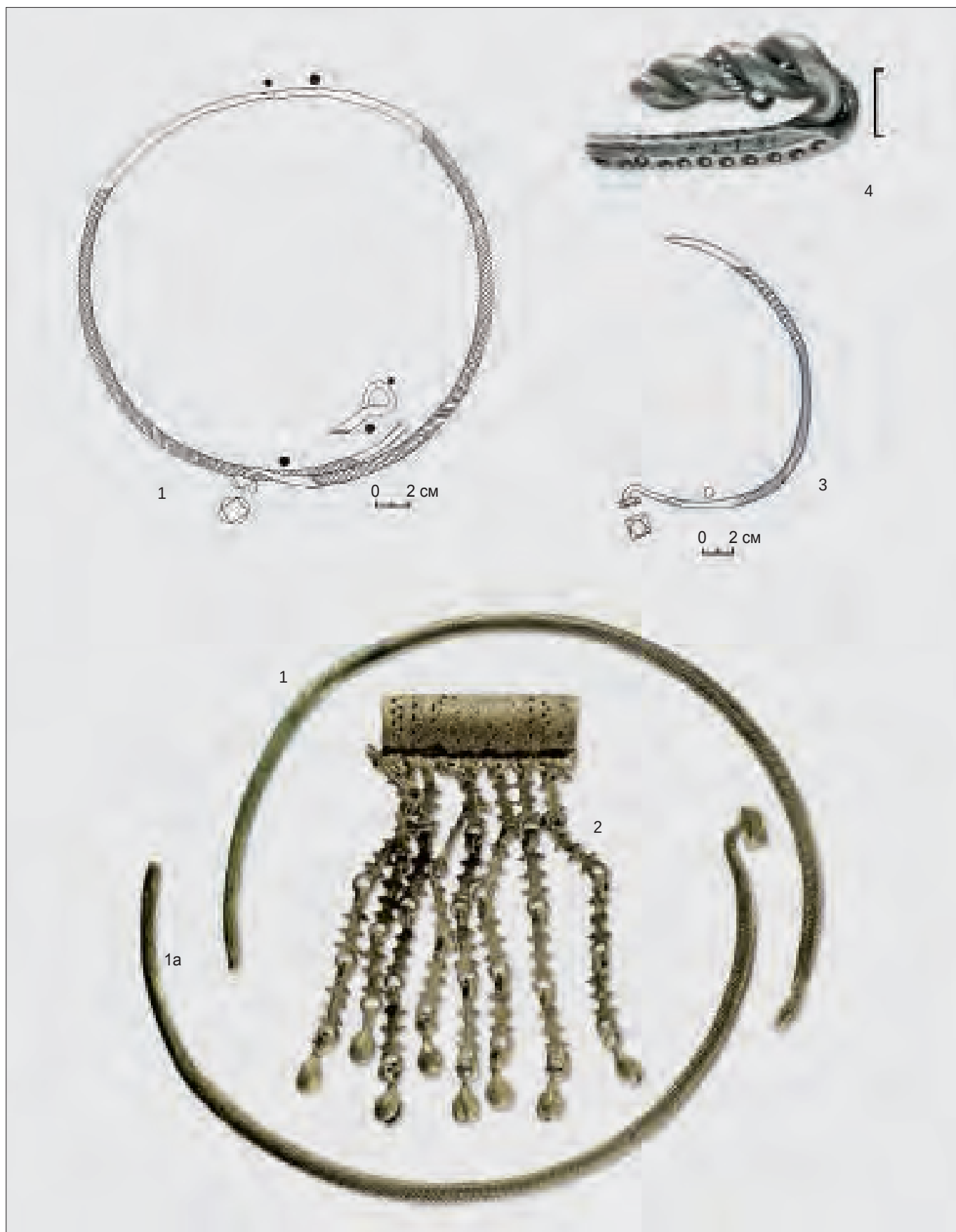

рис 58. Комплекс бронзовых шейных украшений из Танкеевского могильника (раскопки Е. П. Казакова): гривна (1; 1а) и шумящая привеска на гривну (2); прорисовка гривны (1б); деталь (3) и фрагмент гривны (?) с перевитью (4). 4 – собрание НМ РТ; остальное – АМ ИА АН РТ

рис 59. Гривна «глазовского» типа и серебряная плетёная гривна с подвесками-бубенчиками из Именьковского клада. Собрание НМ РТ. Прорисовки К. А. Руденко

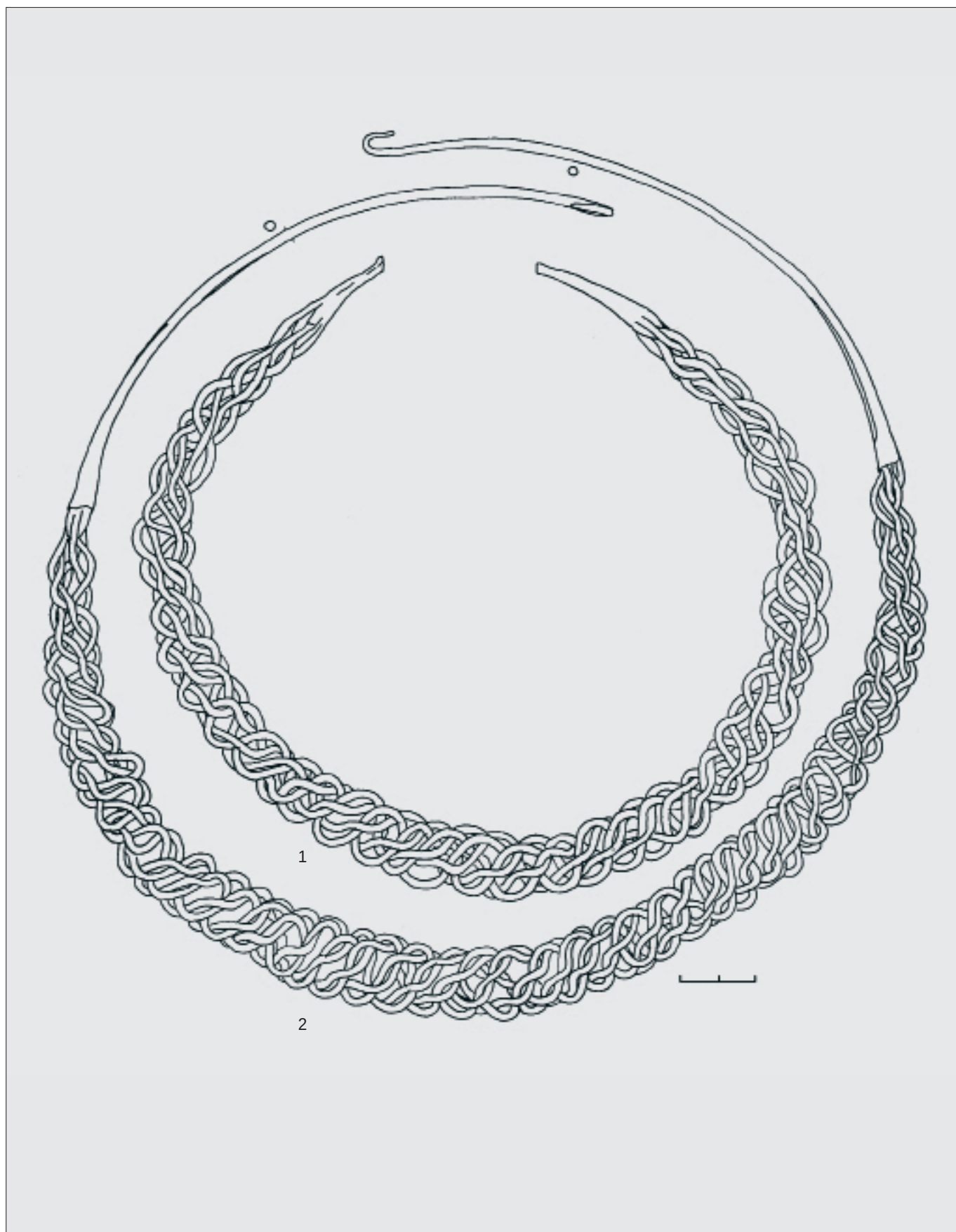

рис 60. Серебряные плетёные гривны из Булгара (?). Собрание НМ РТ. Прорисовки К. А. Руденко

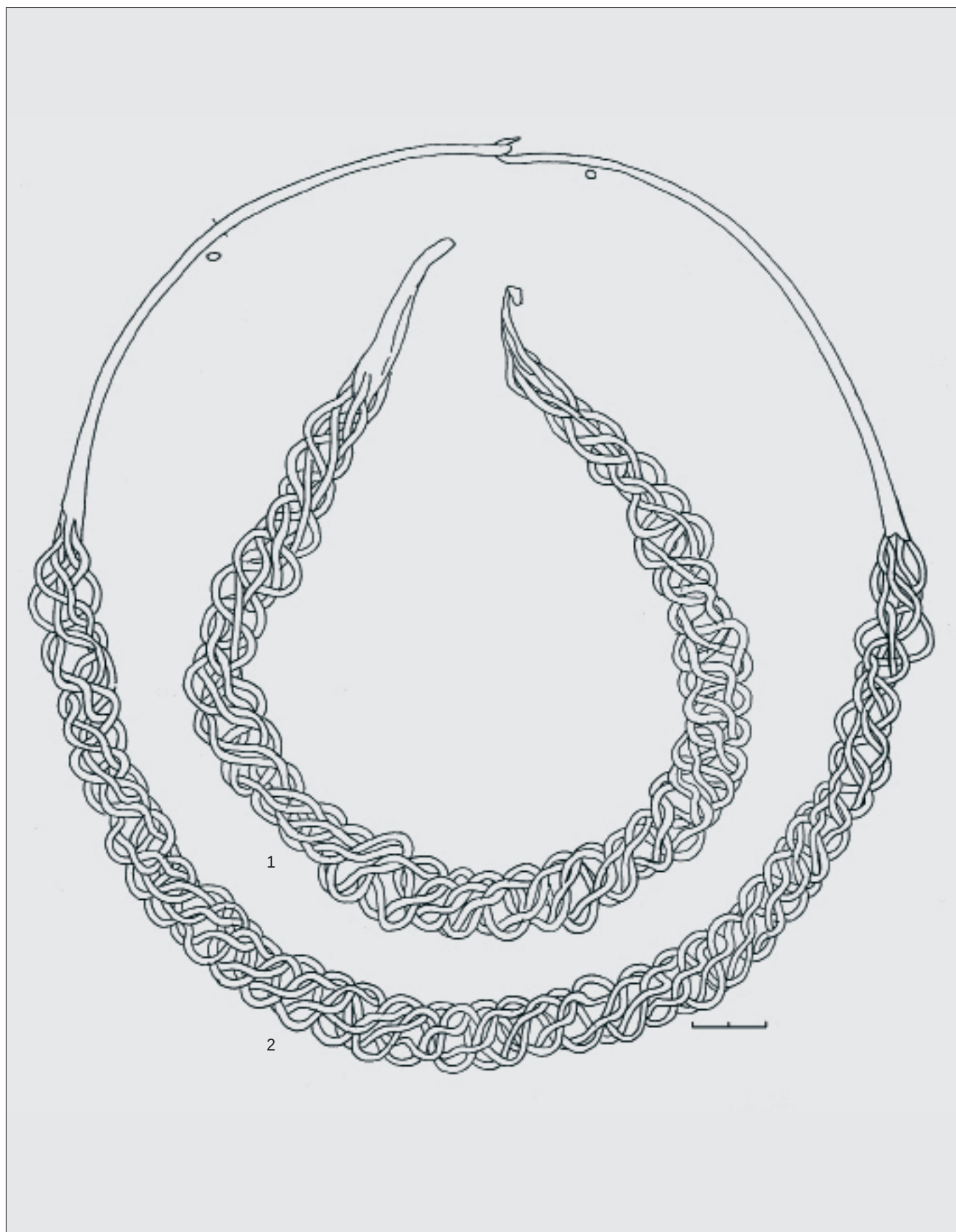

рис 61. Серебряные плетёные гривны из Булгара (?) (2) и IV Старокуйбышевского селища (1). Собрание НМ РТ и экспозиция НКЦ.
Прорисовки К. А. Руденко

*рис 62. Реконструкция костюма девушки из Танкеевского могильника. Фото М. М. Багаутдинова.
На фото – Р. В. Касимова*

рис. 63. Бронзовые накладки с Измерского селища второй половины X – начала XIII вв. Собрание НМ РТ

рис. 64. Серебряные цепочки с подвесками из Бутаевского клада, XIII в. Прорисовка К. А. Руденко

рис. 65. Серебряная цепочка из Билярска, XIII в. Собрание НМ РТ

рис. 66. Серебряные филигранные серьги. Вторая половина XIII–XIV вв. Прорисовка К. А. Руденко. Собрание НМ РТ

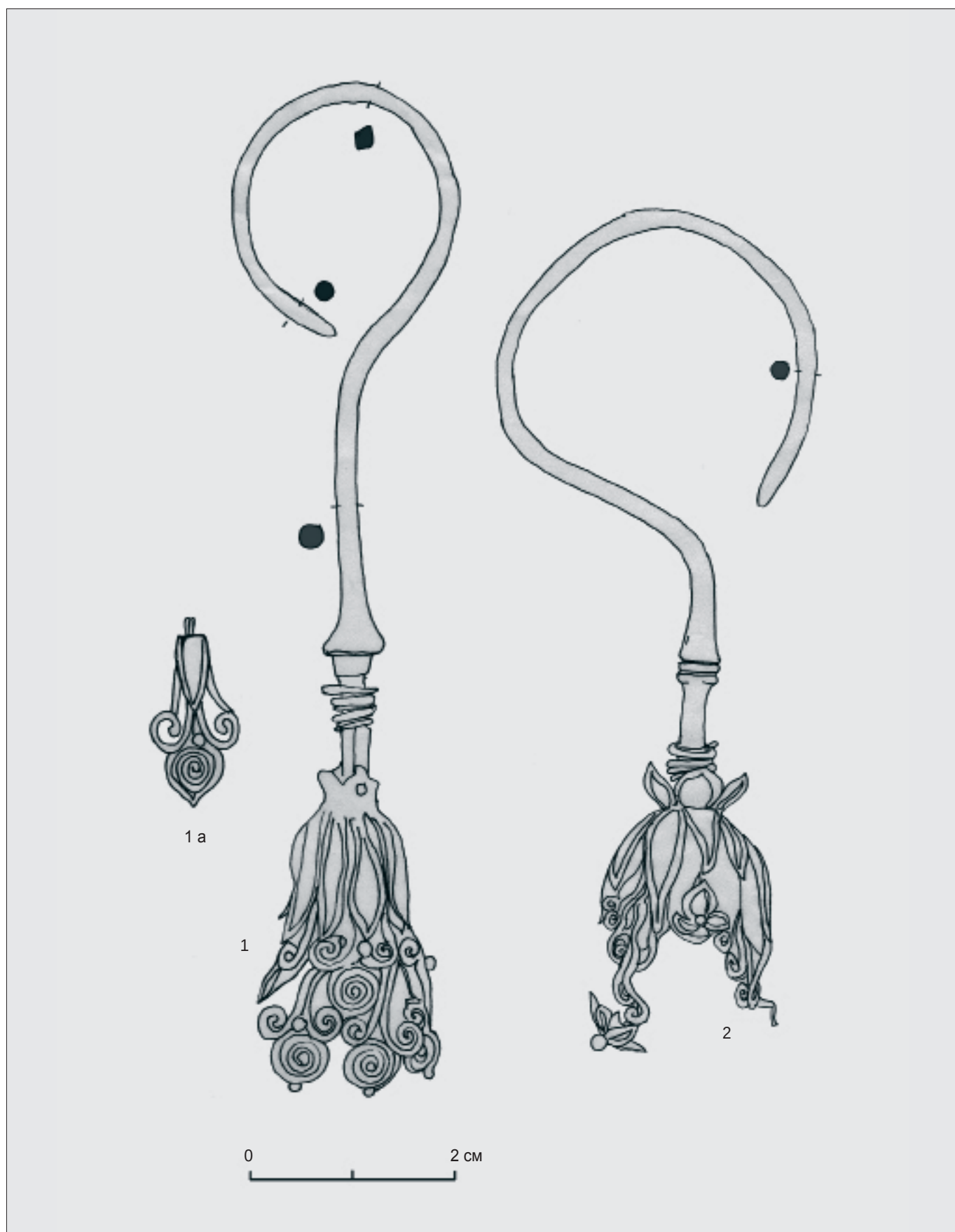

рис. 67. Серебряные филигранные серьги с окончанием в виде бутона цветка. Вторая половина XIII–XIV вв. Прорисовка К. А. Руденко. Собрание НМ РТ

рис. 68. Серебряные серьги в виде знака вопроса второй половины XIII–XIV вв. из Среднего Поволжья. №№ на рисунке соответствуют №№ каталога

рис. 69. Золотые, серебряные (№ 313) и медные (№ 408) серьги в виде знака вопроса второй половины XIII–XIV вв. из Среднего и Нижнего (д–к) Поволжья. №№ на рисунке соответствуют №№ каталога

Раздел I

IA - 1.1

IB - 1.1

IB - 1.2

IB - 1.3

IB - 2.1

Раздел II

IIA - 1.1

IIA - 1.2

IIA - 2.1

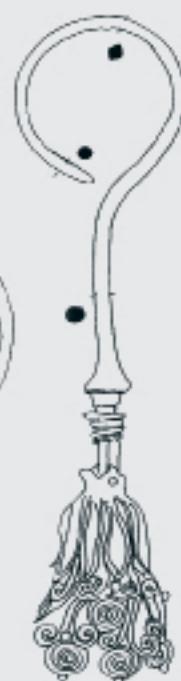

IIA - 1.2

IIA - 3.1

IIA - 3.2

IIA - 3.3

IIA - 3.4

рис. 70. Таблица типов серебряных серёг в виде знака вопроса. Составлена К. А. Руденко

рис. 71. Серебряные (322–324) и золотые серьги из Булгара, XIV в. Собрание НМ РТ и БГИАМЗ (287, 277) и аналогии им из Китая (а, б). №№ на рисунке соответствуют №№ каталога

1a

1

2a

2

рис. 72. Ношение серёг монгольскими правителями династии Юань. Китайские рисунки XIV в.

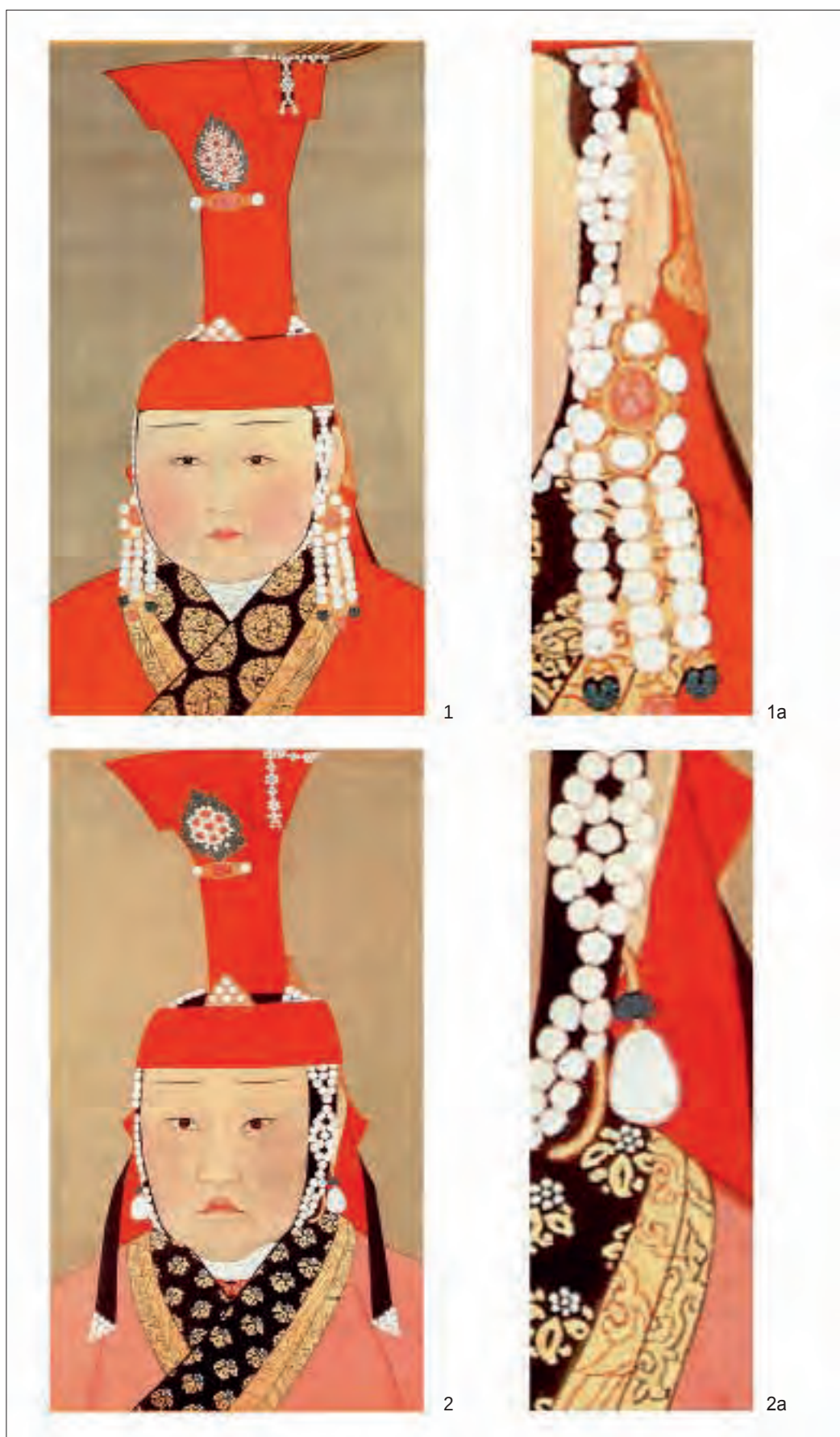

рис. 73. Ношение серёг монгольскими знатными женщинами династии Юань. Китайские рисунки XIV в.

рис. 74. Монгольский головной убор «бóкка» и его украшения. Династия Юань. Китайский рисунок XIV в.

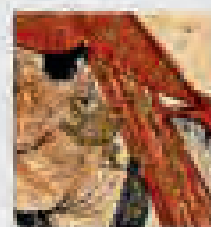
1

1a

2

2a

рис. 75. Двор и костюмы монгольских правителей. Миниатюры из «Сборника летописей» Рашидаддина (Рашидадин Фазлаллах ибн Абу-ль-Хайр Али Хамадани), XIV в.

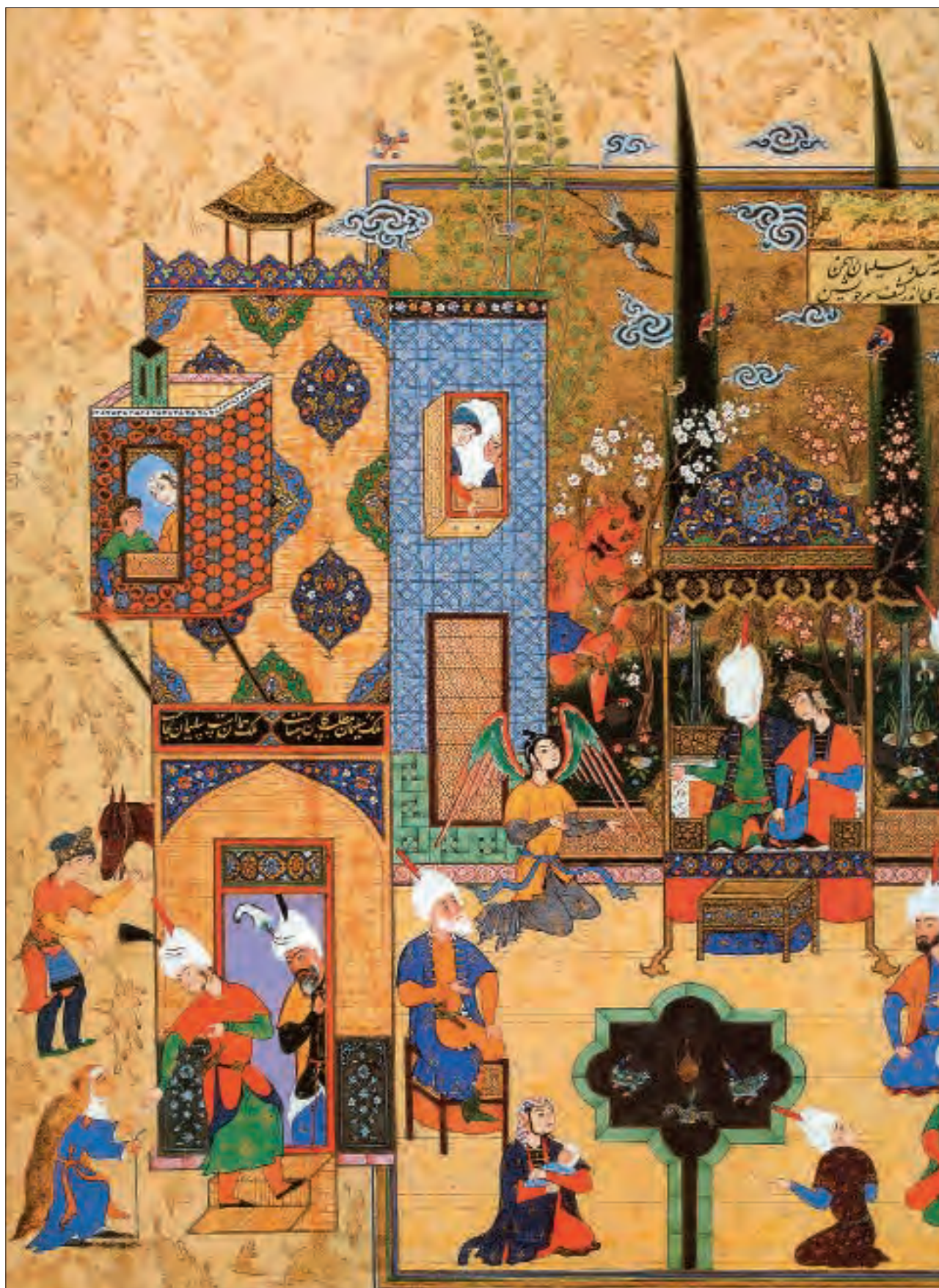
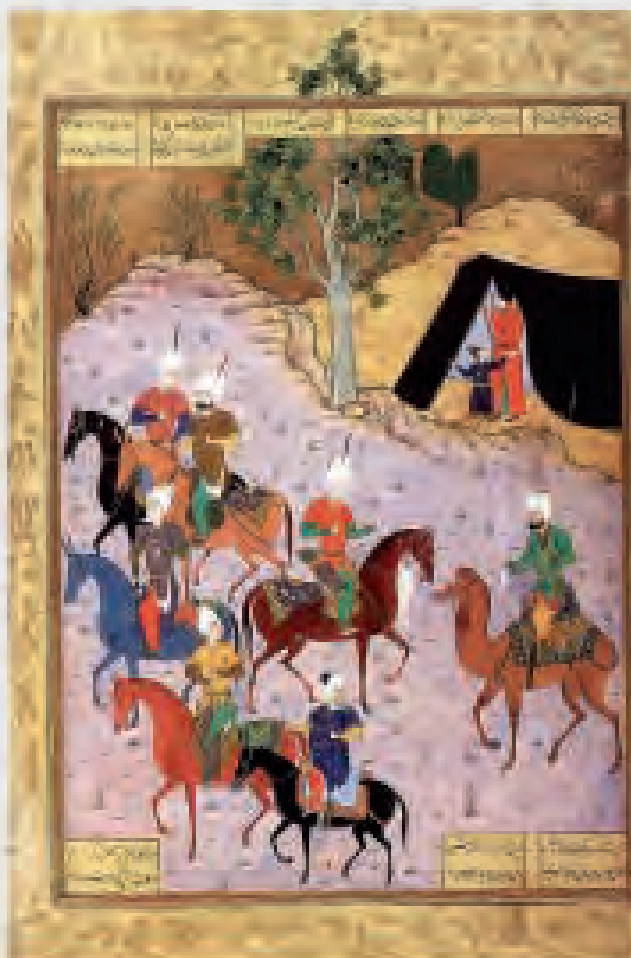

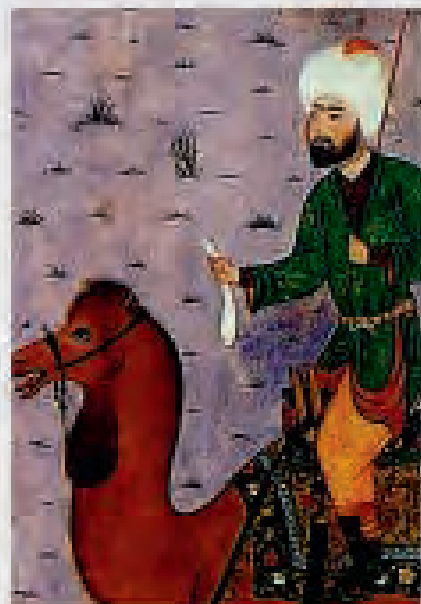
рис. 76. Иранская миниатюра XVI в.

рис. 77. Иранская миниатюра XVI в.

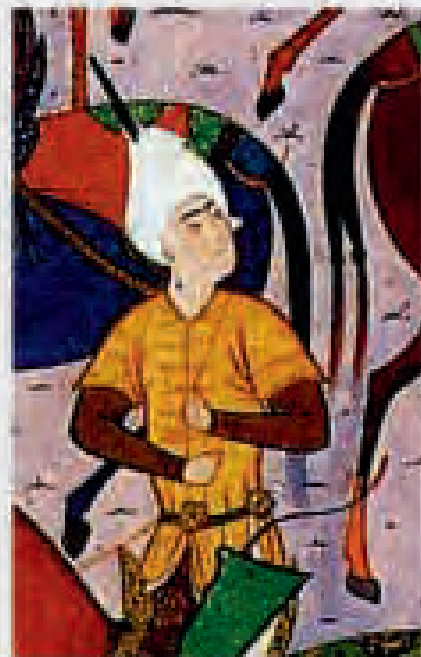
1

1a

16

1b

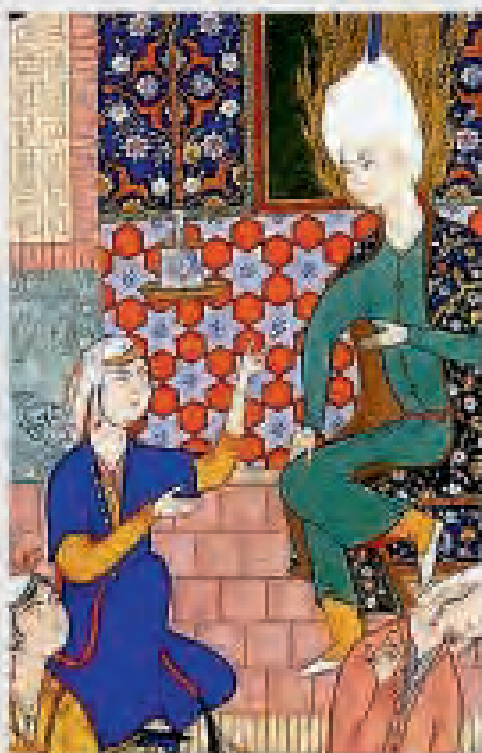
рис. 78. Серьги в мужском костюме: по иранским миниатюрам XVI в.

1

1a

16

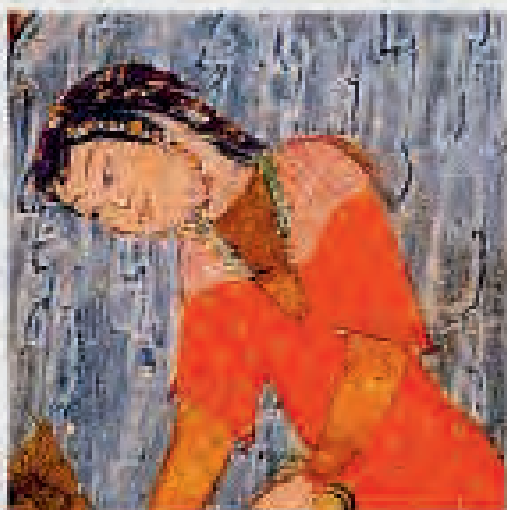

1b

рис. 79. Иранская миниатюра XVI в.: иллюстрация к «Сказанию о Юсуфе Прекрасном»

1

1a

1б

рис. 80. Украшения женской причёски. Иранская миниатюра к поэме «Хосров и Ширин» (сюжет: Фархад несёт на плечах Ширин и её коня), XVI в. Собрание ГЭ

ЧАСТЬ 3

**БУЛГАРСКОЕ ИСКУССТВО
ТИСНЕНИЯ, ШТАМПОВКИ,
ЧЕКАНКИ, ГРАВИРОВКИ
и ИНКРУСТАЦИИ**

Появление тиснёных (штампованных) изделий в Волго-Камье относится к добулгарскому времени. О них мы можем судить по находкам в Коминтерновском могильнике в Спасском районе Татарстана, который датирован VI–VII вв. н.э. [Казаков, 1998, с. 148, рис. 36–4]. Технология изготовления таких поделок была несложной. Процесс тиснения осуществлялся с внутренней стороны пластины с помощью шаблонов-маточников с позитивным изображением орнамента или с внешней стороны с применением негативной матрицы [Щеглова, 2004, с. 263]. Вместе с тем в болгарском ювелирном деле тиснение использовалось только как вспомогательный приём, хотя ассортимент изделий, где он применялся, достаточно широк.

Для изготовления накладок на пояс применялась комбинированная техника – литьё по восковой модели с использованием матрицы [Енисова, Мурашёва, 1998, с. 45], этот технологический приём, по мнению В.В. Мурашёвой, является характерным для второй половины X в. [Мурашёва, 1994, с. 20]. В более позднее время изделия, изготовленные таким образом, в Болгарии не встречаются. Они заменяются литыми поделками.

НАКЛАДНЫЕ ДЕТАЛИ БЫТОВЫХ ПРЕДМЕТОВ И ПОЯСОВ

В X – начале XI вв. в Пермском Предуралье и Марийском Поволжье получили распространение тиснёные серебряные накладки на поясные сумочки и кошельки, сделанные из разных материалов, в частности из хвоста бобра (**рис. 81**). Изготовление таких сумочек в Ветлужско-Вятском междуречье началось в первой половине X в. Анализ их, проведённый Т.Б. Никитиной, показал, что в большинстве случаев они производились непосредственно на месте их бытования (в Прикамье и Поветлужье), являясь маркером культуры населения этого региона [Никитина, 2013, с. 159].

В первой половине X в. у болгар бытовали поясные сумочки из кожи или ткани (размер: 5–6х13–15 см) с прокладкой из бересты, с обшивкой бисером и с металлической окантовкой (**рис. 81-4-6**), лировидной формы [Казаков, 1992, с. 142, 143, рис. 53-18-20], схожие с поясными сумочками из Пермского Предуралья, распространёнными во второй половине X – начале XI вв. [Крыласова, Бочаров, Бочарова, 1997, с. 120; Белавин, Крыласова, 2008, с. 358, рис. 176-1-4]. Такие же сумочки встречаются на северо-русских сельских поселениях X–XIII вв. [Зайцева, 2008, с. 78, рис. 64]. Кошельки с лировидным каркасом аналогичного типа в X в. получили распространение в прибалтийско-скандинавском регионе. Назначение их было универсальным [Варфоломеева, 1997, с. 111]. Какой-либо этнической нагрузки они не несут.

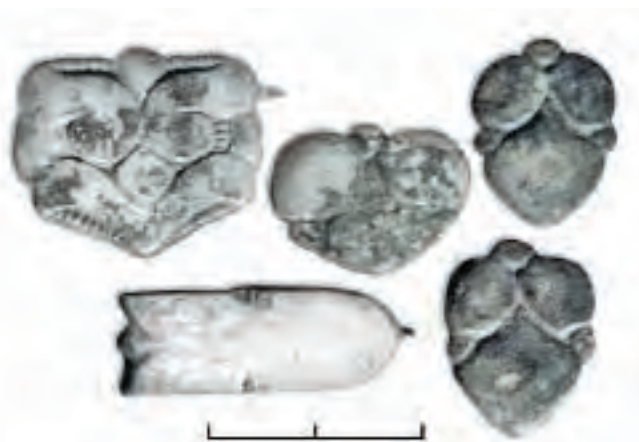
Сумочки из Прикамья и Поветлужья обнаруживают между собой генетическое родство, но при этом являются самостоятельными линиями развития данной категории изделий, что

отметила Т.Б. Никитина [Никитина, 2013, с. 160]. Обособились эти направления не ранее 70-х гг. X в. У болгар ни в раннебулгарский период, ни позднее не встречались сплошные пластины на такие изделия, как, например, в Предуралье с позолотой и рисунками (**илл. 387**) или в Поветлужье с чеканным орнаментом, обнаруживающим большую близость со сплошными накладками на поясные сумочки из Паннонии XI в. (**рис. 82-9–11**). К болгарским изделиям они не имеют никакого отношения.

илл. 387. Серебряная накладка на поясную сумочку. Прикамье (по А. М. Белавину и Н. Б. Крыласовой)

Другим видом болгарских изделий, созданных при помощи матрицы, хотя и по литой заготовке, являются накладки поясного набора, представленные находками из подъёмного материала с болгарских селищ низовий Камы [Руденко, 2001, с. 180–188] (**илл. 388**). Они изготовлены тиснением из серебра или сплава с его содержанием. Они очень тонкие и имеют чёткий негатив на обороте, как и чёткие контуры рельефного орнамента на лицевой стороне. Такого рода поделки с чер-

илл. 388. Серебряные накладки поясного набора начала XI в. с VI Алексеевского селища. Сборы К. А. Руденко. Собрание НМ РТ

илл. 389. Накладки на пояс, найденные у с. Дятлово (Зеленодольский район РТ), XI в. Собрание НМ РТ

илл. 390. Накладки поясного набора с древнерусского археологического комплекса у с. Минино (по И. Е. Зайцевой)

нением и позолотой производились в Хазарии в X в. и в это время встречаются в Причье и Поветлужье. Накладки такого рода изготавливались сериями, как комплект, для украшения пояса или уздечки. Подтверждением этому служат находки на поселениях X–XI вв. Древней Руси [Зайцева, 2008а, с. 95, 97, рис. 85]. При этом использовалось серебро разного качества, иногда со значительными примесями, как, например, дятловские находки с правобережья Волги (**илл. 389**).

Булгарские поясные накладки второй половины X – начала XI вв. изготовлены из более толстой серебряной (?) пластины по той же технологии [Руденко, 2001, с. 180–188] (**илл. 388**). Типологически близкие накладки на пояс встречаются на древнерусских поселениях X–XI вв. (**илл. 390**).

Отметим, что в IX – первой половине X вв. в могильниках раннебулгарского периода накладки, в том числе и серебряные, как и другие детали поясного гарнитура, в подавляющем большинстве случаев – литые; во второй половине X – первой половине XI вв. литые накладки преобладают, хотя доля штампованных артефактов (как правило, из серебра или сплава с его содержанием) увеличивается [Казаков, 1991, с. 130–132, рис. 44-5, 17, 18, 20, 22; 1992, с. 161]. В IX–X вв. штампованные накладки, иногда с позолотой, встречаются в могильниках Прикамья. Часть накладок из Большеитианского могильника также штампованная, хотя основная часть украшений и накладок там выполнена литьём.

илл. 391. Набор медных нашивных накладок из Билярского городища, XII – начало XIII вв. Собрание БГИАПМЗ

илл. 392. Золотые нашивные накладки из Билярского городища, XII–XIII вв. Собрание БГИАПМЗ

Также тиснением изготавливались небольшие *накладки-нашивки*. Материалом для них служили золото, серебро и медь. Зафиксировано несколько разновидностей таких изделий:

1. Плоские с 3–4 сквозными отверстиями у края, медные, в виде многолепестковой розетки (**15 экз.**, Билярское городище). Отштампованные стопки готовых накладок из меди найдены на Билярском городище (**илл. 391**). Серебряных изделий такого типа не встречено. Эти накладки могли использоваться и в качестве элемента декора кос или матерчатых диадем у девочек и девушек, как это было установлено по материалам могильника Мощевая Балка VIII–IX вв. на Северо-Западном Кавказе [Иерусалимская, 2010, с. 297–299]. В Биляре найдены золотые накладки такой формы [Руденко, 2011б, кат. №№ 40, 41, 42] (**илл. 392**). Они могли крепиться на плотную основу и быть украшением одежды, вместе с нашитыми нитками стеклянного бисера и мелких круглых накладок на подол верхней одежды. Такой вариант зафиксирован в женском погребении X в. на Нижней Волге [Шнайдштейн, 1989, с. 271].

Билярские находки датируются XII–XIII вв. Аналогичные им и по размерам, и по форме, но сделанные из золота, найдены на Билярском и Болгарском городищах.

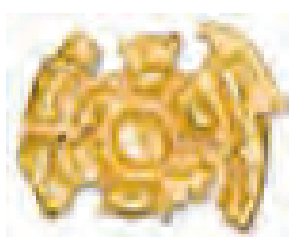
2. Объёмные накладки с низким бортиком в виде девятилепестковой розетки с 4 отверстиями в бортике (**36 экз.**, Бутаевский клад (23 экз.), Староальметьевские находки (13 экз.);

илл. 393. Серебряные накладки из Бутаевского клада, XIII в. Собрание НМ РТ

илл. 394. Золотая накладка из Булгара, XIV в. Собрание БГИАМЗ

илл. 395. Золотая накладка из Булгара. Собрание БГИАМЗ

кат. №№ 113–135, 137, 138) (**илл. 393**). Назначение у них, вероятно, аналогичное, что и у описанных выше. Датируются второй половиной XIII в. По форме им близки золотые накладки круглой формы с розеткой, вписанной в верхнюю плоскость накладки; лепестки розетки подработаны специальным инструментом (**илл. 394**) или с рисунком в низком рельефе в виде бутона цветка, состоящего из двух розеток – большой и малой (в центре) (**илл. 395**). Лепестки большой розетки также подработаны специальным инструментом. Пришивались накладки через отверстия в верхней плоскости, а не в бортике. Датируются они XIV в.

3. Объёмные накладки круглой формы с низким бортиком без орнамента (**6 экз.**, Бутаевский клад; **кат. №№ 135–138**). Входили в один комплект с накладками 2-го вида. Датируются второй половиной XIII в.

Других геометрических форм серебряных накладок не отмечено, хотя из золота в XIV в. изготавливались накладки квадратной формы, также с изображением розетки. Такая накладка имела 4 отверстия по углам (**илл. 396**). В коллекции БГИАМЗ имеются матрицы для таких накладок (**илл. 397**). Назначение этих накладок, кроме вышеуказанного, могло быть и иным, например, в качестве нашивок на пояс или бокку.

Известны медные нашивные плоские накладки крупных размеров и разнообразных форм и многочисленные матрицы для их изготовления домонгольского времени (**илл. 398**), которые найдены на крупных городищах, преимущественно на Билярском, на поселениях в низовьях Камы. Однако серебряные изделия, оттиснутые с помощью таких матриц, до нас не дошли, вероятно, из-за своей хрупкости.

илл. 396. Золотая накладка со стилизованным рисунком из Булгара. Собрание БГИАМЗ

илл. 397. Бронзовая матрица со стилизованным растительным орнаментом. Собрание БГИАМЗ

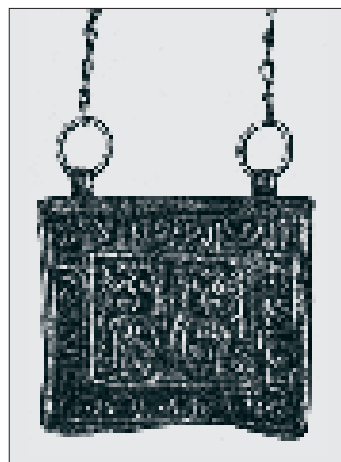

илл. 398. Бронзовая матрица для изготовления штампованных накладок из Булгара. Собрание БГИАМЗ

КАПТОРГИ

Тиснением была изготовлена основа *коробочки-капторга* из Спасского и Крещёноелтанского кладов (**рис. 8-1, 4**). Капторга из Спасского клада с черневым узором (рассмотрена выше) датируется XII – первой третью XIII вв. В рамках конца XII – XIII вв. датируется и вторая коробочка из Крещёноелтанского клада. На последней имеются изображения двух ланей и надпись в верхней части «ал-изз ва ал-икбаль» – «слава и счастье» (чтение и перевод А. А. Иванова), по бокам и внизу – эпиграфический

орнамент (**илл. 399**). Декор на ней отчасти соотносится с изображением лани на серебряной парной подвеске из собрания ГИМ (**см. ниже**). Изображение ланей – распространённый сюжет на китайских серебряных изделиях VI–VII вв. н. э. (**илл. 400**), люстровых сосудах второй половины XII–XIII вв., найденных на археологических памятниках в Иране и Азербайджане [China, 2004; Гюзальян, 1965, с. 80, 81, рис. 50; Классическое, 2013, 2013, с. 222, 223,

илл. 399. Серебряная капторга из Крещёноелтанского клада, конец XII–XIII вв.

кат. №52]. По этим аналогиям прототип изделия может быть датирован концом XII–XIII вв.

Определённое сходство этот сюжет обнаруживает с серебряными обкладками седла первой половины – середины XIII в. (*илл. 401*), а также бляхами поясного набора из Гашун-Уста, датированного М.Г.Крамаровским 1227 – серединой 1270-х гг. [Сокровища, 2000, с. 61, 63, 64, 157, 158, кат. №№ 17, 23]. По этим аналогиям капторгу можно было бы датировать 1240–1270-ми гг., однако состав клада расширяет эти хронологические рамки. В нём, кроме капторги, были браслеты с львиными личинами и два перстня, а также монеты 1312–1361 гг. Зарыт клад был в 1360-х – 1370-х гг. [Руденко, 2011б, с. 154]. Это даёт основание определить время бытования капторги концом XII – 70-ми гг. XIV в. Дату XIII–XIV вв. подтверждают изображения на накладках поясного набора из Барбашинского могильника в г. Самара [Археологические, 2012, с. 115, 117].

Не исключено, что капторга могла быть изготовлена в 50–80-х гг. XIII в. по матрице более раннего времени (матричная копия) на территории Булгарского улуса, что в целом согласуется и с другой категорией находок – металлическими церемониальными чашами с ручками в виде протом драконов (такая чаша была выявлена в составе находок из Гашун-Уста). В этом случае бытовала она достаточно долго и попала в клад спустя около 100 лет после её производства.

илл. 401. Обкладка седла. Серебро с позолотой. Великое Монгольское государство, середина XIII в.

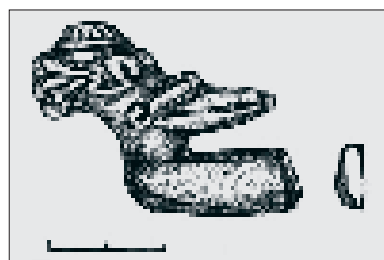

илл. 400. Серебряное блюдо с изображением лани. Китай, VI–VII вв. н. э. Деталь

ЦЕРЕМОНИАЛЬНЫЕ ЧАШИ С РУКОЯТКАМИ В ВИДЕ ПРОТОМ ДРАКОНОВ

илл. 402. Церемониальная золотая чаша с ручкой в виде протомы дракона. Улус Джучи, вторая половина XIII – рубеж XIII–XIV вв. Собрание ГЭ

илл. 403. Бронзовая матрица для изготовления ручек в виде протомы дракона, Булгар, вторая половина XIII в. Собрание НМ РТ. Прорисовка К. А. Руденко

илл. 404. Золотая рукоять в виде протомы дракона. Улус Джучи, вторая половина XIII – рубеж XIII–XIV вв. Деталь. Собрание ГЭ

В начале монгольской эпохи в Булгаре штамповкой¹ изготавливались ручки в виде голов драконов для церемониальных монгольских ковшей из золота и серебра (*илл. 402*). Три экземпляра матриц для изготовления ручек для таких ковшей были найдены на Болгарском городище (*рис. 83*). Они отливались из бронзы и служили для изготовления одной половинки ручки [Руденко, 2006г, с. 240–243] (*илл. 403*). Вполне вероятно, что часть серебряных и золотых чаш, найденных на Нижней Волге, с ручками в виде драконов (*илл. 404*) были изготовлены мастерами в районе города Булгар в 1243–1250 гг. Об этом косвенно свидетельствует находка серебряной чашечки в Бурундуковском кладе (вместе с монетами чекана Булгара) начала – первой половины 1260-х гг. в Апастовском районе РТ, опубликованном Г.А.Фёдоровым-Давыдовым [Фёдоров-Давыдов, 1991, с. 181, рис. 1].

¹ М.Г.Крамаровский предположил, что они сделаны выколоткой по матрице [Сокровища, 2000, с. 160].

МОНЕТЫ И МОНЕТОВИДНЫЕ ПОДВЕСКИ

Булгарская чеканка ярко проявилась в изготовлении собственных **монет** в начале X в. Они выпускались на протяжении всего X в. (**рис. 86**), составляя относительно небольшую часть по сравнению с тем потоком восточного монетного серебра, который поступал в Северную и Восточную Европу. При этом, наряду с оригинальными булгарскими монетами X в., выпускались и монеты-подражания (**рис. 87**), а также литые копии или монетовидные подвески [Лебедев, Беговатов, Храмченкова, 2012, с. 163–174] (**рис. 88**). Монеты булгарского чекана в X в. изготавливались, в основном, для внешнего рынка, оседая вкладах или в захоронениях разных народов лесной зоны Восточной Европы. Здесь есть как булгарские монеты, так и монеты с именами среднеазиатских правителей, но чеканенных в Булгаре [Крыласова, Бочаров, Бочарова, 1997, с. 124, табл.]. Не меньшей популярностью пользовались литые монетовидные подвески как с булгарских монет, так (что гораздо чаще) с восточных вообще. Они, кроме того, нередко встречаются на булгарских памятниках конца X–XI вв.

Начиная со второй половины XIII в. чеканка серебряной и медной монеты в Булгарском улусе продолжилась. Короткое время чеканил монеты Биляр, во второй половине XIII – XIV вв. выпускал серебряные дирхемы монетный двор Булгара. Данная категория артефактов имеет разные аспекты исследования, связанные не только с изучением вопросов денежного обращения, но и с художественным исполнением монетной легенды, её содержанием и оформлением, как отражение политической и идеологической системы государства [Настич, 1990, с. 130, 131]. Но это выходит за рамки данной работы.

МЕДНЫЕ И БРОНЗОВЫЕ СОСУДЫ

Крышка от сосуда, сделанная из тонкого медного листа, найденная на Болгарском городище (**рис. 85**), украшена стилизованным эпиграфическим орнаментом по краю и растительным побегом с бутонами цветов, вписанных в изгибы стебля. В центре – небольшая полусфера, верх которой украшен геометрической розеткой. Фон рисунков и «надписи» подчеркнуты оттисками пуансона. Элемент рисунка в виде линии, заканчивающейся тремя точками (**рис. 85-1г, е**), как и оформление фона пуансоном, встречается на изделиях из Хорасана и Мавераннахра X–XI вв. вплоть до XIII в.¹ Изготовлена эта крышка, как и сосуд, к которому она прилагалась, за пределами Волжской Булгарии.

¹ Выражаю благодарность А. А. Иванову за консультацию по атрибуции этого изделия.

ЭЛЕМЕНТЫ КОНСКОГО СНАРЯЖЕНИЯ

Серебряная подвеска-погремушка на конскую упряжь (**кат. № 151, илл. 405**). Сделана из серебра низкого качества и состоит из двух круглых половинок, соединённых четырьмя клёпками с полусферической головкой. В центре на верхней пластине сделана выпуклая полусфера, украшенная растительной четырёхлучевой розеткой из кринов. По краю – орнамент в виде растительного побега из полупальметт. Фон украшен мелкими оттисками пуансона и позолочен. Внутрь полусферы помещён небольшой шарик. Крепилась подвеска с помощью двух сквозных отверстий. По краям её расположены 4 крупных полусферических заклёпки.

илл. 405. Орнамент на серебряной подвеске-погремушке из Булгара, вторая половина X – начало XI вв. Прорисовка К. А. Руденко

Такие подвески-погремушки, меньшего размера и не так пышно украшенные, встречаются в составе украшений конской упряжи IX–XI вв. из курганного могильника Верхний Балыкей-II (курган № 5, погр. № 1), который В. А. Кригер относит к захоронениям огузско-печенежской группы, а Е. В. Круглов – к огузским [Кригер, 2012, с. 152, 175, рис. 19-3; Круглов, 2001, с. 406, 413, рис. 6-1]. Однако (кроме размеров и орнаментации), огузские бляхи, в отличие от рассматриваемой, жёстко крепились сверху и снизу на налобном ремне оголовья [Гаврилина, 1993, с. 84, рис. 1-7, 8]. Ближе они к налобным бляхам-погремушкам листовидной формы ремней оголовья конской упряжи в сrostкинской культуре Южной Сибири X–XI вв. Небольшие бляхи-бубенчики в этой культуре встречаются на ремнях-накрупниках в конской упряжи этого же времени [Горбунова, 2010, с. 57, 92, рис. 25, 54].

В X в. это был характерный тип украшений среди населения левобережья Нижней Волги, имеющий генетическую близость со среднеазиатскими бляхами-решмами, известный по росписям в Пенджикенте и по археологическим находкам

VII–IX вв. [Гаврилина, 1993, с. 79, рис. 2]. Однако на них нет орнамента, и крепятся они по-другому.

Круглые клёпки и сквозные отверстия на одной из сторон бляхи встречаются на мадьярских подвесках из Паннонии, пуансонный орнамент имеется на одной накладке на сумочку (рис. 42-8), хотя в данном случае эти детали не являются определяющим или датирующим признаком [The ancient, 1996, p. 217, 218, fig. 2].

Орнамент в виде растительного побега на этой бляхе похож на декор блюда X в., отнесённого к изделиям «венгерского круга» (рис. 21-2; илл. 148-36). Однако высокий уровень исполнения, пуансонный фон и позолота на бляхе из Булгара отличают её от изделий, относимых как к венгерскому, так и к болгарскому кругу X–XI вв. из Предуралья, указывая только на общий источник заимствований общих композиционных схем и мотивов.

Наиболее близкими подвесками-погремушками являются сбруйные украшения (решмы) из Чернигова [Орлов, 1983а, с. 32, 33, рис. 2-5; 3-1]. Отличают их от подвески из Булгара два признака – форма и размер: они листовидные и в три раза меньше. Декор черниговских бляшек – пуансонный фон, растительный побег как основа орнамента с использованием таких элементов, как черта с кружочком, «перетяжка» основания трилистника встречаются на рассматриваемом изделии [Орлов, 1986, с. 433; 1984, с. 32]. На украшении из Булгарии мы видим и полусферические заклёпки, которые в XI в. превращаются в декоративные элементы на украшениях поясного набора [Орлов, 1984, с. 37, рис. 8-4]. Также фон орнаментального пояса позолочен, что характеризует, по мнению Р.С. Орлова, византийское влияние, проявившееся в ювелирных изделиях Южной Руси в конце X – начале XI вв. [Кубышев, Орлов, 1982, с. 238–246] (илл. 406). В целом, сочетание северопричерноморских приёмов оформления декора с черниговскими «мотивами» позволяет предположить, что это изделие изготовлено в Среднем Поднепровье во второй половине X – начале XI вв. в великокняжеских мастерских в столичном городе или удельном в Киевской Руси как часть богатого набора воина или торговца [Орлов, 1983а, с. 44, рис. 11; 1984, с. 42; 1983, с. 37; Новое, 1981, с. 307].

илл. 406. Серебряные украшения конской уздечки с чернью и позолотой, конец X – начало XI вв. Византия или Южная Русь. Собрание ГИМ

Примечательно и то, что на многих производственных принадлежностях, например, литейных формах для отливок накладок на пояс, найденных в ювелирной мастерской киевского Подола, есть арабские надписи [Орлов, 1983, с. 32, рис. 1; 2; Новое, 1981, с. 307, рис. 134] (илл. 407). Это – явное свидетельство тесных контактов стран ислама с Русью и далее с Северной Европой, посредником в которых выступала Волжская Булгария. Серебряные лапчатые перстни с сердоликовыми вставками, на которых выгравировано имя Аллах, встречены в могильнике Бирка в Швеции [Islam, 1985, s. 188, kat. 17].

илл. 407. Каменная литейная форма из Киева с арабской надписью (по Р.С. Орлову)

К кругу этих изделий можно отнести ещё несколько артефактов. Это – накладка на сумочку с изображением двух гепардов (рис. 81-2) из Веселовского могильника в Поветлужье, уздечный набор из серебряных накладок из Дубовского могильника (илл. 408). Этот период характеризуется также литыми поясными накладками из Большеитиговского могильника, чашами из «белой бронзы» X – первой половины XI вв. восточноиранского происхождения из могильников Приючья, Поветлужья (Веселовского, Дубовского, Нижняя Стрелка, Русенихинского, Малышевского), Среднего Поволжья (Семёновское селище), а также из Зауралья [Казаков, 1991, с. 55, рис. 19-31; Никитин, Никитина, 2004, с. 112–113, кат. №№ 78–82; Руденко, Никитина, 1992, с. 51–71; Руденко, 2000б, с. 68–81].

Таким образом, подвеска-погремушка изготовлена в Среднем Поднепровье (Киеве или Чернигове) во второй половине X – первой четверти XI вв.

илл. 408. Серебряные украшения конской уздечки из Дубовского могильника IX–XI вв. в Поветлужье (Республика Марий Эл). Раскопки Г. А. Архипова

ЧЕКАНКА И ГРАВИРОВКА

В болгарском ювелирном деле домонгольского периода на изделиях из серебра эти приёмы не получили распространения. Исключение составляют серебряные чаши и блюда X–XI вв., атрибутированные как болгарские (рис. 21-1, 3-8) (они были рассмотрены в I части настоящей работы), и единичные бронзовые предметы. В числе последних – бронзовый замочек с арабской надписью, изготовленный в середине XII в. (илл. 409). Гравированный орнамент в виде кружочков встречается на бронзовых бытовых изделиях, например, на небольших замочках от ларцов в виде фантастического животного (илл. 410). В Булгарском улусе Золотой Орды гравированные рисунки и надписи встречаются на серебряных и бронзовых перстнях, а также на медных и бронзовых сосудах. Эти два приёма могли использоваться вместе или по отдельности, в зависимости от материала изготовления и самого предмета.

илл. 409. Бронзовый замочек мастера Абу-Бекра сына Ахмеда, 1146 г., из Биляра. Собрание НМ РТ

илл. 410. Бронзовый замочек в виде фантастического животного из Билярского городища, XII–XIII вв. Собрание НМ РТ

МЕДНЫЕ И БРОНЗОВЫЕ СОСУДЫ

Медные и бронзовые сосуды (4 экз.; Болгарское городище, клад 1991 г. [Баранов, 2001, с. 75–87]) найдены на Болгарском городище: кувшин (№ 1) фигурной формы с высокой шейкой без ручки (илл. 411), кувшин (№ 2) с ручкой, с цилиндрическим туловом без орнамента и горловиной со сливом (илл. 412), кумган (№ 3) усечённо-конической формы с ручкой, без орнамента (илл. 413); кумган (№ 4) усечённо-конической формы с орнаментом (илл. 414). Сосуды № 1 и 4 украшены эпигра-

илл. 411. Бронзовый сосуд второй половины XIV в. из Булгарского клада 1991 г. Раскопки В. С. Баранова. Собрание БГИАМЗ

илл. 412. Медный кувшин второй половины XIV в. из Булгарского клада 1991 г. Раскопки В. С. Баранова. Собрание БГИАМЗ

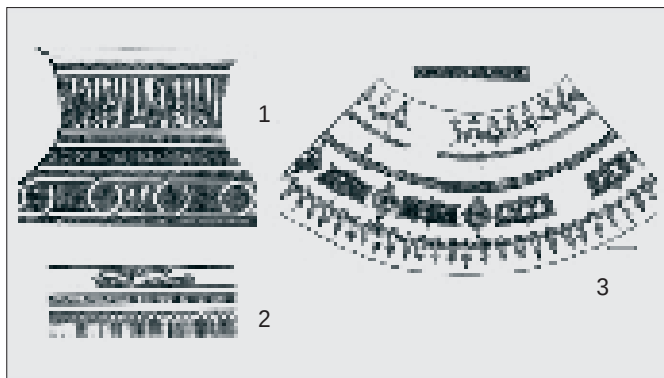
илл. 413. Медные кумганы («кружки») второй половины XIV в. из Булгарского клада 1991 г. Раскопки В. С. Баранова. Собрание БГИАМЗ

илл. 414. Медный орнаментированный сосуд второй половины XIV в. из Булгарского клада 1991 г. Раскопки В. С. Баранова. Собрание БГИАМЗ

фическими надписями на фоне растительных завитков, геометрическими рисунками (плетёнка, пересекающиеся линии), стилизованными растительными побегами, фигурами бегущих животных (илл. 415). Датируются эти сосуды последней третью XIV в.; отложились они в кладе в начале XV в.

Происхождение этой группы изделий не совсем ясно. Кумганы усечённо-конической формы (илл. 416), изготовленные с помощью холодной сварки «в зубец», характерны

илл. 415.
Орнаменты на
медных и бронзовых
сосудах второй
половины XIV в. из
Булгарского клада
1991 г. Прорисовки
В. С. Баранова

илл. 416.
Медный сосуд
(«кружка») второй
половины XIV в.
из Булгарского
клада 1991 г.
Раскопки
В. С. Баранова.
Собрание БГИАМЗ

для булгарского ремесла с XI–XII вв. Однако к началу XIV в. они выходят из широкого употребления, и если и изготавливались, то в очень небольшом количестве. Правда, эти сосуды пользовались известной популярностью в Русских землях, где их ценили не только за практичность и долговечность, но и как источник цветного металла, который можно было использовать как сырьё. Кумганы усечённо-конической формы, импортированные из Булгара, найдены в одной из ремесленных мастерских Новгорода XIV в. [Олейников, Руденко, 2013, с. 144–148].

Какую-то часть необходимого товара восполнял импорт этих изделий из других улусов Золотой Орды, в частности Хорезма. Такие сосуды в домонгольское время у булгар были меньшего объёма, собирались по более простой схеме и не орнаментировались [Руденко, 2000, с. 75–76, рис. 18–23].

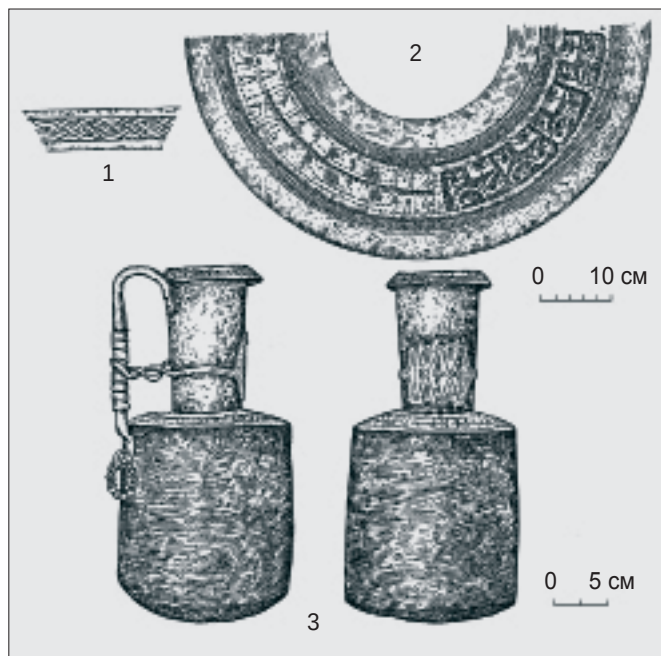
Очевидную близость к домонгольским булгарским изделиям обнаруживает только один не орнаментированный кумган (№3). Сосуд с высокой цилиндрической шейкой и сливом (№2) имеет множество аналогий с близкими по форме изделиями, распространившимися на Востоке (Иран, Мавераннахр) в X–XIII вв. (илл. 417), а в Северной и Восточной Европе преимущественно в X–XI вв. (илл. 418) [Islam, 1985, s. 36, 188, 114, 115, kat. №№21, 23]. Некоторые иранские сосуды украшались по всему тулову орнаментом. Интересен бронзовый кувшин этого типа из постройки первой четверти

илл. 417. Медный кувшин.
Мавераннахр, XI в.

илл. 418. Медный кувшин,
найденный в Швеции, X–XI вв.

илл. 419. Медный кувшин первой четверти XI в. из Хорезма
(по Н. Ю. Вишневской)

XI в., найденный в Джигербенте (Хорезм), с орнаментом, где использовались мелкие кружочки с точкой в центре [Вишневская, 2001, с. 82–85, 163, рис. 34] (илл. 419). Эта форма, очевидно, тиражировалась на Востоке и позже, но в Булгарии она не получила особой популярности. То же можно сказать и о кувшине №1. Интерес представляет кумган №4 характерной усечённо-конической формы, но с многозонным орнаментом. Орнамент на нём близок декору ковша, вероятно, сирийского или египетского происхождения XV в. из Булгара.

Можно предположить, что медные сосуды из Булгарского клада 1991 г. – продукция местного центра в Булгаре, в котором мог работать приезжий мастер.

ПРИВОЗНЫЕ МЕДНЫЕ И БРОНЗОВЫЕ СОСУДЫ С ГРАВИРОВАННЫМИ УЗОРАМИ И НАДПИСЯМИ, НАЙДЕННЫЕ НА ТЕРРИТОРИИ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ И БУЛГАРСКОГО УЛУСА

С территории Волжской Булгарии и Булгарского улуса Золотой Орды происходит немалое количество находок фрагментов и целых форм художественной посуды XII–XV вв. В большинстве своём это фрагменты бронзовых изделий с гравированным орнаментом, иногда дополненным инкрустацией серебром и медью. Сосредоточием такого рода артефактов в XII – начале XIII вв. был Биляр, в XIV – первой половине XV вв. – Булгар. Впрочем, в домонгольский период фрагменты художественной посуды, чаще всего чаш восточного происхождения, встречаются как на булгарских городищах (Алейкинское), так и на селищах XI–XII вв. (Екатеринослободское, Измерское, Остолоповское). В золотоордынский период, кроме Булгара, такие находки известны с Торецкого селища близ Билярска. Эта категория изделий изучалась в XX – начале XXI вв. [Даркевич, 1975а, с. 232–243; Руденко, 2001а, с. 104–132], и мы коснёмся их только в том объёме, который позволит рассмотреть бытование ювелирных техник, применявшихся для изготовления этих предметов в контексте развития булгарской торевтики. Отметим, что практически все изделия с гравировкой и инкрустацией привозные¹.

Котелки (2 экз.) небольших размеров, украшенные гравированным орнаментом.

1. Котелок. Бронза, гравировка (**рис. 93-5**). Иран, середина XIV в. Находка на Болгарском городище. Высота – 11 см, диаметр горла – 14,5 см. Орнаментирован гравированным геометрическим орнаментом и надписью «*Слава и долголетие, и почёт, и восхваление, и щедрость, и великодушие, и победа, и милосердие*» [Даркевич, 1975а, с. 240–241, № 6].

2. Котелок. Медь, полуда, гравировка (**рис. 94-1–3**). Иран (?), XIII в. Найден в кладе у с. Айбаш Спасского уезда Казанской губернии. Высота – 13 см, диаметр горла – 13 см. Украшен, наряду с простыми орнаментальными мотивами, стилизованной нечитаемой надписью. На дне – три каплевидных выступа. Котелки такой формы изготавливались мастерами разных школ иранской торевтики второй половины XII – XIV вв. [Шедевры, 1990, кат. № 30; 51].

3. **Чаша** (?) фрагмент (**1 экз.**). Бронза, гравировка (**рис. 91-4**). Восточный Иран, XIII в. (ГИМ, инв. № 58456). Находка на Болгарском городище.

4. **Чаша**, латунь (?), ковка, гравировка (**рис. 96-4**). Мавераннахр, XI – начало XIII вв. (НМ РТ, инв. № 5462) (**илл. 420**). Найдена на Болгарском городище. Чаша полусфе-

рическая с чуть уплощённым дном, с пологими плечиками и вертикальной шейкой высотой 20 мм. Диаметр – 210 мм, высота – 95–110 мм. Венчик утолщённый, плоский, шириной 6 мм. На срезе выгравирована плетёнка из двух полос. Средняя часть шейки выпуклая. По плечу идёт орнаментальная полоса шириной 15 мм, имитирующая надпись арабскими буквами. На дне сосуда сделаны две заплатки почти правильной круглой формы диаметром 50 и 55 мм, выполненных швом «в зубец».

илл. 420. Латунная чаша из Булгара, XI – начало XIII вв. Собрание НМ РТ

5. **Чаша**, фрагмент, бронза, литьё, гравировка (**рис. 98-8**) (НМ РТ, инв. № 7719-14/5). Иран (Хорасан), XI в. Найдена на Болгарском городище. Фрагмент венчика чаши (4,5 x 4,1 см), в верхней части которого имеется декоративная полоса из кружочков диаметром 7 мм с точкой в центре. Ниже поверхность чаши украшена крупными кружками (**илл. 421**).

илл. 421. Фрагмент венчика бронзовой чаши из Булгара, XI в. Собрание НМ РТ

¹ Выражаю благодарность А. А. Иванову за ценные советы и консультации при атрибуции данных изделий.

6. **Чаша**, фрагмент, бронза, литьё, гравировка (**рис. 98-9**) (НМ РТ, инв. № 7719). Иран (Хорасан), XI в. Найдена на Болгарском городище. Фрагмент венчика чаши (2 x 1,5 см), в верхней части которого имеется декоративная полоса из кружочков диаметром 4 мм с точкой в центре, а в нижней – композиция из тех же кружочков.

7. **Чаша**, фрагмент, бронза, литьё, гравировка (**илл. 422**) (НМ РТ, инв. № 7719). Иран (Хорасан), XI в. Найдена на Болгарском городище. Фрагмент венчика чаши (4 x 3,8 см); орнамент аналогичен № 5.

илл. 422. Фрагмент венчика бронзовой чаши из Булгара, XI в. Собрание НМ РТ

8. **Чаша**, фрагмент, бронза, литьё, гравировка (**рис. 97-10**) (НМ РТ, инв. № 7719-11). Иран, первая половина XI в. Найдена на Болгарском городище. На фрагменте (4 x 5,2 см) сохранилась часть рисунка из стилизованного растительного побега, бордюра из кружочков с точкой в центре. Фон заполнен кружочками с точкой в центре. Этот сосуд относится к группе чаш из «белой бронзы», встречающихся на Средней Волге и в Приобье (Сайгатинский археологический комплекс) [Руденко, 2000б, с. 69–81]. Наиболее близки этому изделию чаши из могильника Нижняя Стрелка первой половины XI в. в Поветлужье [Никитина, Руденко, 1992, с. 51–71; Никитин, Никитина, 2004, с. 114–116, кат. №№ 80–82] (**илл. 423**).

илл. 423. Чаша из «белой бронзы» с изображением фантастического животного из могильника Нижняя Стрелка в Поветлужье (Республика Марий Эл), XI в. Раскопки Т. Б. Никитиной. Фонды МарНИИЯЛИ

Такого типа чаша второй половины X в. с геометрическим орнаментом найдена на Семёновском селище в Татарстане (**илл. 424**).

илл. 424. Чаша из «белой бронзы» с геометрическим орнаментом с Семёновского селища (Спасский район РТ), X – начало XI вв. Найдена Е. А. Бегова-Товым. Собрание МА ИА АН РТ

9. **Чаша**, фрагмент, бронза, гравировка (**илл. 425**) (НМ РТ, инв. № 5363-46). Иран, XIV–XV вв. Украшена геометрическим орнаментом.

илл. 425. Фрагмент бронзовой чаши из Булгара, XIV–XV вв. Собрание НМ РТ

10. **Медицинско-магическая чаша** (чаши, в которых совершались обряды, или для проведения обрядов), фрагмент, бронза (НМ РТ, инв. № 5363). Золотая Орда, XIII – начало XV вв. Найдена на Болгарском городище. Украшена араб-графичными надписями с двух сторон. На лицевой стороне (**илл. 426**) – в центре изображена многолучевая звезда. На обратной стороне (**илл. 427**) – та же звезда, но обрамлённая орнаментальной гладкой лентой, образующей несколько картушей. Надписи не читаются.

илл. 426. Медицинско-магическая чаша из Булгара, XIII – начало XV вв. Внешняя сторона. Собрание НМ РТ

илл. 427. Медицинско-магическая чаша из Булгара, XIII – начало XV вв. Внутренняя сторона. Собрание НМ РТ

11. **Ковши со сливом** (3 целых: ГИМ (1 экз.), БГИАМЗ (1 экз.) (*илл. 428*)), НКЦ «Казань» (1 экз.), 6 фрагментов: ГИМ)) [Даркевич, 1975а, с. 242, №9, 10]. Сирия или Египет, конец XIV–XV вв. Находки на Болгарском городище. Средние размеры: высота – 7–8 см; диаметр – 17–18 см, длина носика-слива – 7–8 см. Известны аналогичные изделия египетского производства XIV в. [Islamic, 1981, s. 20, kat. №5].

илл. 428. Бронзовый ковш со сливом из Булгара, конец XIV–XV вв. Собрание БГИАМЗ

12. **Чаша** (*илл. 429-3*), бронза, гравировка (БГИАПМЗ). Иран (?), вторая половина XIV в. Находка на Торевском селище близ Билярска [Валиулина, 2004, с. 159, рис. 3-3].

илл. 429. Бронзовые изделия второй половины XIV – начала XV вв. с Торевского селища близ Билярска. Раскопки С. И. Валиулиной. Собрание БГИАПМЗ. 1 – крышка от сосуда (прорисовка С. И. Валиулиной); 2 – фрагмент венчика от чаши (?) инкрустированной серебром; 3 – часть венчика и стенки от чаши, инкрустированной серебром

К кругу сиро-египетских изделий начала XV в. относятся два блюда: из Чердынского района Пермской области и с. Русский Шуган Актанышского района РТ [Даркевич, 1975, с. 241, №8; Казаков, 1978, рис. 14; Руденко, 2001а, рис. 8-1].

Стоит отметить, что в числе импорта в Булгарию были и литые бронзовые изделия, на которых были выгравированы буквы или знаки. Например, фрагмент бронзового колокольчика с орнаментом и гравированным иероглифом, скорее всего, чжурчженского или китайского происхождения, конца XII–XIII вв. (*илл. 430*).

илл. 430. Фрагмент бронзового колокольчика с иероглифом, найденный в Булгаре, конец XII – XIII вв. Собрание НМ РТ

ПРИВОЗНЫЕ БРОНЗОВЫЕ СОСУДЫ С ГРАВИРОВКОЙ И ИНКРУСТАЦИЕЙ СЕРЕБРОМ И МЕДЬЮ, НАЙДЕННЫЕ НА ТЕРРИТОРИИ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ И БУЛГАРСКОГО УЛУСА

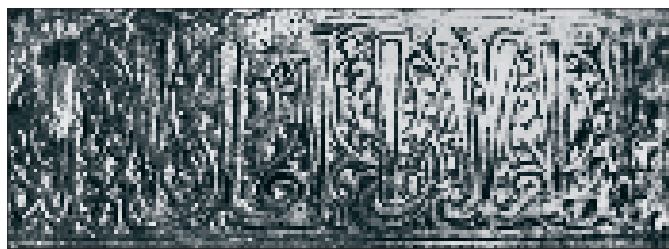
Представлены несколькими категориями изделий: чаши, кубки, ковши, подсвечники и чернильницы.

Чаша №1 (*рис. 96-3; кат. №373*) (НМ РТ, инв. №3227). Мавераннахр (Хорасан (?)), XII – начало XIII вв. Найдена на Болгарском городище при раскопках Красной палаты – общественной бани XIV в. А. П. Смирновым и Н. Ф. Калининым. А. П. Смирнов датировал её XII–XIII вв. [Смирнов, 1958, с. 358, 359]. Бронза, литьё, инкрустация серебром. Сосуд с полусферическим дном и с чуть сужающимися стенками. Высота – 45 мм, диаметр – 117 мм, диаметр максимального расширения тулова – 125 мм. Срез венчика прямой. Чуть ниже него – выпуклый рельефный валик. Под ним расположен орнаментальный пояс шириной 2 см. Здесь выгравирована стилизованная надпись арабскими буквами почерком насх (*илл. 431*). Фон украшен растительным орнаментом. Буквы инкрустированы серебром. Верхняя часть букв «алиф» оформлена в виде человеческой головы. На широкой части изображено человеческое лицо. На серебре прорисованы узкие, чуть удлинённые глаза, намечен нос и одной линией обозначена причёска или край головного убора. Надпись сильно испорчена коррозией и не читается.

илл. 431. Бронзовая чаша, инкрустированная серебром из раскопок Н. Ф. Калинина и А. П. Смирнова Красной палаты, XII–XIII вв. Собрание НМ РТ

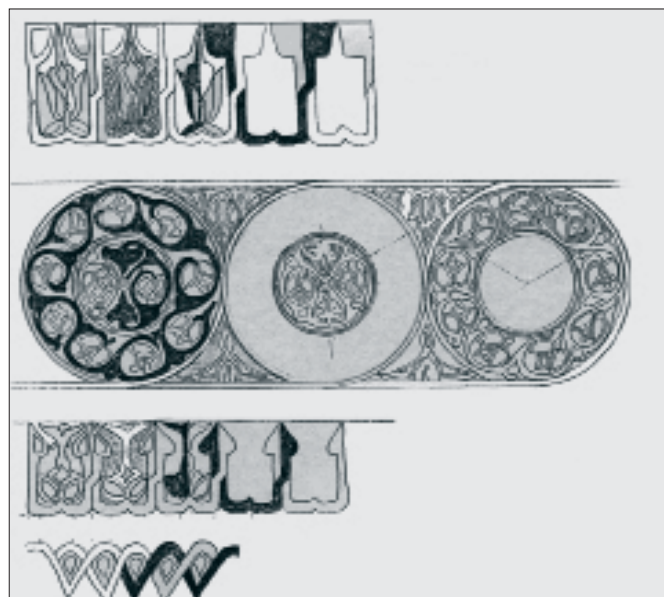
Чаша №2 (рис. 96-2) (НМ РТ, инв. №5363-4). Иран, XIII в. Найдена на Болгарском городище. Бронза, литьё, ковка, инкрустация серебром. Чаша полусферической формы. Высота – 85 мм, диаметр – 164 мм. Срез венчика ровный. В 2 мм от края расположен орнаментальный пояс шириной 20 мм с арабской благопожелательной надписью, написанной рифмованной прозой почерком насх: *«Кротость и стыдливость, и слава и продолжительность (жизни), и стыдливость(?), и восхваление, и высокое положение, и высокий сан и.....и величие, и благодеяние»* (чтение и перевод А. А. Иванова). Фон надписи украшен стилизованным растительным орнаментом в виде спиральных завитков. Буквы надписи инкрустированы серебром (**илл. 432**). Часть текста испорчена коррозией. Орнаментальный пояс отделён от остального поля резной линией, помещённой в 4 мм от края полосы. В 12 мм ниже линии на тулове чаши имеются 10 медальонов, расположенных по периметру сосуда на расстоянии 15 мм друг от друга. Медальоны представляют собой стилизацию растительного побега.

илл. 432. Надпись на бронзовой чаше, найденной в Булгаре, XIII в. Деталь. Собрание НМ РТ

Кубок №1 (рис. 96-1; кат. №379) (НМ РТ, инв. №5379). Иран (?), вторая половина XIII в. Случайная находка у с. Пролей-Каша Тетюшского района РТ. Бронза, литьё, инкрустация серебром. Полусферическая чаша на полом коническом поддоне. Высота – 120 мм, диаметр – 165 мм. Стенки вертикальные, на 7 мм суженные в верхней части. Тулово сосуда украшено 4 рядами орнаментальных полос (**илл. 433**). Верхняя орнаментальная полоса высотой 31 мм состоит из повто-

ряющегося раппорта (зеркальная симметрия): буква «алиф» и растительный побег, дающий в целом форму цветка. Фон выбран резцом, рисунок дополнен инкрустацией серебром. Нижние части букв переплетаются друг с другом, создавая непрерывную линию орнамента. Вторая полоса состоит из 9 круглых картуш diametром 65 мм с выделенным центром из двух цветков и обрамляющего его побега лозы (?). Пространство между картушами заполнено рисунком стилизованного растительного побега. Фон выбран резцом. Кайма картушей, переплетаясь, образует единую орнаментальную композицию. Следующая полоса шириной 22 мм аналогична верхней с той разницей, что буквы перевёрнуты, а центр раппорта оформлен в виде двух цветков. Нижняя полоса шириной 16 мм состоит из двух пересекающихся лент, образующих каплевидный рисунок (остриём вниз). Центральное поле «капель» инкрустировано серебром.

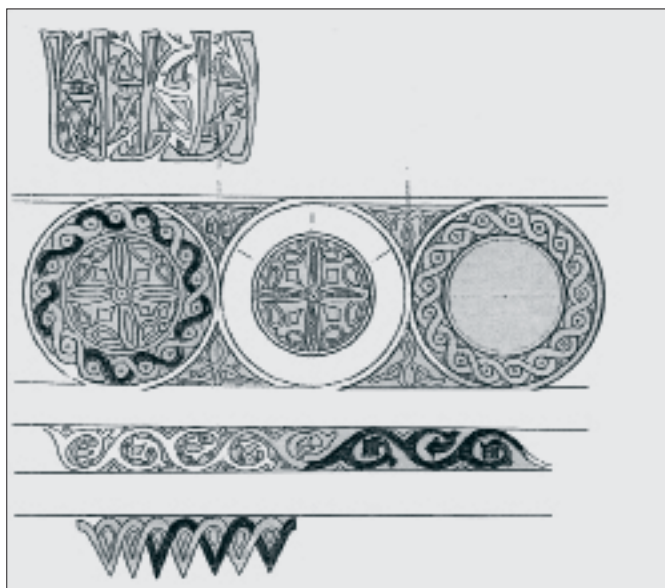

илл. 433. Орнамент на бронзовом кубке второй половины XIII в. из с. Пролей-Каша (Тетюшский район РТ). Прорисовка К. А. Руденко

Кубок №2 (илл. 434; кат. №380) (НМ РТ, б. ш.). Иран, XIV в. Бронза, литьё, инкрустация серебром. Чаша полусферической формы с чуть суженным верхом, на полом коническом поддоне. По форме аналогична предыдущей чаше. Снаружи поверхность украшена 4 орнаментальными полосами (**илл. 435**). Первая полоса шириной 35 мм состоит из раппорта из нескольких арабских букв, вероятно, это – часть стилизованной надписи. Фон украшен стилизованными растительными побегами в виде спиральных завитков с подтреугольными листьями. Орнамент выполнен тонким резцом. Вторая полоса шириной 5 см состоит из круглых картуш diametром 50 мм, центр которых оформлен в виде четырёхлепестковой розетки. Пространство между розетками заполнено стилизованным растительным орнаментом. Центр обрамлён полосой из плетёнки, состоящей из двух лент.

илл. 434. Композиция орнамента на иранском кубке, инкрустированном серебром, XIV в. Из собрания НМ РТ. Прорисовка К. А. Руденко

илл. 435. Орнамент на иранском кубке XIV в. Прорисовка К. А. Руденко

Между картушами расположен стилизованный растительный орнамент, аналогичный орнаменту на кубке № 3. Третий орнаментальный пояс шириной 15 мм представлен растительным побегом с цветами или бутонами. Нижний пояс шириной 17 мм состоит из пересекающихся полос, аналогичных изображениям на кубке № 3. Поддон у чаши обломан. Пatina на поверхности сосуда имеет золотисто-охристый цвет.

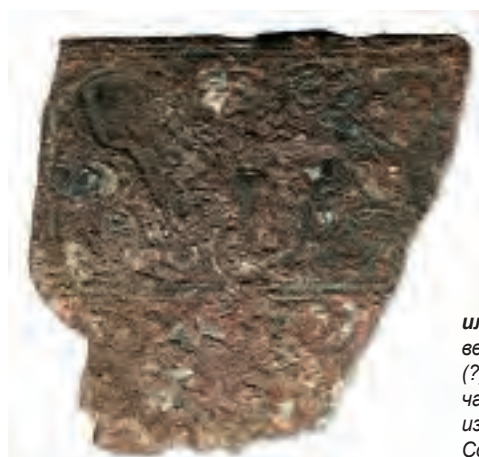
Чаша № 3 (рис. 98-1) (МА К(П)ФУ, инв. № АКУ-2). Иран или Сирия, вторая половина XIII – первая половина XV вв., наиболее вероятная датировка – первая половина XIV в. Найдена на Болгарском городище. Бронза, литьё (ковка?), инкрустация серебром. Фрагменты донной части сосуда – 90 x 45 и 27 x 32 мм. Часть дна чаши с изображением плавающих рыб на внутренней поверхности.

Чаша № 4 (рис. 98-3; кат. № 375) (НМ РТ, инв. № 7719-14/16). Иран (?), вторая половина XII – первая половина XIII вв. Найдена на Болгарском городище. Бронза, литьё, инкрустация серебром. Фрагмент венчика (3,6 x 3,4 см) от чаши полусферической формы диаметром приблизительно 12,5 см. Верхняя часть сосуда украшена орнаментальным поясом с гравированной благопожелательной надписью почерком насх: «безопасность..» (?) (чтение и перевод А. А. Иванова). Фон надписи заполнен изображением стилизованного растительного побега (**илл. 436**).

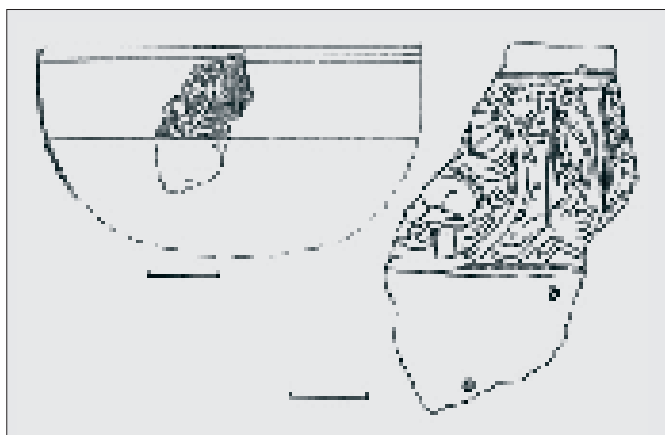
илл. 436. Фрагмент венчика иранской бронзовой чаши второй половины XII – первой половины XIII вв. из Булгара. Собрание НМ РТ

Чаша № 5 (рис. 98-4; кат. № 377) (НМ РТ, инв. № 7719-14/4). Место производства не определимо. Найдена на Болгарском городище. Бронза, литьё, инкрустация. Фрагмент венчика (4,5 x 4,2 см) от чаши полусферической формы с орнаментальной полоской со стилизованной арабской надписью, верхняя часть букв которой украшена серебряной инкрустацией, выполненной в виде человеческих голов. Надпись не читаема. Поверхность фрагмента покрыта плотной патиной рыжеватого цвета (**илл. 437**).

илл. 437. Фрагмент венчика иранской (?) бронзовой чаши XII–XIII вв. из Булгара. Собрание НМ РТ

Чаша №6 (рис. 98-2; илл. 438) (МА К(П)ФУ, инв. № АКУ-2/154). Иран, вторая половина XII – начало XIII вв. Найдена на Болгарском городище (?). Бронза, литьё, инкрустация. Фрагмент венчика (3 x 4,2 см) от полусферической чаши. Верхняя часть фрагмента украшена орнаментальной полосой шириной 2,3 см, заполненной стилизованной арабско-графичной надписью, инкрустированной серебром. Верхняя часть букв выполнена в виде человеческих голов. Детали чётко проработаны: прочерчены брови, узкие чуть удлинённые глаза, крупный нос, подбородок. Фон украшен растительными побегами. Надпись прерывается картушем, где на фоне переплетённых растительных побегов и цветов изображён лежащий или скачущий олень (?). Рисунок чёткий, резкий. По краю фрагмента высверлены три дырочки – следы ремонта сосуда. Фрагмент имеет тёмно-золотистую патину.

илл. 438. Фрагмент иранской бронзовой чаши с надписью, инкрустированной серебром, и изображением животного, второй половины XII – начала XIII вв. из Булгара (?). Собрание МА К(П)ФУ. Прорисовка К. А. Руденко

Чаша №7 (рис. 98-7; кат. № 376) (НМ РТ, инв. № 7719-14), бронза, литьё, инкрустация. Место производства и дата не определены. Найдена на Болгарском городище. Фрагмент поддона (?) чаши (илл. 439). Край ровный, плоскость изогнута. Размеры – 7,2 x 4 см. Край украшен двумя орнаментальными поясами – стилизованной надписью и полосой из пересекающихся лент, образующих каплевидный орнамент. Рисунок почти полностью уничтожен коррозией.

Чаша №8, фрагмент (рис. 98-6), бронза, литьё, гравировка, инкрустация. Место производства не определимо, возможно XIII в. Находка на Болгарском городище. Фрагмент стенки (4 x 2,6 см) чаши, украшенной орнаментом в виде многолепестковых розеток. В средней части имеется полоса из плетёной двойной ленты. Фон шероховатый, выбит резцом. Лепестки розетки инкрустированы серебром.

Чаша №9, фрагмент (рис. 98-5), бронза, литьё, гравировка, инкрустация. Место производства не определимо, возможно XIII в. Находка на Болгарском городище. Фрагмент стенки чаши (3,7 x 3,5 см), украшенной орнаментом в виде многолепестковой розетки.

илл. 439. Фрагмент венчика иранской (?) бронзовой чаши второй половины XII – XIV вв. из Булгара. Собрание НМ РТ

Чаша №10, фрагмент венчика (илл. 440). Иран, конец XII – начало XIII вв. Найдена на Болгарском городище. Видны окончания букв с инкрустацией серебром.

илл. 440. Фрагмент венчика иранской бронзовой чаши конца XII – начала XIII вв. из Булгара. Собрание БГИАМЗ

Чаша (или кувшин) №11, фрагмент стенки (илл. 441). Иран, конец XII – начало XIII вв. Найдена на Болгарском городище. Видны остатки орнамента с инкрустацией серебром. Имеются близкие по декору сосуда XI–XV вв. [Абдуллаев, Фахретдинова, Хакимов, 1986, с. 56, 57, кат. № 18].

илл. 441. Фрагмент стенки иранской бронзовой чаши или кувшина конца XII – начала XIII вв. из Булгара. Собрание БГИАМЗ

Чаша № 12, фрагмент венчика (илл. 442). Иран, конец XII – начало XIII вв. Найден на Болгарском городище. Сохранились остатки букв, на верху которых были головы людей.

илл. 442. Фрагмент венчика иранской бронзовой чаши конца XII – начала XIII вв. из Булгара. Собрание НМ РТ

Чаша № 13 (рис. 91-1, 2). Глубокий сосуд с изображением всадников. Бронза, гравировка, инкрустация золотом и серебром. Иран, начало XIV в. Случайная находка 1891 г. на Болгарском городище. Высота – 11 см, диаметр горла – 18,5 см, диаметр тулова – 26,5 см. Внизу выломаны часть тулова и дно, большой фрагмент которого сохранился отдельно. Золотом инкрустированы медальоны с Y-образным заполнением, детали снаряжения всадников, буквы надписи. Остальной орнамент, фигуры животных и наездников, композиция на дне инкрустированы серебром [Даркевич, 1975а, с. 232–235].

Фрагменты чаши с инкрустацией были обнаружены при раскопках Торецкого селища близ Билярска [Валиулина, 2004, рис. 3-2] (илл. 429-2). Это – части утилизированных сосудов иранского (?) производства XIV в.

ДАТИРОВКА ЧАШ И АНАЛОГИИ ИМ

Чаша из Красной палаты изготовлена в конце XII – начале XIII вв., бытовала до второй половины XIV в., по материалам раскопок на Болгарском городище [Даркевич, 1975а, с. 239]. Остальные рассматриваемые находки, происходящие с этого памятника из сборов, могут в этой связи датироваться в широких хронологических рамках – со второй половины XII в. по XV в., т. е. временем существования городища. Чаша, найденная у с. Пролей-Каша, не имеет привязки к какому-либо древнему поселению, поскольку таковых в окрестностях села не выявлено [АКТ, 1985, с. 53]. Чаша № 2, найденная в Булгаре, также не имеет точной хронологической даты. Таким образом, датировать такие изделия можно по стилистическим особенностям орнаментов и формы, по аналогиям.

Рассмотрим аналогии этим сосудам. Кубки с полыми поддонами имели широкое распространение в мусульманском мире XIII–XIV вв. Достаточно близкой в этом плане является чаша с золотой и серебряной инкрустацией, изготовленная в XIV в. в Иране или же чаша с серебряной инкрустацией из Хорасана начала XIII в. [Ward, 1993, p. 20, 21, 94, fig. 9; 73]. Известны и более ранние варианты чаш на поддоне, датированные XI–XII вв. [Ettinghausen, 1957, p. 337].

Инкрустация серебром в исламской торевикике восходит ещё к VIII в., хотя широкое применение получает в X–XI вв. в Иране [Иванов, 1985, с. 185–186.]. А. А. Иванов отмечает, что первой могла быть и медная инкрустация, и, в целом, медно-серебряная инкрустация существует в Иране, Ираке и Сирии-Египте до середины XIII в., когда медь вытесняет золото. Далее золото-серебряная инкрустация применяется в Иране до 30-х гг. XVI в., затухая в промежутке от XIV в. до XVI в. Не исчезла инкрустация серебром в Иране в XII–XIV вв., а после монгольского нашествия распространяется в Египте, достигая расцвета в XIII–XIV вв. В XII – начале XIII вв. этот приём используется сирийскими торевами. В целом, традиция инкрустации серебром медной и бронзовой посуды сохраняется по сей день [Иванов, 1969, с. 53]. Одним из крупнейших средневековых восточных центров производства инкрустированной посуды был Хорасан, в котором наиболее отчетливо проявляются собственные стилистические особенности, начиная с середины XII в., хотя формирование их можно отнести, по мнению Б. И. Маршака, к концу XI – началу XII вв. [Маршак, 1972, с. 85–86]. В болгарском ремесле домонгольского времени инкрустация медью и бронзой, а также серебром или золотом, применялась в незначительных объёмах на бытовых изделиях.

Чаши украшены орнаментальными композициями двух видов: сюжетными и бессюжетными. К первым относятся чаши с изображениями всадников, найденная в Булгаре в 1891 г. В большинстве случаев чаши и кубки украшены эпиграфическим стилизованным растительным и геометрическим орнаментами. Выделяются чаши с эпиграфическим орнаментом, выполненным почерком насх, с человеческими головами наверху. Такие антропоморфные надписи известны на бронзовых изделиях Ирана с XII в. по XIV в. Этот приём широко распространяется в Иране и Месопотамии в первой половине XIII в. [Даркевич, 1975а, с. 238, 239].

На ряде рассмотренных изделий верхние части букв не имеют антропоморфных черт. Таким образом украшены надписи на подписных изделиях гератского производства начала XIII в. [Ward, 1993, p. 76, fig. 55]. Другие формы декоративных сюжетов имеют прототипы в художественном металле Самарканда XI–XII вв. [Абдуллаев, Фахретдинова, Хакимов, 1986, илл. 15]. «Обезличенные» антропоморфные буквы встречаются на изделиях из Западного Ирана второй половины – конца XIV в. [Ward, 1993, p. 89]. Отметим и то обстоятельство, что нижний орнаментальный пояс на кубке из с. Пролей-Каша представляет собой уже не надпись, а эпиграфический раппорт из одной или двух букв. Близкий по стилю рисунок встречен на блюде сиро-египетского производства XIII в. [Migeon, 1907, fig. 159].

Отметим, что стилизация эпиграфического орнамента сопровождается «процессом флоризации» на основе классических арабесок «ислими», что, кстати, характерно и для кованых изделий. Надо сказать, что это явление отмечено не только в торевикике [Хакимов 1983, с. 96.].

Таким образом, все рассмотренные изделия относятся к кругу восточной торевики, преимущественно иранской XII–XV вв., с характерными для них формами и элементами декора.

ПОДСВЕЧНИКИ

Бронзовое основание подсвечника (рис. 92; кат. № 378; НМ РТ, инв. № 5641). Иран, последняя четверть XIII – первая половина XIV вв. (илл. 443). Найдено на территории армянской колонии на Болгарском городище при рытье ямы около остатков церкви так называемой Греческой палаты. Изделие усеченно-конической формы с вогнутым верхом. Диаметр его сверху – 13,5 см, диаметр внизу – 18 см, высота – 12,3 см. Верхняя, более узкая, часть подсвечника утрачена.

Верхняя часть основания украшена несколькими концентрическими полосами ленточного орнамента с декором из нескольких сюжетов. Это – стилизованный растительный орнамент (кружки и овалы); подражания (?) надписи арабскими буквами; треугольники и насечки. Центральное место занимает самая широкая орнаментальная полоса на корпусе, обрамлённая сверху и снизу плетёной из круглых звеньев. Она состоит из шести круглых картушей с изображениями пирующих мужчин с поднятыми кубками и сфинкса, крылатого существа с собачьей (?) головой, а также человеко-птицы. Фон заполнен растительными завитками. Причём между медальонами помещены цветы лотоса и стилизованные арабские буквы, верхняя часть которых выполнена в виде человеческих голов, а нижняя – в виде растительных побегов, напоминающих, как предположил В. П. Даркевич, головки зайцев [Даркевич, 1975а, с. 237, 238].

Форма сосуда типична для XIV в. и имеет многочисленные аналогии в мусульманских изделиях (прежде всего, иранских) этого периода [Шедевры, 1990, кат. № 50]. Сюжет, изображённый на сосуде, весьма распространён. Игра в поло, охота и сцена праздничного пира – своего рода иллюстрация богатой и беззаботной жизни высших слоёв средневекового общества – могли изображаться и в несколько сокращённом виде: отдельными фигурами музыкантов или играющих всадников – своего рода метафорами [Якубовский, 1938, с. 203]. На данном изделии менее выражены сцены игры, но введены дополнительные детали, например изображения фантастических существ.

илл. 443. Бронзовое основание подсвечника с орнаментами и инкрустацией серебром, найденное у Греческой палаты в Булгаре. Иран, последняя четверть XIII – первая половина XIV вв. Собрание НМ РТ

ФРАГМЕНТЫ ПОДСВЕЧНИКОВ И ЛИТЫХ БРОНЗОВЫХ КОТЛОВ

В коллекции НМ РТ имеются фрагменты, которые можно интерпретировать как части подсвечников с характерным для верхней или нижней части S-видным изгибом профиля (3 экз.). Они изготовлены в Иране или Мавераннахре в XII–XIII вв. Происходят из Болгарского и Билярского городищ.

На фрагменте из Билярского городища имеются растительный и геометрический орнаменты (илл. 444). С этого же памятника происходит ещё один фрагмент с изображением крылатого сфинкса (Аль-Борака (?)) на фоне спиралевидных растительных завитков (илл. 445). На фрагменте из Болгарского городища сохранилось изображение птицы (илл. 446). Датируются эти предметы по аналогиям XI–XIII вв. [Абдуллаев, Фахретдинова, Хакимов, 1986, с. 54, рис. 16].

илл. 444. Фрагмент основания бронзового подсвечника или котла из Билярского городища. Мавераннахр, XII–XIII вв. Собрание НМ РТ

илл. 445. Фрагмент основания бронзового подсвечника или котла с изображением сфинкса из Билярского городища. Мавераннахр, XII–XIII вв. Собрание НМ РТ

илл. 446. Фрагмент основания бронзового подсвечника или котла с изображением птицы из Болгарского городища. Мавераннахр, XII–XIII вв. Собрание НМ РТ

ФРАГМЕНТЫ БРОНЗОВЫХ ПОДСВЕЧНИКОВ НА НОЖКАХ

От бронзовых подсвечников на ножках сохранились характерные фрагменты (рис. 99-1). Они датируются XII–XIV вв. Имеются многочисленные аналогии [Литвинский, Соловьёв, 1985, табл. 24-2-4].

БРОНЗОВЫЕ ТАЗЫ

Ручка от таза. Бронза, литьё, гравировка (?). Северо-Восточный Иран, Мавераннахр (?) XII в. (рис. 99-2а, б, в). Найдена на Билярском городище. Ручка шестигранная, в сечении дуговидной формы, с объёмными листовидными окончаниями, припаявавшимися к корпусу сосуда. С двух сторон ручка ограничена небольшими валиками; в центре её отлита изображение головы хищника из семейства кошачьих. Пасть и глаза зверя слегка намечены, зато рельефно выделены округлые, слегка прижатые уши и приплюснутый широкий нос. Мощная, энергично обрисованная шея как бы охватывает стержень ручки. Изображение головы и верхняя грань стержня украшены мелкими кружочками. Размеры ручки – 11,5 х 4,5 см.

Детали таких сосудов, как отмечали исследователи, редки, а целые формы пока неизвестны. Аналогичная ручка, имеющая похожее изображение головы хищника, найдена на городище Будрач в Денауском районе Сурхандарьинской области, а также из Азербайджана [Ильясов, 1990, с. 86–87, 89, рис. 2; Ахмедов, 2003, с. 383, 480, табл. 194-25]. Имеются сходные предметы в иранских собраниях, здесь они связываются с хорасанской школой металлообработки и датируются XI–XII вв. [Ильясов, 1990, с. 89]. На городище Лямган у с. Узун Таджикистана найдена ручка от такого же сосуда, но оформленная в виде фигурки человека с раздвинутыми руками и ногами. Фигурка одета в кафтан с полукруглым подолом и широким вырезом. Ручка инкрустирована серебром [Литвинский, Соловьёв, 1985, с. 180, 192, табл. 29-1.2]. Датируется она по аналогиям XII–XIII вв. и близка к изделиям из Северо-Восточного Ирана. Таким образом, находки из Волжской Булгарии как бы очерчивают северную границу распространения такого рода сосудов. Датируются они, видимо, XII–XIII вв.

КОТЕЛКИ

Отдельную и достаточно многочисленную категорию находок в Среднем Поволжье составляют небольшие литые бронзовые котелки с серебряной инкрустацией или без неё, найденные, в основном, в кладках на Болгарском городище. Котелки небольших размеров: высота – 11–13 см, диаметр горла – 13,5–14,5 см; имеют грушевидную форму с цилиндрической шейкой. Котелки с гравированным орнаментом были рассмотрены нами выше.

Два из инкрустированных котелков входили в состав клада, найденного на территории Болгарского городища в 1889 г., описанного Н.П.Лихачёвым [1890] (илл. 447). Клад находился под медным котлом с медными кольцами высотой 22 см, диаметром внизу 119 см (типа: илл. 448). В его состав входили 2 железных топора, 2 ножа, 2 медные пуговицы, 1 стеклянная бусина, битые красноглиняные, поливные и стеклянные сосуды. Недалеко от котла стоял медный кумган с какой-то жидкостью. Размеры его: высота – 35 см, диаметр дна – 17 см, окружность сосуда – 71 см, высота шейки – 12 см, окружность – 22 см, длина «рыльца» – 11 см. Около котла был найден бронзовый литой котелок с подвижной узорчатой ручкой. Под большим котлом находились три сосуда: бронзовый литой котелок с подвижной дужкой, бронзовая чаша с носиком и медная кастрюлька – котлообразный сосуд с маленьким рыльцем и с ручкой на шарнире. Клад был зарыт во время пожара, возможно, во время штурма или осады города. Н.П.Лихачёв предположил, что это были события 1399 г. или 1431 г., он отнёс захоронение вещей к концу XIV в. [Лихачёв, 1890, с. 105–108].

На котелке из клада 1891 г. сделана надпись почерком насх: «Знание и красноречие (?), слава и успех; слава и победа, и успех, и жизнь и...; благородство и безопасность (?) блеск и ...» (чтение и перевод Г.А.Фёдорова-Давыдова). На другом сосуде, без инкрустации, надпись несколько другая: «Слава и долгоденствие, и почёт, и восхваление, и долготерпение, и скромность, и праведность, и приумножение, и щедрость, и великодушие, и победа, и милосердие» (чтение и перевод В.Г.Тизенгаузена) [Даркевич, 1975а, с. 240].

илл. 447.
Бронзовый котёл
с инкрустацией
серебром
из Булгарского
клада 1889 г.
Собрание ГЭ

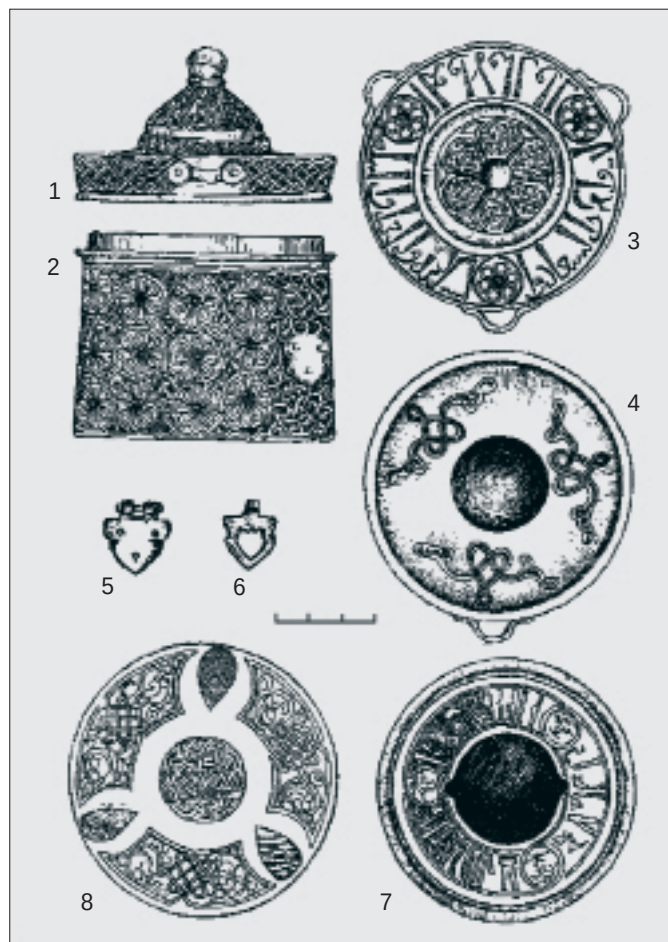

илл. 448.
Медный котёл
из Булгара, XIV –
начало XV вв.
Собрание НМ РТ

ЧЕРНИЛЬНИЦЫ И ДЕТАЛИ ОТ НИХ

1. Чернильница без крышки (**рис. 91-3**), бронза, гравировка, инкрустация (ГЭ, инв. № VC-106). Хорасан или Восточный Иран, конец XII – первая половина XIII вв. Находка у с. Кульбаева Мараса в Казанской губернии (ныне Нурлатский район РТ). Изделие цилиндрической формы с небольшим расширением в нижней части. Высота чернильницы – 6 см, диаметр внизу – 8 см, вверху – 7,5 см. Декор делит тулово изделия на три полосы. В верхней и нижней помещены надписи почерком насх с пожеланиями славы, успеха, могущества и т.д. Орнамент средней полосы образован розетками из семи маленьких кружков. Орнамент и буквы инкрустированы серебром [Даркевич, 1975, с. 235–136, №1; 1976, с. 49, №90, табл. 49-5].

2. Чернильница с крышкой (**илл. 449**), бронза, гравировка, инкрустация (НМБ). Хорасан, вторая половина XII в. Найдена в 1971 г. у д. Карышкино Баймакского района Республики Башкортостан [Гарустович, Валиуллин, 2008, с. 102, 104, 105, рис. 1;2]. Надпись: «ал-изз ва-л-икбал ва-д-доулат ва-с-саадат ва-с-саламат...» – «слава и счастье, и преуспевание, и благополучие...» (чтение и перевод А. А. Иванова).

илл. 449. Бронзовая чернильница с серебряной инкрустацией, найденная в Башкирии, Хорасан, вторая половина XII в. Прорисовка Г. Н. Гарустовича

3. Крышечка от чернильницы (**кат. №374**), бронза, гравировка, инкрустация (БГИАМЗ, инв. № 329-62/143). Иран, середина – вторая половина XII в. Круглой формы, диаметром 7,7 см, с вертикальным бортиком высотой 1,3 см, к которому были приклепаны три (?) небольшие (2,3–2,1х1х0,5 см) петельки, одна из которых обломилась вместе с частью бортика. Нижняя часть бортика чуть отогнута наружу, образуя небольшой «воротничок» шириной около 0,1 см. В центре крышечки отлито навершие в виде небольшого низкого цилиндрика высотой 0,8 см, на который «посажен» 6-лепестковый «шатёр» (высота в целом – 3,3 см) из каплевидных объёмных лепестков, соединённых узкими основаниями вверху, с подвешивающим эту конструкцию шариком с кольцом-«воротничком» в основании. Наверху шарика (диаметр – 1 см) и в центре лепестков пуансоном выбиты неглубокие точки (видимо, позднейшего происхождения, поскольку они «перебивают» гравированный рисунок).

На верхней части крышечки имеются три картуша с арабской надписью почерком насх: «ал-изз ва-л-икбал ва-д-доулат * ва-с-саадат ва-с-саламат ва-р* рахмат ва-л-бака даим ли-сахибихи» – «слава и счастье, и могущество, и преуспевание, и благополучие, и милосердие, и долгая продолжительность жизни владельцу сего» (чтение и перевод А. А. Иванова). Фон надписей заполнен стилизованными спиральными завитками, заканчивающимися бутоном. На боковой стороне – изображения крылатых сфинксов (**илл. 450**).

илл. 450. Бронзовая крышечка от чернильницы из Булгара, Иран, середина – вторая половина XII в. Собрание БГИАМЗ

МЕСТО ПРОИЗВОДСТВА ИНКРУСТИРОВАННЫХ ИЗДЕЛИЙ, НАЙДЕННЫХ НА ТЕРРИТОРИИ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ И БУЛГАРСКОГО УЛУСА ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

В домонгольский период одним из крупных ремесленных центров был Биляр. Однако массового производства бронзовой художественной посуды там, как и на других болгарских памятниках, не выявлено. Имеется один фрагмент чаши с эпиграфическим орнаментом, с серебряной инкрустацией, но он, скорее всего, относится к золотоордынскому Биляру [Руденко, 2000, рис. 29-5]. Это подтверждается находками с Торецкого селища второй половины XIV – начала XV вв. [Валиулина, 2004, рис. 3] (*илл. 429*).

Рассмотрим вопрос о месте производства художественной посуды с привлечением более широкого круга источников. Художественный металл с территории Булгарского улуса XIII–XIV вв. может быть разделён на несколько категорий. Это – *бытовая и парадная посуда*, а также предметы *специального назначения*. К бытовой посуде относятся медные и бронзовые сосуды, изготовленные путёмковки, механической сборки и холодной сварки давлением. В эту категорию попадают кумганы, ковши, чаши, котлы (*илл. 452*). Во вторую входят в основном литые сосуды с гравированным орнаментом и в большей мере с инкрустацией серебром деталей орнамента. К ней относятся котелки, ковши с носиком, блюда, чаши. Из специализированных изделий отметим чернильницу, подсвечник, ступки (*илл. 451*).

Бытовая посуда без орнаментов и сложного декора практически вся была местного изготовления. Нижневолжские города Золотой Орды не знали массового производства листовой медной посуды механической сборки, в отличие от средневолжских и прикамских земель, где эта традиция, несмотря на тенденцию к затуханию, сохранилась до начала XV в. [Руденко, 2000, с. 86]. Ассортимент такой посуды претерпел незначительные изменения, обогатившись формами, заимствованными у парадных сосудов. Но такие при-

меры немногочисленны (*рис. 95*). Интересен тот факт, что стиль оформления некоторых изделий наиболее близок образцам раннеджучидской торевтики XIII – начала XIV вв. и имеет аналогии в материалах нижневолжских городищ [Фёдоров-Давыдов, 1994, рис. 44-12]. Он существенно отличается от парадных изделий, бытовавших в это время в городской среде Булгара. Стилистическое оформление нового направления на основе уже сложившейся художественной практики относится, видимо, ко второй половине XIV в. Тенденция к шаровидности тулова котлов, точнее раздутости тулова в нижней части (тип М-10) [Руденко, 2000, с. 34–35], при наличии у них сложной профилировки шейки и венчика (тип М-12), как и распространение заимствованных форм (*илл. 448*), отражает попытки подражания изделиям более дорогим и престижным. Генезис этих форм сосудов пока не очень ясен. Очевидно только, что уже в конце XIII – начале XIV вв. котлы новых форм начинают встречаться в богатых захоронениях кочевников [Ефимов, 1999, с. 107, рис. 9-3].

Таким образом, ведущей отраслью ремесленного производства болгарских мастеров-торевтов XI – начала XV вв. было производство медной кованой посуды, причём формирование бытовых типов медной посуды шло в направлении удешевления технологии производства и массовости продукции [Руденко, 2000, с. 86].

Преобладание в Булгарии XI–XII вв. привозной восточно-иранской посуды и опосредованного воздействия сибирских приёмов декорации и технологии (плакировка), включая и непосредственное заимствование технологий и художественных образов, предопределило некоторую размытость индивидуальных черт в изготовлении болгарских художественных изделий. Даже импорт художественных изделий был своеобразным. Это, например, чаши из «белой бронзы» с орнаментированной внутренней поверхностью, встречающиеся как в Среднем Поволжье, так и в Приобье (*илл. 454*). Причём часть из них в конце X – начале XI вв., вероятно, производилась в одних мастерских (*илл. 453*). Основными мотивами декорации здесь выступали геометрический и зооморфный орнамент. Достаточно распространён был приём обработки фона рисунка циркульным орнаментом в сочетании с неглубоким сверлением,

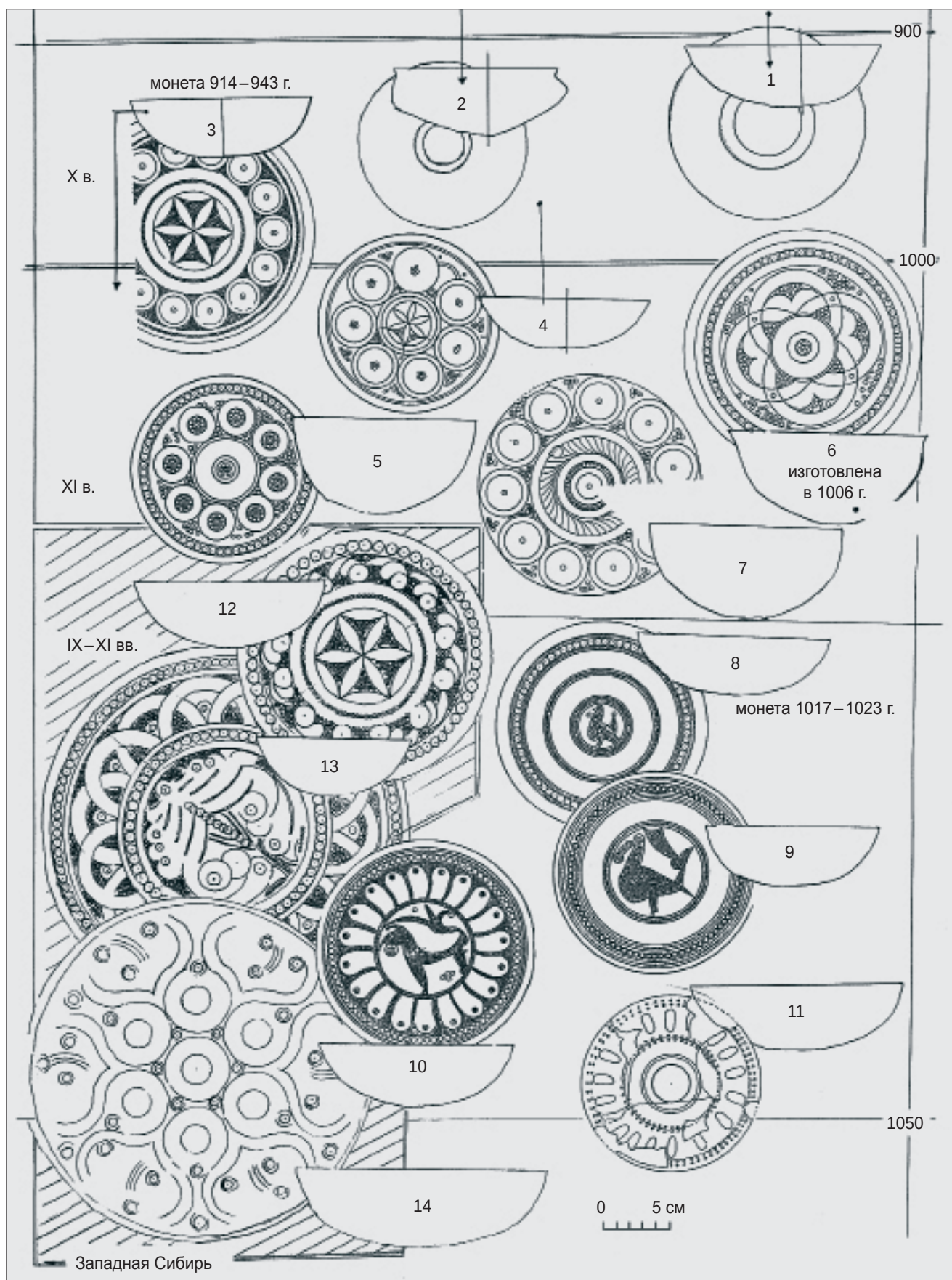
илл. 451. Бронзовая ступка из Биляра. Малая Азия или Закавказье, первая половина XIII в. Собрание НМ РТ

илл. 452. Медный таз с железными ручками-ушками из Булгара, XIV – начало XV вв. Собрание НМ РТ

илл. 453. Чаша из «белой бронзы» с геометрическим орнаментом из Зауралья. Иран (?), X–XI вв.

илл. 454. Хронологическая таблица чаш из «белой бронзы» из Прикамья, Приючья, Поветлужья и Западной Сибири. Составлена К. А. Руденко

а также золочение внутренней поверхности изделия. На некоторых из них имеются надписи (**илл. 455**).

В первой трети XIII в. традиционный болгарский стиль подвергся сильнейшему воздействию устоявшегося халифатского канона [Ремпель, 1978, с. 208–209] из-за массового притока на стабильный болгарский рынок ремесленной продукции из Малой Азии, с Кавказа и из Восточного Ирана. Это отлитые из бронзы изделия разнообразных форм с гравированным и объёмным декором, эпиграфическим орнаментом, мотивами «ислими» и «гириха», а также с использованием инкрустированных декоративных деталей.

илл. 455. Надпись на чаше X–XI вв. из «белой бронзы» из могильника Арнатур 27 (Тюменская область). Раскопки Г. А. Степановой. Прорисовка Г. А. Степановой

Причём орнамент наносился здесь исключительно с внешней стороны предметов.

Такая ситуация сохранялась в Булгарском улусе Золотой Орды на протяжении большей части XIII в. В раннеджучидское время прослеживается тенденция к формированию общей ордынской стилистической системы, своего рода прото-канона. Однако на декорации болгарских изделий во второй половине XIII в. это почти не отразилось, в отличие от продукции медников города Булгар середины – второй половины XIV в., когда орнаментальные мотивы и, частично, формы изделий заимствовались от импортируемых образцов.

ШТАМПОВКА И ЧЕКАНКА

ФИГУРНЫЕ ПОДВЕСКИ

Изделия, выполненные в комбинированной технике штамповки и чеканки, представлены двумя парными **подвесками** в виде фигурных листов с рельефным рисунком, соединённых проволочным «коромыслом» из толстой проволоки с напускными шаровидными бусинами, и конусовидных конструкций с полусферическим завершением (**рис. 84-1; кат. № 149**). В месте крепления дужки к привескам на колечке прикреплены два бублика на проволочной цепочке из 16 звеньев. Общие размеры украшения – 24х16 см. К сожалению, точных сведений о месте обнаружения, кроме того, что они происходят из Казанской губернии, не сохранилось (первая, из НМ РТ, депортирована; вторая, из ГИМ, – покупка на Нижегородской ярмарке в XIX в.). Изображения на этих двух подвесках разные: на первой – в центре в овальном медальоне изображена пара львов или стилизованных сфинксов в симметричной композиции с одной общей головой и смыкающимися между собой конечностями. Обрамлён рисунок растительным побегом. В нижней части – розетка из тонких лучей, оканчивающихся мелкими шишечками.

Вторая подвеска, из ГИМ (**илл. 24**), украшена иным рисунком. Здесь вместо двух львов изображена лань (**рис. 84-2**). По краю идёт надпись почерком насх: «ал-изз ва ал-икбал ва ал-са а(дат?) ...» – «слава и счастье и преуспевание...» (чтение и перевод А. А. Иванова). Отличается также и рисунок

на окончании листовидной подвески: там можно различить четырёхлепестковую розетку. Вероятно, они изготовлены разными матрицами¹. В остальном они одинаковы. Близкое изображение ланей имеется на серебряной капторге из Крещёноелтанского клада (рассмотрена выше).

Первая композиция, если считать, что здесь изображены львы, напоминает рисунки таких животных на испанской ткани из великокняжеской гробницы князя Андрея Боголюбского, погибшего в 1174 г. и похороненного в Успенском соборе во Владимире [Фехнер, 1972, с. 198, 199; 1982, с. 68, рис. 5-а]. Однако львы здесь показаны опирающимися на передние лапы, а морды их разделены изображением парных птиц. Пара львов с одной головой изображена на обкладках Вавельского ларца XII в. (Краков), изготовленного, по мнению Б. И. Маршака, западноевропейскими тореутами, переселившимися на Восток [Маршак, 1985, с. 145, рис. 16-4]. Композиционное решение фигуры льва напоминает украшения монгольских и чжурчженьских поясов второй половины XIII в., как, например, из могильника Олень-Колодезь в Воронежской области [Сокровища, 2000, с. 217, кат. № 20]. Примечательно, что поясные позолоченные накладки в виде свернувшейся фигуры льва встречены в подъёмном материале на Золотарёвском поселении и аналогичны чжурчженьским

¹ Выражаю благодарность А. А. Иванову, обратившему моё внимание на эту особенность изделия.

[Сун Юйбинь, Артемьева, 2013, с. 188; Винничек, Киреева, 2012, с. 85, рис. 23-1, 1а]. Лев в геральдической позе часто изображался на золотоордынской керамике, причём, по мнению Н. М. Булатова, здесь прослеживается изобразительный канон, «регулируемый центральной властью» [Булатов, 2002, с. 40]. М. Г. Крамаровский считает, что этот сюжет был заимствован из малоазийско-иранского искусства [Крамаровский, 2001, с. 189].

Если принять точку зрения, что на подвеске изображены сфинксы, то этот сюжет был также популярен как в домонгольское, так и в золотоордынское время в восточном, исламском мире [Хакимов, 1983, с. 98–102]. Наибольшее распространение он получил в XII–XIV вв.

Растительный орнамент близок изображениям на обкладках седла монгольского периода (XIII в.) [Сокровища, 2000, с. 61, кат. № 17].

Матрицы для штамповки рассматриваемых фигурных парных подвесок пока не встречены, но есть литейные формы, в которых изготавливали украшения аналогичной формы меньшего размера, но с иным рисунком и композицией. Эта каменная форма датируется XIV в. (илл. 456).

Учитывая приведённые выше мнения и данные, можно предположить, что эти серебряные подвески датируются 60–70-ми гг. XIII в.

илл. 456. Каменная литейная форма XIV в. из Булгара для изготовления фигурной пластины. Собрание БГИАМЗ

КОВКА И ЧЕКАНКА

БЛЯХИ-ПОДВЕСКИ НА КОНСКУЮ СБРУЮ

Бляхи-подвески (13 экз.; клады: Бутаевский (8 экз.; кат. №№ 105–112), Четырлинский (3 экз.); Староальметьевские находки (3 экз.)). Круглой формы, с одной петелькой для подвешивания. Петля сделана из небольшой согнутой пластины с трапециевидными или фигурными окончаниями и соединена с обеих сторон изделия двумя клёпками. В известных сегодня наборах бляхи стандартны по размерам. Например, в Бутаевском кладе они имеют диаметр 12–13,4 см, вес от 36 до 55 г. Бляхи кованые по литой (?) заготовке. Чаще всего они без орнамента, но в ряде случаев декорированы по краю рядком выпуклин, нанесённых чеканом с тыльной стороны изделия. Следов позолоты или иных рисунков на них нет. По составу Бутаевского клада эти украшения датируются второй половиной XIII в.

Назначение таких блях было установлено А. М. Ефимовой, определившей их как украшение конской сбруи, что согласуется с их современной интерпретацией. Вместе с тем отметим, что в болгарских древностях домонгольского периода такие изделия не встречаются, как, собственно, и позднее. Исключение составляет подвеска-бубенчик, о чём говорилось выше.

Круглые бляхи-подвески встречаются довольно часто в качестве привесок к конской сбруе в IX–X вв., что нашло отражение в изображениях всадников и их лошадей на серебряных европейских сосудах, отнесённых к т. н. «ура-

ло-венгерскому кругу» торевтики. Среди них есть артефакты (найлены в Западной Сибири) с сюжетными изображениями, изготовленные, вероятно, под влиянием мастеров Согда [Сокровища, 2003, с. 53, кат. № 19; Бауло, 2013, с. 123, 124, рис. 1, 2]. Причём фон рисунка в данном случае позолочен. Такие изделия вряд ли можно связывать с рассматриваемыми нами изделиями, хотя бы по размерам (17,5 см), толщине и весу, а также по наличию изображений, идущий по краю орнаментальный бордюр из выдавленных изнутри «жемчужин» напоминает бутаевские подвески.

Такой комплекс украшений, судя по иконографическим и археологическим материалам, не был характерен для конской сбруи Древней Руси XVI–XVI вв. [Бузыкина, Трубицын, 2012, с. 82–101]. Круглые металлические бляхи либо их аналоги из другого материала зафиксированы на рисунках на иранской керамике типа минаи XIII в. (илл. 457). Здесь они крепятся в попоне.

илл. 457. Фрагмент керамики типа минаи. Иран, XIII в.

Серебряных литых изделий, кроме украшений поясного гарнитура, на сегодняшний день не известно. Литьё крупных изделий из-за дефицита драгоценных металлов, в том числе и серебра, в Булгарии не практиковалось.

ПЕРСТНИ

Перстни чаще всего отливались в каменных формах; имеют стандартную форму – с прямоугольным выделенным щитком (*рис. 41*).

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ

Металлические перстни объединяются в группы – золотые (А), серебряные (Б), бронзовые (В), костяные (Г) и из свинцово-оловянистого сплава (Д). В данной работе мы не касаемся перстней бронзовых, костяных и из сплава цветных металлов. Перстни из золота и серебра относятся к отделу срединно-щитковых. Типы выделяются по деталям оформления.

ГРУППА А. ЗОЛОТЫЕ ИЛИ ЭЛЕКТРОВЫЕ (ИЗ СПЛАВА ЗОЛОТА И СЕРЕБРА)

Отдел I – с надписью, выполненной из проволоки на щитке перстня

Тип 1 – срединно-щитковые с тремя выступами на шинке

Подтип 1.1 (2 экз.; Болгарское городище. 1) Раскопки А.П.Смирнова в 1966 г. у Чёрной палаты; 2) Болгарское городище – НМ РТ, инв. №15089) (*рис. 90-1, 1а*). Перстень (2х2х0,6 см) литой, с объёмным овальным щитком (1,2х1 см); на шинке в нижней части его отлит рельефный овальный выступ (диаметр – 0,6 см). С двух сторон от щитка имеются овальные «наплывы» (диаметр 0,8 см) без орнамента. На щитке напаянными тонкими проволочками выполнены надписи. Чтение: 1. «*Да будет вечен Алий*» (С.А. Янина); 2. «*Да продлит Аллах здоровье (благоденствие)*» (Ф.С. Хакимзянов и Д.Г. Мухаметшин) [Смирнов, Янина, 1967, с. 306, рис. 1-2; Хакимзянов, Мухаметшин, 1996, с. 303; Наследие, 2000, с. 29, №2]. Вес – 8,38 г. Датирован, по стратиграфии раскопа и нумизматическому материалу, второй четвертью XIV в.

2) Случайная находка на Болгарском городище в 1964 г. (*рис. 90-2*). Электровый перстень аналогичен предыдущему, только с меньшим декором и меньшего веса (4,52 г). На боковых ромбовидных выступах выгравированы виньеткой, а на овальном щитке, окантованном тонкой проволочкой, из проволочки выложена надпись: «Беркай» [Смирнов, Янина,

1967, с. 305, рис. 1-1; 2-2]. К этому типу относится перстень из Билярска из собрания ГИМ. Техника нанесения надписи, как отмечали исследователи, напоминает надписи и рисунки на браслете из Джукетауского клада [Смирнов, Янина, 1967, с. 304].

Отдел II – с гравированным рисунком

Подтип 1.2 (3 экз.; Карашамский клад (2 экз.); Селитренное городище, раскоп XXV, 2001 г. [Егоров, Руденко, Григорьев, 2003, с. 508–509]). Высота перстня с Селитренного городища – 2,1 см, ширина – 2,1 см, внутренний диаметр шинки – 1,9 см, внешний диаметр – 2,1 см (*илл. 202*). Щиток (1,4х0,8 см) *прямоугольной формы*, прямоугольного сечения, имеет толщину 1 мм. Лицевая сторона украшена рельефным декором в виде выступающих шишечек высотой 0,2 см и гравированным орнаментом. Рисунок (стилизованный растительный побег) выгравирован в центре щитка и вписан в миндалевидный медальон (*илл. 204*). Свободное пространство поля щитка заполнено веерными насечками, расходящимися из основания рельефных шишечек. Шинка перстня, треугольного сечения, выкована из прутка металла, обработана мелким напильником и припаяна встык к внутренней поверхности щитка. Ширина шинки – 0,4–0,7 см, диаметр – 2,1 см, толщина – 0,1 см. С боковых сторон её сняты фаски. Шинка украшена тремя щитками-медальонами – два с боков и один напротив щитка. Боковые медальоны имеют геральдическую форму 0,6х1,1 и 0,7х1,1 см. По периметру медальоны обведены резной линией. Внутреннее пространство заполнено стилизованным орнаментом в виде симметрично расположенных растительных побегов (мотив крина). Нижняя часть медальона подчеркнута насечками. Третий медальон имеет подпрямоугольную форму (1х0,3 см) с заострёнными углами. Медальон разделён двумя насечками на две части, в каждую из которых вписан ромб (?), выполненный лёгкими движениями резца. Пространство между медальонами на боковых гранях кольца украшено сплошной гравированной каймой из одной линии по внешнему контуру и треугольными насечками (три – с левой и четыре с правой стороны). Они смыкаются вершинами и дают в сочетании ромбовидный рисунок.

Перстни из Карашамского клада (НМ РТ, инв. №№ 11422; 11424; *кат. №№ 259, 262*) по размерам и форме одинаковы с перстнем из Селитренного городища, однако украшены другим рисунком. На первом (*илл. 458*) – гравированный стилизованный растительный узор из пальметт и полупальметт в симметричной композиции. На втором (*илл. 459*) – такой же мотив, но исполненный в ином композиционном решении (как s-видный побег). Размеры и форма перстня с чернью из Булгара (*илл. 460*) (см.: Часть I) совпадают с этим типом изделий, однако композиция рисунка отличается от рассмотренных выше. Судя по описи, из этого клада происходило ещё несколько перстней такого типа (*табл. Д, № 1–4, 6*).

илл. 458. Золотой перстень из Карашамского клада, конца XIV – начала XV вв. Собрание НМ РТ

илл. 459. Золотой перстень из Карашамского клада, конца XIV – начала XV вв. Собрание НМ РТ

илл. 460. Золотой перстень из Булгара, XIV в. Собрание НМ РТ

Датируется данный тип перстней серединой – второй половиной XIV в.

Подтип 1.3 (1 экз.; Болгарское городище (илл. 461)) с овальным щитком, на котором выгравировано изображение фантастического существа. На остальной поверхности – стилизованный геометрический орнамент. Датируется второй половиной XIII–XIV вв.

илл. 461. Золотой перстень-печатка из Булгара с изображением фантастического животного, вторая половина XIII–XIV вв. Собрание БГИАМЗ

Подтип 1.4 (1 экз.; Болгарское городище; кат. № 260) (илл. 462) с выпуклым щитком в виде усечённой разносторонней пирамиды, с припаянной тонкой пластинчатой шинкой, украшенной тиснёными растительными узорами. Орнамент в виде симметрично расположенных растительных побегов с бутоном в верхней части изображён на широких боковых сторонах каста. На верхней площадке щитка изображена сложная крестовидная фигура.

илл. 462. Золотой перстень с объёмным орнаментированным щитком из Булгара, XIV в. Собрание НМ РТ

Подтип 1.5 (1 экз.; Болгарское городище) (илл. 463), с цилиндрическим щитком, на котором выгравирован орнамент в виде 4-лучевой звезды, образованной смыкающимися основаниями дугами, ограниченными окружностью по краю щитка. В образовавшихся таким образом 4 секторах изображены растительные побеги. Орнамент из треугольников с имитацией растительного узора имеется на боковой стороне щитка. Здесь же сохранились следы объёмного припаянного декора. Орнамент на щитке копировался и на болгарских бронзовых перстнях с дисковидным щитком (илл. 464).

илл. 463. Золотой перстень с круглым объёмным щитком из Булгара, вторая половина XIII–XIV вв. Собрание БГИАМЗ

илл. 464. Бронзовый перстень из Булгара, XIII–XIV вв. Собрание БГИАМЗ

Отдел III – со вставками из стекла и полудрагоценных камней (5 экз.; рис. 39-2,3,4,5)

Представлены единичными экземплярами. Один перстень имеет каст овальной формы (рис. 39-4; кат. № 266) с дополнительными вставками в верхней части шинки. Последние

крепятся в круглых или каплевидных гнёздах из золотой полочки, окантованных сканой проволокой. Основная вставка крепится с помощью специально напаянных «лапок» (*илл. 465*). На стенках каста имеется гравированный рисунок.

илл. 465. Серебряный перстень из Булгара, XIII–XIV вв. Собрание БГИАМЗ

Близкий ему был в составе Булгарского, 2010 г.,клада (*илл. 466*). Перстни этого типа из серебра и золота встречаются в кочевнических захоронениях XIV в. (*илл. 467*). Судя по оформлению, это изделия иранской работы середины – второй половины XIV в.

илл. 466. Золотой перстень из Булгарского клада 2011 г., XIV в. Собрание БГИАМЗ

илл. 467. Золотой перстень из могильника Вербовый Лог VIII (Подонье), XIV в. (по М. В. Власкину, А. И. Гармашову, З. В. Доде, С. А. Науменко)

Другой перстень (*рис. 39-2; кат. № 265*), с овальным низким кастом и с хорошо огранённым камнем густого красного цвета (шпинель?), отличается своеобразной бахромой по краю основания каста. Стенки каста украшены гравировкой. Возможно, перстень производства индийских или афганских ювелиров XIV в.

Два других перстня имеют прямоугольные касты с бирюзовыми и сердоликовыми вставками типа кабошон (*рис. 39-3, 5*). Широкие шинки с объёмным декором (иногда накладным: *рис. 39-5*), сочетающимся с гравированным и ажурным сканым, характерны для иранских (Мавераннахр?) серебряных и золотых изделий со вставками и без вставок конца XII–XIII вв. [Фахретдинова, 1983, с. 58–59, фото вверху; Иванов, Луконин, Смесова, 1984, с. 26, кат. № 44; Jewelry, 2013, р. 133].

ГРУППА Б. СЕРЕБРЯНЫЕ

Отдел I – с надписью или орнаментом, выполненными из проволоки на щитке перстня

Тип 1 – срединно-щитковые

Подтип Б-1.1 (2 экз.; кат. № 99; Булгарское городище), с овальным щитком с бортиком; на нём – персидская надпись, выложенная серебряной проволокой: «акибат хайр [бад]» – «конец (жизни) (да будет) благополучным» (чтение и перевод А. А. Иванова).

Подтип Б-1.2 (1 экз.; кат. № 102; Булгарское городище), с прямоугольным щитком (1,3 x 0,6 см) с бортиком (*илл. 468*), на котором проволокой изображена благопожелательная надпись.

илл. 468. Серебряный перстень из Булгара с надписью, выложенной проволокой, XIV в. Собрание БГИАМЗ. Прорисовка К. А. Руденко

Подтип Б-1.3 (1 экз.; кат. № 57; Булгарское городище), с прямоугольным щитком, на котором тонкой проволокой в центре выложено кольцо, а в пространстве между бортиком и кольцом размещены проволоочные завитки.

Отдел II – с гравированным рисунком

Тип 2 – срединно-щитковые выпуклые (7 экз.)

Подтип Б-2.1 (6 экз.; Карашамский клад (2 экз., рис. 41-1, 2), Булгарское городище (4 экз.; рис. 41-3, 4, 6)). Литые и кованые (2 экз.; рис. 41-4, 6) перстни с выделенным прямоугольным щитком. Сечение шинки полуовальное или прямоугольное. Щиток с рисунками имеет средние размеры 0,5–0,7 x 1–1,3 см. Размеры перстней: 2,2 x 2,2 x 0,7 см; 2,2 x 2,3 x 0,7 см; 2 x 2 x 0,65 см; 1,9 x 1,8 x 0,5 см; 2 x 2 x 0,52 см; 1,9 x 1,9 x 0,52 см. На пяти перстнях на щит-

ке имеются рисунки. На изделии из Карашамского клада (**рис. 41-1; кат. № 60**) имеется рисунок в виде двух симметричных полупальметт, нанесённый тонким резцом. На втором перстне из этого клада (**рис. 41-2; кат. № 59**) s-видный орнамент выполнен пуансоном.

Подтип Б-2.2 (4 экз.; рис. 41-3, 6; кат. № 56, 61). Один перстень (**рис. 41-3; кат. № 61**) выкован по литой (?) заготовке. Шинка сформирована заведёнными друг за друга и затем спаянными концами раскованной заготовки. Щиток (1х0,5 см и 1,1х0,52 см) имеет ту же форму, что характерна для литых перстней. На щиток тонким резцом нанесён рисунок в виде стилизованного s-видного завитка, изначально предполагавшегося как растительный побег. Контур рисунка зачернён (?). Аналогичен ему литой перстень (**рис. 41-7; кат. № 62**), покрытый плотной тёмно-серой патиной.

Ещё один перстень (**рис. 41-6; кат. № 56**) покрыт более светлой, серой патиной. Оформление его аналогично вышеописанным изделиям, только рисунок проработан более детально, хотя геометризация его гораздо сильнее. Отличается этот перстень и высоким, поднятым щитком, что более характерно для перстней типа 3 (см. тип Б-3.3). Аналогичный ему из собрания БГИАМЗ отличается от вышеописанного изделия незначительными деталями (**илл. 469**).

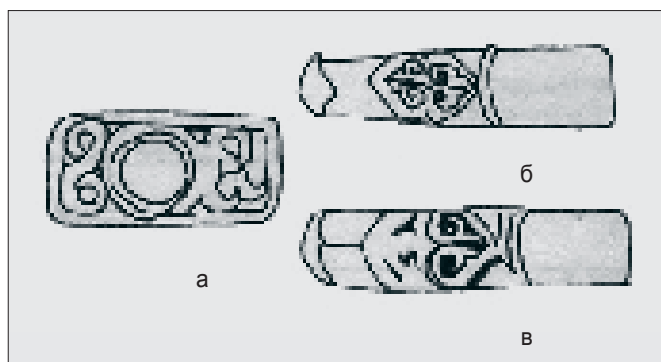

илл. 469.
Серебряный перстень из Булгара с гравированным рисунком, XIV в. Собрание БГИАМЗ

Тип 3 – срединно-щитковые, выпуклые с выраженными «плечиками»

Подтип Б-3.1 (1 экз.; Болгарское городище; рис. 41-8; кат. № 64). Перстень (2,1х2х0,6 см), кованный по литой заготовке, позолоченный, с выделенным и приподнятым прямоугольным щитком (1,2х0,6 см) и чётко выраженными «плечиками». Шинка сегментовидного сечения у этого перстня сделана путём сведения и пайки двух раскованных концов заготовки (аналогично типу Б-2). На щитке (1,2х0,6 см), в прямоугольной рамке – стилизованный орнамент, превратившийся в изображения двух квадратов. По периметру – имитация зигзагообразного орнамента (составленные основаниями треугольники).

Подтип Б-3.2 (1 экз.; Болгарское городище; рис. 41-9; кат. № 57) литой (2х1,8х0,6 см), имеет позолоту. В отличие от других перстней, в нижней части его отлит рельефный овальный выступ со стёршимся рисунком (вероятно, стилизация растительного побега), что сближает его с золотыми перстнями. По сторонам шинки также выгравированы рисунки. Это – парные симметричные «сердечки» со вписанными

илл. 470. Прорисовка К. А. Руденко гравировки и проволочных узоров на щитке серебряного перстня из Булгара

в них мотивами крина (**илл. 470**). На щитке (1,25х0,6 см) отлито изображение кольца, обрамлённого с двух сторон s-видными фигурами. В центре кольца – выемка. Аналогичен золотым и серебряным перстням с напаянным орнаментом (тип А-1; **кат. № 57**) [Наследие, 2000, с. 29, № 2].

Подтип Б-3.3 (1 экз.; Болгарское городище; кат. № 269). Перстень литой. Аналогичен типу Б-2.2.

ГРУППА В – БРОНЗОВЫЕ

Тип 1 (4 экз.; рис. 41-10–13; кат. №№ 65–67; Болгарское городище)

Подтип В-1.1 (1 экз.; рис. 41-10; кат. № 65). Литой латунный (?), золотистого цвета перстень (2х2х0,6 см) с прямоугольным щитком (1,15х0,6 см). Верхняя часть перстня как бы «наплывает» на низ шинки, образуя два симметричных каплевидных «затёка» с боков. В нижней части шинки – литой наплыв, как на перстне типа Б-3.2. На щитке тонким резцом выгравирован ромб между двумя горизонтальными линиями; свободное пространство фона украшено точками. На боковых сторонах щитка гравировкой сделана имитация какого-то рисунка. Очевидно, что бронзовый перстень имитирует аналогичные изделия из золота или серебра.

Подтип В-1.2 (2 экз.; рис. 41-11, 12; кат. № 67). Литые перстни. Аналогичны по форме типу Б-3.2, только вместо рисунка на щитке (1,25х0,7 см) помещена стилизованная арабская надпись. Размеры почти идентичны: 2х2х0,7 см и 2х2,15х0,7 см. Изготовлены из латуни (?) золотистого цвета.

Подтип В-2 (1 экз.; рис. 41-13; кат. № 66). Литой перстень (1,9х1,9х1 см), с невыделенным щитком (1–1,6 см). Остальные признаки «классических» форм (см. тип В-1), включая нижний наплыв, сохранены. Щиток ромбический, крепится к шинке небольшими валиками. На щитке имеется нечитаемый рисунок, состоящий из хаотических чёрточек. На боковых сторонах шинки у щитка имеются следы гравированных рисунков – циркульного орнамента и точечных следов пуансона. Перстень покрыт тёмно-зелёной патиной.

Медные или бронзовые перстни типологически однообразны (*илл. 471*). Это литые поделки (известны каменные формы для их изготовления) стандартной формы, копирующие золотые, костяные и стеклянные перстни конца XIII – начала XV вв. с выделенным объёмным прямоугольным щитком (*илл. 471-2;3*). Подражанием перстням из драгоценных метал-

лов является и поделка с имитацией надписей на щитке и боковых сторонах (*илл. 471-5*). Не случайно, что они концентрируются в Булгаре, где серебряные и золотые перстни такой формы имели широкое хождение. Форма перстня с высоким объёмным щитком в виде многогранника (*илл. 471-4*) заимствована от иранских прототипов XII–XIII вв., с кастом и вставкой.

илл. 471. Медные и бронзовые перстни из Булгара. Собрание НМ РТ. Прорисовка орнаментов К. А. Руденко

БРАСЛЕТЫ «БУЛГАРСКОГО ТИПА»

В отличие от домонгольского времени основным видом украшений рук в эпоху Золотой Орды стали пластинчатые литые браслеты, украшенные выгравированными изображениями львиных личин, геометрическими и растительными узорами, а также анэпиграфным орнаментом или читаемыми надписями. В литературе они получили название браслеты «булгарского типа».

таблица И

ПЛАСТИНЧАТЫЕ БРАСЛЕТЫ ИЗ СЕРЕБРА И МЕДИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIII–XIV вв. ИЗ ФОНДОВ НМ РТ И МА К(П)ФУ

№ п/п	Шифр: НМ РТ, №	Место находки	Материал	Размеры (см)	Рис.	Тип	Каталог №
1.	Б. ш.	Чакма	медь		101-1	В-1	
2.	Б. ш.	Чакма	медь		101-4	В-2	
3.	Б. ш.	Чакма	медь		101-7	В-1	
4.	Б. ш.	Биярское городище	медь		101-8	В-7	
5.	Б. ш.	Биярское городище	медь		101-9	В-8	
6.	Б. ш.	Чакма	медь		101-10	В-3	
7.	Б. ш.	Чакма	медь		101-11	В-6	
8.	Б. ш.	Полянское селище	медь		101-13	В-1	

9.	Б. ш.	Чакма	медь		101-14	В-7	
10.	АКУ-2	Булгар–Биляр	медь		101-15	В-6	
11.	10127-116	Мордовия	медь	4,8 x 5 x 1,2	101-17	В-6	
12.	10127-30	Мордовия	медь	5,2 x 4,5 x 1,1	101-18	В-7	
13.	10127-17	Мордовия	медь		101-19		
14.	16505-1a	Спасский район РТ	медь	6,4 x 5 x 1,75	101-22	Б-9	
15.	699	Не известно	медь		101-25	Б-9	
16.	2867	Не известно	медь	6,2 x 5,2 x 2,2	101-29		
17.	2867	Не известно	медь	6,2 x 5 x 2	101-31	В-1	
18.	2867	Не известно	медь	6,6 x 5,7 x 2	101-32	В-1	
19.	2866	Не известно	медь	6,4 x 5 x 1,5	100-9	Б-5	
20.	16505-1a	Спасский район РТ	серебро				344
21.	16505-1б	Спасский район РТ	серебро	6,9 x 5,6 x 1,7	101-23	Б-9	343
22.	16505-1в	Спасский район РТ	серебро	6,1 x 5,2 x 1,5	100-22	Б-9	354
23.	16505-1г	Спасский район РТ	серебро	6,2 x 5,2 x 1,6	101-24	Б-9	341
24.	10214-75	Булгар (?)	серебро	6,3 x 5 x 1,4	100-13	Б-4	358
25.	10214-78	Булгар (?)	серебро	6,4 x 5 x 1,5	100-14	Б-9	335
26.	10214-70	Булгар (?)	серебро	8,3 x 6 x 1,9	100-15	Б-9	342
27.	5451	Булгар (?)	серебро	6,65 x 4,8 x 1,35	100-16	Б-9	345
28.	10214-77	Булгар (?)	серебро	6,8 x 5,4 x 1,35	100-17	Б-3	355
29.	10214-63	Булгар (?)	серебро	7,5 x 6,1 x 2	100-18	Б-9	334
30.	10214-34	Булгар (?)	серебро	7,1 x 5,6 x 1,65	100-19	Б-9	332
31.	5867	Булгар	серебро	6 x 5 x 1,7	100-20	Б-9	352
32.	12622	Булгар (?)	серебро	5,2 x 5,8 x 1,4	100-21	Б-9	351
33.	10214-31	Булгар (?)	серебро	6,3 x 6,1 x 1,3	100-23	Б-7.2	336
34.	10214-33	Булгар (?)	серебро	6,2 x 5,1 x 1,3	100-24	Б-7.2	333
35.	5497	Булгар	серебро	5,85 x 5,3 x 1,2	100-25	Б-7	338
36.	6470	не известно	серебро	6,1 x 5,6 x 1,4	101-20		340
37.	10134-2	Чувашия ?	серебро	6 x 5,7 x 1,45	101-21		342
38.	10214-32	Булгар (?)	серебро	6,7 x 4,8 x 1,15	100-1	Б-7.1	330
39.	11443	Карашамский клад	серебро	6,3 x 4,6 x 1,4	100-2	Б-9	356
40.	11441	Карашамский клад	серебро	6,2 x 4,9 x 0,9		Б-1	
41.	11446	Карашамский клад	серебро	6 x 5 x 18	100-3		348
42.	11447	Карашамский клад	серебро	6,2 x 5 x 1,6	100-4		350
43.	11442	Карашамский клад	серебро	6,5 x 5 x 1,5	100-5	Б-9	347
44.	11445	Карашамский клад	серебро	6,9 x 5 x 1,9	100-6	Б-6	349
45.	Б. ш.	Не известно	серебро	6,1 x 5,3 x 1,65			357
46.	11448	Карашамский клад	серебро	6 x 5 x 1,4	100-7	Б-9	359
47.	10214-35	Не известно	серебро	6,5 x 5,6 x 1,65		Б-8	
48.	11440	Карашамский клад	серебро	6,9 x 5,5 x 1,7	100-8	Б-2	
49.	5498		серебро	15,5 x 1,72 x 2,8	100-10	Б-5	362
50.	Б. ш.	Не известно	серебро	6,35 x 4,6 x 1,75	100-11	Б-5	325
51.	10199	Не известно	серебро	7,4 x 5,6 x 1,35	100-12	Б-4	353
52.	Су-595	Булгар	серебро				339
53.	109-35, су 128	Булгар (?)	серебро				337

В собрании НМ РТ имеется коллекция серебряных (30 экз.) и медных (23 экз.) браслетов этого типа (*табл. И*). Часть их происходит из собрания А. Ф. Лихачёва, часть – из коллекции Л. О. Сиклера (НМ РТ, КП-10214), остальные – из приобретений музея ОАИЭ и закупок Казанского городского музея в 1920-х гг. Несколько браслетов из Предволжья были приобретены в 1926 г. (НМ РТ, КП-10127). В 1920-х гг. один браслет был приобретён у С. М. Афонского из Чувашии (НМ РТ, КП-10134). В начале 1950-х гг. в фонды музея поступил Карашамский клад, в составе которого были серебряные браслеты [Калинин, Халиков, 1954, с. 116–120] (см. Часть I). Медные браслеты с львиными личинами были куплены музеем в 1975 г. у Г. И. Дмитриева вместе с перстнем и серьгой (НМ РТ, КП-16505).

К настоящему времени накопилась довольно обширная литература по этой теме. Одним из первых к этим артефактам обратился Н. Ф. Калинин в середине XX в. Он изучил браслеты из собрания Казанского музея. В своём докладе «К вопросу о происхождении казанских татар» Н. Ф. Калинин привёл их в качестве примера преемственности болгарского «звериного стиля» в X–XIV вв. Он писал: «Преемственность прослеживается даже в орнаментах звериного стиля, довольно широко применявшегося у болгар и почти не встречающегося в поздних татарских украшениях. Рис. 15 представляет эволюцию одного из мотивов орнамента на пластинчатых браслетах – изображения головы львицы, постепенно превращавшегося в геометрическую схему» [Калинин, 1948, с. 107].

Позднее А. П. Смирнов высказал мнение, что браслеты с изображениями львиных морд изготавливались булгарами с XII в., опираясь в этом суждении на ошибочное размещение изображений этих браслетов в публикации А. С. Гущина из Крещёноелтанского клада золотоордынского времени в составе Спасского клада [Смирнов, 1951, с. 122, 126]. То, что эта дата удревлена, отметил М. Г. Крамаровский [Крамаровский, 2001, с. 187–189].

К «львиноголовым» браслетам в 1980-х гг. обратилась Г. Ф. Полякова. Она разработала типологию таких изделий с Болгарского городища, включив их в группы А (5 экз.), Б-II (3 экз.) и В-IV-г-1 (фрагменты, 29 экз.). Всего ей в этой публикации было учтено 33 таких находки [Полякова, 1996, с. 185]. Упомянутые ею золотые браслеты этого типа происходят из находок (клада) 1877 г. на Болгарском городище [Полякова, 1996, рис. 62-1-3, 7, 8; Сокровища, 2000, с. 79, кат. №№ 71, 72].

М. Г. Крамаровский выделяет три группы таких украшений: а) пластинчатые браслеты с несомкнутыми концами с изображением львиных личин; б) сомкнутые двустворчатые браслеты с шарнирным замком, скрытым округлой лицевой пластиной; в) двустворчатые пластинчатые браслеты с персидской надписью и рельефным декором [Крамаровский, 2001, с. 186]. Он же высказал предположение, что производство таких браслетов осуществлялось в различных пунктах Золотой Орды [Крамаровский, 1978, с. 46–51; 2001, с. 186–195].

Систематизацию и анализ браслетов из золота, серебра и меди с львиными личинами из собрания НМ РТ осуществил К. А. Руденко [Руденко, 2006, с. 115–124, рис. 14-16].

Серебряные браслеты изготавливались литьём, чеканкой и ковкой с гравировкой, а бронзовые – штамповкой с использованием матрицы. Как предполагает И. В. Волков, матрица с плохо читаемой арабской благопожелательной надписью («Слава вечная, и жизнь благополучная, и успех...») была инструментом, с помощью которого выпускались львиноголовые браслеты этого типа в Булгаре или туда привозились из какой-либо другой мастерской [Волков, 2002, с. 108].

Рассмотренные нами серебряные браслеты, как правило, кованные из пластинчатой литой заготовки (в одном случае из дрота) или вырезанные (?) из серебряной пластины. После отливки края её обрабатывались напильником (*илл. 472*). Основной декор внешней стороны браслета (выпуклый валик в центре) получался при литье (*илл. 473*). Заготовка имела длину 16–18 см, ширину до 2 см и толщину 0,1–0,2 см. Вес колеблется в пределах 20–41 г.

При дальнейшей обработке заготовка иногда трескалась (*илл. 474*), хотя такие случаи редки. Доводка браслета производилась чеканкой с лицевой стороны (НМ РТ, инв. № 11445,

илл. 472. Серебряный пластинчатый браслет с изображением львиных морд: следы напильника на крае изделия. Деталь

илл. 473. Серебряный пластинчатый браслет с изображением львиных морд: выпуклый валик на спинке изделия. Деталь

илл. 474. Серебряный пластинчатый браслет с изображением львиных морд: трещины на внутренней поверхности браслета. Деталь

илл. 475. Серебряный пластинчатый браслет с изображением львиных морд: следы чеканки с лицевой стороны и изнутри

илл. 476. Серебряный пластинчатый браслет с изображением львиных морд: следы чеканки с внутренней стороны изделия

рис. 14-6) или с двух сторон (НМ РТ, инв. №№ 12622, 11447, 5867, **рис. 100-4, 20, 21**) (**илл. 475**). При чеканке изнутри образовывалась неглубокая «канавка» (например: НМ РТ, инв. № 11443, **рис. 100-2**) (**илл. 476**).

Поверхность браслетов в большинстве случаев не имеет декора, кроме рельефной выгнутой поверхности, подчеркнутую двумя парами неглубоких канавок по краям браслета. Встречается и по одной канавке по краям (**рис. 100-21**). Часто валик между боковыми канавками украшен наклонными насечками (типа «верёвочки») (**рис. 14-4, 9, 11, 14, 20**) (**илл. 477**). Этот же приём копируется и на бронзовых изделиях (**рис. 101-5, 8, 9, 14, 26, 28**). Использовался также пуансон (**илл. 478**). Скорее всего, при нанесении декора ювелиры применяли несколько инструментов: специальные резцы для нанесения циркульного орнамента или насечек на морде льва (**илл. 479**), чеканы для изображения контура морды. На нескольких изделиях поверхность браслета заполирована (НМ РТ, инв. №№ 10214-75; 11448, **рис. 100-13, 7; кат. № 359**).

илл. 478. Серебряный пластинчатый браслет с изображением львиных морд: следы работы пуансоном

илл. 479. Серебряный пластинчатый браслет с изображением львиных морд: следы работы разными инструментами при нанесении рисунка и орнамента

илл. 477. Серебряный пластинчатый браслет с изображением львиных морд: украшение валика на спинке изделия. Деталь

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ

По материалу браслеты делятся на золотые, серебряные и бронзовые/медные. Чаще всего это – пластинчатые изделия, и в единичных случаях встречаются золотые составные браслеты, состоящие из нескольких частей, соединённых шарнирами. И золотые, и серебряные браслеты достаточно стандартны как по форме, так и по оформлению. В декоре преобладает оформление окончаний браслетов рисунком львиных морд. Разница между ними прослеживается в деталях рисунков на этих изделиях. Так, в двух случаях поверхность браслета покрыта штрихами (имитация «шерсти» на шкуре льва) и круглыми чеканными точками (**pus. 100-6, 11**). Иногда мелким пуансоном схематично изображена грива (**pus. 100-3, 6, 10**). Середина браслетов в 5 случаях украшена изображением цветка (**pus. 14-9–13**); кроме того, на двух из них имеются стилизованные рисунки (геометрический или растительный орнамент) (**pus. 100-12, 13**). Гравированные надписи (персидские и татарские), нанесённые после изготовления браслета в разное время, имеются только на одном изделии из коллекции Л. О. Сиклера (**pus. 100-1**). Чаще надписи (читаемые и нечитаемые) встречаются на бронзовых браслетах.

В изображении львиной личины на серебряных браслетах соблюдались определённые правила (**илл. 480**). Это, во-первых, стандартная схема рисунка лицевой части головы льва, состоящей из щёк (а), носа (б), глаз (в), губ или, точнее, подушечки верхней губы с усами (г), подбородка или нижней губы (д), бровей (е), межбровья (грива или чёлка гривы) (ж), закривка (з). Схема, в целом, достаточно проста: две боковые дуги – щёки; маленький полуросчерк дуги образовывал глаза; а мелкие дуги обозначали подушечки усов и брови. В одном случае мастер виртуозно, одним движением, вывел линию щёк в чуть приподнятые брови, а также подчеркнул нос над единой волнистой линией усов (**pus. 100-20**). Глаза «оживле-

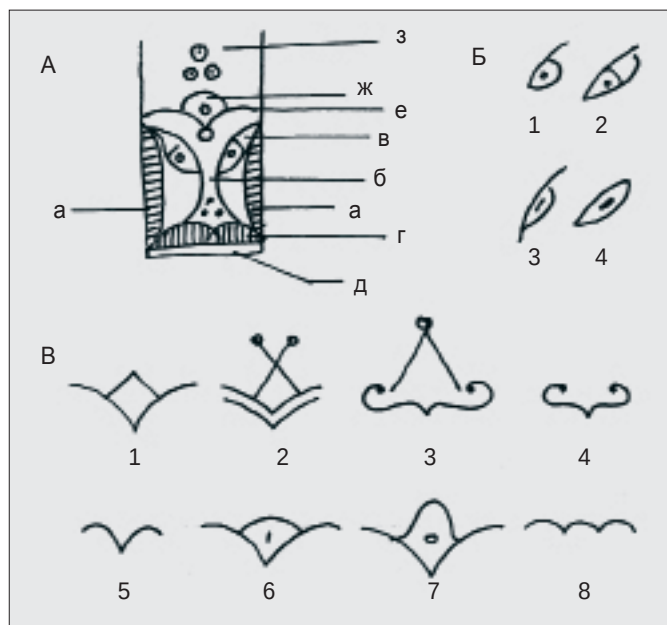
ны» зрачками или зрачками с «ресничками», намеченными штрихом резца (**pus. 100-2–4, 11, 15, 17, 18, 20**). Иногда зрачки «подведены» дополнительной линией (**pus. 100-10, 14**).

Различия в этом изобразительном каноне заметны, во-первых, в вариациях нескольких элементов рисунка – глаз и бровей с «чёлкой»; во-вторых, в оформлении рисунка: шерсть на щеках и усах изображалась насечками, и только в двух случаях это правило было нарушено (**pus. 100-2; 101-23**). Когда гравёр отступал от канона, получались весьма замысловатые изображения, зачастую мало чем напоминавшие оригинальное изображение (**pus. 101-19, левая часть браслета**), а на бронзовых или медных изделиях это уже совершенно абстрактные рисунки (**pus. 101-17, 18**). Упрощение узнаваемого рисунка сводилось либо к схематизации основных черт (**pus. 100-23, 24**), либо к символическому намёку на оригинал (**pus. 100-13, 25**).

Львиные личины имеют свои особенности изображения. Самым схематизированным является рисунок, где лев «потерял» зрачки, а «брови» получили вид фигурной скобки (**pus. 101-20, 21**). Последний элемент имеется и на вполне нормальном рисунке львиной личины (**pus. 100-4**). Условность изображения в таких рисунках находилась в прямой зависимости от степени аккуратности гравёра: лев мог оказаться «спящим» (**pus. 100-5**), асимметричным (**pus. 100-12, 19, 21**). Выражение морды льва менялось в зависимости от заданных пропорций: высоких или низких. В последнем случае выражение морды льва приобретало кошачьи черты (**pus. 100-3, 6, 10, 11; 101-25**).

Несколько отличается от остальных серебряный браслет, где на внешнюю поверхность нанесён циркульный орнамент, центральный валик украшен «встречными» насечками; грива намечена волнистой линией (тремя дугами) и также низ морды животного (**илл. 481**).

Межбровье на львиной личине украшалось треугольником (как вариант – ромбом) или дугой. В центре этой фигуры по-

илл. 480. Орнаментальные схемы на серебряных пластинчатых браслетах. Составлены К. А. Руденко

илл. 481. Серебряный пластинчатый браслет с изображением львиных морд: сочетание разных орнаментальных мотивов

мещались одна или несколько точек. Строенные точки венчали «межбровную» композицию. Практически все отмеченные детали встречаются на медных браслетах (**pus. 101-30–32**). Однако только в одном случае внешняя плоскость медного браслета украшена циркульным орнаментом (**pus. 101-32**).

Браслеты делятся по материалу на три группы. Относятся все они к отделу пластинчатых. Типы выделяются по особенностям конструкции и оформления; по характеру декора и композиции определяются подтип браслета и варианты подтипа.

ОТДЕЛ А. ЗОЛОТЫЕ

Тип А (5 экз.). Пластинчатые. Найдены на Болгарском городище. Выделяются три подтипа:

Подтип А-1.1 (2 экз.) (илл. 482) (ГЭ, инв. № 30-705). Золотая Орда, Булгар, вторая половина XIV в. Найдены в составе Булгарского клада 1877 г. Пластинчатые, разомкнутые. Ковка, гравировка. На концах – изображения львиных личин. Имеются небольшие отличия в деталях: при совпадении общего вида (например, глаза: **илл. 449: Б-3**) на одном браслете (ГЭ, № 30-704) на львиной морде намечены небольшие острые ушки; на втором ушки имитированы мелкими кружочками, и брови другого варианта (**илл. 480: В-6**) [Сокровища, 2001, с. 231, 232, №№ 71, 72].

илл. 483.
Золотой
пластинчатый
браслет
из Булгара.
Собрание
НМ РТ

илл. 484.
Золотой
пластинчатый
браслет
из Булгара.
Собрание
НМ РТ

илл. 485.
Золотой
пластинчатый
шарнирный
браслет
из Булгара.
Собрание
НМ РТ

илл. 482. Золотые браслеты из Булгарского клада 1877 г.
Собрание ГЭ

Подтип А-1.2 (2 экз.) (НМ РТ, инв. №№ 5838; 5839) (**илл. 483, 484**). Золотая Орда, Булгар (?), вторая половина XIV в. Находки на Болгарском городище. Пластинчатые, разомкнутые. Ковка, гравировка, чернь. На концах и посередине – гравированные изображения стилизованных растительных сюжетов, вписанных в ромб, заключённых в квадратную рамку. По краям рамки имеются дополнительные схематичные рисунки [Болгар, 1868, табл. V-1, 2]. Имеются серебряные аналоги.

Подтип А-1.3 (1 экз.) (НМ РТ, инв. № 5837) (**илл. 485**). Золотая Орда или Малая Азия, XIII–XIV вв. Находка на Болгарском городище. Пластинчатый, замкнутый, с шарнирным замком. В средней части – изображение многолепестковой розетки; на концах – сидящая пара львов с переплетёнными

хвостами. На сгибах браслета имеются стилизованные фигуры драконов (?). Свободное пространство заполнено фигурными картушами с мотивами крина [Болгар, 1868, табл. V-3; Полякова, 1996, с. 180, тип А-1а-1, рис. 62-1.].

Подтип А-2 (1 экз.) (ГЭ, инв. № 30-717) (**илл. 457**) Крым–Малая Азия (?), конец XIV–XV вв. Найден в составе Джукетауского клада 1925 г. Шарнирный, двустворчатый, с замком в виде втулки с кольцами на узких сторонах, закрытым квадратной пластиной с круглым медальоном с чеканным орнаментом. На створках из тонкой проволоки выложена надпись «*Да будет мир покровителем владельцу этого [предмета], где бы он ни находился*» (чтение и перевод А. А. Иванова), заключённая в рамку из двух литых полуколонок, заканчивающихся львиными масками [Сокровища, 2000, с. 242–243, кат. № 111].

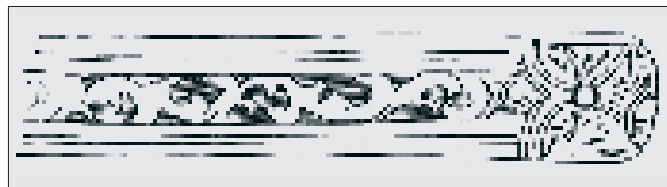
ОТДЕЛ Б. СЕРЕБРЯНЫЕ

Типы Б-1 и Б-2 представлены браслетами в геометрическом стиле, встреченными на памятниках ордынского времени Самарской Луки. В Булгарском улусе, как и в самом Булгаре, часто встречаются бронзовые отливки таких браслетов (*илл. 486*). Рисунок на них вряд ли правомерно соотносить с зооморфными мотивами, как на браслетах типов Б-3–Б-9. Возможно, браслеты этого типа из серебра были вторичны по отношению к бронзовым.

илл. 486. Бронзовый пластинчатый браслет из Булгара. Собрание НМ РТ

Тип Б-3 «лев с лозой» (1 экз.; рис. 100-17). Среднее Поволжье (Булгар?), XIV в. находка на Булгарском городище. Пластинчатый. Ковка, гравировка, чернь. Браслет выкован из заготовки, вырезанной из кованой серебряной пластины толщиной 0,1–0,2 см. Аналогично изготовлен ещё один браслет (*рис. 100-11*). Подправлен он с внутренней стороны молоточком или зубильцем (?). Стилизованный рисунок в виде побега (лозы?) нанесён на всю внешнюю поверхность изделия (*илл. 487*). Фон рисунка, расштрихованный крупными линиями, зачернён (?).

илл. 487. Прорисовка К. А. Руденко орнамента на серебряном браслете из Булгара. Собрание НМ РТ

Тип Б-4 «лев с цветами» (2 экз.; рис. 100-12, 13). Золотая Орда, Крым (?), первая половина XIV в. находки на Булгарском городище. Пластинчатые. Литъё, ковка, гравировка. Посередине браслета помещено изображение бутона цветка в окружении стилизованных растительных побегов. Этот сюжет подавил и ведущий образ изделия – львиные личины: они выполнены схематично, и об их истинном виде можно только догадываться. Браслеты массивные; сечение подтреугольное (*рис. 100-13*) и подпрямоугольное (*рис. 100-12*). Медный браслет с рисунком, копировавшим оригинальное изображе-

ние этого типа, найден на Булгарском городище в подъёмном материале (БГИАМЗ, № 12-128) (*илл. 488*). Близкие сюжеты имеются на серебряных браслетах начала XIV в. из могильника Мамай-Сурка [Эльников, 2002, с. 253, рис. 2-1].

илл. 488. Прорисовка К. А. Руденко орнамента на серебряном браслете из Булгара. Собрание БГИАМЗ

Тип Б-5 «лев с пионом» (3 экз.; рис. 100-9–11). находки на Булгарском городище. Среднее Поволжье, Булгар, первая половина – середина XIV в. Ковка, чеканка, гравировка. Обратная сторона имеет следы работы чеканом (?). По центру браслета с внешней стороны имеется изображение пяти- или восьмилепестковой розетки в нескольких видах: 1) с фигурными листьями в «реалистической манере» (*рис. 100-9*); 2) с геометрическими формами и с рисунком «скелета» листа в «символической манере» (*рис. 100-11*). Выпуклая средняя часть его оставлена гладкой или украшена несколькими желобками, валик между которыми имеет наклонные насечки. В качестве исходного образа могли выступать изображения, близкие к рисунку на браслете из погребения № 500 первой половины XIV в. из могильника Мамай-Сурка [Эльников, 2002, с. 254, рис. 2-2].

Браслет с рисунком в «реалистической манере» близок браслетам подтипа Б-4 и, видимо, изготавливался примерно в это же время или в той же мастерской в первой половине XIV в. Остальные браслеты выполнены в середине этого столетия.

Тип Б-6 «водяной лев» (1 экз.; рис. 100-6). находка на Булгарском городище. Среднее Поволжье, Булгар, вторая – третья четверть XIV в. Ковка, гравировка. Внешняя поверхность браслета украшена 5 желобками: два – с краёв и три – в центре. На свободной поверхности нанесены пуансоном строенные точки и насечки; на «затылке» изображён «шлейф»; всё это вместе создаёт впечатление следов на воде плывущего льва (?), хотя здесь это существо «потеряло» ещё один элемент схемы: усы с верхней губой. По степени стилизации схемы львиной личины она занимает следующую ступень после типа Б-5.

Тип Б-7 «символический лев» (5 экз.; рис. 100-1, 23–25). Варианты:

Подтип Б-7.1 (рис. 100-1) находка на Булгарском городище. Среднее Поволжье, Булгар, вторая половина XIV в. Литъё, ковка, гравировка. На массивном обруче с лицевой стороны в овальных картушах имеются персидские надписи. Длинная надпись нанесена на обратную сторону браслета. На

одном конце изделия небрежно изображена львиная личина, на другом конце этот рисунок вообще отсутствует. Отметим на рисунке льва фигурноскобчатые брови, сближающие его с браслетом «классического льва» (рис. 100-3) из Карашамского клада и с медным браслетом из Полянского селища (рис. 101-13).

Подтип Б-7.2 (рис. 100-23, 24). Среднее Поволжье, Булгар, XIV в. Находка на Болгарском городище. Литьё, ковка, гравировка. На внешней поверхности браслета нанесены неглубокие желобки с косой насечкой. Изображение львиной личины символически сохраняет общую схему рисунка.

Подтип Б-7.3 (рис. 100-25). Среднее Поволжье, Булгар, изготовление: вторая четверть XIV в.; бытование: вторая половина XIV – первая четверть XV вв. Находка на Болгарском городище. Литьё, ковка, гравировка. Браслет треугольного сечения, с гладкой неорнаментированной внешней поверхностью. Рисунок львиной личины превратился в условную схему, напоминающую геометрический орнамент. Форма браслета аналогична браслету типа Б-4 (рис. 14-13) и, видимо, он относится к изделиям одной мастерской или мастера.

Подтип Б-7.4 (2 экз.; рис. 101-20, 21). Среднее Поволжье, Булгар, изготовление: вторая четверть XIV в.; бытование: вторая половина XIV – первая четверть XV вв. Находки на Болгарском городище. Ковка, чеканка, гравировка. Внешняя поверхность украшена желобками с насечками (рис. 101-20) или без них. Львиные морды выполнены гротескно в геометрической, почти абстрактной манере, с характерными фигурноскобчатыми бровями и «чёлочкой».

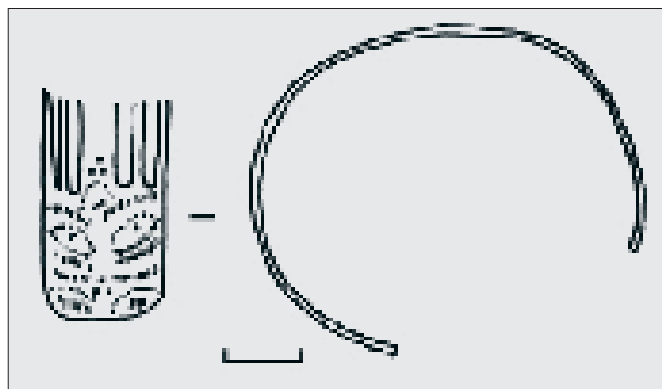
Такой стиль изображения морды является продуктом эволюции данного образа (в порядке упрощения) от а) «льва с пионом» (рис. 100-10) к б) вариантам «классического льва» (рис. 100-3, 20), завершаясь изображением на концах браслета, в) «льва в колпачке» (рис. 100-2, 4) с треугольным межбровьем. Подтип Б-7.4 занимает промежуточное положение между изображениями на браслетах б) и в).

Тип Б-8 «пятнистый лев» (1 экз.; рис. 101-7). Среднее Поволжье, Булгар, изготовление: вторая четверть XIV в.; бытование: вторая половина XIV – первая четверть XV вв. Найден в составе Карашамского клада. Ковка, чеканка, гравировка. Львиные личины стилизованы, при сохранении основных элементов схемы; на внешней поверхности – циркульный орнамент. Оформление бровей и «гривы» схоже с изображениями на браслете типа Б-4 (рис. 100-11).

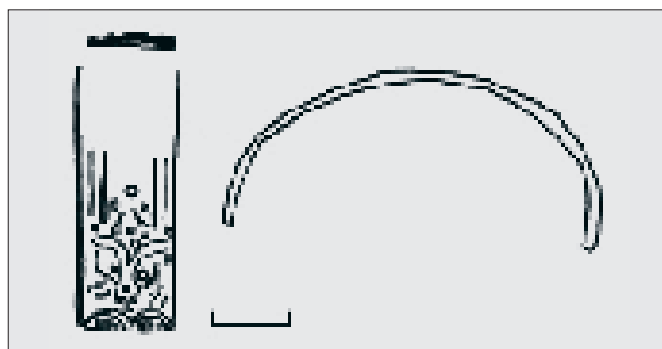
Тип Б-9.1 «классический лев» (20 экз.¹; рис. 100-2–5, 7, 14–16, 18–22; 101-22–25, 33, 34). Среднее Поволжье, Булгар, XIV – первая четверть XV вв. Найдены на Болгарском городище и в составе Карашамского клада (1 экз.). Ещё 5 экз. таких браслетов происходят из клада на Болгарском городище 2012 г. (раскопки И. И. Ёлкиной) [Великий, 2013, с. 297]. Литьё, ковка, чеканка, гравировка. Внешняя поверхность украшена не-

илл. 489. Серебряный пластинчатый браслет с изображением львиных морд: пробитые отверстия на окончаниях изделия

илл. 490. Прорисовка К. А. Руденко орнамента на медном браслете из Булгара

илл. 491. Прорисовка К. А. Руденко орнамента на браслете из низкопробного серебра из Булгара

сколькими желобками; в схеме рисунка личины присутствует большая часть элементов, причём композиционно линия носа и усов даёт ромбовидные очертания. На одном изделии окончания браслета имеют сквозные отверстия (илл. 489). Имеются и точные реплики этого типа, исполненные в бронзе и меди (илл. 490) и низкопробном серебре² (илл. 491).

Тип Б-9.2 (1 экз.; рис. 100-15). Аналогичен предыдущему подтипу, отличается только наличием боковых вертикальных линий на морде льва.

¹ Коллекции НМ РТ (19 экз.) и ГИМ (1 экз.).

² НМ РТ, инв. № 7719-57, Булг. 10.

Тип Б-10 «удлинённый» (2 экз.; илл. 492). Среднее Поволжье, Булгар, XIV – первая четверть XV вв. находка на Болгарском городище. Литьё, ковка, чеканка, гравировка. Внешняя поверхность украшена несколькими желобками; морда льва выполнена в стиле «классического льва» (рис. 100-5), однако имеет пропорции 1:2, тогда как у большинства других изображений пропорции 1:1. На втором браслете окончания имеют сквозные отверстия, скорее всего вторичного происхождения (илл. 493).

Ряд браслетов имеет индивидуальные особенности в манере нанесения рисунка и мелких деталей, повторяющихся на нескольких поделках. Это позволяет предполагать, что серебряные браслеты «булгарского типа» изготавливались небольшими партиями, которые делал один ювелир. При этом встречаются браслеты, у которых львиные морды на окончаниях выполнены по-разному. Например, на браслете из НМ РТ (илл. 494) с одной стороны мы видим изображение львиной личины со стилизованным изображением подуше-

илл. 492. «Удлиненные» львиные морды на окончаниях серебряного браслета. Собрание НМ РТ

илл. 493. Разновидность орнамента на серебряном браслете с «удлинёнными» львиными мордами. Собрание НМ РТ

илл. 494. Вариант оформления серебряного браслета с львиными мордами на окончаниях

чек в виде ряда мелких дуг, узкого носа с широким окончанием, на котором выбит пуансоном ромбик, а также как «грибы» из трёх дуг и с межбровьем в виде галочки (илл. 495). Шерсть на морде показана двумя рядами штриховки. На втором окончании этого браслета пропорции личины более вытянуты, шерсть на морде изображена тремя рядами штриховки; ромбик на окончании носа показан без точек (илл. 496). Такое пренебрежение деталями и их точным воспроизведением на одном изделии встречается на браслетах булгарского типа достаточно часто (илл. 497). Вместе с тем, абсолютное несовпадение рисунков на одном браслете встречено только в одном случае (рис. 101-19). Дальнейшее изучение этой категории браслетов позволит выявить изделия, выполненные одним мастером или в одной мастерской.

илл. 495. Изображение львиной морды на серебряном браслете. Пропорции 1:1. Деталь

илл. 496. Изображение львиной морды на серебряном браслете. Пропорции 1:2. Деталь

илл. 497 Изображение львиной морды на серебряном браслете. Пропорции 1:2. Вариант рисунка. Деталь

ДАТИРОВКА

Большая часть рассмотренных браслетов происходит из подъёмного материала, кроме предметов из Карашамского, Крещёноелтанского и Булгарского кладов. Ранее второй половины XIII в. такие браслеты не известны, и позднее середины XV в. они уже практически не встречаются. Производство таких изделий, видимо, приходилось на ещё более узкий отрезок времени, но уточнить это пока не представляется возможным. Нами браслеты датируются по аналогиям, находкам в кладах и стилистическим особенностям изображений, исходя из предположения, что первые такие изделия были сделаны не в Булгаре. Можно предполагать следующие хронологические и стилистические признаки серебряных браслетов, изготовленных в Булгарском улусе Золотой Орды.

1. Начало производства – *конец XIII – первая четверть XIV вв.* Эти браслеты имеют гладкую внутреннюю поверхность без прочеканки. Вся внешняя плоскость изделия заполнена схематичными рисунками с растительными сюжетами и с розеткой (лотос?) в центре. Как правило, это – копии оригиналов с неясными рисунками и «потерянными изображениями» львиных личин (браслет типа «лев в цветах»: Б-4).

2. *Первая половина – середина XIV в.* На внутренней поверхности браслетов заметны следы работы чеканом; внешняя, выпуклая сторона либо гладкая, либо с желобками; сохраняется рисунок лотоса в центре, но уже в «символической манере», упрощается схема львиной личины за счёт «сокращения» щёк и нижней губы (*рис. 100-10, 11*).

3. *Вторая четверть XIV в.* Рисунки на браслетах имеют различные варианты стилизаций. Это – использование циркульного орнамента, схематических, почти абстрактных рисунков личин иливольная трактовка отдельных элементов схемы (например, «лев в колпачке» (*рис. 100-2, 4*)). На протяжении всего XIV в. в Золотой Орде и, в частности в Булгаре, изготавливались серебряные браслеты с рисунком «классического льва», с сохранением основного изобразительного канона.

ОТДЕЛ В. БРОНЗОВЫЕ/МЕДНЫЕ

Тип В-1 (6 экз.; *рис. 101-1, 7, 13, 30–32*), кованые, с изображением «классического льва» и его стилизаций.

Тип В-2 (1 экз.; *рис. 101-4*), кованые, с имитацией рисунка «лев в цветах».

Тип В-3 (1 экз.; *рис. 101-10*), штампованный, с рисунком животного (лани или оленя) в центральной части и «классическим львом».

Тип В-4 (1 экз.; *рис. 101-11*), штампованный, с анэпиграфическим орнаментом и «классическим львом».

Тип В-5 (2 экз.; *рис. 101-2, 12*), кованые, с чешуйчатым орнаментом.

Тип В-6 (3 экз.; *рис. 101-6, 15, 17*), кованые, с чеканным орнаментом, рисунок: стилизация львиной личины – «абстрактный стиль».

Тип В-7 (3 экз.; *рис. 101-8, 14, 18*) (*илл. 498*), литые или штампованные, с циркульным и кружковым орнаментом. Связь с «львиноголовыми» браслетами обнаруживается по ряду «переходных» композиций, то же на бронзовых изделиях из находок на Болгарском городище (*илл. 499*). Этот тип бронзовых, как правило литых, браслетов активно развивался, создавая различные варианты декора (*илл. 500*), в том числе и в рамках одной композиции (*илл. 501*).

Тип В-8 (1 экз.; *рис. 101-9*), кованый, с «ёлочным орнаментом». Изготавливались такие браслеты в Булгарском улусе в конце XIII–XIV вв.

Бронзовые и медные браслеты появились почти одновременно с серебряными, а иногда и чуть раньше (тип В-5), и отражают разные культурные традиции. Бронзовые браслеты иногда детально копируют образец из серебра или золота (*рис. 101-4*), или же это происходило в произвольной форме (*рис. 101-1*). Уход от канона «возвращал» копиистов к привычным и узнаваемым в местной среде элементам –

илл. 498. Орнамент на бронзовом браслете. Деталь

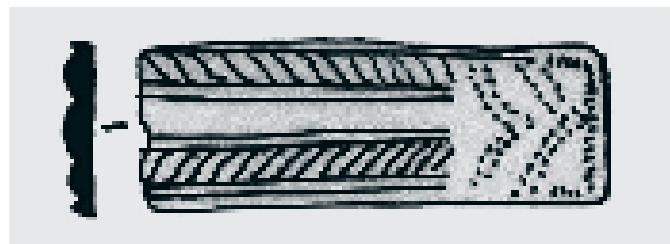
илл. 499. Циркулярный орнамент на бронзовом браслете. Деталь

илл. 500. Орнамент из мелких кружочков на бронзовом браслете. Деталь

имитации шнурового или верёвочного орнамента (*илл. 510*) (*рис. 101-5, 8, 9, 14*), появлению циркульного орнамента (*рис. 101-8*). Да и сама стилизация львиной личины (*рис. 101-6, 15, 14, 17, 18*) уже более всего напоминала украшения предшествующего (домонгольского) времени с геометрическими рисунками. Внешнее копирование орнаментальной схемы приводило к замене типового рисунка вообще чешуйчатым декоративным оформлением (*рис. 101-2, 12*) или к «ёлочно-му» рисунку (*рис. 101-9*).

На «львиноголовых» бронзовых браслетах имеются надписи. Это – различные части благопожелания: «Именем Аллаха...», «успех...». Один браслет использовался в качестве пробы для монетного чекана 1380 г. [Мухамедшин, Хакимзянов, 1996, с. 300–301, №№ 2–4, рис. 90, 91]. Штампованные медные или бронзовые браслеты, как правило, украшены анэпиграфическим орнаментом (*рис. 101-11*) или же (кроме львиных личин) изображением оленя (?) (*рис. 101-10*).

илл. 501. Прорисовка К. А. Руденко орнамента на бронзовом браслете из Булгара

ИЗОБРАЖЕНИЯ НА БРАСЛЕТАХ

В подавляющем большинстве случаев на серебряных браслетах, найденных на территории Булгарского улуса, на окончаниях имеются изображения львиных морд. Образ, соответствующий этому рисунку, имеет аналогии на сасанидских сосудах VII–VIII вв. н.э. Это сюжетные композиции, как, например, лев нападающий на быка – символ победной борьбы солнца с зимой и мраком [Тревер, Луконин, 1987. с. 119, №40], или охотничьи сюжеты, связанные с царской охотой, отражающие мифологические представления того времени. По мнению учёных, исследовавших такие изображения, устойчивая традиция в характерном изображении морды льва/львицы на них сложилась не позднее VII–VIII вв. [Тревер, Луконин, 1987. с. 56, 118, №39]. Именно этот художественный образ ближе всего к львиным личинам на ордынских серебряных браслетах: миндалевидные глаза, треугольный нос и в-образные подушечки усов. Нижняя губа не проработана. Между ушами – ровная чёлка волос.

Схожесть в стилистике изображений львиных морд можно увидеть в индийской скульптуре XI–XII вв. н.э.; в византийской торевтике XI–XIII вв. [Альбанезе, 2003, рис. на с. 144 и с. 235; Короцкая, 1966, с. 42, илл. 9; Даркевич, 1975, с. 190–191]. Фигурки львов имеются на иранских изделиях XII в., на резном штуде IX–XI вв. из Хульбука [Веселовский, 1910, табл. III; Кочевники, 2012, с. 234, кат. №694; Веймарн, 2002, илл. 241] (илл. 502).

илл. 503. Бронзовая курильница в виде животного. Иран, вторая половина XI в. Собрание Фонда Ш. Марждани

Отметим бронзовые иранские литые курильницы в форме львов (барсов?) второй половины XI в. и XII в. (илл. 503) [Веймарн, 2002, илл. 325; Классическое, 2013, с. 88–89, кат. №15].

В Восточной Европе пластинчатые браслеты с изображением морды льва встречены в Новгороде в слое начала XIII в. [Седова, 1981, 119, рис. 41-7]. Они изготовлены из золотистой латуни, как и браслеты XIV в. с этим же мотивом, найденные на этом памятнике. Характерные для Булгара пластинчатые браслеты с изображением львиных морд в Новгороде не встречены.

Можно предположить, что исходной формой пластинчатого браслета с изображением львиных морд были шарнирные узкопластинчатые изделия конца XII – начала XIII вв. иранского или малоазийского производства. Локализация начального импульса в производстве такого рода изделий в этом регионе имеется в литературе [Крамаровский, 2001, с. 189].

Итак, образ льва имеет многочисленные аналогии в древнем и средневековом искусстве Востока, откуда он и был заимствован ювелирами Булгара в последней четверти XIII в.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ, ИСПОЛЬЗОВАНИЕ И СИМВОЛИКА

Как показывают материалы золотоордынских могильников, серебряные браслеты встречаются преимущественно в женских погребениях. Находки их в мужских захоронениях единичны. В целом это можно отнести и к бронзовым браслетам, например, бронзовые браслеты с благожелательными надписями встречены в мужских и женских захоронениях золотоордынского времени [Новохарьковский, 2002, с. 30, 41].

Носились браслеты на руках, по одному на запястье. Иногда для удобства ношения на окончаниях браслетов пробивались отверстия, в которые продевалась нить, стягивающая браслет до нужного диаметра.

илл. 502. Бронзовые соединительные муфты шестов палатки. Иран или Средняя Азия, XII в. Собрание ГЭ

Серебряные «львиноголовые» браслеты в кочевнических захоронениях встречаются редко и, как правило, там, где поблизости были ремесленные или административные центры Золотой Орды. В целом, распространение их локально. Так же локально распространялись и характерные приёмы декорирования этих изделий. В большинстве случаев устойчиво сохранялась только композиция рисунка: в средней части браслета цветочная розетка (**илл. 504**) и оформление окончаний браслета львиными мордами или стилизованными орнаментами.

Характерные для изделий Булгара изобразительные приёмы на серебряных браслетах переносились на их реплики из других металлов, что хорошо видно, например, по находкам с золотоордынских поселений в окрестностях Суvara (**илл. 505**). Это подтверждает факт того, что для Булгарского улуса был характерен определённый стиль украшения браслетов ЛМ.

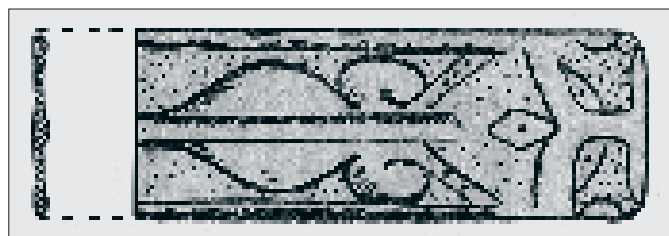

илл. 504. Серебряный пластинчатый браслет с изображением львиных морд из Муранского могильника (Самарская Лука), XIII–XIV вв. Собрание СОИКМ

илл. 505. Бронзовые пластинчатые браслеты XIV в. из окрестностей Суварского городища. Собрание Суварского музея

Серебряные браслеты, стилистически близкие булгарским «львиноголовым», производства Улуса Мохши (Наровчат), и встречающиеся в мордовских могильниках XIV в.: Барбашинском (**илл. 506**), Гагинском (**илл. 507**), Муранском [Алихова, 1954, с. 277, рис. 18-2–9; 1959, с. 172, табл. 68-10, 13, 14], при всей схожести с булгарскими выполнены в иной манере. Ещё больше отличий в изображениях на серебряных браслетах из южных и западных регионов Золотой Орды. На изделиях первой половины XIV в. из кочевнических

илл. 506. Прорисовка А. Е. Алиховой орнамента на серебряном пластинчатом браслете из Гагинского могильника (Мордовия), XIV в.

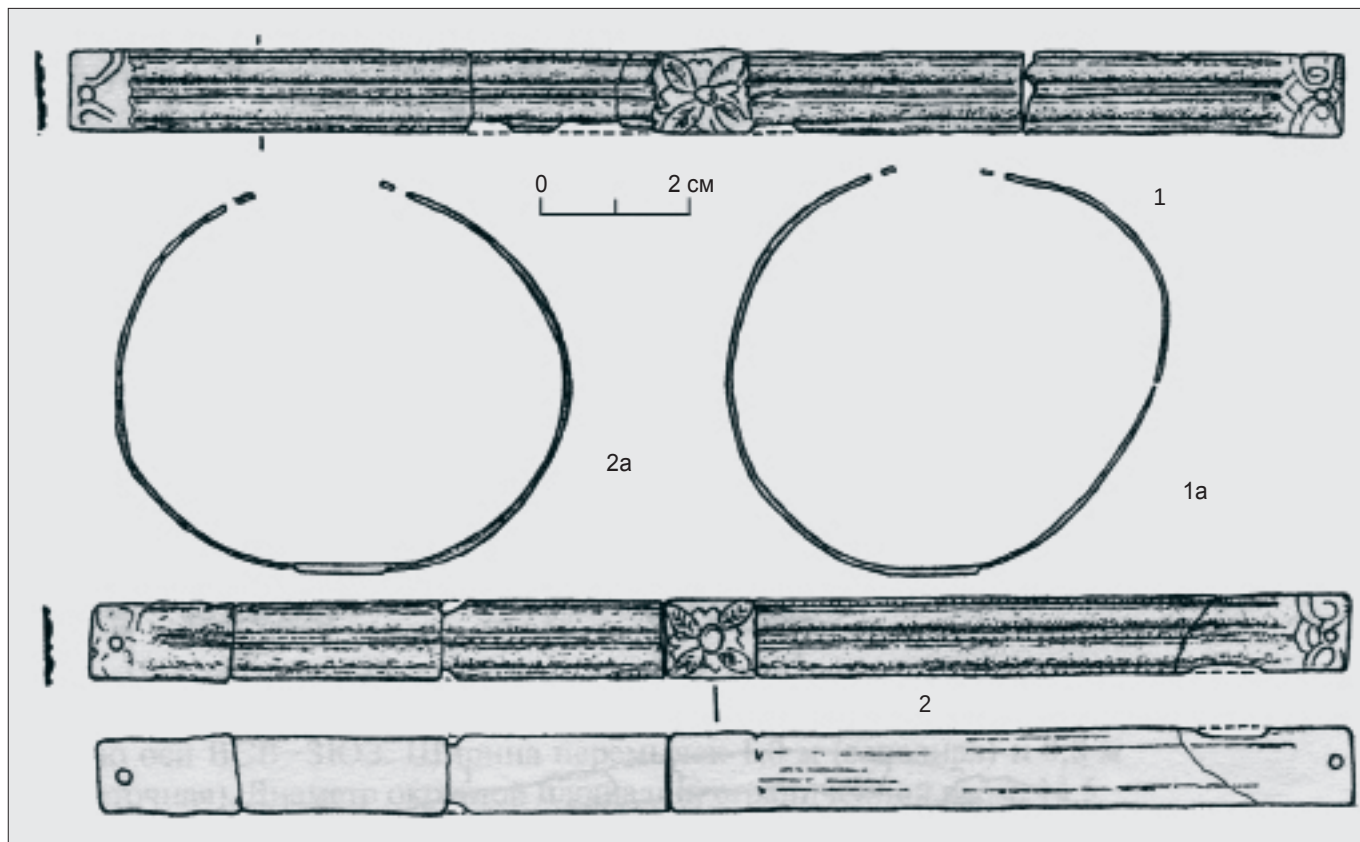
илл. 507. Серебряный пластинчатый браслет с изображением львиных морд из Муранского могильника (Самарская Лука), XIII–XIV вв. Собрание СОИКМ

захоронений львиные личины уже превратились в условные изображения геометрического характера (**илл. 508**). Причём здесь прослеживается стилистическая близость не с находками из Булгарского улуса, а, судя по материалам Василицкого клад, с центрами на Нижней Волге или в Крыму [Строкова, 2006, с. 187, рис. 1] (**илл. 509**).

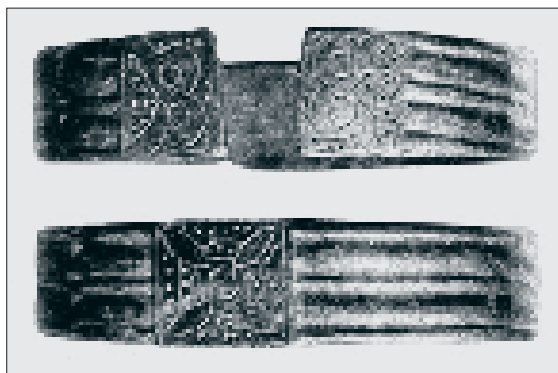
Отметим, что браслеты ЛМ, сделанные в Булгаре, редко распространялись за пределы Булгарского улуса. Такие случаи единичны: один аналогичный браслет найден в Старой Рязани, один, со стилизованным рисунком – на Селитренном городище [Монгайт, с. 178, рис. 137-1; Егоров, Руденко, Гри-

горьев, 2003, с. 511, рис. 1-3]. На восточных и южных границах улуса, в кочевой степи, такие браслеты не встречаются. А в западном направлении распространялись браслеты ЛМ «южного стиля», наподобие тех, что встречены на могильнике Мамай-Сурка (**илл. 511**). Аналогичные им имеются среди находок на Никольском селище в Посурье (**илл. 510**).

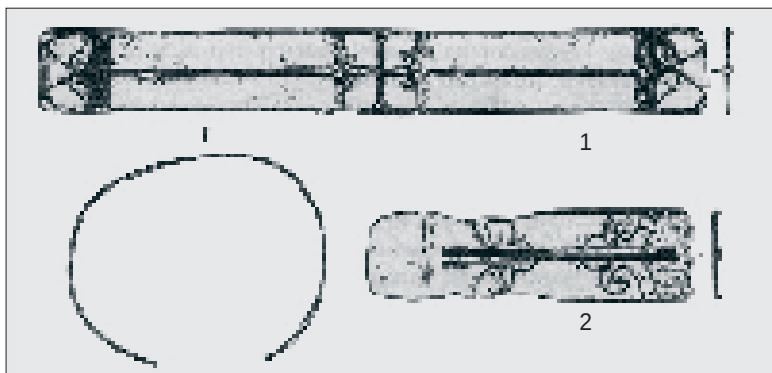
Это показывает, что не было единого стиля этих браслетов: центры или мастерские, в которых их производили, обладали своими специфическими чертами. Скорее всего, изначально не было единого образца, из которого развивались изобразительные композиции на этих изделиях.

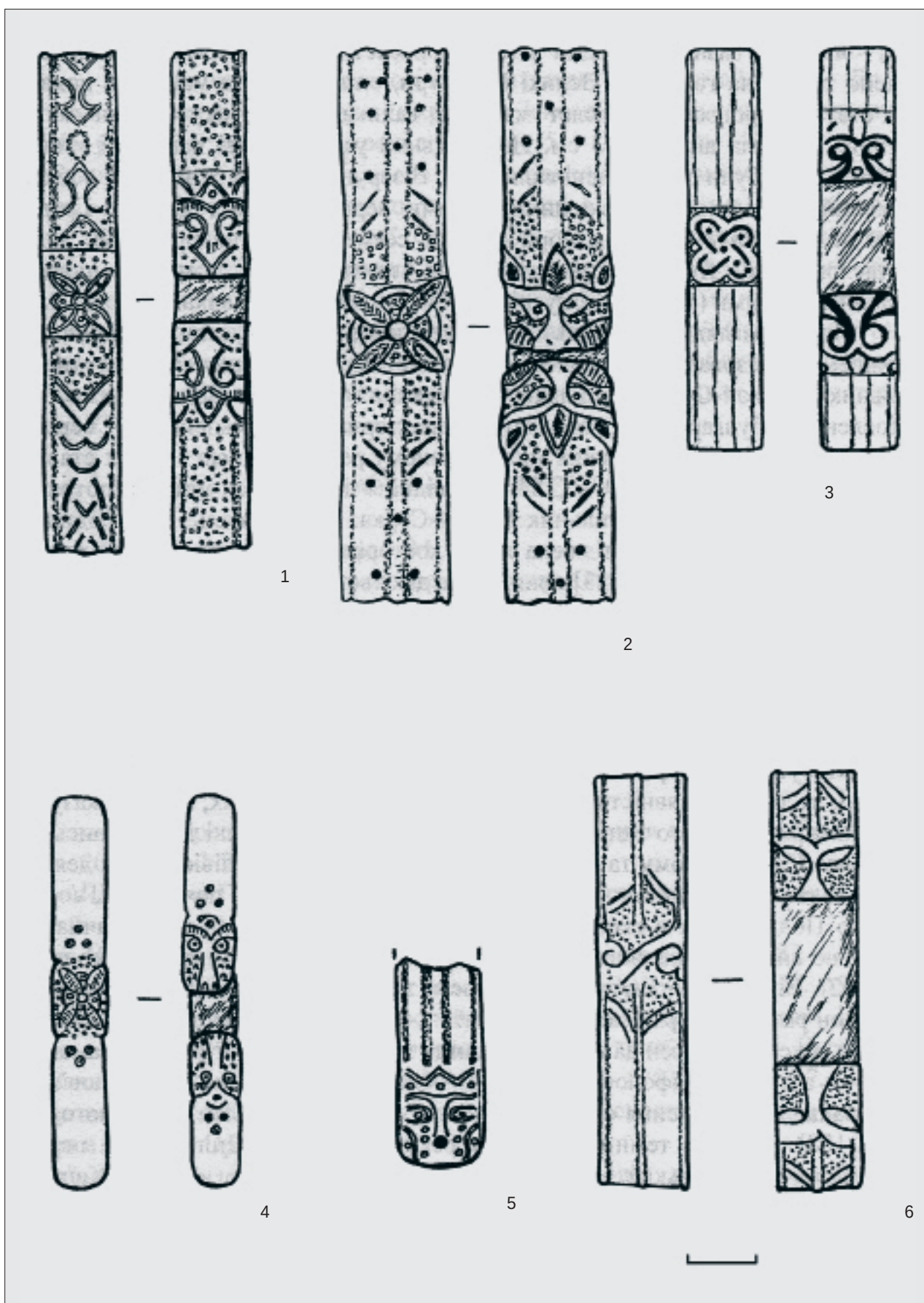
илл. 508. Серебряные браслеты первой половины XIV в. из могильника Вербовый Лог VIII (Подонье) (по М. В. Власкину, А. И. Гармашову, З. В. Додде, С. А. Науменко)

илл. 509. Серебряные браслеты из клада у с. Василицы Черкасской области (по Л. В. Строковой)

илл. 510. Прорисовка В. А. Винничека орнамента на серебряных браслетах из Никольского селища в Пензенской области

илл. 511. Орнаменты на серебряных браслетах XIV в. из могильника Мамай-Сурка (по М. В. Ельникову)

Объединяют все эти изделия изображение на браслетах морды льва и цветочные мотивы. Ведущим здесь, безусловно, является рисунок льва. Образ льва на Востоке и в Китае играл важную роль в магической женской символике. На Востоке бытовало поверье, что скульптурные изображения львов излечивают от бесплодия [Ромаскевич, 1939, с. 211] или (в астрологическом понимании) они способны дать владельцу браслета силу, здоровье и удачу (непобедимость). Парные изображения львов (в данном контексте – два окончания браслета с изображением львиных морд) могли быть оберегами от врага, сглаза, отравления [Даркевич, 1975, с. 191].

В индийском искусстве лев символизировал отвагу, славу, сакральный характер и силу природы, а также превосходство знания [Ромаскевич, 1939, с. 211]. Надо сказать, что образы и сюжеты индийской культуры не были чужды мусульманским (в частности, согдийским и персидским) мастерам, поскольку тесное знакомство с этим миром началось задолго до монгольских походов: «в Среднюю Азию наряду с буддийской тематикой и иконографией стали проникать образы индийской мифологии. В живописи Варахши несколько раз встречается изображение всадника на слоне [...]. Само появление изображения слона во многих памятниках этого периода [I–IV вв. – К.Р.] является заимствованным из Индии элементом» [Ашрафи, 1984, с. 168]. Буддийские божества Манджушри и Самантабхадха изображались соответственно на льве и на слоне.

Образ льва в китайском искусстве связан с буддийской символикой: в буддийской образной системе лев служит символом Будды, хотя, как отмечает М.Е.Кравцова, эти изображения выполнены в «фантазийных» художественных трактовках, что нашло продолжение в буддийском искусстве Японии и Тибета [Кравцова, 2004, с. 466, рис. внизу и на с. 467, посередине]. Львы в китайском искусстве широко встречаются с эпохи Сун [Крюков, Малявин, Софронов, 1984, с. 200].

Сочетание нескольких символов, включающих льва и солнце в собственно мусульманском искусстве Ирана, впрочем, как и Малой Азии, имеет глубокие традиции, вероятно, связанные с зороастризмом (культу Митры) [Кравцова, 2004, с. 213–214]. Мотив «льва и солнца» устойчиво встречается (как символ) на иранских монетах монгольского периода с начала XIV в. (с 1304–1316 гг.), а считается, что возник он в среде малоазийских сельджуков в первой половине XIII в. По легенде, Гияс-ад-Дин Кей Хосров, женившись на грузинской царевне, пожелал выбить изображения себя и жены на монетах, но поскольку обычаи ислама запрещали это, в качестве замены были отчеканены изображения льва и солнца [Кравцова, 2004, с. 212–213]. На джучидских монетах, несмотря на локальность обращения медной монеты, этот мотив получает широкое распространение на медных пулах времени правления Узбека (1312–1342 гг.), чекана Сарая и Азака. Появляется этот сюжет во второй половине XIII в. на монетах чекана Булгара [Фёдоров-Давыдов, 2003, с. 46–47, с. 31, кат. №№ 19–23, 174, 223, 369, 370].

ВЫВОДЫ

Появление «львиноголовых» браслетов в Булгарском улусе первоначально, видимо, не связано с ремеслом города Булгар. Скорее всего, этот тип украшения оформился в устойчивую «каноническую» форму в период после завоевания Ирана армией Хулагу в 1256–1259 гг. В этой военной кампании принимали участие и отряды из Улуса Джучи, а Бату-хан получал в этот период часть налогов с Ирана [Греков, Якубовский, 1959, с. 75]. С образованием в конце 1250-х гг. государства Хулагуидов политическая ситуация изменилась, но продукция иранских ремесленников в виде товаров из Ирана, несмотря на участвовавшие военные конфликты и противостояние двух государств, поступала на территорию Золотой Орды.

При этом на памятниках этого периода на Средней Волге браслетов ЛМ пока не выявлено. Это косвенно может свидетельствовать и о более позднем сложении этого образа в булгаро-ордынском искусстве. Не исключено, что это происходило после правления Токты и в начале правления Узбека, когда усилились отношения с Египтом, активно развивавшиеся с 60-х гг. XIII в. [Греков, Якубовский, 1959, с. 78; Закиров, 1966, с. 69–74; Селезнёв, 2009, с. 179–181].

Распространение «львиной символики» на Средней Волге связано с чиновничьей прослойкой городской администрации города Булгар и его состоятельными горожанами. Широкое тиражирование образа льва на серебряных браслетах в Булгарском улусе началось при хане Узбеке, что совпадает с распространением сюжета «льва и солнца» на ордынском монетном чекане (Сарай и Азов).

К концу 1370-х гг. это производство существенно сократилось в связи с дефицитом на серебро, что нашло отражение в хождении в денежном обращении Булгарского улуса обрезанных монет, после реформы Токтамыша 1380 г. [Греков, Якубовский, 1959, с. 66]. В это время и позднее серебряные браслеты ЛМ вполне адекватно заменялись медными и бронзовыми репликами, копиями и подражаниями. Таким образом, период массового производства серебряных браслетов «львиными личинами» в Булгарском улусе охватывает промежуток времени с 1310-х до 1380 гг. Центром их производства в это время на Средней Волге был город Булгар. Медные и бронзовые браслеты с этим сюжетом или по их «мотивам» изготавливались в булгарской области в других городах и крупных негородских поселениях Булгарского улуса в XIV – первой половине XV вв.

Булгар не был единственным центром производства браслетов ЛМ. Его продукция имела хождение в основном на территории Булгарского улуса, хотя и привозные браслеты ЛМ также встречаются. Копировались ли они местными ювелирами, трудно сказать, однако полностью исключать данный факт нельзя. Выяснение этого – дело будущих исследований. Население области Мухши пользовалось браслетами ЛМ, выполненными в иной стилистике, чем булгарские. Заметим, что распространялись такие украшения в целом на территориях, занятых преимущественно оседлым населением или с преобладанием этого населения. В кочевой среде данный вид украшений не получил большой популярности. Это касается и Булгарского улуса.

ПЛАКИРОВКА

Покрытие поверхности железных изделий серебром или золотом зафиксировано на украшениях уздечки, привезённых из Южной Сибири (аскизская археологическая культура) в XI–XII вв., и на болгарских подражаниях им. Изделия с таким декором (набор железных накладок с каплями серебра, оставшимися на поверхности) найдены на Остолоповском селище XI–XII вв. [Руденко, 2002б, с. 52, рис. 7-27]. В Посурье наборы таких украшений собраны на Золотарёвском поселении (илл. 512). Основной период распространения этой технологии – со второй половины XI в. до второй половины XII в.

илл. 512. Железные накладки с серебряной плакировкой XII–XIII вв. с Золотарёвского поселения в Пензенской области. Собрание Пензенского областного краеведческого музея

ВЫВОДЫ

Штампованные, чеканные и литые изделия из серебра в Волжской Булгарии и в Булгарском улусе Золотой Орды имеют существенные хронологические особенности. Первый пик по использованию таких технологий относится к концу X в. и заканчивается ближе к середине XI в., когда эти технологии замещаются серебряной плакировкой, которая получила распространение только на нескольких категориях болгарских изделий, связанных прежде всего со снаряжением коня и упряжью (изделия аскизского типа). Промежуток, когда изготавливались плакированные болгарские изделия, которые были не массовыми, а элитными украшениями, на фоне массового производства таких изделий без плакировки, охватывает промежуток от второй половины XI в. до конца XII в. Одновременно с этим на болгарских землях встречаются импортные изделия – восточного происхождения, реже из южнорусских земель, которые в домонгольский период концентрируются на крупных городищах и поселениях, расположенных на торговых путях.

Период конца XII – начала XIII вв. открыл новый этап в использовании в болгарском ремесле технологий чеканки, литья, волочения,ковки. Связано это было с притоком импортных изделий, и с работой в Булгарии приезжих мастеров-ювелиров. Особенно это стало заметно с началом мон-

гольских завоеваний в Средней Азии в 1220-х гг. государств, которые были связаны с Волжской Булгарией с X в. В целом, первая треть XIII в. – это время серьёзнейших инноваций в ювелирном деле не только Булгарии, но и Северо-Восточной Руси, а также сопредельных территорий в Прикамье.

Завоевание Булгарии в 1236 г. привело к прекращению ряда производств и оттоку ремесленников (тех, кто не был угнан в монгольскую неволю) в Северо-Восточную Русь и Прикамье. Ситуация изменилась в начале 1240-х гг., когда область Булгара стала центром западной части нового огромного монгольского государства. При ставке Бату, а также в Булгаре (с 1240-х гг.) и Биляре (с 1250-х до конца 1280-х гг.) началось производство серебряных украшений конской упряжи, упрощённых вариантов домонгольских болгарских украшений и их модификаций. Тогда же сюда попадают изделия иранских ремесленников (вероятно, как армейские трофеи и принадлежности чиновников монгольской администрации) – чаши, чернильницы, котлы и т. п.

Следующий всплеск изготовления ювелирных украшений по рассматриваемым технологиям относится к последней трети XIII – первой половине XIV вв. Лидером в производстве ювелирных изделий с 1290-х гг. становится Булгар – столица Булгарского улуса. Тенденция к обслуживанию прежде всего элитарных слоёв горожан, характерная для ювелирного дела домонгольского периода, сохранилась и в золотоордынское время, причём практически единственным потребителем основной массы готовых изделий, как и их заказчиком, была городская знать Булгара. Примечательно, что именно с Булгаром связано производство новых форм изделий, например, серебряных пластинчатых «львиноголовых» браслетов, которых нет в Биляре, т. е. до 1280-х гг. они, скорее всего, массово не изготавливались. В числе золотоордынских булгарских городов, население которых пользовалось этой ювелирной продукцией, были Джукетау и Сувар.

В этот же период начинается формирование своеобразного комплекса элитных украшений булгарских горожан – серёжек ЗВ из золота, электра и серебра, браслетов ЛМ, перстней и т. п. Примечательной особенностью ювелирного дела в Булгарском улусе является широкое распространение реплик элитных изделий из бронзы и меди, не только в городской среде, но и на сельских поселениях. Подчеркнём, что это не связано непосредственно с кочевой культурой золотоордынской монгольской элиты, компоненты которой зафиксированы в материалах Булгарского улуса, как и с населением с непостоянной оседлостью в целом. Эти предметы имели хождение среди оседлого населения.

Другой особенностью Булгара было значительное количество импорта – бронзовой посуды с серебряной инкрустацией производства Мосула, Герата и других крупнейших центров Сирии, Египта, Ирака и Ирана второй половины XIII–XIV вв. Эта тенденция сохранялась вплоть до начала XV в. Наличие собственного производства инкрустированных изделий в Булгарском улусе вряд ли можно предполагать. В самом Булгаре производили бронзовые и медные сосуды традиционных форм (ещё с домонгольского времени), но декорированные гравированными узорами по образцам импортных.

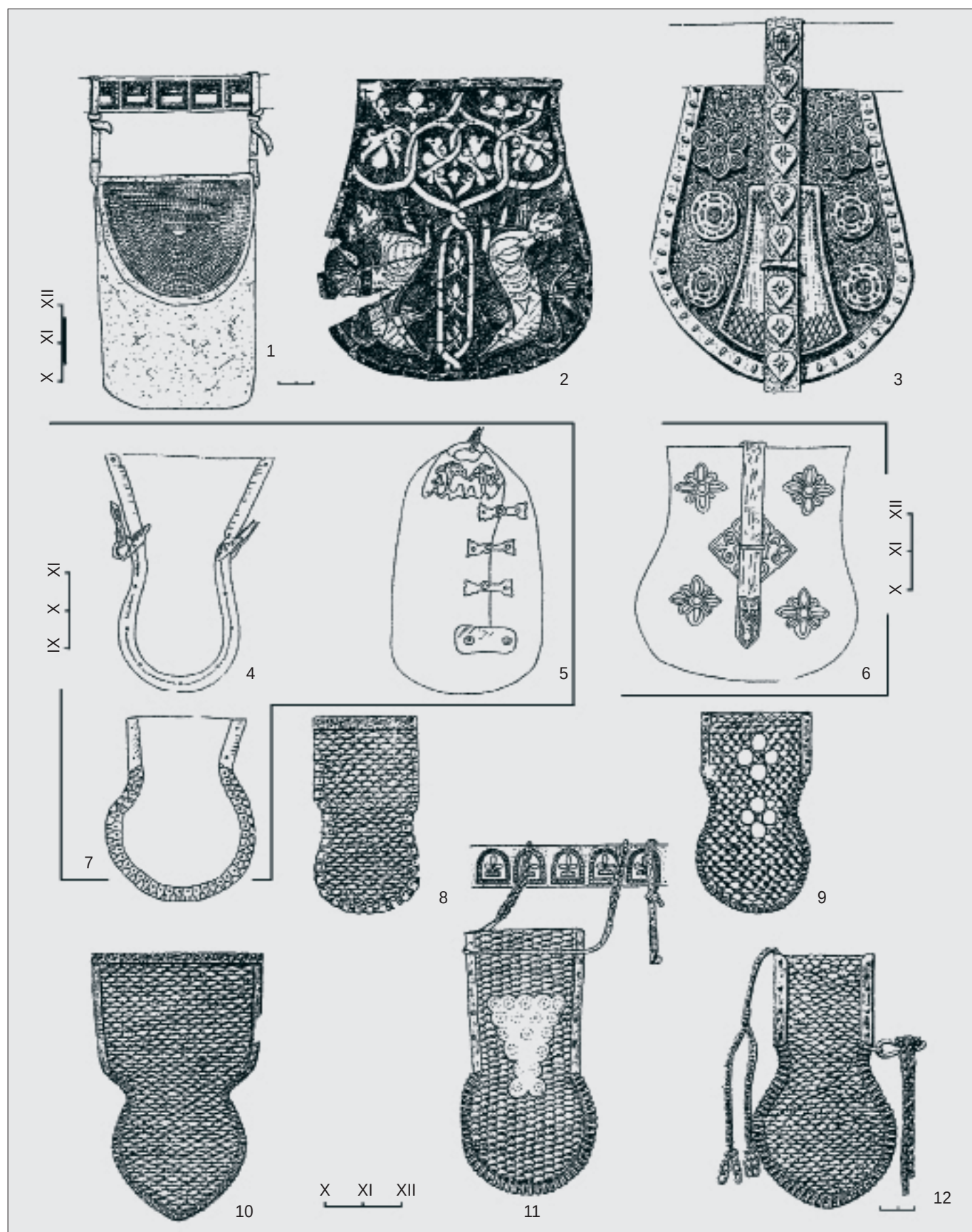

рис. 81. Хронологическая таблица бытования поясных сумочек из Среднего Поволжья. Поясные сумочки с серебряными накладками и обкладками из Веселовского (1–3, 8–12, по Е. А и А. Х. Халиковым и Г. А. Архипову) и Танкеевского (4, 5, 7, по Е. П. Казакову) могильников и Измерского селища (6, по Е. П. Казакову), IX–XI вв. Составлено К. А. Руденко

рис. 82. Серебряные накладки на поясные сумочки из венгерских могильников X–XI вв. Собрание Национального музея Венгрии

рис. 83. Бронзовые матрицы для изготовления ручек ковшей в виде головы дракона. Собрание ГИМ (1, 3) и НМ РТ (2). 1, 2 – акварель

рис. 84. Серебряная подвеска XIII в. с двумя фигурными медальонами из собрания НМ РТ (1) и аналогии ей из собрания ГИМ (2, 3). Прорисовка К. А. Руденко

рис. 85. Медная орнаментированная крышечка от сосуда из собрания НМ РТ

рис. 86. Оттиски серебряных монет булгарской чеканки и монета Саманидов с граффити (6). Собрание НМ РТ. Атрибуция А. З. Сингатуллиной

рис. 87. Серебряные монеты X – начала XI вв.: Саманиды (4, 5) и подражание им (7); подражания булгарским монетам (1–3, 6) и булгарская литая монетовидная подвеска (8). Собрание НМ РТ. Атрибуция А. З. Сингапуллиной

рис. 88. Серебряные монеты X в. и монетовидные подвески конца X–XI вв.: Саманиды (1, 2); болгарский брактеат (4) подражания болгарским монетам (5–7); болгарские литые подражания дирхему (3, 8, 9). Собрание НМ РТ. Атрибуция А. З. Сингапуллиной

рис. 89. Литые монетовидные подвески из Волжской Булгарии XI в. Собрание НМ РТ

рис. 90. Золотой перстень из Булгара, XIV в. Собрание НМ РТ (1, 1а) и ГИМ (2). Прорисовка А.П. Смирнова

рис. 91. Бронзовые изделия с инкрустацией. 1, 2 – иранская чаша с инкрустацией XIII в. из Булгара, найденная в 1891 г.; 3 – чернильница, найдена в 1899 г. у с. Кульбаева Мараса (Нурлатский район РТ) (Иран, конец XII – начало XIII вв.); 4 – фрагмент сосуда из Булгара из коллекции Л. О. Сиклера (ГИМ, инв. № 58456) (по В. П. Даркевичу)

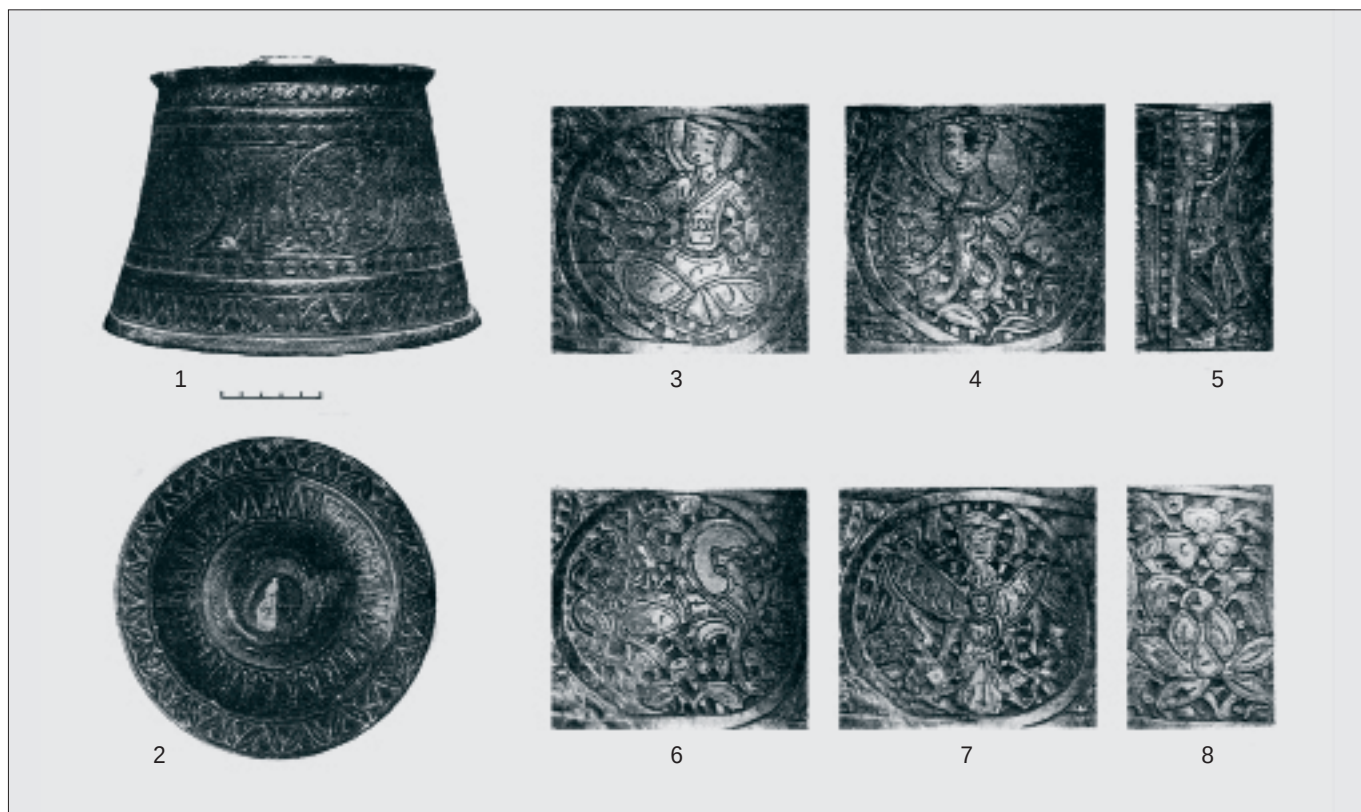

рис. 92. Основание бронзового подсвечника с инкрустацией из Булгара (НМ РТ, инв. № 5641). 1, 2 – общий вид; 3–8 – изображения в медальонах и детали орнамента (по В. П. Даркевичу)

рис. 93. Бронзовые котелки XIV в. с инкрустацией из Булгара. 1–4 (1, 2 – общий вид; 3, 4 – детали) – иранский котелок из Булгарского клада 1889 г.; 5 – иранский котелок из Булгара (ГЭ, инв. № VC-22) (по В. П. Даркевичу)

рис. 94. Бронзовый котелок XIV в. без инкрустации с гравированным рисунком, найденный в д. Айбаш (Спасский уезд. Казанской губ.) в 1891 г. (по В. П. Даркевичу)

рис. 95. Бронзовые ковши XIV–XV вв. из Булгара (1–4 найден в 1890-х гг.; собрание ГИМ, инв. № 26910; 5–6 фрагментов ковша из (5) из Булгара из коллекции Л. О. Сиклера. Собрание ГИМ, инв. № 58456) (по В. П. Даркевичу)

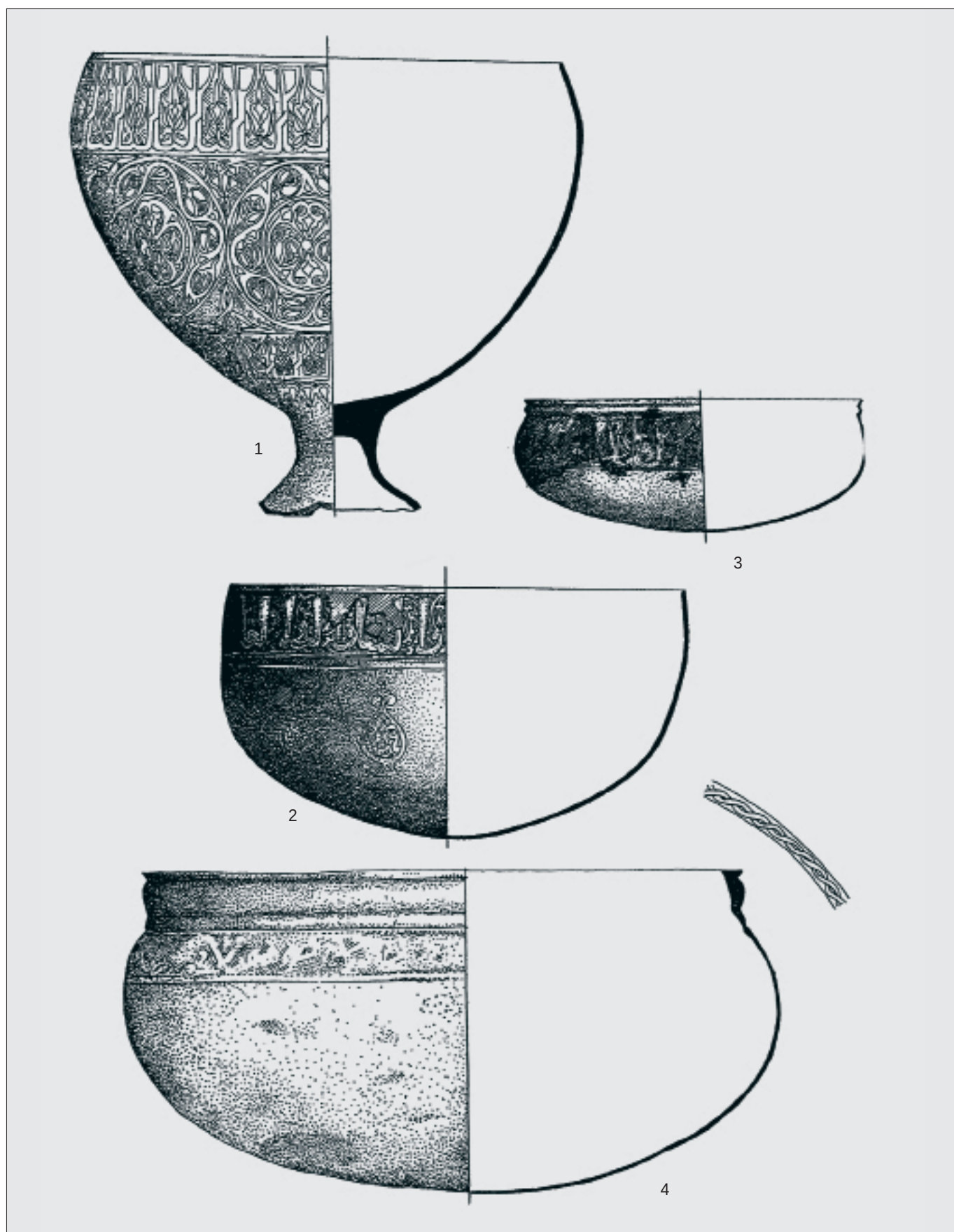

рис. 96. Бронзовые и латунная (4) чаши из Булгара (2, 3) и кубок из с. Пролей-Каша (Тетюшский район РТ) (1), XII–XIV вв. Собрание НМ РТ. Прорисовка К. А. Руденко

рис. 97. Бронзовые основания (1, 2) и детали подсвечников из Булгара, XIV–XV вв. Собрание НМ РТ

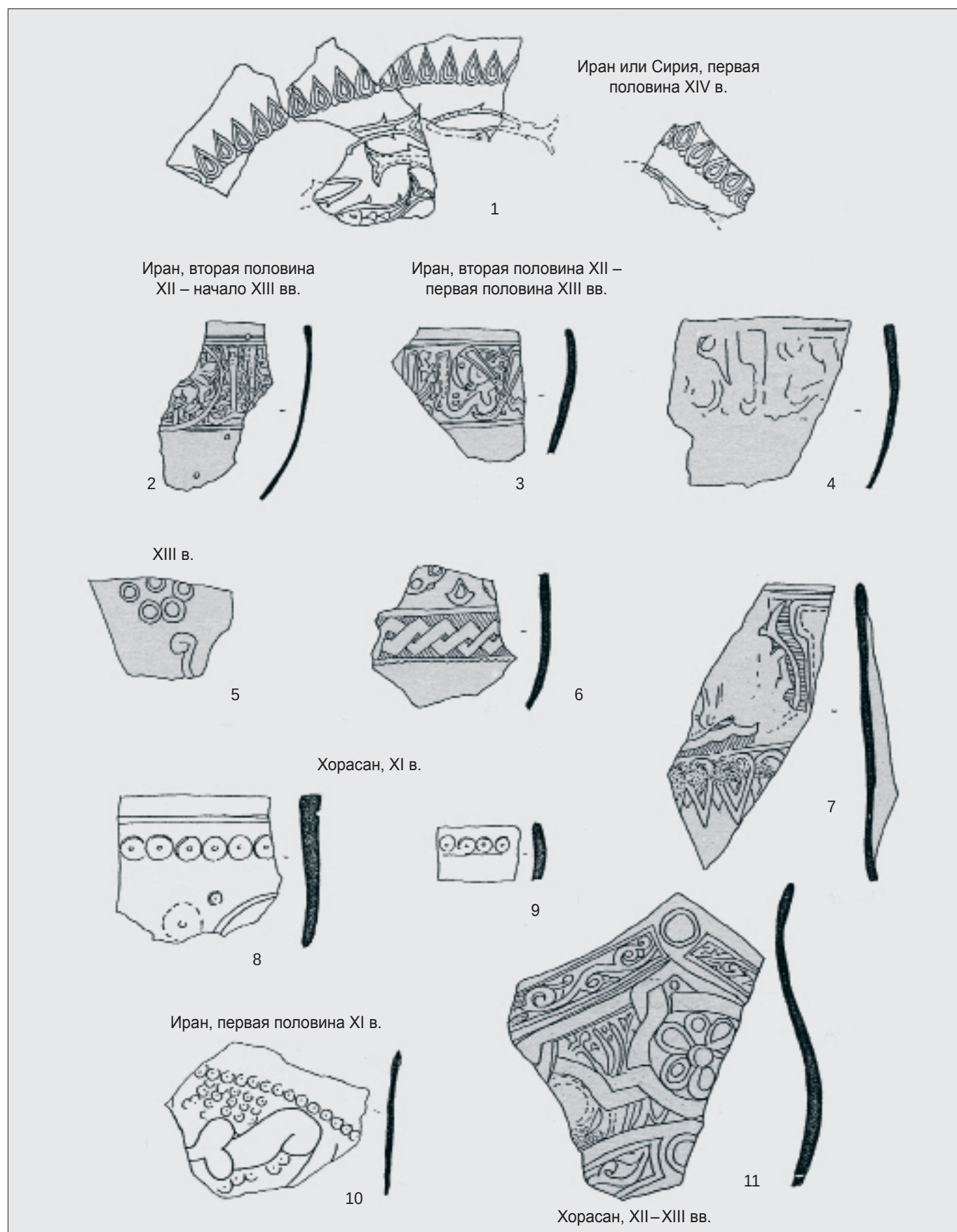

рис. 98. Фрагменты бронзовых сосудов, найденных в Булгаре и Билярске (5, 7, 9–11), X–XIV вв. Прорисовка К. А. Руденко

рис. 99. Бронзовые сурмяницы (3, 4), ручки от котлов (?) (1, 2) и деталь в форме головы льва от бронзового изделия (5) из Ирана или Закавказья, XII–XIII вв. Собрание НМ РТ

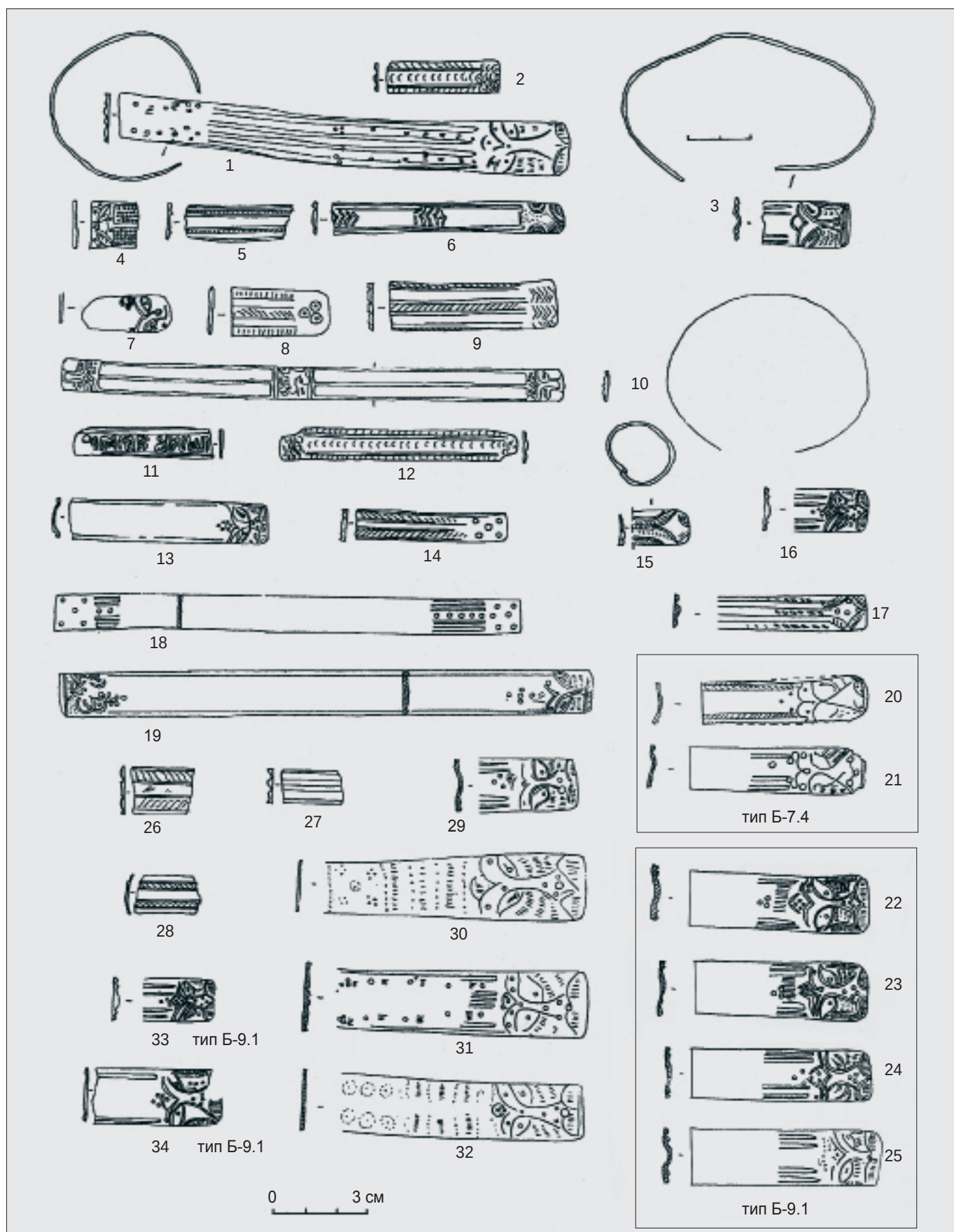

рис. 101. Таблица типов серебряных и медных (1–6; 26–32) браслетов второй половины XIII–XIV вв. из Среднего Поволжья из собрания НМ РТ. Составлена К. А. Руденко

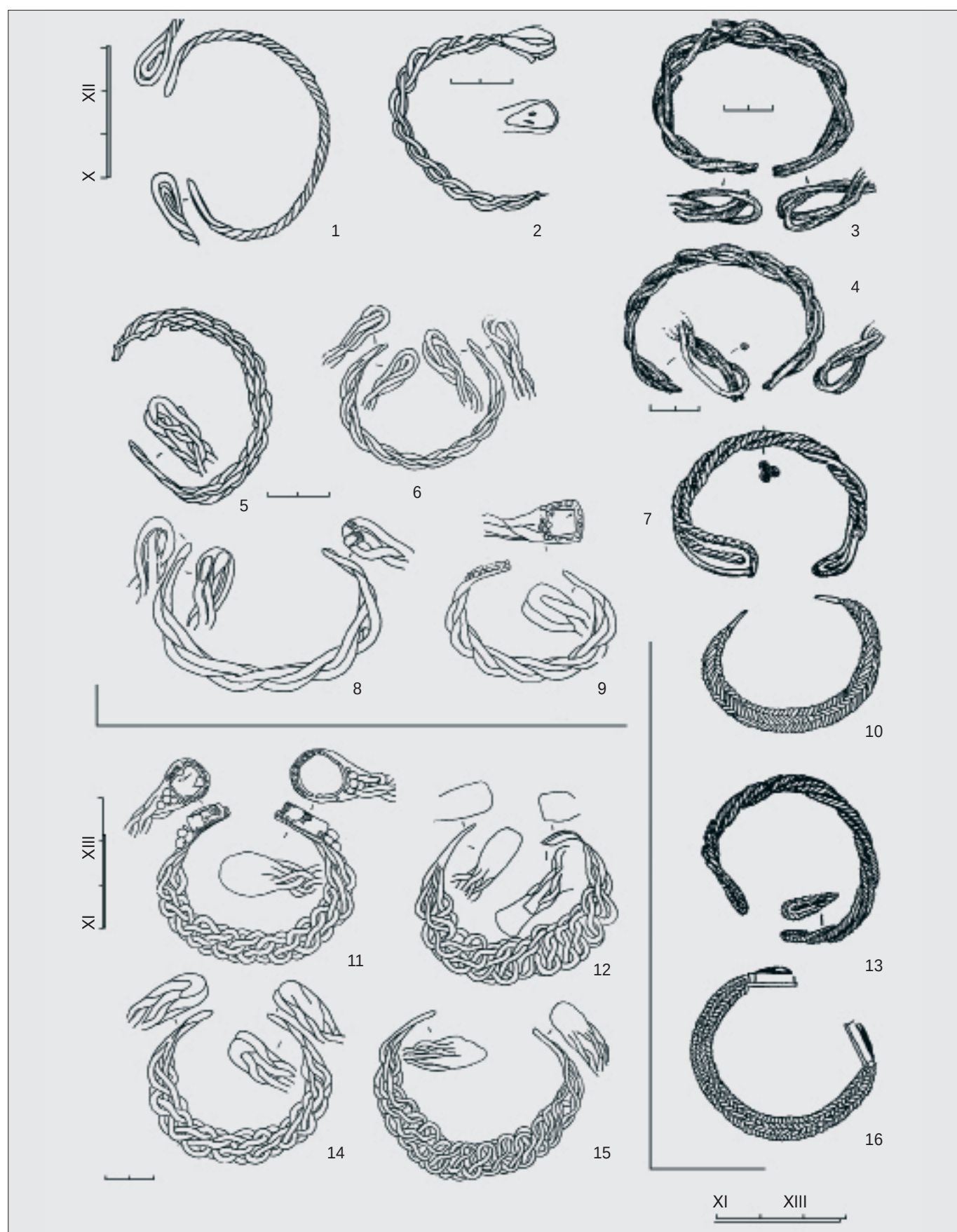

рис. 102. Хронологическая таблица серебряных плетёных браслетов X–XIII вв., найденных на археологических памятниках Среднего Поволжья. Составлена К. А. Руденко

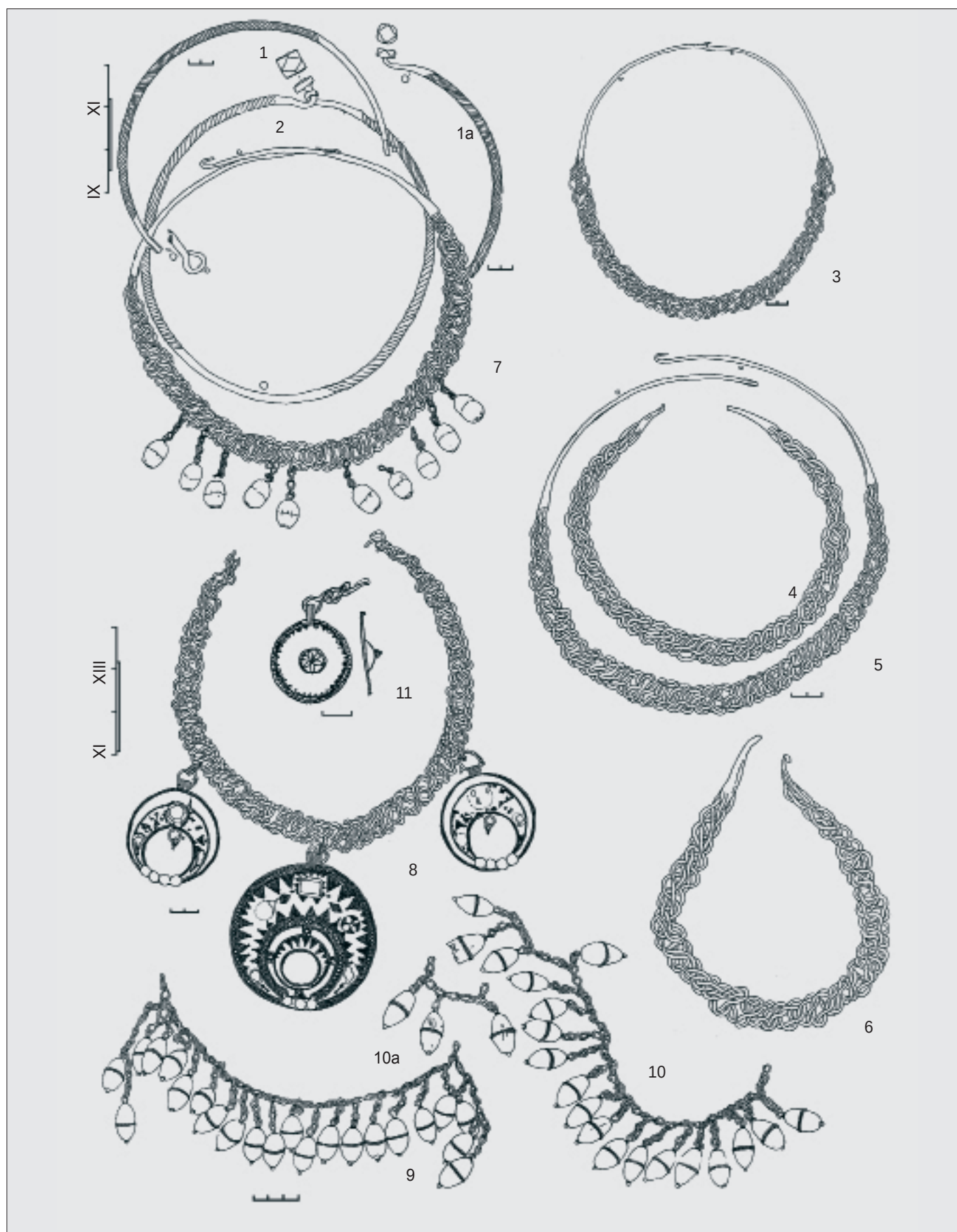

рис. 103. Хронологическая таблица серебряных плетёных шейных гривен и цепочек XI–XIII вв., найденных на археологических памятниках Среднего Поволжья. Составлена К. А. Руденко

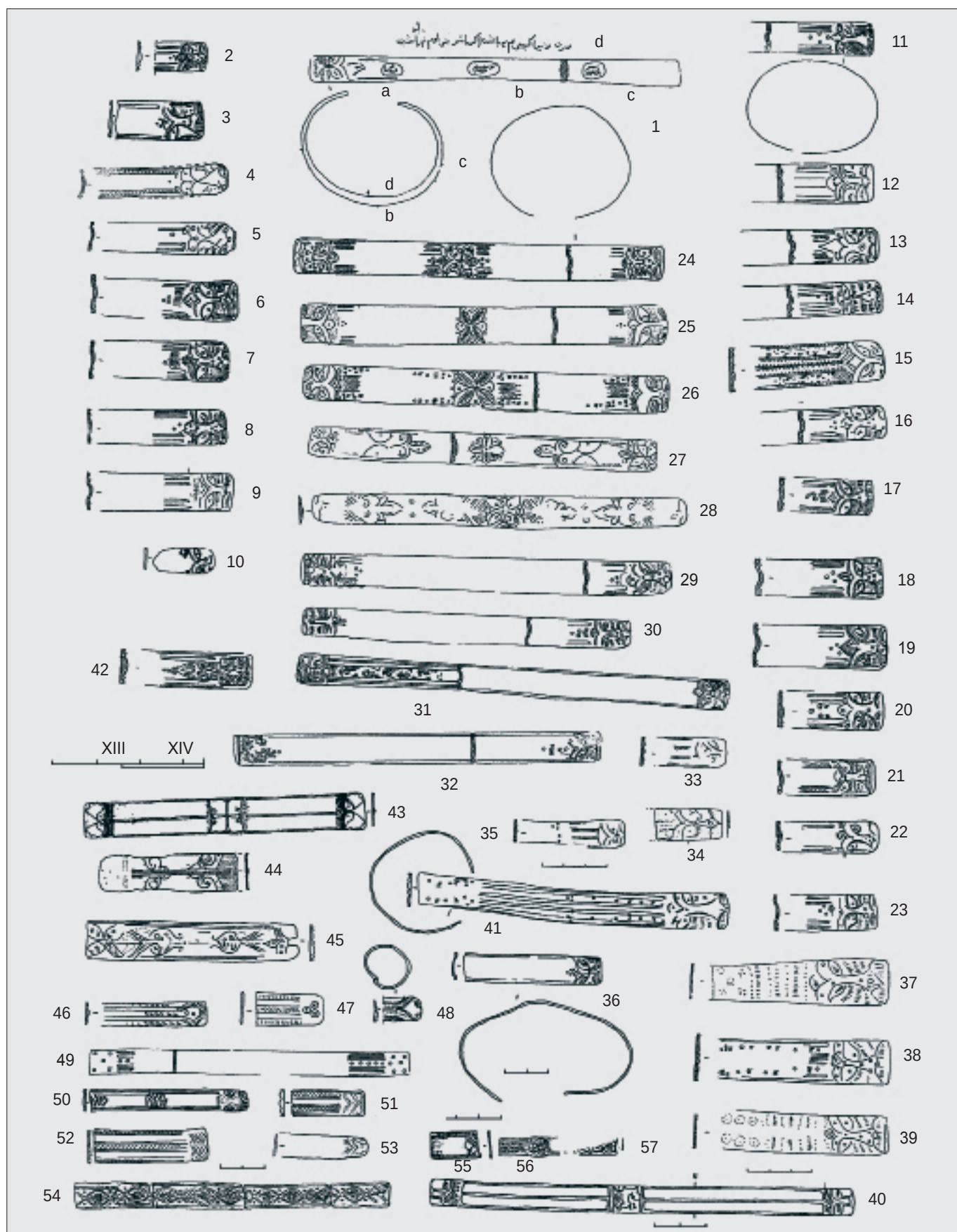

рис. 104. Сводная таблица серебряных и медных пластинчатых браслетов XIII – XIV вв. из собрания НМ РТ. Прорисовки К. А. Руденко.

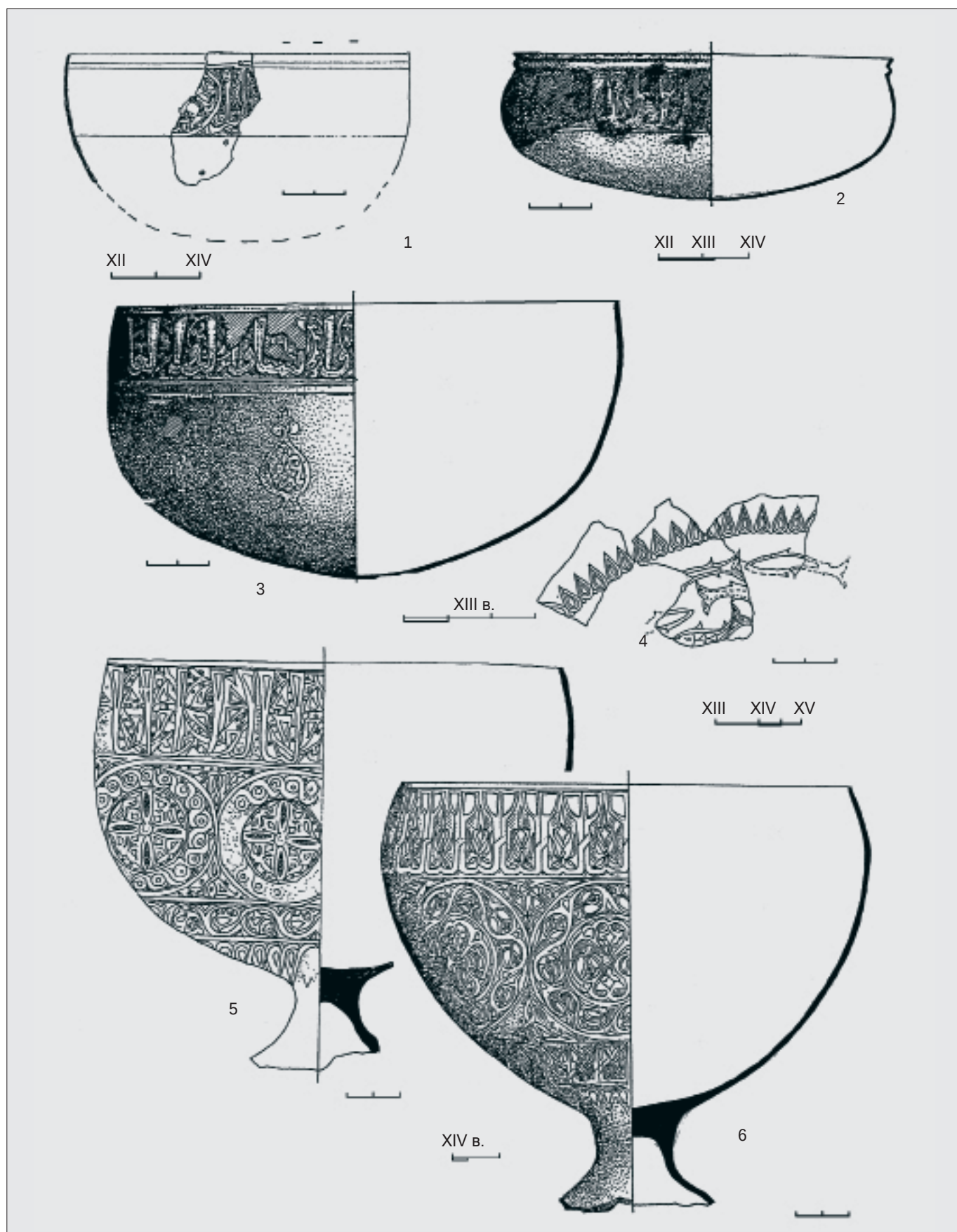

рис. 104. Хронологическая таблица бронзовых чаш и кубков XII – XIV вв., найденных на археологических памятниках Среднего Поволжья. Составлена К. А. Руденко.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ
ЙОМГАК
CONCLUSION

Булгарское ювелирное дело – яркое и оригинальное явление в мировой культуре. Особенно выделяются работы мастеров Волжской Булгарии и Булгарского улуса Золотой Орды по золоту и серебру. Наиболее представительным по ассортименту изделий и разнообразию технологических приёмов изготовления было булгарское сереброремесло. В большинстве своём оно обслуживало элитную и зажиточную часть населения Волжской Булгарии, прежде всего городского, что обуславливало сосредоточенность его в крупных городах или административных центрах, включая малые городские и сельские усадьбы богатых вельмож.

География дошедших до нас изделий булгарских ювелиров показывает, что основная их продукция распространялась только на территории булгарского государства и, в очень небольшом количестве, в булгарских форпостах в Прикамье и Посурье. Как показал анализ имеющегося материала, массового импорта булгарских серебряных украшений за пределы государства в домонгольский период не было. Одних только серебряных плетёных браслетов на булгарских памятниках и вкладах найдено более 70 в сравнении с единичными находками в булгарском зарубежье. Такая же картина с булгарскими серебряными черневыми перстнями, височными трёхбусинными подвесками и т. д. Более того, многочисленные серебряные украшения ввозились в Булгарию или попадали сюда с купеческими караванами вместе со своими носителями. Работали в булгарских городах при дворе правителей государства приезжие мастера, оставившие свой след в виде готовых изделий, а также в копиях или подражаниях.

Высокотехнологичные производства – чернение, скань и зернь на серебряных изделиях были освоены и стали широко применяться булгарскими ювелирами в производственной практике в XI в., пройдя стадию освоения технологий, выработки собственного стиля на протяжении X в.

В Волжской Булгарии основным источником технологических заимствований и копирования форм изделий были страны Востока, причём это была не только элитная продукция, но и достаточно простая, ориентированная на массового потребителя. Это обусловило первоочередное развитие булгарского черневого искусства, и чуть позже – скано-зернового в золотом исполнении и, параллельно, в серебре. Отметим, что золото использовалось булгарскими ювелирами экономно: в основе украшений – медное колечко, обтянутое золотой фольгой. Этот приём применялся и в Булгарском улусе Золотой Орды. Булгарские украшения, выполненные только из золота, единичны, часть их привозная.

Черневое булгарское искусство стало активно развиваться в первой половине XI в., а своего расцвета достигло в начале следующего столетия. К рубежу XI–XII вв. относится и начало производства элитных скано-зерновых украшений из золота, а также из серебра и электра. Последние могли изготавливаться во второй половине XII в. В это же время наблюдается тесное взаимодействие булгарских ювелиров с древнерусскими ремесленниками из Рязани, Суздаля и Вла-

димира. Проявляется это как в орнаментальных мотивах, так и в ряде форм изделий, причём как в древнерусских, так и в булгарских изделиях. В процессе этих контактов булгарское искусство обогащалось элементами, заимствованными из Византии, в том числе из причерноморских областей этого государства.

В качестве дополнительного украшения булгарскими ювелирами использовались драгоценные и полудрагоценные камни, кораллы, янтарь, а в золотоордынский период, в массовом порядке, жемчуг. Янтарь, как и сердолик, популярный у булгар как в домонгольский, так и в золотоордынский период, часто использовался как элемент декора серебряных перстней и некоторых типов браслетов. Была ли освоена булгарами гравировка янтарных изделий, как в Древней Руси или на Востоке, ещё предстоит выяснить [Шаповалов, 1998, с. 112, 113].

Со второй половины XI в. и на протяжении почти всего XII столетия булгарские мастера использовали опыт художественной обработки металла, который принесли на Среднюю Волгу хакаские мастера.

Монгольские завоевания коренным образом изменили линию развития булгарского ювелирного дела. Несмотря на то, что в целом оно стало развиваться под мощным воздействием новой культуры этого государства, сохранились его собственные оригинальные черты. По-прежнему в Булгарском улусе ювелирное дело было городским ремеслом и сосредотачивалось в его столице – Булгаре. Как показали исследования денежного обращения Булгарского улуса, оно было локальным, обслуживавшим преимущественно внутренний рынок. Аналогичным было и распространение ювелирных изделий. Это не было исключительной особенностью Булгара: каждая область Золотой Орды формировала свой стиль даже в широко распространённых украшениях костюма.

При этом стилеобразующим моментом в ассортименте булгарской ювелирной продукции были традиции костюмной моды монгольской, а затем и тюркской элиты Золотой Орды. При этом популярность получили не элементы кочевой культуры, а те, которые были связаны с городской средой и городским ремеслом. В XIV в., особенно во второй половине столетия, основная направленность булгарского ювелирного дела стала сводиться к созданию упрощённых копий и подражаний (реплик) импортных образцов, прежде всего художественной посуды. Это происходило на фоне значительного импорта ювелирных украшений из золота и серебра, а также бронзовой посуды с инкрустацией серебром из стран Ближнего Востока.

Расцвет домонгольского булгарского ювелирного искусства приходится на вторую половину XII – первые десятилетия XIII вв. В этот период не менее чем в 7 булгарских городах имелись собственные ювелирные мастерские. Наиболее развитые производства были сосредоточены в центральной части государства – в Западном Закамье. Это – Биляр, Булгар и Сувар.

Крупнейший ювелирный производственный центр домонгольского времени находился в Биляре. Здесь функционировало несколько специализированных мастерских. В XI в. в городе развиваются черное дело, искусство плетения из серебряной и золотой проволоки, чеканка и тиснение. В XII в. в Биляре производят золотые и серебряные филигранные височные подвески, плетёные браслеты с шатоном и без них, налаживается изготовление инкрустированных и плакированных серебром и медью бытовых изделий. В ассортименте изготавливаемых изделий были в основном личные украшения: перстни, шейные гривны, браслеты, височные кольца и серьги (*рис. 102; 103*). Большая часть таких предметов изготавливалась из серебра.

Монгольское нашествие нанесло сильнейший урон билярскому ювелирному делу: прекращаются изготовление плетёных и черневых серебряных изделий, золотых филигранных украшений, использование вставок и декорирование шатоном, плакировка. Только спустя несколько десятилетий, в конце 1270-х – 1280-х гг., вместе с возрождением города, восстанавливается и производство украшений, но уже иных как по технологии, так и по внешнему виду. При этом такого масштаба и разнообразия, как в домонгольский период, билярское ювелирное дело уже никогда не достигло, замещаясь импортом.

Булгар, в домонгольское время – второй по значимости центр ювелирного производства, в золотоордынский период становится лидером в этой области. Если ассортимент выпускаемых изделий Булгара до середины XIII в. мало чем отличался от билярского, то в 1240-х – 1260-х гг. начинается переориентация деятельности ювелиров города на новые вкусы и новых заказчиков. К традиционному набору изготавливаемых поделок: височные кольца, шейные цепочки и т.п. добавляются серебряные украшения конской сбруи: привески, нашивки на попону и т.п. Вероятно, часть ювелиров работала в 1240-х – начале 1250-х гг. в ставке Батия и его сына Сартака, располагавшейся в районе Булгара. Очевидно, что там находились и мастера-ювелиры из других стран, что проявилось в появлении в Поволжье и Прикамье украшений, соединявших в себе различные приёмы и традиции, новые сюжеты и орнаментальные мотивы.

С 1290-х гг. ювелирное ремесло Булгара развивается в рамках основных направлений ремесла нового монгольского государства. При этом мастерские Булгара даже в период расцвета (середина – вторая половина XIV в.) не могли конкурировать с массовым притоком художественных предметов, а также с практикой работы приезжих специалистов-торевтов. Однако ориентация мастерских Булгара на внутренний рынок создала стабильный спрос на местную продукцию, которая во многом была похожа на распространённые в Золотой Орде типы изделий (например, серебряные браслеты с изображением львиных морд) (*рис. 104*), но она приобрела в Булгаре устойчивые сюжеты и композиции рисунков в специфической художественной трактовке.

Развитие ювелирного дела Булгара в золотоордынский период тормозил ряд объективных факторов: во-первых, государственная монополия на цветной металл – серебро и медь, которые использовались для чеканки монет (при

отсутствии собственных источников руд цветного металла); во-вторых, концентрация мастеров-профессионалов в крупных административных центрах Золотой Орды; в-третьих, значительное количество импортируемых изделий (*рис. 105*); в-четвёртых, что особенно важно, сохранение традиций производства художественных изделий из металла на Ближнем Востоке с домонгольского времени – в Волжской Булгарии до завоевания таковые не успели сформироваться.

Булгар, периферийный ордынский центр, не имел возможности восполнить те утраты в области профессионального ремесла, которые были нанесены нашествием булгарским городам и городскому производству, а интеграционная структура Золотой Орды во многом превращала Булгарский улус в сырьевой рынок Нижнего Поволжья, подавляя вследствие этого экономический рост этого региона. Однако богатства Булгарского улуса стремительно росли за счёт транзитной торговли, формирования промежуточных международных рынков (в частности, в Булгаре), роста населения и соответствующих налогов.

Третьим городом с собственным ювелирным производством домонгольской Булгарии был Сувар. Продукция его мастерских пока плохо изучена вследствие небольшой площади, исследованной раскопками. В целом, ассортимент суварских изделий был, скорее всего, аналогичен билярскому.

Город Тухчин (Старокуйбышевский комплекс) – булгарский провинциальный центр ювелирного производства, существовавший в XII – начале XIII вв. при местном правителе. Здесь производились небольшие серии серебряных украшений, в основном из плетёной проволоки: браслеты, гривны. Мастер или мастера, работавшие здесь, судя по применявшимся ими приёмам, ранее трудились в билярских или булгарских ювелирных мастерских.

Центром южных территорий булгарского государства был город, археологические остатки которого известны как городище Муромский городок. Раскопками здесь были выявлены следы мастерских по обработке цветных металлов, имеются находки ювелирных изделий и инструментарий. Можно предполагать, что здесь изготавливались золотые височные подвески, цепочки с медальонами, а также нагрудные фигурно-прорезные пластины с узорами в скано-зерновой технике. Этот комплект украшений был специфическим для этой части булгарского государства. Наряду с этим в таких городских ювелирных мастерских изготавливались серебряные плетёные браслеты и перстни. После монгольского разгрома ремесло Муромского городка в полной мере не возродилось, однако сохранилось на крупных поселениях городского типа (Муранский археологический комплекс), где какое-то время воспроизводились домонгольские типы украшений, а затем выпускались стилизации их из меди, бронзы и электра, наряду с новыми типами золотоордынских украшений. Впрочем, в отношении последних можно сказать, что они (кроме привозных) большей частью копировали либо нижневолжские, либо русские образцы. Ювелирные традиции Муромского городка стали основой формирования художественных традиций улуса Мохши (Наровчат). Причём если основным потребителем продукции ювелиров Муромского городка

в домонгольское время были горожане, то после монгольского разгрома – жители крупных поселений, а также население близких к ним мордовских селений.

Наличие небольших ювелирных мастерских можно предполагать в Джукетау и Елабуге – северо-восточной части государства. Для их детальной характеристики пока недостаточно материала. Вероятно, здесь трудились приезжие мастера из более крупных производственных центров. Если в Елабуге серебряные украшения были привозными и местные мастера могли осуществлять лишь текущий ремонт украшений, то на Джукетау в первой половине XIII в. мог работать профессиональный мастер, владевший сканым и зерневым искусством. По масштабам и уровню ювелирного производства эти города не могли соперничать с Биляром и Булгаром. Мастера работали здесь эпизодически и выполняли заказы правивших наместников. В конце XIV в. Джукетау, ставший в этот период центром небольшой самостоятельной области, отличался обилием драгоценных привозных украшений у местной правящей элиты, хотя это вряд ли сильно изменило общий уровень развития ювелирного ремесла в Джукетау, ориентированного в основном на производство широкого круга имитационных литых изделий из сплавов цветного металла, расхитившихся среди жителей города и близлежащих территорий.

Таким образом, изученные материалы показывают оригинальный путь формирования булгарского серебрodelия, являвшегося основой ювелирного дела Волжской Булгарии и Булгарского улуса Золотой Орды. Успешное его развитие было напрямую связано с городским характером производства и реализацией продукции преимущественно на внутреннем рынке. Подавляющее количество серебряных украшений найдено на булгарских поселениях, чаще всего в крупных городах – Булгаре и Биляре.

При участии булгарских мастеров сформировались прикамские ювелирные центры, успешно развивавшиеся на местной сырьевой базе и обеспечивавшие товаром свой потребительский рынок. Прикамские мастера многое заимствовали не только у булгар, но и у русских ювелиров (Новгород, Владимир, Москва), что создало своеобразный комбинированный тип изделий, причудливо сочетавших в себе различные приёмы, технологии, формы. Они хорошо известны в Пермском Предуралье, на Урале и в Приобье. Наряду с этим в Прикамье встречаются немногочисленные серебряные булгарские изделия и, в несколько большем количестве, древнерусские. Дальнейшие исследования позволят проверить высказанные гипотезы, уточнить и дополнить приведённые данные.

ЙОМГАК

Болгар зэркэнчелеге – дөнья мәданиятендә гажәеп һәм оригиналь күренеш. Идел буе Болгар дәүләте һәм Алтын Урданың Болгар олысы осталары ижат иткән алтын һәм көмеш эшләнмәләр бигрәк тә аерылып тора. Болгар көмешчеләренә эшләнмәләре ассортимент һәм технологик ысулларның төрлелеге аягыннан аеруча күренекле. Нигездә, Идел буе Болгар дәүләте элитасы һәм байларының (иң беренче чиратта, шәһәр халкының) ихтыяжларын канәгатьләндерү көмеш эшкәртү сәнгатенә эре шәһәрләрдә һәм административ үзекләрдә (шул исәптән, кече шәһәрләрдә һәм бай авыл утарларында) туплануына нигез булып тора.

Болгар зэркэнчеләренә безгә кадәр килеп житкән эшләнмәләре географиясенә караганда, аларның төп өлеше бары Болгар дәүләтендә таралган, бик аз күләмдә генә Чулман һәм Сура буе болгар форпостларында күзәтелгән. Булган материалны анализлау шуны күрсәтә: монгол чорына кадәр болгар көмеш бизәнгечләре импортка күпләп чыгарылмаган. Бары үрелгән көмеш беләзекләр генә дә болгар тарихи ядкарьләрендә һәм хәзинәлекләрендә 70 тән артык табылган (ә аның чикләрендә табылдыкларның саны берәмтекләп кенә исәпләнә). Каралтылган көмеш йөзекләр, өч мәргәнле чигә

асылмалары һ.б. белән дә шул ук хәл күзәтелә. Моннан тыш, Болгарга күпсанлы көмеш бизәнгечләр кертелә яки үзләренә ияләре белән сәүдә кәрваннарында килә. Болгар шәһәрләрендә дәүләт хакимнаре сарае каршында күчеп килгән осталар да эшли, алар эер эшләнмәләрдә, шулай ук күчәрмә һәм охшатып ясалган бизәнгечләрдә үз эзләрен калдыралар.

Югары технологияле каралту, жепкыр һәм бөртекләү ысуллары, X гасыр дәвамында технологияне үзләштерү, үз стилин эшләү баскычларын үтеп, XI йөздә болгар көмешчеләре тарафыннан киң кулланыла башлай.

Идел буе Болгар дәүләтендә Көнчыгыш илләреннән эшләнмәләренә формалары күчәрелә һәм көмеш эшкәртү ысуллары үзләштерелә, шул ук вакытта, алар элитага йөз тоткан продукция генә түгел, ә бәлки житәрлек гади, масакүләм кулланучыга аталган эшләнмәләр дә булып тора. Бу, иң беренче чиратта, болгар каралту сәнгатен үстерә, ә аз гына соңрак алтын (аңа параллель рәвештә көмеш) жепкыр һәм бөртекләү үсеш ала. Шунысын искәртик: болгар зэркэнчеләре тарафыннан алтын күп исраф ителми: бизәнгечләренә нигезен алтын фольга белән әйләндереп алынган бакыр йөзек тәшкит итә. Бу алым Алтын Урданың Болгар олысында да

кулланыла. Фәкать алтыннан гына эшлэнгән болгар бизэнгчләре берәмләп санарлык, аларның бер өлеше читтән кертелгән.

Болгар каралту сәнгате XI йөзгә беренче яртысында ныклап үсеп китә, ә киләсе гасыр башында чәчәк ату чоры кичерә. XI–XII йөzlәр чигендә шулай ук алтыннан һәм көмештән (электра) жепкыр-бөртекләү ысулы белән кыйммәтле эшләнмәләр ясала башлый. Көмеш эшләнмәләр XII йөзгә икенче яртысында да ижат ителергә мөмкин. Шушы ук вакытта болгар зәркәнчеләренң Рязань, Суздаль һәм Владимирдан борынгы рус һөнәрчеләре белән тыгыз мөнәсәбәтләрдә торыуы күзәтелә. Бу – һәм болгар, һәм борынгы рус эшләнмәләренң бизәлеш мотивларында да, аерыу формаларында да чагылыш таба. Бу бәйләнешләр барышында болгар сәнгате Византия, шул исәптән аның Кара диңгез буе өлкәләреннән кабул итеп алынган элементлар белән бәйле.

Болгар зәркәнчеләре өстәмә бизәк буларак кыйммәтле һәм ырымкыйммәтле ташлар кулланыла, ә Алтын Урда дәверендә исә энже массакуләм кулланыла. Гәрәбә, монгол чорына кадәр һәм Алтын Урда дәверендә болгарларда популяр сердолик кебек үк, еш кына, көмеш йөзекләргә һәм аерыу беләзекләргә төп бизәү элементы була. Борынгы Русь яки Көнчыгыштагыча гәрәбә эшләнмәләргә гравёрлау сәнгате болгарлар тарафыннан үзләштерелгән булу-булмавын әле ачыкларга кирәк [Шаповалов, 1998, б. 112, 113].

XI йөзгә икенче яртысында башлап XII йөз дәвамында болгар зәркәнчеләре Урта Иделгә хакас осталары алып килгән – металлны нәфис эшкәртү тәҗрибәсен кулланыла.

Монгол басып алулары нәтижәсендә, болгар зәркән сәнгатенң үсеш юнәлешләре тамырдан үзгәрә. Тулаем алганда, әлеге дәүләтнең яңа мәданиятенң гаять көчле йогынтысына дучар булуына карамастан, ул үзгәреш хас үзгәрешләргә дә саклап кала. Элеккечә, Болгар олысында зәркәнчелек шәһәр һөнәре булып кала һәм аның башкаласы Болгарда туплана. Тикшерүләр күрсәткәнчә, Болгар олысында акча әйләнешне жирле характерда була, нигездә, эчке базарга хезмәт күрсәтә. Зәркән эшләнмәләренң таралышы да шуңа тәңгәл. Бу – Болгарга гына хас үзгәреш түгел: Алтын Урданың һәр олысы хәтта киң таралган бизәнү әйберләрендә дә үз өслүбән булдыра.

Шул ук вакытта болгар зәркән эшләнмәләренң төп стиль тудыру алымы булып монгол һәм аннан соң Алтын Урда төрки элитасының киём модасы традицияләре санала. Тагын шунысы мөһим: күчмә халыклар мәданияте генә популяр булып калмыйча, кала мохите һәм шәһәр һөнәрчеләгә белән бәйле мәданият тә киң тарала. XIV йөздә, аеруча аның икенче яртысында, болгар зәркәнчеләгенң төп юнәлеше булып читтән кертелгән үрнәкләрнең (иң беренче чиратта, нәфис савыт-саба) гадиләштерелгән күчмәләргә һәм аларга охшатып ясалган эшләнмәләргә (репликалар) ясау тора. Бу – Якин Көнчыгыш илләреннән алтын-көмеш бизәнгчләр һәм көмеш белән инкрустацияләнгән бакыр савыт-сабаны шактый күп импортлау фонында бара.

Монгол чорына кадәр болгар зәркәнчеләгә XII йөзгә икенче яртысы – XIII йөзгә беренче дистә елларында чәчәк ата. Бу дәвердә Болгарның кимендә жиде шәһәренң үз зәркәнчелек остаханәләре була. Аларның иң нык үсеш алганна-

ры дәүләтнең үзәк өлешендә – Көнбатыш Кама аръягында урнаша. Болар – Биләр, Болгар һәм Суар шәһәрләре.

Монгол чорына кадәр иң зур зәркән житештерү үзгәреш Биләрдә урнаша. Биредә махсуслашкан берничә остаханә була. XI йөздә шәһәрдә каралту сәнгате, көмеш һәм алтын чыбыктан үрү, чүкеп һәм басып бизәк төшерү үсеш ала. XII йөздә Биләрдә алтыннан һәм көмештән филигрань ысулы белән башкарылган чигә асылмалары, шатонлы һәм шатонсыз үрелгән беләзекләр эшләнә, көмеш белән инкрустацияләнгән һәм капланган көнкуреш предметларын ясау жайга салына. Эшләнмәләр арасында, нигездә, шәхси бизәнгчләр: йөзекләр, муенсалар, беләзекләр, чигә божралары һәм алкалар төп урынны алып тора (**102, 103 нче рәс.**). Аларның күп өлеше көмештән ясала.

Монгол яулары болгар зәркән сәнгатенә бик зур зыян китерә: үрелгән һәм каралтылган көмеш эшләнмәләр, алтыннан чөлтәрләр бизәнгчләр житештерү туктатыла, шатоннар белән бизәү, металл белән каплау юкка чыга. Бары берничә дистә елдан соң гына, 1270 еллар ахыры – 1280 елларда, шәһәр яңарышы белән бергә, бизәнү әйберләргә житештерү дә торгызыла, әмма алар инде ясау ысулы һәм тышкы кыяфәте ягыннан башка төрләр булалар. Биләр зәркәнчеләгә монгол чорына кадәр киңлек һәм төрлелеккә яңадан ирешә алмый, читтән кертелгән эшләнмәләр белән алыштырыла.

Монгол чорына кадәр Болгар – зәркәнчелекнең әһәмияте ягыннан икенче урында торган үзгәреш, Алтын Урда дәверендә ул бу өлкәдә әйдәп баручыга әйләнә. Әгәр дә XIII йөзгә кадәр Болгарда житештерелгән эшләнмәләргә ассортименты Биләргә караганда артык аерылмаса, 1240–1260 елларда шәһәр зәркәнчеләргә эшкәнчеләгә яңа заказчыларга һәм яңа зәвыкка йөз тотта. Традицион чигә божралары, муенсалар һ.б.га ат ияргә өчен көмеш бизәнгчләр өстәлә: асылмалар, ат ябуына тегеп куелган билгеләр һ.б. Күрсен, зәркәнчеләргә бер өлеше 1240 еллар – 1250 еллар башында Батый хан һәм аның улы Сартакның Болгар районында урнашкан ставкасында эшләнә. Анда башка илләрдән килгән зәркәнчелә осталар булуы да ачык – Идел һәм Кама буенда төрләр ысул һәм традицияләргә, яңа сюжет һәм бизәкләргә берләштергән бизәнгчләр барлыкка килү шул хакта сөйли.

1290 еллардан Болгар зәркәнчеләгә яңа монгол дәүләте һөнәрчеләгенң төп юнәлешләре кысаларында үсеш ала. Болгар остаханәләргә чәчәк ату дәверендә дә (XIV йөзгә уртасы – икенче яртысы) сәнгати предметларның читтән күпләп кертелүе һәм күчеп килгән торевтика белгечләргә хезмәткә белән ярыша алмыйлар. Әмма Болгар остаханәләренң эчке базарга йөз тотуы Алтын Урдада киң таралган эшләнмәләргә (мәсәлән, арыслан башлары төшерелгән көмеш беләзекләр) (**104 нче рәс.**) охшаш жирле товарга тотрыклы сорау тудыра, әмма ул Болгарда калыпашкан сюжетлар һәм үзгәрешләргә сәнгати шәрехләнгән рәсемнәр композициясенә ия була.

Төбәк зәркәнчеләгенң үсеше төрләр объектив сәбәпләр аркасында тоткарлана: беренчедән, акча сугу өчен кулланылган төсле металл – көмеш һәм бакырга дәүләт монополиясе (аның үз төсле металл рудалары булмый); икенчедән, профессионал осталарның Алтын Урданың зур административ үзгәрешендә туплануы; өччүчедән, читтән кертелгән эшләнмәләргә күпләгә (**105 нче рәс.**); дүртүчүчедән, иң мөһиме,

Якын Көнчыгышта нәфис металл эшләнмәләр житештерүнең монгол чорына кадәр үк формалашкан традицияләрен сакланшы (Идел буе Болгар дәүләтендә, яулап алынганчы, бу традицияләр формалашып өлгөрми).

Урданың периферия үзәге булган Болгар – профессиональ һөнәрчелек өлкәсенә яулап алулар нәтижәсендә килгән зыянны тулыландыру мөмкинлегенә ия булмый, Алтын Урданың интеграцион төзелеше Болгар олысын Түбән Идел буе өчен чимал базарына әйләндерә, шул сәбәпле әлегә төбәкнең икътисадый үсеше тоткарлана. Әмма Болгар олысы мөлкәте транзит сәүдә, арадаш халыкара базарлар (нигездә, Болгарда) формалашуы, халык санының һәм шул нигездә салымнарның үсүе исәбенә шактый тиз арта.

Суар – үз зәркәнчелек остаханәләре булган өченче шәһәр. Биредә житештерелгән эшләнмәләр, казу эшләре алып барылган мәйданның зур булмавы сәбәпле, әле аз өйрәнелгән. Гомумән алганда, Суар эшләнмәләренәң ассортименты Биләрнекенә тәңгәл булган булса кирәк.

Тухчин шәһәре (Иске Куйбышев комплексы) – Болгар зәркәнчелегенәң жирле хөкемдар каршында беркадәр вакыт эшләп килгән провинциаль үзәге. Биредә көмеш эшләнмәләренәң зур булмаган серияләре (нигездә, үрелгән чыбыктан) эшләнә: беләзекләр, муенсалар. Монда хезмәт куючы оста яки осталар, кулланылган ысулларга караганда, элегрәк Биләр яки Болгар зәркән остаханәләрендә көч куйганнар.

Болгар дәүләтенәң көньяк биләмәләренәң үзәге булып хәзерге вакытта археологик калдыклары Муром шәһәрчегә дип аталган шәһәр саналган. Казу эшләре вакытында биредә төсле металл эшкәртү остаханәләре табыла, зәркән эшләнмәләре һәм кораллары белән бәйлә табылдыклар да бар. Монда алтыннан чигә асылмалары, медальонлы чылбырлар, шулай ук күкрәк бизәнгечләре – жепкыр һәм бөртекләү ысуллары белән бизәлгән фигуралы-уелган пластиналар эшләнә, дип фаразларга мөмкин. Бизәнгечләренәң мондый комплекты Болгар дәүләтенәң бу өлешә өчен үзенчәлекле булып торган. Болар белән беррәттән, шәһәр зәркән остаханәләрендә көмештән үрелгән беләзекләр һәм йөзекләр ясалган. Монгол яуларынан соң Муром шәһәрчегә һөнәрчелегә тулысы белән яңара алмый, әмма шәһәр тибындагы эре торак пунктларда (Муран археология комплексы) сакланып кала: биредә берара монгол чорына кадәргә бизәнү әйберләре эшләп чыгарыла, аннан соң, Алтын Урда бизәнгечләренәң яңа төрләре белән беррәттән, бакыр, бронза һәм электрадан аларның стильләштерелгән күчермәләре ясала. Алтын Урда бизәнгечләренәң яңа төрләре турында сүз алып барганда, аларның (читтән кертелгәннәреннән кала) күбесенчә я Түбән Идел, я рус үрнәкләрен кабатлавын билгеләргә мөмкин. Муром шәһәрчегенәң зәркәнчелек традицияләре Мохши (Наровчат)

олысының сәнгати традицияләре нигезенә салына. Шунысын искәртик: Муром шәһәрчегә зәркәнчеләренәң эшләнмәләрен монгол яуларына кадәр, нигездә, шәһәр халкы кулланса, яулап алынганнан соң, аларны эре торак пунктларда һәм шулай ук аларга якын мордва авылларында яшәүчеләр куллана.

Жүкәтау һәм Алабугада (дәүләтнең төньяк-көнчыгыш өлешендә) да зур булмаган зәркән остаханәләре булганлыгы хакында фаразларга мөмкин. Аларга жентекле характеристика бирү өчен әлегә материаллар житезлек түгел. Мөгаен, биредә эрерәк житештерү үзәкләреннән күчеп килгән осталар хезмәт куйган булса кирәк. Әгәр дә Алабугада көмеш бизәнгечләр читтән китерелгән булып, жирле зәркәнчеләр аларны төзәтү эшләрен генә башкарсалар, XIII йөзнен беренче яртысында Жүкәтауда жепкыр һәм бөртекләү сәнгатен үзләштергән профессиональ оста эшләгән булырга мөмкин. Зәркәнчелек житештерүенәң килгәе һәм дәрәжәсе ягыннан бу шәһәрләр Биләр һәм Болгар белән ярыша алмаган. Осталар монда вакыты-вакыты белән генә эшләгән һәм наместникларның заказларын үтәгән. XIV йөз ахырында, бу дәвәрдә зур булмаган мөстәкыйль өлкәнәң үзәгенә әйләнгән Жүкәтау жирле идарәчеләрдә читтән китерелгән кыйммәтле бизәнү әйберләренәң күпчелегә белән аерылып тора, шулай да бу факт Жүкәтауның жирле һәм якын-тирәдәге халыклар арасында таралган, көмеш металл эретмәләреннән коеп ясалган имитация эшләнмәләргә нигезләнгән зәркәнчелегенәң гомуми үсеш дәрәжәсен артык үзгәртә алмагандыр.

Шул рәвешле, тикшерелгән материаллар Идел буе Болгар дәүләте һәм Алтын Урданың Болгар олысы зәркәнчелегенәң нигезе булган болгар көмеш эшкәртү сәнгатенәң үзенчәлекле формалашу юлын күрсәтә. Аның уңышлы үсеше житештерүнең шәһәрдә туллануы һәм эшләнмәләренәң, нигездә, эчке базарда таралуы белән турыдан-туры бәйле. Көмештән ясалган бизәнү әйберләренәң зур өлеше болгар торак пунктларында, ешрак эре шәһәрләрдә – Болгарда һәм Биләрдә табылган.

Болгар осталары катнашында Чулман буе зәркән үзәкләре оеша, алар жирле чимал нигезендә уңышлы үсеш алалар һәм үз эчке базарын товар белән тәмин итәләр. Чулман буе осталары болгарлардан гына түгел, рус зәркәнчеләреннән (Новгород, Владимир, Мәскәү) күп нәрсәне үзләштерәләр, бу үзгәндә төрле алымнар, технологияләр, формаларны гажәеп рәвештә берләштергән катнаш типтагы эшләнмәләр барлыкка китерә. Алар Пермь буе Урал алдында, Урал һәм Обь буенда яхшы мәгълүм. Болар белән беррәттән, Чулман буенда күп булмаган көмеш болгар эшләнмәләре очрый, аларның саны борынгы рус эшләнмәләре белән чагыштырганда бер-раз күбрәк. Киләчәктә эзләнүләр әйтелгән фаразларны тикшерергә, китерелгән мәгълүматларны төгәлләштерергә һәм тулыландырырга мөмкинлек бирерәк.

CONCLUSION

The Boulgar jewellery art is an impressive and original phenomenon in the global culture. Especially interesting are the works created by master gold- and silversmiths of the Volga Boulgaria and the Boulgar Ulus of the Golden Horde. The most representative in the range of products and diversity of techniques was the Boulgar silver art. For the most part, it served the elite and wealthy portion of the population of the Volga Boulgaria, mostly urban, which determined its concentration in large towns or administrative centres, including small town and village mansions of rich noblemen.

The geography of the survived articles made by Boulgar jewellers shows that the major part of their products was only distributed in the territory of the Boulgar State with a very small number distributed in the Boulgar outposts in the pre-Kama and the Sura river regions. The analysis of the available material showed that the export of Boulgar silver articles beyond the borders of the state in the pre-Mongol period was not massive. Silver bracelets taken alone were found in the Boulgar monuments and in the hidden treasures in the quantity exceeding 70 as opposed to single findings beyond the borders of the state. The same situation is with the Boulgar silver niello rings, temple three-bead pendants, and so on. What is more, the numerous silver ornaments were imported to Boulgaria or arrived with merchant caravans together with their owners. Working at courts of rulers of the state in Boulgar towns were also foreign masters who left their marks in the form of ready-made articles, copies or imitations.

The high-technological production techniques – niello, filigree and granulation on silver articles – were mastered by the Boulgar jewellers and became widely-spread in the 11th century, following the stage of their development and creation of an original style in the 10th century.

Oriental countries were the major source from which the Volga Boulgaria was taking technologies and forms of articles. It were not just the elite products, but also quite simple, “mass market” articles. This ensured the priority development of the Boulgar niello and, a bit later, filigree-granulation art, both in gold and silver. It should be noted that the Boulgar jewellers were very economical in using gold: the base of the ornaments was a copper ring wrapped in gold foil. The same technique was also used in the Boulgar Ulus of the Golden Horde. The Boulgar ornaments made of solid gold are very few with a portion of them being imported.

The Boulgar niello art was fast developing in the first half of the 11th century and flourished in the beginning of the next one. At the turn of the 11th and 12th centuries, the country saw the origin of production of elite filigree and granulation articles made of gold and silver (electra). The latter could be produced in the second half of the 12th century. At the same time, quite visible is the close interaction of Boulgar jewellers and Old-Russian craftsmen from Ryazan, Suzdal, and Vladimir. This can be seen from ornamental motifs and a number of forms of the articles, both in Old-Russian and in Boulgar ones. The result of these contacts was that the Boulgar art was developing by

adopting the elements taken from Byzantium and its Black Sea regions.

Used by Boulgar jewellers as additional decorations were precious and semi-precious stones, corals, amber and, at the Golden Horde period, pearl, which was used in large numbers. Amber, just like carnelian, popular with the Boulgars both at the pre-Mongol and the Golden Horde periods, was often used as an element of decoration in silver rings and certain types of bracelets. It is still unclear whether the Boulgars mastered the engraving of amber articles like in the Old Rus or in the East [Shapovalov, 1998, pp. 112, 113].

Starting from the second half of the 11th century and over almost entire 12th century, the Boulgar masters relied on the experience in the field of artistic metal-working brought to the Middle Volga Region by the Khakas masters.

The Mongol conquests have changed radically the line of development of the Boulgar jewellery art. However, despite the fact that, in general, it began developing under the strong influence of the new culture of their state, it managed to preserve its own original features. As before, the jewellery art in the Boulgar Ulus remained an urban craft and was concentrated in its capital, the city of Boulgar. The study of the money turnover in the Boulgar Ulus showed that it was local and mostly served the domestic market. The distribution of jewellery articles was similar. It was not typical for Boulgar only: every region of the Golden Horde developed its own style, even in the widely-spread decorations of costume.

In this regard, the style-forming point in the range of the Boulgar jewellery products was the traditions of the costume fashion of the Mongol and then of the Turkic elite of the Golden Horde. Noteworthy is that it were not the elements of the nomadic culture that became the most popular, but such related to urban environment and urban craft. In the 14th century, especially in its second half, the major trend in the Boulgar jewellery art was the creation of simplified copies and imitations (replicas) of the imported specimens, first of all of artistic dishware. This was taking place against the background of a significant import from countries of the Middle East of jewellery ornaments made of gold and silver and of bronze dishware with silver incrustation.

The pre-Mongol Boulgar jewellery art reached its prime in the second half of the 12th and the early decades of the 13th centuries. At that period, at least 7 Boulgar towns had their own jewellery workshops. The most developed ones were located in the central part of the country, in the West Trans-Kama Region: in Bilyar, Boulgar, and Suvar.

The largest jewellery centre of the pre-Mongol period was located in Bilyar. It had several specialised workshops. In the 11th century, the town was developing the niello art, the art of gold- and silver wire braiding, chiselling, and embossing. In the 12th century, Bilyar was producing gold and silver filigree temple pendants, braided bracelets with and without chatons, and was mastering the production of silver- and copper-inlaid and silver- and copper-filled household goods. The range of the products

mostly included personal ornaments: rings, torques, bracelets, temple rings, and ear-rings (*pic. 102; 103*). The major portion of such articles was made of silver.

The Mongol invasion struck a heavy blow to the Bilyar jewellery art: the production of braided and niello articles and gold filigree ornaments stopped, just like the use of insertions and decoration with chatons, and cladding. It was only several decades after when, in the late 1270–1280s, the production of ornaments was restarted following the rebirth of the town, but those were different ornaments, both in production technique and their appearance. Besides, after that, the Bilyar jewellery art has never reached the same scale and diversity it had in the pre-Mongol period being substituted by import.

Boulgar, the second most important centre of jewellery production in the pre-Mongol period, became the leader in this field in the Golden Horde period. While the range of articles produced in Boulgar was not very much different from such produced in Bilyar until mid-13th century, in the 1240–1260s, the jewellers of the town began switching to the new tastes and the new customers. The traditional set of products – temple rings, neck chains, and so on – was supplemented by silver ornaments for horse harness: pendants, horsecloth ornaments, etc. In the 1240–1250s, some portion of jewellers, probably, worked in the headquarters of Batu and his son, Sartak, which was located near Boulgar. Obviously, it was the place that accumulated the jewellery masters from other countries as well, which resulted in the appearance in the Volga and pre-Kama regions of ornaments which combined different techniques and traditions, new plots, and ornamental motifs.

From the 1290s, the jewellery art of Bulgar was developing within the framework of the major trends in jewellery of the new Mongol state. At the same time, even at the time of prosperity (middle and second half of the 14th century) the Bulgar workshops were unable to compete with the massive inflow of artistic articles and the working practices of foreign specialists in toreutics. However, the focus on domestic market allowed the Bulgar workshops to develop a stable demand for local products, which, to a great degree, were similar to the types of articles widely spread in the Golden Horde (for example, silver bracelets with images of lion mounds) (*pic. 104*), but acquired in Bulgar the stable plots and compositions of the pictures executed in a particular artistic interpretation.

The development of regional jewellery art was hampered by a number of objective factors: first, the state monopoly over non-ferrous metals – silver and copper that were used for coin minting (in the absence of own sources of non-ferrous metal ores); second, the concentration of master jewellers in large administrative centres of the Golden Horde; third, a large number of imported articles (*pic. 105*); fourth, what was especially important, the preservation of traditions of production of metal artistic articles in the Middle East of the pre-Mongol period (such traditions had little time to establish themselves in the Volga Boulgaria before the conquest).

Boulgar, a provincial centre in the Golden Horde, was unable to recover the losses it suffered in the field of professional craft as a result of the conquest of Boulgar towns and urban production, and the integrative structure of the Golden Horde much contributed

to the Boulgar Ulus being turned into the raw materials market of the Lower Volga Region, thus hampering the economic growth of the region. However, the wealth of the Boulgar Ulus was growing fast due to the transit trade and the formation of intermediate international markets (in particular, in Boulgar), the growth of the population, and the relevant tax revenues.

Suvar was the third town that had its own jewellery production. The products manufactured in its workshops are but poorly studied so far in view of the small area of excavations. In general, the range of the Suvar-made articles was, most probably, similar to the Bilyar one.

The town of Tukhchin (the Starokuibyshevsky Complex) was a Boulgar provincial centre of jewellery production that existed for some time under the rule of a local ruler. The town produced small series of silver ornaments, mostly of braided wire: bracelets and torques. Judging by approaches used, the master or masters who worked there had previously worked in the Bilyar or Boulgar workshops.

The centre of southern territories of the Boulgar State was situated in a town the archaeological remains of which are known as the Muromsky Gorodok settlement. The excavations revealed the traces of the workshops used for treatment of non-ferrous metals. Also found were jewellery articles and instruments. We can assume that the articles produced there included gold temple pendants, chains with medallions, and the chest ornately cut-through plates with ornaments executed in the filigree and granulation technique. Such set of ornaments was specific for this part of the Boulgar State. Apart from this, the jewellery workshops of the town were producing silver braided bracelets and rings. After the Mongol devastation, the craft of the Muromsky Gorodok did not recover to the full. However, it preserved in the large urban settlements (the Muransky archaeological complex), in which they first produced, for some time, the pre-Mongol types of ornaments, and then their imitations made of copper, bronze and electra, along with the new types of the Golden Horde ornaments. But, speaking of the latter, it can be said that they (apart from the imported ones) were mostly the copies of the Lower Volga or Russian ones. The jewellery traditions of the Muromsky Gorodok provided the basis for the formation of the artistic traditions of the Mukhsha Ulus (Narovchat). Noteworthy is that while the major consumers of jewellery articles in the pre-Mongol period were citizens of the town, after the conquest they were mostly represented by citizens of large settlements and the population of the Mordovian settlements located nearby.

We can assume the existence of small jewellery workshops in Juketau and Yelabuga located in the north-eastern part of the state. However, the available material is not sufficient for the detailed description. Most probably, it were guest masters from larger production centres who worked there. While silver ornaments in Yelabuga were not locally made, and the local masters could only carry out the routine repair of the ornaments, in Juketau they probably had a professional master in the first half of the 13th century, who could produce filigree and granulation ornaments. These towns could not compete with Bilyar and Boulgar in the scale and level of jewellery production. Masters worked but occasionally there, performing the orders of

the ruling governors. At the end of the 14th century, Juketau, which became a centre of a small independent region at that period, was known for the abundance of imported precious ornaments owned by the local ruling elite. However, that hardly changed significantly the general level of development of the jewellery business in Juketau, which was mostly focused on the production of a wide range of cast imitations made of alloys of non-ferrous metals that were sold to local dwellers and people who lived in the adjacent areas.

Thus, the materials studied show the original line of development of the Boulgar silver-working, which was the basis of the jewellery business in the Volga Boulgaria and the Boulgar Ulus of the Golden Horde. Its successful development was directly connected to the urban type of production and sales of products predominantly in the domestic market. The

overwhelming majority of silver ornaments was found in the Boulgar settlements, mostly in large cities: Boulgar and Bilyar.

The Boulgar masters took part in the formation of the pre-Kama jewellery centres, which were successfully developing relying on the local raw material base and supplied their products to the local consumer market. The pre-Kama masters borrowed much from the Boulgar but also from Russian jewellers (Novgorod, Vladimir, Moscow), which produced an original, combined type of products that combined fancifully different techniques, technologies, and forms. They are well-known in the Perm pre-Ural area, in the Urals, and in the pre-Ob region. At the same time, found in the pre-Kama region were not-numerous silver Boulgar articles and, in somewhat large quantity, Old-Russian ones. Further research will help check the proposed hypotheses, clarify and supplement the represented data.

ΚΑΤΑΛΟΓ

1. Перстень с орнаментом в виде крина в кольце из стилизованного растительного побега. Волжская Булгария, XI–XII вв. Серебро, ковка, пайка, гравировка, чернение. Размеры: 1,7х1,7х1,7 см. Случайная находка на Билярском городище.

НМ РТ, инв. № 10211-47; коллекция А. Ф. Лихачёва.

Литература: Руденко, 2010, рис. 1-6.

2. Перстень с орнаментом в виде крина в кольце из стилизованного растительного побега. Волжская Булгария, XI–XII вв. Серебро, ковка, пайка, гравировка, чернение. Размеры: 2х2х2 см. Случайная находка на Билярском городище.

НМ РТ, инв. № 10211-36; коллекция А. Ф. Лихачёва.

Литература: Руденко, 2010, рис. 1-7.

3. Перстень с орнаментом из стилизованных растительных побегов в верхней и нижней частях щитка. Волжская Булгария, XI–XIII вв. Серебро, ковка, пайка, гравировка, чернение. Размеры: 1,8х2х2 см. Случайная находка на Билярском городище.

НМ РТ, инв. № 10211-41; коллекция А. Ф. Лихачёва.

Литература: Руденко, 2010, рис. 1-40.

4. Перстень с орнаментом в виде крина в кольце из стилизованного растительного побега. Волжская Булгария, XI–XII вв. Серебро, ковка, пайка, гравировка, чернение. Размеры: 1,7х2х2,2 см. Случайная находка на Билярском городище.

НМ РТ, инв. № 10211-47а; коллекция А. Ф. Лихачёва.

Литература: Руденко, 2010.

5. Перстень с орнаментом в виде растительного побега. Волжская Булгария, XI–XIII вв. Серебро,ковка, пайка, гравировка, чернение. Размеры: 1,8х1,8х1,9 см. Случайная находка на Биярском городище.

НМ РТ, инв. № 10211-42; коллекция А. Ф. Лихачёва.

Литература: Руденко, 2010, рис. 1-24.

6. Перстень с орнаментом из стилизованных растительных побегов в верхней и нижней частях щитка. Волжская Булгария, XI–начало XIII вв. Серебро,ковка, пайка, гравировка, чернение. Размеры: 2,1х1,9х2 см. Случайная находка на Биярском городище.

НМ РТ, инв. № 10211-32; коллекция А. Ф. Лихачёва.

Литература: Руденко, 2010, рис. 1-37.

7. Перстень с орнаментом из стилизованных растительных побегов в верхней и нижней частях щитка. Волжская Булгария, XI–XII вв. Серебро,ковка, пайка, гравировка, чернение. Размеры: 2,5х2,3х2,2 см. Случайная находка на Биярском городище.

НМ РТ, инв. № 10211-37; коллекция А. Ф. Лихачёва.

Литература: Руденко, 2010, рис. 1-32.

8. Перстень с орнаментом в виде крина в кольце из стилизованного растительного побега. Волжская Булгария, XI–XII вв. Серебро,ковка, пайка, гравировка, чернение. Размеры: 1,9х2,2х2 см. Случайная находка на Биярском городище.

НМ РТ, инв. № 10211-33; коллекция А. Ф. Лихачёва.

Литература: Руденко, 2010, рис. 1-47.

9. Перстень с орнаментом из стилизованных растительных побегов в верхней и нижней частях щитка. Волжская Булгария, XI–XII вв. Серебро,ковка, пайка, гравировка, чернение. Размеры: 1,9х2,2х1,8 см. Случайная находка на Билярском городище.

НМ РТ, инв. № 10211-34; коллекция А. Ф. Лихачёва.

Литература: Руденко, 2010, рис. 1-49.

10. Перстень с орнаментом в виде многолучевой розетки на фоне растительных побегов. Волжская Булгария, XI–XII вв. Серебро, литьё,ковка, гравировка, чернение. Размеры: 2,2х2,5х2,6 см. Случайная находка на Билярском городище.

Бортики объёмного щитка перстня украшены меандром. На боковых сторонах изображён трилистник.

НМ РТ, инв. № 10211-26; коллекция А. Ф. Лихачёва.

Литература: Руденко, 2010, рис. 1-18.

11. Перстень с орнаментом в виде кольца с крестовидной фигурой в центре – стилизацией крина. Волжская Булгария, XI–XII вв. Серебро,ковка, пайка, гравировка, чернение. Размеры: 2,3х2х2,3 см. Случайная находка на Билярском городище.

НМ РТ, инв. № 10211-28; коллекция А. Ф. Лихачёва.

Литература: Руденко, 2010, рис. 1-46.

12. Перстень с орнаментом в виде стилизации крина в кольце. Волжская Булгария, XI–XII вв. Серебро,ковка, пайка, гравировка, чернение. Размеры: 1,8х1,9х2,3 см. Случайная находка на Билярском городище.

НМ РТ, инв. № 10211-50; коллекция А. Ф. Лихачёва.

Литература: Руденко, 2010, рис. 1-16.

13. Перстень с орнаментом из стилизованных растительных побегов в верхней и нижней частях щитка. Волжская Булгария, XI–XII вв. Серебро,ковка, пайка, гравировка, чернение. Размеры: 2х2х2 см. Случайная находка на Билярском городище.

НМ РТ, инв. № 10211-29; коллекция А. Ф. Лихачёва.

Литература: Руденко, 2010, рис. 1-34.

14. Перстень с орнаментом в виде двух симметрично расположенных растительных побегов – полупальметт. Волжская Булгария, XI–XII вв. Серебро,ковка, пайка, гравировка, чернение. Размеры: 2,1х1,7х2,2 см. Случайная находка на Билярском городище.

НМ РТ, инв. № 10211-48; су-330; коллекция А. Ф. Лихачёва.

Литература: Руденко, 2010, рис. 1-14.

15. Перстень с орнаментом из стилизованных растительных побегов в верхней и нижней частях щитка. Волжская Булгария, XI–XII вв. Серебро,ковка, пайка, гравировка, чернение. Размеры: 2х2х1,7 см. Случайная находка на Билярском городище.

На обратной стороне щитка выгравированы знаки наподобие рунических.

НМ РТ, инв. № ЭО-99/51 [10211]; коллекция А. Ф. Лихачёва.

Литература: Руденко, 2010, рис. 1-31.

16. Перстень с орнаментом из пересекающихся линий разной конфигурации, расположенных в верхней и нижней частях щитка, имитирующих рисунок из растительных побегов. Волжская Булгария, XII–XIII вв. Серебро,ковка, пайка, гравировка, чернение. Размеры: 2,2х1,9х2,3 см. Случайная находка на Биярском городище.

НМ РТ, инв. № 10211-40; коллекция А. Ф. Лихачёва.

Литература: Руденко, 2010, рис. 1-44.

17. Перстень с орнаментом в виде крина в кольце из стилизованного растительного побега. Волжская Булгария, XI–XII вв. Серебро,ковка, пайка, гравировка, чернение. Размеры: 2,1х1,8х2 см. Случайная находка на Биярском городище.

НМ РТ, инв. № 10211-48; су-259; коллекция А. Ф. Лихачёва.

Литература: Руденко, 2010, рис. 1-14.

18. Перстень с орнаментом из стилизованных растительных побегов в верхней и нижней частях щитка. Волжская Булгария, XI–XII вв. Серебро,ковка, пайка, гравировка, чернение. Размеры: 1,7х1,9х1,9 см. Случайная находка на Биярском городище.

НМ РТ, инв. № 10211-46; коллекция А. Ф. Лихачёва.

Литература: Руденко, 2010, рис. 1-38.

19. Перстень с орнаментом из пересекающихся линий, расположенных в верхней и нижней частях щитка, имитирующих рисунок из растительных побегов. Волжская Булгария, XII–XIII вв. Серебро,ковка, пайка, гравировка, чернение. Размеры: 1,9х1,8х2 см. Случайная находка на Биярском городище.

НМ РТ, инв. № 10211-39; коллекция А. Ф. Лихачёва.

Литература: Руденко, 2010, рис. 1-39.

20. Перстень с орнаментом в виде крина в кольце из стилизованного растительно-го побега. Волжская Булгария, XI–XII вв. Серебро, ковка, пайка, гравировка, чернение. Размеры: 2х2х2 см. Случайная находка на Биярском городище.

НМ РТ, инв. № 10211-39; коллекция А. Ф. Лихачёва.

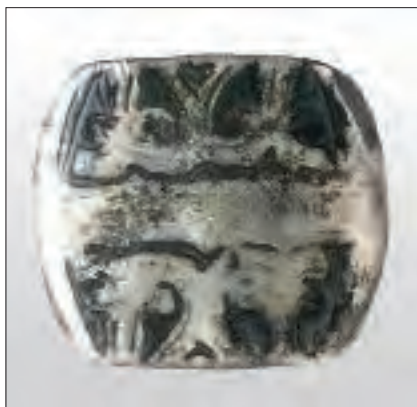
Литература: Руденко, 2010, рис. 1-8.

21. Перстень с орнаментом из стилизованных растительных побегов в верхней и нижней частях щитка. Волжская Булгария, XI–XII вв. Серебро, ковка, пайка, гравировка, чернение. Размеры: 1,9х1,9х1,9 см. Случайная находка на Биярском городище.

НМ РТ, инв. № 10211-52; коллекция А. Ф. Лихачёва.

Литература: Руденко, 2010, рис. 1-35.

22. Перстень с орнаментом в виде кольца, пересечённого горизонтальной двойной полосой и двумя дугами, сомкнутыми в средней части в виде буквы Х. Волжская Булгария, XI–XII вв. Серебро, ковка, пайка, гравировка, чернение. Размеры: 1,5х1,7х2 см. Случайная находка на Биярском городище.

НМ РТ, инв. № 10211-43; коллекция А. Ф. Лихачёва.

Литература: Руденко, 2010, рис. 1-17.

23. Перстень с орнаментом в виде s-видных растительных побегов в верхней и нижней частях щитка. Волжская Булгария, XI–XII вв. Серебро, ковка, пайка, гравировка, чернение. Размеры: 1,7х2,2х1,6 см. Случайная находка на Биярском городище.

Рисунок повреждён; поверхность щитка перстня потемневшая.

НМ РТ, инв. № 245; су-609.

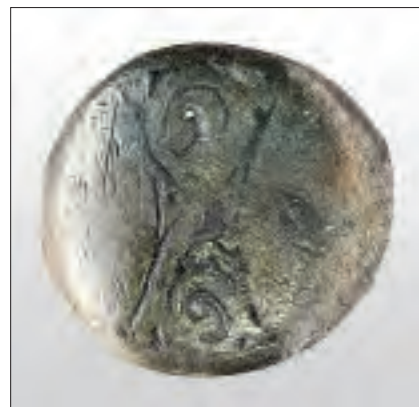
Литература: Руденко, 2010, рис. 1-28.

24. Перстень с круглым щитком с орнаментом в виде растительного побега, расположенного посередине. Волжская Булгария, XI–XII вв. Серебро, литьё,ковка, пайка (?), гравировка, чернение, золочение. Размеры: 1,5х1,4х2,1 см. Случайная находка на Билярском городище.

НМ РТ, инв. № 10211-30; коллекция А. Ф. Лихачёва.

Литература: Руденко, 2010, рис. 1-45.

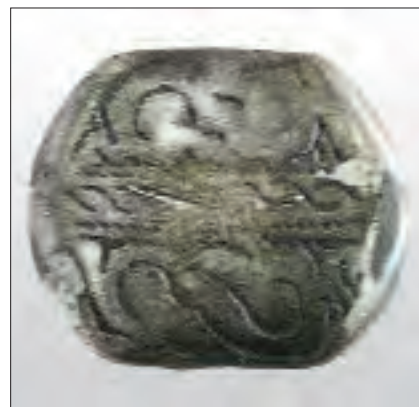

25. Перстень с орнаментом в виде s-видных растительных побегов в верхней и нижней частях щитка. Волжская Булгария, XI–XII вв. Серебро, ковка, пайка, гравировка, чернение, золочение. Размеры: 2х1,7х1,2 см. Случайная находка на Болгарском городище.

Шинка деформирована.

НМ РТ, инв. № 5378-26; лих 6/15; коллекция А. Ф. Лихачёва.

Литература: Руденко, 2010, рис. 1-27.

26. Перстень с орнаментом в виде кри-на в двойном кольце из стилизованного растительного побега. Волжская Булгария, XI–XII вв. Серебро, ковка, пайка, гравировка, чернение. Размеры: 2,6х2,2х1,4 см. Случайная находка на Билярском городище.

Шинка обломана.

НМ РТ, инв. № 21736.

Литература: Руденко, 2010, рис. 1-12.

27. Перстень с изображением птицы, обрамлённой стилизованным растительным побегом. Волжская Булгария, XI–XII вв. Серебро, ковка, пайка, гравировка, чернение. Размеры: 1,7х1,9х0,8 см. Случайная находка на Билярском городище.

Шинка и ¼ щитка утрачены.

НМ РТ, инв. № 250; су-530.

Литература: Руденко, 2010, рис. 1-2.

28. Перстень с орнаментом в виде крина в кольце из стилизованного растительного побега. Волжская Булгария, XI–XII вв. Серебро, литьё, ковка, пайка, гравировка. Размеры: 2,4 x 2,2 x 2 см. Случайная находка на Болгарском городище.

Шинка утрачена.

НМ РТ, инв. № 7719; су-335.

Литература: Руденко, 2010, рис. 1-11.

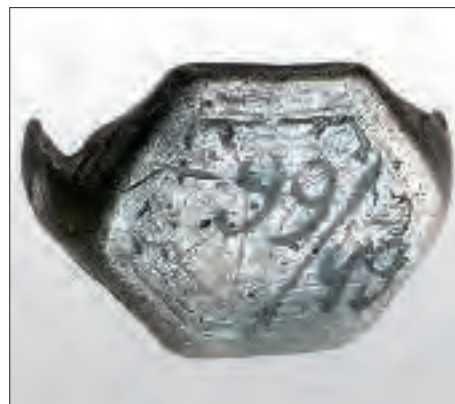

29. Перстень с орнаментом в виде крина в кольце из стилизованного растительного побега (?). Волжская Булгария, XI–XII вв. Серебро, ковка, пайка, гравировка, чернение (?). Размеры: 1,6 x 2,2 x 0,7 см. Случайная находка на Билярском городище.

Изображение на щитке стёрто; шинка утрачена.

НМ РТ, инв. № 10211-49; ЭО-99/49; су-311; коллекция А. Ф. Лихачёва.

Литература: Руденко, 2010, рис. 1-23.

30. Перстень с орнаментом в виде крина в кольце из стилизованного растительного побега. Волжская Булгария, XI–XII вв. Серебро, ковка, пайка, гравировка, чернение. Размеры: 1,8 x 1,7 x 0,7 см. Случайная находка на Билярском городище.

Поверхность щитка имеет сильные потёртости; шинка утрачена.

НМ РТ, инв. № 21738; ЭО-99/65; су-530.

Литература: Руденко, 2010, рис. 1-48.

31. Перстень с орнаментом из стилизованных растительных побегов в верхней и нижней частях щитка. Волжская Булгария, XI–XII вв. Серебро, ковка, пайка, гравировка. Размеры: 1,6 x 1,5 x 2,1 см. Случайная находка на Билярском городище.

Перстень сломан пополам (склейка). Чернь на рисунок не нанесена.

НМ РТ, инв. № 10211-38; су-321; коллекция А. Ф. Лихачёва.

Литература: Руденко, 2010, рис. 1-36.

32. Перстень с орнаментом в виде «бабочки». Волжская Булгария, XI–XII вв. Серебро, ковка, пайка, гравировка, чернение. Размеры: 2,2 x 1,7 x 1,8 см; m=3,7 г. Случайная находка на Болгарском городище.

½ шинки утрачена.

НМ РТ, инв. № 5499.

Литература: Руденко, 2010, рис. 5-4.

33. Перстень с орнаментом в виде креста (стилизованного крина) в кольце. Волжская Булгария, XII в. Серебро, ковка, пайка, гравировка, чернение. Размеры: 2 x 2 x 2 см. Билярское городище, раскоп XXIII, яма № 304.

Шинка утрачена.

БГИАПМЗ, инв. № 581.

Литература: Хузин, Валиулина, 1986, с. 100, рис. 2-19; Руденко, 2010, рис. 5-5.

34. Перстень с орнаментом из хаотичных пересекающихся линий в верхней и нижней частях щитка. Волжская Булгария, XII–XIII вв. Серебро, ковка, пайка, гравировка, чернение. Размеры: 2,25 x 1,72 x 2,2 см. Находка Е. А. Беговатова на Мурзихинском селище (Алексеевский район РТ).

БГИАМЗ, инв. № 609-1; су-67.

Литература: Руденко, 2010, рис. 1-42; Руденко, Беговатов, 1992, с. 115–116; 1994, с. 49–51.

35. Перстень с орнаментом из пересекающихся линий в верхней и нижней частях щитка. Волжская Булгария, XII – начало XIII вв. Серебро, ковка, пайка, гравировка, чернение. Размеры: 2,2 x 2,2 x 1,65 см. Находка Е. А. Беговатова на Семёновском селище (Спасский район РТ).

БГИАМЗ, инв. № 1092-2/арх-405; су-106.

Литература: Руденко, 2010, рис. 1-43; Руденко, Беговатов, 1992, с. 115–116; 1994, с. 49–51.

36. Перстень с орнаментом из хаотичных пересекающихся прямых линий и дуг в верхней и нижней частях щитка. Волжская Булгария, XI–XII вв. Серебро,ковка, пайка, гравировка, чернение. Размеры: 2,8 x 1,85 x 0,45 см. Случайная находка на Болгарском (?) городище.

На боковых сторонах выгравирован треугольник с чернью. Шинка утрачена; щиток деформирован.

БГИАМЗ, инв. № 609-2; су-68.

Литература: Великий, 2013, с. 138.

37. Перстень с изображением птицы. Волжская Булгария, XII в. Серебро,ковка, пайка, гравировка, чернение. Размеры: 1,9 x 1,9 x 0,1 см. Находка Е. А. Беговатова на Семёновском селище (Спасский район РТ).

БГИАМЗ, инв. № 609-3; су-69.

Литература: Руденко, 2010, рис. 1-3; Руденко, Беговатов, 1992, с. 115–116; 1994, с. 49–51; Великий, 2013, с. 138.

38. Перстень с орнаментом из двух кривов в зеркальной симметрии. Волжская Булгария, вторая половина XI – начало XII вв. Серебро,ковка, пайка, гравировка, чернение. Размеры: 2,2 x 1,9 x 2 см. Был в составе клада, найденного в 1990 г. на IV Кожаевском селище (Спасский район РТ). Раскопки М. М. Кавеева.

БГИАМЗ, инв. № 473-356а.

Литература: Кавеев, 1992, с. 108, рис. 1-3; Руденко, 2010, рис. 1-20.

39. Перстень с орнаментом в виде крина, вписанного в кольцо. Волжская Булгария, вторая половина XI – начало XII вв. Серебро,ковка, пайка, гравировка, чернение. Размеры: 2,2 x 1,9 x 2 см. Был в составе клада, найденного в 1990 г. на IV Кожаевском селище (Спасский район РТ). Раскопки М. М. Кавеева. Изображение на щитке затёрто.

БГИАМЗ, инв. № 473-355а.

Литература: Кавеев, 1992, с. 108, рис. 1-2; Руденко, 2010, рис. 1-13.

40. Перстень с изображением птицы. Волжская Булгария, вторая половина XI – начало XII вв. Серебро,ковка, пайка, гравировка, чернение. Размеры: 1,8х1,8х1,9 см. Был в составе клада, найденного в 1990 г. на IV Кожаевском селище (Спасский район РТ). Раскопки М. М. Кавеева.

БГИАМЗ, инв. №473-354.

Литература: Кавеев, 1992, с. 108, рис. 1-7; Руденко, 2010, рис. 1-1; Великий, 2013, с. 138.

41. Перстень с орнаментом из крина в обрамлении двух стилизованных растительных побегов. Волжская Булгария, вторая половина XI – начало XII вв. Серебро,ковка, пайка, гравировка, чернение. Размеры: 1,8х1,7х2 см. Был в составе клада, найденного в 1990 г. на IV Кожаевском селище (Спасский район РТ). Раскопки М. М. Кавеева.

БГИАМЗ, инв. №473-356.

Литература: Кавеев, 1992, с. 108, рис. 1-5; Руденко, 2010, рис. 1-4.

42. Перстень с орнаментом в виде «бабочки». Волжская Булгария, вторая половина XI – начало XII вв. Серебро,ковка, пайка, гравировка, чернение. Размеры: 1,8х1,7х2 см. Был в составе клада, найденного в 1990 г. на IV Кожаевском селище (Спасский район РТ). Раскопки М. М. Кавеева.

БГИАМЗ, инв. №473-357.

Литература: Кавеев, 1992, с. 108, рис. 1-6; Руденко, 2010, рис. 1-21.

43. Перстень с орнаментом из крина в кольце из стилизованных растительных побегов. Волжская Булгария, вторая половина XI – начало XII вв. Серебро, ковка, пайка, гравировка, чернение. Размеры: 1,9 x 1,7 x 1,9 см. Был в составе клада, найденного в 1990 г. на IV Кожеевском селище (Спасский район РТ). Раскопки М. М. Кавеева.

БГИАМЗ, инв. № 473-355.

Литература: Кавеев, 1992, с. 108; рис. 1-4; Руденко, 2010, рис. 1-5.

44. Перстень с орнаментом из двух кринов в зеркальной симметрии в верхней и нижней половинах щитка. Волжская Булгария, XI–XII вв. Серебро, ковка, пайка, гравировка. Размеры: 2,2 x 2,2 x 2 см. Случайная находка на Мурзихинском селище (Алексеевский район РТ).

Чернь не нанесена.

АМ К(П)ФУ.

Литература: Руденко, 2010, рис. 1-29.

45. Перстень с орнаментом в виде «узла счастья». Волжская Булгария, XII – начало XIII вв. Серебро, ковка, пайка, гравировка, чернение. Размеры: 1,6 x 2,1 x 2 см. Случайная находка на Мурзихинском селище (Алексеевский район РТ).

Частная коллекция.

Литература: Руденко, 2010, рис. 1-26.

46. Перстень с орнаментом из двух трилистников в зеркальной симметрии в верхней и нижней половинах щитка. Волжская Булгария, XI–XII вв. Серебро, ковка, пайка, гравировка, чернение. Размеры: 1,8 x 1,8 x 1,8 см. Случайная находка на Мурзихинском селище (Алексеевский район РТ).

Частная коллекция.

Литература: Руденко, 2010, рис. 1-30.

47. Перстень с квадратным щитком, украшенным рисунком в виде ромба. Среднее Поволжье, XIII–XIV вв. Серебро, литьё,ковка, пайка, гравировка. Размеры: 1,6 x 1,7 x 1,8 см. Случайная находка на Билярском городище (?) и прилегающих селищах (Алексеевский район РТ).

Чернь не нанесена. На боковой стороне отлита розетка.

МГРТиТН, экспозиция (2007 г.).

48. Перстень с изображением растительного побега в верхней и нижней половинах щитка. Волжская Булгария, XII – начало XIII вв. Серебро, литьё,ковка, пайка, гравировка, чернение. Размеры: 1,8 x 2 x 2,1 см. Случайная находка на Билярском городище (?) и прилегающих селищах (Алексеевский район РТ).

Чернью выделен контур рисунка.

МГРТиТН, экспозиция (2007 г.).

Литература: Руденко, 2010, рис. 5-14.

49. Перстень с изображением крина в обрамлении стилизованного растительного побега. Волжская Булгария, XII – начало XIII вв. Серебро, литьё,ковка, пайка, гравировка, чернение. Размеры: 2,2 x 2 x 2,1 см. Случайная находка на Билярском городище (?) и прилегающих селищах (Алексеевский район РТ).

Чернь сохранилась только на небольших участках фона в верхней части щитка.

МГРТиТН, экспозиция (2007 г.).

Литература: Руденко, 2010, рис. 5-10.

50. Перстень с изображением из двух кринов в зеркальной симметрии в верхней и нижней половинах щитка. Волжская Булгария, XII – начало XIII вв. Серебро, литьё,ковка, пайка, гравировка, чернение. Размеры: 2,2 x 2 x 2,1 см. Случайная находка на Билярском городище (?) и прилегающих селищах (Алексеевский район РТ).

Чернью заполнен фон рисунка. Половинки орнаментального поля на щитке разделены полоской двухрядной плетёнки.

МГРТиТН, экспозиция (2007 г.).

Литература: Руденко, 2010, рис. 5-12.

51. Перстень аналогичный № 50. Чернь не нанесена.

МГРТиТН, экспозиция (2007 г.).

52. Перстень с фигурным подпрямоугольным щитком с изображением цветка (?). Среднее Поволжье, XIII–XIV вв. Серебро, литьё,ковка, пайка, гравировка, чернение. Размеры: 2 x 1,5 x 2,1 см. Случайная находка на Билярском городище (?) и прилегающих селищах (Алексеевский район РТ).

Чернью выделен фон рисунка.

МГРТиТН, экспозиция (2007 г.).

Литература: Руденко, 2010, рис. 5-13.

53. Перстень с чёрным орнаментом из трилистников и полупальметт. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Серебро,ковка, пайка, гравировка, чернение. Размеры: 1,8 x 1,8 x 1,6 см; m=1,343 г. Случайная находка на Болгарском городище.

На щитке (1,6 x 0,7 см) изображение из трилистников и полупальметт, вписанных в треугольники и ромб, образованные 4 пересекающимися линиями. Гравированный орнамент имеется на боковых сторонах перстня (при переходе от щитка к шинке).

БГИАМЗ, инв. № 776-2; су-89.

Литература: Великий, 2013, с. 138.

54. Перстень с миндалевидным щитком с изображением крестовидной фигуры. Среднее Поволжье, XIII–XIV вв. Серебро, литьё,ковка, пайка, гравировка. Размеры: 2,2 x 1 x 1 см. Случайная находка на Болгарском городище.

Шинка разомкнута.

БГИАМЗ, инв. № 924-1; су-93.

Литература: Великий, 2013, с. 138.

55. Перстень с прямоугольным щитком, украшенным рисунками из полупальметт, вписанных в ромбы и треугольники. Булгарский улус Золотой Орды, вторая половина XIV в. Серебро (электр?), литьё,ковка, пайка, гравировка, чернение. Размеры: 2,1х2х0,7 см; m=4 г. Был в составе Карашамского клада, найденного в 1950 г. в Зеленодольском районе РТ.

НМ РТ, инв. № 11425.

Публикуется впервые.

56. Перстень с прямоугольным щитком с изображением s-видной фигуры. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Серебро, литьё,ковка, пайка, гравировка, чернение. Размеры: 1,9х1,8х0,5 см. Случайная находка на Болгарском городище.

НМ РТ, б.ш.

Публикуется впервые.

57. Перстень с прямоугольным щитком, на котором провололочкой выложены узоры в виде кольца и вихревой розетки. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Серебро, литьё,ковка, пайка, гравировка, позолота (?). Размеры: 2х1,8х0,6 см. Случайная находка на Болгарском городище.

НМ РТ, инв. № 356-4; су-625; из коллекции ОАИЭ.

Литература: Руденко, 2006а, рис. 18-9.

58. Перстень с ромбическим щитком, ограниченным двумя прямоугольными пластинами и тремя шишечками на каждой. Балканы, XII–XIV вв. Серебро, литьё,ковка, пайка, позолота (?). Размеры: 2,3х2,3х0,65 см. Случайная находка на Болгарском городище.

НМ РТ, инв. № 7719-46; су-277; коллекция А. Ф. Лихачёва.

Литература: Руденко, 2006а, рис.18-5.

59. Перстень с прямоугольным щитком, украшенный s-видным рисунком. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, вторая половина XIV в. Серебро, литьё, пайка, гравировка, чернение. Размеры: 2,1х2х0,7 см. Был в составе Карашамского клада, найденного в 1950 г. в Зеленодольском районе РТ.

Внешний диаметр шинки 2,1 см; внутренний – 1,9 см. Размер кольца 1,9 см. Сечение шинки полуовальное (сегментовидное). Выпуклый щиток прямоугольной формы (1,4х0,7 см) украшен s-видным рисунком. На боковые стороны щитка резцом нанесены параллельные линии – «расчёсы».

НМ РТ, инв. № 11456.

Литература: Калинин, Халиков, 1954, с. 119; Руденко, 2006а, с. 125–126, рис. 18-2; 2006б, цв. илл. 47.

60. Перстень с прямоугольным щитком, украшенный полупальметтами. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, вторая половина XIV в. Серебро, литьё, пайка, гравировка, чернение. Размеры: 2,2х2,2х0,7 см. Был в составе Карашамского клада, найденного в 1950 г. в Зеленодольском районе РТ.

Внешний диаметр шинки 2,2 см; внутренний – 1,9 см. Размер кольца 1,9 см. Сечение шинки прямоугольное. Выпуклый щиток прямоугольной формы (1,15х0,7 см) украшен рисунком в виде двух симметричных полупальметток. Изображение выполнено тонким резцом. На боковые стороны щитка нанесены параллельные линии – «расчёсы».

НМ РТ, инв. № 11458.

Литература: Калинин, Халиков, 1954, с. 119; Руденко, 2006а, с. 125–126, рис. 18-1; 2006б, цв. илл. 48.

61. Перстень с прямоугольным щитком, на котором видны следы черневого рисунка. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Серебро, литьё, пайка, гравировка, чернение (?). Размеры: 2х2х0,65 см. Случайная находка на Болгарском городище.

Шинка немного деформирована.

НМ РТ, инв. № 12638; су-247; из коллекции ОАИЭ.

Литература: Руденко, 2006а, с. 125–126, рис. 18-3.

62. Перстень с прямоугольным щитком, украшенным s-видным орнаментом. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Серебро, литьё, пайка, гравировка, чернение (?). Размеры: 1,9х1,9х0,52 см. Случайная находка на Болгарском городище.

Шинка немного деформирована.

НМ РТ, инв. № 10411-б; Бул.26; из коллекции ОАИЭ.

Литература: Руденко, 2006а, с. 125–126, рис. 18-7.

63. Перстень с прямоугольным щитком, украшенным s-видным орнаментом. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Серебро, литьё, гравировка, чернение (?). Размеры: 2х2х0,52 см. Случайная находка на Болгарском городище.

НМ РТ, инв. № 10411-а; надпись: *Бул.26*; из коллекции ОАИЭ.

Литература: Руденко, 2006а, с. 125–126, рис. 18-6.

64. Перстень с прямоугольным щитком, украшенным рисунком в виде двух квадратов с крестами внутри. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Серебро, литьё, пайка, гравировка, позолота. Размеры: 2,1х2х0,6 см. Случайная находка на Болгарском городище.

НМ РТ, инв. № 10411-в; надпись: *Бул[гар]*; из коллекции ОАИЭ.

Литература: Руденко, 2006а, с. 125–126, рис. 18-8.

65. Перстень с прямоугольным щитком, с гравированным ромбом с s-видным орнаментом. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Бронза, литьё, гравировка. Размеры: 1,6х2,3х0,7 см. Случайная находка на Болгарском городище.

НМ РТ, инв. № 5466; из коллекции ОАИЭ.

Литература: Руденко, 2006а, с. 127–128, рис. 18-10.

66. Перстень с ромбическим щитком, на который нанесена стилизованная нечитаемая надпись. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Бронза, литьё, гравировка. Размеры: 1,9х1,9х1 см. Случайная находка на Болгарском городище.

На шинке узор нанесён пуансоном.

НМ РТ, инв. № 2877; из коллекции ОАИЭ.

Литература: Руденко, 2006а, с. 127–128, рис. 18-13.

67. Перстень с прямоугольным щитком, на котором нанесён орнамент в виде нечитаемой надписи. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Бронза, литьё, гравировка. Размеры: 2х2,15х0,7 см. Случайная находка на Болгарском городище.

НМ РТ, инв. № 5467; из коллекции ОАИЭ.

Литература: Руденко, 2006а, с. 127–128, рис. 18-12.

68. Перстень с объёмным щитком с цилиндрическим основанием и полусферическим навершием. Поднепровье или Среднее Поволжье, XII–XIII в. Серебро, литьё, пайка, скань, позолота. Размеры: 2,8х2,2х1,3 см. Случайная находка на Болгарском городище.

НМ РТ, инв. № 99/24; коллекция А. Ф. Лихачёва.

Литература: Руденко, 2006а, с. 126, рис. 17-2.

69. Перстень с объёмным щитком с цилиндрическим основанием и полусферическим навершием с пирамидкой зерни на вершине. Поднепровье или Среднее Поволжье, XII–XIII вв. Серебро, литьё, пайка, псевдоскань, псевдозернь, позолота. Размеры: 2,85х1,8х1,5 см. Случайная находка на Болгарском городище.

НМ РТ, инв. № 99/22; коллекция А. Ф. Лихачёва.

Литература: Руденко, 2006а, с. 126, рис. 17-3.

70. Перстень с объёмным щитком с цилиндрическим основанием, украшенным сканой косичкой и цилиндрическим глухим кастом с каменной вставкой. Поднепровье или Среднее Поволжье, XII–XIII вв. Серебро, литьё, пайка, скань, псевдоскань, позолота. Размеры: 2,5 x 1,5 x 1,5 см. Случайная находка на Болгарском городище.

½ часть шинки утрачена.

НМ РТ, инв. № 99/23; коллекция А. Ф. Лихачёва.

Литература: Руденко, 2006а, с. 126, рис.17-6.

71. Перстень с объёмным щитком с цилиндрическим основанием, на котором находится цилиндрический шатон со вставкой из поделочного камня белого цвета. Поднепровье или Среднее Поволжье, XII–XIII вв. Серебро, литьё, пайка, скань, псевдозернь, позолота. Размеры: 1,5 x 1,65 x 2,75 см. Случайная находка на Болгарском городище.

½ шинки утрачена; оставшаяся часть деформирована.

НМ РТ, инв. № 99/17; коллекция А. Ф. Лихачёва.

Литература: Руденко, 2006а, с. 126, рис.17-1.

72. Перстень с объёмным щитком с цилиндрическим основанием, на котором находится шатон со вставкой из поделочного камня или янтаря тёмно-красного цвета. Поднепровье или Среднее Поволжье, XII–XIII вв. Серебро, литьё, пайка, псевдоскань, псевдозернь, чеканка, позолота, янтарь (?). Размеры: 3,4 x 2,45 x 1,4 см. Случайная находка на Болгарском городище.

НМ РТ, инв. № 10211-18; су-225; коллекция А. Ф. Лихачёва.

Литература: Руденко, 2006а, с. 126, рис.17-4.

73. Перстень с объёмным щитком с цилиндрическим фигурным основанием и полусферическим навершием, завершающимся пирамидкой зерни. Поднепровье или Среднее Поволжье, XII–XIII вв. Серебро, литьё, пайка, скань, позолота. Размеры: 3,3 x 2,2 x 1,5 см. Случайная находка на Болгарском городище.

Шинка украшена сканью и выложенным из глади змеевидным узором.

НМ РТ, инв. № 10206-20; су-305; ЭО-89/20; коллекция А. Ф. Лихачёва.

Литература: Руденко, 2006а, с. 126, рис. 17-5.

74. Перстень с шатоном прямоугольной формы со вставкой из сердолика. Волжская Булгария, Биляр, XII в. Серебро, литьё, пайка, скань, зернь, сердолик. Размеры: 1,8 x 3 x 2 см. Случайная находка на Билярском городище.

НМ РТ, инв. № 99/15; коллекция А. Ф. Лихачёва.

Публикуется впервые.

75. Перстень с шатоном прямоугольной формы со вставкой из стекла. Волжская Булгария, Биляр, XII в. Серебро, литьё, пайка, скань, зернь, стекло. Размеры: 1,8х3х2 см. Случайная находка на Билярском городище.

НМ РТ, инв. № 10211-21; су-226; коллекция А. Ф. Лихачёва.

Публикуется впервые.

76. Перстень с шатоном круглой формы со вставкой из синего стекла. Византия или Поднепровье, XI–XII вв. Серебро, литьё, пайка, скань, зернь, стекло. Размеры: 2,4х2,2х1,7 см. Случайная находка на Билярском городище.

НМ РТ, инв. № 99/14; коллекция А. Ф. Лихачёва.

Публикуется впервые.

77. Перстень с шатоном квадратной формы со вставкой из янтаря. Волжская Булгария, Биляр, XI–XII вв. Серебро, литьё, пайка, скань, зернь, янтарь. Размеры: 2,2х2,1х1,7 см. Случайная находка на Билярском городище. Вставка на ½ выкрошилась.

НМ РТ, инв. № 99/20; коллекция А. Ф. Лихачёва.

Публикуется впервые.

78. Перстень с объёмным щитком в виде полусферического колпачка с зерневым и сканым узором. Волжская Булгария, XI–XII вв. Серебро, выколотка, ковка, пайка, скань, зернь. Размеры: 3 x 2,2 x 1,2 см. Случайная находка на Билярском городище.

НМ РТ, инв. № 99/25; коллекция А. Ф. Лихачёва.

Публикуется впервые.

79. Перстень с шатоном круглой формы со вставкой из лазурита. Византия или Поднепровье, XI в. Серебро, лазурит, выколотка, пайка, зернь. Размеры: 2,1 x 1,3 x 2,1 см. Билярское II селище. Раскопки Е. А. Беговатова 2001 г.

Каст глухой, круглый, сделан из серебряной полоски шириной 0,5 см, украшен с боков 5 равносторонними (4 x 4) треугольниками зерни ($d=0,01$ см), состоящими из 10 шариков-гранул. Шинка диаметром 1,8 см, выполнена из штампованной полоски шириной 0,5 и толщиной 0,25 см. Вставка круглая, диаметром 0,8 см.

БГИАПМЗ, инв. № КП-736.

Литература: <http://ksu.ru/archeol/index.htm>.

80. Коробочка-подвеска с изображением крина в круге из стилизованного растительного побега с одной стороны и z-образной композицией из двух симметричных растительных побегов – с другой. Волжская Булгария, XII в. Серебро, ковка, пайка, гравировка. Размеры: 1,8х1,7х0,65 см. Случайная находка на Болгарском городище.

БГАИМЗ, инв. № 1116/422; су-118.

Публикуется впервые.

81. Коробочка-подвеска с изображением крина в круге из стилизованного растительного побега. Волжская Булгария, Биляр, XII в. Серебро, ковка, пайка, гравировка. Размеры: 1,9х2,1х0,5 см. Случайная находка на Билярском городище.

Ушко и ½ изделия утрачены; пластина изогнута по месту сгиба.

НМ РТ, инв. № 201а; из коллекции ОАИЭ.

Литература: Руденко, 2010, рис. 5-1.

82. Коробочка-подвеска со стилизованным рисунком. Волжская Булгария, Биляр, XII в. Серебро, ковка, пайка, гравировка. Размеры: 1,9х2,1х0,5 см. Случайная находка на Билярском городище. Ушко и ½ изделия утрачены.

НМ РТ, инв. №201а-1; из коллекции ОАИЭ.

Литература: Руденко, 2010, рис. 5-2.

83. Коробочка-подвеска с изображением крина в круге из стилизованного растительного побега. Волжская Булгария, Биляр или Булгар, XII в. Серебро, ковка, пайка, гравировка. Размеры: 1,8х1,7х0,65 см. Билярское городище, раскоп XXIII, яма №304.

БГИАПМЗ.

Литература: Хузин, Валиулина, 1986, с. 100, рис. 2-22; Руденко, 2010, рис. 5-3.

84. Деталь пояса в виде шестилепестковой розетки с выпуклой полусферой в центре. Булгарский улус Золотой Орды, XIV в. Серебро, литьё,ковка, пайка, гравировка, чернение. Размеры: 3,8х2,8х0,4 см. Случайная находка на Болгарском (?) городище.

Орнамент состоит из растительных побегов, мотива крина и мелких насечек. Часть изделия утрачена.

НМ РТ, б. ш.

Литература: Руденко, 2010, рис. 7-1.

85. Накладка каплевидной формы с окончанием в виде трилистника и петель для крепления. Волжская Булгария, XI–XII вв. Серебро, литьё, пайка, гравировка, чернение. Размеры: 5,55х2,7х0,8 см. Случайная находка на Билярском городище (?).

Орнамент состоит из мотива крина и s-видных насечек. На обратной стороне припаяны 3 шпенька и основание ушка. Изделие немного деформировано.

НМ РТ, б.ш.

Литература: Руденко, 2010, рис. 7-2.

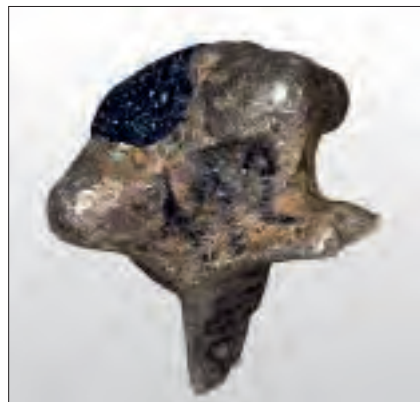
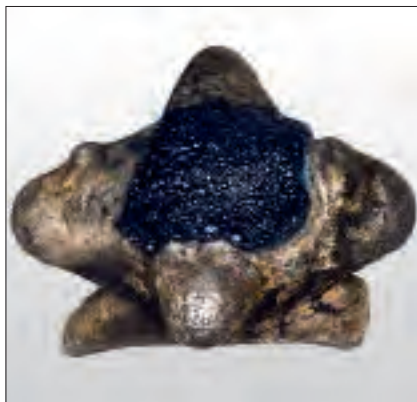

86. Перстень лапчатый со вставкой из стекла тёмно-синего цвета. Хазария, IX–X вв. Серебро, литьё, стекло. Размеры: 1,75х1,7х1,15 см. Случайная находка на Болгарском городище.

Шинка утрачена.

БГИАМЗ, инв. № 1129-1327; су-130.

Публикуется впервые.

87. Перстень пластинчатый с овальным щитком и черневым рисунком. Волжская Булгария, XII–XIII вв. Серебро, литьё,ковка, гравировка, чернение. Размеры: 1,8х0,9х1,6 см. Подъёмный материал с Болгарского городища 1971 г.

½ перстня утрачена.

БГИАМЗ, инв. № 73-442; су-54.

Публикуется впервые.

88. Перстень с прямоугольным щитком. Волжская Булгария, XII – начало XIII вв. Серебро, литьё,ковка, пайка, гравировка. Размеры: 2,8х1х0,6 см. Случайная находка на Мурзинском селище (Алексеевский район РТ).

Рисунок не сохранился.

БГИАПМЗ.

Литература: Руденко, 2010, рис. 5-8.

89. Наконечник ремня с гравированным рисунком из полупальметт и крина. Булгарский улус Золотой Орды, XIV – начало XV вв. Серебро, литьё,ковка, пайка, гравировка, чернение. Размеры: 4х1,5х0,35 см. Болгарское городище, раскоп СХІ, 1990 г., руководитель – П. Н. Старостин.

БГИАМЗ, инв. № 580-186; су-97.

Литература: Великий, 2013, с. 141.

90. Перстень с орнаментом из пересекающихся линий в верхней и нижней частях щитка. Волжская Булгария, XII – XIII вв. Серебро,ковка, пайка, гравировка, чернение. Размеры: 2х1,5х1,2 см. Случайная находка на Болгарском городище. Аналогичный – кат. № 35.

БГИАМЗ, инв. № 1092-3; су-107; 405 арх.

Литература: Великий, 2013, с. 138.

91. Перстень с круглым щитком, украшенным сканью и зерновыми треугольниками. Волжская Булгария, XI – начало XII вв. Серебро, ковка, пайка, зернь, скань. Размеры: 1,9 x 1,4 x 0,55 см. Подъемный материал с Остолоповского селища у с. Речное (Алексеевский район РТ).

Шинка утрачена; щиток деформирован. Имеются следы ремонта.

БГИАПМЗ, инв. № КП-735.

Литература: Руденко, 2002б, с. 52, рис. 7-2.

92. Перстень (шатор) с круглым глухим кастом с лазуритовой (?) вставкой, украшенный сканью и зерновыми треугольниками. Волжская Булгария, XI в. Серебро, лазурит, ковка, пайка, зернь, скань. Размеры: 1,2 x 1,5 x 0,6 см. Находка на Остолоповском селище у с. Речное (Алексеевский район РТ), раскоп XIX, уч.15, 1 пласт (-17 см), №70 по плану. Раскопки К. А. Руденко, 2008 г.

Шинка утрачена; щиток деформирован.

НМ РТ.

Литература: Руденко, 2012а, с. 134, рис. 8-4.

93. Перстень с орнаментом из крина в кольце из стилизованного растительного побега. Волжская Булгария, XI–XII вв. Серебро, ковка, пайка, гравировка, чернение. Размеры: 1,9 x 1,7 x 1,6 см. Случайная находка у бывшего с. Новомордово (Спаский район РТ) в зоне затопления Куйбышевского водохранилища. Сборы М. М. Кавеева.

Щиток сильно потёрт.

БГИАМЗ, инв. № 538-28/184; су-47.

Публикуется впервые.

94. Перстень щитковый с орнаментом из пересекающихся линий в верхней и нижней частях щитка. Волжская Булгария, XIII в. Серебро, ковка, пайка, гравировка, чернение. Размеры: 2,5 x 1,8 x 1,7 см. Случайная находка на Мурзихинском селище (Алексеевский район РТ).

Чернь нанесена на контур рисунка. Шинка разломана.

БГИАПМЗ, инв. № КП-732.

Литература: Руденко, 2010, рис. 1-51; 5-7.

95. Перстень с квадратным щитком с орнаментом в виде крестовидной плетёнки. Волжская Булгария, XI–XII вв. Серебро, ковка, пайка, гравировка, чернение. Размеры: 1,2 x 1,5 x 0,3 см. Случайная находка на Мурзихинском селище (Алексеевский район РТ).

Чернь нанесена на контур рисунка. Шинка и $\frac{1}{2}$ щитка утрачены.

БГИАПМЗ, инв. № КП-732.

Литература: Руденко, 2010, рис. 1-25; 5-11.

96. Перстень щитковый с орнаментом из крина (?). Волжская Булгария, XI – начало XIII вв. Серебро, ковка, пайка, гравировка, чернение. Размеры: 2 x 0,5 x 1,6 см. Случайная находка на Мурзихинском селище (Алексеевский район РТ).

Щиток сильно потёрт; шинка сломана, её окончания свёрнуты в несколько раз и прижаты к щитку с обратной стороны.

БГИАПМЗ, инв. № КП-732.

Литература: Руденко, 2010, рис. 1-52; 5-10.

97. Браслет дотовый с изображением львиной морды на раскованном окончании. Золотая Орда, XIV в. Серебро, литьё, ковка, гравировка. Размеры: 1,8 x 2 x 0,5 см. Случайная находка на Болгарском городище в 2001 г.

$\frac{3}{4}$ утрачено. Сечение дрота сегментовидное.

БГИАМЗ, инв. № 970-208; су-100.

Публикуется впервые.

98. Перстень щитковый с орнаментом из двух заштрихованных треугольников. Булгарский улус Золотой Орды, XIV в. Серебро, литьё, ковка, пайка, гравировка. Размеры: 2,1 x 2 x 0,68 см. Случайная находка на Болгарском городище.

БГИАМЗ, инв. № 776-1; су-88.

Литература: Великий, 2013, с. 140.

99. Перстень с миндалевидным щитком, на который напаяна проволока, составляющая надпись. Булгарский улус Золотой Орды, XIV в. Серебро (электр), литьё, ковка, пайка. Размеры: 2х2,1х1,5 см. Подъёмный материал на Болгарском городище 1982 г.

Надпись нечитаема; возможно, прототипом являлась благопожелательная формула: «*Да продлит Аллах здоровье (благоденствие)*».

БГИАМЗ, инв. № 329-56; су-5.

Литература: Великий, 2013, с. 138; Мухаметшин, Хакимзянов, 1996, с. 302–303, рис. 92; 2013, с. 319.

100. Перстень с прямоугольным щитком, украшенным рисунками из полупальметт, вписанных в ромбы и треугольники. Булгарский улус Золотой Орды, вторая половина XIV – начало XV вв. Серебро (электр?), литьё, ковка, пайка, гравировка, чернение. Размеры: 2,3х2,3х0,7 см; m=6,17 г. Был в составе Карашамского клада, найденного в 1950 г. в Зеленодольском районе РТ.

Щиток (1,2х0,7 см) по краю украшен мелкими насечками. Крупные насечки имеются на его боковых сторонах.

НМ РТ, инв. № 11426.

Публикуется впервые.

101. Перстень с прямоугольным щитком, на котором выгравирован s-видный рисунок. Булгарский улус Золотой Орды, XIV в. Серебро (электр), литьё, ковка, гравировка. Размеры: 2х0,65х2,2 см. Случайная находка на Болгарском городище.

БГИАМЗ, инв. № 684-3; су-75.

Литература: Великий, 2013, с. 138.

102. Перстень с прямоугольным щитком, на который напаяна проволока, имитирующая стилизованную надпись. Булгарский улус Золотой Орды, XIV в. Серебро (электр), литьё, ковка, пайка. Размеры: 1,3х0,8х2 см. Случайная находка на Болгарском городище.

Надпись нечитаема; возможно, означает: «*защищать, предохранять*».

БГИАМЗ, инв. № 473-104; су-37.

Литература: Мухаметшин, Хакимзянов, 1996, с. 304, рис. 93; Великий, 2013, с. 138.

103. Цепочка с подвесками в виде «желудей». Булгарский улус Золотой Орды, середина – вторая половина XIII в. Серебро, литьё, ковка, выколотка, пайка, скань, зернь. Размеры: 32 x 5,5 x 1,4 см; m=104,22 г. Находилась в составе Бутаевского клада.

НМ РТ, инв. № 13380-1.

Литература: Ефимова, 1960, с. 197, рис. 3.

104. Цепочка с подвесками в виде «желудей». Булгарский улус Золотой Орды, середина – вторая половина XIII в. Серебро, литьё, ковка, выколотка, пайка, скань, зернь. Размеры: 26 x 5,7 x 2 см; m=113,88 г. Находилась в составе Бутаевского клада.

НМ РТ, инв. № 13380-2.

Литература: Ефимова, 1960, с. 197, рис. 3.

105. Диск-подвеска с ушком из согнутой серебряной полосы фигурной формы. Булгарский улус Золотой Орды, середина – вторая половина XIII в. Серебро, литьё, ковка, клёпка. Размеры: 12,7х12,5х0,7 см; m = 38,72 г. Находился в составе Бутаевского клада.

НМ РТ, инв. № 13380-8.

Литература: Ефимова, 1960, с. 200, рис. 5; Руденко, 2001в, с. 102, рис. 16-4.

106. Диск-подвеска с ушком из согнутой серебряной полосы фигурной формы. Булгарский улус Золотой Орды, середина – вторая половина XIII в. Серебро, литьё, ковка, клёпка. Размеры: d=13,2 см; m=50,4 г. Находился в составе Бутаевского клада.

Диск немного выпуклый.

НМ РТ, инв. № 13380-14.

Литература: Ефимова, 1960, с. 200, рис. 5; Руденко, 2001в, с. 102, рис. 16-6.

107. Диск-подвеска с ушком из согнутой серебряной полоски фигурной формы. Булгарский улус Золотой Орды, середина – вторая половина XIII в. Серебро, литьё,ковка, клёпка. Размеры: 13,5х13х0,7 см; m=45,91 г. Находился в составе Бутаевского клада. На обратной стороне

½ часть лопасти ушка утрачена.

НМ РТ, инв. № 13380-13.

Литература: Ефимова, 1960, с. 200; Руденко, 2001в, с. 102, рис. 16-3.

108. Диск-подвеска с ушком из согнутой серебряной полоски фигурной формы. Булгарский улус Золотой Орды, середина – вторая половина XIII в. Серебро, литьё,ковка, клёпка. Размеры: 13,2х12,8х0,7 см; m=44,44 г. Находился в составе Бутаевского клада.

НМ РТ, инв. № 13380-12.

Литература: Ефимова, 1960, с. 200; Руденко, 2001в, с. 102, рис. 16-2.

109. Диск-подвеска с ушком из согнутой серебряной полосы фигурной формы. Булгарский улус Золотой Орды, середина – вторая половина XIII в. Серебро, литьё, ковка, клёпка, чеканка. Размеры: 13,5х13,8х0,7 см; m=35,05 г. Находился в составе Бутаевскогоклада.

Украшен чеканным орнаментом в виде треугольников и розеток.

НМ РТ, инв. № 13380-11.

Литература: Ефимова, 1960, с. 200, рис. 6; Руденко, 2001в, с. 102, рис. 16-1.

110. Диск-подвеска с ушком из согнутой серебряной полосы трапецевидной формы. Булгарский улус Золотой Орды, середина – вторая половина XIII в. Серебро, литьё, ковка, клёпка, чеканка. Размеры: 13х12,7х0,7 см; m=46,13 г. Находился в составе Бутаевскогоклада.

На лицевой и оборотной стороне заметны следы от чекана.

НМ РТ, инв. № 13380-10.

Литература: Ефимова, 1960, с. 200; Руденко, 2001в, с. 102, рис. 16-8.

111. Диск-подвеска с ушком из согнутой серебряной полоски треугольной формы. Булгарский улус Золотой Орды, середина – вторая половина XIII в. Серебро, литьё, ковка, клёпка. Размеры: 13,5х12,9х0,7 см; m=39,46 г. Находился в составе Бутаевскогоклада.

НМ РТ, инв. № 13380-9.

Литература: Ефимова, 1960, с. 200, рис. 5; Руденко, 2001в, с. 102, рис. 16-7.

112. Диск-подвеска с ушком из согнутой серебряной полоски фигурной формы. Булгарский улус Золотой Орды, середина – вторая половина XIII в. Серебро, литьё, ковка, клёпка. Размеры: d=12,4 см; m=39,69 г. Находился в составе Бутаевскогоклада.

НМ РТ, инв. № 13380-15.

Литература: Ефимова, 1960, с. 200; Руденко, 2001в, с. 102, рис. 16-5.

113–134¹. Бляхи-нашивки в виде объёмной розетки с двумя сквозными отверстиями в верхней части. Булгарский улус Золотой Орды, середина – вторая половина XIII в. Серебро, штамповка. Размеры: d=2,4–2,5 см; h=0,6–0,7 см. Находились в составе Бутаевскогоклада.

НМ РТ, инв. № 13380-7 / 1-21,25.

Литература: Ефимова, 1960, с. 199, рис. 4; Руденко, 2001в, с. 102, рис. 16-9, 11.

113

114

115

116

117

118

119

120

121

122

123

124

125

126

127

128

130

131

132

133

134

¹ №129 (13338-7/25) – без фото.

135–138¹. Бляхи-нашивки круглой формы с невысоким бортиком с 4 сквозными отверстиями. Булгарский улус Золотой Орды, середина – вторая половина XIII в. Серебро, штамповка. Размеры: d=2-2,1 см; h=0,5 см. Находились в составе Бутаевского клада.

НМ РТ, инв. № 13380-7 /22-24,26.

Литература: Ефимова, 1960, с. 199; Руденко, 2001в, с. 102, рис. 16-10.

139. Кольцо трёхбусинное, разомкнутое. Булгарский улус Золотой Орды, середина – вторая половина XIII в. Серебро, тиснение, пайка, скань. Размеры: 9,5х8,7х2,5 см; m=38,4 г. Находилось в составе Бутаевского клада.

Бусины (2,2х2,4х1,8 см) надеты на кольцо диаметром 8 см, круглого сечения (d=0,3 см). Бусины в нижней части зафиксированы навитой в 26 оборотов сканой проволокой. Одна бусина деформирована.

НМ РТ, инв. № 13380-3.

Литература: Ефимова, 1960, с. 195.

¹ №136 (13338-7/26) – без фото.

140. Кольцо трёхбусинное, разомкнутое. Булгарский улус Золотой Орды, середина – вторая половина XIII в. Серебро, тиснение, пайка, скань. Размеры: 9х9,2х2,05 см; m=38,55 г. Находилось в составе Бутаевского клада. Аналогично № 139.

НМ РТ, инв. № 13380-4.

Литература: Ефимова, 1960, с. 195.

141. Кольцо трёхбусинное, разомкнутое с раскованными окончаниями дужки, в которых пробиты сквозные отверстия. Булгарский улус Золотой Орды, середина – вторая половина XIII в. Серебро, тиснение, ковка, пайка, скань. Размеры: 7,3х7,4х1,75 см; m=16,45 г. Находилось в составе Бутаевскогоклада.

Бусины (2,2х1,9х1,1 см) надеты на кольцо диаметром 6,5 см, круглого сечения (d=0,2 см). Бусины в нижней части зафиксированы навитой в 16–17 оборотов сканой проволокой. Две бусины деформированы.

НМ РТ, инв. № 13380-5.

Литература: Ефимова, 1960, с. 195, рис. 1.

142. Кольцо трёхбусинное, разомкнутое с раскованными окончаниями дужки, в которых пробиты сквозные отверстия. Булгарский улус Золотой Орды, середина – вторая половина XIII в. Серебро, тиснение, ковка, пайка, скань. Размеры: 7,5х7х1,7 см; m=16,81 г. Находилось в составе Бутаевскогоклада.

Бусины (2,2х1,8х1,1 см) надеты на кольцо диаметром 7 см, круглого сечения (d=0,2 см). Бусины в нижней части зафиксированы навитой в 17–19 оборотов сканой проволокой. Две бусины деформированы.

НМ РТ, инв. № 13380-6.

Литература: Ефимова, 1960, с. 195, рис. 1.

143. Кольцо трёхбусинное, разомкнутое с филигранными напускными бусинами и тремя подвесками на цепочках. Волжская Булгария, Биляр, XII – начало XIII вв. Серебро (электр), медь, тиснение, ковка, пайка, кручение, волочение, скань, зернь. Размеры: 8,6х4,5х1,7 см; общая длина 8,6 см; m=14,13 г. Находилось в составе клада, найденного у с. Именьково (Лайшевский район РТ) в 1962 г.

В основе украшения – медное кольцо размером 4,1х3,52 см из проволоки диаметром 0,2 см, обтянутое серебряной фольгой. На кольцо надеты три ажурные бусины (1,7х1,6 см). Они состоят из двух полусфер, высотой 0,6 и диаметром 0,85 см каждая, соединённых пятью биконическими элементами (высота 0,7 см, диаметр 0,3 см), которые зафиксированы сканым пояском из двух проволоочек, между которыми находится 26 гранул. Биконические элементы украшены зерновыми треугольниками из 6 гранул. Полусферы декорированы зернью и сканью. Основу орнаментальной композиции составляют пять зерновых треугольников, каждый из 17 гранул (диаметр гранул 0,05 см); расстояние между ними составляет 2 гранулы. Основания треугольников «опираются» на сканую проволочку, снизу которой припаяны треугольники из трёх шариков зерни. Между бусинами навита сканая проволочка: между третьей и средней – 15 витков, между средней и первой – 17 витков. Толщина кольца в месте навивки скани составляет 0,32 см. Над третьей бусиной, у отверстия навита скань в 3 оборота. Первая напускная бусина зафиксирована одним сканым колечком. К средней бусине за зерновой поясик прикреплены три петельки, в одну из которых продето проволоочное колечко в 1,5 оборота. За него зацеплена цепочка из 10 звеньев. Вторая цепочка из 9 звеньев прикреплена к петельке одним из звеньев. Третья цепочка утрачена. На цепочках крепились подвески подцилиндрической формы (1,65х1,05 см) из двух спаянных тиснённых половинок. Шов маскировался двумя витками сканой проволоки (2S кручение). Каждая из половинок украшена пятью зерновыми треугольниками из 21 гранулы. Вершины треугольников венчают ромбики из четырёх гранул. При этом они отделены от вершин одной гранулой. Расстояние между основаниями треугольников заполнено зернью – от одной гранулы до трёх. В нижней части подвесок припаяны пирамидки из зерни диаметром 0,1 см. На украшение каждой из напускных бусин было потрачено 319 гранул, на каждую из подвесок – 263 гранулы, всего на изготовление украшения ушло 1746 гранул.

НМ РТ, инв. № 14576-43; су-550.

Литература: История татар, 2006, цв. вклейка; Руденко, 2011б, кат. № 45.

144. Кольцо трёхбусинное, разомкнутое с филигранными напускными бусинами и тремя подвесками на цепочках. Волжская Булгария, Биляр, XII – начало XIII вв. Серебро (электр), медь, тиснение, ковка, пайка, кручение, волочение, скань, зернь. Размеры: 8,6х4,5х1,7 см; общая длина 8,9 см; m=13,41 г. Находилось в составе клада, найденного у с. Именьково (Лаишевский район РТ) в 1962 г. Аналогично №143.

Утрачена одна подвеска, ещё одна деформирована и отсутствует зерневая пирамидка. Зерновой декор повреждён, часть гранул отсутствует.

НМ РТ, инв. № 14576-42; су-549.

Литература: История татар, 2006, цв. вклейка; Руденко, 2011б, кат. №44.

145. Кольцо-серьга трёхбусинное, разомкнутое, без подвесок. Волжская Булгария, XI в. Серебро, тиснение, ковка, пайка, кручение, волочение, скань, зернь. Размеры: 3,5х4,1х1 см. Находка Е. А. Беговатова на IV Семёновском селище (Спасский район РТ).

Одно окончание кольца круглого сечения ($d=0,18\text{ см}$), заострено. Две бусины деформированы, зернь утрачена.

АМ К(П)ФУ

Литература: <http://ksu.ru/archeol/index.htm>.

146. Браслет пластинчатый широкий, разомкнутый с суженными и скрученными в трубочку окончаниями. Среднее Поволжье, XII – начало XIII вв. Серебро (электр), ковка, сгибание, формовка. Размеры: 5,6х4,7х3,85. Находилось в составе клада, найденного у с. Именьково (Лаишевский район РТ) в 1962 г.

НМ РТ, инв. № 14576-10.

Публикуется впервые.

147. Кольцо трёхбусинное, разомкнутое с филигранными напускными бусинами и двумя подвесками на цепочках. Волжская Булгария, Биляр, XII – начало XIII вв. Серебро (электр), медь, тиснение, ковка, пайка, кручение, волочение, скань, зернь. Размеры: d кольца = 3 см; длина цепочки из 3 звеньев – 1,8–2 см; общая длина 6,5 см. Случайная находка в Аксубаевском (?) районе РТ. Аналогично № 143, 144.

НКЦ «Казань», инв. № 15491-1.

Литература: Сокровищница, 2012, с. 118, кат. № 75.

148. Кольцо трёхбусинное, разомкнутое с филигранными напускными бусинами и двумя подвесками на цепочках. Волжская Булгария, Биляр, XII – начало XIII вв. Серебро (электр), медь, тиснение, ковка, пайка, кручение, волочение, скань, зернь. Размеры: d кольца = 3 см; длина цепочки из 3 звеньев – 1,8–2 см; общая длина 6,5 см. Случайная находка в Аксубаевском (?) районе РТ. Аналогично № 147.

Две напускные бусины деформированы, утрачена зернь.

НКЦ «Казань», инв. № 15491-2.

Литература: Сокровищница, 2012, с. 118, кат. № 75.

149. Подвеска с двумя фигурными пластинами с изображением парных львов (?) с подвесками-бубенчиками на цепочках. Булгарский улус Золотой Орды, вторая половина XIII – начало XIV вв. Серебро, тиснение, чеканка, ковка, пайка, кручение, волочение, скань. Размеры: 24х6–16х2 см; m=24 г. Случайная находка на Болгарском городище.

Листовидные пластины практически одного размера (12,5х8,3 и 12,5х7,7 см), украшены изображением растительного побега, обрамляющего медальон в центре, в котором изображены две фигуры животных с одной общей головой. В нижней части их помещено небольшое изображение розетки. Пластины крепятся с помощью припаянного ушка колечком к проволочному коромыслу, на вертикальных плечах которого размещены по одной шаровидной напускной бусине (d=2 см) и конусовидные колпачки с полусферической нижней частью (4,5х1,7 см). К соединительным кольцам прикреплены цепочки из 16 звеньев, заканчивающиеся шаровидными бубенчиками (d=2 см). Пластины изготовлены двумя разными матрицами.

НМ РТ, инв. № 5603; су-237.

Литература: Руденко, 2006б, с. 168, фото 11, 12.

150. Гривна «глазовского типа», тордированная, с замком из петельки и гранёной замыкающей головкой. Прикамье, IX–X вв. Серебро, сгибание. Размеры: 21,9х19,5х1,7 см; m=206,95 г. Депортирована; возможно, случайная находка в Вятской губернии.

НМ РТ, инв. № су-823.

Публикуется впервые.

151. Подвеска-погремушка дисковидной формы с полусферой в центре. Киев или Чернигов, X – начало XI вв. Серебро, чеканка, клёпка, гравировка, позолота. Размеры: d=8 см, толщина 1,2 см. Случайная находка на Болгарском или Билярском городище.

Две половинки изделия соединены 4 крупными клёпками с полусферическими шляпками; в верхней части пробито два сквозных отверстия. Подвеска украшена растительным орнаментом; фон обработан пуансоном и позолочен. Лицевая сторона её имеет механические повреждения.

НМ РТ, инв. № 21821.

Литература: Руденко, 2001в, с. 104, рис. 18-26; 2006б, с. 167, фото 10.

152. Обойма пластинчатая, с циркульным орнаментом. Среднее Поволжье, VIII–IX вв. Серебро, ковка, штамповка, сгибание, чеканка, позолота (?). Размеры: 3,15х1,5х0,25 см. Случайная находка на Болгарском городище (булгарская находка). Вероятно, происходит из разрушенного захоронения.

Пластина прямоугольной формы, украшена 6 окружностями ($d=0,5$ см), расположенными в два ряда по 3 в каждом. На загнутых лопастях, обрезанных по форме трапеции, сделаны 2 сквозных отверстия. Разогнута.

НМ РТ, инв. № 5478-13; су-268; коллекция А. Ф. Лихачёва.

Литература: Руденко, 2001в, с. 104, рис. 18-39; Бугров, 2006, с. 264–268, рис. 3-5.

Аналоги: Тат-Боярский, Лопьяльский, Юмский могильники VIII–XI вв. в бассейне Вятки [Лещинская, 2002, с. 63, рис. 9].

153. Обойма пластинчатая, с циркульным орнаментом. Среднее Поволжье, VIII–IX вв. Серебро, ковка, штамповка, сгибание, чеканка, позолота (?). Размеры: 3,1х1,65х0,15 см. Случайная находка на Болгарском городище (булгарская находка).

Пластина прямоугольной формы, украшена 6 окружностями ($d=0,5$ см), расположенными в два ряда по 3 в каждом. На загнутых лопастях, обрезанных по форме трапеции, сделаны 2 сквозных отверстия. Разогнута.

НМ РТ, инв. № 5478-11; су-268; коллекция А. Ф. Лихачёва.

Литература: Руденко, 2001в, с. 104, рис. 18-38; Бугров, 2006, с. 264–268, рис. 3-5.

154. Обойма пластинчатая, с циркульным орнаментом. Среднее Поволжье, VIII–IX вв. Серебро, ковка, штамповка, сгибание, чеканка, позолота (?). Размеры: 2,15х1,45х0,1 см. Случайная находка на Болгарском городище (булгарская находка). Аналогична № 153.

Разогнута. Одна лопасть и ¼ часть лицевой стороны утрачены.

НМ РТ, инв. № 5478-4; су-268; коллекция А. Ф. Лихачёва.

Литература: Руденко, 2001в, с. 104, рис. 18-43; Бугров, 2006, с. 264–268, рис. 3-5.

155. Обойма пластинчатая, с циркульным орнаментом. Среднее Поволжье, VIII–IX вв. Серебро, ковка, штамповка, сгибание, чеканка, позолота (?). Размеры: 1,85х1,65х0,3 см. Случайная находка на Болгарском городище.

Пластина квадратной формы, украшена 6 окружностями (d=0,5 см), расположенными в два ряда по 3 в каждом. На загнутых лопастях, обрезанных по форме трапеции, сделаны 2 сквозных отверстия.

НМ РТ, инв. № 5478-5; су-268; коллекция А. Ф. Лихачёва.

Литература: Руденко, 2001в, с. 104, рис. 18-40; Бугров, 2006, с. 264–268, рис. 3-5.

156. Обойма пластинчатая, с циркульным орнаментом. Среднее Поволжье, VIII–IX вв. Серебро, ковка, штамповка, сгибание, чеканка, позолота (?). Размеры: 2,15х1,45х0,1 см. Случайная находка на Болгарском городище (булгарская находка). Аналогична № 153.

Разогнута.

НМ РТ, инв. № 5478-10; су-268; коллекция А. Ф. Лихачёва.

Литература: Руденко, 2001в, с. 104, рис. 18-37; Бугров, 2006, с. 264–268, рис. 3-5.

157. Обойма пластинчатая, с циркульным орнаментом. Среднее Поволжье, VIII–IX вв. Серебро, ковка, штамповка, сгибание, чеканка, позолота (?). Размеры: 3,15х1,6х0,15 см. Случайная находка на Болгарском городище (булгарская находка). Аналогична № 153.

Разогнута.

НМ РТ, инв. № 5478-9; су-268; коллекция А. Ф. Лихачёва.

Литература: Руденко, 2001в, с. 104, рис. 18-36; Бугров, 2006, с. 264–268, рис. 3-5.

158. Обойма пластинчатая, с циркульным орнаментом. Среднее Поволжье, VIII–IX вв. Серебро, ковка, штамповка, сгибание, чеканка, позолота (?). Размеры: 2х1,6х0,2 см. Случайная находка на Болгарском городище (булгарская находка).

Пластина прямоугольной формы, украшена 6 окружностями (d=0,5 см), расположенными в два ряда по 3 в каждом. На загнутых лопастях, обрезанных по форме трапеции, сделаны 2 сквозных отверстия.

НМ РТ, инв. № 5478-1; су-268; коллекция А. Ф. Лихачёва.

Литература: Руденко, 2001в, с. 104, рис. 18-41; Бугров, 2006, с. 264–268, рис. 3-5.

159. Обойма пластинчатая, с циркульным орнаментом. Среднее Поволжье, VIII–IX вв. Серебро, ковка, штамповка, сгибание, чеканка, позолота (?). Размеры: 2,3 x 1,4 x 0,35 см. Случайная находка на Болгарском городище (булгарская находка). Аналогична № 158.

Одна лопасть утрачена.

НМ РТ, инв. № 5478-7; су-268; коллекция А. Ф. Лихачёва.

Литература: Руденко, 2001в, с. 104, рис. 18-31, 32; Бугров, 2006, с. 264–268, рис. 3-5.

160. Обойма пластинчатая, с циркульным орнаментом. Среднее Поволжье, VIII–IX вв. Серебро, ковка, штамповка, сгибание, чеканка, позолота (?). Размеры: 2 x 1,4 x 0,15 см. Случайная находка на Болгарском городище (булгарская находка).

Лопасты утрачены.

НМ РТ, инв. № 5478-14; су-268; коллекция А. Ф. Лихачёва.

Литература: Руденко, 2001в, с. 104, рис. 18-35; Бугров, 2006, с. 264–268, рис. 3-5.

161. Обойма пластинчатая, с циркульным орнаментом. Среднее Поволжье, VIII–IX вв. Серебро, ковка, штамповка, сгибание, чеканка, позолота (?). Размеры: 2,3 x 1,5 x 0,15 см. Случайная находка на Болгарском городище (булгарская находка). Аналогична № 158.

Одна лопасть и ¼ часть лицевой стороны утрачены.

НМ РТ, инв. № 5478-2; су-268; коллекция А. Ф. Лихачёва.

Литература: Руденко, 2001в, с. 104, рис. 18-42; Бугров, 2006, с. 264–268, рис. 3-5.

162. Обойма пластинчатая, с циркульным орнаментом. Среднее Поволжье, VIII–IX вв. Серебро, ковка, штамповка, сгибание, чеканка, позолота (?). Размеры: 2,3х1,5х0,05 см. Случайная находка на Болгарском городище (булгарская находка). Аналогична № 161.

Одна лопасть и ¼ часть лицевой стороны утрачены.

НМ РТ, инв. № 5478-12; су-268; коллекция А. Ф. Лихачёва.

Литература: Руденко, 2001в, с. 104, рис. 18-33; Бугров, 2006, с. 264–268, рис. 3-5.

163. Обойма пластинчатая, с циркульным орнаментом. Среднее Поволжье, VIII–IX вв. Серебро, ковка, штамповка, сгибание, чеканка, позолота (?). Размеры: 2,4х1,4х0,15 см. Случайная находка на Болгарском городище (булгарская находка). Аналогична № 153.

Разогнута. Обе лопасти утрачены.

НМ РТ, инв. № 5478-8; су-268; коллекция А. Ф. Лихачёва.

Литература: Руденко, 2001в, с. 104, рис. 18-29; Бугров, 2006, с. 264–268, рис. 3-5.

164. Обойма пластинчатая, с циркульным орнаментом. Среднее Поволжье, VIII–IX вв. Серебро, ковка, штамповка, сгибание, чеканка, позолота (?). Размеры: 2,4х1,4х0,2 см. Случайная находка на Болгарском городище (булгарская находка). Аналогична № 163.

Разогнута. Лопасты утрачены.

НМ РТ, инв. № 5478-3; су-268; коллекция А. Ф. Лихачёва.

Литература: Руденко, 2001в, с. 104, рис. 18-34; Бугров, 2006, с. 264–268, рис. 3-5.

165. Диск с орнаментом. Среднее Поволжье, VIII–IX вв. Серебро, ковка, штамповка, сгибание, чеканка, позолота (?). Размеры: $d=10,5$ см; толщина 0,4 см. Случайная находка на Болгарском городище (булгарская находка).

Круглой формы, немного выпуклый, со следами на обратной стороне прямоугольной пластинки от крепёжного каркаса. Украшен окружностями с краю и треугольниками выбитых пуансоном точек. В центре – круглый медальон ($d=1,1$ см) из нескольких окружностей. Центральная часть утрачена.

НМ РТ, инв. №5477-1; су-267, надпись: *Лих-Бул.20-45*; коллекция А. Ф. Лихачёва.

Литература: Руденко, 2001в, с. 104, рис. 18-28; Бугров, 2006, с. 264, рис.1;2, кат. №1.

166. Диск с орнаментом. Среднее Поволжье, VIII–IX вв. Серебро, ковка, штамповка, сгибание, чеканка, позолота (?). Размеры: $d=10,6$ см; толщина 0,4 см; высота 0,8 см. Случайная находка на Болгарском городище (булгарская находка). Аналогичен №165.

Центральная часть имеет многочисленные утраты.

НМ РТ, инв. №5477-2; су-268, надпись: *Лих-Бул.20-44*; коллекция А. Ф. Лихачёва.

Литература: Руденко, 2001в, с. 104, рис. 18-27; Бугров, 2006, с. 264, рис. 1;2, кат. №2.

167. Фрагмент нагрудника. Среднее Поволжье, VIII–IX вв. Серебро,ковка,штамповка,сгибание,чеканка,позолота (?). Размеры: 2,2х1,5х0,1 см. Случайная находка на Болгарском городище (булгарская находка).

Обломок неправильной формы с линейным и циркульным орнаментом.

НМ РТ, инв. №5477, надпись: *Лих-Бул. 20*; коллекция А. Ф. Лихачёва.

Публикуется впервые.

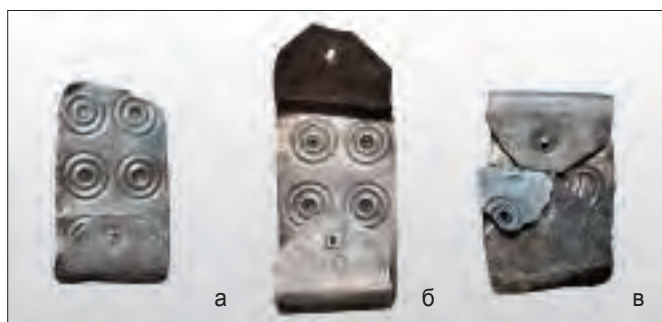

168. Обоймы пластинчатые, с циркульным орнаментом. Среднее Поволжье, VIII–IX вв. Серебро,ковка,штамповка,сгибание,чеканка. Размеры: а) 2,3х1,45х0,1 см; б) 3,4х1,5х0,1 см; в) 2,4х1,45х0,1 см. Случайная находка на Болгарском городище (булгарская находка). Аналогичны №№152; 153.

а) одна лопасть и ¼ пластины утрачены; б) одна лопасть отогнута; в) деформирована.

НМ РТ, инв. №5478-3; су-268; коллекция А. Ф. Лихачёва.

Литература: Болгар, 1868, табл. XVI-8; Руденко, 2014б, с. 322.

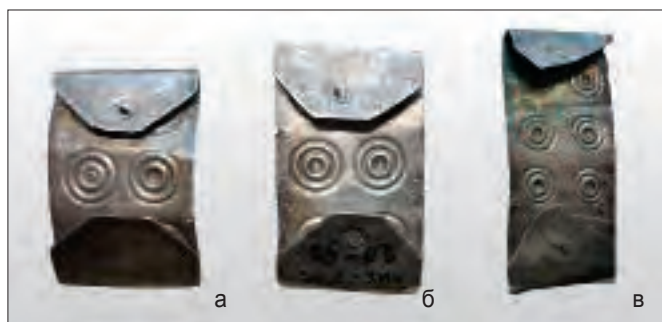
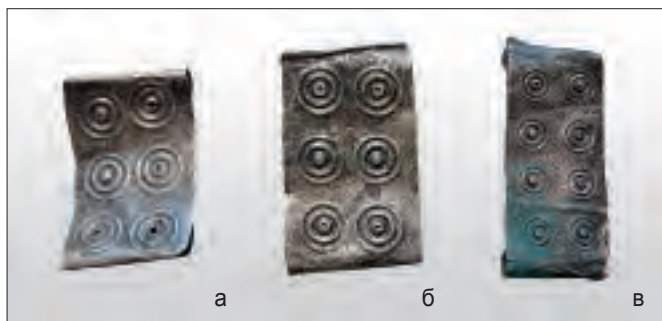

169. Обоймы пластинчатые, с циркульным орнаментом. Среднее Поволжье, VIII–IX вв. Серебро,ковка,штамповка,сгибание,чеканка. Размеры: а) 2,3х1,5х0,1 см; б) 2,75х1,6х0,1 см; в) 1,2х1,5х0,1 см. Случайная находка на Болгарском городище (булгарская находка). Аналогичны №№152; 153.

На обойме (в) – 8 кружков, нанесённых в два ряда (по 4 в каждом), причём на лопастях отверстия не пробиты; все обоймы деформированы: согнуты в средней части.

НМ РТ, инв. №5478; су-268, надпись: *Лих-Бул. 20-58*; коллекция А. Ф. Лихачёва.

Публикуется впервые.

170. Обоймы пластинчатые, с циркульным орнаментом. Среднее Поволжье, VIII–IX вв. Серебро,ковка,штамповка,сгибание,чеканка. Размеры: а) 4,7х1,4х0,1 см; б) 2,6х1,6х0,1 см; в) 2,5х1,5х0,1 см. Случайная находка на Болгарском городище (булгарская находка). Аналогичны №№ 152; 153.

а) разогнута и деформирована; в) одна лопасть утрачена.

НМ РТ, инв. № 5478; су-268, надпись: *Лих-Бул-20-61; 20-62*; коллекция А. Ф. Лихачёва.

Публикуется впервые.

171. Обоймы пластинчатые, с циркульным орнаментом. Среднее Поволжье, VIII–IX вв. Серебро,ковка,штамповка,сгибание,чеканка. Размеры: а) 1,6х2,5х0,1 см; б) 1,5х1,5х0,1 см; в) 2,7х1,6х0,1 см; г) 2,4х1,4х0,1 см. Случайная находка на Болгарском городище (булгарская находка). Аналогичны №№ 152; 153.

б) $\frac{1}{2}$ утрачена; в) и г) одна лопасть и $\frac{1}{2}$ пластины утрачены.

НМ РТ, инв. № 5478; коллекция А. Ф. Лихачёва.

Публикуется впервые.

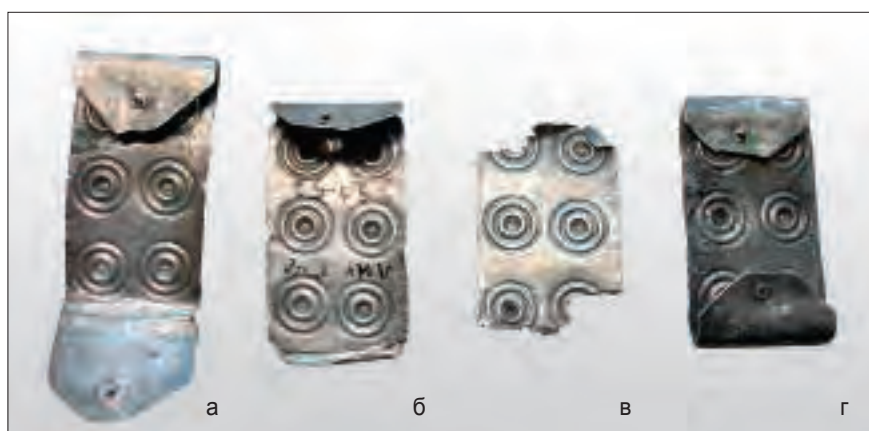

172. Обоймы пластинчатые, с циркульным орнаментом. Среднее Поволжье, VIII–IX вв. Серебро, ковка, штамповка, сгибание, чеканка. Размеры: а) 3,65х1,4х0,1 см; б) 2,5х1,4х0,1 см; в) 2,2х1,4х0,1 см; г) 2,6х1,4х0,1 см. Случайная находка на Болгарском городище (булгарская находка). Аналогичны №№ 152; 153.

а) лопасть утрачена; б) одна лопасть утрачена; в) лопасти утрачены.

НМ РТ, инв. № 5478, надпись: а) *Лих.-Бул-20-60*; б) *Лих.-Бул-20-52*; коллекция А. Ф. Лихачёва.

Публикуется впервые.

173. Обоймы пластинчатые, с циркульным орнаментом. Среднее Поволжье, VIII–IX вв. Серебро, ковка, штамповка, сгибание, чеканка. Размеры: а) 3,5х1,4х0,1 см; б) 2,5х1,5х0,1 см; в) 2,4х1,4х0,1 см; г) 2,5х1,4х0,1 см. Случайная находка на Болгарском городище (булгарская находка). Аналогичны №№ 152; 153.

а) лопасть отогнута; в) одна лопасть утрачена.

НМ РТ, инв. № 5478; коллекция А. Ф. Лихачёва.

Публикуется впервые.

174. Фрагменты накладки на нагрудник с орнаментом. Среднее Поволжье, VIII–IX вв. Серебро, ковка, штамповка, сгибание, чеканка. Фрагменты разных форм и размеров:

а) пластина с линейным орнаментом.

Размеры: 1,3х2,1х0,1 см;

б) пластина с линейным орнаментом.

Размеры: 2,5х0,7х0,1 см;

в) пластина с линейным орнаментом.

Размеры: 2,2х1,4х0,1 см;

г) прямоугольная пластина с линейным орнаментом в нижней части и тремя окружностями в верхней, имеется одно сквозное отверстие.

Размеры: 2,9х1,5х0,1 см;

д) прямоугольная пластина с линейным и циркульным орнаментами.

Размеры: 2,3х2х0,1 см;

е) деформированный фрагмент пластины-нагрудника.

Размеры: 2х2х0,15 см;

ж) обойма с 6 кружками и прямоугольная пластина с линейным орнаментом.

Размеры: 2,3х1,5х0,1 см;

з) прямоугольная пластина с линейным орнаментом в нижней части и двумя окружностями в верхней, имеются два сквозных отверстия.

Размеры: 2,2х2,9х0,1 см;

и) прямоугольная пластина с линейным рисунком и 3 окружностями.

Размеры: 6,4х2,15х0,1 см;

к) пластина прямоугольной формы с линейным и циркульным орнаментом.

Размеры: 3х2,7х0,1 см;

л) прямоугольная пластина с 5 окружностями.

Размеры: 4,7х2,3х0,1 см;

м) прямоугольной формы с прорезью и циркульным орнаментом.

Размеры: 4,4х1,7х0,1 см;

Случайная находка на Болгарском городище (булгарская находка);

НМ РТ, инв. № 5478; коллекция А. Ф. Лихачёва.

Литература: Болгар, 1868, табл. XVI; Руденко, 2014б, с. 322.

175. Фрагмент накладки на нагрудник, с циркульным и линейным орнаментом. Среднее Поволжье, VIII–IX вв. Серебро,ковка, штамповка, сгибание, чеканка, позолота (?). Размеры: 9,2х2,8х0,2 см. Случайная находка на Болгарском городище (булгарская находка).

НМ РТ, инв. № 5478; коллекция А. Ф. Лихачёва.

Публикуется впервые.

176. Фрагмент накладки на нагрудник, с циркульным и линейным орнаментом. Среднее Поволжье, VIII–IX вв. Серебро,ковка, штамповка, сгибание, чеканка, позолота (?). Размеры: 8х2,3х0,2 см. Случайная находка на Болгарском городище (булгарская находка).

Сохранились два обломанных медных гвоздика.

НМ РТ, инв. № 5478; коллекция А. Ф. Лихачёва.

Литература: Болгар, 1868, табл. XVI-3; Руденко, 2014б, с. 322.

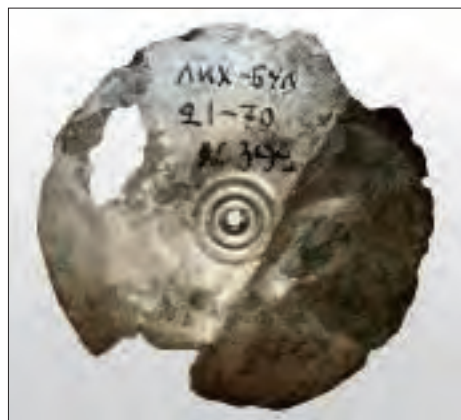

177. Бляха полусферическая с окружностями в верхней части. Среднее Поволжье, VIII–IX вв. Серебро, выколотка, чеканка, позолота (?). Размеры: d=3,3 см; высота 0,55 см. Случайная находка на Болгарском городище (булгарская находка).

Деталь нагрудника.

НМ РТ, инв. № 5478-39; надпись: *Лих-Бул-21-70*; коллекция А. Ф. Лихачёва.

Литература: Болгар, 1868, табл. XVI-2; Руденко, 2014б, с. 322.

178. Диск с орнаментом. Среднее Поволжье, VIII–IX вв. Серебро,ковка,штамповка,сгибание,чеканка,позолота (?). Размеры: d=10,2 см; толщина 0,1 см; высота 0,8 см. Случайная находка на Болгарском городище (булгарская находка). Аналогичен № 165.

¼ часть диска утрачена: вырезана ножницами. На обороте заметны следы прямоугольной крепёжной пластины. Наружная сторона имеет следы красной краски.

НМ РТ, инв. № 5478, надпись: *Лих-Бул-21-69а; 10398*; коллекция А. Ф. Лихачёва.

Публикуется впервые.

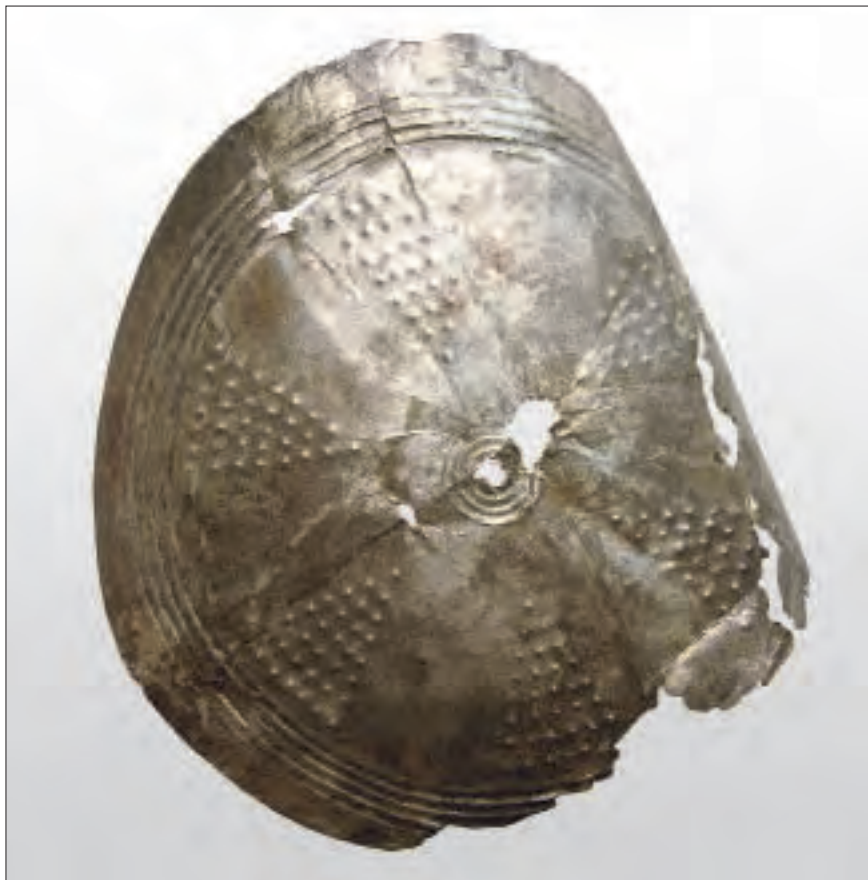

179. Диск с орнаментом. Среднее Поволжье, VIII–IX вв. Серебро,ковка,штамповка,сгибание,чеканка,позолота (?). Размеры: d=10,5 см; толщина 0,1 см; высота 0,8 см. Случайная находка на Болгарском городище (булгарская находка). Аналогичен № 178.

Деформирован. На обороте заметны следы прямоугольной крепёжной пластины.

НМ РТ, инв. № 5478, надпись: *Лих-Бул-21-68; 10398*; коллекция А. Ф. Лихачёва.

Литература: Болгар, 1868, табл. XVI-1; Руденко, 2014б, с. 322.

180. Браслет пластинчатый разомкнутый, с черневым декором. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, вторая половина XIV в. Серебро, литьё, ковка, гравировка, чернение. Размеры: 7,2х4,2х1,6 см. Был в составе Карашамского клада, найденного в 1950 г. в Зеленодольском районе РТ.

Декор имеется на уплощённых площадках окончаний браслета и в средней части (1,55х1,55 см). Гравированный рисунок состоит из изображений растительных побегов и полупальметт. Композиция – ромб, вписанный в квадрат. В средней части с обеих сторон орнаментированной площадки имеются равнобедренные треугольники, составленные из двух стилизованных растительных побегов, внутри которых вписаны трилистники, розетки и т. п.

НМ РТ, инв. № 11439.

Публикуется впервые.

181. Браслет пластинчатый разомкнутый, украшенный изображением львиных морд (фрагмент). Булгарский улус Золотой Орды, Чакма (?), XIV – начало XV вв. Серебро, ковка, гравировка, чернение (?). Размер: 2,7х1,2х0,2 см. Находка на Лаишевском (Чакма) селище (Лаишевский район РТ) в 90-х гг. XX в.

На окончании имеется пробитое круглое отверстие.

Частная коллекция.

Литература: Руденко, 2003, с. 174, табл. 9-20.

182. Браслет пластинчатый разомкнутый, с черневым декором. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, вторая половина XIV в. Серебро, литьё,ковка, гравировка, чернение. Размеры: 6,8х4х1,5 см. Был в составе Карашамского клада, найденного в 1950 г. в Зеленодольском районе РТ.

Декор имеется на уплощённых площадках окончаний браслета и в средней части (1,55х1,55 см). Аналогичен браслету № 180, только с более стилизованным рисунком.

НМ РТ, инв. № 11438.

Литература: Калинин, Халиков, 1954, с. 118, рис. 38.

183. Браслет пластинчатый разомкнутый, с черневым декором. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, вторая половина XIV в. Серебро, литьё,ковка, гравировка, чернение. Размеры: 6,7х4,5х1,5 см. Был в составе Карашамского клада, найденного в 1950 г. в Зеленодольском районе РТ.

Декор имеется на уплощённых площадках окончаний браслета и в средней части (1,55х1,55 см). Аналогичен браслетам №№ 180, 182. На обратной стороне – желобок, сделанный чеканом.

НМ РТ, инв. № 11437.

Публикуется впервые.

184. Браслет дровотый разомкнутый, с черневым декором. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, вторая половина XIV в. Серебро, литьё, ковка, гравировка, чернение. Размеры: 6,2х4,9х0,9 см; m=20,75 г. Был в составе Карашамского клада, найденного в 1950 г. в Зеленодольском районе РТ.

Браслет выкован из серебряной литой заготовки длиной 17 см, толщиной 0,2–0,4 см. Форма браслета с выделенной уплощённой площадкой в центральной части браслета и на его окончаниях (толщина дрота в этой части изделия – 0,3 см) и оформленной центральным выпуклым валиком, вероятнее всего, была изначально заданной. Небольшая правка деталей внешнего оформления осуществлялась при нанесении орнамента и гравировке. Прямоугольные площадки (0,8х1,3–1,5 см; центральная – 0,8х1,7 см) украшены гравированным рисунком и затем покрыты чернью.

Композиция рисунков практически одинакова. Орнаментальное поле четырьмя пересекающимися линиями разделено на участки. Центральный из них имеет вид ромба, остальные – треугольников. В ромб вписана четырёхконечная крестовидная фигура, вероятно, стилизованная четырёхлепестковая пальметта. Обрамляющие сверху и снизу центр композиции треугольники украшены стилизованными растительными побегими; боковые треугольники – полупальметтами или штриховкой. Аналогичный рисунок имеется на щитке чёрного перстня из Булгара (кат. № 181). Внешняя поверхность браслета украшена двумя параллельными желобками. Края браслета и желобки имеют насечки пуансоном.

НМ РТ, инв. № 11441; су-164.

Литература: Руденко, 2006б, с. 63, цв. илл. 25-27.

185. Кольцо с тремя (?) напускными бусинами, разомкнутое. Волжская Булгария, Биляр, XII – начало XIII вв. Серебро (электр), медь, тиснение, ковка, кручение, волочение, скань. Размеры: d кольца=4 см. Билярское городище, раскоп XVII.

Напускные бусины утрачены, сохранились только сканая навивка на кольце и колечки скани от бусин.

БГИАПМЗ.

Литература: Хузин, 1995, с. 173, рис. 5-12.

186. Подвеска топориковидная с шатоном. Прикамье, конец XII–XIII вв. Серебро или латунь, стекло, литьё, ковка, пайка, волочение, скань, зернь, позолота. Размеры: 10,3 x 3,5–4 x 0,3 см. Место находки не известно.

Четырьмя поясками скани плоскость изделия разделена на 5 зон. Центральная из них украшена квадратным кастом (1,3 x 1,3 x 0,4 см), окантованным отрезками скани. Вставка квадратная, из стекла желтоватого цвета.

НМ РТ, инв. № 5533; коллекция ОАИЭ.

Публикуется впервые.

187. Украшение (фрагмент браслета или гривны) дротное со сканой навитью и кружковым орнаментом. Прикамье или Древняя Русь, X–XI вв. Серебро, ковка, кручение, волочение, чеканка, скань. Размеры: 3,7 x 1,75 x 0,8 см.

Обрублено и деформировано.

НМ РТ, инв. № 406.

Публикуется впервые.

188. Браслет проволоочный, плетёный, разомкнутый. Волжская Булгария, Муромский городок, XII – начало XIII вв. Серебро, волочение, ковка, ажурное плетение. Диаметр 8 см; m=114 г. Находилось в составе клада, найденного у с. Подгоры на Самарской Луке (Волжский район Самарской области) в 1975 г.

Браслет сплетён из трёх парных проволоочек диаметром 0,25 см; окончания уплощены и немного прокованы.

СОИКМ, инв. № 18489-1.

Литература: 120 лет, 2007, с. 49, кат. № 2; Кочкина, Сташенков, 2010, с. 18.

189. Браслет проволоочный, плетёный, разомкнутый. Волжская Булгария, Муромский городок, XII – начало XIII вв. Серебро, волочение, ковка, ажурное плетение. Диаметр 7,7 см; m=56,6 г. Находилось в составе клада, найденного у с. Подгоры на Самарской Луке (Волжский район Самарской области) в 1975 г.

Браслет сплетён из трёх парных проволоочек диаметром 0,25 см; окончания уплощены и немного прокованы.

СОИКМ, инв. № 18489-2.

Литература: 120 лет, 2007, с. 49, кат. № 2; Кочкина, Сташенков, 2010, с. 18

190. Браслет проволоочный, плетёный, разомкнутый. Волжская Булгария, Муромский городок, XII – начало XIII вв. Серебро, волочение, ковка, ажурное плетение. Диаметр 7 см; m=44,5 г. Находилось в составе клада, найденного у с. Подгоры на Самарской Луке (Волжский район Самарской области) в 1975 г.

Браслет сплетён из трёх толстых парных проволоочек диаметром 0,25 см; окончания уплощены и немного прокованы.

СОИКМ, инв. № 18489-3.

Литература: 120 лет, 2007, с. 49, кат. № 2; Кочкина, Сташенков, 2010, с. 18.

191. Браслет пластинчатый, разомкнутый, с черневым декором. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, вторая половина XIV в. Серебро, литьё, ковка, гравировка, чернение. Размеры: 6,9х5,5х1,7 см; m=36,5 г. Был в составе Карашамского клада, найденного в 1950 г. в Зеленодольском районе РТ.

Выкован из заготовки длиной 16–17 см (длина готового изделия 18 см), толщиной 0,12 см. Внешняя поверхность браслета имеет выпуклую спинку, образованную двумя параллельными желобками по краям. Объём придавался путём чеканки изнутри изделия инструментом, имевшим узкую рабочую часть длиной не более 0,4 см. Окончания браслета украшены рисунком, нанесённым острым резцом. Фон его покрыт чернью. Рисунок сделан по предварительной разметке, которая сохранилась в виде косых штрихов у края браслета в местах, где находились узловые элементы построения композиции – картуш, начало орнаментальных сюжетов и т.п. Затем эти штрихи были использованы как дополнительный элемент декора. Линии рисунка неровные, прерывистые. Композиция рисунка состоит из двух элементов. Первый – квадратный картуш (1,2х1,2 см), в центр которого вписан ромб (0,8х0,8 см). В ромбе изображена симметричная композиция из стилизованных растительных побегов: усложнённый вариант композиции из двух побегов. Фон картуша заполнен также изображениями стилизованных растительных побегов (полупальметт), контур которого заполнен чернью. Края изделия в этой части украшены насечками. Второй элемент – в виде выступающего лепестка с треугольным основанием, примыкающим к картушу. В основание помещён аналогичный сюжет с растительным побегом (полупальметтой), в верхней части – симметричная композиция из стилизованных растительных побегов. В верхней части лепестка прочерчена тонкая линия с отходящими от неё с обеих сторон короткими штрихами: своего рода «ёлочка».

НМ РТ, инв. № 11440; су-164.

Литература: Руденко, 2006б, с. 63–64, цв. илл. 29.

192. Перстень с прямоугольным щитком, украшенный рисунком растительного побега. Булгарский улус Золотой Орды, вторая половина XIV в. Серебро, литьё, ковка, пайка, гравировка. Размеры: 2,1 x 1,8 x 0,6 см. Случайная находка на Болгарском городище.

НМ РТ, инв. № 2996; ОА-I-251; из коллекции ОАИЭ.

Публикуется впервые.

193. Браслет проволочный, плетёный, разомкнутый (рис. 52-11). Волжская Булгария, Биляр или Булгар, XII – начало XIII вв. Серебро, волочение, ковка, ажурное плетение. Размеры: 7,1 x 5,3 x 2 см; m=23,31 г. Находился в составе клада, найденного у с. Именьково (Лаишевский район РТ) в 1962 г.

Браслет сплетён из трёх парных проволонок диаметром 0,1 см; окончания прокованы, представляя площадку овальной формы (1,05 x 2 см). Одна из таких прокованных площадок утрачена.

НМ РТ, инв. № 14576-7; су-828.

Публикуется впервые.

194. Браслет проволочный, плетёный, разомкнутый (рис. 52-10). Волжская Булгария, Биляр или Булгар, XII – начало XIII вв. Серебро, волочение, ковка, ажурное плетение. Размеры: 7,55 x 5,5 x 1,4 см; m=39,42 г. Находился в составе клада, найденного у с. Именьково (Лаишевский район РТ) в 1962 г. Аналогичен № 193.

Проволока, из которой сплетён браслет, диаметром 0,2 см. Часть лопасти утрачена.

НМ РТ, инв. № 14576-2.

Публикуется впервые.

195. Браслет проволочный, плетёный, разомкнутый (рис. 52-5). Волжская Булгария, Биляр или Булгар, XII – начало XIII вв. Серебро, волочение, ковка, ажурное плетение. Размеры: 8,15 x 6,7 x 2,15 см; m=41 г. Случайная находка на Болгарском городище.

Браслет сплетён из трёх парных проволок диаметром 0,1 см; окончания прокованы, представляя сплошную площадку прямоугольной формы с закруглённым окончанием (1,2 x 1,75 см).

НМ РТ, инв. № 5509; су-263.

Публикуется впервые.

196. Браслет проволочный, плетёный, разомкнутый (рис. 52-12). Волжская Булгария, Биляр или Булгар, XII – начало XIII вв. Серебро, волочение, ковка, ажурное плетение. Размеры: 7,6х5,8х2 см; m=40,29 г. Находилось в составе клада, найденного у с. Именьково (Лаишевский район РТ) в 1962 г.

Браслет сплетён из трёх парных проволок диаметром 0,1–0,2 см; окончания прокованы, представляя площадку овальной формы (1х1,8 см). Одна из таких прокованных площадок утрачена.

НМ РТ, инв. № 14576-8; су-826.

Публикуется впервые.

197. Браслет проволочный, плетёный, разомкнутый (рис. 52-4). Волжская Булгария, Биляр или Булгар, XII – начало XIII вв. Серебро, волочение, ковка, ажурное плетение. Размеры: 7,4х6,5х1,3 см; m=58,5 г. Случайная находка на Болгарском городище.

Браслет сплетён из трёх парных проволок диаметром 0,2 см; окончания уплощены и немного прокованы, несколько отличающаяся размерами (1,3х2,15 и 1,4х2 см).

НМ РТ, инв. № 5513; су-743.

Публикуется впервые.

198. Браслет проволочный, плетённый, разомкнутый (рис. 52-8). Волжская Булгария, Биляр или Булгар, XII – начало XIII вв. Серебро, волочение,ковка, ажурное плетение. Размеры: 9,2 x 6,7 x 1,5 см. Случайная находка на Болгарском городище (?). Аналогичен № 197.

НМ РТ, инв. № 123; су-573.

Публикуется впервые.

199. Браслет проволочный, плетённый, разомкнутый (рис. 52-13). Волжская Булгария, Биляр или Булгар, вторая половина XI – XII вв. Серебро, волочение,ковка, ажурное плетение. Размеры: 7,9 x 5,9 x 2,5 см; m=49,21 г. Находился в составе клада, найденного у с. Мокрые Курнали (Алексеевский район РТ) в 1958 г.

Браслет сплетён из трёх парных проволочек диаметром 0,2 см; окончания прокованы, представляя сплошную площадку овальной формы (1,5 x 2,4 см).

НМ РТ, инв. № 14401; су-458.

Литература: Хлебникова, 1963, с. 308–309; Руденко, 2011б, с. 115, рис. 32-4.

200. Браслет проволочный, плетёный, разомкнутый (рис. 52-7). Волжская Булгария, Биляр или Булгар, XII – начало XIII вв. Серебро, волочение, ковка, ажурное плетение. Размеры: 8,9х6х1,9 см. Случайная находка на Болгарском (?) городище.

Браслет сплетён из трёх парных проволок диаметром 0,1 см; окончания прокованы, представляя сплошную площадку прямоугольной формы с закруглённым окончанием (1,2х1,7 см).

НМ РТ; су-425.

Публикуется впервые.

201. Браслет проволочный, плетёный, разомкнутый (рис. 52-9). Волжская Булгария, Биляр или Булгар, XII – начало XIII вв. Серебро (примесь меди), волочение, ковка, ажурное плетение. Размеры: 7,5х5,5х1,5 см. Находился в составе клада, найденного у с. Именьково (Лаишевский район РТ) в 1962 г.

Браслет сплетён из трёх парных проволок диаметром 0,1 см; окончания прокованы, представляя площадку овальной формы (0,9х1,9 см и 0,9х1,7 см).

НМ РТ, инв. № 14576-1; Вр. 874-2.

Публикуется впервые.

202. Браслет проволочный, плетёный, разомкнутый (рис. 52-3). Волжская Булгария, Биляр или Булгар, XII – начало XIII вв. Серебро, волочение, ковка, ажурное плетение. Размеры: 7,4х4,9х2,15 см; m=42,2 г. Случайная находка на Билярском городище.

Браслет сплетён из трёх парных проволок диаметром 0,2 см; окончания прокованы, представляя сплошную площадку прямоугольной формы с прямым окончанием (1,6х2 и 1,5х2,15 см). В средней части площадок пробиты сквозные отверстия.

НМ РТ, инв. № 5363; надпись: *Лих-Бил-91*, №140.

Публикуется впервые.

203. Браслет проволочный, плетёный, разомкнутый (рис. 52-6). Волжская Булгария, Биляр или Булгар, XII – начало XIII вв. Серебро, волочение, ковка, ажурное плетение. Размеры: 8,4х5,9х2,6 см. Случайная находка на Билярском или Болгарском городище.

Браслет сплетён из трёх парных проволок диаметром 0,15 см; окончания прокованы, представляя площадку прямоугольной формы с прямым срезом (1,4х2,2 и 1,3х2 см).

НМ РТ, инв. № 109; су-573а.

Публикуется впервые.

204. Кольцо височное, замкнутое с завязанными концами. Волжская Булгария или Северо-восточная часть Черниговского княжества, XI–XII вв. Бронза, кручение, ковка, волочение, кручение. Диаметр кольца 5,5 см. Случайная находка на Лаишевском (Чакма) селище (Лаишевский район РТ).

НКЦ «Казань», экспозиция.

Публикуется впервые.

205. Браслет проволоочный, плетённый, разомкнутый (рис.52-16). Волжская Булгария, Биляр или Булгар, вторая половина XI–XII вв. Серебро, волочение, ковка, ажурное плетение. Размеры: 7,4х6х2,45 см. Находился в составе клада, найденного у с. Мокрые Курнали (Алексеевский район РТ) в 1958 г.

Браслет сплетён из трёх парных проволоочек диаметром 0,2 см; окончания прокованы, представляя сплошную площадку прямоугольной формы с прямым срезом (2х1,3 и 1,3х2,1 см).

НМ РТ, инв. № 14400; су-457.

Литература: Хлебникова, 1963, с. 308–309; Руденко, 2011б, с. 115, рис. 32-3.

206. Браслет проволочный, плетёный, разомкнутый. Волжская Булгария, Биляр или Булгар, XII – начало XIII вв. Серебро, волочение, ковка, ажурное плетение. Размеры: 7,6 x 5,6 x 2 см. Находился в составе клада, найденного у с. Именьково (Лаишевский район РТ) в 1962 г.

Браслет сплетён из трёх парных проволок диаметром 0,1 см; окончания прокованы, представляя площадку овальной формы (1,05 x 2 см).

НМ РТ, инв. № 14576-6; Вр.-874-1.

Публикуется впервые.

207. Браслет проволочный, плетёный, разомкнутый (рис. 52-15). Волжская Булгария, Биляр или Булгар, вторая половина XI – XII вв. Серебро, волочение, ковка, ажурное плетение. Размеры: 6,9 x 6,3 x 1,7 см; m=42,17 г. Находился в составе клада, найденного у с. Мокрые Курнали (Алексеевский район РТ) в 1958 г.

Браслет сплетён из трёх парных проволок диаметром 0,2 см; окончания уплощены и немного прокованы, представляя площадку овальной формы (1 x 2 см и 0,85 x 1,9 см).

НМ РТ, инв. № 14399; су-450.

Литература: Хлебникова, 1963, с. 308–309; Руденко, 2011б, с. 115, рис. 32-6.

208. Браслет проволочный, плетённый, разомкнутый (рис. 52-14). Волжская Булгария, Биляр или Булгар, вторая половина XI–XII вв. Серебро, волочение, ковка, ажурное плетение. Размеры: 7,9 х 6 х 2,25 см. Находился в составе клада, найденного у с. Мокрые Курнали (Алексеевский район РТ) в 1958 г.

Браслет сплетён из трёх парных проволок диаметром 0,2 см; окончания прокованы, представляя сплошную площадку прямоугольной формы с прямым срезом (2,2 х 1,3 см).

НМ РТ, инв. № 14402; су-459.

Литература: Хлебникова, 1963, с. 308–309; Руденко, 2011б, с. 115, рис. 32-5.

209. Браслет проволочный, плетённый, разомкнутый. Волжская Булгария, Биляр или Булгар, XII – начало XIII вв. Серебро, волочение, ковка, ажурное плетение. Размеры: 8,5 х 6 х 1,5 см. Находился в составе клада, найденного у с. Именьково (Лаишевский район РТ) в 1962 г.

Браслет сплетён из трёх парных проволок диаметром 0,1 см; окончания прокованы, представляя площадку овальной формы (1 х 2 см). Коррозия.

НМ РТ, инв. № 14576-5.

Публикуется впервые.

210. Браслет проволочный, плетёный, разомкнутый. Волжская Булгария, Биляр или Булгар, XII – начало XIII вв. Серебро, волочение, ковка, ажурное плетение. Размеры: 7,2 x 6 x 2 см. Место находки не известно.

Браслет сплетён из трёх парных проволок диаметром 0,2 см; окончания уплощены и прокованы. Одно из окончаний оплавлено.

НМ РТ, б. ш.

Публикуется впервые.

211. Браслет проволочный, плетёный, разомкнутый. Волжская Булгария, Биляр или Булгар, XII – начало XIII вв. Серебро, волочение, ковка, ажурное плетение. Размеры: 8 x 6,4 x 2 см. Случайная находка на Болгарском городище.

Браслет сплетён из трёх парных проволок диаметром 0,2 см; окончания уплощены и слегка прокованы (1,2 x 1,75 см).

НМ РТ, инв. № 5504.

Публикуется впервые.

212. Браслет проволочный, плетёный, разомкнутый. Волжская Булгария, Биляр или Булгар, XII – начало XIII в. Серебро, волочение, ковка, ажурное плетение. Размеры: 8,2 x 8,3 x 3,5 см. Место находки не известно.

Браслет сплетён из трёх парных проволок диаметром 0,1 см; окончания прокованы, представляя сплошную площадку прямоугольной формы с закруглённым окончанием (1,2 x 2 см). Деформирован.

НМ РТ, б. ш.

Публикуется впервые.

213. Браслет проволочный, плетёный, разомкнутый. Волжская Булгария, Биляр или Булгар, XII – начало XIII вв. Серебро, волочение, ковка, ажурное плетение, пайка. Размеры: 8,1 x 6,4 x 2,15 см. Случайная находка на Болгарском городище (?).

Браслет сплетён из трёх парных проволок диаметром 0,15 см; окончания прокованы, представляя сплошную площадку прямоугольной формы с прямым окончанием (1,2 x 1,75 см).

НМ РТ, инв. № 908; су-573.

Публикуется впервые.

214. Браслет проволоочный, плетёный, разомкнутый. Волжская Булгария, Биляр или Булгар, XII – начало XIII вв. Серебро, волочение, ковка, ажурное плетение. Размеры: 8,4х7,3х2,5 см. Случайная находка на Болгарском (?) городище.

Браслет сплетён из трёх парных проволоочек диаметром 0,15 см; окончания уплощены и немного прокованы, представляя площадку прямоугольной формы с закруглённым окончанием (1,2х2 см).

НМ РТ, инв. № 1857; ЭО 214/8.

Публикуется впервые.

215. Браслет проволоочный, плетёный, разомкнутый. Волжская Булгария, Биляр или Булгар, XII – начало XIII вв. Серебро, волочение, ковка, ажурное плетение, пайка (?). Размеры: 8,4х7,3х2,5 см. Случайная находка на Болгарском городище (?).

Браслет сплетён из трёх парных проволоочек диаметром 0,15 см; окончания уплощены и полностью прокованы, представляя площадку трапецевидной и овальной формы с закруглённым или плоским окончанием (1,2х2 см). Одна проволоочка выпала из прокованной площадки.

НМ РТ, инв. № 3225; (12632); су-241.

Публикуется впервые.

216. Браслет проволоочный, плетёный, разомкнутый. Волжская Булгария, Биляр или Булгар, XII – начало XIII вв. Серебро, волочение, ковка, ажурное плетение. Размеры: 7,5х5,5х1,5 см. Случайная находка на Болгарском или Билярском городище.

Браслет сплетён из трёх парных проволоочек диаметром 0,2 см; окончания уплощены и немного прокованы, представляя площадку прямоугольной формы с закруглённым окончанием, при этом уплощённые и прокованные проволоочки чётко различимы.

НМ РТ, инв. № су-573.

Публикуется впервые.

217. Браслет проволочный, плетёный, разомкнутый. Волжская Булгария, Биляр или Булгар, XII – начало XIII вв. Серебро, волочение,ковка, ажурное плетение. Размеры: 8,5х7,6х2,5 см. Случайная находка на Болгарском городище.

Браслет сплетён из трёх парных проволочек диаметром 0,15 см; окончания уплощены и немного прокованы, представляя площадку овальной формы с закруглённым окончанием; отдельные проволочки хорошо видны. Часть плетения нарушена.

НМ РТ, инв. № 10283-5, коллекция Л. О. Сиклера (?).

Публикуется впервые.

218. Браслет проволочный, плетёный, разомкнутый. Волжская Булгария, Биляр или Булгар, XII – начало XIII вв. Серебро, волочение,ковка, ажурное плетение. Размеры: 8,1х7х2,5 см. Случайная находка на Билярском городище. Аналогичен №217.

НМ РТ, б. ш., надпись: *Бил[ярск]*.

Публикуется впервые.

219. Браслет проволочный, плетёный, разомкнутый. Волжская Булгария, Биляр или Булгар, XII – начало XIII вв. Серебро, волочение,ковка, ажурное плетение. Размеры: 8,4х7,3х2,5 см. Случайная находка на Болгарском городище. Аналогичен №217.

Один проволочный жгут обломан у окончания.

НМ РТ, инв. № *874; надпись: *Бул[гар]*.

Публикуется впервые.

220. Браслет проволочный, плетёный, разомкнутый. Волжская Булгария, Биляр или Булгар, XII – начало XIII вв. Серебро, волочение,ковка, ажурное плетение. Размеры: 8х7,3х2,5 см. Место находки не известно. Аналогичен №217.

Сильная коррозия.

НМ РТ, инв. № 137.

Публикуется впервые.

221. Браслет проволоочный, плетёный, разомкнутый. Волжская Булгария, Биляр или Булгар, XII – начало XIII вв. Серебро, волочение,ковка, ажурное плетение. Размеры: 8х7,3х2,5 см. Случайная находка на Билярском городище. Аналогичен №217.

Часть проволоочного плетения утрачена.

НМ РТ, инв. № 139; надпись: *Бил[яр]*.

Публикуется впервые.

222. Браслет проволоочный, плетёный, разомкнутый. Волжская Булгария, Биляр или Булгар, XII – начало XIII вв. Серебро, волочение,ковка, плотное плетение. Размеры: 7,2х5х1,5 см. Место находки не известно. Аналогичен №217.

НМ РТ, инв. № су-600.

Публикуется впервые.

223. Браслет проволочный, плетёный, разомкнутый. Волжская Булгария, Биляр или Булгар, XII – начало XIII вв. Серебро, волочение, ковка, ажурное плетение, пайка. Размеры: 9,2х6,2х2,5 см. Место находки не известно. Аналогичен №213. Коррозия.

НМ РТ, инв. № 32296; су-197.

Публикуется впервые.

224. Браслет пластинчатый, разомкнутый, украшенный изображением львиных морд. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Медь, ковка, гравировка. Размеры: 7,3х1,9 см. Толщина об-руча составляет 0,2 см. Место находки не известно.

НКЦ «Казань», инв. № 15443.

Литература: Сокровищница, 2012, с. 112, 341, кат. №66.

225. Браслет проволочный, плетёный, разомкнутый. Волжская Булгария, Биляр или Булгар, XII – начало XIII вв. Серебро, волочение, ковка, ажурное плетение, пайка. Размеры: 8 x 7,3 x 2,5 см. Место находки не известно. Аналогичен № 213.

Прокованные и спаянные площадки отслаиваются.

НМ РТ, инв. № III.

Публикуется впервые.

226. Браслет проволочный, плетёный, разомкнутый. Волжская Булгария, Биляр или Булгар, XI – начало XIII вв. Серебро, волочение, ковка, плетение. Размеры: 6,2 x 5,3 x 1,2 см. Место находки не известно.

Сделан из одного двухпроволочного жгута, согнутого пополам и затем сплетённого.

НМ РТ, су-688.

Публикуется впервые.

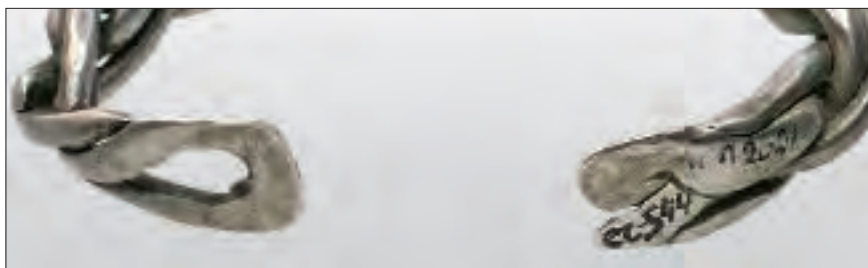

227. Браслет проволочный, плетёный, разомкнутый. Волжская Булгария, Биляр или Булгар, XI – начало XIII вв. Серебро, волочение, ковка, плетение. Размеры: 6,2х5,3х1,2 см. Место находки не известно.

Сделан из одного двухпроволочного жгута, согнутого пополам и затем сплетённого. Окончание одной из проволок обломано.

НМ РТ, 11204-1, су-544.

Публикуется впервые.

228. Браслет проволочный, плетёный, разомкнутый. Волжская Булгария, Биляр или Булгар, XII – начало XIII вв. Серебро, волочение, ковка, плетение. Размеры: 8,2х5х1,65 см. Подъёмный материал на Болгарском городище 1972 г.

Браслет сплетён из трёх парных проволок диаметром 0,15 см; окончания уплощены и немного прокованы. Часть плетения на окончаниях изделия утрачена.

БГИАМЗ, инв. № 73-437/17.

Литература: Великий, 2013, с. 138.

229. Гривна «глазовского типа», тордированная, с замком из петельки и гранёной замыкающей головкой. Среднее Поволжье, конец IX – начало X вв. Бронза, сгибание. Размеры: 21,9х19,5х1,7 см; m=206,95 г. Танкеевский могильник, погребение № 1101.

МА ИА АН РТ (фонды).

Литература: Казаков, 1992, с. 316, 317, рис. 107-18.

230. Браслет проволочный, плетёный, разомкнутый. Волжская Булгария, Биляр или Булгар, XII – начало XIII вв. Серебро, волочение, ковка, плетение. Размеры: 2х1,1х23,5 см; m=49,02 г. Случайная находка на Болгарском городище.

Браслет сплетён из трёх парных проволок диаметром 0,15 см; окончания уплощены и немного прокованы. Распрямлён; часть плетения на одном из окончаний утрачена.

БГИАМЗ, инв. № 1033-195/402; су-117.

Литература: Великий, 2013, с. 138.

231. Браслет проволочный, плетёный, разомкнутый (*рис. 52-2*). Волжская Булгария, Биляр или Булгар, XII – начало XIII вв. Серебро, волочение, ковка, плетение, пайка. Размеры: 8,3х6,7х2 см; m=54,32 г. Находка Е.П. Казакова на IV Старокуйбышевском селище (Спаский район РТ).

Браслет сплетён из трёх парных проволок диаметром 0,2 см; окончания уплощены, прокованы и спаяны, образуя плоские площадки прямоугольной формы с округлым и прямым срезом. Одна из концевых площадок загнута под углом в 45°.

НКЦ «Казань», инв. № Вр-954 (экспозиция).

Литература: Казаков, 1991, рис. 42-6; Сокровищница, 2012, с. 86.

232. Браслет проволочный, плетёный, разомкнутый (рис. 52-1). Волжская Булгария, Биляр или Булгар, XI – начало XIII вв. Серебро, волочение, ковка, плетение. Размеры: 9,4 x 7 x 1,6 см; m=59,65 г. Находка Е. П. Казакова на IV Старокуйбышевском селище, на месте I Старокуйбышевского могильника.

Сделан из одного двухпроволочного жгута, согнутого пополам и затем сплетённого. Проволока диаметром 0,31 см. Плетение одного из окончаний нарушено.

НКЦ «Казань», инв. № Вр-956 (экспозиция).

Литература: Казаков, 1991, рис. 42-1; Сокровищница, 2012, с. 86.

233. Браслет проволочный, плетёный, разомкнутый. Волжская Булгария, Биляр или Булгар, XI–XII вв. Серебро, волочение, ковка, плетение. Размеры: 8,15 x 5,9 x 2,4 см. Находка Е. А. Беговатова на IV Семёновском селище (Спаский район РТ).

Браслет сплетён из трёх парных проволок диаметром 0,2 см. Окончания уплощены, прокованы и спаяны.

АМ К(П)ФУ.

Литература: <http://ksu.ru/archeol/index.htm>.

234. Браслет дровый, проволочный, замкнутый, с «завязанными концами». Полоцк или Смоленск, вторая половина X–XI вв. Серебро, ковка, витьё. Размеры: 8,1 x 6,4 x 0,35 см. Находка Е. А. Беговатова на IV Семёновском селище (Спаский район РТ).

Браслет сделан из толстой кованой проволоки, перекрученной несколько раз. Более тонкие окончания заведены друг за друга и закручены в 2–3 оборота.

АМ К(П)ФУ.

Литература: <http://ksu.ru/archeol/index.htm>.

235. Браслет проволочный, витой со сканой навитью, замкнутый, с «завязанными концами». Поднепровье или Полоцк, XI – рубеж XI–XII вв. Серебро, волочение,ковка, плетение, скань, пайка. Размеры: 7,6х6,5х0,5 см. Случайная находка Е. А. Беговатова на IV Семёновском селище (Спасский район РТ).

Браслет сделан из толстой проволоки, перекрученной вместе с тонкой сканой нитью. На окончания браслета надеты специальные серебряные конусовидные колпачки, тщательно запаенные у основания и связанные тонкими концами. В настоящее время окончания браслета расплетены.

АМ К(П)ФУ.

Литература: <http://ksu.ru/archeol/index.htm>.

236. Кольцо проволочное, витое, замкнутое, с «завязанными концами». Поднепровье или Полоцк, XI–XII вв. Серебро, волочение,ковка, плетение. Диаметр 2,5 см. Находка Е. А. Беговатова на IV Семёновском селище (Спасский район РТ).

Кольцо сделано из проволоки круглого сечения ($d=0,3$ см), сложенной вдвое и свитой; на месте соединения окончаний кольца поверх них накручена проволока такого же размера, соединившая колечко и дополнительно закреплённая в месте стыковки тонкой сканой гладкой серебряной нитью.

АМ К(П)ФУ.

Литература: <http://ksu.ru/archeol/index.htm>.

237. Браслет проволочный, плетённый, разомкнутый, с шатоном (рис. 53-9). Волжская Булгария, Биляр или Булгар, XII – начало XIII вв. Серебро, волочение,ковка, плетение, пайка, зернь. Размеры: 8х5,8х1,9 см; $m=73,5$ г. Болгарское или Билярское городище.

Сделан из одного двухпроволочного жгута, согнутого пополам и затем сплетённого. На уплощённые окончания браслета (1,7х2х0,35 см) припаяны касты квадратной формы (1,3х1,3 см), дополнительно закреплённые пирамидками зерни. Диаметр проволоки 0,31 см (аналогично: кат. №232). Один шатон утрачен, у второго отсутствует вставка.

НМ РТ, 11204-1, су-544, коллекция ОАИЭ.

Публикуется впервые.

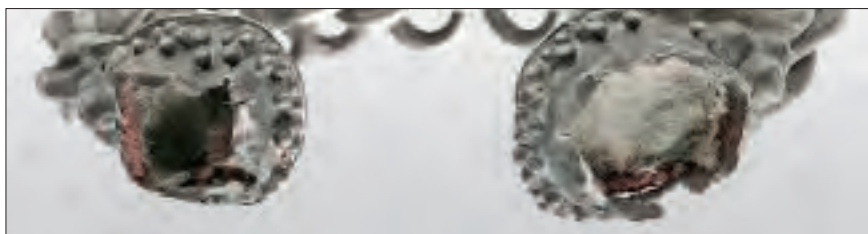

238. Браслет проволочный, плетёный, разомкнутый, с шатонами (рис. 53-11). Волжская Булгария, Биляр или Булгар, XII – начало XIII вв. Серебро, волочение, ковка, плетение, пайка, зернь. Размеры: 9,2 x 8 x 2,5 см; m=107,5 г. Случайная находка на Болгарском городище.

Браслет сплетён из трёх парных проволок диаметром 0,25 см. Окончания уплощены, прокованы и спаяны, образуя плоские площадки овальной формы с округлым и прямым срезом (2 x 2,5 см). На эти площадки припаяны касты квадратной (1,3 x 1,3 см) и овальной (2 x 2,2 см) формы, дополнительно закреплённые пирамидками зерни (14 трёхзерневых пирамидок) у основания каста, и пирамидки из 4 крупных шариков (d=0,5 см) крепились у стенки каста со стороны спинки браслета на каждом из окончаний изделия. Вставки утрачены, но сохранилась подложка под неё – войлок (?) и красная паста, положенная на основание под подложку. Диаметр проволоки 0,31 см (аналогично: кат. № 232).

НМ РТ, 5501, су-271, коллекция А. Ф. Лихачёва.

Публикуется впервые.

239. Браслет проволочный, плетёный, разомкнутый, с шатонами (рис. 53-9). Волжская Булгария, Биляр или Булгар, XII – начало XIII вв. Серебро, стекло, волочение, ковка, плетение, пайка, зернь. Размеры: 6,5 x 5 x 1,5 см. Находился в составе клада, найденного у с. Старые Ургары (Спасский район РТ) в 1928 г.

Сделан из одного двухпроволочного жгута, согнутого пополам и затем сплетённого. На уплощённые окончания браслета припаяны касты квадратной формы (1,3 x 1,3 см), дополнительно закреплённые пирамидками зерни у основания и со стороны спинки (крупные трёхзерневые пирамидки). Диаметр проволоки 0,31 см (аналогично: кат. № 232). Одна вставка утрачена (каст повреждён), у второго сохранилась плоская квадратная вставка из стекла (?) жёлтого цвета.

НМ РТ, инв. № 5506 (2042), су-573.

Литература: Выставка, 1929, с. 61, кат. № 122.

240. Браслет проволоочный, плетёный, разомкнутый, с шатонами (рис. 53-9). Волжская Булгария, Биляр или Булгар, XII – начало XIII вв. Серебро, стекло, волочение, ковка, плетение, пайка, зернь. Размеры: 8,15х6,7х1,7 см. Случайная находка на Болгарском городище.

Браслет сплетён из трёх парных проволок диаметром в сечении 0,35 см; окончания уплощены, прокованы и спаяны, образуя плоские площадки прямоугольной формы с прямым срезом. На эти площадки припаяны касты квадратной и прямоугольной формы (1,7х2,4х0,9 и 1,7х1,8х0,8 см), дополнительно закреплённые крупными пирамидками зерни. Вставками служили фрагменты керамики с глухой глазурью белого и зелёного (?) цвета.

БГИАМЗ, инв. № 505-1212, су-48.

Литература: Великий, 2013, с. 138.

241. Браслет проволоочный, плетёный, разомкнутый. Северо-восток Черниговского княжества, XI–XII вв. Серебро, волочение, ковка, плетение. Размеры: 8х7х0,7 см. Случайная находка на Болгарском городище.

Браслет сплетён из двух проволок диаметром 0,2 см; окончания сделаны в виде петелек.

НМ РТ, инв. № 10235-18.

Публикуется впервые.

242. Браслет проволочный, витой, разомкнутый. Северо-восток Черниговского княжества, XI–XII вв. Серебро, волочение, ковка, плетение. Размеры: 8 x 7 x 0,7 см. Случайная находка на Болгарском городище.

Браслет сделан из одной проволоки круглого сечения ($d=0,2$ см), сложенной вдвое и перекрученной.

НМ РТ, инв. № 10235-17.

Публикуется впервые.

243. Браслет проволочный, плетёный, разомкнутый, с шатонами. Северо-восток Черниговского княжества, XI–XII вв., обновление XVIII–XIX вв. Серебро, стекло (?), волочение, ковка, плетение, пайка, скань. Размеры: 8 x 7 x 0,7 см. Случайная находка на Болгарском городище.

Браслет сплетён из одного двухпроволочного жгута, сложенного пополам; окончания сделаны в виде петелек, уплощённых, раскованных и пропаянных. На эти окончания позже напаяны круглые глухие касты со стеклянными (?) красного цвета вставками типа кабошон.

НМ РТ, инв. № 10283-12.

Публикуется впервые.

244. Гривна проволоочная, плетёная, с замком. Волжская Булгария, XII – начало XIII вв. Серебро, волочение, ковка, плетение, пайка. Размеры: 18х16х2 см. Случайная находка на Болгарском городище.

Гривна сплетена из трёх парных проволок диаметром 0,3 см. Окончания их прокованы и спаяны, на них надеты серебряные конусовидные колпачки, заканчивавшиеся крючками. Один колпачок утрачен, второй обломан.

НМ РТ, инв. № 5483.

Публикуется впервые.

245. Гривна проволоочная, плетёная, разомкнутая. Северо-восток Черниговского княжества (?), XI – начало XIII вв. Серебро, волочение, ковка, плетение, пайка. Размеры: 17х19х1,2 см. Место находки не известно.

Гривна сплетена из одного двухпроволочного жгута, сложенного пополам и перекрученного. Окончания сделаны в виде петелек.

НМ РТ, б. ш.

Публикуется впервые.

246. Гривна проволоочная, плетёная, с подвесками и замком. Волжская Булгария, XII – начало XIII вв. Серебро, волочение, ковка, плетение, пайка. Размеры: 26,5 x 27 x 2 см. Возможно, входила в состав клада 1887 г., обнаруженного Т. Яковлевым у с. Рождествено (Лаишевский район РТ).

Гривна сплетена из трёх парных проволок (жгутиков) диаметром в сечении 0,3 см. Окончания их прокованы и спаяны, на них надеты серебряные конусовидные колпачки, заканчивавшиеся крючками. К гривне были прикреплены цепочки из 2–3 звеньев, на которых были привески-бубенчики (?); цепочки и привески утрачены, проволока в плетении и колпачки в нескольких местах надрублены или перебиты. Одно из окончаний гривны разогнуто.

НМ РТ, инв. № 936.

Литература: Генинг, Стоянов, Хлебникова, Вайнер, Казаков, Валеев, 1962, с. 7.

247. Гривна проволоочная, плетёная, с замком (рис. 60-1). Волжская Булгария, XII – начало XIII вв. Серебро, волочение, ковка, плетение, пайка. Размеры: 19х17,2х2,1 см; m=181,79 г. Случайная находка на Болгарском городище.

Гривна сплетена из трёх парных проволок диаметром 0,25 см; окончания их прокованы и спаяны, на них надеты серебряные конусовидные колпачки, заканчивавшиеся крючками. Крючки утрачены.

НМ РТ, инв. № 5505, су-819.

Литература: Руденко, 2007а, рис. 85-4.

248. Гривна проволоочная, плетёная, с замком (рис. 61-2). Волжская Булгария, XII – начало XIII вв. Серебро, волочение, ковка, плетение, пайка. Размеры: 25х26,2х2,1 см; m=185,5 г. Место находки не известно.

Гривна сплетена из трёх парных проволок диаметром 0,3 см; окончания их прокованы и спаяны, на них надеты серебряные конусовидные колпачки, заканчивавшиеся крючками.

НМ РТ, б. ш., су-825.

Литература: Руденко, 2007а, рис. 85-5.

249. Гривна проволочная, плетёная, с замком и подвесками-бубенчиками (рис. 59-2). Волжская Булгария, XII – начало XIII вв. Серебро, волочение, ковка, давление, плетение, пайка. Размеры: 25 x 26,05 x 2,2 см; m=186,1 г. Находилась в составе клада, найденного у с. Именьково (Лаишевский район РТ) в 1962 г.

Гривна сплетена из трёх парных проволок диаметром 0,25 см; окончания прокованы и спаяны, на них надеты серебряные конусовидные колпачки, заканчивавшиеся крючками. В нижней части гривны подвешены на коротких цепочках из 2 звеньев жёлудевидные бубенчики с прорезью в нижней части (2 x 1,5 см).

НМ РТ, инв. № 14576-44, су-822.

Литература: Руденко, 2007а, рис. 85-7.

250. Гривна, фрагмент: замочный колпачок в виде конусовидного кованого стержня, оканчивающегося с одной (широкой) стороны раструбом, с другой – крючком. Волжская Булгария, XI – начало XIII вв. Серебро, ковка, пайка. Размеры: 10,7 x 10,2 x 2 см; сечение квадратное. Деформирован. Место находки не известно.

НМ РТ, б. ш., су-752.

Публикуется впервые.

251. Гривна проволоочная, плетёная, с замком (рис. 60-2). Волжская Булгария, вторая половина XI в. Серебро, волочение, ковка, плетение, пайка. Размеры: 23,2х24х2,2 см; m=186,7 г. Находилась в составе клада, найденного у с. Кожаевка (Спасский район РТ) в 1990 г.; раскопки М. М. Кавеева.

Гривна сплетена из трёх парных проволок диаметром 0,3 см; окончания их прокованы и спаяны, на них надеты серебряные конусовидные колпачки, заканчивавшиеся крючками.

БГИАМЗ, инв. №473-353.

Литература: Кавеев, 1992, с. 107, рис. 1-1; Руденко, 2007а, рис. 85-3; 2011б, с. 116, рис. 33-3.

252. Гривна проволоочная, плетёная, с замком (рис. 61-1). Волжская Булгария, XII – начало XIII вв. Серебро, волочение, ковка, плетение, пайка. Размеры: 16х19,5х2,5 см; m=165 г. Находка Е. П. Казакова на IV Старокуйбышевском селище.

Гривна сплетена из трёх парных проволок диаметром 0,2 см; окончания их прокованы и спаяны, на них надеты серебряные конусовидные колпачки. Окончания колпачков обломаны, один сплавлен.

НКЦ «Казань», инв. № Вр-953 (экспозиция).

Литература: Казаков, 1991, рис. 42-9; Руденко, 2007а, рис. 85-6; Сокровищница, 2012, с.87.

253. Гривна проволочная, плетёная, с замком и подвесками-лунницами (рис. 47; 48; 56). Волжская Булгария, XII – первая половина XIII вв. Серебро, сердолик, волочение, ковка, давление, плетение, пайка, зернь, скань. Размеры: 30 x 27,2 x 1,8 см. Случайная находка в окрестностях городища Джукетау на окраине г. Чистополя (Чистопольский район РТ) в 1930-х гг.

Гривна сплетена из трёх парных проволок диаметром 0,25 см; окончания скручены. В нижней части гривны подвешены на колечках три подвески-лунницы (диаметр: 6,2; 6,5 и 10 см), украшенные шатонами, полусферами, сканью и зернью. В одном шатоне в качестве вставки использована сердоликовая бусина. Окончания гривны утрачены.

НМ РТ, су-824.

Литература: Хованская, 1958, с. 239–243; Руденко, 2007а, рис. 85-8; 86.

254. Браслет пластинчатый. Среднее Поволжье, Булгар, вторая половина XIV – начало XV вв. Золото, литьё, ковка, чеканка, гравировка, чернь. Размеры: 6,5 х 5 х 1,5 см; m=42,05 г. Случайная находка на Болгарском городище.

На внешней поверхности имеются четыре желобка, идущие парами по краям браслета. Центральная часть изделия выпуклая, в виде узкого валика. Орнаментированы окончания браслета и центральная площадка. Основные орнаментальные мотивы – полупальметты и стилизованные растительные побеги.

НМ РТ, инв. № 5838, су-3.

Литература: Болгар, 1868, табл. V-1.

255. Браслет пластинчатый. Среднее Поволжье, Булгар, вторая половина XIV – начало XV вв. Золото, литьё, ковка, чеканка, гравировка, чернь. Размеры: 6,5 х 5 х 1,5 см; m=41 г. Случайная находка на Болгарском городище. Аналогичен № 254.

НМ РТ, инв. № 5839, су-4.

Литература: Болгар, 1868, табл. V-2.

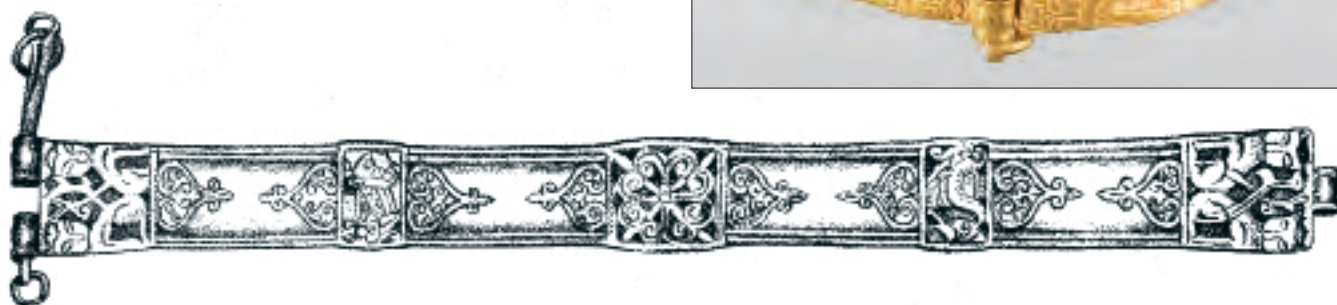

256. Браслет пластинчатый, шарнирный, одностворчатый, орнаментированный. Среднее Поволжье, Булгар, вторая половина XIV – начало XV вв. Золото, литьё, ковка, чеканка, гравировка, чернь. Размеры (в развёрнутом виде): 17,5 х 1,4 х 0,3 см; m=51,05 г. Случайная находка на Болгарском городище.

Орнаментальные мотивы: парные львы, полупальметты, трилистники.

НМ РТ, инв. № 5837.

Литература: Болгар, 1868, табл. V-3.

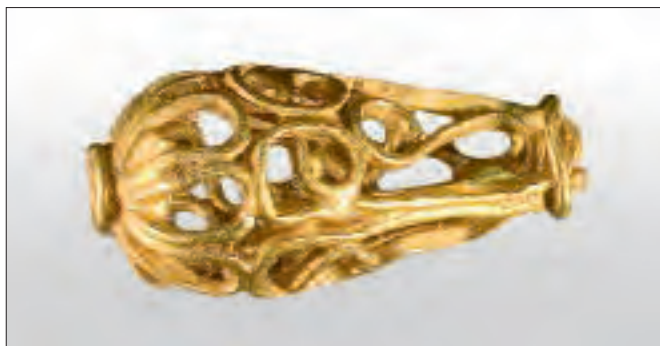

257. Пронизка филигранная. Среднее Поволжье, Булгар, XIV – начало XV вв. Золото, волочение, пайка, скань. Размеры: 2,1 x 1,1 см. Случайная находка на Болгарском городище.

Украшение выполнено в виде конуса, собранного из сканых проволочек, основанием которого является полусфера-колпачок, представляющая собой ажурную чашевидную розетку из округлых лепестков, сделанных из скани.

НМ РТ, инв. № 12460.

Публикуется впервые.

258. Браслет пластинчатый, шарнирный, двустворчатый. Золотая Орда или Малая Азия, XIV – начало XV вв. Золото, литьё, чеканка, гравировка, чернь. Диаметр 6,5 см. Находился в составе клада, найденного у г. Чистополя (Татарстан) в 1924 г. на поселении, относящемся к булгарскому городищу Джукетау.

Браслет украшен литыми декоративными элементами, в числе которых львиные маски; кроме того, в центральной полосе из проволоки выложена персидская стихотворная надпись «*Да будет творец мира покровителем Владельца сего (этого) предмета, где бы он ни находился*» (чтение и перевод А. А. Иванова).

ГЭ, инв. № 30-717.

Литература: Сокровища, 2000, с. 242, кат. № 111 (приведены публикации об этом изделии).

259. Перстень с прямоугольным щитком, украшенный рисунком растительного побега. Булгарский улус Золотой Орды, вторая половина XIV в. Золото, литьё, ковка, гравировка. Диаметр 2 см; m=3,07 г. Был в составе Карашамского клада, найденного в 1950 г. в Зеленодольском районе РТ.

Щиток прямоугольный с 4 шишечками по краям.

НМ РТ, инв. № 11422.

Литература: Калинин, Халиков, 1954, с. 119.

260. Перстень с массивным прямоугольным щитком с высоким бортиком, украшенным рисунками из стилизованных растительных побегов. Золотая Орда, Хорезм (?), XIV в. Золото, литьё, ковка, пайка, чеканка, штамповка (?). Диаметр 2,3 см. Случайная находка на Болгарском городище.

НМ РТ, инв. № 8432.

Публикуется впервые.

261. Перстень с прямоугольным щитком, украшенный рисунками розеток, полупальметт, стилизованных растительных побегов. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Золото, литьё, ковка, гравировка, чернь. Диаметр 2 см. Случайная находка на Болгарском городище.

Щиток прямоугольный, с 4 шишечками по краям.

НМ РТ, инв. № 12474; су-11.

Публикуется впервые.

262. Перстень с прямоугольным щитком, украшенным растительным орнаментом. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, вторая половина XIV – начало XV вв. Золото, литьё, ковка, пайка, гравировка, чернение. Диаметр 2,1 см; m=3,94 г. Был в составе Карашамского клада, найденного в 1950 г. в Зеленодольском районе РТ.

По углам щитка – миниатюрные полуколонны, имеющие полусферическое завершение.

НМ РТ, инв. № 11424; су-72.

Литература: Калинин, Халиков, 1954, с. 119.

263. Перстень с шатоном, с лазуритовой вставкой. Иран, XIV в. Золото, лазурит, литьё, ковка, пайка, чеканка, гравировка. Диаметр 2,3 см. Случайная находка на Болгарском городище.

Каст прямоугольной формы с гравированными рисунками (растительный побег) на боковых сторонах, гравированные рисунки и объёмные декоративные элементы имеются на внешней стороне шинки. Внутренняя поверхность шинки имеет следы чеканки. Вставка гранёная, призматической формы.

НМ РТ, инв. № 5859, су-12; коллекция А. Ф. Лихачёва.

Литература: Болгар, 1868, табл. V-11.

264. Перстень с шатоном, с сердоликовой вставкой. Иран или Хорезм, XIV в. Золото, сердолик, литьё, ковка, пайка, тиснение, гравировка. Диаметр 2,3 см. Случайная находка на Болгарском городище.

Каст прямоугольной формы с гравированными рисунками на боковых сторонах. Шинка в месте соединения с кастом украшена напаянными декоративными элементами из проволоки. На шинке также имеются напаянные штампованные пластинки с орнаментом, а посередине с противоположной от каста стороны – маленький цилиндрический шатон с сердоликовой (?) вставкой. Основная вставка гранёная, призматической формы. Боковая сторона каста повреждена.

НМ РТ, инв. № 5858, су-14; коллекция А. Ф. Лихачёва.

Публикуется впервые.

265. Перстень с шатоном, со вставкой из граната. Иран, XIV в. Золото, гранат, литьё, ковка, пайка, чеканка, гравировка. Диаметр 2 см; m=2,6 г. Случайная находка на Болгарском городище.

Каст овальной формы низкий, с гравированными рисунками и нарезанной «бахромой» по краю. Вставка гранёная.

НМ РТ, инв. № 5836-5, су-29; коллекция А. Ф. Лихачёва.

266. Перстень с шатоном, с бирюзовыми вставками. Иран или Хорезм, XIV в. Золото, бирюза (обесцвечена), литьё, ковка, пайка, чеканка, гравировка, псевдоскань. Диаметр 2,3 см; m=8,5 г. Случайная находка на Болгарском городище.

Каст усечённо-конической формы с гравированными рисунками пальметт на боковых сторонах и напаянными «лапками» для крепления вставки. Два других каста меньшего размера, окантованные псевдосканой проволочкой у основания, расположены с обеих сторон основного шатона при переходе от шинки к щитку. Вставки овальной формы.

НМ РТ, инв. № 5495, су-13; коллекция А. Ф. Лихачёва.

Литература: Болгар, 1868, табл. V-7.

267. Перстень с надписью из проволоки. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Золото, литьё, ковка, пайка. Диаметр: внешний – 2 см, внутри – 1,6 см; m=8,38 г. Найден на Болгарском городище, раскопки 1966 г. А. П. Смирнова у «Чёрной палаты», в фундаменте пристройки у западной её стены. Датируется по археологическому контексту второй трети XIV в.

Щиток овальной формы с бортиком высотой 0,1–0,15 см и с надписью, выложенной проволочкой. Надпись не читается. Предполагается, что здесь могло быть написано: «Да будет вечен Алий!» (чтение и перевод С. А. Яниной) или «Да продлит Аллах здоровье (благоденствие)» (чтение и перевод Д. Г. Мухаметшина и Ф. С. Хакимзянова). На боковых сторонах шинки отлиты рельефные миндалевидные выступы (0,8 x 0,6 см).

НМ РТ, инв. № 15089.

Литература: Смирнов, Янина, 1967, с. 304, рис. 1-2; Мухаметшин, Хакимзянов, 1996, с. 303; Великий, 2013, с. 138.

268. Перстень с декором из проволоки. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Золото, литьё, ковка, пайка. Диаметр 2 см. Случайная находка на Болгарском городище.

Щиток прямоугольной формы, приподнят с помощью припаянного бортика, повторяющего форму щитка, внутри которого из тонкой полоски золота выложен круг (возможно, для вставки). Чётко выражены плечики при переходе от щитка к шинке.

НМ РТ, инв. № 12472; су-65.

Публикуется впервые.

269. Перстень с гравированным орнаментом. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Золото, литьё, ковка, гравировка. Диаметр 2 см. Случайная находка на Болгарском городище.

Щиток прямоугольной формы с чётко выраженными плечиками при переходе от щитка к шинке, украшенными в этом месте рельефными выступами в виде геральдического щита.

НМ РТ, инв. № 12478; су-62.

Литература: Болгар, 1868, табл. V-14.

270. Перстень филигранный, с шатоном. Иран, XIV в. Золото, бирюза, литьё, ковка, зернь, скань. Диаметр 2 см. Случайная находка на Болгарском городище.

Щиток круглой формы с невысоким бортиком. В центре его установлена филигранная полусфера-каст, составленная из сердцевидных элементов из сканой проволоки, спаянных между собой. Венчает его небольшая бирюзовая вставка. Каст удерживают шарики зерни, занимающие место между основанием каста и бортиком. Шинка не имеет дополнительного декора.

НМ РТ, инв. № 12503; су-16.

Литература: Болгар, 1868, табл. IXbis-3.

271. Подвеска миндалевидной формы с ушком, с гравированным орнаментом. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Золото, литьё, ковка, пайка, гравировка. Размеры: 2,4 x 1,2 x 0,3 см. Случайная находка на Болгарском городище.

Орнамент из стилизованных растительных побегов. Имеются следы вторичного использования или ремонта: пробитые сквозные отверстия в верхней и нижней частях украшения; ушко обломано.

НМ РТ, инв. № 5851; коллекция А. Ф. Лихачёва.

Литература: Болгар, 1868, табл. V-6.

272. Бляшка-розетка. Золотая Орда, вторая половина XIII–XIV вв. Золото, филигрань, пайка. Размеры: 2 x 2,2 см. Случайная находка на Болгарском городище.

Плоское украшение в виде цветка. На пластину с фигурным краем из толстой проволоки напаян основной контур цветка, внутри которого тонкой витой провололочкой сделаны детали. Для крепления в верхней и нижней частях бляхи, а также в центре пробиты сквозные отверстия.

НМ РТ, инв. № 12466; су-24.

Публикуется впервые.

273. Бляшка-розетка. Золотая Орда, вторая половина XIII–XIV вв. Золото, филигрань, пайка. Размеры: 2 x 2,2 см. Случайная находка на Болгарском городище.

Плоское украшение в виде цветка. По конструкции аналогична № 272, однако выполнена в виде другой формы цветка. В центре бляхи – круглое гнездо для жемчужины, причём в гнезде сделаны два сквозных отверстия для её крепления. Фиксация самой бляхи осуществлялась с помощью сквозных отверстий в крайних выступающих окончаниях цветка сверху, снизу и с боков. Часть сканой проволоки в нижней части изделия утрачена.

НМ РТ, инв. № 12461; су-13.

Публикуется впервые.

274–276. Бляшки-розетки. Золотая Орда, вторая половина XIII–XIV вв. Золото, филигрань, пайка. Диаметр 2,6 см, высота 0,4 см. Случайные находки на Болгарском городище.

Плоское украшение в виде пятилепестковой розетки, с одним гнездом для жемчужины; гнёзда пустые, но в них сделано по два сквозных отверстия. Все лепестки сердцевидной формы, выполнены из витой сканой проволоки, в их верхней части имеются сквозные отверстия для крепления.

НМ РТ, инв. № 12465а, б, в; су-21.

Публикуется впервые.

277. Серьга разомкнутая, ложновитая, с жемчужиной. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Золото, литьё, волочение, навивка, пайка. Диаметр ушка 1,8 см, толщина 0,4 см; $m=0,85$. Болгарское городище, раскоп LI. Раскопки Н. Д. Аксёновой, 1975 г.

Кольцо литое, тордированное, отлитое с разными окончаниями: одно короткое, чуть изогнутое; второе длинное, тонкое, приотстрённое. Длинное окончание сгибалось, образуя широкую петельку, на которую надевали жемчужину. Оставшаяся часть проволоки накручивалась вокруг основного кольца с этой же стороны в 6–7 оборотов.

БГИАМЗ, инв. № 192-142/ арх-35, су-8.

Литература: Великий, 2013, с. 137.

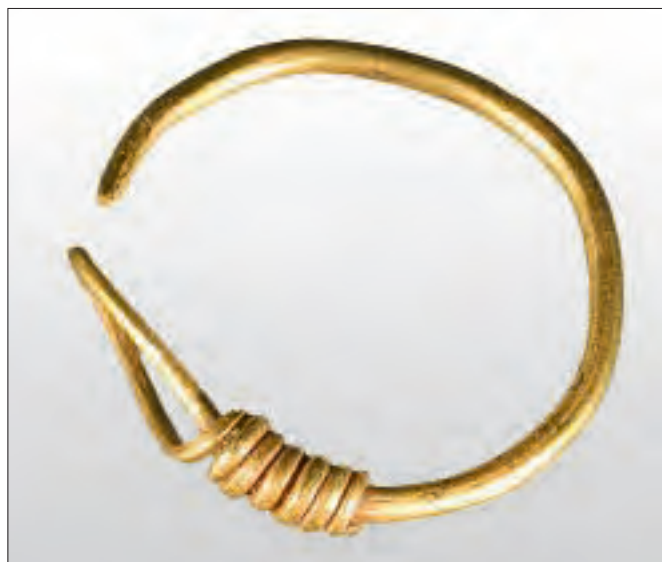

278. Серьга разомкнутая, ложновитая. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Золото, литьё, волочение, навивка, пайка. Диаметр ушка 1,8 см, толщина 0,4 см. Случайная находка на Болгарском городище. Аналогична № 277.

Жемчужина утрачена.

НМ РТ, инв. № 5863, су-22; коллекция А. Ф. Лихачёва.

Публикуется впервые.

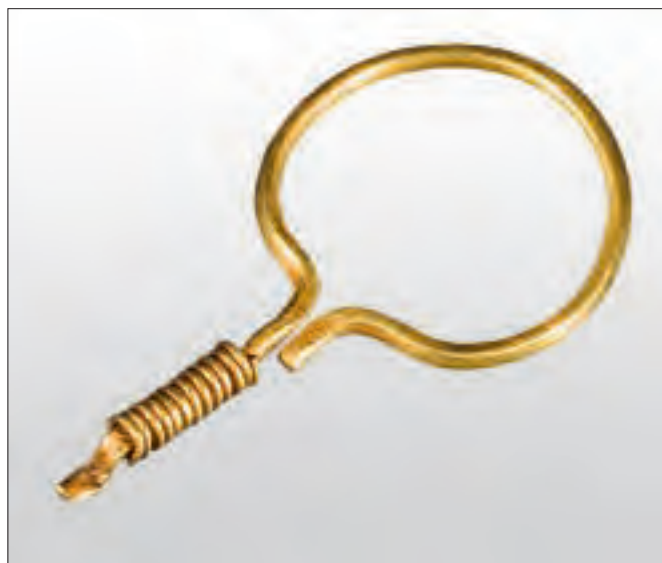

279. Серьга или подвеска в виде знака вопроса, замкнутая. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Золото, литьё, ковка, навивка. Размеры: 1,9 x 3,6 см; $m=1,8$ г. Была в составе Карашамского клада, найденного в 1950 г. в Зеленодольском районе РТ.

Дужка согнута таким образом, что смыкается с вертикальным стержнем с навитой проволокой.

НМ РТ, инв. № 11433, су-76.

Публикуется впервые.

280. Серьга или подвеска в виде знака вопроса, разомкнутая. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Золото, литьё,ковка, навивка. Размеры: 4х1,7 см; m=1,6 г. Случайная находка на Болгарском городище.

На нижнюю часть стержня накручена проволока (14 оборотов), которая завершается небольшой петелькой.

БГИАМЗ,
инв. № 342-391/арх-151, су-12.

Литература: Великий, 2013, с. 140.

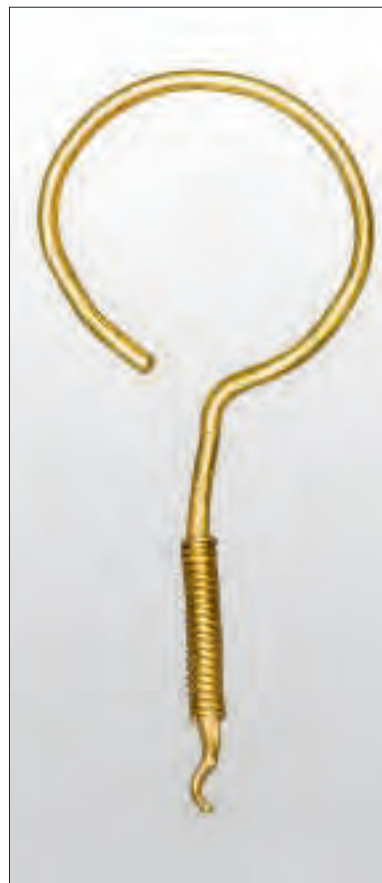

281. Серьга или подвеска в виде знака вопроса, разомкнутая. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Золото, литьё,ковка, навивка. Размеры: 4,8 х 2,2 х 0,15 см; m=2,24 г. Случайная находка на Болгарском городище.

На нижнюю часть стержня накручена проволока (20 оборота).

БГИАМЗ,
инв. № 775-2/260, су-44.

Литература: Великий, 2013, с. 140.

282. Серьга или подвеска в виде знака вопроса с напускной бусиной. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Золото, жемчуг, волочение, навивка. Размеры: 4х1,65х0,75 см; m=1,55 г. Болгарское городище, раскоп СХХI; исследования Р. Ф. Шарифуллина, в 1993 г.

На нижнюю часть стержня накручена проволока (5 оборотов), заканчивавшаяся петелькой, на которой закреплена жемчужина (d=0,75 см).

БГИАМЗ,
инв. № 586-143/ арх-260, су-42.

Литература: Великий, 2013, с. 140.

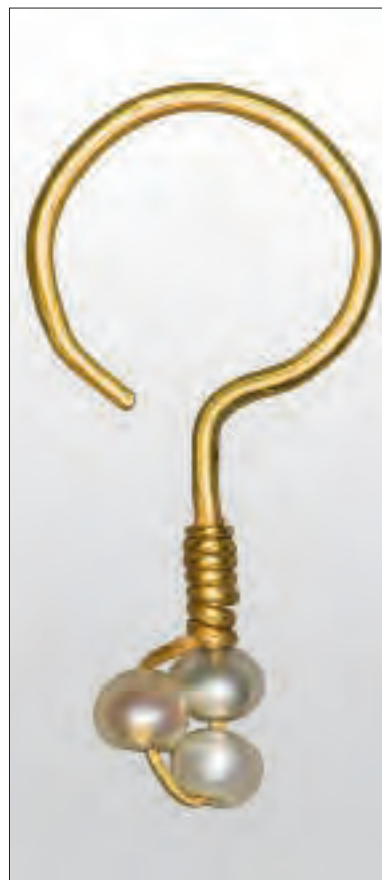

283. Серьга или подвеска в виде знака вопроса, разомкнутая, с жемчужиной. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Золото, жемчуг, литьё,ковка, навивка. Размеры: 3,35 х 1,65 х 0,4 см; m=1,78 г. Подъёмный материал на Болгарском городище 1971 – 1972 гг.

На нижнюю часть стержня накручена проволока (7 оборотов), на которой закреплены 3 жемчужины.

БГИАМЗ,
инв. № 73-473/арх-17, су-7.

Литература: Великий, 2013, с. 140.

284. Перстень щитковый с орнаментом. Золотая Орда, XIV – начало XV вв. Золото, литьё, ковка, пайка, гравировка. Диаметр 1,9 см, толщина 1 см; m=1,83 г. Находка на Болгарском городище у т. н. «Капитанского колодца».

Щиток круглой формы с высоким бортиком; шинка на $\frac{1}{2}$ утрачена.

БГИАМЗ, инв. № 746-1, су-43.

Литература: Великий, 2013, с. 138.

285. Перстень щитковый с шатонами. Иран или Хорезм, XIV – начало XV вв. Золото, бирюза, литьё, ковка, пайка, гравировка. Размеры: 2,2 x 1,7 см. Находка на Болгарском городище, «клад ремесленника»; раскоп CXLIX. Раскопки В.С. Баранова 2010 г. Аналогичен № 266.

Две вставки утрачены.

БГИАМЗ, инв. № 1337/412.

Литература: Великий, 2013, с. 141.

286. Перстень щитковый. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Золото, литьё, ковка. Размеры: 1,7 x 1,6 x 0,6 см. Находка на Болгарском городище, «клад ремесленника»; раскоп CXLIX. Раскопки В.С. Баранова 2010 г. Близок № 269.

БГИАМЗ, инв. № 1343/412.

Литература: Великий, 2013, с. 141.

287. Серьга или подвеска, разомкнутая, с филигранной напускной бусиной. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Золото, жемчуг, литьё, ковка, пайка. Размеры: 2 x 1,9 x 0,5 см; m=1,4 г. Подъёмный материал на Болгарском городище 1971–1972 гг.

На проволоку надета филигранная золотая бусина, состоящая из двух половинок, соединённых пайкой. Каждая половинка выполнена из фигурно изогнутых в виде бутона округлых лепестков. Одно окончание кольца загнуто крючком.

БГИАМЗ, инв. № 73-395/арх-17, су-6.

Литература: Великий, 2013, с. 137.

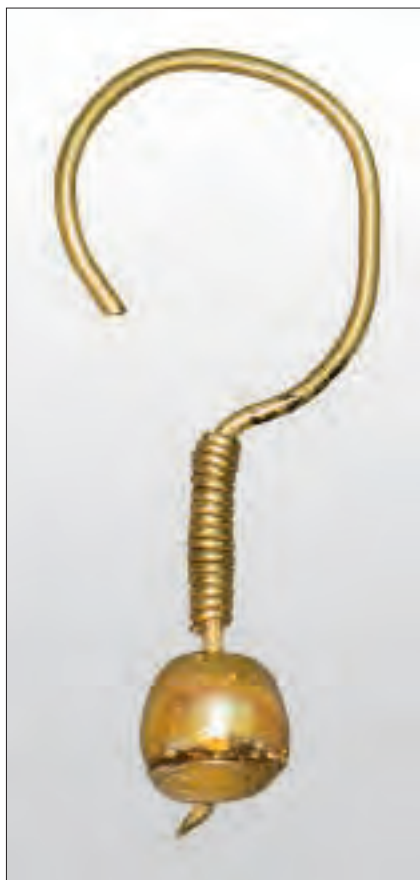

288. Серьга или подвеска в виде знака вопроса с напускной бусиной. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Золото, волочение, ковка, навивка, штамповка. Размеры: 3,9х1,6х0,7 см; m=1,4 г. Болгарское городище, раскоп LXIX, исследования П. Н. Старостина 1979 г.

На нижней части стержня закреплена золотая бусина из двух половинок, внутренняя часть которой заполнена массой белого цвета (d=0,7 см). Для фиксации бусины на стержень до дужки навита проволока (17 оборотов).

БГИАМЗ, инв. № 247-219/ арх-90, су-10.

Литература: Великий, 2013, с. 140.

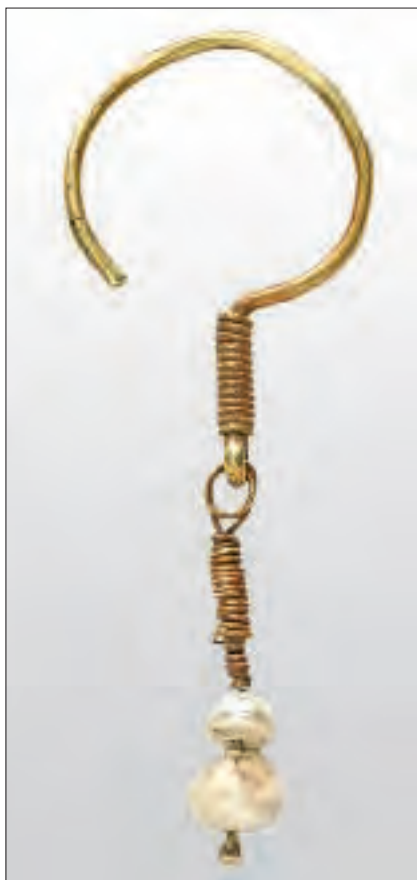

289. Серьга в виде знака вопроса, двухсоставная с напускными бусинами-жемчужинами. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Золото, волочение, ковка, навивка, штамповка. Размеры: 6,5х2,5х0,6 см. Находка на Болгарском городище.

Серьга состоит из двух частей. Верхняя часть (длиной 3,5 см) представляет собой дужку серьги, изогнутую кольцом с одной стороны, и вертикальным стерженьком круглого сечения (d=0,15 см), заканчивающимся маленькой петелькой, пространство между петелькой и дужкой занято витой проволокой в 12 оборотов. Вторая часть (длиной 3 см) представляла собой токую проволоку, согнутую пополам и пропущенную несколько раз через ушко в нижней части первой половины серьги. Оставшаяся часть проволоки дважды накручена на стержень, чем была осуществлена фиксация двух жемчужин диаметром 0,5 и 0,6 см, находившихся в нижней части стерженька, и закреплённая на нём небольшим каплевидным утолщением.

НМ РТ, инв. № 11163, су-33.

Публикуется впервые.

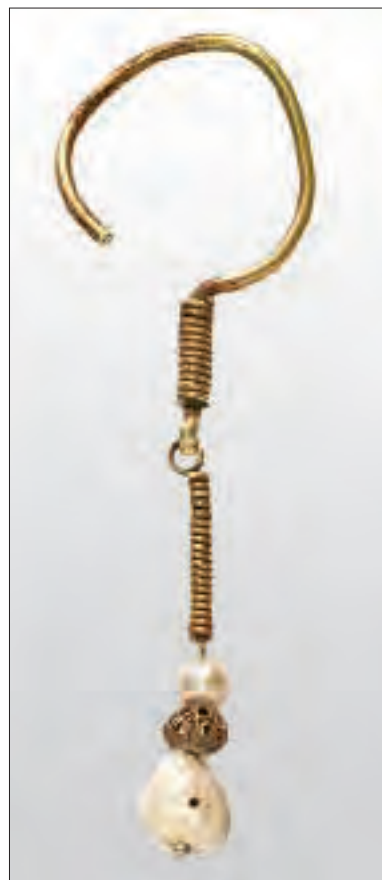

290. Серьга в виде знака вопроса, двухсоставная с напускными бусинами. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Золото, волочение, ковка, навивка, штамповка. Размеры: 7,1х2,2х0,8 см. Находка на Болгарском городище. Аналогична № 289.

Между двумя жемчужинами в нижней части серьги помещена филигранная бусина диаметром 0,6 см. Сделана она из двух половинок, каждая из которых состоит из маленького выпуклого диска диаметром 0,5 см, к которому с краю припаяны лепестки из золотой проволоки. Соединены половинки краями лепестков.

НМ РТ, инв. № 11163-1, су-34.

Публикуется впервые.

291. Серьга в виде знака вопроса, с грузиком-многогранником. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Серебро, волочение, ковка, литьё, навивка. Размеры: 4,9 x 2,65 x 0,5 см; m=2,65 г. Случайная находка на Болгарском городище.

На нижней части стержня имеется литой грузик в виде многогранника. На вертикальный стержень навита проволока (30 оборотов).

БГИАМЗ, инв. № 1129-1326/арх-377, су-129.

Публикуется впервые.

292. Серьга в виде знака вопроса с грузиком-многогранником. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Серебро, волочение, ковка, литьё, навивка. Размеры: 3,8 x 1,7 x 0,6 см; m=1,71 г. Находка на Болгарском городище, раскоп СХХIII 1996–1998 гг., исследования Р.Ф. Шарифуллина. Аналогична № 291.

БГИАМЗ, инв. № 927-642/арх-270, су-99.

Публикуется впервые.

293. Серьга в виде знака вопроса с грузиком-многогранником. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Серебро, литьё, ковка, волочение, навивка. Размеры: 3,3 x 1,7 см. Находка на IV Кожавевском селище, раскоп I; раскопки М. М. Кавеева в 1988–1992 гг. Аналогична № 291.

БГИАМЗ, инв. № 473-105/арх-226, су-38.

Публикуется впервые.

294. Серьга в виде знака вопроса, разомкнутая с жемчужиной. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Золото, жемчуг, литьё, ковка, навивка. Размеры: 3,35 x 1,65 x 0,4 см. Случайная находка на Болгарском городище.

На нижнюю часть стержня накручена проволока (14 оборотов), фиксирующая жемчужину в нижней части стержня, окончание которого свёрнуто в виде петли.

НМ РТ, инв. № 20.

Публикуется впервые.

295. Серьга в виде знака вопроса с грузиком-шариком. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Серебро, волочение, ковка, литьё, навивка. Размеры: 3,8 x 1,2 x 0,6 см. Находка на Болгарском городище.

Стержень серьги, украшенный навитой в 36 оборотов проволокой, заканчивается литым шариком диаметром 0,6 см. ½ дужки утрачена.

НМ РТ, б. ш., су-412.

Литература: Болгар, 1868, табл. IX-12.

296. Серьга в виде знака вопроса с грузиком-шариком. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Серебро, волочение, ковка, литьё, навивка. Размеры: 4 x 2 x 0,6 см. Находка на Болгарском городище.

Стержень серьги украшен тремя отрезками навитой проволоки (8,5; 7 и 9,5 оборотов). Дужка деформирована.

НМ РТ, инв. № 129.

Литература: Болгар, 1868, табл. IX-7.

297. Серьга в виде знака вопроса с грузиком-многогранником. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Серебро, волочение, ковка, литьё, навивка. Размеры: 4,4 x 2,1 x 0,7 см. Находка Г.И. Дмитриева в Спасском районе РТ в 1975 г.

НМ РТ, инв. № 16505-3.

Публикуется впервые.

298. Серьга в виде знака вопроса с грузиком-многогранником. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Серебро, волочение, ковка, литьё, навивка. Размеры: 5,5 x 2 x 0,7 см. Находка на Болгарском городище.

Стержень серьги, украшенный навитой проволокой, заканчивается литым многогранником (0,7 x 0,7 см). Сохранилась часть навитой проволоки в верхней и средней частях стержня.

НМ РТ, инв. № 49-50; Вр-887-б, су-754.

Публикуется впервые.

299. Серьга в виде знака вопроса. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Серебро, волочение, ковка, литьё, навивка. Размеры: 3,7 x 2 x 0,3 см. Находка на Болгарском городище.

Стержень серьги украшен навитой проволокой.

НМ РТ, инв. Вр-887-в, су-753.

Публикуется впервые.

300. Серьга в виде знака вопроса с грузиком-многогранником. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Серебро, волочение, ковка, литьё, навивка. Размеры: 4,1 x 2 x 0,7 см. Находка на Болгарском городище.

НМ РТ, инв. № 12598, су-203.

Литература: Болгар, 1868, табл. IX-11.

301. Серьга в виде знака вопроса с грузиком-шариком. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Серебро, волочение, ковка, литьё, навивка. Размеры: 5,5 x 2,3 x 0,6 см. Находка на Болгарском городище.

НМ РТ, инв. № 12617, су-224.

Публикуется впервые.

302. Серьга в виде знака вопроса с грузиком-многогранником. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Серебро, волочение, ковка, литьё, навивка. Размеры: 4 x 1 x 0,6 см. Находка на Болгарском городище.

Стержень серьги, украшенный навитой проволокой, заканчивается литым многогранником. Дужка разрублена на две половины.

НМ РТ, инв. № 12642, су-273.

Литература: Болгар, 1868, табл. IX-13.

303. Серьга в виде знака вопроса. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Серебро, волочение, ковка, литьё, навивка. Размеры: 4,3 x 2 x 0,3 см. Находка на Болгарском городище.

Стержень украшен плотно навитой проволокой.

НМ РТ, инв. № 12641, су-272.

Публикуется впервые.

304. Серьга в виде знака вопроса. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Серебро, волочение, ковка, литьё, навивка. Размеры: 3,7 x 2 x 0,3 см. Находка на Болгарском городище.

Стержень украшен плотно навитой проволокой. Деформирована, 1/4 дужки утрачена. Витьё нарушено.

НМ РТ, инв. № 12643, су-274.

Публикуется впервые.

305. Серьга в виде знака вопроса с грузиком-шариком. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Серебро, волочение, ковка, литьё, навивка. Размеры: 5,2х2,2х0,6 см. Находка на Болгарском городище.

Стержень серьги, украшенный плотно навитой проволокой, заканчивается литым шариком диаметром 0,6 см.

НМ РТ, инв. № 12616, су-223.

Литература: Булгар, 1868, табл. IX-8.

306. Серьга в виде знака вопроса с филигранной напускной бусиной. Золотая Орда или Иран, XIV в. Серебро, волочение, ковка, литьё, скань, зернь. Размеры: 5,6х2х2,1 см. Находка на Болгарском городище. В нижней части серьги прикреплён филигранный шарик из сканых узоров, дополненных шариками зерни. Дужка деформирована, ½ утрачена.

НМ РТ, б.ш., су-841.

Публикуется впервые.

307. Серьга в виде знака вопроса с филигранной напускной бусиной. Золотая Орда или Иран, XIV в. Серебро, волочение, ковка, литьё, скань, зернь. Размеры: 10х3,9х2 см; m=15,18 г. Находка на Болгарском городище.

В нижней части серьги прикреплён филигранный шарик из сканых узоров, дополненных шариками зерни.

НМ РТ, инв. № 91-10, су-839.

Литература: Руденко, 2013а, с. 333–339, рис. 1.

308. Серьга в виде знака вопроса с филигранным украшением в виде цветка. Золотая Орда или Иран, XIV в. Серебро, волочение, ковка, литьё, скань, зернь. Размеры: 7,1х2,8х1,8 см. Находка на Болгарском городище.

В нижней части серьги находится декоративное украшение в виде бутона цветка с прикреплёнными к нему миниатюрными розетками. Часть розеток утрачена.

НМ РТ, инв. № 10208-12, су-309.

Публикуется впервые.

309. Серьга в виде знака вопроса с филигранным украшением в виде цветка. Золотая Орда или Иран, XIV в. Серебро, волочение, ковка, литьё, скань, зернь. Размеры: 9,7х2,2х1,05 см. Находка на Болгарском городище.

В нижней части серьги находится декоративное украшение в виде колокольчика с узкими длинными лепестками и фигурными тычинками.

НМ РТ, инв. № 10208-11, су-308.

Публикуется впервые.

310. Серьга в виде знака вопроса с грузиком-многогранником. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV – начало XV вв. Серебро, волочение, ковка, литьё, навивка. Размеры: 4,8х1,9х0,6 см; m=4,77 г. Была в составе Карашамского клада, найденного в 1950 г. в Зеленодольском районе РТ.

На стержень серьги плотно навита проволока.

НМ РТ,

инв. № 11466.

Литература: Калинин, Халиков, 1954, с. 116, рис. 37.

311. Серьга в виде знака вопроса с грузиком-многогранником. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV – начало XV вв. Серебро, волочение, ковка, литьё, навивка. Размеры: 4,7х1,9х0,6 см; m=3,4 г. Была в составе Карашамского клада, найденного в 1950 г. в Зеленодольском районе РТ.

На стержень серьги плотно навита проволока. Стержень немного деформирован в нижней части.

НМ РТ,

инв. № 11451.

Публикуется впервые.

312. Серьга в виде знака вопроса с грузиком-шариком. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Серебро, волочение, ковка, литьё, навивка. Размеры: 4,9х1,9х0,55 см. Находка на Болгарском городище.

Стержень серьги, украшенный плотно навитой проволокой, заканчивается литым шариком диаметром 0,5 см.

НМ РТ, инв. № 721.

Публикуется впервые.

313. Серьга в виде знака вопроса с напускной бусиной и жемчужиной. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Серебро, волочение, ковка, литьё, навивка. Размеры: 4,7 х 0,55 х 0,8 см. Место находки не известно.

На стержень, заканчивающийся петелькой, нанизаны: снизу – жемчужина, выше, в средней части стержня, – призматическая сердоликовая бусина (0,8х0,3 см). В верхней части стержня, у дужки, сохранились остатки навитой проволоки.

НМ РТ, б. ш, су-149.

Публикуется впервые.

314–320. Серьга в виде разомкнутого кольца. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Серебро, литьё, сгибание. Диаметр 1,5 см. Находка на Болгарском городище, раскопки А. П. Смирнова 1946 г. могильника у Греческой палаты.

НМ РТ, б.ш.

Литература: Смирнов, 1958, рис. 9-2.

321–323. Серьга в виде разомкнутого кольца с грузиком-многогранником на одном из окончаний. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Серебро, литьё, сгибание. Диаметр 1,5 см. Находка на Болгарском городище, раскопки А. П. Смирнова 1946 г. могильника у Греческой палаты (погр. № 100).

У грузика (№№ 322–323) плотно навита тонкая серебряная проволока (9 и 12 оборотов).

НМ РТ, б. ш.

Литература: Смирнов, 1958, рис. 9-4.

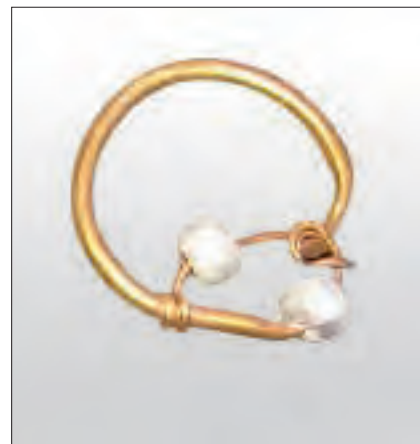

324. Серьга в виде разомкнутого кольца с замком. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Золото, жемчуг, литьё, сгибание. Диаметр 1,5 см. Находка на Болгарском городище, раскопки А.П.Смирнова 1946 г. могильника у Греческой палаты (погр. № 64).

Один из концов серьги заканчивается крючком. Второй загнут в виде петельки, причём окончание его специально сделано более тонким. При переходе от толстого участка проволоки к более тонкому на кольцо была нанизана жемчужина, таким образом, закреплённая с одной стороны на проволоке, с другой – проволоочным кольцом-петелькой, сделанным путём сгибания проволоки в один оборот. Это колечко зафиксировало жемчужину, а сама петелька стала приёмником для крючка (замок типа «английской» булавки). Оставшаяся часть проволоочки была закреплена на противоположной части кольца, а на свободной её части была помещена ещё одна жемчужина.

НМ РТ, б. ш.

Литература: Смирнов, 1958, рис. 9-1.

325. Серьга в виде знака вопроса с двумя напускными бусинами из сердолика. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Серебро с большой примесью меди, волочение, навивка. Размеры: 4,1 x 1,7 x 0,4 см. Находка на Болгарском городище.

Стержень серьги, украшенный плотно навитой проволокой, заканчивается петелькой, которая фиксирует напускные бусины. Витьё нарушено.

НМ РТ, б. ш.

Публикуется впервые.

326. Серьга в виде знака вопроса с грузиком-шариком. Золотая Орда, XIV в. Серебро, волочение, ковка, литьё, навивка, плетение. Размеры: 3,3 x 1,7 x 0,8 см. Находка на Болгарском городище, раскопки 1946–1954 гг.

На стержень навита проволока, на которую в свою очередь накручена в 3 ряда проволоочная пружинка, образовавшая своеобразное украшение в виде грозди винограда.

НМ РТ, инв. № 12269-1611; АА-371.

Публикуется впервые.

327. Серьга в виде знака вопроса с грузиком-многогранником. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Серебро, волочение, ковка, литьё, навивка. Размеры: 3,2 x 1,8 x 0,5 см. Случайная находка на Болгарском городище.

На стержень серьги плотно навита проволока.

НМ РТ, инв. № 3027.

Публикуется впервые.

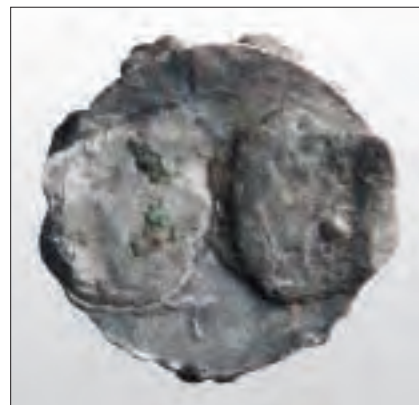

328. Перстень (шатор) с круглым глухим кастом с лазуритовой (?) вставкой, украшенный зерновыми треугольниками. Волжская Булгария, XI в. Серебро, лазурит, ковка, пайка, зернь. Диаметр 1,5; высота каста 0,5 см. Случайная находка на Мурзихинском селище (Алексеевский район РТ) в 1990-х гг.

Шинка утрачена; щиток деформирован.

Частная коллекция.

Литература: Руденко, 2002а, с. 202, рис. 58-32.

329. Браслет пластинчатый, разомкнутый, украшенный изображением львиных морд. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Серебро, литье, ковка, гравировка, чеканка. Размеры: 6,5 x 5,6 x 1,65 см; диаметр 6,1 см. Находка на Болгарском городище.

Спинка браслета украшена 4 валиками. На обратной стороне браслета заметны следы работы чеканом.

НМ РТ, инв. № 109-35 (10214-35), су-128; коллекция Л. О. Сиклера.

Литература: Руденко, 2006а, рис. 16-8.

330. Серьга в виде разомкнутого кольца с замком. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Золото, литье, сгибание, кручение. Диаметр 1,5 см. находка на Болгарском городище; возможно, из раскопок А. П. Смирнова 1946 г. могильника у Греческой палаты. Конструкция серьги близка № 324.

НМ РТ, б.ш.

Литература: Смирнов, 1958, с. 354–355.

331. Браслет пластинчатый, разомкнутый, украшенный изображением львиных морд. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Серебро, литье, ковка, гравировка. Размеры: 6,7х4,8х1,15 см. Толщина обруча 0,3–0,6 см. находка на Болгарском городище.

На спинке браслета имеются две глубокие канавки. Рисунок львиных личин выполнен небрежно. На внешней и внутренней сторонах браслета имеются надписи: на внешней стороне по-тюркски; с обратной стороны – на персидском языке. Татарские надписи на внешней стороне в трёх отдельных картушках содержат имя владельца: «Этот браслет всегда Зийа Хусейна» (чтение и перевод А. А. Арслановой). Большая персидская надпись на внутренней стороне – небольшой стих-благопожелание (размер «хазадж»): «В этом мире ремесло (?) да не будет печалью (или огорчением), [но] если будет, [то оно] будет [недостойно] людей» (чтение и перевод А. А. Иванова). По мнению А. А. Иванова, автор надписи был тюрком, вследствие чего образовались и некоторые ошибки в написании отдельных персидских слов.

НМ РТ, инв. № 10214-32; су-747; коллекция Л. О. Сиклера.

Литература: Руденко, 2006а, рис. 14-1.

332. Браслет пластинчатый разомкнутый, украшенный изображением львиных морд. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Серебро, литьё,ковка, гравировка. Размеры: 7,2х5,7х1,7 см. Толщина обруча 0,3 см. Находка на Болгарском городище.

Спинка браслета декорирована 4 канавками, расположенными парно по краям браслета. Средняя часть её выпуклая. Львиные морды, выгравированные на концах браслета, выполнены тщательно: различаются глаза, нос, подушечки у рта; брови соединены маленькой дугой. У окончаний бровей и в межбровье пуансоном выбиты точки. Такие же точки имеются чуть выше дуги.

НМ РТ, инв. № 10214-34; су-347; коллекция Л. О. Сиклера.

Литература: Руденко, 2006а, рис. 14-19.

333. Браслет пластинчатый, разомкнутый, украшенный изображением львиных морд. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Серебро, литьё,ковка, гравировка. Размеры: 6,3х5х1,4 см. Толщина обруча 0,3 см. Находка на Болгарском городище.

Отливка браслета небрежная, сделана по оттиску готового изделия. Львиные личины схематичны, хотя в общих чертах имеют полное соответствие оригинальным изображениям.

НМ РТ, инв. № 10214-33; су-346; коллекция Л. О. Сиклера.

Литература: Руденко, 2006а, рис. 14-24.

334. Браслет пластинчатый, разомкнутый, украшенный изображением львиных морд. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Серебро, литьё,ковка, гравировка. Размеры: 7,5х5,7х2,1 см. Толщина обруча 0,3 см. Находка на Болгарском городище.

Литая заготовка дополнительно доработана изнутри чеканкой. Львиные личины выгравированы очень аккуратно. Мастер дополнил классическую схему, подчеркнув двойной линией подушечки у рта; межбровье украшено двумя смыкающимися линиями в форме треугольника, напоминающими стилизованные полупальметты.

НМ РТ, инв. № 10214-63; су-349; коллекция Л. О. Сиклера.

Литература: Руденко, 2006а, рис. 14-18.

335. Браслет пластинчатый, разомкнутый, украшенный изображением львиных морд. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Серебро, литьё,ковка, гравировка. Размеры: 6,2х5х1,5 см. Толщина обруча 0,3 см. Находка на Болгарском городище.

Литая заготовка браслета дополнительно доработана изнутри чеканкой. Львиные личины выгравированы по общей схеме, аналогичной № 332, с мелкими дополнительными деталями. После нанесения рисунка на окончаниях браслета были пробиты сквозные отверстия (d=0,25 см).

НМ РТ, инв. № 10214-78; су-353; коллекция Л. О. Сиклера.

Литература: Руденко, 2006а, рис. 14-14.

336. Браслет пластинчатый, разомкнутый, украшенный изображением львиных морд. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Серебро, литьё,ковка, гравировка. Размеры: 5,7х6,3х1,4 см. Толщина обруча 0,25 см. Находка на Булгарском городище. Аналогичен №333.

НМ РТ, инв. №10214-31; су-344; коллекция Л. О. Сиклера.

Литература: Руденко, 2006а, рис. 14-23.

337. Браслет пластинчатый, разомкнутый, украшенный изображением львиных морд. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Серебро, литьё,ковка, гравировка. Размеры: 6,3х5х1,4 см. Толщина обруча 0,3 см. Находка на Булгарском городище.

Литая заготовка дополнительно доработана изнутри чеканкой. Львиные личины выгравированы неаккуратно: линии нанесены неровно, иногда с ошибками; некоторые из точек, выбитых пуансоном, поставлены на линии контура или повторно рядом с разметкой.

НМ РТ, инв. №10214; К-109-35, су-128; коллекция Л. О. Сиклера.

Литература: Руденко, 2006а, рис. 14-24.

338. Браслет пластинчатый, разомкнутый, украшенный изображением львиных морд. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Серебро, литьё, ковка, гравировка. Размеры: 5,85 x 5,3 x 1,2 см; m=13,3 г. Толщина обруча 0,15 см. Находка на Болгарском городище.

Отливка браслета небрежная; вместо львиных личин схематичный рисунок.

НМ РТ, инв. № 5497; су-746.

Литература: Руденко, 2006а, рис. 14-25.

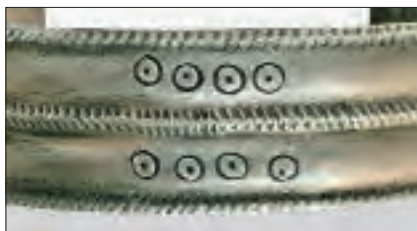

339. Браслет пластинчатый, разомкнутый, украшенный изображением львиных морд. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Серебро, литьё, ковка, гравировка. Размеры: 6,3 x 5 x 1,4 см. Толщина обруча составляет 0,3 см. Находка на Болгарском городище.

Спинка браслета украшена 4 желобками, образующими два выпуклых валика, украшенных у окончаний циркульным орнаментом. Площадки уплощены, и на них выгравированы львиные морды, причём вместо двух подушечек у рта показана линия из мелких дуг, брови – соединёнными на переносице, показана пышная грива. Специальным инструментом обработаны края браслета и валики на спинке.

НМ РТ, б. ш.; су-595.

Публикуется впервые.

340. Браслет пластинчатый, разомкнутый, украшенный изображением львиных морд. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Серебро, литьё,ковка, гравировка. Размеры: 6х5,7х1,5 см. Толщина обруча 0,3 см. Находка на Булгарском городище.

Отливка браслета небрежная, сделана по оттиску готового изделия. Львиные личины схематичны, имитируют оригинальное изображение.

НМ РТ, инв. № 6470, су-525.

Литература: Руденко, 2006а, рис. 15-21.

341. Браслет пластинчатый, разомкнутый, украшенный изображением львиных морд. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Серебр, литьё,ковка, гравировка. Размеры: 6,1х5х1,6 см. Толщина обруча 0,15 см. Находка Г. И. Дмитриева в Куйбышевском (Спасском) районе РТ в 1975 г. Рисунок близок кат. № 337.

НМ РТ, инв. № 16505-1г; су-346.

Литература: Руденко, 2006а, рис. 15-23.

342. Браслет пластинчатый, разомкнутый, украшенный изображением львиных морд. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Серебро, литьё,ковка, гравировка. Размеры: 8,3х6х1,9 см. Толщина обруча 0,3 см. Находка на Болгарском городище.

Литая заготовка дополнительно доработана изнутри чеканкой. Львиные личины выгравированы аккуратно; брови смыкаются на переносье, выше их две дуги с точкой внутри – напоминающие лист растения. Этот мотив имеется на браслете №334.

НМ РТ, инв. № 10214-70; су-350; коллекция Л. О. Сиклера.

Литература: Руденко, 2006а, рис. 14-15.

343. Браслет пластинчатый, разомкнутый, украшенный изображением львиных морд. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Серебро, литьё,ковка, гравировка. Размеры: 6,9х5,6х1,7 см. Толщина обруча 0,15 см. Находка Г.И.Дмитриева в Куйбышевском (Спасском) районе РТ в 1975 г. Аналогичен №341.

НМ РТ, инв. № 16505-16; су-749.

Литература: Руденко, 2006а, рис. 15-22.

344. Браслет пластинчатый, разомкнутый, украшенный изображением львиных морд. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Серебро, литьё,ковка, гравировка. Размеры: 6,4х5х1,75 см. Толщина обруча 0,15 см. Находка Г.И.Дмитриева в Куйбышевском (Спасском) районе РТ в 1975 г. Аналогичен №341.

НМ РТ, инв. № 16505-1а; су-748.

Литература: Руденко, 2006а, рис. 15-24.

345. Браслет пластинчатый, разомкнутый, украшенный изображением львиных морд. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Серебро, литьё,ковка, гравировка. Размеры: 6,65х4,8х1,35 см. Толщина обруча 0,15 см. Находка на Болгарском городище.

Литая заготовка дополнительно доработана изнутри чеканкой. Львиные личины выгравированы небрежно.

НМ РТ, инв. № 5451; су-745, надпись: Бул[гар]

Литература: Руденко, 2006а, рис. 14-16.

346. Браслет пластинчатый, разомкнутый, украшенный изображением львиных морд. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Серебро, литьё, ковка, гравировка. Размеры: 6х5,7х1,45 см. Толщина обруча 0,15 см. Находка на Болгарском городище. Литая заготовка дополнительно доработана изнутри чеканкой. Львиные личины выгравированы небрежно. Аналогичен №340.

НМ РТ, инв. № 10134-2; су-751.

Литература: Руденко, 2006а, рис. 15-20.

347. Браслет пластинчатый, разомкнутый, украшенный изображением львиных морд. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Серебро, литъё,ковка, гравировка. Размеры: 6,5х5х1,5 см; m= 26,55 г. Был в составе Карашамскогоклада, найденного в 1950 г. в Зеленодольском районе РТ.

Выкован из заготовки длиной 17 см, толщиной 0,15 см. На внешней поверхности имеются четыре желобка, идущие парами по краям браслета. Центральная часть изделия выпуклая, в виде узкого валика шириной 0,7 см. Львиные личины изображены в классическом виде с потерей минимального количества деталей. Рисунки сделаны небрежно, причём очевидно, что в одном случае (на левом окончании браслета) мастер, вероятно, наносил контур рисунка сам, но, судя по обилию круглых следов от пуансона, завершал работу его ученик. Вторую часть изображений на браслете продолжил другой человек, только осваивающий мастерство гравёра, с менее «поставленной» рукой. Нос, образованный широкими гравированными дугами в нижней части, касался краёв подушечек верхней губы, а верхние дуги в плавном изгибе оконтуривали верхнее веко. Ошибки в разметке привели к явной асимметрии и «перекосу» изображения. Линия бровей, изначально занимавшая правильное положение, оказалась придвинутой почти вплотную к глазам. Межбровье в виде резкой дуги зафиксировало центр композиции. Несколько испортили вид рисунка бессистемно нанесённые круглые углубления от пуансона; нередко они находят один на другой, «соскальзывая» и нарушая общий рисунок. Штрихи, имитирующие шерсть на морде льва, нанесены небрежно, ещё до «работы» пуансоном. Второй сюжет на противоположном (правом) окончании браслета выполнен проще. От подушечек верхней губы две прямые перекрещивающиеся линии образуют нос и переносицу морды льва. На «излёте» верхней части линии образованы верхние веки глаз, а глубокие штрихи снизу формируют глаза животного. После этого резная дуга завершает межбровье, а короткие штрихи имитируют шерсть на морде, загривке и верхней губе. После этого пуансоном, без особой системы, точками насыщен весь рисунок, как при оформлении глаз, щёк, носа, так и на свободном поле за загривком.

НМ РТ, инв. № 11442, су-165.

Литература: Руденко, 2006а, рис. 14-5.

348. Браслет пластинчатый, разомкнутый, украшенный изображением львиных морд. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Серебро, литьё, ковка, гравировка. Размеры: 6 x 1,8 x 1,8 см; m=29,6 г. Был в составе Карашамского клада, найденного в 1950 г. в Зеленодольском районе РТ.

Выкован из заготовки длиной 16 см, толщиной 0,15 см. На внешней поверхности браслета имеются два широких желобка. Центральная часть между этими желобками выпуклая, в виде небольшого гребня (правда, менее выраженного, чем валик на других браслетах). Центральная часть браслета и его окончания использованы для нанесения рисунков. Центральное место в композиции занимает изображение пиона (?). Львиная личина скомпонована в классической традиции почти со всеми элементами. Отсутствует только изображение нижней губы. Рисунок на правом окончании браслета асимметричен: левая сторона на несколько миллиметров выше правой. Вероятно, это было следствием ошибки при его разметке. Сохранились первоначальные контуры, процарапанные острым предметом, от которых при гравировке отошли довольно существенно. Мастер избрал иные пропорции изображения (1:1), из-за чего изменился и сам рисунок. Второй рисунок львиной личины отличается несущественными деталями: наличием линии, обозначающей вторую щеку, и более чётко выраженными «ушками». В остальном рисунки одинаковы. Левое окончание браслета отломано.

НМ РТ, инв. № 11442, су-169.

Литература: Руденко, 2006а, рис. 14-3.

349. Браслет пластинчатый, разомкнутый, украшенный изображением львиных морд. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Серебро, литьё, ковка, гравировка. Размеры: 7 x 5 x 2 см; m=30,1 г. Был в составе Карашамского клада, найденного в 1950 г. в Зеленодольском районе РТ. Выкован из заготовки длиной 17,3 см, толщиной 0,1 см.

Внешняя поверхность браслета украшена 5 желобками (два почти незаметных с краёв и три в центре), образующими снаружи выпуклые валики. Бороздки (желобки) были намечены при ковке заготовки или при отливке, затем прочеканены снаружи. Необходимый объём был достигнут путём чеканки с внутренней стороны браслета. Украшены рисунками только окончания браслета; остальная поверхность его (кроме рельефных валиков) декорирована только насечками. При формовке боковых желобков мастером были оставлены заметные следы чекана, как часть орнаментального узора. На парные валики в центре браслета пуансоном были нанесены наклонные насечки, образующие орнамент в виде «ёлочки». Рисунок львиных морд на этом браслете упрощён: изображение «потеряло» щёки, усы и верхнюю губу. Пропорции рисунка 1:1. Рисунок гравировался без детальной разметки, в «один приём». Наметив пунктиром подушечки верхней губы, мастер двумя симметричными дугами пунктиром обозначил нос и верхний абрис глаз. Контуры получились ровные, только в одном месте (левая половина личины на левом окончании браслета) при углублении линия «соскользнула», и образовался небольшой заусенец. Нанося линию бровей, мастер опять «отошёл» от намеченного ранее движения инструментом, поскольку нарушалась симметрия изображения. Изогнутая линия, «прерванная» переносицей, оконтуривала нижнее веко глаз. Намеченные чеканом зрачки «открыли» льву глаза. Межбровье украшено треугольным выступом – колпачком. Кончик носа обозначен круглой ямкой от чекана.

НМ РТ, инв. № 11445, су-168.

Литература: Руденко, 2006а, рис. 14-6.

350. Браслет пластинчатый, разомкнутый, украшенный изображением львиных морд. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Серебро, литьё, ковка, гравировка. Размеры: 5 x 6,3 x 1,7 см; m=23,5 г. Был в составе Карашамского клада, найденного в 1950 г. в Зеленодольском районе РТ. Выкован из заготовки длиной 17 см, толщиной 0,15 см.

На внешней поверхности имеются четыре желобка, по два с каждого края браслета. Такой рельеф был изначально на заготовке, судя по тому, что изнутри никаких следов выдавливания нет. Снаружи желобки углублены после отливки (?) по прочерченному чеканом контуру. Центральная лицевая часть выпуклая. Её объём подчеркнут выколоткой изнутри браслета. На выпуклых боковых валиках с лицевой стороны сделана насечка в виде «ёлочки». Центральный валик гладкий, без насечек. Рисунок, выполненный очень профессионально, имеется только на окончаниях браслета. Пропорции изображения 1:2; все компоненты «классического» изображения львиной личины (кроме щёк) на рисунке присутствуют. Изображённая морда льва выразительна. Две симметричные изогнутые линии очерчивают узкую переносицу, высокие брови и намечают контур округлых, узко поставленных глаз и завершают линию широких подушечек верхней губы. Изящной s-видной линией выгравированы чуть удлинённые глаза с круглыми зрачками. Нос в центральной части украшен декоративной розеткой из крупной точки и расположенных вокруг мелких точек. Щёки моделированы наклонными насечками в три ряда. Брови в виде фигурной «галочки» оканчиваются полукругом и точкой и завершаются «колпачком» из двух перекрещивающихся линий. Весь рисунок аккуратно дополнен глубокими точками, хотя больше половины из них нарушают как границы контуров, так и не соответствуют ключевым деталям изображения.

НМ РТ, инв. № 11447, су-170.

Литература: Руденко, 2006а, рис. 14-4.

351. Браслет пластинчатый, разомкнутый, украшенный изображением львиных морд. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Серебро, литьё,ковка, гравировка. Размеры: 5,2х6х1,5 см. Толщина обруча 0,15 см. Находка на Булгарском городище.

Литая заготовка дополнительно доработана изнутри чеканкой. Львиные личины выгравированы по классической схеме.

НМ РТ, инв. № 12622; су-229.

Литература: Руденко, 2006а, рис. 14-21.

352. Браслет пластинчатый, разомкнутый, украшенный изображением львиных морд. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Серебро, литьё,ковка, гравировка. Размеры: 5х6х1,75 см. Толщина обруча 0,15 см. Находка на Булгарском городище.

Литая заготовка дополнительно доработана изнутри чеканкой. Львиные личины выгравированы по классической схеме. По ряду деталей близок №№ 350 и 351. Имеет индивидуальные черты в рисунке.

НМ РТ, инв. № 5867; су-278, надпись: *Лих. Бул[гар], 1887 г.*; коллекция А. Ф. Лихачёва.

Литература: Руденко, 2006а, рис. 14-20.

353. Браслет пластинчатый, разомкнутый, украшенный изображением львиных морд. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Серебро, литьё,ковка, гравировка. Размеры: 7,5 x 5,5 x 1,4 см. Толщина обруча 0,15 см. Находка на Булгарском городище.

Изображение львиных морд на окончаниях браслета схематично. По деталям изображения эти рисунки близки № 342. На спинке браслета имеются изображения: в средней части – восьмилепестковая розетка, с двух сторон от неё – схематизированный трилистник.

НМ РТ, инв. № 10199; су-55; коллекция А. Ф. Лихачёва.

Литература: Руденко, 2006а, рис. 14-12.

354. Браслет пластинчатый, разомкнутый, украшенный изображением львиных морд. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Серебро, литьё,ковка, гравировка. Размеры: 6,2 x 5,2 x 1,6 см. Толщина обруча 0,1 см. Находка Г. И. Дмитриева в Куйбышевском (Спасском) районе РТ в 1975 г. Аналогичен № 341.

НМ РТ, инв. № 16505-1в; су-346.

Литература: Руденко, 2006а, рис. 15-22.

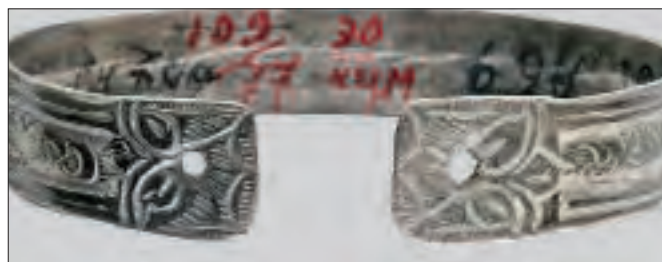

355. Браслет пластинчатый, разомкнутый, украшенный изображением львиных морд. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Серебро, литьё, ковка, гравировка. Размеры: 7,6х5,4х1,4 см. Толщина обруча 0,2 см. Находка на Болгарском городище.

Львиные личины по схеме аналогичны №№ 341, 344. На спинке браслета имеется гравированный рисунок в виде растительного побега. Фон рисунка расштрихован. На окончаниях браслета, на рисунке львиных морд, пробиты сквозные отверстия.

НМ РТ, инв. № 10214-77; су-352; коллекция Л. О. Сиклера.

Литература: Руденко, 2006а, рис. 14-17.

356. Браслет пластинчатый, разомкнутый, украшенный изображением львиных морд. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Серебро, литьё, ковка, гравировка. Размеры: 6х4,3х1,5 см; m=25,23 г. Был в составе Карашамского клада, найденного в 1950 г. в Зеленодольском районе РТ.

Выкован из заготовки длиной 17 см, толщиной 0,1 см. На внешней поверхности по краям имеются два глубоких желобка, которые ограничивают центральный объёмный валик; переход от желобков к валику образует небольшой бортик высотой около 0,1 см. Рельеф, очевидно, получен при отливке заготовки. Объём центрального валика подчеркнут неглубокой выколоткой изнутри чеканом (в две линии). Боковые желобки дополнительно не подправлялись. Изображение львиных морд на окончаниях браслета классического типа, но без линии рта, хотя с чётко обозначенными «щеками». Рисунок строится по стандартной схеме. Подушечки верхней губы, ограниченные небольшими дугами, являются основанием для линии щёк и широкого носа, получившегося из двух симметричных дуг, с крутым изгибом в верхней части. Поперечным движением чекана, соединившим двумя отрезками противоположные верхние концы двух дуг, образованы вытянутые миндалевидные «раскосые» глаза. Брови в виде галочки завершаются треугольным колпачком. Фон рисунка заполнен кружочками – от пуансона; щеки и подушечки верхней губы (усы) – неглубокими горизонтальными и вертикальными параллельными насечками, имитирующими шерсть. Насечки нанесены свободно, не очень ровно; линии пересекают более глубокие контуры рисунка.

НМ РТ, инв. № 11443, су-166.

Литература: Калинин, Халиков, 1954, рис. 38; Руденко, 2006а, рис. 14-2.

357. Браслет пластинчатый, разомкнутый, украшенный изображением львиных морд. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Серебро, литьё,ковка, гравировка. Размеры: 6,5х4,6х1,7 см; m=40,92 г. Толщина обруча 0,15 см. Место находки не известно.

Львиные личины выгравированы по классической схеме. Стил ь изображения близок № 349. Центральная розетка, изображённая на спинке браслета, – стилизация рисунка № 353. Поверхность сильно потёрта.

НМ РТ, б. ш.

Литература: Руденко, 2006а, рис. 14-11.

358. Браслет пластинчатый, разомкнутый, украшенный изображением львиных морд. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Серебро, литьё,ковка, гравировка. Размеры: 6,4х5х1,4 см. Толщина обруча 0,15 см. Находка на Болгарском городище. Близок № 353.

Окончания браслета сильно потёрты.

НМ РТ, инв. № 662; ЭО 109-75; су-133.

Литература: Руденко, 2006а, рис. 14-13.

359. Браслет пластинчатый, разомкнутый, украшенный изображением львиных морд. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Серебро, литьё, ковка, гравировка. Размеры: 6х4,9х1,5 см; m=25,15 г. Был в составе Карашамского клада, найденного в 1950 г. в Зеленодольском районе РТ.

Внешняя поверхность украшена несколькими желобками, образующими выпуклый валик по центру. Львиные личины изображены здесь в классическом виде: широкий нос, украшенный тремя точками, сгруппированными в треугольник по центру, в нижней части композиции ограничен подушечками верхней губы, изображёнными в виде сегментов, образованных двумя маленькими дугами. Резкий изгиб линии, формирующей основной контур лицевой части изображаемого существа, в верхней части, и чуть асимметричные плавные линии образуют нижнее веко миндалевидных глаз с намеченными зрачками. Щёки, образовавшиеся между носом и краем браслета, украшены двумя рядами насечек. Межбровье украшено треугольником с точкой и небольшим углублением от пуансона. Завершает композицию пирамидка из трёх точек над остриём межбровного треугольника. Контур самого рисунка был размечен пунктиром канфарником с бойком треугольной формы, а затем расходником (специальным чеканом с приплюснутым и заострённым концом), контур был превращён в сплошную канавку. При проработке деталей рисунка использовались пуансоны с круглым и треугольным остриём. Не очень понятно использование пуансона с круглым бойком для нанесения декоративных точек. Они сделаны явно после гравировки львиной личины и нередко перебивают сделанные ранее линии рисунка. При моделировке зрачков глаз или композиционно для подчёркивания межбровья это вполне понятно и обоснованно, но в остальных случаях их нанесение хаотично и бессистемно.

НМ РТ, инв. № 11448, су-171.

Литература: Руденко, 2006а, рис. 14-7.

360. Браслет проволочный, плетёный, разомкнутый. Волжская Булгария, Биляр или Булгар, XII – начало XIII вв. Серебро, волочение, ковка, плетение. Размеры: 8х5х1,7 см. Подъёмный материал на Болгарском городище 1972 г.

Браслет сплетён из трёх парных проволочек; окончания уплощены и немного прокованы.

ГМИИ РТ, инв. № Вр-955.

Публикуется впервые.

361. Браслет проволочный, плетёный, разомкнутый. Приочье или Новгород, XII – начало XIII вв. Бронза, волочение, ковка, плетение. Размеры: 7,2х6,5х1,5 см. Случайная находка на Болгарском городище.

Браслет сделан из проволоки с раскованными в виде трапеции окончаниями. На эту проволоку надет плетёный каркас из свитых из двух проволочек нескольких жгутов. Окончания жгутов припаяны к трапециевидным лопастям.

НМ РТ, инв. № 62.

Публикуется впервые.

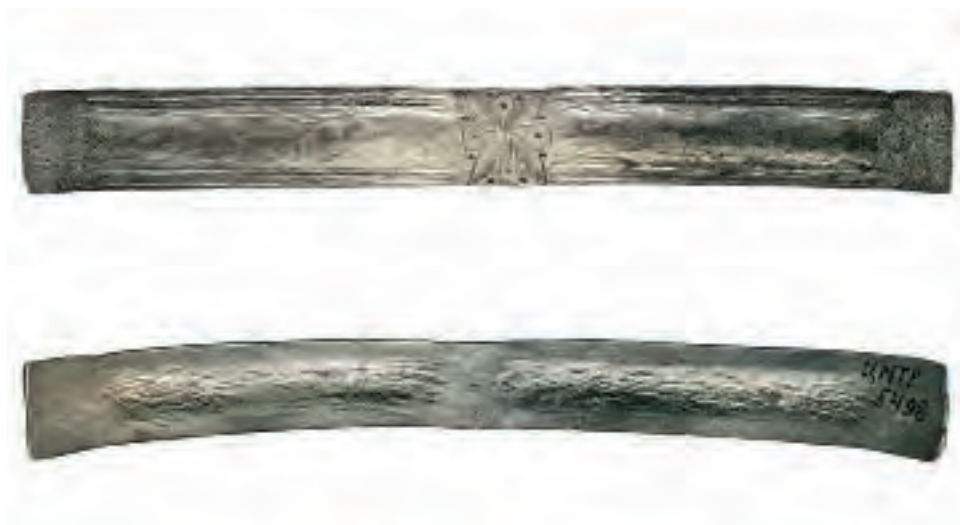

362. Браслет пластинчатый, разомкнутый, украшенный изображением львиных морд. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Серебро, литьё, ковка, гравировка. Размеры: 15,5х1,72х2,8 см. Толщина обруча 0,15 см. Находка на Болгарском городище.

Литая заготовка дополнительно доработана изнутри чеканкой. Львиные личины выгравированы по классической схеме. Розетка в центре спинки браслета типа № 353. Браслет разогнут.

НМ РТ, инв. № 5498.

Литература: Руденко, 2006а, рис. 14-10.

363. Браслет пластинчатый, разомкнутый, украшенный изображением львиных морд. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Серебро, литьё, ковка, гравировка. Размеры: 6,8х1,8х0,15 см. Находка на Болгарском городище.

Литая заготовка дополнительно доработана изнутри чеканкой. Львиные личины выгравированы по классической схеме. Близок № 347.

БГИАМЗ, инв. № 327-1, су-3.

Литература: Великий, 2013, с. 141.

364–370. Браслеты пластинчатые, разомкнутые, с изображением львиных морд. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV – начало XV вв. Серебро, литьё, ковка, гравировка. Размеры (в последовательности): 6,4х4,9х1,4 см; 6,75х5,5х1,5 см; 6,35х4,3х1,4 см; 5,0х5,5х1,4 см; 6,5х5,4х1,6 см; 6,2х5,3х1,3 см; 7,2х6,7х1,6 см. Находка на Болгарском городище (клад 2012 г); раскопки И. И. Ёлкиной.

БГАИМЗ, инв. № 1533, 1530, 1532, 1535, 1531, 1534, 1529.

Литература: Великий, 2013, с. 297.

364

365

366

367

368

369

370

371. Браслет пластинчатый, разомкнутый, украшенный изображением львиных морд. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Серебро, литьё,ковка, гравировка. Размеры: 9,65 x 1,3 x 0,1 см. Находка на Болгарском городище.

Львиные личины выгравированы по классической схеме. Рисунок типа №345. ½ браслета утрачена. Окончание браслета имеет сквозное отверстие.

БГИАМЗ, инв. №327-2/арх-141, су-4.

Литература: Великий, 2013, с. 297.

372. Браслет пластинчатый, разомкнутый, украшенный изображением львиных морд. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Серебро, литьё,ковка, гравировка. Размеры: 12 x 1,4 x 0,01 см; m=8,93 г. Находка на Болгарском городище. Близкий браслет №353 и №345. Разогнут.

БГИАМЗ, инв. №703-122, су-85.

Литература: Великий, 2013, с. 297.

373. Чаша полусферическая с инкрустацией серебром. Мавераннахр, Хорасан, XII – начало XIII вв. Находка на Болгарском городище: раскопки Красной палаты – общественной бани XIV в. Бронза, литьё,ковка, гравировка, инкрустация серебром. Высота 4,5 см, диаметр 11,7 см, диаметр максимального расширения тулова 12,5 см.

Сосуд с полусферическим дном и с чуть сужающимися стенками; срез венчика прямой. Чуть ниже него выпуклый рельефный валик. Под ним расположен орнаментальный пояс шириной 2 см. Здесь выгравирована надпись арабскими буквами почерком насх. Фон украшен растительным орнаментом. Буквы инкрустированы серебром. Верхняя часть букв «алиф» оформлена в виде человеческой головы. На широкой части изображено человеческое лицо. На серебре прорисованы узкие, чуть удлинённые глаза, намечен нос и одной линией обозначена причёска или край головного убора. Надпись сильно испорчена коррозией и не читается.

НМ РТ, инв. №3227; АА-44-29

Литература: Смирнов, 1958, с. 358, 359; Руденко, 2001а, рис. 1-1; 2006а, рис. 8-3.

374. Крышечка от чернильницы.

Иран, середина – вторая половина XII в. Подъемный материал на Болгарском городище 1982 г. Бронза, литьё, гравировка, инкрустация серебром. Диаметр 7,7 см; высота 4,6 см. Крышечка круглой формы, с вертикальным бортиком (высотой 1,3 см), к которому были приклепаны три (?) небольшие (2,3–2,1х1х0,5 см) петельки.

В центре крышечки отлито навершие в виде шатра. На верхней части крышечки имеются три картуша с арабской надписью почерком «наسخ» – «ал-изз ва-л-икбал ва-д-доулат * ва-с-саадат ва-с-саламат ва-р * рахмат ва-л-бака даим ли-сахибиhi» – «слава и счастье, и могущество, и преуспевание, и благополучие, и милосердие, и долгая продолжительность жизни владельцу сего» (чтение и перевод А. А. Иванова). Фон надписей заполнен стилизованными спиральными завитками, заканчивающимися бутоном. Контур картушей обведен медной проволокой. Между картушами с надписями размещены круглые медальоны с фигуркой «шагающей» птички. Внутренний контур обведен тонкой медной провололочкой. Тулово птицы с круглой головой, острым крылом, сложенным на тулове, небольшим хвостом и двумя лапками инкрустировано. Голова и ноги птицы инкрустированы серебряной проволокой, крыло – медью. Навершие также украшены. На бортике имеется рисунок движущихся друг за другом женщин-сфинксов в короне и мужчин-сфинксов с бородой в высокой длинной шапке.

БГИАМЗ, инв. № 329-62/арх-143.

Литература: Руденко, 2006б, с. 42-44, 97, цв. илл. 1; 2.

375. Чаша с инкрустацией серебром (фрагмент венчика). Место производства не определимо. Вторая половина XIII в. Найдена на Болгарском городище. Бронза, литьё, инкрустация серебром. Размеры: 3,6 x 3,4 см. Чаша полусферической формы, диаметром приблизительно 12,5 см.

Верхняя часть сосуда украшена орнаментальным поясом с гравированной благопожелательной надписью почерком насх. Фон надписи заполнен изображением стилизованного растительного побега.

НМ РТ, инв. № 7719-14/16; АА-44-5; коллекция А. Ф. Лихачёва.

Литература: Руденко, 2001а, рис. 7-3.

376. Чаша с инкрустацией серебром (фрагмент). Место производства не определимо. Вторая половина XIII в. Найдена на Болгарском городище. Бронза, литьё, инкрустация серебром. Размеры: 7,2 x 4 см.

Край украшен двумя орнаментальными полосами – стилизованной надписью и полосой из пересекающихся лент, образующих каплевидный орнамент. Рисунок почти полностью уничтожен коррозией.

НМ РТ, инв. № 7719-14/11; АА-44-9; коллекция А. Ф. Лихачёва.

Литература: Руденко, 2001а, рис. 7-7.

377. Чаша с инкрустацией серебром (фрагмент венчика). Место производства не определимо. Вторая половина XIII в. Найдена на Болгарском городище. Бронза, литьё, инкрустация серебром. Размеры: 4,2 x 4,5 см.

Чаша полусферической формы, с орнаментальной полоской со стилизованной арабской надписью, верхняя часть букв которой украшена серебряной инкрустацией, выполненной в виде человеческих голов. Надпись нечитаема. Поверхность фрагмента покрыта плотной патиной рыжеватого цвета.

НМ РТ, инв. № 7719-14/4; АА-44-5; коллекция А. Ф. Лихачёва.

Литература: Руденко, 2001а, рис. 7-4.

378. Основание подсвечника с серебряной инкрустацией. Иран, первая половина XIV в. Найдена на Болгарском городище у остатков Греческой палаты христианской церкви XIV в. Бронза, литьё, инкрустация серебром. Размеры: высота 18 см, диаметр 13,5 см.

Изделие усечённо-конической формы, украшенное несколькими рядами орнаментальных поясов, центральное место в которых занимает пояс из круглых медальонов с изображениями фантастических животных и людей.

НМ РТ, инв. № 5641; коллекция Н. Ф. Высоцкого.

Литература: Даркевич, 1975а, с. 237, 238, рис. 2; Искусство, 2001, с. 68, кат. № 64.

379. Кубок. Иран, начало XIV в. Найден у с. Пролей Каша Тетюшского уезда Казанской губернии (Тетюшский район РТ). Бронза, литьё, инкрустация серебром. Высота 12 см, диаметр 16,5 см.

Кубок полусферической формы на полом коническом поддоне. Стенки вертикальные, на 7 мм суженные в верхней части. Тулово сосуда украшено 4 рядами орнаментальных полос. Верхняя орнаментальная полоса высотой 3,1 см состоит из повторяющегося раппорта (зеркальная симметрия): буква алиф и растительный побег, дающий в целом форму цветка. Фон выбран резцом, рисунок дополнен инкрустацией серебром. Нижние части букв переплетаются друг с другом, создавая непрерывную линию орнамента. Вторая полоса состоит из 9 круглых картушей диаметром 6,5 см с выделенным центром из двух цветков и обрамляющего его побега лозы (?). Пространство между картушами заполнено рисунком стилизованного растительного побега. Фон выбран резцом. Кайма картушей, переплетаясь, образует единую орнаментальную композицию. Следующая полоса шириной 2,2 см аналогична верхней с той разницей, что буквы перевернуты, а центр раппорта оформлен в виде двух цветков. Нижняя полоса шириной 16 мм состоит из двух пересекающихся лент, образующих каплевидный рисунок (остриём вниз). Центральное поле «капель» инкрустировано серебром. Поддон чаши обломан. Поверхность сосуда покрыта тёмно-серой патиной.

НМ РТ, инв. № 5379; 12077; ОА-36-54; надпись на этикетке: *Пролей-Каша, Ia.*; коллекция ОАИЭ.

Литература: Руденко, 2001а, с. 105, 106, рис. 3; 5-А.

380. Кубок. Иран (?), конец XIII–XIV вв. Случайная находка на Болгарском (?) городище. Бронза, литьё, инкрустация серебром. Размеры: высота 13 см, диаметр 17,5 см.

Кубок полусферической формы с чуть суженным верхом, на полом коническом поддоне. Аналогичен № 379, отличается только орнаментами. Поддон у чаши обломан. Пatina на поверхности сосуда имеет золотисто-охристый цвет.

НМ РТ, инв. № 5379; коллекция ОАИЭ.

Литература: Руденко, 2001а, с. 105, 106, рис. 4; 5-Б; Искусство, 2001, с. 68, кат. 65.

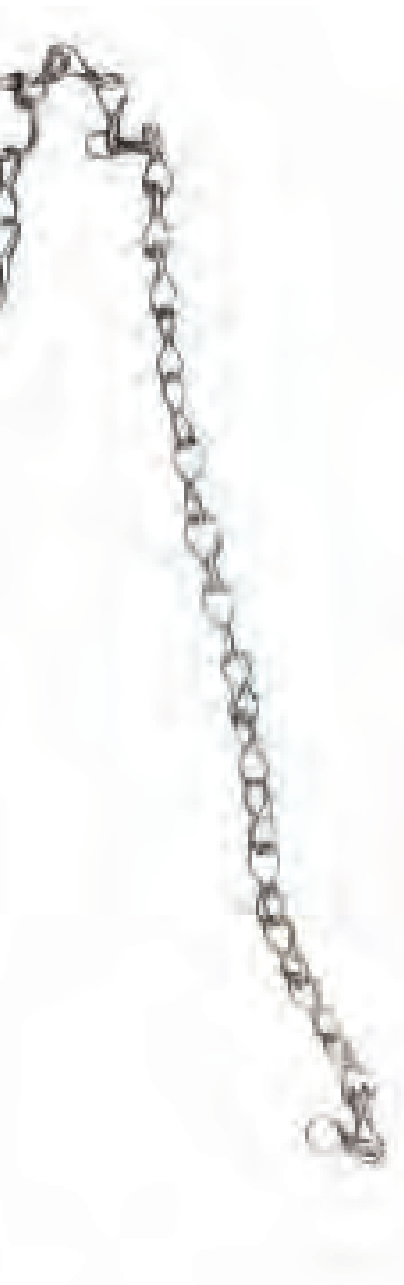
381. Цепочка с бусинами. Булгарский улус Золотой Орды, Биляр, середина – вторая – третья четверть XIII в. Найдена на Билярском городище или прилегающих селищах. Серебро, волочение, пайка, ковка, тиснение, скань, зернь, позолота. Размеры: 26 x 8,5 x 3 см.

Цепочка представляет собой замкнутый круг, разделённый соединительными колечками на отрезки разной длины. Самостоятельным элементом являлись крупные цилиндрические бусины, которые, вероятно, составляли своего рода ожерелье, поскольку с двух сторон у них были петельки, к которым крепились либо колечки, либо звенья цепочки. Бусины (7 экз.) представлены несколькими видами. Первый вид – бусины-подвески (2 экз.). Одна из них овально-вытянутая, небольшого размера: длина 1,4 см, диаметр 1 см. Сделана она из двух полусфер, соединённых узкой полоской, окантованных одинарными скаными проволочками и поясами зерни. На нижней полусфере имеются декоративные зерновые треугольники (диаметр 0,1 см), а венчает узор крупный шарик зерни. Вторая бусина имеет аналогичную конструкцию. Она чуть крупнее: длина 2,8 см, диаметр 1,8 см. Как и в предыдущем случае, верхняя полусфера не имеет зернового декора. На нижней полусфере имеются декоративные зерновые равнобедренные треугольники – большие (6 x 6 зёрен), чередующиеся с малыми (3 x 3 зерна). Второй вид – бусина как звено цепочки (5 экз.). Общий размер: длина 5,4 см (с петельками, без петелек длина – 4 см), диаметр 2,8 см. Бусина состоит из двух полусфер диаметром 2,8 см и высотой 1,8 см каждая. Они соединены между собой гладкой пластинкой шириной 0,6 см. Нижняя часть полусфер украшена орнаментальным пояском шириной 0,6 см, состоящим из 20 сканых колечек диаметром 0,4 см, внутреннее пространство которых просверлено. Основное поле полусфер украшено треугольниками зерни – 10 x 10 зёрен и 5 x 5 зёрен. Размер зёрен – 0,1 см. Общая высота бусины – 4 см, диаметр 2,8 см. Другие такие бусины и их фрагменты имеют небольшие вариации в размерах на несколько миллиметров, а также чуть большее количество зёрен в треугольниках. Половинки бусины соединяются с помощью длинной полоски, согнутой пополам.

НМ РТ, инв. № 5518, 159, су-201; надпись: Бил.121.

Литература: Руденко, 2013в, с.34–46, рис. 4.

382. Сюльгама двухлопастная. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, вторая половина XIV – начало XV вв. Была в составе Карашамского клада, найденного в 1950 г. в Зеленодольском районе РТ. Серебро, литьё,ковка, волочение, плетение, зернь, скань. Размеры: 10,7х2,9х0,6 см; m=10,5 г.

Лопаститрапецевидной формы, декорированы зернью. В нижней части лопастей прикреплены 4 цепочки из 9 звеньев (по две на каждой лопасти), к которым колечками прикреплены бипирамидальные грузики (1,9х0,6 см); две цепочки утрачены.

НМ РТ, инв. № 11449, су-172.

Литература: Калинин, Халиков, 1954, с. 116, рис. 37.

383. Заколка с фигуркой птицы. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, вторая половина XIV – начало XV вв. Была в составе Карашамского клада, найденного в 1950 г. в Зеленодольском районе РТ. Серебро, литьё,ковка. Размеры: 5,9х1,6х0,5 см; m=2,45 г. Стержень круглого сечения (диаметром 0,1 см, длиной 4 см) завершается позолоченной фигуркой птички (1,6х1,3 см). Она изображена с поднятыми крыльями и развёрнутым хвостом, по форме напоминающим топорик.

НМ РТ, инв. № 11434.

384. Заколка с фигуркой птицы. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, вторая половина XIV – начало XV вв. Была в составе Карашамского клада, найденного в 1950 г. в Зеленодольском районе РТ. Серебро, литьё,ковка. Размеры: 5,5х1,8х0,6 см; m=2,18 г. Аналогична №383. Стержень (длиной 4 см) отломан.

НМ РТ, инв. № 11435.

Литература: Калинин, Халиков, 1954, с. 116, рис. 37.

385. Заколка с фигуркой птицы. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, вторая половина XIV – начало XV вв. Была в составе Карашамского клада, найденного в 1950 г. в Зеленодольском районе РТ. Серебро, литьё,ковка,позолота. Размеры: 3,75х1,65х0,6 см; m=1,95 г. Аналогична №№383 и 384, только меньше размером.

НМ РТ, инв. № 11464.

Литература: Калинин, Халиков, 1954, с. 116, рис. 37.

386. Браслет пластинчатый, разомкнутый, украшенный изображением львиных морд. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Медь или серебро низкого качества,ковка,гравировка. Размеры: 6,1х5х2,1 см. Находка на Болгарском городище.

На окончаниях браслета пробиты сквозные отверстия.

НМ РТ, инв. № 2867; ЭО 356-8.

Литература: Руденко, 2006а, рис. 14-17.

387. Кольцо трёхбусинное, с филигранными напускными бусинами. Волжская Булгария, Биляр, XII – начало XIII вв. Золото (электр?), медь, тиснение, ковка, пайка, кручение, волочение, скань, зернь. Размеры: 4,9х1,8х3,7 см. Место находки не известно, поступило в 2001 г. от Д. И. Булыгина. Аналогично № 143, только без цепочек. У центральной напускной бусины имеются ушки для крепления подвесок.

ГМИИ РТ, инв. № П-3284.

Литература: Декоративно-прикладное, 2013, с. 10, 11.

388. Подвеска от украшения. Волжская Булгария, XII – начало XIII вв. Золото, тиснение, ковка, пайка, кручение, волочение, скань, зернь. Размеры: 3,1х1,6х1,5 см. Место находки не известно, поступило в 2001 г. от Д. И. Булыгина. Аналогичные подвески на височном кольце – кат. № 143.

Подвеска цилиндрической формы из двух спаянных тиснённых половинок. Шов маскировался двумя витками сканой проволоки, между которыми были припаяны крупные полые шарики зерни на основании из колечка сканой проволоки. Между колечками находятся зерновые шарики ($d=0,01$ см). Каждая из половинок бусины украшена пятью зерновыми треугольниками из 55 гранул. Вершины треугольников венчают ромбики из 4 гранул. При этом они отделены от вершин треугольников одной гранулой. В нижней части подвесок припаяны пирамидки из зерни диаметром 0,1 см, нижняя часть деформирована.

ГМИИ РТ, инв. № П-3283.

Литература: Декоративно-прикладное, 2013, с. 10, 11.

389–390. Привески в виде диска на цепочках. Волжская Булгария, Муромский городок или Булгар, XII – начало XIII вв. Золото, тиснение, ковка, пайка, кручение, волочение, скань, зернь. Размеры: диаметр 1,9 см; общая длина: 4,6 и 3,5 см. Место находки не известно, поступили в 2001 г. от Д. И. Булыгина. В центре дисков полусферические полые элементы (колпачки), украшенные 5 зерновыми треугольниками, завершающимися ромбиками (зернь $d=0,01$ см); наверху – пирамидка из 4 более крупных шариков зерни ($d=0,1$ см). По периметру диска напаяны две витых сканых проволоки (s-кручение), по внутреннему краю которых идёт пояс из мелкой зерни ($d=0,001$ см) в виде треугольников. К краю припаяно ушко из рифлёной золотой полоски.

ГМИИ РТ, инв. № П-3281; 3282.

Литература: Декоративно-прикладное, 2013, с. 10, 11.

391. Кольцо трёхбусинное, с напускными бусинами. Волжская Булгария, XI – начало XIII вв. Серебро, тиснение, ковка, пайка, кручение, волочение, скань. Размеры: 4,2 x 4,3 x 0,6 см. Место находки не известно. Все бусины (1,3 x 1,3 см) деформированы; у одной отсутствует верхняя половина.

Частная коллекция.

Публикуется впервые.

392. Подвеска в виде лягушки. Золотая Орда, Сарай или Булгар, вторая половина XIII – начало XV вв. Серебро, литьё. Размеры: 2,2 x 1,4 x 0,4 см. Случайная находка на Болгарском городище.

НМ РТ, инв. № 3073, надпись: *Бул[гар]*, 25.

Литература: Болгар, 1868, табл. VIII-8.

392а. Подвеска в виде лягушки. Золотая Орда, Сарай или Булгар, вторая половина XIII – начало XV вв. Серебро, литьё. Размеры: 1,65 x 1,1 x 0,5 см. Случайная находка на Болгарском городище.

НМ РТ, инв. № 5530.

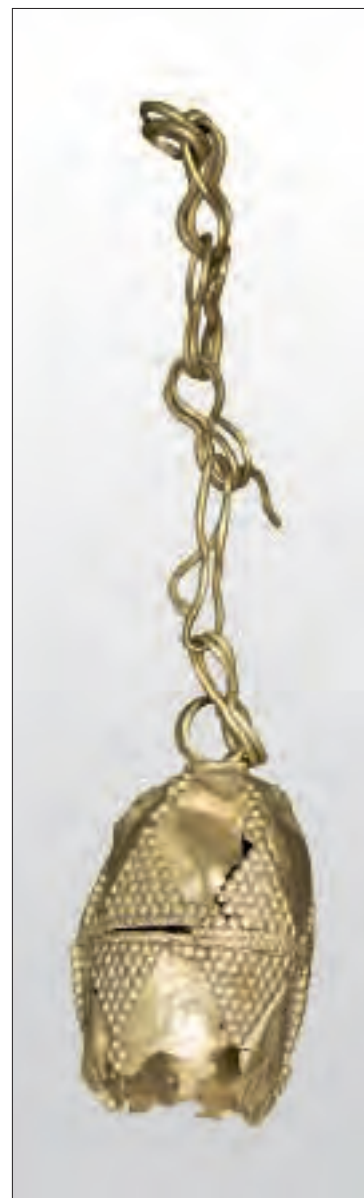
Публикуется впервые.

393. Подвеска от украшения. Волжская Булгария, XII – начало XIII вв. Серебро (электр), тиснение, ковка, пайка, кручение, волочение, скань, зернь. Размеры: 5,1 x 1,1 см. Место находки не известно. Подвеска цилиндрической формы из двух спаянных тиснённых половинок. Шов маскировался двумя витками сканой проволоки (s-кручение). Каждая из половинок бусины украшена пятью зерновыми треугольниками из 36 гранул. Вершины треугольников венчают два последовательно расположенных ромбика из 4 гранул. Нижняя часть утрачена. Сохранилось 5 звеньев цепочки.

НКЦ «Казань», инв. № 14956.

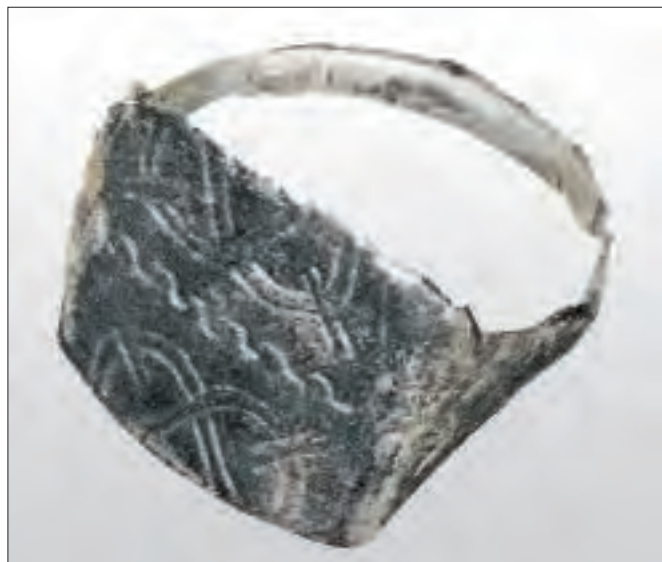
Литература: Сокровищница, 2012, с. 116, кат. № 70.

394. Перстень с орнаментом из линий и дуг, воспроизводящим мотив стилизованных растительных побегов в верхней и нижней частях щитка. Волжская Булгария, XIII в. Серебро, ковка, пайка, гравировка, чернение. Размеры: 1,7 x 1,8 x 1,7 см. Случайная находка в Алексеевском районе РТ.

НКЦ «Казань», инв. № 15931.

Литература: Сокровищница, 2012, с. 86, 338, кат. № 25.

395. Перстень с шатоном круглой формы со вставкой из лазурита. Византия или Поднепровье, XI в. Золото, выколотка, пайка, зернь, лазурит. Размеры: 0,7 x 0,9 x 1,7 см; m=1,54 г. Случайная находка на Измерском селище (Спасский район РТ). Каст цилиндрический, у основания декорирован зерновыми пирамидками из 3 шариков.

НКЦ «Казань», инв. № 930.

Литература: Сокровищница, 2012, с. 86, 338, кат. № 26.

396. Серьга в виде знака вопроса с привесками с жемчужинами. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Золото, жемчуг, стекло, волочение, ковка, навивка, штамповка. Размеры: 6,8 x 2,2 x 0,6 см. Находка на Болгарском городище. Стержень серёжки в нижней части загнут в виде фигурного крючка, на который надеты два проволоочных стерженька с навитой проволокой, заканчивающиеся двумя нанизанными жемчужинками, между которыми размещена стеклянная бусинка. Сканданая навивка в 15 оборотов имеется и на основном стержне у крючка.

НКЦ «Казань», инв. № 14197.

Литература: Сокровищница, 2012, с. 341, кат. № 73.

397. Сосуд горшковидной формы на поддоне с орнаментом на шейке и плечике. Согд (?), VIII–IX вв. Серебро, ковка, чеканка, гравировка. Высота 26 см; диаметр тулова 26 см, диаметр дна 13 см; m=1150 г. Находился в составе клада, найденного в Башкирии (?).

НКЦ «Казань», инв. № 13080, МС-12.

Литература: Сокровищница, 2012, с. 341, кат. № 68.

398. Блюдо с орнаментом на внутренней стороне. Согд (?), VIII–IX вв. Серебро, ковка, чеканка, гравировка. Высота 4,5 см; диаметр 24,3 см; m=450 г. Находился в составе клада, найденного в Башкирии (?). Венчик сосуда утолщён. В центре – медальон диаметром 14 см, в котором изображена сцена терзания орлом копытного животного. Внизу – растительный побег.

НКЦ «Казань», инв. № 13078, МС-10.

Литература: Сокровищница, 2012, с. 341, кат. № 67.

399. Котелок орнаментированный. Согд (?), вторая половина VIII–IX вв. Серебро, медь, олово, литьё, ковка, чеканка, гравировка. Высота 17,5 см; диаметр 19,6 см; m=650 г. Находился в составе клада, найденного в Башкирии (?).

НКЦ «Казань», инв. № 13079, МС-11.

Литература: Сокровищница, 2012, с. 341, кат. № 69.

400. Височное кольцо или серьга с одной напускной бусиной. Прикамье или Волжская Булгария, XI – первая половина XII вв. Серебро, тиснение, ковка, пайка, кручение, волочение, скань, зернь. Диаметр 3,6 см. Найдено при раскопках IV Елабужского могильника (раскоп VI, погр. № 1) под руководством А. З. Нигамаева.

ЕГИАХМЗ, инв. № 9256-59.

Литература: Нигамаев, 2005, рис. 75-20.

401. Перстень с растительным орнаментом. Золотая Орда, Булгар, XIV – начало XV вв. Серебро, литье, ковка, гравировка, чернение. Размеры: 2 x 1,8 x 0,7 см. Случайная находка на Лаишевском (Чакма) селище (Лаишевский район РТ). Щиток ромбической формы с шишечками по углам, декорирован рисунками в виде розетки в центре в ромбической рамке и стилизованными пальметтами и полупальметтами в пространстве между краями щитка и ромбом в центре. Контуры рисунка имеют следы чернения.

НКЦ «Казань», инв. № 13581-8.

Публикуется впервые.

402. Перстень с изображением птицы. Волжская Булгария, XI–XII вв. Серебро, ковка, пайка, гравировка, чернение. Размеры: 1,8 x 1,5 x 1,8 см. Случайная находка на Малополянском археологическом комплексе (Чистопольский район РТ).

НКЦ «Казань», инв. № 15463.

Публикуется впервые.

403. Перстень (щиток) с геометрическим орнаментом. Среднее Поволжье, XIII в. Серебро, ковка, пайка, гравировка, чернение. Размеры: 1,6 x 1,4 см. Случайная находка на Малополянском археологическом комплексе (Чистопольский район РТ).

Шинка утрачена.

НКЦ «Казань», инв. № 15460.

Публикуется впервые.

404. Перстень (щиток) с геометрическим орнаментом. Волжская Булгария, конец XII – первая половина XIII вв. Серебро,ковка, пайка, гравировка, чернение. Размеры: 1,5 x 1,4 см. Случайная находка на Малополянском археологическом комплексе (Чистопольский район РТ).

Схематическое изображение орнамента в виде растительного побега, напоминающего букву Z.

НКЦ «Казань», инв. № 15435.

Публикуется впервые.

405. Перстень (щиток) с геометрическим орнаментом. Среднее Поволжье, XIII в. Серебро,ковка, пайка, гравировка, чернение. Размеры: 1,3 x 1,1 см. Случайная находка на Малополянском археологическом комплексе (Чистопольский район РТ).

Схематическое изображение растительных побегов, симметрично расположенных в угловых секторах квадратного щитка. В центре образовалась ромбовидная фигура.

НКЦ «Казань», инв. № 15459.

Публикуется впервые.

406. Кольцо трёхбусинное, разомкнутое, с напускными бусинами. Волжская Булгария или Прикамье, XII–XIII вв. Серебро с примесями, медь, тиснение,ковка, пайка, волочение, скань, зернь. Размеры: 3,3 x 1,3 x 1,1 см. Место находки не известно.

Средняя напускная бусина утрачена. На правой бусине нижняя часть имеет следы ремонта.

НКЦ «Казань», экспозиция.

Публикуется впервые.

407. Серьга в виде знака вопроса. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Серебро, медь, волочение, ковка, литьё, навивка. Размеры: 3,8х0,9х0,35 см. Случайная находка 90-х гг. XX в. на Лаишевском (Чакма) селище (Лаишевский район РТ).

На медный стержень серьги, обтянутой золотой фольгой, в нижней части навита проволока. ½ серьги утрачена.

Частная коллекция.

Публикуется впервые.

408. Серьга в виде знака вопроса. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Медь, волочение, ковка, литьё, навивка. Размеры: 2,85х1,3х0,35 см. Случайная находка 90-х гг. XX в. на Лаишевском (Чакма) селище (Лаишевский район РТ).

На медный стержень серьги в нижней части навита проволока. Стержень заканчивается небольшой петелькой.

Частная коллекция.

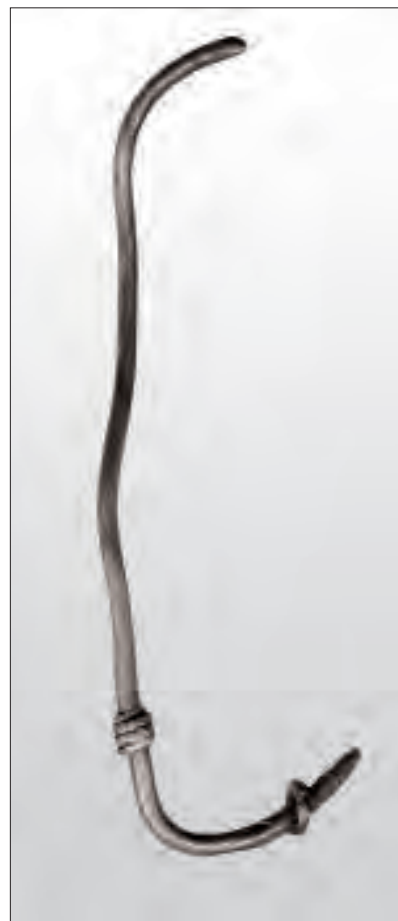
Публикуется впервые.

409. Кольцо (?) височное или серьга. Волжская Булгария, XII–XIII вв. Серебро, тиснение, ковка, пайка, волочение, скань. Размеры: 7,35х2,3х0,5 см. Случайная находка на Лаишевском (Чакма) селище (Лаишевский район РТ). Разогнута, детали утрачены.

Частная коллекция.

Литература: Руденко, 2003, с. 174, табл. 9-20.

410. Кольцо височное или серьга с напускными бусинами (фрагмент). Волжская Булгария, XII – начало XIII вв. Серебро, ковка, пайка, волочение, скань. Размеры: 1,6х1х0,35 см. Случайная находка на Лаишевском (Чакма) селище (Лаишевский район РТ).

½ изделия и детали утрачены.

Частная коллекция.

Литература: Руденко, 2003, с. 175, табл. 10-51.

411. Серьга в виде знака вопроса. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Серебро, волочение, ковка, литьё, навивка. Размеры: 3,2х1,8х0,5 см. Случайная находка на Болгарском городище.

На стержень серьги навита проволока. Стержень заканчивается небольшим крючком. Дужка серьги непропорционально крупная.

НМРТ, инв. № 7719, коллекция А. Ф. Лихачёва.

Публикуется впервые.

412. Серьга в виде знака вопроса. Булгарский улус Золотой Орды, Булгар, XIV в. Серебро, волочение, ковка, литьё, навивка. Размеры: 3,2х1,8х0,5 см. Случайная находка на Болгарском (?) городище.

На стержень серьги плотно навита проволока.

НМРТ, б.ш.

Публикуется впервые.

413. Перстень с орнаментом из стилизованных растительных побегов в верхней и нижней частях щитка. Волжская Булгария, Биляр (?), XII – начало XIII вв. Серебро, ковка, пайка, гравировка, чернение. Размеры: 2,2х2,4х2,2 см. Случайная находка на Билярском городище.

Поверхность перстня сильно потёрта.

БГИАПМЗ.

Публикуется впервые.

414. Перстень с орнаментом в виде стилизованного растительного побега в виде буквы Z. Волжская Булгария, Биляр (?), XII – начало XIII вв. Серебро, ковка, пайка, гравировка, чернение. Размеры: 1,9х1,8х1,8 см. Случайная находка на Билярском городище.

Чернь почти полностью утрачена. Шинка сломана.

БГИАПМЗ.

Публикуется впервые.

ПРИЛОЖЕНИЯ

- Абдуллаев Т.А., Фахретдинова Д.А., Хакимов А.А. Песнь в металле. Народное искусство Узбекистана. Ташкент: Изд-во литературы и искусства им. Г.Гуляма, 1986. 252 с.
- Адамов А.А. Археологические памятники города Тобольска и его окрестностей. Тобольск-Омск: ОмГПУ, 2000. 95 с.
- Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X–XVI вв. Тобольск-Омск: ОмГПУ, 2000а. 256 с.
- Адамова А.Т. Персидская живопись и рисунок XV–XIX веков в собрании Эрмитажа. Каталог выставки. СПб.: АО «Славия», 1996. 376 с.
- АКТ. Археологическая карта Татарской АССР. Предволжье. Казань: КФ АН СССР, 1985. 116 с.
- Ал Гарнати Абу Хамид. Путешествие Абу Хаида ал Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1151). М.: Наука, 1971. 136 с.
- Албегова З.Х., Верещинский-Байбалов Л.И. Раннесредневековый могильник Мамисондон. Результаты археологических исследований 2007–2008 гг. в зоне строительства водохранилища Зарамагских ГЭС: МОАИ. Т.11. М.: ООО «ТАУС», 2010. 492 с.
- Алихова А.Е. Старосотенский могильник // АСб. Т.1. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1948. С. 212–258.
- Алихова А.Е. Муранский могильник и селище // МИА. 1954. №42. С. 259–301.
- Алихова А.Е. Эрзянский могильник XIV века у с.Гагино // Алихова А.Е., Жиганов М.Ф., Степанов П.Д. Из древней и средневековой истории мордовского народа: АСб. Т.II. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1959. С. 169–194.
- Альбанезе М. Древняя Индия. От возникновения до XIII в. М.: «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. 296 с.
- Армарчук Е.А., Сорокина И.А. Богатое средневековое погребение воина-всадника в Западном Закубанье // Средневековые древности Евразийских степей: АВЛ. Вып.15. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2001. С. 195–209.
- Арне Т.Й. Культура Западной Сибири 1000 лет назад // Барсова гора: 110 лет археологических исследований. Сургут: МУ ИКНПЦ «Барсова гора», 2002. С. 86–96.
- Артамонова О.А. Могильник Саркела-Белой Вежи // МИА. 1963. №109: ТВДАЭ. Т. III. С. 9–215.
- Археологические исследования на территории города Самары. Раскопки В.Н.Глазова и В.А.Миллера на Барбашинском могильнике / Составитель, автор предисловия и примечаний Д.А.Сташенков. Самара: СОИКМ, 2011. 96 с.
- Археологические исследования 2010 г.: Болгар и Свияжск / Составители: Р.Р.Валиев, А.Г.Ситдилов, З.Г.Шакиров. Казань: ИИ АН РТ, 2011. 36 с.
- Археологические памятники Самары / Составители: Д.А.Сташенков, А.Ф.Кочкина. Самара: СОИКМ, 2012. 160 с.
- Архитектура в исламском искусстве. Сокровища коллекции Ага-хана: Каталог выставки. СПб.: Изд-во ГЭ, 2011. 248 с.
- Асташова Н.И. Ювелирное ремесло и изделия из цветного металла средневекового Смоленска. Проблемы археологии Евразии (по материалам ГИМ): ТГИМ. Вып.74. М.: ГИМ, 1990. С. 93–101.
- Атлас к трудам IV АС. Казань, 1889. XVI табл.
- Ахмедов Г.М. Азербайджан в IX–XIII вв. // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII века: Археология. М.: Наука, 2003. С. 367–481.
- Ахраров И.А., Ремпель Л.И. Резной штук Афросиаба. Ташкент: Изд-во литературы и искусства им. Г.Гуляма, 1971. 160 с.
- Аширафи М.М. К вопросу о среднеазиатско-индийских связях в живописи древности и средневековья // Древние культуры Средней Азии и Индии. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1984. С. 164–171.
- Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Zubov C.Э. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара: «Полдень XXII век», «Артефакт», 1998. 286 с.
- Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Керамика средневекового Отрара. Альбом. Алма-Ата: Изд-во «Онер», 1990. 212 с.
- Баранов В.С. Клад медной посуды из Болгар // ТА. 2001. №1–2 (8–9). С. 75–103.
- Бауло А.В. Культовая атрибутика березовских хантов. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2002. 92 с.
- Бауло А.В. Сасанидское серебряное блюдо с р. Сыня // АЭАЕ. 2002. №1. С. 142–148.
- Бауло А.В. Атрибутика и миф: металл в обрядах обских угров. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2004. 160 с.
- Бауло А.В. Средневековые изделия из серебра на севере Западной Сибири: новые находки // АЭАЕ. 2007. №1. С.145–150.
- Бауло А.В. «Тобольское серебро» в обрядах вогулов и остяков. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2009. 176 с.
- Бауло А.В. Древняя бронза из этнографических комплексов и случайных сборов. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2011. 260 с.
- Бауло А.В. Без лица: серебряная бляха с восточных склонов Урала // АЭАЕ. 2013. №4 (56). С. 123–128.
- Белавин А.М. О своеобразии ювелирной продукции Волжской Булгарии X–XIII вв. // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1992. С. 142–147.

- Белавин А. М. Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь, 2000. 200 с.
- Белавин А. М. Бляхи с «охотничьим» сюжетом из Верхнего Прикамья // АЭСР. Вып. 1. Березники, 2001. С. 116–122.
- Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2008. 218 с.
- Белецкий С. В. Наследование лично-родовых знаков князями Рюриковичами в X–XI вв. // Общество, экономика, культура и искусство славян: ТМКСА-VI. Т. 4. М.: Эдиториал УРСС, 1998. С. 195–205.
- Белицер В. Н. Мордовские сюльгамы // СА. 1977. № 2. С. 193–200.
- Белорыбкин Г. Н. Золотаревское поселение. СПб., 2001. 198 с.
- Беляев С. А. Корсунские двери Новгородского Софийского собора // Древняя Русь и славяне. М.: Наука, 1978. С. 300–310.
- Бируни Абу Рейхан. Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия) / Пер. А. М. Беленицкого. Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 526 с.
- Богачев А. В., Вязов Л. А., Гасилин В. В., Мышкин В. Н., Серых Д. В. Кармалинское городище // Средневековье. Великое переселение народов (по материалам археологических памятников Самарской области) / Отв. ред. А. В. Богачёв. Самара: СООО «САО», МК Самарской области, 2013. С. 119–163.
- Богораз В. Г. Чукчи: материальная культура. 3-е изд. М.: Книжный двор «ЛИБРОКОМ», 2012. 264 с.
- Болтаев М. Н. Абу Али ибн Сина – великий мыслитель, ученый энциклопедист средневекового Востока. М.: Сампо, 2002. 400 с.
- Бочаров Г. Н. Художественный металл Древней Руси. М.: Наука, 1984. 243 с.
- Бреполь Э. Теория и практика ювелирного дела / Пер. с нем.; под ред. Л. А. Гутова и Г. Т. Оболдуева. 4-е изд., стереотип. Л.: Машиностроение, 1982. 384 с.
- Бронзовый век: Европа без границ. IV–I тыс. до н. э. Каталог выставки. СПб.: Изд-во «Чистый лист», 2013. 648 с.
- Бугров Д. Г. Об одном раннесредневековом комплексе из коллекции А. Ф. Лихачёва в фондах Национального музея РТ // Взаимодействие народов Евразии в эпоху Великого переселения народов. Ижевск: Изд-во УдГУ, 2006. С. 261–269.
- Бузыкина Ю. Н., Трубицын К. В. Всадники на русских иконах. Можно ли доверять древним образам? // Батыр. 2012. № 102 (4–5): Традиционная военная культура народов Евразии. С. 82–101.
- Булатов М. С. Геометрическая гармонизация в архитектуре Средней Азии IX–XV вв. (историко-теоретическое исследование). 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1988. 364 с.
- Булатов Н. М. Антропоморфные и зооморфные сюжеты в керамике Золотой Орды // Поволжье и сопредельные территории в средние века: ТГИМ. Вып. 135. М., 2002. С. 37–49.
- Болгар, 1868. Город Булгар. Археологические находки. Таблицы. [М.]: Литография К. А. Тилли, 1868. 31 табл.
- Bulgarica. Время и пространство Болгарской цивилизации: Атлас. М.: Изд-во «Феория»; Казань, 2012. 472 с.
- Буркхардт Т. Искусство ислама. Язык и значение. Таганрог: Изд-во «Ирби», 2009. 288 с.
- Бусятская Н. Н. Стекланные изделия городов Поволжья (XIII–XIV вв.) // Средневековые памятники Поволжья. М.: Наука, 1976. С. 38–72.
- Валеев Ф. Х. Орнамент казанских татар. Казань: Татар. кн. изд-во, 1969. 204 с.
- Валеев Ф. Х. Древнее и средневековое искусство Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1975. 216 с.
- Валеев Ф. Х., Валеева-Сулейманова Г. Ф. Древнее искусство Татарии. Казань: Татар. кн. изд-во, 1987. 204 с.
- Валеева Д. К. Искусство волжских булгар (X – начало XIII вв.). Казань: Татар. кн. изд-во, 1983. 132 с.
- Валеева Д. К. Искусство волжских булгар периода Золотой Орды (XIII–XV вв.). Казань: Изд-во «Фикер», 2003. С. 240.
- Валеева-Сулейманова Г. Ф. К вопросу о генезисе золотоордынских браслетов с зооморфными изображениями // ТС. 2001 (2002). С. 187–197.
- Валиулина С. И. Балынгузское (Торецкое) III селище и проблема преемственности городской культуры в округе Билярского городища в золотоордынский период // ТА. 2004. № 1–2 (12–13). С. 157–191.
- Валиулина С. И. Стекло Волжской Булгарии (по материалам Билярского городища). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2005. 280 с.
- Варваровский Ю. Е. Улус Джучи в 60–70-е годы XIV века. Казань: ИИ им. Ш. Марджани, 2008. 128 с.
- Варфоломеева Т. С. Средневековые кожаные кошельки // ННЗИА МНК. Вып. 11. Новгород: НГОМЗ, 1997. С. 105–114.
- Васильев Д. В. Женское захоронение в сырцовом мавзолее золотоордынского времени // ДВДС. Вып. 6. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1998. С. 101–112.
- Васильева И. Н. Погребения средневековых кочевников на территории Куйбышевской области // Древняя история Поволжья. Труды КГПУ. Т. 230. Куйбышев: Изд-во КГПУ, 1979. С. 202–240.
- Васильева И. Н. Археологические исследования на Сухореченском поселении в 1979 и 1981 гг. // Средневековье. Великое переселение народов (по материалам археологических памятников Самарской области). Самара: СООО «САО», 2013. С. 187–235.
- Васин А. Г. Канаевский клад // ПАС. Вып. 3. Пенза: ПИРО, 2010. С. 299–305.
- Веймарн Б. В. Классическое искусство стран Ислама: ПМИ. М.: Издательский дом «Искусство», 2002. 496 с.

Великий Болгар. М.-Казань: Изд-во «Феория», 2013. 404 с.

Веселовский Н.И. Гератский бронзовый котелок 559 года гиджры (1163 по Р.Х.): МАР. 1910. №33. 24 с., VIII табл.

Викторова В.Д. Древние угры в лесах Урала (страницы ранней истории манси). Екатеринбург: Изд-во «КВАДРАТ», 2008. 208 с.

Винничек В.А. Второй комплекс серебряных монет и украшений с Никольского селища // Поволжские финны и их соседи в эпоху средневековья. Проблемы хронологии и этнической истории: ТД II межрегиональной научной конференции. Саранск, 2003. С. 47–50.

Винничек В.А., Киреева К.М. Торговля в Верхнем Посурье и Примокшанье в XI–XIV вв. Пенза: ГАОУ ДПО ПИРО, 2012. 149 с.

Виноградский Б.Б. Избранные лекции и переводы. Китайские благопожелательные орнаменты. М.: Изд-во «Гермитаж-Пресс», 2004. 64 с.

Вишневская Н.Ю. Ремесленные изделия Джигербента (IV в. до н.э. начало XIII в. н.э.). М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. 175 с.

Владимиров Г.В. Серьги в виде знака вопроса из Дунайской Болгарии (XIII–XIV вв.): происхождение и ареал распространения // ПА. 2014. №1. С. 223–232.

Власкин М.В., Гармашов А.И., Додэ З.В., Науменко С.А. Погребения знати золотоордынского времени в междуречье Дона и Сала: МИИХНСК. Вып. VI. М.: Памятники исторической мысли, 2006. 232 с.

Во дворцах и шатрах. Исламский мир от Китая до Европы. Каталог выставки. ГЭ. СПб.: Изд-во ГЭ, 2008. 432 с.

Волжская Булгария и Великая степь: ИТ. Т. II. Казань: Изд-во «РухИЛ», 2006. 960 с.

Волков И.В. Золотоордынские браслеты с надписями // Новоухарьковский могильник эпохи Золотой Орды. Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 2002. С. 106–110.

Воронина Р.Ф. Лядинские древности: из истории мордвы-мокши: конец IX – начало XI века. По материалам Цнинской археологической экспедиции 1983–1985 гг. М.: Наука, 2007. 164 с.

Ворсо И.И.А. Северные древности Королевского музея в Копенгагене. СПб.: Издание ИАН, 1861. 200 с.

Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: Хозяйство, материальная культура. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. 523 с.

Выставка болгарских древностей (По исследовательским материалам революционного периода). Казань: Изд-во ДТК, 1929. 76 с.

Гаврилина Л.М. Бляхи-решмы в украшениях узды у кочевников Восточной Европы X–XI веков // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара: ИКА «Артефакт», 1993. С. 77–85.

Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст: РСМАСС. Вып. 3. М.: РАН, 1996. 296 с.

Гарустович Г.Н. К вопросу о культурных связях населения Южного Урала с Ираном в эпоху средневековья // УАВ. 2008. Вып. 8. С. 102–113.

Гарустович Г.Н. След Великой Замятни (Местонахождение XIV века у деревни Брик-Алга). Уфа: Изд-во «Гилем», 2012. 222 с.

Гарустович Г.Н., Валиуллин Г.Ф. К вопросу о культурных связях населения Южного Урала с Ираном в эпоху средневековья // УАВ. 2008. №8. С. 102–113.

Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф. Средневековые кочевники Поволжья (конца IX – начала XV века). Уфа: Изд-во «Гилем», 1998. 336 с.

Гасимов О.Р. Оружие в собрании Национального музея Республики Татарстан. Казань: Изд-во «Заман», 2003. 160 с.

Гемуев И.Н., Бауло А.В. Небесный всадник. Жертвенные покрывала манси и хантов. Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2001. 160 с.

Генинг В.Ф. Романовский клад // КСИИМК. 1956. Вып. 62. С. 159–162.

Генинг В.Ф. Тураевский курганный могильник в Нижнем Прикамье // Второе УАС (при Уральском университете). Итоги полевых исследований на Урале в 1960 г.: ВАУ. – Вып. 2. Свердловск, 1962. С. 72–80.

Генинг В.Ф. Древнеудмуртский могильник Мыдлань-Шай // ВАУ. 1962. Вып. 3. 140 с., XVI табл.

Генинг В.Ф., Стоянов В.Е., Хлебникова Т.А., Вайнер И.С., Казаков Е.П., Валеев Р.К. Археологические памятники у села Рождествено. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1962. 128 с.

Генинг В.Ф., Халиков А.Х. Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). М.: Наука, 1964. 200 с.

Гладкая М.С. Каталог белокаменной резьбы Дмитриевского собора во Владимире: восточный фасад. ДСВМИ. Вып. 6. М.: Изд-во «Индрик», 2009. 396 с.

Гоголев А.И. Археологические памятники Якутии позднего средневековья (XIV–XVIII вв.). Иркутск: Изд-во Иркутск. ун-та, 1990. 192 с.

Голдина Е.В. Бусы могильников неволинской культуры (конец IV – IX в.): МИКВАЭ. Т. 6. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 2010. 264 с.

Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск: Изд-во Иркутск. ун-та, 1985. 280 с.

Голдина Р.Д. Неволинский могильник VII–IX вв. в Пермском Предуралье: МИКВАЭ. Т. 21. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 2012. 472 с.

Голдина Р.Д., Бернц В.А. Тураевский I могильник – уникальный памятник эпохи Великого переселения народов в Среднем Прикамье (бескурганная часть): МИКВАЭ. Т. 17. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 2010. 499 с.

- Голдина Р.Д., Королёва О.П. Бусы средневековых могильников Верхнего Прикамья // Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху. Ижевск, 1983. С. 40–72.
- Голдина Р.Д., Пастушенко И.Ю., Черных Е.М. Бартымский комплекс памятников эпохи средневековья в Сылвенском поречье: МИКВАЭ. Т. 13. Ижевск-Пермь: Изд-во Удм. ун-та, 2011. 340 с.
- Голдина Р.Д., Перевозчикова С.А. О датировке и хронологии Верх-Сайнского могильника неволинской культуры (VI – начало IX в. н.э.) // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н.э. XV в. н.э.): хронологическая атрибуция: МИКВАЭ. Т. 25. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2012. С. 321–375.
- Голдина Р.Д., Лецинская Н.А., Черных Е.М., Бернц В.А. Наследие народов Прикамья. Древности Прикамья из собрания Удмуртского государственного университета. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 2007. 196 с.
- Головчанский Г.П., Мельничук А.Ф., Скорнякова С.В. Лёкмартовский клад средневековых изделий в Северном Прикамье // Культурные связи населения Европейского Северо-Востока в древности и средневековье: МАЕСВ. Вып. 18. Сыктывкар: КНЦ УрО РАН, 2013. С. 133–143.
- Гольмстен В.В. Лунницы Исторического музея // Отчёт Российского Исторического музея за 1913 г. М., 1914 (отд. оттиск). С. 1–20.
- Горбунова Т.Г. Реконструкция конского снаряжения средневековых кочевников Алтая: методика и некоторые результаты. Барнаул: Изд-во «Азбука», 2010. 136 с.
- Горбунова Т.Г., Тишкин А.А., Хаврин С.В. Средневековые украшения конского снаряжения на Алтае: морфологический анализ, технологии изготовления, состав сплавов. Барнаул: Изд-во «Азбука», 2009. 144 с.
- Горбунова Т.Г. Реконструкция конского снаряжения средневековых кочевников Алтая: Методика и некоторые результаты. Барнаул: Изд-во «Азбука», 2010. 136 с.
- Городцов В.А. Симбирский древний топорик // ТГИМ. Вып. 1. Разряд археологический. М., 1926. С. 136–148.
- Горюнова В.М., Овсянников О.В. Клад конца X – начала XIII вв. в устье р. Варзуги (Терский берег Кольского полуострова) // Ладога и её соседи в эпоху средневековья. СПб.: ИИМК РАН, 2002. С. 211–220.
- Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и её падение. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 478 с.
- Григорьев А.В. На Десне и Сейме, в верховьях Дона и Оки // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. М.-Вологда: «Древности Севера», 2012. С. 367–379.
- Григорьев В.В., Руденко К.А., Егоров В.Л. Ювелирные изделия с Селитренного городища // Археология Восточноевропейской лесостепи. ВНК. Пенза, 2003. С. 507–512.
- Гришин Ю.С. Древняя добыча меди и олова. М.: Наука, 1980. 136 с.
- Грюнебаум Г.Э. фон. Классический ислам. Очерк истории (600–1258). М.: Гл. ред. вост. лит-ры изд-ва «Наука», 1988. 216 с.
- Гутнова С.В., Зотова Е.Я. Кресты, иконы, складни. Медное художественное литьё XI – начала XX века. Из собрания Центрального музея древнерусской культуры и искусства им. А. Рублёва. Альбом. М.: Интербук-бизнес, 2000. 136 с.
- Гущин А.С. Памятники художественного ремесла Древней Руси X–XIII вв. Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1936. 115 с.
- Гюзальян Л.Т. Палеоэпиграфические материалы из раскопок Орен-калы // Средневековые памятники Азербайджана. ТААЭ. Т. III: МИА. 1965. № 133. С. 56–89.
- Давлетишин Г.М. Волжская Булгария: духовная культура. Казань, 1990. 192 с.
- Данич А.В. Охранные исследования Бояновского могильника // ТКАЭЭ. 2008. Вып. V. С. 45–53.
- Даркевич В.П. Светское искусство Византии. Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе X–XIII века. М.: Искусство, 1975. 350 с.
- Даркевич В.П. Медные и бронзовые изделия из Волжской Болгарии (XIII–XIV века) // СА. 1975а. № 2. С. 232–243.
- Даркевич В.П. Художественный металл Востока VIII–XIII вв.: произведения восточной торевтики на территории европейской части СССР и Зауралья. М.: Наука, 1976. 198 с.
- Даркевич В.П., Фролов В.П. Старорязанский клад 1974 г. // Древняя Русь и славяне. М.: Наука, 1978. С. 342–352.
- Даркевич В.П., Борисевич Г.В. Древняя столица Рязанской земли: XI–XIII вв. М.: Изд-во «Кругъ», 1995. 448 с.
- Даркевич В.П., Монгайт А.Л. Клад из Старой Рязани. М.: Наука, 1978. 40 с.
- Де Моран А. История декоративно-прикладного искусства. М.: Искусство, 1982. 577 с.
- Декоративно-прикладное искусство Татарстана [собрание ГМИИ РТ]. Казань: Изд-во «Заман», 2013. 112 с.
- Денике Б.П. Архитектурный орнамент Средней Азии. М.-Л.: Изд-во Всесоюзной академии архитектуры, 1939. 228 с.
- Доде З.В. Средневековый костюм народов Северного Кавказа. Очерки истории. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. 136 с.
- Доде З.В. Кубачинские рельефы. Новый взгляд на древние камни: МИИКНСК. Вып. X. М.: Памятники исторической мысли; Ставрополь: Наследие, 2010. 248 с.
- Доминак А.В. Свидетельства утраченных времён: человек и мир в пермском зверином стиле. Пермь: Книжный мир, 2010. 152 с.
- Дончева М. Римски накити от Варна и Варненско. Варна: Славена, 2003. 25 с.

Древнее искусство. Памятники палеолита, неолита, бронзового и железного веков на территории СССР. Собрание ГЭ. Л.: Изд-во «Аврора», 1974. 196 с.

Древняя Русь и славяне. М.: Наука, 1978. 448 с.

Дружинина И.П., Чхаидзе В.Н., Нарожный Е.И. Средневековые кочевники в Восточном Приазовье. Армавир-М.: ЦАИ АПА, 2010. 266 с.

Дучко В. Славянские ювелирные изделия с зернью и филигранью в Скандинавии эпохи викингов // Труды V МКСА. Т. III. Вып. 1а. М.: ИА АН СССР, 1987. С. 77–86.

Евлевский А.В., Кульбака В.К. Грунтовый могильник золотоордынского времени в Ляпинской Балке из Северо-Восточного Приазовья // СКЭС. Т. 3: Половецко-золотоордынское время. Донецк: ДонГУ, 2003. С. 363–404.

Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. Изд. 3-е. М.: КРАСАНД, 2010. 248 с.

Егоров В.Л., Полубояринова М.Д. Археологические исследования Водянского городища в 1967–1971 гг. // Города Поволжья в Средние века. М.: Наука, 1974. С. 39–79.

Егоров В.Л., Руденко К.А., Григорьев В.В. Ювелирные изделия с Селитренного городища // Археология Восточноевропейской лесостепи: МВНК. Пенза: ПГПУ, 2003. С. 507–512.

Ельников М.В. Памятники периода Золотой Орды Нижнего Поднепровья: история изучения, итоги и перспективы // ТА. 2001. № 1–2 (8–9). С. 142–187.

Ельников М.В. Браслеты «булгарского типа» з поховань могильника Мамай-Сурка // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. Т. X. Запоріжжя, 2002. С. 252–258.

Ельников М.В. Грунтовый кочевнический могильник Мамай-Гора XIV в. из Нижнего Поднепровья // ТА. 2004. № 1–2 (12–13). С. 86–110.

Ельников М.В. Средневековый могильник Мамай-Сурка (по материалам исследований 1993–1994 гг.) Т. II. Запорожье: ЗНУ, 2006. 356 с.

Ениосова Н.В., Сарачева Т.Г. Средневековое ювелирное ремесло Европы: основные аспекты в истории изучения // Древности Евразии. М., 1997. С. 286–315.

Ениосова Н.В., Мурашова В.В. Технология производства гнёздовской ременной гарнитуры // ТГИМ. Вып. 96. М.: Изд-во ГИМ, 1998. С. 43–51.

Ениосова Н.В., Сарачева Т.Г. «От грек злато... из Чех же, из Угорь сребро» (Пути поступления ювелирного сырья на Север и Юг Древней Руси в IX–XI вв.) // Русь в IX–XIV веках. Взаимодействие Севера и Юга. М.: Наука, 2005. С. 11–19.

Еремеев И.И. Полоцкая земля // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама. М.-Вологда: Изд-во «Древности Севера», 2012. С. 275–297.

Ефимов К.Ю. Золотоордынские погребения из могильника «Олень-Колодезь» // ДА. 1999. № 2–4. С. 93–108.

Ефимова А.М. Бутаевский клад ювелирных изделий волжских болгар // СА. 1960. № 3. С. 195–202.

Жилина Н.В. Славяно-русская филигрань VIII–X вв. // Мастера средневековья. Stratum+. 2005. № 5. С. 21–170.

Жилина Н.В. Зернь и скань Древней Руси. М.: ИА РАН, 2010. 260 с.

Жилина Н.В., Макарова Т.И. Древнерусский драгоценный убор – сплав влияний и традиций. IX–XIII вв.: Художественные стили и ремесленные школы. М.: ИА РАН, 2008. 296 с.

Зайцева И.Е. Традиции Северной и Южной Руси в ювелирном деле Серенска // Русь в IX–XIV веках. Взаимодействие Севера и Юга. М.: Наука, 2005. С. 145–152.

Зайцева И.Е. Каменные литейные формы Серенска // АП: МНС. Вып. 4. М.: ИА РАН, 2008. С. 152–160.

Зайцева И.Е. Изделия из цветных металлов и серебра // АСРД. Т. 2: Материальная культура и хронология. М.: Наука, 2008а. С. 57–142.

Зайцева И.Е., Сарачева Т.Г. Ювелирное дело «Земли вятичей» во второй половине XI–XIII вв. М.: Изд-во «Индрик», 2011. 404 с.

Закиров С. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII–XIV вв.). М.: Наука, 1966. 160 с.

Залеская В.Н. Государственный Эрмитаж. Памятники византийского прикладного искусства IV–VII веков. Каталог коллекции. СПб.: Изд-во ГЭ, 2006. 272 с.

Захарова Е.П. Женский костюм и его детали по материалам Мякининского курганного могильника // АП: МНС. Вып. 5. М.: ИА РАН, 2009. С. 163–169.

Золотая Орда. История и культура. Каталог выставки. СПб.: Славия, 2005; Изд-во «Феникс», 2006. 347 с.

Зыков А.П., Кокшаров С.Ф. Эсский остров: из предыстории русского «взятия Сибири» // Родина. 2002. № 6. С. 36–39.

Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Терехова Л.М., Фёдорова Н.В. Угорское наследие. Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета. Екатеринбург, 1994. 120 с.

Ибн-Сина. Даниш-намэ. Книга знания. Сталинабад: Тадж. гос. изд-во, 1957. 288 с.

Иванов А.А. Художественная бронза Ближнего и Среднего Востока (VII–XX вв.) // СГЭ. Вып. XXX. Л.: Изд-во ГЭ, 1969. С. 31–36.

Иванов А.А. Бронзовая чаша из Хунзаха // Художественные памятники и проблемы культуры Востока. Л., 1985. С. 181–187.

Иванов А.А., Луконин В.Г., Смесола Л.С. Ювелирные изделия Востока. Древний, средневековый периоды. Коллекция Особой кладовой отдела Востока ГЭ. М.: Искусство, 1984. 216 с.

Иванов А.Г. Качкашурский могильник IX–XIII вв. в бассейне р. Чепцы // Материалы по погребальному обряду удмуртов. Ижевск: УдНИИЯЛ УрО АН СССР, 1990. С. 140–180.

- Иванов А. Г.* Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья (конец V – первая половина XIII в.). Ижевск, 1998. 309 с.
- Иванов П. П.* Материалы по истории мордвы VII–XI вв. Дневник археологических раскопок П. П. Иванова: Крюково-кужновский могильник. Моршанск, 1952. 232 с.
- Иванов П. П.* Материальная культура Средне-Цинской мордвы VIII–XI вв. (По материалам раскопок П. П. Иванова за 1927–1928 гг.): АС. Т. III / Науч. обработка и введение А. Е. Алиховой. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1969. 176 с.
- Иванова М. Г.* Культурные и торговые связи северных удмуртов в X – начале XIII в. // СА. 1974. № 4. С. 125–134.
- Иванова М. Г.* Погребальные памятники северных удмуртов XI–XIII вв. Ижевск: УДИИЯЛ УрО РАН, 1992. 184 с.
- Иванова М. Г., Куликов К. И.* Древнее искусство Удмуртии: Альбом. Ижевск: УДИИЯЛИ УрО РАН, 2000. 216 с.
- Иерусалимская А. А.* Мошевая Балка: необычный археологический памятник на Северокавказском шелковом пути. СПб.: Изд-во ГЭ, 2012. 384 с.
- Из истории физико-математических наук на средневековом Востоке.* Трактаты ал-Хазини, ал-Бируни, Ибн ал-Хусайна, аш-Ширази: НН. Т. 6. М.: Наука, 1983. 336 с.
- Ильин А. А.* Топография кладов серебряных и золотых слитков: ТрНК. Вып. I. Пг.: Государственное изд-во, 1921. 62 с.
- Ильюков Л. С., Казакова Л. М.* Курганы Миусского полуострова. Ростов н/Дону: Изд-во ун-та, 1988. 168 с.
- Ильясов Дж. Я.* Средневековые ступки с городища Будрач // Вестник шёлкового пути: археологические источники. Вып. 1. М.: Рос. Фонд культуры: Центр «Шёлковый путь», 1993. С. 135–155.
- Дунн М.* Корея // Искусство Восточной Азии. Мюнхен: TandemVerlagGmbH, 2007. С. 674–701.
- Истомина Т. В.* Комплекс погребения 37 Чептыгского могильника // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья. Сыктывкар: КНЦ УрО РАН, 1992. С. 127–136.
- История Северной цивилизации.* Археология. Палеонтология. Графика. Каталог выставки. СПб.: Изд-во «Методологический консультационный центр», 2001. 17 с.
- Кавеев М. М.* Клад ювелирных изделий с Кожаевского IV селища // Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада. Казань, 1992. С. 105–109.
- Кавка (Кафка) А. В.* Перстни Камско-Волжской Болгарии (Собрание Гос. исторического музея) // ИОАИЭ. 1928. Т. XXXIV. Вып. 1–2. С. 117–125.
- Казаков Б. И.* Осколки Луны. М.: Знание, 1991. 144 с.
- Казаков Е. П.* О назначении лицевых покрытий Танкеевского могильника (Об одном элементе погребального обряда) // Уч. зап. ПГУ. №191. Пермь, 1968. С. 229–239.
- Казаков Е. П.* Памятники болгарского времени в Восточных районах Татарии. М.: Наука, 1978. 132 с.
- Казаков Е. П.* Кушнаренковские памятники Нижнего Прикамья // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. Казань: КФАН СССР, 1981. С. 115–135.
- Казаков Е. П.* V Старокуйбышевское селище // Археологические памятники Нижнего Прикамья. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1984. С. 39–64.
- Казаков Е. П.* Знаки и письмо ранней Волжской Болгарии по археологическим данным // СА. 1985. №4. С. 178–185.
- Казаков Е. П.* Булгарские памятники приустьевой части Закамья и монгольское нашествие // Волжская Булгария и монгольское нашествие. Казань: КФАН СССР, 1988. С. 71–182.
- Казаков Е. П.* Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. Казань, 1991. 176 с.
- Казаков Е. П.* Культура ранней Волжской Болгарии (этапы этнокультурной истории). М.: Наука, 1992. 335 с.
- Казаков Е. П.* Коминтерновское II селище // Археология Волжской Болгарии: проблемы, поиски, решения. Казань: ИЯЛИ АН РТ, 1993. С. 117–129.
- Казаков Е. П.* Измерский VII могильник // Памятники древней истории Волго-Камья: ВАН. Вып. 1. Казань: ИЯЛИ АН РТ, 1994. С. 104–123.
- Казаков Е. П.* Коминтерновский II могильник в системе древностей эпохи тюркских каганатов // Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н.э. (вопросы хронологии). Материалы II МАК. Самара: СОИКМ, 1998. С. 97–150.
- Казаков Е. П., Руденко К. А., Беговатов Е. А.* Мурзихинское селище // Древние памятники приустьевого Закамья. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1993. С. 42–66.
- Калинин Н. Ф.* Булгарское искусство в металле. К вопросу о происхождении татарского народного искусства. Казань, 1945. 12 с.
- Калинин Н. Ф.* К вопросу о происхождении казанских татар // Происхождение казанских татар. Казань: Татгосиздат, 1948. С. 90–107.
- Калинин Н. Ф., Халиков А. Х.* Итоги археологических работ за 1945–1952 гг.: Труды КФАН СССР. Серия историческая. Казань: Таткнигоиздат, 1954. 126 с.
- Карачаров К. Г.* Погребальная керамика Сургутского Приобья XIII–XV вв. // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. Ижевск: УИИЯЛ УрО АН СССР, 1991. С. 205–218.
- Карачаров К. Г.* Археология Нового времени Западной Сибири // Археологическое наследие Югры: ПД ПСАК. Екатеринбург-Ханты-Мансийск: Изд-во «Чароид», 2006. С. 125–131.
- Карачаров К. Г.* Византийский кувшин из окрестностей Сургута // Барсова Гора: древности таежного Приобья. Екатеринбург-Сургут: Уральское изд-во, 2008. С. 56–91.

- Кардаш О. В.* Надымский городок в конце XVI – первой трети XVIII веков. История и материальная культура. Екатеринбург-Нефтеюганск: Изд-во «Магеллан», 2009. 360 с.
- Каримов У. И.* Неизвестные сочинения ар-Рази, «Книга тайны тайн». Исследования, перевод и комментарии. Ташкент: Изд-во АН Узб. ССР, 1957. 190+36с.
- Каталог // Зверь и человек. Древнее изобразительное творчество Евразии: ТГЭ. Вып. XLIV. СПб.: Изд-во ГЭ, 2009. С. 131–181.*
- Катанов Н. Ф.* Описание одного металлического зеркала с арабской надписью, принадлежащего Обществу археологии, истории и этнографии // ИОАИЭ. 1898. Т. XIV, вып. 6. С. 662–664.
- Катанов Н. Ф.* Описание одного металлического зеркала с арабской надписью, принадлежащего Публичному Музею города Минусинска Енисейской губернии, и несколько слов о металлических зеркалах, описанных другими. Казань, 1899. 21 с. (отд. оттиск).
- Кепеска Л.* Наоди од словенските некрополи во Мариово // Проблемы славянской археологии. ТМКСА-VI. Т. 1. М.: ИА РАН, 1997. С. 401–418.
- Кёльгинский могильник: Раскопки 1990-х гг. / Науч. ред. И. М. Петербургский. Саранск: Тип. «Красный Октябрь», 1998. 168 с.*
- Кирилко В. П.* К вопросу об авторской идентификации некоторых средневековых керамических изделий // Полливная керамика Средиземноморья и Причерноморья X–XVIII вв. Киев: Издательский дом «Стилос», 2005. С. 349–358.
- Киричников А. Н.* Новые материалы о международных торговых связях средневековой Ладоги с Балтийским регионом и странами Востока (по данным раскопок 2002 г.) // Северная Русь и народы Балтики. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2007. С. 195–220.
- Киричников А. Н., Енисосова Н. В.* Литейные формы для производства слитков из Старой Ладоги // Восточная Европа и Средневековье: К 80-летию В. В. Седова. М.: Наука, 2004. С. 290–296.
- Киричников А. Н., Медведев А. Ф.* Вооружение // Древняя Русь: город, замок, село: Археология СССР. М.: Наука, 1985. С. 298–363.
- Классическое искусство исламского мира IX–XIX веков. Десяносто девять имен Всевышнего. М.: Издательский дом Марджани, 2013. 432 с.*
- Клёнов М. В.* Озельский могильник // Этнокультурные процессы в древности на Европейском Северо-Востоке (источники и исследования): МАЕСВ. Вып. 16. Сыктывкар: КНЦ УрО РАН, 1999. С. 103–114.
- Ковалевский А. П.* Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг.: Статьи, переводы и комментарии. Харьков, 1956. 348 с.
- Коваль В. Ю.* Иранский кувшин из раскопок в Суздале // Русь и Восток в IX–XVI веках: новые археологические исследования. М.: Наука, 2010. С. 104–109.
- Коваль В. Ю.* Керамика Востока на Руси. IX–XVII века. М.: Наука, 2010. 269 с.
- Коваль В. Ю., Бадеев Д. Ю.* Раскопки CLXXIX (участки Г–К) и СХСII // АИ 2013.: Болгар и Свияжск. Казань: ИИ АН РТ, 2014. С. 5–8.
- Кокорина Н. А.* Булгарская керамика Иднакара (по материалам раскопок 1974–1992 гг.) // Материалы исследований городища Иднакар IX–XIII вв. Ижевск: УдИИЯЛ УрО РАН, 1995. С. 56–71.
- Кокорина Н. А.* Литейная форма с тамгой из Болгара // Средневековые древности Евразийских степей: АВЕЛ. Вып. 15. Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 2001. С. 210–213.
- Кокишаров С. Ф.* Отчёт о НИР: Раскопки археологических памятников в Советском районе ХМАО Тюменской области, проведённые в 2001 году. Екатеринбург, 2002. 93 л.
- Коллекция средневековых артефактов IX–XIV веков: ИБТРКМ. Тазовский: ТРКМ, 2011. 5 с.*
- Колчин Б. А., Янин В. Л., Ямичиков С. А.* Древний Новгород: прикладное искусство и археология. М.: Искусство, 1985. 168 с.
- Кольчатов В. А.* Височные кольца Водской земли // Новое в археологии СССР и Финляндии: Доклады III советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии. Л.: Наука, 1984. С. 167–176.
- Кондаков Н. П.* Русские клады. Исследование древностей великокняжеского периода. Т. I. СПб.: Типография гл. упр. уделов, 1896. 214 с.: ил.
- Корзухина Г. Ф.* О технике тиснения и перегородчатой эмали в Древней Руси X–XI вв. // КСИИМК. 1946. Вып. XIII. С. 45–54.
- Корзухина Г. Ф.* Русские клады IX–XIII вв. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 166 с.
- Король Г. Г.* Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки: ТСАИПИ. Вып. V. М.-Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. 332 с.
- Короцкая А. А.* Сокровища индийского искусства. М.: Искусство, 1966. 384 с.
- Косоурова Т. Н.* Золото, серебро и шёлк в декоре европейского костюма XVI–XIX вв. // Мода и дизайн: исторический опыт – новые технологии: Материалы XVII МНК / Под ред. Н. М. Калашниковой. СПб.: ФГБОУВПО «СПбГУТТ», 2014. С. 14–20.
- Комар А. В.* Чернигов и Нижнее Подесенье // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама. М.-Вологда: Изд-во «Древности Севера», 2012. С. 335–366.
- Кочевники Евразии на пути к империи. Из собрания Государственного Эрмитажа. Каталог выставки. СПб.: АО «Славия», 2012. 272 с.*

- Кочкина А. Ф. Каменные украшения волжских болгар (по материалам поселений Самарской Луки) // Ювелирное искусство и материальная культура. ТД. СПб.: Изд-во ГЭ, 2011. С. 56–60.
- Кочкина А. Ф. Каменная литейная форма с Муромского городка на Самарской Луке // ПА. 2012. № 2. С. 218–222.
- Кочкина А. Ф. Находки поливной керамики на средневековых памятниках Самарского Поволжья // Средневековье. Великое переселение народов (по материалам археологических памятников Самарской области). Самара: СООО «САО», 2013. С. 236–247.
- Кочкина А. Ф., Сташенков Д. А. Археологические исследования на I Красносудюковском городище в 1991 г. // Археологические исследования в Поволжье. Самара: Изд-во «Самарский университет», 1993. С. 183–218.
- Кочкина А. Ф., Сташенков Д. А. Древности Самарской Луки. Самара: СОИКМ, 2011. 24 с.
- Кравец В. В., Березуцкий В. Д., Бойков А. А. Погребения кочевой знати золотоордынского времени в курганной группе «Высокая гора» на юге Воронежской области // ДА. 2000. № 3–4. С. 114–127.
- Кравцова М. Е. История искусств Китая: МХК: Учеб. пособие. СПб.: Изд-ва «Лань», «ТРИАДА», 2004. 960 с.
- Крамаровский М. Г. «Булгарские» браслеты: генезис декора и локализация // СГЭ. 1978. Вып. XLIII. С. 46–51.
- Крамаровский М. Г. Золото Чингизидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб.: АО «Славия», 2001. 364 с.
- Крамаровский М. Г. Женщина в Золотой Орде: фуджин для мордовского князя // Золотая Орда: история и культура. Каталог выставки. СПб.: АО «Славия», 2005. С. 157–165.
- Кригер В. А. Кочевники Западного Казахстана и сопредельных территорий в средние века (X–XIV вв.). Уральск: ОФ «Евразийский союз учёных», 2012. 200 с.
- Кропоткин В. В. Торговые связи Волжской Булгарии в X веке по нумизматическим данным // МИА. 1970. № 176. С. 146–150.
- Кропоткин В. В. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н.э. – V в. н.э.): САИ. Вып. Д1–27. М.: Наука, 1970а. 279 с.
- Крыласова Н. Б. Реконструкция костюма по материалам Рождественского и Огурдинского могильников X–XI веков // АЭСП. Вып. 1. Березники, 2001. С. 122–137.
- Крыласова Н. Б., Белавин А. М. Редкий предмет из грабительских раскопок // Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст. МТНКС. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2008. С. 215–217.
- Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. Китайский этнос в средние века (VII–XIII вв.). М.: Наука, 1984. 336 с.
- Кубышев А. И., Орлов Р. С. Уздечный набор XI в. из Ново-Каменки // СА. 1982. № 1. С. 238–246.
- Кузьминых С. В. Инструментарий билярских ювелиров и меднолитейщиков // Культура Биляра. М.: Наука, 1985. С. 84–103.
- Кулешов Вяч. С. «Рунический дирхам» из Козьянковского клада // Acta Archaeologica Albaruthenica. Vol. V. Минск: Выдавец І. П. Логвінаў, 2009. С. 105–111.
- Кулешов Вяч. С. О грузинских подражаниях Аббасидам и о так называемой «монете Баграта III» из собрания Эрмитажа // Византия в контексте мировой культуры: ТГЭ. Т. 69. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2013. С. 370–382.
- Кулешов Вяч. С. О типологическом и хронологическом соотношении хазарских рунических дирхамов и монет Абхазского царства IX в. // Нумизматические чтения ГИМ 2013 года. МНК. М.: «Триумф принт», 2013а. С. 40–42.
- Культовые памятники горно-лесного Урала. Екатеринбург: УРО РАН, 2004. 432 с.
- Кызласов И. Л. К истории художественной обработки металла в Южной Сибири. Насечка по железу // Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. МВС. Алма-Ата, 1983. С. 120–130.
- Кызласов И. Л. Пребывание древних хакасов в Восточной Европе (конец X – начало XIII в.) // Славяне и их соседи // ТНК. М., 1998. С. 72–75.
- Кызласов И. Л. Серебряные монеты с легендами кубанского рунического письма // Проблемы археологии Кавказа: Группы по археологии Кавказа ИА РАН. Вып. 1. М.: Изд-во «Таус», 2012. С. 226–246.
- Кызласов Л. Р., Король Г. Г. Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. М.: Наука, 1990. 216 с.
- Ланд П. Ислам. М.: ООО «Изд-во Астрель»: ООО «Изд-во АСТ», 2003. 192 с.
- Лебедев В. П., Беговатов Е. А., Храмченкова Р. Х. Монетовидные литые подвески Волжской Булгарии // НЗО. 2012. № 2. С. 163–174.
- Левашова В. П. О сходстве височных украшений волжских болгар с великоморавскими // Древности Восточной Европы. М.: Наука, 1969. С. 125–130.
- Лелеков Л. А. Иран и Восточная Европа в VII–X веках // Искусство и археология Ирана: II Всесоюзная конференция. МНК. Т. II. М.: Наука, 1976. С. 128–143.
- Леммелейн Г. Г. Минералогические сведения, сообщаемые в трактате Бируни // Ал-Бируни Абу Райхан. Собрание сведений для познания драгоценностей (минералогия). М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 292–418.
- Лецинская Н. А. Хронология и периодизация могильников бассейна р. Вятки (I – начало II тыс. н.э.) // Типология и датировка материалов Восточной Европы. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1995. С. 88–128.
- Лецинская Н. А. К вопросу об этнической специфике памятников Вятского бассейна I – начала II тыс. н.э. // Социально-

исторические и методические проблемы древней истории Прикамья. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2002. С. 38–68.

Литвинов В. А., Макушиников О. А., Дробушевский А. И. Клады древнерусских шейных гривен из Белоруссии // СА. 1987. №1. С. 263–266.

Литвинский Б. А. Украшения из могильников Западной Ферганы: МЗФ. Вып. III. М.: Наука, 1973. 212 с.

Литвинский Б. А., Соловьев В. С. Средневековая культура Тохаристана в свете раскопок в Вахшской долине. М.: Наука, 1985. 264 с.

Лихачёв А. Ф. Бытовые памятники Великой Булгарии // Труды II АС. Т. 1. СПб., 1876. С. 1–50.

Лихачёв А. Ф. Драгоценный клад, найденный в Казанской губернии в 1882 г. // ТАС VII в Ярославле в 1887 г. Т. II. М., 1891. С. 169–197.

Лихачёв Н. П. Новая находка вещей в г. Булгаре // ЗВОРАО. 1890. Т. V. С. 105–110.

Ляхов С. В. Новые золотоордынские погребения Саратовского Заволжья // АВЕС. Вып. 3. Саратов: Изд-во Саратовск. ун-та, 1992. С. 158–184.

Мажитов Н. А. Бахмутинская культура. Этническая история населения Северной Башкирии середины I тыс. н. э. М.: Наука, 1968. 164 с.

Макаров Л. Д. Славяне между Волгой и Уралом в X–XV вв. (по археологическим материалам) // Проблемы славянской археологии: ТМКСа-VI. Т. 1. М.: ИА РАН, 1997. С. 296–306.

Макаров Л. Д. Хронология древностей Вятской земли XII–XV вв. // Древности Прикамья эпохи железа: хронологическая атрибуция. МИКВАЭ. Т. 25. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 2012. С. 494–542.

Макаров Н. А. О некоторых пермско-финских элементах в культуре Северной Руси (находки лунничных височных колец на Руси и в Скандинавии) // Новые исследования по этногенезу удмуртов. Ижевск: УДИИЯЛ УрО РАН, 1989. С. 51–64.

Макарова Т. И. Перегородчатые эмали Древней Руси. М.: Наука, 1975. 136 с.

Макарова Т. И. Симметрия в растительном орнаменте Древней Руси // Древняя Русь и славяне. М.: Наука, 1978. С. 370–378.

Макарова Т. И. Черное дело Древней Руси. М.: Наука, 1986. 156 с.

Макарова Т. И. Перстни с геральдическими эмблемами из Киевского клада // Древности славян и Руси. М.: Наука, 1988. С. 241–247.

Макарова Т. И. Украшения с чернью // Древняя Русь. Быт и культура: Археология. М.: Наука, 1997. С. 60–63.

Макарова Т. И. Методика изучения орнамента // Древняя Русь. Быт и культура: Археология. М.: Наука, 1997а. С. 205–207.

Макарова Т. И., Равдина Т. В. Семилопастные височные кольца с орнаментом // РА. 1992. №4. С. 68–82.

Мамонтов В. И., Ситников А. В. Средневековые погребения курганного могильника Быково III // ДВДС. Вып. 4. Волгоград: Изд-во «Перемена», 1994. С. 147–174.

Марковин В. И. Сердолик – «камень счастья» // Новое в советской археологии. М.: Наука, 1965. С. 270–274.

Мартыанов В. Н. Арзамасская мордва в I – начале II тысячелетия. Арзамас: АГПИ, 2001. 322 с.

Маршак Б. И. Согдийское серебро. Очерки по восточной торевтике: КНВМИ. М.: Наука, 1971. 157 с.

Маршак Б. И. Бронзовый кувшин из Самарканда // Средняя Азия и Иран. Л.: Изд-во «Аврора», 1972. С. 61–90.

Маршак Б. И. Серебряные сосуды X–XI вв.: их значение для периодизации искусства Ирана и Средней Азии // Искусство и археология Ирана. ДНК. М.: Наука, 1976. С. 148–173.

Маршак Б. И. К вопросу о торевтике крестоносцев // Художественные памятники и проблемы культуры Востока. Л.: Искусство, 1985. С. 134–151.

Мартынова М. В. Драгоценный камень в русском ювелирном искусстве XII–XVIII веков. М.: Искусство, 1973. 46 с., 51 табл.

Масленицина С. А. Искусство Ирана в собрании Государственного музея искусств народов Востока. Л.: Изд-во «Аврора», 1975. 200 с.

Масловский А. Н. Археологические исследования в городе Азове и Азовском регионе в 2007–2008 годах // ИАИАиНД. Вып. 24. Азов: АИАПМЗ, 2010. С. 182–242.

Матвеева Г. И. Болгарский слой Старомайнского городища // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара: ИКА «Артефакт», 1993. С. 153–169.

Матвеева Г. И. Могильники ранних болгар на Самарской Луке. Самара: Изд-во Самарск. ун-та, 1997. 226 с.

Махнева О. А. О плитовых могильниках средневекового Крыма // Археологические исследования Средневекового Крыма. Киев: Наукова думка, 1968. С. 155–168.

Медная утварь Коми края в XIX–XX вв. Сыктывкар: Изд-во ун-та, 1996. 26 с.

Меч и златник. К 1150-летию зарождения Древнерусского государства. КВ. М.: Изд-во «Кучково поле», 2012. 320 с.

Молчанов А. А. Знаки Рюриковичей: древнерусская княжеская эмблематика // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама. М.-Вологда: Изд-во «Древности Севера», 2012. С. 437–447.

Монгайт А. Л. Старая Рязань // МИА. 1955. №49: МИАДГ. Т. IV. 228 с.

Монгайт А. Л. Рязанская земля. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 400 с.

- Монгайт А.Л. Художественные сокровища Старой Рязани. М.: Наука, 1967. 26 с.: ил.
- Монгайт А.Л. Работа Рязанской археологической экспедиции в 1966–1970 гг. // Археология Рязанской земли. М.: Наука, 1974. С. 5–71.
- Морозов В.Ю. Топография находок сасанидских драхм в Урало-Поволжском регионе // Краеведческие записки СОИКМ. Вып. XII. Самара: СОИКМ, 2005. С. 81–98.
- Моця А.П., Халиков А.Х. Булгар–Киев. Пути – связи – судьбы. Киев: РИЦ ИА НАНУ, 1997. 192 с.
- Мурашева В.В. Убор воина и коня в Древней Руси как социально-этническая категория (по материалам наборных украшений X–XIII вв.): АКД. М., 1994. 24 с.
- Мурашева В.В. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). М.: Эдиториал УРСС, 2000. 136 с.
- Мухаметшин Д.Г., Хакимзянов Ф.С. Надписи на металлических изделиях // ГБ: РМКЛ. Казань: ИЯЛИ АН РТ, 1996. С. 293–305.
- Набиуллин Н.Г. Джукетау – город булгар на Каме. Казань: Татар. кн. изд-во, 2011. 143 с.
- Нарожный В.Е., Нарожный Е.И. Горная зона Восточного Придурья и золотоордынские владения (к изучению динамики взаимоотношений) // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве: Материалы IV Международной конференции, посвященной памяти Г.А.Федорова-Давыдова: ДД. Вып.10. Азов: АИАПМЗ, 2009. С. 373–378.
- Наследие. 2000. №2.
- Наследие варягов: диалог культур. М.: ГИМ, 1996. 120 с.
- Настич В.Н. Художественное оформление мусульманских монет: нарушение запрета? // Городская художественная культура Востока. М.: Наука, 1990. С. 129–149.
- Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. 224 с.
- Недошивина Н.Г. Перстни // ОИРД: ТГИМ. 1967. Вып. 43. С. 253–274.
- Недошивина Н.Г. Любечский клад // АС: ТГИМ. 1999. Вып. 111. С. 190–197.
- Недошивина Н.Г. Древнерусские клады в собрании Государственного исторического музея: Сокровища Исторического музея. М.: Изд-во «Леоп-Арт», 2010. 20 с.
- Нигамаев А.З. Болгарские города Предкамья: Алабуга, Кирмень, Чаллы. Своеобразие материальной культуры населения. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2005. 228 с.
- Никитин В.В., Никитина Т.Б. К истокам марийского искусства. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2004. 152 с.
- Никитина Т.Б. Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья: АЕС. Вып.14. Казань: ИИ АН РТ, 2012. 408 с.
- Никитина Т.Б. Поясные кошельки-сумочки в средневековых могильниках Ветлужско-Вятского междуречья // ПА. 2013. №2 (4). С. 151–161.
- Никитина Т.Б., Руденко К.А. Чаши из могильника Нижняя Стрелка // Средневековые древности Волго-Камья: АЭМК. Вып. 21. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 1992. С. 51–71.
- Никитина Т.Б., Михеева А.И. Аламнер: миф и реальность (Важнангерское (Мало-Сундырское) городище и его округа). Йошкар-Ола, 2006. 196 с.
- Николаева Т.В. Прикладное искусство Московской Руси. М.: Наука, 1976. 288 с.
- Николаева Т.В. Древнерусская мелкая пластика из камня XI–XV вв.: САИ. Вып. Е1-60. М.: Наука, 1983. 232 с.
- Никольская Т.Н. Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII вв. М.: Наука, 1981. 296 с.
- Новиков В.П., Павлов В.С. Ручное изготовление ювелирных украшений. СПб.: Изд-во «Политехника», 1991. 208 с.
- Новикова Г.Л. Щитообразные подвески из Северной и Восточной Европы // Историческая археология. Традиции и перспективы. К 80-летию со дня рождения Д.А.Авдусина. М.: Изд-во «Памятники исторической мысли», 1998. С. 165–174.
- Новое в археологии Киева. Киев: Наукова думка, 1981. 456 с.
- Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды. Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 2002. 200 с.
- Носкова А.В. Раскопки могильника Сайгатинский IV в поле-вом сезоне 2009 г. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск-Ханты-Мансийск: Изд-во Томского ун-та, 2010. С. 331–339.
- Нэцке. СПб.: ООО «СЗКО «Кристалл»», 2005. 95 с.
- Олейников О.М., Руденко К.А. Медный кумган XIII в. из Великого Новгорода // РА. 2013. №2. С. 144–148.
- Орлов Р.С. Художня металообробка у Києві в X ст. // Археологія. 1983. №42. С. 28–40.
- Орлов Р.С. Південноруський центр художньої металообробки X ст. // Археологія. 1983а. №44. С. 29–47.
- Орлов Р.С. Північнопричорноморський центр художньої металообробки у X–XI ст. // Археологія. 1984. №47. С. 24–44.
- Орлов Р.С. Ювелирное ремесло // Археология УССР. Т.3: Раннеславянский и древнерусский периоды. Киев: Наукова думка, 1986. С. 428–438.
- Останина Т.И. Поломский II могильник Красная Горка (материалы раскопок 1959–1960 гг.) // Finno-Ugrica. 2011. №12–13. С. 40–155.
- Останина Т.И., Канунникова О.М., Степанов В.П., Никитин А.Б. Кузбаевский клад ювелира VII в. как исторический источник. Ижевск: Изд-во «Удмуртия», 2011. 218 с.

- Оятева Е. И. Искусство Прикамья по материалам художественной металлической пластики. Пермь: ПГПУ, 2003. 129 с.
- Оятева Е. И. Зверь и человек в художественной металлической пластике Прикамья // Зверь и человек. Древнее изобразительное творчество Евразии: ТГЭ. Вып XLIV. СПб.: Изд-во ГЭ, 2009. С. 126–130.
- Павлова В. Съкровищата на средновековна България. Каталог на изложба. Археологически музей, Варна 1 юни – 30 септември 2007. Варна, 2007. 87 с.
- Панова Т. Д. Клады Кремля. М.: ГИМК «Московский кремль», 1996. 136 с.
- Пастушенко И. Ю. Кишертский могильник в бассейне реки Сылвы // Finno-Ugrica. 2006. №9. С. 40–70.
- Пастушенко И. Ю. Кишертский могильник XI–XIII вв. в бассейне р. Сылвы // Древности Прикамья эпохи железа (VI в. до н. э. XV в. н. э.): хронологическая атрибуция. МИКВАЭ. Т. 25. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 2012. С. 473–493.
- Патрушев В. С. Шейные гривны эпохи раннего железа из Волго-Камья // СА. 1985. №2. С. 173–196.
- Перевозчикова С. А. Височные украшения Верхнего Прикамья конца IV–IX вв. (историко-генетический подход): АКД. Ижевск, 2011. 24 с.
- Перевозчикова С. А. Височные украшения Верхнего Прикамья конца IV–IX вв. (историко-генетический подход): Дис. ... канд. ист. наук. 07.00.06. Ижевск, 2011а. 118 с., 90 илл.
- Перед нашествием: СО ИМК. М.: Изд-во «Бук Хаус», 2005. 180 с.
- Перницка Э. Распространение металлургии в Старом Свете // Бронзовый век: Европа без границ. IV–I тыс. до н. э. Каталог выставки. СПб.: Изд-во «Чистый лист», 2013. С. 66–82.
- Петербургский И. М. Материальная и духовная культура мордвы в VII–X вв. Саранск: Изд-во ун-та, 2011. 408 с.
- Петерсон Я. Норвежские мечи эпохи викингов: топохроническое изучение оружия эпохи викингов. СПб.: Изд-во «Альфаре́т», 2005. 336 с., ил.
- Письмо Министерства культуры ТАССР №10-91-496 от 17 июля 1976 г. с приложением Ордера Министерства культуры ТАССР №3270 от 9 июня 1976 г., составленного на основании Акта от 19 октября 1957 г. // Сектор письменных источников отдела фондов НМ РТ.
- Плетнёва С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура: М.: Наука, 1967. 200 с. (МИА, №142).
- Плетнёва С. А. На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс). М.: Наука, 1989. 288 с.
- Плетнёва С. А. Саркел и «шёлковый путь». Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1996. 168 с.
- Подосёнова Ю. А. Височные украшения населения Пермского Предуралья в эпоху средневековья: АКД. Казань, 2011. 24 с.
- Полесских М. Р. Находки на Юловском городище XI–XIII вв. // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.: Наука, 1978. С. 242–247.
- Полесских М. Р. О культуре и некоторых ремеслах обугаризированных буртасс // Из истории ранних булгар. Казань: КФАН СССР, 1981. С. 56–68.
- Полубояринова М. Д. Костяные детали снаряжения средневекового всадника и лучника из Болгара // СА. 1986. №2. С. 254–260.
- Полубояринова М. Д. Крест с эмалью из Болгара // Древности славян и Руси. М.: Наука, 1988. С. 52–55.
- Полубояринова М. Д. Стекланные изделия Болгарского городища // ГБ: ОРД. М.: Наука, 1988а. С. 151–219.
- Полубояринова М. Д. Связи Северо-Восточной Руси с Волжской Болгарией (по археологическим данным) // История и культура древнерусского города. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989. С. 179–189.
- Полубояринова М. Д. Русь и Волжская Болгария в X–XV вв. М.: Наука, 1991. 123 с.
- Полубояринова М. Д. Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды. М.: ИА АН СССР, 1991а. 112 с.
- Полубояринова М. Д. Стекланные лампы из Болгара // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара: ИКА «Артефакт», 1993. С. 178–181.
- Полубояринова М. Д. Город Болгар в XIII веке // Русь в XIII веке: Древности темного времени. М.: Наука, 2003. С. 103–107.
- Полубояринова М. Д. Стеклodelьная мастерская XIV века в городе Болгар. // РА. 2006. №4. С. 152–158.
- Полубояринова М. Д. Торговля Болгара // ГБ: КИТ. М.: Наука, 2008. С. 27–107.
- Полякова Г. Ф. Балыкульский клад болгарских украшений домонгольского времени // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., 1971. С. 244–249.
- Полякова Г. Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // ГБ: РМКЛ. Казань, 1996. С. 154–268.
- Полякова Г. Ф. О дате погребения 40 из могильника на Бабьем бугре в Болгарах // АС: ТГИМ. 1999. Вып. 111. С. 201–204.
- Полякова Г. Ф. О датировке некоторых типов ювелирных изделий из Волжской Болгарии // Научное наследие А. П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. МНК: ТГИМ. 2000. Вып. 122. С. 232–236.
- Поп И. И. Искусство Чехии и Моравии IX – начала XVI века. М.: Искусство, 1978. 255 с.
- Постникова-Лосева М. М. Русская золотая и серебряная скань. М.: Искусство, 1981. 288 с.
- Прокофьев Р. В. Средневековый грунтовыи могильник Мартышкина Балка на Нижнем Дону // РА. 2009. №3. С. 106–117.

- Пугаченкова Г.А., Ремпель А.И. Очерки искусства Средней Азии: древность и средневековье. М.: Искусство, 1982. 288 с.
- Путешествие Ибн Фадлана на Волгу. Перевод и комментарий. М.-Л., 1939. 212 с.
- Рабинович М.Г. Вооружение новгородского войска // Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии. 1946. № 5. С. 547–560.
- Равдина Т.В. Древнерусские литые перстни с геометрическим орнаментом // Древняя Русь и славяне. М.: Наука, 1978. С. 133–138.
- Равдина Т.В. Погребения X–XI вв. с монетами на территории Древней Руси. Каталог. М.: Наука, 1988. 152 с.
- Ремпель Л.И. Искусство Среднего Востока. Избранные труды по истории и теории искусств. М.: Сов. художник, 1978. 404 с.
- Родина М.Е. Связи Северо-Восточной Руси со странами Востока в X–XIV вв. // Русь и Восток в IX–XVI веках: новые археологические исследования. М.: Наука, 2010. С. 92–103.
- Розенфельдт Р.Л. Ложки // Древняя Русь. Быт и культура: Археология. М.: Наука, 1997. С. 41–42.
- Ромаскевич А.А. Изваяния и изображения львов в Иране // Иранское искусство и археология. III Международный конгресс. НД. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1939. С. 209–215.
- Руденко К.А. Металлическая посуда Поволжья и Приуралья в VIII–XIV вв. Казань: Изд-во «Репер», 2000. 155 с.
- Руденко К.А. VI Алексеевское селище. Казань: Изд-во «Репер», 2000а. 108 с.
- Руденко К.А. Металлические чаши VIII–XI вв. из Среднего Поволжья // Древности Окско-Сурского междуречья. Вып. 2. Саранск, 2000б. С. 69–81.
- Руденко К.А. Поясной набор из VI Алексеевского селища в Татарстане (к вопросу об эволюции болгарской поясной гарнитуры VIII–XII вв. (проблема преемственности) // Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н.э. (из истории костюма). Т.2. Самара: СОИКМ, 2001. С. 180–188.
- Руденко К.А. Бронзовые чаши с серебряной инкрустацией из собрания Национального музея РТ (к вопросу о болгарской торевтике эпохи Золотой Орды) // ТА. 2001а. № 1–2 (8–9). С. 104–132.
- Руденко К.А. Болгарские клады (к вопросу о болгарской металлообработке XI–XIV вв.) // Древние ремесленники Приуралья. Ижевск, 2001б. С. 322–348.
- Руденко К.А. Тюркский мир и Волго-Камье в XI–XIV вв. Изделия аскизского круга в Среднем Поволжье. Исследование и каталог. Казань: Изд-во «Заман», 2001в. 256 с.
- Руденко К.А. Материальная культура болгарских селищ низовий Камы XI–XIV вв. Казань: РИЦ «Школа», 2001г. 220 с.
- Руденко К.А. Загадки «лунного металла» // Золото и серебро казанских татар. Казань: Изд-во «Заман», 2002. С. 22–31.
- Руденко К.А. Остров «Мурзиха» и его окрестности. Хронологический атлас археологических коллекций НМ РТ (1991–1999 гг.) Опыт микрорегионального исследования. Каталог археологических коллекций НМ РТ. Казань: РИЦ «Школа», 2002а. 208 с.
- Руденко К.А. Волжская Булгария в системе торговых путей средневековья (по материалам раскопок Речного (Остолоповского) селища в Алексеевском районе Татарстана) // Великий Волжский путь: история формирования и развития. ММНПК. Часть I. Казань, 2002б. С. 31–52.
- Руденко К.А. Железные наконечники стрел VIII–XV вв. из Волжской Булгарии. Исследование и каталог. Казань: Изд-во «Заман», 2003. 512 с.
- Руденко К.А. Булгарские святилища эпохи средневековья XI–XIV вв. (по археологическим материалам) // Культурные памятники Камско-Вятского региона. Материалы и исследования. Ижевск, 2004. С. 36–66.
- Руденко К.А. Металлические зеркала золотоордынского времени из собрания Национального музея Республики Татарстан // ТА. 2004а. № 1–2 (12–13). С. 111–156.
- Руденко К.А. Булгарские изделия из кости и рога // Древности Поволжья: эпоха средневековья (исследования культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды). МВК. Казань: РИЦ «Школа», 2005. С. 67–97.
- Руденко К.А. Булгарские ювелирные изделия XI–XIV вв. в Зауралье и Прикамье: сравнительная характеристика, вопросы атрибуции и датировки // ТНК II САК. Екатеринбург-Ханты-Мансийск: Изд-во «Чароид», 2006. С. 155–156.
- Руденко К.А. Золотоордынская эпоха в Среднем Поволжье (по археологическим данным) // ТА. 2006а. № 1–2 (16–17). С. 89–196.
- Руденко К.А. Булгарский улус Золотой Орды (особенности материальной культуры) // ТА. 2006б. № 3–4 (18–19). С. 28–137.
- Руденко К.А. К вопросу о болгарском серебре Закамья и Зауралья // Finno-Ugrica. 2006в. № 9. С. 91–113.
- Руденко К.А. Ювелирные изделия Приуралья и Зауралья: к вопросу о болгарском импорте XI–XIV вв. // XVII Уральское археологическое совещание. МНК. Екатеринбург-Сургут, 2007. С. 288–289.
- Руденко К.А. Волжская Булгария в XI – начале XIII в.: поселения и материальная культура. Казань: РИЦ «Школа», 2007а. 244 с.
- Руденко К.А. Перстни с чернью из Волжской Булгарии // РА. 2007б. № 2. С. 130–140.
- Руденко К.А. Волжские болгары в зеркале истории (X–XIX вв.). Курс лекций. Часть I. Казань: РИЦ «Школа», 2007в. 420 с.
- Руденко К.А. Об атрибуции некоторых бронзовых украшений из Билярского городища // Finno-Ugrica. 2007г. № 10. С. 112–124.

- Руденко К.А. Археология Волжской Булгарии. Историография и история изучения (X–XX вв.): Учеб. пособие. Казань: РИЦ «Школа», 2008. 264 с.
- Руденко К.А. Зернь и скань на болгарских ювелирных изделиях конца X – первой трети XIII в. // Пермские финны и угры Урала в эпоху железа: ТКАЭ. Вып. VI. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2009. С. 148–155.
- Руденко К.А. Булгарское черное искусство: перстни: Методическое пособие. Казань: Изд-во МОиН РТ, 2010. 44 с.
- Руденко К.А. Древний Булгар. Казань: Изд-во МОиН РТ, 2010а. 60 с.
- Руденко К.А. Древние Тетюши. Археологическое исследование. Казань: Изд-во «Заман», 2011. 144 с.
- Руденко К.А. Ювелирное искусство Золотой Орды: две серебряные серьги из Татарстана (вопросы атрибуции и датировки) // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве: Материалы V Международной конференции, посвященной памяти Г.А. Фёдорова-Давыдова. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011а. С. 250–253.
- Руденко К.А. Булгарское золото: филигранные височные подвески: Древности Биляра. Т. I. Казань: Изд-во «Заман», 2011б. 256 с.
- Руденко К.А. Булгарский Улус Золотой Орды: к постановке проблемы // Вопросы истории и археологии средневековых кочевников и Золотой Орды: Сборник научных статей, посвященный памяти В.П. Костюкова. Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2011в. С. 155–163.
- Руденко К.А. Средневековые ювелирные украшения Поволжья и Зауралья: некоторые итоги и перспективы исследования // УИВ. 2012. №3 (36). С. 139–144.
- Руденко К.А. О некоторых итогах исследования Остолоповского селища в Алексеевском районе Республики Татарстан // ПА. 2012а. – №2. С. 123–145.
- Руденко К.А. Феномен болгарского искусства (IX – начало XIII в.): кочевой мир и оседлая цивилизация // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. С. 269–272.
- Руденко К.А. Две серебряные серьги золотоордынского времени из Татарстана: вопросы атрибуции и датировки // От Онона к Темзе. Чингисиды и их западные соседи. М.: Издательский дом Марджани, 2013а. С. 333–339.
- Руденко К.А. История Татарстана: эпоха средневековья. Волжская Булгария и Булгарская область Золотой Орды: Учеб.-методическое пособие. Казань: РИО ГБУ «РЦМКО», 2013б. 68 с.
- Руденко К.А. Торевтика Волжской Булгарии и Болгарского улуса Золотой Орды: проблемы преемственности // ПА. Казань: Изд-во «Фэн», 2013в. №4 (6). С. 34–46.
- Руденко К.А. Музей ОАИЭ: этапы развития // ТНК, посвященной 115-летию ОАИЭ при Императорском Казанском университете. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2014. С. 94–97.
- Руденко К.А. Украшения из лазурита XI–XIII вв. из Волжской Булгарии и древности Сибири // Древности Сибири и Центральной Азии: Сборник научных трудов, посвященный юбилею В.И. Соенова. Горно-Алтайск: ГАГУ. 2014а. №7(19). С. 224–244.
- Руденко К.А. История археологического изучения Волжской Булгарии (X – начало XIII в.). Казань: РИЦ «Школа». 2014б. 768 с.
- Руденко К.А., Беговатов Е.А. Перстни с чернью из Волжской Булгарии // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья. ТД III региональной научной конференции «Проблемы исследования памятников истории и культуры Верхнего Поволжья». Н. Новгород, 1992. С. 115–116.
- Руденко К.А., Беговатов Е.А. Несколько перстней с чернью из Волжской Булгарии // Город Болгар и его округа. ТНК. Болгар, 1994. С. 49–51.
- Руденко К.А., Брюхова Н.Г., Лычагина Е.Л. Перстни из раскопок Плотниковского могильника // Вестник музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. Вып. 3. Пермь, 2010. С. 4–7.
- Руденко К.А., Никитина Т.Б. Чаши из могильника Нижняя Стрелка // Средневековые древности Волго-Камья. АЭМК. Вып. 1. Йошкар-Ола, 1992. С. 51–71.
- Русское серебро XIV – начала XX века из фондов Государственных музеев Московского кремля. М.: Изд-во «Советская Россия», 1984. 250 с.
- Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М., 1948. 792 с.
- Рыбаков Б.А. Русское прикладное искусство X–XIII веков. Л., 1971. 128 с.
- Рыбина Е.А. Археологические очерки истории новгородской торговли X–XIV вв. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. 167 с.
- Рыбина Е.А. К атрибуции загадочных средневековых крышечек // ННЗИА МНК. Вып. 11. Новгород: НГОМЗ, 1997. С. 87–93.
- Рыбина Е.А. Свет мой, зеркальце... // Родина. 2003. №11. С. 116–119.
- Рындина А.В. Технология производства новгородских ювелиров X–XV вв. // Новые методы в археологии. ТНАЭ. Т. III: МИА. 1963. №117. С. 200–268.
- Рындина А.В. Древнерусская мелкая пластика. Новгород и Центральная Русь XIV–XV вв. М.: Наука, 1978. 192 с.
- Рябцева С.С. Древнерусский ювелирный убор. СПб.: Изд-во «Нестор-История», 2005. 384 с.
- Савельева Э.А. Вымские могильники XI–XIV вв. Л., 1987. 200 с.
- Савельева Э.А. Роль Волжской Булгарии в развитии культуры Перми Вычегодской // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. Ижевск, 1991. С. 95–110.

- Савельева Э.А. Жигановский могильник. Сыктывкар: КНЦ УрО РАН, 2010. 456 с.
- Савельева Э.А., Кленов М.В. Пожеское городище. НД. Пре-принт. Вып. 278. Сыктывкар: КНЦ УрО РАН, 1992. 34 с.
- Савельева Э.А., Королёв К.С. Торгово-экономические свя-зи Перми Вычегодской с Волжской Булгарией // ИКНЦ УрО РАН. 2011. Вып. 3 (7). С. 89–97.
- Самойлович Н.Г. Конюшенный раскоп в Ростове Великом: МОАИ. Т.9. М.: ООО «ТАУС», 2007. 88 с.
- Сарачева Т.Г. Металлические перстни днепровского левобе-режья (конец IX – первая половина XIII в.) // История и эво-люция древних вещей. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 85–97.
- Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв.: Археология СССР. М.: Наука, 1982. 328 с.
- Седова М.В. Ювелирные изделия из Ярополича Залесского // КСИА. 1972. Вып. 129. С. 70–76.
- Седова М.В. «Имитационные» украшения Древнего Новго-рода // Древняя Русь и славяне. М.: Наука, 1978. С. 149–159.
- Седова М.В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 196 с.
- Седова М.В. Изделия новгородских ремесленников-ювели-ров X–XV вв. (по данным археологии) // Декоративно-прик-ладное искусство Великого Новгорода: Художественный ме-талл XI–XV века. М.: Наука, 1996. С. 414–446.
- Седова М.В. Украшения из меди и сплавов // Древняя Русь. Быт и культура: Археология. М.: Наука, 1997. С. 63–78.
- Селезнёв Ю.В. Элита Золотой Орды. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009. 232 с.
- Селезнёв Ю.В. Русские князья в составе правящей элиты Джучиева Улуса в XIII–XV веках. Воронеж: Централь-но-Черноземное кн. изд-во, 2013. 472 с.
- Селимханов И.Р. Разгаданные секреты древней бронзы. М.: Наука, 1970. 80 с.
- Семёнов В.А. Варнинский могильник // Новый памятник по-ломской культуры. Ижевск, 1980. С. 5–135.
- Семёнов В.А. Омутницкий могильник // Материалы средне-вековых памятников Удмуртии. Устинов: УдНИИЯЛИ, 1985. С. 92–111.
- Семёнов В.А. Тольенский могильник IX – начала X вв. // Но-вые исследования по древней истории Удмуртии. Ижевск: УдИИЯЛ УрО РАН, 1988. С. 25–69.
- Семёнова В.И. Средневековые могильники Юганского При-обья. Новосибирск: Наука, 2001. 296 с.
- Сизов В.И. Древний железный топорик из коллекций Исто-рического музея // Археологические исследования и замет-ки. Т. V / Под ред. А.В. Орешникова и С.К. Богоявленского. М., 1897. С. 145–162.
- Симоненко А.В. Римский импорт у сарматов Северного При-черноморья. СПб.: Изд-во «Нестор-История», 2011. 272 с.
- Сингатуллина А.З. Джучидские монеты Поволжских городов XIII века. Казань: «Заман», 2003. 192 с.
- Смагулов Е.А. Древний Сауран. Аламаты: АО «АБДИ Компа-ни», 2011. 436 с.
- Смирнов А.П. Русский элемент в культуре волжских булгар // Историко-археологический сборник. М., 1948. С. 109–110.
- Смирнов А.П. Волжские Булгары: ТГИМ. Вып. XIX. М., 1951. 275 с., XVIII табл.
- Смирнов А.П. Армянская колония г. Болгара // МИА. 1958. №61: ТКАЭ. Т.П. С. 330–359.
- Смирнов А.П. К вопросу о месте производства шаманских привесок // КСИА. 1964. Вып. 99. С. 59–64.
- Смирнов А.П., Янина С.А. Находка редких золотых перстней в Болгарах // СА. 1967. №3. С. 303–306.
- Смолин В.Ф. Клад восточных золотых предметов из болгар-ского города Джукетау // ВНОТ. 1925. Май-июнь. С. 16–28.
- Сокровища Золотой Орды. Каталог выставки. СПб.: АО «Славия», 2000. 346 с.
- Сокровища Египта. Иллюстрированный путеводитель по египетскому музею в Каире / Пер. с англ. М.: Астрель; АСТ, 2003. 631 с.
- Сокровища музеев Татарстана. Буклет выставки. Казань: Kazan-Kazan, 1993. 72 с.
- Сокровища Музея Императорского дворца. Гугун. Альбом: ВК. М.: Изд-во «Наталис», 2007. 176 с.
- Сокровища Приобья. Каталог выставки. СПб.: Изд-во «Фор-мика», 1996. 228 с.
- Сокровища Приобья. Западная Сибирь на торговых путях средневековья. Каталог выставки. Салехард-СПб., 2003. 96 с.
- Сокровища Трои из раскопок Генриха Шлимана. Каталог выставки. М.: ГМИИ им. А.С.Пушкина, 1996. 297 с.
- Сокровища хана Кубрата. Каталог выставки. СПб.: АО «Сла-вия», 1997. 135 с.
- Сокровищница мира. Ювелирное искусство Индии в эпоху Великих Моголов. Коллекция Аль-Сабах. Национальный му-зей Кувейта. Л.: Thames&Hudson, 2009. 160 с.
- Сокровищница татарской культуры: Альбом-каталог. Соб-рание музея национальной культуры: наследие и современ-ность (VI–XXI вв.). Казань: Татар. кн. изд-во, 2012. 368 с.
- Сопотинский О.И., Василенко В.М. Искусство Древней Руси // История искусства народов СССР. Т. 2: Искусство IV–XIII веков. М.: Изд-во «Изобразительное искусство», 1973. С. 327–402.
- Спицын А.А. Курганы С.-Петербургской губернии в раскоп-ках Л.К.Ивановского: МАР. 1896. №20. 123 с., XIX табл., 1 л. карт.

- Спицын А. А.* Декоративные топорики // Записки Восточного отделения Русского археологического общества. Т. XI. СПб., 1899. С. 1–3.
- Спицын А. А.* Древности Камской Чуди по коллекции Теплоуховых // МАР. 1902. № 26. 70 с., XL табл.
- Спицын А. А.* Из коллекции Императорского Эрмитажа // Записки отделения русской и славянской археологии Археологического общества. Т. VIII, вып. 1. Пг., 1906. С. 264–270.
- Справка* из прокуратуры Бауманского района г. Казани от 2 апреля 1963 г. // Сектор письменных источников отдела фондов НМ РТ.
- Старые Чебоксары: археология, история, топонимика.* Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2012. 191 с.
- Строкова Л. В.* Золотоордынский клад из с. Василицы Черкасской области // Город и степь в контактной Евро-Азиатской зоне. ТМК. М.: ГИМ, 2006. С. 186–188.
- Старостин П. Н.* Памятники именковской культуры: САИ. Вып. Д1–32. М.: Наука, 1967. 100 с.
- Старостин П. Н.* Работы на Троицко-Урайском I городище в 1973 г. // Древности Волго-Камья. Казань, 1977. С. 31–41.
- Старостин П. Н., Кузьминых С. В.* Погребение литейщицы из Пятого Рождественского могильника // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.: Наука, 1978. С. 168–172.
- Сташенков Д. А.* Литейные формы ювелира с Муранского селища золотоордынской эпохи // Ювелирное искусство и материальная культура. ТД. СПб.: Изд-во ГЭ, 2011. С. 114–117.
- Сташенков Д. А.* Раскопки Барбашинского могильника // Итоги археологических исследований в Самарской области в 2013 году / Отв. ред. Д. А. Сташенков. Самара: АНО «Изд-во СНИЦ РАН», 2014. С. 5–34.
- Сташенков Д. А., Кочкина А. Ф.* Борис Александрович Латынин. Самарский период жизни. Самара: Изд-во «Новый вестер», 2008. 200 с.
- Сташенков Д. А., Кочкина А. Ф.* Муранское селище – памятник золотоордынского времени на реке Усе (к истории изучения и новые материалы) // Средневековье. Великое переселение народов (по материалам археологических памятников Самарской области). Самара: СОО «САО», 2013. С. 248–276.
- Степанов П. Д.* Паньжинский могильник // Из древней и средневековой истории мордовского народа: АСб. Т. II. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1959. С. 195–201.
- Степанов П. Д.* Андреевский курган. К истории мордовских племен на рубеже нашей эры. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1980. 108 с.
- Степанова Г. А.* Погребение с бронзовой чашей из могильника Арантур 27 (Тюменская область). Препринт. Ижевск: УдмИИЯЛ УрО РАН, 2008. 23 с.
- Степи Евразии в эпоху средневековья: Археология СССР.* М.: Наука, 1981. 304 с.
- Столярова Е. К.* Стекланные украшения болгарских селищ низовий Камы // Древности Поволжья: эпоха средневековья (исследования культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды). МВК. Казань: РИЦ «Школа», 2005. С. 43–66.
- Строкова Л. В.* Золотоордынский клад из с. Василицы Черкасской области // Город и степь в контактной Евро-Азиатской зоне. ТД III Международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения Г. А. Фёдорова-Давыдова. М.: Нумизматическая лит-ра, 2006. С. 186–188.
- 120 лет – 120 раритетов: Каталог выставки к 120-летию СООИМ им. П. В. Алабина.* Самара: СООИМ, 2007. 88 с.
- Сумина И. А.* Металлические перстни средневекового Белоозёрья // АС: ТГИМ. 1999. Вып. 111. С. 167–189.
- Сун Юйбинь, Артемьева Н. Г.* Древности чжурчженей из Приморского края России / Сост. Се Фэн. – Пекин: Изд-во «Вэньу», 2013. 258 с.
- Суслова С. В.* Женские украшения казанских татар середины XIX – начала XX в.: Историко-этнографические исследования. М.: Наука, 1980. 128 с.: ил.
- Сынские ханты /* Под ред. А. В. Бауло. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2005. 352 с.
- Сыркина И. А.* Клад с городища Лаврож // СА. 1983. № 4. С. 182–198.
- Сычёв Н. П.* К вопросу о болгарских сфероконических сосудах // КСИИМК. 1947. Вып. XIV. С. 70–73.
- Талицкий М. В.* К этногенезу коми // КСИИМК. 1941. Вып. IX. С. 47–54.
- Тельнов Н. П., Рябцева С. С.* Случайная находка ювелирных украшений из окрестностей с. Погребены (Республика Молдова) // Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст. МТНКС. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2008. С. 268–272.
- Теофил.* О различных искусствах // Книга тайн. Секреты мастерства. СПб.: Изд-во «Азбука-классика», 2007. С. 169–374.
- Тетерин Ю. В.* Гривны гунно-сарматской эпохи Южной Сибири // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2001. № 6. С. 107–115.
- Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы: Межвузовский сборник научных трудов /* Отв. ред. Р. Д. Голдина. Ижевск, 1995. 208 с.
- Тимошук Б. А., Русанова И. П.* Второе Збручское (Крутиловское) святилище (по материалам раскопок 1985 г.) // Древности славян и Руси. М.: Наука, 1988. С. 78–91.
- Тишкин А. А.* Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников). Барнаул: Изд-во «Азбука», 2009. 208 с.
- Толмачев Н. А.* Об остатках древности в пределах Казанской губернии // Труды IV АС. Т. 1. Казань, 1884. С. 61–109.
- Толстой И. И., Кондаков Н. П.* РДПИ. Вып. V. Курганные древности и клады домонгольского периода. СПб., 1897. 168 с.

- Тревер К.В., Луконин В.Г. Сасанидское серебро. Собрание Государственного Эрмитажа. Художественная культура Ирана III–VIII веков. М.: Искусство, 1987. 156 с., ил.
- Трейстер М.Ю. Троянские клады: атрибуция, хронология, исторический контекст // Сокровища Трои из раскопок Генриха Шлимана. Каталог выставки. М.: ГМИИ им. А.С.Пушкина, 1996. С. 197–240.
- Трейстер М.Ю., Шемаханская М.С., Яблонский Л.Т. Ахеменидская (?) серебряная рукоять ножа в форме фигуры оленя из Филипповки // РА. 2010. № 3. С. 73–85.
- Трифанова С.В. Классификация гривен населения Саяно-Алтая гунно-сарматского времени // Снаряжение кочевников Евразии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 201–205.
- Туркина Т.Ю. Коллекция предметов зооморфных мотивов в собрании Национального музея Республики Коми: Альбом-каталог. Сыктывкар: НМ РК, 2012. 84 с.
- Тухтина Н.В. Пластина с изображением всадника с острова Вайгач // АС: ТГИМ. 1999. Вып. 111. С. 198–200.
- Тыниссон Э.Ю. Эстонские клады IX–XIII веков // Древние могильники и клады: АСб. Т. II. Таллин: ИИ АН ЭССР, 1962. С. 182–274 (на эст. языке) (резюме: С. 250–274).
- Уильямс Д., Огден Дж. Греческое золото. Ювелирное искусство классической эпохи. V–IV века до н.э. КВ. СПб.: АО «Славия», 1995. 272 с.
- Украшения Востока. Из коллекции Патти Кадби Берч, США. КВ. М.-Париж: CHARACTERE, 1999. 138 с.
- Усть-Полуй. I век до н.э. Каталог выставки. Салехард-СПб., 2003. 76 с.
- Фахретдинова Д.А. Ювелирное искусство Мавераннахра // Художественная культура Средней Азии IX–XIII вв. Ташкент: Изд-во литературы и искусства им. Г.Гуляма, 1983. С. 49–68.
- Фахрутдинов Р.Г. Новые археологические памятники Волжской Булгарии в Закамской Татарии // СА. 1969. № 1. С. 224–236.
- Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань, 1975. 220 с.
- Фехнер М.В. Ткань с изображением львов и птиц из великокняжеской гробницы во Владимире // Новое в археологии. СбС, посвященный 70-летию А.В.Арциховского. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. С. 198–201.
- Фехнер М.В. Золотое шитье Владимиро-Суздальской Руси // Средневековая Русь. М.: Наука, 1976. С. 222–225.
- Фехнер М.В. Шёлковые ткани в Средневековой Восточной Европе // СА. 1986. № 2. С. 57–70.
- Фёдоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1966. 271 с.
- Фёдоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. Очерки культуры и искусства народов евразийских степей и золотоордынских городов. М.: Искусство, 1976. 228 с.
- Фёдоров-Давыдов Г.А. Денежное дело и денежное обращение Болгара // ГБ: ОИК. М.: Наука, 1987. С. 158–204.
- Фёдоров-Давыдов Г.А. Клад монет XIII века из Волжской Булгарии // Проблемы археологии Евразии. М.: ИА АН СССР, 1991. С. 181–192.
- Фёдоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М.: Изд-во МГУ, 1994. 232 с.
- Фёдоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды. М.: Изд-во «Палеограф», 2003. 344 с.
- Фёдоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Мухамадиев А.Г. Археологические исследования Царёвского городища (Новый Сарай в 1959–1966 гг.) // Поволжье в средние века: МИА. 1970. № 164. С. 68–171.
- Фёдоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Гусева Т.В. Исследования трех усадеб в восточном пригороде Нового Сарая (Царёвского городища) // Города Поволжья в средние века. М.: Наука, 1974. С. 89–131.
- Фёдорова Н.В. Серебро Великой Венгрии // Summaria dissepationum Ethnologica et folklorica litteraria, historica, arhaeologica et antropologica. Debrecen, 1990. S. 157.
- Фёдорова Н.В. Художественный металл Волжской Болгарии // Восточный художественный металл из Среднего Приобья. Новые находки. Каталог временной выставки. Л., 1991. С. 5–10.
- Фёдорова Н.В. Торевтика Волжской Болгарии. Серебряные изделия X–XIV вв. из зауральских коллекций // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. III. Пермь, 2003. С. 138–154.
- Фёдорова Н.В. Средневековое серебро Волжской Болгарии // Светозарная Казань. Альбом-каталог. СПб.: АРТЭГО, 2005. С. 20–21.
- Фёдорова Н.В. Рисунки на металле: графическое искусство населения севера Западной Сибири и Предуралья // АЭАЕ. 2014. 1 (57). С. 90–99.
- Фёдорова Н.В. Справа от солнца, слева от месяца: бляхи с сокольников (Предуралье и Западная Сибирь, эпоха средневековья) // Археология Арктики. Вып. 2. Екатеринбург: Изд-во «Деловая пресса», 2014. С. 162–174.
- Фёдорова Н.В., Зыков А.П., Морозов В.М., Терехова Л.М. Сургутское Приобье в эпоху средневековья // ВАУ. Вып. 20. Екатеринбург, 1991. С. 126–145.
- Финно-угры и балты в эпоху средневековья: Археология СССР. М.: Наука, 1987. 512 с.
- Флёров А.В. Сборка и отделка художественных изделий из металла. М.: МВХПУ, 1962. 214 с.
- Фонякова (Чувило) Н.А. Прикладное искусство Хазарии второй половины VIII–X вв. по материалам художественной металлообработки. Казань: ИИ АН РТ, 2010. 168 с.
- Фрай Р. Наследие Ирана // КНВМИ. М.: Наука, 1972. 468 с.

- Фракийское золото из Болгарии: ожившие легенды.* М.: Изд-во «Кучково поле», 2013. 360 с.
- Хагедорн А.* Исламское искусство // СТНИ. М: Изд-во «Арт-родник-Taschen», 2010. 96 с.
- Хакимов А. А.* Изобразительно-орнаментальные образы и мотивы прикладного искусства // Художественная культура Средней Азии IX–XIII вв. Ташкент: Изд-во литературы и искусства им. Г.Гуляма, 1983. С. 90–111.
- Халиков А. Х.* Отражение космогонических и генеалогических легенд волжских булгар в археологических материалах // Из истории ранних булгар. Казань, 1981. С. 5–20.
- Халиков А. Х.* Татарский народ и его предки. Казань: Татар. кн. изд-во, 1989. 222 с.
- Халикова Е. А.* Сельские кладбища Волжской Булгарии XII – начала XIII вв. // Из истории культуры и быта татарского народа и его предков. Казань: КФАН АН СССР, 1976. С. 39–59.
- Халикова Е. А.* О могильнике «Бабий бугор» в Болгарах // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.: Наука, 1978. С. 205–211.
- Хлебникова Т. А.* Еще одна находка болгарских ювелирных изделий // СА. 1963. №1. С. 305–309.
- Хованская О. С.* Нагрудное украшение из булгарского города Джукетау // СА. 1958. №1. С. 239–243.
- Ходжагельдыев А.* Коллекция бронзовых изделий XI–XIII вв. из Тохта-Базара // КД. Вып. V. Ашхабад, 1977.
- Храм.* Обряды. Богослужения. М.: Вече, 2007. 320 с.
- Хузин Ф. Ш.* Великий город на Черемшане. Стратиграфия, хронология. Проблемы Биляра–Булгара. Казань: ИЯЛИ АН РТ, 1995. 224 с.
- Хузин Ф. Ш., Валиулина С. И.* Славяно-русские материалы в Биляре // Волжская Булгария и Русь. Казань: КФАН СССР, 1986. С. 97–116.
- Чеканка.* Просечка. Инкрустация / Авт.-сост. С. В. Ухин. М.: ООО «Изд-во АСТ- Донецк: Изд-во «Сталкер», 2003. 80 с.
- Чернецов А. В.* Три резных посоха XV века // СА. 1980. №2. С. 94–115.
- Чернецов А. В.* О декоре купола Большого Сиона 1486 г. // СА. 1985. №3. С. 97–109.
- Шакурова Е. В., Костина И. Д., Коварская С. Я.* Русское серебро XIV – начала XX века из фондов Государственных музеев Московского Кремля. Альбом. М.: Изд-во «Советская Россия», 1984. 250 с.
- Шапалов Р. Г.* Обработка янтаря в средневековом Новгороде // ННЗИА МНК. Вып. 12. Новгород: НГОМЗ, 1998. С. 109–120.
- Шапалов Р. Г.* Классификация и хронология изделий из янтаря Неревского раскопа // ННЗИА МНК. Вып. 14. В. Новгород, 2000. С. 149–165
- Шанран И. Г.* Традиционный женский костюм марийцев бассейна Вятки XVI – начала XIX в. (по данным археологии) // Социально-исторические и методические проблемы древней истории Прикамья. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2002. С. 242–287.
- Шатунов Н. В.* Медальон с сокольным из Сибирской коллекции Ф. Р. Мартина // Барсова Гора: древности таежного Приобья. Екатеринбург-Сургут: Уральское изд-во, 2008. С. 50–55.
- Шедевры* исламского искусства в Эрмитаже СССР. Каталог выставки. Кувейт, 1990. 200 с.
- Шефер Э.* Золотые персики Самарканда. Книга о чужеземных диковинах в империи Тан: КНВМИ. М.: Наука, 1981. 608 с.
- Шёлковый* путь. 5 000 лет искусства шёлка. Каталог выставки. СПб.: АО «Славия», 2007. 200 с.
- Шитов В. Н.* Мечи X–XI вв. с территории Мордовии // Историко-археологическое изучение Поволжья. Йошкар-Ола: Изд-во Мар ГУ, 1994. С. 39–49.
- Шнайдиштейн Е. В.* Средневековое погребение на реке Ахтуба в Астраханской области // СА. 1989. №4. С. 269–272.
- Шутова Н. И.* Женская одежда средневекового населения бассейна Чепцы (по данным раскопок Варнинского могильника 1990–1991 гг.) // Пермский мир в раннем средневековье. Ижевск: УЛИИЯЛ УрО РАН, 1999. С. 210–231.
- Щапова Ю. Л.* Украшения из стекла // Древняя Русь. Быт и культура: Археология. М.: Наука, 1997. С. 80–92.
- Щапова Ю. Л.* Древнерусский эмалевый убор (к вопросу о происхождении) // Общество, экономика, культура и искусство славян: ТМКСа-VI. Т. 4. М.: Эдиториал УРСС, 1998. С. 284–289.
- Щеглова О. А.* Тиснёные изделия и инструменты для их изготовления в раннесредневековых Любше, Ладоге и Изборске // Восточная Европа и средневековье: К 80-летию В. В. Седова. М.: Наука, 2004. С. 263–271.
- Якубовский А. Ю.* Люстровая ваза XIII в. с изображением музыкантов и игры в поло // Памятники эпохи Руставели. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1938. С. 201–208.
- Янишевский Б. Е., Зайцева И. Е.* Новые находки предметов из цветных металлов XI–XV веков из Можайска и его окрестностей // АП: МНС. Вып. 6. М.: ИА РАН, 2010. С. 219–225.
- Ярославское* Поволжье X–XI вв. По материалам Тимеревско-го, Михайловского и Петровского могильников. М.: Изд-во ГИМ, 1963. 144 с.
- Albani J.* Elegance Over the Borders: The Evidence of Middle Byzantine Earrings // «Intelligible Beauty»: Recent Research on Byzantine Jewellery. British Museum Research Publication, № 178 / Edited by Chris Entwistle and Noël Adams. L.: British Museum, 2010. P. 193–202.
- Bayet Ch.* Byzantine Art. New York: Parkstone Press International, 2009. 200 p.
- Bosselmann-Ruickbie A.* A 13th-Century Jewellery Hoard from Thessalonica: A Genuine Hoard or an Art Dealer's Compilation? //

- «Intelligible Beauty»: Recent Research on Byzantine Jewellery. British Museum Research Publication, № 178 / Edited by Chris Entwistle and Noël Adams. L.: British Museum, 2010. P. 219–232.
- Boucher F.* A History of Costume in the West. L.: Thames&Harry, 2004. 460 p.
- Chalikova E. A., Kazakov E. II.* Le cimetiere de Tankeevka // Les anciens hongrois et les ethnies a l'Est. Budapest, 1977. P. 21–221.
- Chalikowa E. A., Chalikow A.H.* Altungarn an der Kama und im Ural (Das Gräberfeld von Bolschie Tigani). Zum ehrenvollen andenken an Elena Alexandrwna Chalikowa. Der unermüdlichen forscherin der urungarn: Régészeti füzetek ser. II. №. 21. Magyar Nemzeti Muzeum 1981. 132 p.
- China* down of a Golden Age, 200–750 AD. Catalog of an exhibition held at the Metropolitan Museum of Art, New York, okt. 12, 2004 – jan. 23, 2005. N.-Y.: the Metropolitan Museum of Art, 2004. 392 p.
- Ćurčić S., Hadjistryphonos E.* Architecture as Icon. Perception and Representation of Architecture in Byzantine Art. Princeton: university press, 2010. 356 p.
- Eastmond A.* The Glory of Byzantium and Early Christendom. L.: Phaidon press, 2013. 296.
- Entwistle Ch., Adams N.* Intelligible Beauty: Recent Research on Byzantine Jewellery: BMRP. Vol. 178. L.: British Museum Press, 2010. 250 p.
- Ettinghausen R.* The “Wade cup” in the Cleveland museum of Art, its origin and decorations // *Ars Orientalis*. 1957. Vol. II. P. 327–379.
- Ettinghausen R., Grabar O., Jenkins-Madina M.* Islamic Art and Architecture 650–1250: Pelican History of Art. 2-ed. Yale University Press, 2003. 352 p.
- Damm I.G.* On the Frontiers of Byzantium // From Attila to Charlemagne. Art of the Medieval Period in The Metropolitan Museum of Art. N.-Y.: The Metropolitan Museum of Art. 2000. P. 120–131.
- Dimand M. S.* A Handbook of Muhammedan Art. N.-Y.: Hartsdade Hows. 1947. 347 p.
- Dschingis Khan und seine Erben.* Das Weltreich der Mongolen. München, 2005. 432 s.
- 5000 years of textiles.* L.: British Museum, 2010. 320 p.
- Islam: Art and Culture.* Catalog. Stockholm: Staten Historiska Museum, 1985. 238 p.
- Islamic Metalwork from the Grand Ducal Collection Museo Nazionale del Bargello.* Fironeze, 1981.
- Harper P.* Silver Vessels of the Sasanian Period. Vol. 1. Royal Imagery. N.-Y.: Metropolitan Museum of Art, 1981. 256 p.
- Garaham-Campbell J.* Viking Art. L.: Thames & Hadson Ltd, 2013. 208 p.
- Garam E.* Katalog der awarenzeitlihen goldgenestände und der fundstücke aus den fürsengräben im ungaricyen nationalmuseum: Catalogi musei nationalis Hungarici. Seria Archaeologica I. Budapest, 1993. 230 s.
- Garam E.* Funde byzantinische Herkunft in der Awarenzeit vom Ende des 6. Bis zum Ende des 7. Jahrhunderts: Monumenta Avarorum Archaeologica. Budapest, 2001. 432 p.
- Jenkins M., Keene M.* Islamic jewelry in the Metropolitan museum of Art. N.-Y.: The Metropolitan museum of Art, 1983. 160 p.
- Jewelry.* 7 000 years: an international history and illustrated survey from the collection of the British Museum. N.-Y., 1991. 255 p.
- Jewelry.* 25 000 years of jewelry from the collections of the Staatliche Museen zu Berlin. Munich, London, N.-Y., 2013. 384 p.
- Leidy D.P.* Buddhism and Other “Foreign” Practices in Yuan China // The World of Khubilai Khan. Chinese Art in Yuan Dynasty. N.-Y.: Yale University Press, New Haven and London, 2010. P. 87–128.
- Loukonine V.G., Ivanov A. A.* Persian Miniatures. N.-Y.: Parkstone Press International, 2010. 256 p.
- Maršak Boris I.* Zur Toreutik der Kreuzfahrer // Metallkunst von der Spätantike bis zum ausgehenden Mittelalter. Berlin, 1982. S. 166–184.
- Marschak B.* Silberschätze des Orients. Metallkunst des 3.-13. Jahrhunderts und ihre Kontinuität. Leipzig, 1986. 438 s.
- Migeon G.* Manuel D'art Musulman. P. II: Les art plastiques et industrieses. Paris: Alphonse picard et fils, editeurs, 1907. 477 s.
- Migeon G., Saladin H.* Art of Islam. N.-Y.: Parkstone Press International, 2009. 256 p.
- Pirkko-Liisa Lehtosalo-Hilander* Ancient Finnish costumes. Helsinki, 1984. 77 p.
- Spier J.* Some Unconventional Early Byzantine Rings // «Intelligible Beauty»: Recent Research on Byzantine Jewellery. British Museum Research Publication, № 178 / Edited by Chris Entwistle and Noël Adams. L.: British Museum, 2010. P. 13–19.
- Tallgren A.-M.* Collection Zaoussaïlov au musée National de Finlande a Helsingfors. Vol. II. Helsingfors, 1918. 60 s., XII pl.
- The ancient Hungarians.* Exhibition Catalogue. Budapest: Hungarian National museum, 1996. 480 p.
- The World of Khubilai Khan.* Chinese Art in Yuan Dynasty. N.-Y.: Yale University Press, New Haven and London, 2010. 342 p.
- Treasure of the Altai Mountains.* Fukuoka, 2005. 192 p. (на японском языке)
- Ward R.* Islamic metalwork. L.: British Museum Press, 1993. 130 p.
- Yao-T'ing W.* Die Darstlling der mongolischen Herrscher in der chinesischen Malerei der Yuan-Dynastie // Dschingins Khan und seine Erben. DasWeltreichderMongolen. München: Kunst- und Ausstellungshalle der Bundesrepublik Deutschland, Hirmer Verlag GmbH, 2005. S. 298–327.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВЕС – Археология Восточно-Европейской степи
АВЕЛ – Археология Восточно-Европейской лесостепи
АЕС – Археология евразийских степей
АИАПМЗ – Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник
АКД – Автореферат диссертации кандидата наук
АМ К(П)ФУ – Археологический музей Приволжского (Казанского) федерального университета
АП: МНС – Археология Подмоскovie: материалы научного семинара
АСРД – Археология севернорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере
АЭАЕ – Археология, этнография и антропология Евразии
МА ИА АН РТ – Музей археологии Института археологии им. А.Х.Халикова Академии наук РТ
АС – Археологический съезд
АСб – Археологический сборник
АЭСП – Археология и этнография Среднего Приуралья
БГИАМЗ – Болгарский государственный историко-архитектурный музей-заповедник
БГИАПМЗ – Билярский государственный историко-археологический и природный музей-заповедник
Б. ш. – Без шифра
ВАТ – Вопросы археологии Татарстана
ВАУ – Вопросы археологии Урала
ВК – Восточная коллекция
ВНК – Всероссийская научная конференция
ВНОТ – Вестник научного общества Татароведения
ГБ – Город Болгар
ГБКТИ – Город Болгар: культура, искусство, торговля
ГБОИК – Город Болгар. Очерки истории и культуры
ГБОРД – Город Болгар. Очерк ремесленной деятельности
ГИМ – Государственный исторический музей (Москва)
ГМИИ – Государственный музей изобразительного искусства им. А. С. Пушкина (Москва)
ГМИИ РТ – Государственный музей изобразительных искусств Республики Татарстан
ГЭ – Государственный Эрмитаж
ДА – Донская археология
ДВДС – Древности Волго-Донских степей
ДНК – Доклады научной конференции
ДСВМИ – Дмитриевский собор во Владимире. Материалы и исследования
ДТК – Дом татарской культуры
ЕГИАХМЗ – Елабужский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
ЗВ – Знак вопроса
ЗВОРАО – Записки восточного отделения Императорского русского археологического общества
ЗОИК – Золотая Орда. История и культура
ИАИАиНД – Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону
ИАЭ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
ИБТРКМ – Информационный бюллетень Тазовского районного краеведческого музея
ИКЗО – История и культура Золотой Орды
ИKNЦ УрО РАН – Известия Коми научного центра Уральского отделения РАН
ИОАИЭ – Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете
ИТ – История татар
ИЯЛИ АН РТ – Институт языка, литературы и искусства Академии наук Республики Татарстан
КАЭ – Куйбышевская археологическая экспедиция
КВ – Каталог выставки
КГПУ – Куйбышевский государственный педагогический институт им. В.В.Куйбышева
КД – Каракумские древности
КНВМИ – Культура народов Востока. Материалы и исследования
КФАН СССР – Казанский филиал Академии наук СССР
ЛМ – Браслеты с изображением львиных морд на окончаниях
МАР – Материалы по археологии России
МарНИИЯЛИ – Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
МАЕСВ – Материалы по археологии Европейского Северо-Востока
МВС – Материалы Всесоюзного совещания

МВК – Материалы Всероссийской конференции	РКМ – Районный краеведческий музей
МГТН – Музей государственности татарского народа и Республики Татарстан	САИ – Свод археологических источников
МЗФ – Могильники Западной Ферганы	СбС – Сборник статей
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР	СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа
МИАДГ – Материалы и исследования по археологии древнерусских городов	СЕЭС – Степи Европы в эпоху средневековья
МИИKNCK – Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа	СОИКМ – Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина
МИКВАЭ – Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции	СО ИМК – Сокровища Ойкумены – история мировой культуры
ММК – Материалы международной конференции	СТНИ – Стили, течения и направления в искусстве
ММНПК – Материалы международной научно-практической конференции	СУ – Специальный учёт
МНК – Материалы научной конференции	ТА – Татарская археология
МОАИ – Материалы охранных археологических исследований	ТААЭ – Труды Азербайджанской (Орен-калинской) археологической экспедиции
МХК – Мировая художественная культура	ТАС – Труды археологического съезда
НД – научный доклад	ТАССР – Татарская Автономная Советская Социалистическая Республика
НЗО – Нумизматика Золотой Орды	ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа
НИИЯЛИ – Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории при Совете Министров Республики Марий Эл им. Васильева (Йошкар-Ола)	ТСАИПИ – Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства
НКЦ – Национальный культурный центр	ТГИМ – Труды ГИМ
НМБ – Национальный музей Башкирии	ТКАЭ – Труды Куйбышевской археологической экспедиции
НМ РК – Национальный музей Республики Коми	ТМКСА – Труды Международного Конгресса славянской археологии
НМ РТ – Национальный музей Республики Татарстан	ТНАЭ – Труды Новгородской археологической экспедиции
НМФ – Национальный музей Финляндии	ТНК – Тезисы научной конференции
НН – Научное наследство	ТрНК – Труды нумизматической комиссии
ННЗИА МНК – Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции	ТС – Тюркологический сборник
НЦ – Научный центр	УАВ – Уфимский археологический вестник
ОАИЭ – Общество археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете	УАС – Уральское археологическое совещание
ОИРД – Очерки по истории русской деревни X–XIII вв.	УдГУ – Удмуртский государственный университет
ПА – Поволжская археология	УИИЯЛ УрО РАН – Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН (Ижевск)
ПАС – Пензенский археологический сборник	УрГУ – Уральский государственный университет (Екатеринбург)
ПД II САК – Пленарный доклад II Северного археологического конгресса	УИБ – Уральский исторический вестник
ПМИ – Памятники мирового искусства	УФУ – Уральский федеральный университет им. Б. Ельцина (Екатеринбург)
РА – Российская археология	ХНКМ им. Л. Р. Кызласова – Хакасский национальный краеведческий музей им. Л. Р. Кызласова (Абакан)
РАН – Российская академия наук	ЯНАО – Ямало-Ненецкий автономный округ РФ
РДПИ – Русские древности в памятниках искусства	BMRP – British Museum Research Publication

ИСТОЧНИКИ РИСУНКОВ И ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Иллюстрации: Классическое, 2013 (1; 377; 503); Золотая, 2005 (7; 447); Сокровища хана, 1997 (40); Сокровища, 2000 (58; 205; 401; 402; 404); Гушин, 1936 (59); Jewelry, 2013 (110; 378); Сокровища, 2003 (111; 145–147; 149–153; 155–157; 379; 453); Недошивина, 2010 (114; 181); Кочевники, 2012 (125; 406; 502); Белавин, Крыласова, 2008 (138); Макарова, 1986 (140; 190); Зыков, Кокшаров, Терехова, Фёдорова, 1994 (143; 294); Фёдорова, 2005 (162–165; 166); Савельева, 1987 (171; 179); 120 лет, 2007 (168); Смирнов, 1964 (172); Бауло, 2007 (173); Тревер, Луконин, 1987 (174; 175); Рыбина, 2003 (182; 184); Полубояринова, 1988 (191); Лихачёв, 1891 (192); Великий, 2013 (209; 211); Иванова, Куликов, 2000 (236–243; 287); Голдина, Лещинская, Черных, Бернц, 2007 (193; 244; 306; 313); Каталог, 2009 (286); Панова, 1996 (245); Меч и златник, 2010 (246); Павлова, 2007 (253; 270; 345; 367); Казаков, 1985 (254–256); Полубояринова, 2008 (261); Полубояринова, 1991a (269); Curcic, Hadjityrphos, 2010 (272); Истомина, 1992 (295); Даркевич, Монгайт, 1978 (302); Коллекция, 2011 (303–305; 307–309); Белавин, 2000 (310); Тыниссон, 1962 (311); Талицкий, 1941 (312); Гольмстен, 1914 (319); Treasure, 2005 (328, 329); Наследие, 1996 (335; 343); Корзухина, 1954 (342); Рыбаков, 1971 (347); Толстой, Кондаков, 1897 (350); Адамова, 1996 (357; 372–375; 385; 386) Во дворцах, 2008 (359); Dschingis, 2005 (368–371; 376); Украшения, 1999 (380; 381); Дунн, 2007 (383); Jewelry, 1991 (382); Сокровища, 2007 (384); Крыласова, Белавин, 2008 (387); Зайцева, 2008a (390); China, 2004 (400); Орлов, 1986 (407); Вишневецкая,

2001 (419); Баранов, 2001 (415); Islam, 1985 (417; 418); Валиулина, 2004 (429); Гарустович, Валиуллин, 2008 (449); Степанова, 2008 (455); Сташенков, Кочкина, 2008 (504; 506); Строкова, 2006 (509); Ельников, 2002 (511); Винничек, 2003 (510). *Интернет-ресурсы:* <http://www.quickiwiki.com/ru/Ар-Пази> (70); https://ru.wikipedia.org/wiki/%C8%E1%ED_%D1%E8%ED%E0#mediaviewer/File:Avicenna-miniatur.jpg (71); http://www.russia.edu.ru/edu/description/history_edu/968/ (113); <http://old.kpfu.ru/archeol/> (189); <http://www.metmuseum.org/collection/highlights-of-the-collection> (457). Дополнение: Материалы по археологии восточных губерний России. М., 1886. Вып. 2: (80); илл. 72 предоставил З.Г. Шакиров.

Рисунки: Руденко, 2011b (8); Викторова, 2008 (14); Великий, 2013 (18); Сокровища, 2000 (18; 19); Сокровища, 2003 (21; 22); Доде, 2010 (23); Кочевники, 2013 (23); Шатунов, 2008 (25); Савельева, 1991 (32); Генинг, 1962 (38); Останина, 2011 (43); Dschingis, 2005 (72–75); Адамова, 1996 (76–80); The ancient, 1996 (82); Смирнов, Янина, 1967 (90); Даркевич, 1975a (91–95). *Интернет-ресурсы:* <http://www.metmuseum.org/collection/highlights-of-the-collection> (24).

Карты: Бируни, 1963: (4); Ланд, 2003: (3;5); Генинг, Халиков, 1964 (6); Казаков, 1992 (7); Монгайт, 1955 (10;11).

Примечание: сначала даётся ссылка на публикацию в списке литературы, затем, в круглых скобках порядковый номер иллюстрации или рисунка.

Руденко Константин Александрович

БУЛГАРСКОЕ СЕРЕБРО.
Древности Биляра. Том II

Фото: М. Ф. Гарифзянов, К. А. Руденко
Редактор, корректор: С. А. Ярмухаметова
Перевод на татарский язык: Л. Р. Надыршина
Перевод на английский язык: А. В. Сахаров

Обработка иллюстраций: Л. М. Курбангалеева, Г. А. Саморядова, Г. С. Яковлева
Дизайн, верстка: Г. С. Яковлева

Подписано в печать: 29.12.2014
Формат: 74х104 1/8. Печ. л. 66
Тираж: 1000 экз. Заказ:

Издательство «Заман»
Республика Татарстан, 420111, г. Казань, ул. Астрономическая, д. 8/21
Тел.: (843) 292-29-69
e-mail: info@zaman-izd.ru
www.zaman-izd.ru
2015